

V Съезд Общероссийской общественной организации
«Российское психологическое общество»

Москва, 14–18 февраля 2012 года

Научные материалы

Том III

Москва

2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Психология здоровья и клиническая психология.....	3
Психология современного мегаполиса	80
Психология современной семьи.....	124
Современные программы, методы, методики в научно-исследовательской и прикладной психологии.....	162
Психологическая практика.....	186
Психодиагностика	209
Развитие способностей в учебной и профессиональной деятельности.....	223
Психология и религия.....	269
Экзистенциальная психология	290
Психогенетика	331
Психология общения.....	348
Психология спорта.....	383
Культурно-деятельностная парадигма конструктивизма: методология междисциплинарного познания в сетевом столетии	398

Общероссийская общественная организация
«Российское психологическое общество»

www.РПО.РФ

Психология здоровья и клиническая психология

Проблема интернет – зависимости

Ю.А. Абдуллина (Уфа)

Problem the Internet – dependences – *J.A. Abdullina (Ufa)*

Аддиктивное поведение – это один из видов девиантного (отклоняющегося) поведения с формированием стремления к уходу от реальности путём искусственного изменения своего психического состояния. Зависимое (аддиктивное) поведение, в свою очередь, имеет множество подвидов, дифференцируемых преимущественно по объекту аддикции.

В последние годы распространённой формой зависимого поведения стала Интернет-зависимость. Интернет-зависимость – психическое расстройство, навязчивое желание подключиться к интернету и болезненная неспособность вовремя отключиться от интернета. Термин «Интернет-зависимость» еще в 1996 году предложил доктор Айвен Голдберг.

Проблема Интернет-зависимости выявилась с возрастанием популярности сети интернет. По мнению ведущих специалистов, возникновение Интернет-аддикции не подчиняется законам формирования традиционных зависимостей, например, от сигарет, наркотиков, алкоголя. Если для приобретения последних требуются годы, то Интернет-зависимость наступает гораздо быстрее. Как показывают данные психологов, подавляющее большинство людей приобретают Интернет-синдром в течение полугода после начала работы в интернете, проводя за компьютером до 18 часов в день. Резкий отказ от интернета вызывает у таких людей тревогу и эмоциональное возбуждение. Психиатры усматривают схожесть такой зависимости с чрезмерным увлечением азартными играми.

Специфические особенности протекания деятельности в интернет-среде, как элементе информационной среды, являются предметом исследований психологов (К. Young, I. Goldberg, L. Kennedy-Souza, А. Г. Асмолов, Ю. Д. Бабаева, В. А. Бурова (Лоскутова), А. Е. Войскунский, А. Жичкина, К. Мюррей, О. В. Смылова, Г. Д. Сугутская и др.). Интернет при этом рассматривается не просто как конгломерат компьютерных сетей, способ технических решений, а как сообщество связанных компьютерными сетями людей, активно действующих в новой интернет – среде.

В исследовании, проведённом психологами БашГУ, с использованием теста, предложенного Кимберли Янг, профессором психологии Питсбургского университета в Брэтфорде, участвовало 300 человек. Возраст опрошенных от 18 до 40 лет. По результатам исследований, из всего количества его участников 203 человека (68%) оказались Интернет – зависимыми. Среди зависимых было выявлено 128 мужчин (63%) и 75 женщин (37%). 69% опрошенных используют интернет для работы, остальные 31% исключительно для отдыха и развлечения, для многих из них сетевые дневники, форумы, чаты и просто бесцельное хождение по просторам виртуального пространства – то, без чего они уже не могут жить.

Привязанность человека к виртуальному миру – реальная проблема современного общества. Синдром Интернет – зависимости мало описан в научной литературе нашей страны. В основном исследования по данному вопросу ведутся за рубежом. Поэтому данная проблема на сегодняшний день является актуальной и требует тщательного изучения, для разработки эффективных программ профилактики и реабилитации.

Прогностическая компетентность в структуре личности врача и учителя: соотношения с уровнем здоровья

Д.В. Александров, Е.Л. Николаев (Чебоксары)

Prognostic competence in the structure of doctor's and teacher's personality: relations with the level of health — *D.V. Alexandrov, E.L. Nikolaev (Cheboksary)*

В данной работе представлены результаты сравнительного исследования взаимосвязи уровня здоровья врача и учителя с их способностью к предвосхищению предстоящих событий (прогностической компетентностью). Указанные особенности личности, свидетельствующие о высоком риске развития невротических расстройств, изучались при помощи теста антиципационной состоятельности В.Д. Менделевича. Под антиципационной состоятельностью (прогностической компетентностью) здесь понимается способность с высокой вероятностью предвосхищать ход событий, прогнозировать развитие ситуаций и собственные реакции на них и реагировать (действовать) с временно-пространственным упреждением.

При сравнении результатов исследования испытуемых с нормой видно, что большинство испытуемых характеризуются как лица, обладающие прогностической компетентностью. Сравнение результатов 145 учителей и врачей показало, что их средние значения достоверно не различаются, за исключением более высокого уровня общей антиципационной состоятельности врачей. Изучение структуры антиципационной несостоятельности показало, что среди учителей достоверно больше распространена личностно ситуативная и пространственная несостоятельность.

Достоверное снижение личностно-ситуативной состоятельности наблюдается при низком уровне здоровья и пространственной – при среднем уровне здоровья. В группе учителей эти различия также касаются показателей личностно-ситуативной и пространственной состоятельности. Пространственная состоятельность здесь также минимальна при среднем уровне здоровья, личностно-ситуативная состоятельность минимальна при высоком уровне здоровья. В группе врачей различия между группами испытуемых также достоверно связаны с показателями личностно-ситуативной и пространственной состоятельности. Здесь низкий уровень здоровья однозначно соответствует минимальному уровню личностно-ситуативной и пространственной состоятельности.

При более глубоком изучении специфики антиципационной состоятельности среди испытуемых с низким уровнем здоровья определяются достоверные различия между группами испытуемых по временной состоятельности. Это свидетельствует, о наличии у учителей с невысоким уровнем самочувствия хроноритмологической антиципационной несостоятельности и возможности дезадаптации по данному направлению.

Данная методика также позволяет выделить среди испытуемых лиц, имеющих риск непродуктивного копинга и низкой устойчивости к стрессовым событиям, и определить их долю в общем числе испытуемых. Так, среди врачей с низким уровнем здоровья доля испытуемых, имеющих личностно-ситуативную несостоятельность, достоверно выше, чем у учителей и достигает 96% от всех испытуемых, что позволяет предполагать легкость формирования у них внутриличностных невротических конфликтов. По остальным шкалам различий не наблюдается.

Посттравматический стресс и употребление психоактивных веществ в юношеском возрасте

Т.Д. Азарных (Воронеж)

Posttraumatic stress and increased use of alcohol at juvenile age — *T.D. Azarnyh (Voronezh)*

Целью настоящего исследования являлось изучение взаимосвязи между посттравматическим стрессом (ПС) и употреблением психоактивных веществ (ПАВ) у студентов. В качестве контрольной служила группа, в которой были указаны травматические события из

списка LEQ, но нет ПС. Исследования проведены на студентах в возрасте 18-20 лет дневных отделений государственных вузов г. Воронежа инженерных и экономических специальностей (1991 человек). Во всех случаях после психотравмы прошло не менее полугода (ПС). Определялись следующие показатели: уровни ПС (Миссисипская шкала, гражданский вариант (МШ)), Шкала оценки влияния травматических событий (ШОВТС)) и общей психопатологии, а также отдельных симптомокомплексов (SCL-90-R). Основанием для включения в группу с употреблением ПАВ служили положительные ответы на следующее утверждение в МШ: «Временами я употребляю алкоголь (наркотики, снотворные), чтобы помочь себе заснуть или забыть о тех вещах, которые случались со мной в прошлом».

Установлено, что в группе с ПС выше частота употребления ПАВ по сравнению с контрольной как у девушек, так и у юношей: 44,7 % против 19,7 % ($\chi^2 = 71,145$) и 48,9 % против 24,7 % ($\chi^2 = 28,603$), $p = 0,000$ в обоих случаях. При этом не установлено достоверной разницы между юношами и девушками как в группе с ПС, так и в контрольной. Это означает, что частота употребления ПАВ не зависит от пола.

В группе с употреблением ПАВ при ПС выше уровни как специфичных для него МШ и ШОВТС с ее подшкалами (вторжение, избегание, физиологическая реактивность), так и общей психопатологии (индексы тяжести GSI и наличного симптоматического дистресса PSDI) и отдельных симптомокомплексов (соматизации, обсессивности-компульсивности, тревожности, депрессии, фобической тревожности, враждебности, психотизма, межличностной сензитивности, паранойяльности) ($p = 0,000$ во всех случаях). Это означает, что употребление ПАВ напрямую связано с выраженностью эмоционального дискомфорта.

Кроме того, рассмотрены случаи употребления ПАВ в группе переживших стрессы другой этиологии (не входящих в список LEQ) и установлено, что частота употребления ПАВ в группе с травматическими событиями, входящими в список LEQ, по сравнению с не входящими в него, выше у девушек (44,1 % против 32,2 %, $\chi^2 = 4,312$, $p = 0,038$) и не различается у юношей (48,9 % против 41,2 %).

В группе с употреблением ПАВ при ПС выше также количество пережитых травматических событий как у девушек, так и у юношей, что означает, увеличение риска развития зависимости от ПАВ.

У девушек установлена разная степень выраженности употребления ПАВ (регистрируемая по баллу положительных ответов) в зависимости от вида психотравмы. Так, выше выраженность при следующих психотравмах: нападение без оружия и причинение травмы кем-либо, включая членов семьи; сексуальное насилие, сексуально окрашенные действия обратного характера; нападение с пистолетом, ножом кого-либо, включая члена семьи (по нисходящей). У юношей не обнаружено достоверных различий в выраженности употребления ПАВ в зависимости от вида психотравмы.

Таким образом, стрессы вообще и ПС в частности вносят существенный вклад в употребление ПАВ. Употребление ПАВ связано прямой зависимостью с выраженностью ПС, общей психопатологии и отдельных симптомокомплексов, количеством пережитых стрессов; а у девушек – и с видом психотравм.

Актуальность исследований процесса планирования для клинической психологии

А.А. Алексеев, Г.Е. Рупчев (Москва)

Relevance of the study of planning for clinical psychology — *A.A.Alexeyev, G.E.Rupchev (Moscow)*

Проблема регуляции деятельности является одновременно и традиционной и актуальной для психологической науки. Регуляции деятельности входит в область фундаментальных детерминант активности человека в мире. Ввиду своего особого положения в системе «человек-среда» регуляция деятельности, оказывает существенное влияние на ее продуктивность.

В то же время нарушения регуляции деятельности должны приводить к существенному снижению уровня функционирования и дезадаптации, чем в значительной степени обусловлен интерес к их исследованиям со стороны клинической психологии.

В настоящий момент регуляция деятельности рассматривает как сложное системно организованное явление, объединяющее комплекс взаимосвязанных процессов. Одним из таких процессов является процесс планирования.

Значимая роль планирования в жизни человека является очевидной. В своей жизни человек постоянно сталкивается с ситуациями, требующими построения новых планов. Неслучайным в этом смысле является и то, что «способность планировать собственную жизнедеятельность и реализовывать эти планы» является одним из 6 критериев психического здоровья ВОЗ.

Несмотря на свою значимость, процесс планирования является относительно мало разработанной областью в клинической психологии. В то же время исследования планирования могут иметь большое практическое значение для клинической психологии.

Во-первых, можно выделить психодиагностическое значение. Способность планировать свои действия и организовывать свое поведение может быть рассмотрена как мера качества жизни и адаптации.

Во-вторых, ввиду значимой роли планирования в процесс адаптации, его оценка у пациентов различных нозологических групп может иметь серьезное прогностическое значение.

В-третьих, разработка и внедрение методов психокоррекционного воздействия, направленных на формирование и восстановление способности планирования может стать важной частью реабилитационных мероприятий, особенно для тех групп пациентов, для которых нарушения процессов регуляции деятельности являются значимой частью клинической картины.

Алкогольная зависимость в подростковом возрасте – медико-психологические аспекты

А.Н. Алёхин (Санкт-Петербург), А.В. Локтева (Белгород)

Medico-psychological aspects of adolescent alcohol dependence –
A.N. Alexin (Saint Petersburg), A.V. Lokteva (Belgorod)

В последнее время наблюдается рост числа подростков, употребляющих алкоголь, с тенденцией к снижению возраста начала употребления. Проблема употребления алкоголя является мультифакторной. Можно систематизировать и обозначить следующие аспекты, оказывающие влияние на формирование алкоголизации подростков: социальные, психологические, медико-биологические.

К социальным аспектам употребления алкоголя относится нарушенная социальная микросреда, влияние традиций, принятых в группе сверстников, семье, в обществе в целом. Неблагоприятные семейные условия являются фактором риска алкоголизации подростков. Влияние на личность подростка оказывает стиль семейного воспитания, эмоциональная напряженность, конфликтность в семье. Употребление алкоголя одним из родителей может служить источником алкоголизации, т.к. нередко поведенческие реакции подростков усваиваются без сознательной проработки по механизму подражания. Немаловажную роль в подростковой алкоголизации играют сверстники. Подросток, попадая в асоциально ориентированную группу, следует нормам данной группы.

Следует выделить психологические факторы, оказывающие влияние на психогенез алкоголизации. Подростковый возраст сам по себе выступает как фактор риска приобщения к алкоголю, определяется как критический в плане социализации. Психологические трудности подростка могут возникнуть не только в результате физического, полового созревания, но и как следствие кризиса личности. Причинами алкоголизации могут стать сложности самоопределения, восприятие и оценка собственных возможностей, проблема идентификации, дисфункциональный опыт, опыт переживания психологической травмы. На процесс употребления алкоголя влияют

и такие личностные особенности, как низкая устойчивость к эмоциональным нагрузкам, повышенная тревожность, импульсивность, недостаточная социальная адаптация.

Таким образом, к психологическим факторам следует отнести: нравственную незрелость личности, индивидуально-психологические особенности личности, сложности пубертата, кризис формирования личности.

К медико-биологическим аспектам можно отнести генетический фактор (дети, родители которых употребляют алкоголь, чаще подвержены риску алкоголизации), расстройства поведения, психические нарушения. У подростков психические нарушения могут ускорить формирование зависимости. Физиологические особенности возрастного криза являются своеобразной благоприятной почвой, на которой алкоголь может дать быстрое развитие болезни.

С точки зрения психофизиологического концепта, можно проследить относительную динамику алкоголизации подростков. На начальном этапе подростки склонны употреблять алкоголь как средство, направленное на редукцию фрустрации, на снятие эмоционального напряжения. Постепенно происходит фиксация поведения, сталкиваясь с проблемами, подростки однотипно реагируют на стресс употреблением алкоголя. Данное поведение приобретает стойкий характер за счет повторных подкреплений. Со временем алкоголь становится необходимым элементом совладания со стрессовой ситуацией. При систематическом употреблении происходят изменения на биохимическом уровне, усугубляется алкоголизация, трансформируясь в устойчивую нозологическую единицу.

Таким образом, формирование алкогольной зависимости в подростковом возрасте детерминировано влиянием клинко-психологических факторов.

Взаимосвязь синдрома эмоционального выгорания и копинг-поведения социальных работников

Е.С. Асмаковец (Омск)

Interconnection of emotional burnout syndrome and coping behavior of social workmen — E.S. Asmakovets (Omsk)

Актуальность выявления взаимосвязи синдрома эмоционального выгорания и особенностей копинг-поведения социальных работников, обслуживающих пожилых людей на дому, обусловлена значением решения проблемы поиска «ресурсов», снижающих степень подверженности их эмоциональному выгоранию, которое оказывает негативное влияние не только на самих социальных работников, их деятельность и самочувствие, но и на тех, кто находится рядом с ними. Эмоциональное выгорание является следствием продолжительных рабочих стрессов, поэтому правомерно предположить, что от совладания со стрессом зависит развитие синдрома выгорания.

Наше исследование проводилось в январе – апреле 2009 года на базе комплексных центров социального обслуживания населения г. Омска. Выборку составили 259 человек (женщины, средний возраст – 46,4 года).

Для выявления особенностей синдрома эмоционального выгорания социальных работников, обслуживающих пожилых людей на дому, использовалась «Методика диагностики уровня эмоционального выгорания» В.В. Бойко. Для диагностики стратегий копинг-поведения – методику «Стратегии копинг-поведения» К. Карвера.

Среди выявленных нами взаимосвязей синдрома эмоционального выгорания социальных работников с копинг-стратегиями преобладают корреляции с неадаптивными стратегиями. Чем в большей степени социальные работники в стрессовой ситуации прибегают к таким стратегиям совладания, как фокус на эмоциях и их выражении, отрицание, поведенческое отстранение, ментальное отстранение, использование алкоголя, тем в большей степени у них проявляются симптомы выгорания

В то же время результаты исследования показали, что использование таких копинг-стратегий, как положительное истолкование и рост, принятие, снижает подверженность формированию

как отдельных симптомов («загнанность в клетку»), так и синдрома эмоционального выгорания в целом. Т.е. снижению подверженности синдрому эмоционального выгорания способствуют не все активные адаптивные копинг-стратегии, а только эмоциональные. Не было выявлено значимых корреляций синдрома выгорания с другими активными адаптивными копингами – когнитивными, поведенческими (активный копинг, планирование, поиск общественной поддержки).

Таким образом, для снижения подверженности выгоранию необходим внутренний ресурс, который, в первую очередь, связан не с активностью (когнитивной и поведенческой) в решении трудной ситуации, проблемы, а с отношением к ней (эмоциональные стратегии: принятие и положительное истолкование). Этому снижению будет способствовать развитие эмоциональных активных адаптивных копинг-стратегий: первый шаг – развитие навыков положительного истолкования и принятия трудных, стрессовых ситуаций, и, как следствие, второй шаг – снижение частоты использования неадаптивных стратегий.

Проблема дезадаптивного поведения умственно отсталых учащихся и основные аспекты психолого-педагогической работы

О.А. Бажукова (Махачкала)

The problem of maladaptive behavior of mentally retarded students and basic aspects of psychological and educational work – O.A. Bazbukova (Makhachkala)

Проблема дезадаптивного поведения носит междисциплинарный и дискуссионный характер. Взаимосвязанность термина «дезадаптивное поведение» с понятием «социальная норма» многократно усложняет проблему, поскольку границы нормы весьма условны.

Проблема изучения и воспитания детей с дезадаптивным поведением разрабатывалась на различных этапах развития российского общества в русле разных подходов. Однако до настоящего времени нет ясных представлений о системе психологических механизмов такой деформации развития личности подростка. В частности, недостаточно разработаны представления о возможных первичных дефектах в развитии личности, о степени их влияния на другие личностные качества, о характере и типах складывающихся взаимосвязей между различными качествами личности и образующихся при этом характерологических комплексов.

Результаты проведенного нами теоретического анализа позволили прийти к выводу, что дезадаптивное поведение умственно отсталых учащихся чаще всего характеризуется повышением агрессивности, конфликтности, либо тревожностью, наличием страхов, замкнутостью. Имеются и другие характеристики, но в большинстве исследований подчеркивается неадекватность реакции на фрустрирующую ситуацию. Это позволило нам прийти к выводу, что в условиях коррекционно-образовательного учреждения VIII вида, прежде всего, необходима организация работы по коррекции социально-дезадаптивного поведения воспитанников по четырем основным векторам воздействия: ребенок, родитель, учитель, среда. Дополнительным фактором, объединяющим эти векторы, является их результирующее взаимодействие.

В основе психолого-педагогической работы с умственно отсталыми детьми нами были выбраны следующие направления:

1. Выявление факторов, приводящих к возникновению социально-дезадаптированного поведения (помимо основного дефекта – умственной отсталости) ребенка.
2. Систематическое выстроенное психолого-педагогическое воздействие, направленное на развитие определенных социальных навыков и умений у ребенка: позитивное взаимодействие, решение конфликтных ситуаций, отработка способов успешной коммуникации, формирование социальной адекватности, социальной чувствительности, корректировка самооценки.
3. Работа с семьей, направленная на повышение компетентности родителей, что необходимо для создания благоприятных условий развития и образования детей.

4. Работа с психолого-педагогическим коллективом и создание оптимальной образовательной среды.
5. Работа с общественностью. Результаты социологического исследования с использованием разработанного нами опросника показали, что по отношению к людям с интеллектуальными нарушениями, многие опрошенные г.Махачкалы испытывают неприязненное личное отношение. Каждый второй опрошенный дагестанец из выборки (300 чел.) в возрасте от 17 до 60 лет признается в том, что плохо понимает психологию умственно отсталых.

Качество жизни девочек-подростков с дисфункцией гипоталамуса

А.В. Баранова (Москва)

Quality of life adolescent girls with hypothalamic dysfunction – *A.V. Baranova (Moscow)*

В условиях современного демографического кризиса проблема репродуктивного здоровья подрастающего поколения приобрела чрезвычайную актуальность. Среди форм нейроэндокринной патологии в подростковый период существенное место занимает дисфункция гипоталамуса (ГД), среди многообразия клинических проявлений которой в большинстве случаев ожирение, вегетативные, эндокринные и трофические расстройства. Социальная значимость сочетания избыточной массы тела и эндокринных нарушений в подростковом возрасте определяется не только большой частотой осложнений, но и развитием психических расстройств, что создает трудности, как в семье, так и в процессе школьного обучения, приводит к стойкой социальной дезадаптации, что само по себе ухудшает прогноз имеющегося заболевания. Такие тенденции определяют комплексный подход к изучению состояния здоровья подростков не только с позиции отдельных клинических проявлений, но и качества жизни (КЖ) в целом. Целью данного исследования явилось проанализировать структуру психо-эмоциональных и общесоматических показателей, влияющих на КЖ пациенток подросткового возраста с ГД. Были обследованы 83 девочки с ГД (средний возраст $15,4 \pm 1,9$). Для девочек с ГД был характерен общий отягощенный преморбидный фон: сочетание хронических (40%) и частых острых инфекционных заболеваний (75%), обуславливающих пропуск занятий в школе и посещения врачей, что также учитывается при анализе КЖ таких подростков. Среди общесоматических проявлений девочки с ГД предъявляли жалобы на недовольство своим внешним видом по сравнению со сверстницами. Было выявлено ускорение темпов физического развития, по данным рентгенологического исследования кистей рук наблюдалось опережение биологическим возрастом паспортного (33%), а по антропометрическим показателям – высокорослость (43%), особенно на фоне превышения массы тела. Наиболее частые жалобы были на избыточную массу тела (49%) и ожирение (28%), повышенный рост волос на теле (60%), трофические изменения кожи в виде полос растяжения белого и багрового цвета (69%), что формировало у девочек ощущение собственного несовершенства, а потеря привлекательности из-за возникшего заболевания снижала КЖ подростков, способствовала формированию комплекса неполноценности, акцентуации на своем состоянии, усугубляющем течение и прогноз заболевания. Проанализирована характерная психо-эмоциональная составляющая КЖ девочек с ГД, в виде частых жалоб на упорные головные боли (43%), эмоциональную нестабильность, неуверенность в себе (32%), высокую тревожность, конфликтность, тошноту и рвоту при эмоциональной нагрузке (5%), головокружения и обмороки (15%), утомляемость и слабость (52%), расстройства сна (18%). Приведенные нарушения также обуславливают трудности в межличностных отношениях, учебе, ограничивают физическую и психическую активность и препятствуют социальной адаптации подростков. В заключении, надо отметить, что требуется дальнейшее углубленное изучение интегральной оценки здоровья девочек с ГД с позиции качества жизни, что планируется провести на следующем этапе исследования.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-06-00930а/.

Трактовки эмоционального выгорания специалистов помогающих профессий: соотношение диагностики и профилактики в процессе профессиональной подготовки

В.В. Болучевская, Т.В. Черникова (Волгоград)

Interpretation of helping profession specialists emotional burnout: ratio diagnostics and prophylaxes during professional training — *V.V. Boluchevskaya, T.V. Chernikova (Volgograd)*

Теоретико-методологический анализ проблемы эмоционального выгорания специалистов помогающих профессий позволяет констатировать разнообразие подходов к диагностике и психологической профилактике данного синдрома. В контексте получения профессионального образования или повышения квалификации соотношение диагностических и профилактических мероприятий проявляется в трех основных направлениях.

Проведенное авторами в Волгоградском государственном медицинском университете исследование (N=279) позволило выявить три группы предпосылок эмоционального выгорания: конституционально-физиологические (прежде всего, личностная выносливость и полоролевые различия), предметно-профессиональные (как особенности специальности, так и свойственные работникам социально-психологические установки) и личностно-психологические (креативность, интернальность субъективного контроля и стрессоустойчивость).

С учетом выявленных предпосылок разработан комплекс учебных заданий с психопрофилактическим компонентом, оформленный в виде рефлексивного индивидуального дневника студента (профессионально-личностного портфолио). Такой дневник выступает для преподавателя удобной учебно-методической формой организации рейтинга студентов, а для последних – эффективным средством профессионального развития и сохранения оптимального психоэмоционального тонуса.

Следует подчеркнуть, что именно третье направление приобретает особую актуальность в свете вводимых новых ФГОС ВПО с их требованиями к профессиональной компетентности выпускников, т.к. оно дает возможность включить в обязательное содержание учебных занятий психологические мероприятия по укреплению эмоционального здоровья студентов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и АВО в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Эмоциональное выгорание: диагностика предпосылок и психопрофилактика у выпускников медицинского вуза», проект № 11-16-34003а/В.

Психологические факторы, влияющие на репродуктивное здоровье женщины

Е.В. Белинская (Ростов-на-Дону)

Psychological factors affecting women's reproductive health — *E.V. Belinskaya (Rostov-on-Don)*

Одной из актуальных проблем современной семьи является бесплодие. С каждым годом наблюдается увеличение числа семейных пар, столкнувшихся с данной проблемой. Это побудило нас исследовать психологические факторы, влияющие на репродуктивное здоровье женщин.

Проведенное нами исследование показало, что в отечественной и зарубежной перинатальной психологии выделяются следующие главные факторы, определяющие проблему женского бесплодия: негативные чувства к Собственному Я, проецирование этих чувств на плод, что приводит к формированию вытесненных негативных составляющих образа ребенка; ранние неосознаваемые внутриличностные конфликты, сформированные в отношениях с матерью; ранний разрыв привязанности с матерью, формирующий амбивалентные чувства к ней и регрессивную фиксацию на инфантильной стадии эмоционального роста; искаженные установки по отношению к противоположному полу и повреждение привязанности к мужчине вследствие нарушения отношений с отцом; неприятие своей женской идентичности и как

следствие искажение полоролевого поведения; отсутствие внутренних ресурсов, необходимых для проживания пренатального этапа материнства.

Нам показалось интересным исследовать личностные особенности женщин с нарушением репродуктивной функции. Сравнение женщин, страдающих бесплодием, со здоровыми в репродуктивном отношении женщинами показало, что для первых характерны следующие особенности: недостаточность способности к социальной адаптации; общая инфантильность, проявляющаяся незрелостью личностной сферы, искаженной или незрелой полоролевой идентификацией; неадекватные (инфантильные, дезадаптивные) формы реагирования на стрессовые ситуации; эмоциональная неустойчивость; внутренняя конфликтность; базовое недоверие к окружающему миру, сочетающееся с зависимостью от других; повышенный уровень личностной и ситуативной тревожности; заниженная самооценка или компенсировано заниженная самооценка; подавленная агрессия разной направленности; осложненные отношения с другими людьми, прежде всего — близкими, деструктивный опыт отношений с собственной матерью.

Исследование обнаружило, что феномен бесплодия вписан в порочный круг стресса. Хронически высокий уровень стресса, отсутствие моделей его эффективного преодоления приводит к тому, что организм женщины вынужден защищаться от беременности. Защита необходима в силу того, что беременность всегда является критическим периодом жизни, а дополнительное напряжение пренатального периода может угрожать целостности психики женщины, у которой отсутствует толерантность к стрессу. При этом бесплодие, являющееся защитой от повышения и так высокого уровня стресса, само в свою очередь стимулирует рост фрустрации, а вслед за ним и стресса.

В свою очередь выявлено, что на уровень толерантности к стрессу, который определяет степень психологической фертильности женщины, оказывает непосредственное влияние Я-концепция женщины в целом и ее самооценка в частности, а также сформированность полоролевой идентификации по фемининному типу. К искаженному представлению о самой себе, дезинтегрированности Я-концепции, разрушению самооценки приводит родительский синдром неодобрения, прежде всего неудовлетворяющий опыт телесного общения с матерью. Такая женщина становится бесплодной, так как бессознательно стремится изгнать в лице плода аспект плохого Собственного Я.

Выявленные нами психологические факторы показывают, что привлечение психологов к проблеме бесплодия может способствовать повышению результативности лечения.

Механизмы психологической защиты и смысл жизни как факторы субъективной оценки качества сна

С.Н. Борисова (Пермь)

Mechanisms of psychological protection and life's meaning as factors of dream quality value judgment — S.N. Borisova (Perm)

Сон и бодрствование традиционно изучались как физиологические феномены. Сон определялся как функциональное состояние мозга и всего организма человека и животных. Однако многие исследователи сегодня указывают на ограниченность биологического подхода к исследованию витальных функций человека, таких как сон, сексуальность и др., ставится задача выяснения психологических механизмов регуляции сна, связей его параметров с личностными свойствами. Феномен сна и его связь с психической реальностью человека становится предметом психологических исследований. В нашем исследовании была поставлена задача — выяснить, как механизмы психологической защиты и смысл жизни влияют на субъективную оценку качества сна. Теоретическая актуальность работы связана с тем, она представляет собой попытку преодолеть «теоретическую невидимость» для психологии сна человека. В исследовании приняли участие 319 человек, проживающих в г. Перми и Пермском крае. Параметры качества сна выявлялись при помощи Оксфордского опросника Качества сна. Опросник был разработан А.Г.

Harvey и предоставлен в рамках программы сотрудничества университетов Перми и Оксфорда. Объективность, надежность и валидность этой диагностической методики подтверждены с помощью психометрических процедур: экспертной оценки, оценки надежности, оценки дискриминативности, оценки валидности. Также были использованы методики «Индекс жизненного стиля», Р. Плутчика в адаптации Е.Б. Клубовой и Тест смысловых ориентаций Дж. Крамбо и Л. Махолика. Вся выборка была поделена нами на две подвыборки: лица, удовлетворенные своим сном, и лица, признающие наличие проблем. Сравнительный анализ с применением критерия Стьюдента показал, что у испытуемых, бессонницей, более выражены МПЗ отрицание и компенсация (76,7 и 58,50, $p < 0,001$ и 83,7 и 68,70, $p < 0,002$). Корреляционный анализ выявил отрицательную взаимосвязь интеллектуализации с показателями качества сна: чувство высыпания и беспокойства ($p < 0,01$). Чувство высыпания обнаруживает обратную взаимосвязь с вытеснением ($p < 0,05$). Чувство дискомфорта отрицательно коррелирует с механизмом реактивное образование ($p < 0,05$) и положительно – с чуткостью сна, качеством сна и беспокойством ($p < 0,05$). Выявлены положительные взаимосвязи чувства высыпания, дискомфорта и замещения ($p < 0,05$). Полученные данные говорят, что роль МПЗ в регуляции сна очевидна. У испытуемых, не страдающих бессонницей, значимо выше показатели смысловых ориентаций: уровень осмысленности жизни (104,1 и 93,4, $p < 0,013$), результат, локус (26,7 и 22,7, $p < 0,005$), контроль–Я (21,2 и 19,0, $p < 0,040$), локус контроля – Жизнь (31,0 и 27,1, $p < 0,024$), т.е. для людей, страдающих бессонницей свойственны неудовлетворенность результатом жизни, неверие в свои силы и способность контролировать события собственной жизни. Корреляционный анализ выявил большую плотность статистически значимых корреляционных связей в выборке испытуемых, страдающих бессонницей (61 связь, 23 из которых на уровне $p < 0,01$), что, по-видимому, является свидетельством более жесткой системы саморегуляции. В выборке испытуемых, не страдающих бессонницей – 49 статистически достоверных взаимосвязей, 16 из которых на уровне $p < 0,01$. Полученные данные позволяют говорить о тесном взаимодействии личностной организации и механизмах регуляции сна.

Новые методы диагностики и коррекции психосоматических дисфункций

О.С. Булгакова (Санкт-Петербург)

New diagnostics and correction methods of psychosomatic dysfunctions — O.S. Bulgakova (St.-Petersburg)

Целью данной работы была разработка новых методов обследования и коррекции при психосоматических дисфункциях. В качестве испытуемых было обследовано 649 человек. Они были разделены на 6 групп, которые отражали специфику обследования, реабилитации и контроля.

В новые методы диагностики вошли: определение двойной «расщепленной» тревожности, вариабельность субъективного времени как показатель нормы и адаптивности организма, клинический и биохимический анализы крови, метод «Установки позитивной доминанты».

В результате экспериментальной работы были сделаны следующие выводы:

1. В процессе коррекционных процедур была выявлена «двойная расщепленная тревожность», которая отражает психологическую неустойчивость и может быть выражена в процентном отношении при тестировании с помощью зрительно-аналоговой шкалы. Это состояние является динамическим и может показывать изменение и устойчивость эмоционального состояния при коррекционных процедурах, эффективность коррекции и правильность выбранной методики.
2. Тест на «вариабельность субъективного времени» показывает, что у здоровых людей наилучшие адаптационные способности проявляются при более сильной вариативности субъективного времени, но необходимо учитывать первичное функциональное состояние.
3. Метод «Установки позитивной доминанты» является одновременно и диагностическим и коррекционным методом. При первичном применении дается оценка

психологическому состоянию, а при дальнейшем использовании формируется доминирующая психологическая установка, помогающая видеть события жизни в более позитивном аспекте и, как следствие, повышается качество жизни, улучшается психологическое состояние, практически исчезают психогенные дисфункции.

4. Клинический анализ крови является динамическим показателем состояния при стрессе. При хроническом стрессе форменные элементы крови не выходят за рамки референтных интервалов. При вегетативном балансе количество клеток приближается к среднему арифметическому. Этот анализ является экспресс-методом определения состояния симпато-парасимпатического доминирования и может показывать динамику состояния.
5. Биохимический анализ крови меняется под воздействием длительного стресса, его параметры не выходят за рамки референтных интервалов. Этот анализ показывает состояние симпато-парасимпатического доминирования. Вегетативный баланс проявляется в приближении к среднему арифметическому референтного интервала. Может при необходимости быть применен как метод, показывающий динамику состояния.

Таким образом, необходимо более эффективно внедрять и применять новые психологические и психофизиологические методы коррекции при психосоматических нарушениях, а применение новых методов диагностики может помочь отслеживать динамику состояния.

Значение семейной поддержки в социально-психологической адаптации пациентов с ПТСР

Ю.В. Быховец (Москва)

Value of family support in socially-psychological adaptation of PTSD patients — *J.V. Bykhovets (Moscow)*

Диапазон клинических проявлений воздействия экстремальных факторов на психику человека очень широк и включает: острое стрессовое расстройство, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), депрессия, паническое расстройство и др. Психологические аспекты этих нарушений, особенно ПТСР, интенсивно изучаются, однако меньше всего специалисты уделили внимание эмпирическому исследованию роли семьи в социально-психологической адаптации лиц с ПТСР, что можно объяснить сложностью организации таких исследований, а также отсутствием специально сконструированного для таких целей психологического инструментария.

Между тем, известно, что наличие симптомов ПТСР у одного из членов семьи оказывает влияние на её функционирование. Исследования показали, что семьи, в которых у одного из родителей проявляются признаки ПТСР, характеризовались большим количеством конфликтов, супружеских проблем и проблемным поведением детей по сравнению с психологически благополучными семьями. Симптомы ПТСР заставляют человека оценивать окружение с точки зрения опасности, что проявляется в поведении, которое близким родственникам трудно понять и принять. В условиях повышенной бдительности и чувствительности малейший по интенсивности отрицательный стимул может вызвать внезапную вспышку негативных эмоций. Возрастает агрессия по отношению к членам семьи и самому себе. Произвольное сдерживание мыслей и недостаточное отреагирование возникающих эмоций приводит к ещё большему росту агрессивности, закреплению импульсивных поведенческих реакций. Нередко разрешением такой ситуации для личности становится алкоголизация, наркотизация и суицидальное поведение.

Семья способна оказывать либо поддержку, либо отягощать наличную симптоматику ПТСР. В литературе приводятся данные о росте уровня насилия, увеличении числа разводов в семьях лиц, имеющих ПТСР.

Семья во многом может помочь члену семьи с ПТСР справиться с болезнью. Важно понять, что поведение члена семьи не обязательно указывает на его истинные чувства. К примеру, он может хотеть проводить время с друзьями и семьей, но он слишком боится навязчивых мыслей и воспоминаний прошлого. Для членов семьи важно понять эти симптомы

и их воздействие на поведение. Семья также должна знать пусковые триггеры, которые приводят к таким симптомам. Например, если Вы знаете, что ночные новости по телевидению вызывают симптомы ПТСР у члена семьи, Вы можете помочь запланировать проведение вечернего времени с учетом этой информации. Члены семьи могут также чувствовать, что будто их любимый человек эмоционально отдалился от них. Однако, это не личный выбор со стороны человека с ПТСР. Люди с ПТСР испытали страх, ужас, чувство беспомощности высокой интенсивности. У них проявляется уплощенность аффекта, т.е. неспособность переживать определенные эмоции (DSM-IV, 1994). Симптомы ПТСР – это попытка психики справиться с чрезвычайным стрессом. Восстановление после ПТСР может быть длительным, но поддержка и понимание семьи могут быть неопределимыми фактором на этом пути.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 11-06-00127а).

Курс «Культура здоровья» как фактор повышения конкурентоспособности выпускника ВУЗа

О.С. Васильева (Ростов-на-Дону), Т.В. Бюндюгова (Таганрог)

The course «Health culture» like the factor of rising personal competitiveness graduated student –
O.S. Vasilieva (Rostov-on-Don), T.V. Byundyugova (Tagandog)

Понятие «конкурентоспособность» можно определить как «свойство объекта, характеризующееся степенью удовлетворения им конкретной потребности по сравнению с аналогичными объектами, представленными на данном рынке». В качестве интегрирующей характеристики для развития конкурентоспособности современного выпускника ВУЗа мы рассматриваем развитие и сохранение всех аспектов здоровья личности. Для этого был разработан курс «Культура здоровья», который читался на разных факультетах ВУЗа. Сначала в течение нескольких лет преподавания проводился мониторинг отношения студентов разных специальностей к читаемому курсу. В рамках анкетирования студентам был предложен ряд вопросов, которые выявляли общий интерес к курсу, оценку его значимости, перечень желаемых тем и изменений в курсе. По результатам можно говорить об однозначно высокой оценке необходимости данного курса, его содержания и формы подачи материала для студентов, что говорит о повышенном интересе к различным аспектам здоровья.

Среди наиболее интересных тем, студенты отметили следующие:

- перинатальная психология, внутриутробный период развития;
- влияние курения/алкоголя на здоровье человека
- культура питания
- психология профессионального здоровья
- психология общения

Перечень наиболее интересных тем так же, как и тех, которые понравились во время курса, связан с личностью студента, а не окружающими людьми.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам:

- во-первых, студенты сфокусированы на своей личности, а не отношениях с окружающими или самих окружающих;
- во-вторых, в рамках работы со своим здоровьем, необходимо использовать больше практических упражнений;
- в-третьих, у студентов выражена потребность в самопознании, поэтому важно использовать тесты на занятиях по курсу «Культура здоровья».

После этого мы провели экспериментальное исследование, которое заключалось в проведении теста на конкурентоспособность до и после прочтения курса «Культура здоровья» и сравнили результаты.

Анализируя их можно говорить о том, что уровень личностной конкурентоспособности в обеих группах достаточно невысокий: практически все показатели на среднем уровне. В

экспериментальной группе замечается значительное повышение численных показателей после прочтения курса. Эти результаты еще раз подчеркивают значимость применения разработанной программы курса. С помощью U-критерия Манна-Уитни мы проверили значимость различий. $U_{эмп} = 0,124$, что значимо на уровне 0,01. В контрольной группе значимых различий не обнаружено. Можно говорить, что прочтение курса «Культура здоровья» связано с повышением уровня конкурентоспособности личности.

Следовательно, для того, чтобы быть успешным и конкурентоспособным на рынке труда, необходимо учиться адаптироваться к новым условиям. В основе адаптации, прежде всего, лежит грамотное распределение сил, ресурсов, то есть сохранение и развитие основных аспектов здоровья личности.

Курс «Культура здоровья» как средство формирования адекватных представлений о здоровье и путях его совершенствования у студентов

О.С. Васильева (Ростов-на-Дону)

The course «Culture of Health» as a means of creation adequate ideas about health and ways of its perfection at students — O.S. Vasilieva (Rostov-on-Don)

В рамках учебно-методической и научно-практической работы кафедры «Психологии здоровья» психологического факультета ЮФУ был разработан и в течение семи лет читается на разных факультетах курс «Психология и Культура здоровья». Стратегической целью курса «Психология и Культура здоровья» является развитие целостного конструктивного отношения к себе и к миру на глубинном мировоззренческом уровне, а также обеспечение условий, необходимых для преобразования неадекватных представлений, стереотипов, установок, вредных привычек, предубеждений. Эти цели решаются в частности через трансляцию конкретных технологий оздоровления организма и психики. Данный проект включает в себя комплекс объединенных общей концепцией лекций, семинарских и практических занятий, тренингов и индивидуальных консультаций, а также координацию работы студенческих клубов и групп взаимопомощи. В процессе реализации проекта решаются следующие задачи: 1) Просвещение студенчества в сфере физического, психического, социального и духовного здоровья и формирование адекватных представлений о здоровье и путях его совершенствования. 2) Коррекция неадекватных установок и дефицитарных представлений о здоровье и здоровом образе жизни, обусловленных недостаточным знанием и нерациональным использованием собственных внутриличностных ресурсов 3). Обучение студентов эффективным технологиям самооздоровления, саморегуляции, преодоления негативных последствий стрессовых, экстремальных и кризисных ситуаций, творческого самораскрытия. 4) Психологическая помощь студентам в процессах социальной адаптации и самоопределения (в форме психологического консультирования). 5) Организация среди студентов групп взаимопомощи, клубов и объединений на основе идеологии здорового образа жизни. 6) Проведение тренингов, семинаров, групп самопознания и личностного роста. 7) Трансляция студентам основных принципов здорового, целостного мировоззрения и самоотношения, выработка у них устойчивых навыков холистического мышления. Объединение образовательных и коммуникативных процессов в единое пролонгированное пространство способствует повышению уровня эрудированности студентов и общей эффективности образовательных программ.

Для оценки эффективности нашей работы проводится двухэтапная (в начале и в конце учебного курса) диагностика социальных установок в области здоровья. Исследуются: представление о здоровье, уровень личной ответственности за здоровье, готовность к здоровому поведению и т.д. Установлено, что по окончании студентами учебного курса «Психология здоровья» происходят значимые изменения исследуемых параметров. Существенно выросла значимость здоровья как основы самореализации и развития личности. Современное образование все более сосредотачивается на тактических моментах, так называемых ЗУНах

(знаниях, умениях, навыках), совершенствуя технологию подготовки «индустриального человека». Однако, мы живем в информационном обществе, в настоящее время переходим к новому этапу его технологического развития – этапу нанотехнологий, в котором как никогда целостность и нравственность являются условием дальнейшего развития человечества. И вызов времени таков, что, главное, чему нужно учить – это готовности к изменениям в быстро меняющемся мире и способности действовать в соответствии с нравственным законом внутри нас.

Молекулярно-генетические корреляты избирательного внимания при шизофрении

В.Е. Голимбет, И.С. Лебедева (Москва)

Molecular-genetic correlates of selective attention in schizophrenia – *V.E. Golimbet, I.S. Lebedeva (Moscow)*

Многочисленные исследования показали, что при шизофрении и аффективных расстройствах имеют место изменения параметров слуховых вызванных потенциалов, зарегистрированных в т.н. парадигме oddball (парадигма P300). В частности, у больных по сравнению с психически здоровыми людьми обнаружены увеличение латентного периода и уменьшение амплитуды ранних и поздних волн. Обсуждаются возможности использования этих показателей в качестве маркеров генетической предрасположенности к эндогенным психическим заболеваниям, патофизиологических маркеров, а также показателей степени когнитивных нарушений. В то же время очень мало известно о молекулярно-генетических коррелятах указанных параметров. В докладе будут представлены результаты поиска ассоциации между полиморфизмами некоторых генов, в том числе генов дофаминового рецептора 2 (DRD2), переносчика серотонина (5-HTTLPR), катехол-О-метил-трансферазы (COMT), нейротрофического мозгового фактора (BDNF), цистатионин-бета-синтазы (ЦБС), и особенностями слуховых вызванных потенциалов у больных шизофренией и шизоаффективными расстройствами. В частности, показано, что полиморфизмы Val66Met BDNF и 5-HTTLPR оказывают значимый эффект на амплитуду волны N100. Полиморфизм Val158Met COMT был ассоциирован с длительностью латентных периодов и амплитудами волн N100 на незначимый стимул, N100 на значимый стимул, N200 и P300. При исследовании полиморфизма Ser311Cys DRD2 обнаружено значимое влияние генотипа на латентный период волны P300. Выявлена ассоциация полиморфизма 844ins68 ЦБС с латентными периодами волны N100 у женщин, но не у мужчин. Во всех случаях нейрофизиологические маркеры шизофрении (увеличение латентного периода и уменьшение амплитуды ранних и поздних волн) были связаны с наличием генотипа, ассоциированного с шизофренией.

Квантификация / квалификация в психологии здоровья

Ж.М. Глозман (Москва)

Quantification / qualification in the psychology of health – *J.M. Glozman (Moscow)*

Биология здоровья всегда руководствуется количественным подходом, начиная с подсчета количества измеряемых единиц в анализе крови и заканчивая определением процента снижения кровотока в мозговых сосудах. Но, к сожалению, и психология здоровья очень часто основывается на определении психологом количественных показателей, типа: числа симптомов, требуемых для постановки диагноза по классификациям DSM-4 или МКБ -10, или баллом IQ для установления умственной отсталости. Пациент при этом остается пассивным объектом наблюдения или измерения, что в корне противоречит методологическим принципам отечественной психологии.

В рамках деятельностного подхода важным представляется выяснение вариантов восприятия и оценки пациентами своего заболевания, его отдельных симптомов и их последствий,

сопоставление внешней и внутренней картины болезни, исследование динамики самооценки и образа Я в ходе реабилитации, выделение проявлений заболевания, оказывающих наиболее негативное влияние на качество жизни больных, выявление саногенетических ресурсов пациентов.

Это позволяет посмотреть на картину болезни / здоровья с позиции самого субъекта, «автора» своего заболевания, а не «зрителя» и стороннего наблюдателя, а значит лечить каждого конкретного человека, а не обобщенную болезнь. По нашему мнению, выдвигая личность пациента в качестве основного системообразующего и целеполагающего фактора реабилитации, подбирая адекватные не только болезни, но и сообразные эмоционально-личностным особенностям больного методы, возможно понять, почему два больных с приблизительно одинаковой степенью выраженности одного заболевания, сходным лечением и динамикой симптомов, разительно отличаются по характеру эмоционального реагирования на свое состояние.

Такой подход важен не только для теории, но и для психологической практики. Исследование пациента через призму его психической деятельности и самовосприятия даст возможность обозначить наиболее важные мишени для коррекции, определить тактику восстановительной работы и выделить критерии оценки ее эффективности.

Эти теоретические положения будут проанализированы в докладе на материале экспериментальных лонгитюдных исследований внутренней картины болезни и качества жизни нейрохирургических и неврологических больных в динамике нейропсихологической, фармакологической и хирургической реабилитации. Исследования показали взаимосвязь субъективных и объективных факторов здоровья и качества жизни, причем субъективные факторы нередко имеют определяющее значение для взрослых пациентов и значительно меньшее в детском возрасте.

Самосознание в условиях сахарного диабета

Е.А. Горина (Магадан)

Consciousness in condition of the sugar diabetes —*E.A. Gorina (Magadan)*

Как бы ни называли сахарный диабет «особым образом жизни», при котором необходимо лишь следовать расписанию приемов пищи, контролировать уровень сахара в крови и заниматься физической культурой, это заболевание остается хроническим, в большинстве случаев неизлечимым, приводящим ко множеству осложнений, и требующим особого отношения больного к своему заболеванию и к себе. Сфера самосознания человека, включающая его самочувствие, самооценку и самоотношение, может быть подвержена изменениям в связи с заболеванием сахарным диабетом.

В начале 2011 года нами было проведено исследование, основной целью которого стало выявление особенностей сферы самосознания людей, больных сахарным диабетом.

В исследовании приняли участие 19 больных сахарным диабетом. На момент исследования 9 из 19 испытуемых находились на стационарном лечении в Магаданской областной больнице. Возраст испытуемых от 19 до 75 лет. Срок заболевания от 3 месяцев до 32 лет.

Нами была использована анкета, методика свободного самоописания (МСС), методика исследования самооценки по Дембо – Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан, методика исследования самоотношения С. Р. Панталева.

Были получены следующие результаты. Низкий уровень актуальной самооценки показали 7 испытуемых (41,2%), из которых шесть (35,3%) находились на стационарном лечении. После статистической обработки данных, мы сделали вывод: ухудшение течения заболевания, которое приводит к госпитализации, снижает актуальную самооценку больных сахарным диабетом.

Испытуемым была предложена методика свободного самоописания. На основании полученных самоописаний были выделены характеристики, наиболее часто встречающиеся у испытуемых. Данные характеристики были объединены в определенные категории. Нами было подсчитано

количество испытуемых, упоминающих в своем описании представленные характеристики, среди находящихся на стационарном лечении и среди амбулаторных больных. Результаты были обработаны статистически с помощью критерия «угловое преобразование Фишера».

По полученным результатам мы сделали следующий вывод:

У больных сахарным диабетом при стабильном течении заболевания по сравнению с больными в стадии обострения заболевания наблюдается явление компенсации в сфере самосознания, которое выражается в позитивном отношении к себе и жизни в целом, оптимизме, чувстве юмора и общительности. При обострении течения заболевания характер самосознания менее благоприятен.

Для исследования самоотношения испытуемых была использована МИС С.Р. Пантилеева. Нами была поставлена гипотеза о влиянии формы заболевания на сферу самосознания: применение инсулинотерапии приводит к формированию особых качеств личности, таких как дисциплинированность, самоконтроль, организованность, которые проявляются в самосознании в виде повышенного саморуководства. По шкале №3 «саморуководство» среднее значение показателя в группе испытуемых, применяющих инсулинотерапию в лечении составило 6,8; в группе испытуемых, не применяющих инсулинотерапию – 6. Статистическая обработка с помощью критерия Манна – Уитни не показала значимых различий в уровне показателей испытуемых по данной шкале. Это говорит о том, что в данных группах больных самоотношение типично, сходно.

Таким образом, мы сделали вывод о влиянии клинической динамики заболевания на самосознание больного сахарным диабетом. Выявить влияние формы заболевания на самосознание в нашем исследовании не удалось.

Переживание женщинами телесных изменений в начальном периоде менопаузы

Н.М. Горчакова (Санкт-Петербург)

Women experience of corporal changes in a menopause initial stage — *N.M. Gorchakova (Sankt-Petersburg)*

Период менопаузы характеризуется изменениями, происходящими с женщиной, с ее телом и, зачастую, это отражается на ее взаимоотношениях с окружающими. Важно отметить, что изменения на внешнем уровне вызваны внутренней трансформацией, в которой пребывает женщина в данный период. Эти изменения отражаются на эмоциональном фоне и социальных отношениях и требуют корректировки. Проблема субъективного переживания менопаузы становится запросом на проведение глубокой личностной работы, результатом которой могут быть как принятие себя, своего тела, своего нового статуса и восприятия жизни, так и освобождение от внутренних конфликтов, препятствующих психологическому комфорту и личностному развитию женщины. В соответствии с заданной проблемой было проведено исследование отношения женщин к периоду менопаузы, отношение к телесным изменениям, происходящим с женщинами в этот период. Были выявлены особенности межличностных отношений, «психологическая биография», уровень жизнестойкости и ценностные ориентации. В результате проведенного исследования выборку поделили на две группы: с позитивным и негативным отношением к периоду менопаузы. Группа с позитивным отношением имеет более высокие показатели по физическому здоровью, уровню жизненной энергии и тонуса. Они в большей степени склонны заботиться о себе, что положительно отражается на их симптомокомплексе. У представительниц второй группы снижены показатели здоровья, энергии и тонуса при более выраженной симптоматике. Выяснилось, что по биографическим показателям для формирования позитивного отношения к менопаузе важен период детства и особенно доверительные отношения с отцом. Обнаружено, что женщины из первой группы в детстве часто делились с родителями своими переживаниями, тогда как представительницы второй группы были более скрытны в детстве и предпочитали самостоятельно справляться с негативными эмоциями, страхами и переживаниями. Группа с негативным отношением к периоду менопаузы в большей степени испытывает негативные эмоции, такие, как отчаяние, стыд,

чувство вины, возмущение, гнев и грусть. Женщины, позитивно относящиеся к периоду менопаузы, в большей степени ориентированы на настоящее и будущее и верят в возможность самореализации и раскрытия собственного творческого потенциала. Тогда как большинство женщин, у которых выявлено негативное отношение к менопаузе, преимущественно ориентированы на прошлое и считают, что лучший период для самореализации и творчества остался в молодости. Отношение к менопаузе как к периоду появления новых возможностей конструктивно отражается на уровне жизнестойкости, на повышении жизненного тонуса, что позитивно влияет на самоотношение и приводит к более высокой оценке своей привлекательности, а также к улучшению отношений с окружающими людьми (семьей и друзьями). В заключении хотелось бы сказать, что исследование отношения женщины к периоду менопаузы принадлежит к числу важных, но, вместе с тем, недостаточно разработанных в психологии на сегодняшний день. Нам хотелось показать, что у женщины есть и другая возможность восприятия климактерического периода – с точки зрения ощущения полноты жизни и отношения к менопаузе как к этапу, открывающему новые горизонты в исследовании своей личности, а также в построении полноценных взаимоотношений с миром.

Потенцирование негативного эффекта отцовской депривации в условиях химического загрязнения городской среды

Л.И. Губарева, С.П. Попова, Л.В. Литвинова (Ставрополь)

Potentialization of negative effect of paternal deprivation in conditions of chemical pollution of the urban environment — *L.I. Gubareva, S.P. Popova, L.V. Litvinova (Stavropol)*

Современные условия социально-экономического развития инициировали ряд явлений, негативно отражающихся на сохранении здоровья детей и подростков, проживающих в районах с развитой промышленностью. Несмотря на то, что детский организм является наиболее чувствительным индикатором степени экологического неблагополучия (Немых В.Н., и др., 1996; Губарева Л.И. 2001; Гичев Ю.П., 2002 и др.), на сегодняшний день исследованы далеко не все возрастные периоды. Кроме того, в настоящее время во всем мире отмечается ухудшение демографической ситуации; в ряде регионов РФ отмечается синдром депопуляции, увеличение числа разводов (данные Росстата о демографической ситуации в РФ за 2006 г.), в результате чего в мирное время дети воспитываются в условиях отцовской депривации. Вопрос о влиянии отцовской депривации на психосоматическое развитие детей и подростков изучен недостаточно. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает изучение сочетанного воздействия антропогенного химического загрязнения среды и отцовской депривации и вклада каждого из них в нарушение здоровья подрастающего поколения, чему и посвящена настоящая работа.

В условиях естественного эксперимента было обследовано 885 детей и подростков 7-13 лет. Сформировано 3 опытных группы: 1 – дети, проживающие в химически загрязнённом районе в полной семье; 2 – дети из неполных семей, проживающих в экологически благоприятных районах; 3 – дети, находящиеся в условиях сочетанного воздействия химического неблагополучия и отцовской депривации. Контрольную группу составили школьники, проживающие в экологически благоприятных районах и в полных семьях. Исследовали психосоматическое развитие, состояние адаптационных систем: сердечно-сосудистой, дыхательной и нервной. Показателями физического развития служили масса и длина тела, окружность и экскурсия грудной клетки (ОГК и ЭГК). О системе кровообращения и адаптационных возможностях организма судили по показателям частоты сердечных сокращений (ЧСС), артериального давления, адаптационного потенциала (АП) и длительности индивидуальной минуты (ИМ), ЦНС – по показателям хронорефлексометрии. Для характеристики психического статуса использовали методики определения уровня тревожности (УТ), адекватности самооценки (АСО), школьной мотивации, индивидуально-типологических особенностей (ИТО) личности, уровня креативности. Результаты исследования обрабатывали статистически.

Комплексное обследование детей и подростков 7-13 лет, проживающих в условиях химического загрязнения окружающей среды и отцовской депривации, выявило негативное воздействие указанных факторов на психосоматическое развитие и состояние адаптационных систем – кардио-респираторной и центральной нервной систем. Степень воздействия определяется возрастом и полом учащихся. Выявлено потенцирование негативного воздействия эколого-химических и социальных факторов среды на психосоматическое развитие, выражающееся в снижении роста-весовых показателей, ОГК и ЭГК, снижении функциональных возможностей сердечно-сосудистой и центральной нервной систем, повышении УТ, агрессивности, ригидности, снижении сензитивности, лабильности, спонтанности, АСО, креативности и школьной мотивации.

Работа поддержана грантом РГНФ №08-06-18013е.

Психологическое состояние пациентов в период ожидания хирургической операции: на примере пациентов перед операцией протезирования клапанов сердца в условиях ИК

В.В. Гриценко, Е.Р. Исаева, В.В. Давыденко, И.Л. Гуреева, М.А. Урусова (Санкт-Петербург)

The psychological state of patients in waiting surgery: the case of patients before surgery prosthetic heart valves. — *V.V.Grytsenko, E.R.Isaeva, V.V.Davydenko, I.L.Gureeva, M.A.Urusova (Saint-Petersburg)*

В настоящее время всё большее внимание уделяется изучению психологических показателей больных, находящихся в условиях хирургической клиники. Особого внимания заслуживает изучение психологического статуса пациентов кардиохирургических отделений в предоперационном периоде, поскольку операции на сердце являются наиболее тяжелыми и инвалидизирующими, отличаются высоким уровнем витальной угрозы и частотой летальных исходов в послеоперационном периоде.

Цель исследования – изучение психо-эмоционального состояния больных перед операцией протезирования клапанов сердца в условиях искусственного кровообращения. Задачи исследования:

1. Выявление уровня тревоги и депрессии
2. Определение степени выраженности психопатологической симптоматики
3. Исследование личностных факторов и особенностей ценностно-смысловой сферы пациентов

Исследование проведено в кардиохирургическом отделении клиники госпитальной хирургии №2 СПбГМУ им. акад.И.П.Павлова (рук. – проф. В.В.Гриценко). Обследовано 32 пациента с приобретенным пороком клапана сердца (14 мужчин и 18 женщин), средний возраст – 58 лет.

Использовались методики: Опросник выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-R), Интегративный тест тревожности (ИТТ), Тест смысложизненных ориентаций Д.А.Леонтьева (СЖО), методика «Большая пятерка» (BIG-5), Индекс жизненного стиля (ИЖС), Методика диагностики депрессивных состояний В. Зунга.

Выявлено, что у кардиохирургических пациентов в предоперационном периоде повышены значения общей тревожности и эмоционального дискомфорта (методика ИТТ), обнаруживаются эмоциональные нарушения, расстройства сна, быстрая утомляемость, вялость и пассивность. По показателям шкалы депрессии В.Зунга у большинства пациентов выявлена депрессия легкой степени. По методике SCL-90 обнаружены отчетливые нарушения по типу «соматизации», выражены обсессивно-компульсивные, депрессивные, тревожные, фобические симптомы.

Уровень осмысленности жизни у больных существенно снижен (методика СЖО). Они плохо представляют свое будущее, ощущают неудовлетворенность пройденным отрезком жизни, не видят в своей жизни яркого интереса, смысла и эмоциональной насыщенности. По показателям методики BIG-5 выявлена слабая выраженность в структуре личности следующих личностных

факторов: организованность (низкая осознанность своих чувств, мыслей и действий); эмоциональная стабильность (повышенная раздражительность, тревожность, обидчивость); личностные ресурсы (заниженная оценка своих интеллектуальных и личностных качеств).

Показано, что в период ожидания операции пациенты чаще используют защитные механизмы «отрицание», «регрессия», «реактивное образование» (методика ИЖС).

Больные, находящиеся в стационаре перед операцией протезирования клапанов сердца в условиях ИК, несомненно, нуждаются в квалифицированной психологической поддержке и коррекции эмоционального состояния, вызванного реакцией личности на факт предстоящей серьезной операции.

Критерии психологического здоровья студентов (интеграция социологического и социально-психологического подходов)

О.М. Гуменская (Саратов), А.В. Гуменский (Москва)

Psychological Healthiness Criteria of Students (Integration of sociological and socio-psychological approach) — *O.M. Goumenskaya (Saratov), A.V. Gumenskiy (Moscow)*

Интегрируя социологический и социально-психологический подходы в нашем исследовании, мы исходим из структурно-иерархического представления об основных компонентах объекта изучения. Условия жизнедеятельности, взаимодействие субъектов образовательного процесса в контексте образовательной среды вуза, отражение этих условий и собственной активности субъекта в его сознании – могут быть представлены в системе критериев оценки психологического здоровья студента (ПЗС) вуза в рамках процесса обучения на всех уровнях: от больших социальных групп (студенчество как выразитель определенного социального типа) до отдельных индивидов (студентов).

Перспективным в настоящее время в метанаучном пространстве является изучение здоровья с точки зрения человеческой экзистенции, так как полноценное здоровье является результатом бытия целостной человеческой личности. Исследование проводится на базе лаборатории социально-психологических исследований проблемы здоровья Управления социальной работой университета.

Рабочее определение термина «психологическое здоровье» было принято с опорой на системно-генетический подход Е.И. Гарбера. ПРС в самом общем виде может быть связано с гармоничным сочетанием проявлений трех основных отношений личности: к себе, к другим и к жизни. В сфере «отношение к себе» нами выделены три основных показателя: рефлексивный – самопонимание; перцептивный – позитивное самовосприятие; регулятивный – способность к самоуправлению. В сфере «отношение к другим» наиболее важными являются: потребностно-мотивационный – желание и стремление к самореализации во взаимодействии со сверстниками; поведенческий – умение включаться в эмоционально-доверительное общение; эмпатийный – способность к сопереживанию и принятию других. В сфере «отношение к жизни»: терминальный – сформированность жизненных целей и планов в соответствии с гуманистическими ценностями; экзистенциальный – понимание и переживание самоценности настоящего; инструментальный – пути и средства достижения личностных целей.

Выделенные критерии психологического здоровья студентов были соотнесены с этапами становления личности будущего специалиста в различных сферах жизнедеятельности:

1 этап – «адаптация» (содержание психолого-педагогической работы (СППР): мониторинг процесса адаптации, диагностика психологического здоровья обучающихся, адаптационный тренинг, информационное обеспечение по вопросам обучения и культурного развития в вузе);

2 этап – «формирование активной жизненной позиции» (СППР: изучение динамики показателей психологического здоровья в сферах «отношение к себе», «отношение к другим», тренинг уверенного поведения, семинар «Культура учебной деятельности»);

3 этап – «смысложизненное и профессиональное самоопределение» (СППР: изучение динамики показателей психологического здоровья в сфере «отношение к жизни», тренинг целеполагания, помощь в работе дискуссионного клуба по проблемам жизненной самореализации);

4 этап – «самоосуществление» (СППР: контрольный срез психологического здоровья выпускника, тренинг личностного роста, организация волонтерской группы по проблеме).

На основании мониторинга уровня психологического здоровья студентов НИ СГУ, а также предложенного алгоритма образовательной деятельности по обеспечению (сохранению и укреплению) психологического здоровья студентов и поддержанию социально-психологически безопасной образовательной среды ВУЗа в настоящее время разрабатывается модель социально-психологически безопасной здоровьесберегающей культурно-образовательной среды вуза.

Саморегуляция и коммуникативная направленность мышления у больных депрессией

Ю.М. Грибкова, О.Д. Пуговкина (Москва)

Self-regulation of cognitive functioning in depression patients – *Y.M. Gribkova, O.D. Pugovkina (Moscow)*

На данный момент отечественными авторами получен обширный материал о нарушениях саморегуляции мышления при шизофрении, тогда как для аффективных расстройств подобных исследований очень немного и их результаты обладают определенной противоречивостью.

Целью нашего исследования было выявление особенностей рефлексии у больных депрессией как одного из факторов, влияющих на качество социального познания и интерперсональных отношений. В настоящее время внимание исследователей привлекают особенности социального познания, как одного из общих, неспецифических факторов возникновения психической патологии.

В нашем исследовании коммуникативной направленности мышления у больных депрессией была использована «Модифицированная методика на определение понятий» А.Б. Холмогоровой. Методика позволяет изучить способности к рефлексии, как важнейшей составляющей саморегуляции мышления. Основным условием рефлексии является способность к смене позиции, которая прицельно исследуется в данной методике.

В исследовании приняло участие 64 человека – 30 больных депрессией и 34 человека в группе контроля. Больные имели клинические диагнозы «рекуррентное депрессивное расстройство» и «депрессивный эпизод умеренной степени», и их средний возраст составил 42,6 лет. Группа контроля была уравнена с клинической по возрасту и образованию. Исследование проводилось на базе отделений Московского НИИ психиатрии и ПБ №4 им. П.Б.Ганнушкина.

Результаты исследования показали, что больные депрессией при определении понятий дают значимо больше различных определений одного и того же понятия по сравнению с группой контроля ($p < 0,01$). При этом их определения менее «точные» ($p < 0,01$), в них реже используются «культурные метки» ($p < 0,05$), позволяющие определять понятия более точно и экономично. Здоровые испытуемые в среднем дают 27,7 определений, больные – 35,5. Средний показатель по точности у здоровых испытуемых – 7,03, а у больных – 3,9.

Обнаружено, что экономичность даваемых определений у больных депрессией снижается с течением заболевания, но не зависит от его тяжести. Это может указывать на то, что нарушения саморегуляции при депрессии связаны с самим фактом заболевания и его влиянием на личность, но не с падением энергии и прочими симптоматическими нарушениями, характерными для тяжелого состояния.

Теоретическая модель психологического здоровья личности

Т.Д. Данчева (Одесса, Украина)

Theoretical model of psychological health of personality — *T.D. Dancheva (Odessa, Ukraine)*

Проблема полноценного психологического функционирования личности и ее полной реализованности требуют создания концептуальной модели ее психологического здоровья, которая сможет охватить основные составляющие данного феномена.

Психологическое здоровье, на наш взгляд, необходимо рассматривать не как гомогенное, а имеющее сложную многоуровневую структуру образование. Анализ исследований и психологических направлений, сделанный нами, позволил рассмотреть психологическое здоровье как целостную систему, а собственной исследовательской задачей определить основные теоретико-познавательные технологии ее изучения. В данном контексте особая исследовательская роль отводится главному методологическому инструменту, позволяющему наиболее полно изучить и структурировать феномен психологического здоровья. На наш взгляд, всем заданным научным критериям отвечает принцип структурно-уровневого и системного анализа (В.А.Ганзен, Л.И.Анцыферова и др.), принцип общественно-исторической обусловленности всех этапов и фаз жизненного пути человека (Л.И.Анцыферова, С.Л.Рубинштейн и др.). Такая четкая структуризация концептуальной модели психологического здоровья личности позволит нам понять индивидуальный путь ее становления и определить качественный переход от одного уровня к другому через парадокс развития, при котором высшее возникает из низшего, в котором высшего еще нет (В.А.Ганзен).

Мы читаем, что психологическое здоровье личности как показатель ее биопсихосоциального благополучия состоит из четырех основных уровней, каждый из которых обеспечивает единство интеграции и дифференциации внутри исследуемого феномена при доминировании тенденции объединения.

К таким основным уровням мы отнесли:

- ментальный, включающий в себя элементы самоакме субъекта, уровень его самоактуализации;
- субъектный, включающий психологическое и субъективное благополучие личности;
- индивидный, определяющий стабильность всей системы жизнестойкости, включающий индекс качества жизни и уровень развития чувства связанности;
- психофизиологический, характеризующий адаптивные возможности субъекта.

Таким образом, презентруемая нами теоретическая модель психологического здоровья личности является лишь теоретическим конструктом и нуждаются в дальнейшей эмпирической проверке.

Душевное здоровье как предмет культурной психологии

О.И. Даниленко (Санкт-Петербург)

Mental health as the subject of research in cultural psychology — *O.I. Danilenko (St. Petersburg)*

В поисках ответа на вопрос, что характеризует «здоровую» личность, психологи используют ряд понятий, близких по смысловому наполнению: пишут о «психологическом», «личностном», «духовном», «позитивном ментальном» и т.п. здоровье. Анализ работ, посвященных «здоровой личности», показывает, что их авторы (М.Ягода, Г.Олпорт, А.Маслоу, А.Эллис и др.), раскрывая это понятие, перечисляют признаки, имеющие выраженную культурную специфику: уникальность, экспрессивность, креативность, автономию, способность к эмоциональной близости и т.п. Эти характеристики позволяют сохранять душевное здоровье человеку, принадлежащему к современной западной культуре, основанной на протестантских ценностях (активность, рациональность, индивидуализм, ответственность,

трудолюбие) и впитавшего в себя ценности европейской гуманистической традиции (самоценность личности, ее право на счастье, свободу, развитие, творчество). Между тем другие авторы (К.Хорни, Э.Фромм, К.Г.Юнг) признают возможность разных моделей душевного здоровья, соответствующих специфическим социокультурным условиям жизни человека и его индивидуальным особенностям.

Для того, чтобы учитывать влияние культуры на душевное здоровье человека, следует, на наш взгляд, сначала определить наиболее общие его критерии, а затем исследовать, каким образом (за счет каких психологических свойств и благодаря каким культурным моделям поведения) человек может сохранять свое душевное здоровье в условиях разных культур. Некоторые итоги нашей работы в этом направлении были опубликованы ранее.

Представляется важным рассматривать в качестве субъекта – носителя душевного здоровья не личность, а индивидуальность, как она трактуется в концепции Б.Г.Ананьева (1968). Это позволяет при исследовании данного феномена учитывать весь спектр свойств человека как индивида, личности и субъекта деятельности, обладателя собственного внутреннего мира, развитие которого характеризуется противоречивостью. Именно человек как индивидуальность интегрирует свое прошлое и будущее, свои тенденции и потенции, осуществляет самоопределение и выстраивает жизненную перспективу. Для нас принципиально использование самого понятия душевное (а не духовное, психологическое и т.п.) здоровье. Термин «душа», по свидетельству А.Ф.Лосева (1976), употребляется в философии для обозначения внутреннего мира человека, его самосознания. Мы солидаризуемся с авторами, полагающими, что исключение понятия «душа» из языка психологической науки препятствуют пониманию целостности психической жизни человека (Б.С. Братусь, Ф.Е. Василюк, В.П. Зинченко, Т.А. Флоренская и др.).

Развивающаяся в последние десятилетия культурная психология может стать теоретической основой для исследования феномена душевного здоровья. Ее базовые положения сформулировал М. Коул (1997): признание опосредованности любого действия контекстом; широкое использование «генетического метода», включающего исторический, онтогенетический и микрогенетический уровень анализа; применение методов гуманитарных, а также социальных и биологических дисциплин; анализ событий повседневной жизни; признание индивидов активными субъектами своего развития. Опора на эти положения позволит рассматривать разные модели душевного здоровья с учетом индивидуальных особенностей человека и обстоятельств его жизни – экономических, социальных, культурных.

Отношение к психически больным в разных профессиональных группах

Л.Ю. Демидова, А.А. Долныкова, Д.В. Елькина (Москва)

Different professional groups' attitude towards mentally sick people –
L.Y. Demidova, A.A. Dolnykova, D.V. Elkina (Moscow)

В последние годы все большее место занимают исследования качества жизни психически больных. Среди прочих факторов, которые его определяют, немаловажным является стигматизация. Серьёзной социальной задачей является выработка адекватного отношения к больным в обществе. Соответственно, эта задача требует изучения обстоятельств, увеличивающих или уменьшающих стигматизирующее отношение к больным.

В нашем исследовании мы исходили из гипотезы, что степень стигматизации и особенности отношения к больным зависят от профессии того, кто выражает своё отношение к больным. Предполагалось, что интерес и уважение к внутреннему миру человека, профессиональные знания психиатрии и клинической психологии, опыт профессионального общения с больными, могут уменьшать стигматизацию.

В работе использовались следующие методы: анкета, опросник «Социальные представления о психическом здоровье» (Ястребов В.С., Ениколопов С.Н., Серебрянская Л.Я. и др.),

метод личностного семантического дифференциала, клиническая шкала самоочета SCL-90-R (Derogatis L.R.), проективный тест враждебности (Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г.).

Были обследованы группы студентов – экономистов, клинических психологов и группа людей творческих профессий.

Наши представления о том, что знания психиатрии и клинической психологии должны уменьшать враждебное отношение к больным не подтвердилось. Степень враждебности психологов не принципиально отличается от других профессиональных групп. Эти данные согласуются с данными Л.Я. Серебрянской (2005) о негативном отношении психиатров к психически больным.

Психологи более адекватно представляют себе природу психических болезней и способы преодоления болезни.

Люди творческих профессий полагают (в большей степени, чем психологи и экономисты), что больных нужно опасаться и им нельзя доверять ответственные дела. Творческие люди больше, чем люди других специальностей, считают, что больных нужно жалеть. Будучи людьми, ориентированными на свободу личности, они реже, чем представители других профессий выступают за насильственное лечение.

В целом можно сказать, что студенты – психологи отличаются от других групп знанием психиатрии и меньше предубеждены против неё, экономисты и творческие люди плохо разбираются в психиатрических реалиях. Но психологи и представители творческих профессий готовы держаться с больными на более близкой дистанции, эти группы сближаются в том, что касается прав больных. И психология и творческие профессии предполагают известную степень рефлексии, возможности погружаться в свой внутренний мир и ценить его у других. У психологов, кроме того, есть специальные знания, а у творческих людей – вероятно, уважение к личности во всех её проявлениях, в том числе и своеобразных, нестандартных.

Таким образом, наши данные позволяют сделать вывод о том, что принадлежность к определённой профессии и связанные с ней профессиональные знания и определённые ценностные ориентации влияют на отношение к психически больным.

Исследование социального интеллекта у больных хронифицированными депрессиями.

Л.С. Дронова, О.Д. Пуговкина (Москва)

Social intelligence in chronic depression. — *L.S. Dronova, O.D. Pugovkina (Moscow)*

Концепция социального интеллекта (включающая различные модели, по-разному трактующие структуру и факторы социального интеллекта) является хорошо разработанным конструктом, обладающим большим потенциалом для использования его в клинко-психологических исследованиях. При том, что в ряде ведущих психотерапевтических подходов (Дж. Клермана, М. Вейсмана; Д. Мак-Каллоу) определено подчеркивается роль дефицита различных социальных компетенций в возникновении и хронификации депрессии, эмпирические исследования социального интеллекта немногочисленны и противоречивы.

В научной литературе основная часть исследований направлена на прояснение роли социального эмоционального интеллекта в возникновении эмоциональных нарушений, позволяющие рассматривать его как предпосылку психического и физического здоровья. В рамках клинических исследований нарушения эмоционального интеллекта при депрессивных расстройствах рассматриваются как predispositional, хронифицирующие, не зависящие от длительности заболевания.

Целью настоящего исследования было прояснение роли социального интеллекта в процессе хронификации депрессии. Были обследованы больные депрессивными расстройствами, впервые обратившиеся за помощью ($n=11$; F32.1, F32.11; давность заболевания не более 1 года), и пациенты, отвечающие критерию хронифицированной депрессии ($n=19$; F33.1,

F33.11, F33.2; средняя давность заболевания 9,8 лет). Группу контроля составили 36 здоровых испытуемых. Возраст испытуемых во всех группах составил от 20 до 60 лет.

Для оценки выраженности симптомов депрессии и тревоги использовались шкалы депрессии и тревоги А. Бека. Для оценки уровня социального интеллекта использовал тест «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда.

Результаты исследования свидетельствуют, что по всем показателям (способность предвидеть последствия поведения, способность к логическому обобщению в невербальных реакциях, способность понимать изменение значения вербальных реакций в зависимости от контекста, способность понимать логику развития ситуации и общий балл композитной оценки) уровень социального интеллекта у больных депрессиями значимо ниже ($p < 0.05$), чем в группе здоровых испытуемых.

При сравнении групп больных, впервые обратившихся за помощью и пациентов с хронической депрессией различий в показателях социального интеллекта выявлено не было. Это может свидетельствовать о том, что уровень социального интеллекта устойчив, не связан с длительностью заболевания, и скорее играет роль predispositional фактора.

Конструирование социально-психологической модели врачевания: опыт использования рефлексивных технологий

Е.А. Евстифеева, С.И. Филиппченкова (Тверь)

Designing socio-psychological model of healing: the experience of using reflective technology — E.A. Evstifeyeva, S.I. Filipchenkova (Tver)

Практики врачевания в современных реалиях изменяются, ориентируются на междисциплинарные исследования, свидетельствуют о становлении неклассической рациональности. В Тверской государственной медицинской академии на базе кафедры психологии и межвузовской научно-исследовательской психодиагностической лаборатории качества жизни и личностного проводятся междисциплинарные исследования, цель которых – верификация и экспонирование социально-психологической модели и практики врачевания. Основная цель проводимых медико-психологических исследований состоит в стимулировании и пропаганде культуры здоровья, обосновании идеи конструирования здоровья и социально-психологической модели врачевания, расширяющей возможности самореализации человека в ситуации хронического заболевания, практической их апробации, разработке практических рекомендаций для программ реабилитации и профилактики. Зондируются такие методологические ресурсы как объяснительные возможности междисциплинарной парадигмы, конструктивистского подхода, социальной модели врачевания к здоровью в ситуациях хронических заболеваний, а также эксплицируется социально-психологическое содержание понятия «здоровье». Средствами междисциплинарного подхода проверяется валидность конструктов «психологическое здоровье» и «социально-психологическая модель врачевания».

Психологическая часть исследований связана с задачами выявления психосоциальных факторов, стимулирующих к поддержанию здоровья в профилактический период, идентификации поведенческого паттерна человека в реабилитационный период хронического заболевания, с проведением социально-психологической диагностики личностных диспозиций, атрибуции ответственности, рефлексивности, доверия, идентичности, толерантности, мотивации, локуса контроля, ценностных ориентаций, самооценки, волевых качеств личности. Социально-психологическая модель врачевания усматривает в пациенте активную, рефлексивную фигуру, осуществляющую самоконтроль и саморегуляцию в период реабилитации и профилактики. Она формирует субъект-субъектную контингентную коммуникацию «врач-пациент». Продукт рефлексивной активности может проявиться в виде адекватной самооценки, самоконтроля, саморегуляции, психологически ожидаемого результата. Концепция «холистического» здоровья

имеет дело с физическими, психологическими, профессиональными, межличностными, духовными измерениями субъектов врачевания. Являясь междисциплинарной, концепция «холистического» здоровья ориентируется на коммуникацию субъектов, производящих и потребляющих знания, диалог, пропаганду здорового образа жизни, на лечение и профилактику заболеваний, основана на комплементарности профилактики, лечения и реабилитации.

В контексте наших исследований ведущей становится идея конструирования здоровья. Человек своей деятельностью вынужден доопределять неполноту бытия, конструировать (самопреобразовывать) его по-своему, быть автором собственного здоровья. Результаты проведенных исследований приводят нас к следующей констатации. Социально-психологическая практика врачевания ориентирована на идею «холистического» здоровья, междисциплинарность, субъект-субъектные отношения, рефлексивные коммуникации, диалог, конструирование здоровья.

Особенности адаптации наркозависимых подростков к условиям обучения в общеобразовательной школе

Ж.Ю. Жемухова (Пятигорск)

Peculiarities of adaptation of drug-addicted teenagers to the conditions of education in the secondary school — *G.Y. Gemubova (Pyatigorsk)*

Актуальность изучения психологических условий адаптации подростков, склонных к наркозависимости, к обучению в школе определяется необходимостью поиска новых эффективных подходов к социально-психологической реабилитации и повышению эффективности имеющихся коррекционно-реабилитационных программ. Личностные характеристики наркозависимых и особенности их адаптации долгое время рассматривалась в рамках, прежде всего, медицинской модели, чем и обусловлены трудности, связанные с необходимостью изменения подходов к профилактическому и коррекционно-реабилитационному процессам. В последние годы актуализируется тенденция к рассмотрению проблемы наркомании с позиции биопсихосоциальной парадигмы, центральным звеном которой является определение зависимости как многомерного конструкта, включающего в себя совокупность когнитивных, эмоциональных, поведенческих, физиологических и биохимических феноменов.

В ходе изучения психолого-педагогического опыта по организации адаптации подростков, склонных к наркозависимости, к условиям обучения в МОУ СОШ № 3 г. Тырнауза, Кабардино-Балкарской республики, выявлено, что существуют три круга психолого-педагогических проблем, среди которых: как и с какого возраста формировать у детей активную психологическую защиту, противодействие к первой пробе и приему наркотиков, к стилю жизни, связанному с наркотизацией; как и каким образом, педагогам, воспитателям, социальным работникам, родителям безошибочно и точно определять, что ребенок вновь начал употреблять наркотические средства, и какую наиболее оптимальную тактику применять по отношению к такому ребенку; как и каким способом активно вмешиваться и корректировать систематическое употребление психоактивных (наркотических) веществ? Каковы наиболее оптимальные средства комплексной реабилитации подростков, прекративших наркотизацию?

Обобщение психолого-педагогического опыта по проблеме реабилитации подростков, склонных к наркозависимости среди учащихся МОУ СОШ № 3 г. Тырнауза, Кабардино-Балкарской республики, показывает: сложность коррекционно-реабилитационной работы обусловлена еще и тем, что за последнее время в среднем в 1,5 – 2 раза увеличилось число подростков из благополучных семей, склонных к наркозависимости. Опасность состоит в том, что в данной группе детей наркотизация длительное время носит скрытый для взрослых характер, что затрудняет процесс лечения, реабилитации и адаптации подростков.

Таким образом, целевыми задачами комплексной работы по адаптации подростков, склонных к наркозависимости, к условиям обучения, являются:

- разъединение асоциальных групп, в которых практикуется постоянный прием токсических и наркотических веществ;

- объединенная помощь детям социального педагога, школьного психолога, врача, специалистов комиссии по делам несовершеннолетних в преодолении зависимости и отклонений поведения;
- восстановление школьного статуса ребенка, бросившего прием наркотических веществ с коррекцией возникших у него пробелов в обучении, воспитании, личностном развитии.

Принцип системности и личностно-центрированный интегративный диагноз в психосоматике

Ю.П. Зинченко, Е.И. Первичко (Москва)

System approach and person-centered integrative diagnosis in psychosomatics — Yu.P. Zinchenko, E.I. Pervichko (Moscow)

Обозначая проблемное поле наиболее значимых в теоретическом и практическом плане задач психологического исследования в психосоматике, исследователи указывают на необходимость изучения генезиса, структуры и функций психосоматических феноменов в норме и патологии; выделение психологических факторов и механизмов психосоматического симптомообразования; разработку и реализацию психологически обоснованных систем реабилитации и профилактики. Очевидно, что в этой области задачам психологической диагностики отводится особая роль.

Характеризуя современное состояние научного знания в медицине, специалисты отмечают фокусировку исследовательского интереса на целостном изучении личности, функционирующей в условиях болезни. Это соответствует общей тенденции гуманизации медицины и изменению ее основной парадигмы: с нозоцентрической на био-психо-социальную и личностно-ориентированную. Описанные тенденции находят свое выражение во введении в научный обиход такой категории, как «Личностно-центрированный интегративный диагноз». В 2001г. Всемирная организация здравоохранения и Всемирная психиатрическая ассоциация, в сотрудничестве с национальными психологическими ассоциациями, инициировали проект разработки концепции личностно-центрированного интегративного диагноза. В данной парадигме диагноз определяется как описание негативных и позитивных аспектов здоровья, воздействующих друг на друга в среде личности. Личностно-центрированный интегративный диагноз должен содержать информацию не только о нарушенном, но и о сохраненном здоровье, которое включает в себя такие сферы, как личностные и социальные ценности и ресурсы, способность к адаптации и компенсации, а также качество жизни больного.

Следует отметить, что, несмотря на несомненную эвристичность, указанные положения имеют определенное сходство с понятием так называемого «развернутого диагноза», традиционного для российской клинической школы (С.П. Боткин, Г.А. Захарьин, В.А. Гиляровский и др.); а также с понятием «функционального диагноза». Согласно мнению данных исследователей, функциональный диагноз представляет собой синтез клинической и психологической оценки больного в реальных условиях жизни и деятельности; выражает динамическую характеристику состояния индивида и его взаимосвязи с социальной средой и отражает основные стратегии компенсации имеющегося расстройства.

Очевидно, что модель «функционального диагноза» и парадигма «личностно-центрированного интегративного диагноза» являются попыткой реализации общенаучного принципа системности в медицине. Также очевидно, что постановка диагнозов подобного типа невозможна без данных психологической диагностики, которая, в свою очередь, также должна обладать качествами системности. И основным инструментом клинико-психологической диагностики в этом случае, несомненно, должен стать синдромный анализ. В клинической психологии патопсихологический и нейропсихологический синдромы, как исследовательские категории и инструменты анализа, давно доказали свою продуктивность. Принцип синдромного анализа в последние годы получает все более широкое распространение в

психосоматике и психологии телесности; при этом описывается особый тип синдрома – психосоматический. Именно построение психосоматического синдрома позволяет структурно и генетически анализировать психосоматические явления, определять психологические факторы и механизмы функционирования сложных психосоматических феноменов, давать психологическую интерпретацию клинической феноменологии и, предположительно, тем самым способствовать решению задач личностно-ориентированной интегративной диагностики в психосоматике.

Актуальность изучения дизонтогенеза общения детей и подростков с умственной отсталостью

О.В. Защириная (Санкт-Петербург)

Studying urgency disontogenes communications of children and teenagers with mental retardation – O.V. Zatchirinskay (Sankt-Petersburg)

Динамика происходящих в современном обществе изменений в различных сферах – общественной, политической, экономической детерминирует необходимость формирования человека, открытого к активному взаимодействию с социумом. Сегодня актуализируется обращение к проблеме оформления одного из ведущих видов человеческой деятельности – общению. Значительной чувствительностью к изменениям внешней социальной среды обладают дети и подростки с нарушением интеллекта и ограниченным опытом социального взаимодействия. В связи с этим возрастает научный и практический интерес к изучению коммуникативных качеств умственно отсталых детей, влияющих на развитие их межличностных отношений. Изучение общения рассматривается сегодня в качестве значимого компонента системы психолого-педагогического и медико-социального сопровождения умственно отсталых детей в разных условиях обучения и воспитания.

Приходится констатировать, что в настоящее время в научной среде отсутствуют фундаментальные исследования, посвященные концептуальному изучению и объективному анализу состояния проблемы развития общения детей с умственной отсталостью. При этом возникает целый ряд противоречий, которые требуют позитивного научного разрешения, между:

- потенциальными возможностями единой концепции дизонтогенеза общения детей с умственной отсталостью и сложившимися фрагментарными, не объединенными общей теоретической идеей научными подходами к изучению данного феномена с точки зрения как десоциализации, так и интеграции ребенка в обществе и получения равных со всеми людьми возможностей для самостоятельной жизни;
- признанием в рамках возрастной психологии наличия комплекса компонентов общения у детей различных возрастных групп и отсутствием исследований, посвященных непосредственно экстраполяции структуры процесса общения применительно к детям с умственной отсталостью;
- явно выраженными возрастными особенностями динамики общения как психического процесса и недостаточностью исследований, имеющих эмпирическую направленность выявления специфики общения детей с умственной отсталостью на различных возрастных этапах (дошкольный, младший школьный, подростковый);
- существующими различиями в организации коррекционной работы по формированию коммуникативных навыков у умственно отсталых детей, воспитывающихся в различных социальных условиях – в семье и специальных (коррекционных) интернатных учреждениях VIII вида;
- потребностью в корректировке существующих подходов к определению и оформлению наиболее типичных стилей общения, отражающих своеобразие психического развития детей с умственной отсталостью и отсутствием подобной типологии в современных исследованиях.

Таким образом, вскрытые противоречия, научная и практическая актуальность выдвинутой проблемы, логика развития современных психологических исследований обуславливают актуальность исследования дизонтогенеза общения детей и подростков с умственной отсталостью (исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Стили общения школьников с нарушением интеллекта»), проект № 10-06-00058а).

Интегративные сетевые технологии психосоциальной помощи больным шизофренией и их семьям

Т.В. Зеленкова, В.А. Празднова (Москва)

Integrative network technology psychosocial care to patients suffering from schizophrenia and their families — T.V. Zelenkova, V.A. Prazdnova (Moscow)

Исследовалась эффективность интегративных методов, организованных по сетевому принципу, в групповой психосоциальной работе с 34 больными шизофренией и их семьями.

Применялись методы мультимодальной интерактивной арт-терапии, которые основывались на взаимодействии участников посредством образов различных модальностей, объединенных единым содержанием предъявляемых стимулов, а также сетевой подход к трансляции семейного, психологического и психотерапевтического опыта в группе матерей.

Для оценки результативности методов использовался сравнительный анализ групп, работа с которыми проводилась с использованием указанных технологий и в стандартном ключе.

Выявлено, что в экспериментальной группе больных статистически значимо отличались показатели восприятия социальной поддержки со стороны друзей и значимых других, индексы включенности в терапевтическую группу, отчетливо наблюдалось снижение негативной симптоматики.

В экспериментальной группе матерей были статистически ниже уровни депрессии, соматизации, враждебности, индекс тяжести психопатологической симптоматики, чем у матерей контрольной группы; выше показатели восприятия социальной поддержки со стороны семьи, друзей, значимых других. У них появилась способность объективировать свою проблему, готовность активно изменять поведение с целью ее преодоления, в то время как большинство матерей контрольной группы не до конца понимали характер своих проблем.

Таким образом, показаны возможности повышения эффективности психосоциальной поддержки семей больных шизофренией.

Биопсихосоционоэтическая модель природы человека и его здоровья

Г.В. Залевский (Томск)

Biopsychosocionoetic model of a man nature and his health — G.V. Zalevskij (Tomsk)

Одной из приоритетных задач психологии вообще и ее отдельных областей можно считать развитие интегральных парадигм, которые способны связать воедино множество «рассеянных» исследовательских данных и частных моделей личности и ее здоровья. К этим парадигмам можно отнести ряд глобальных измерений в познании личности, например, духовное, культурное, жизненное, телесное.

Следуя этой задаче, мы в своих исследованиях особенностей здоровья студенческой молодежи попытались интегрировать ряд подходов в качестве теоретико-методологических оснований. Основными из них являются: биопсихосоционоэтическая модель развития

личности и ее здоровья, структурно-уровневый подход (М.С.Роговин), теория отношений личности В.Н.Мясищева (1960), представления о системе ценностей личности и ее деформации (Rokeach0), о самоактуализации как характеристике здоровой личности (Маслоу, Роджерс), флексибельности как личностном ресурсе здоровья (Г.В.Залевский).

Исходя из сказанного выше, в основание наших исследований положен интегративный – целостно-ценностный подход в рамках антропологической психологии и в контексте биопсихосоциоэтической/духовной природы человека и его здоровья, имеющих структурно-уровневую организацию, высшим интегративным уровнем которой является духовная составляющая человека и его здоровья. В рамках такого подхода здоровье рассматривается как многомерный и многоуровневый феномен, сложный и неоднородный по своему составу, сочетающий в себе гетерогенные, качественно различные компоненты, и отражающий фундаментальные аспекты человеческого существования. Такое понимание здоровья, в частности, отражено в формулировке, предложенной экспертами Всемирной организации здравоохранения: здоровье, как состояние полного физического, психического, социального и духовного благополучия, а не только отсутствие каких-либо болезней и дефектов.

Эти уровни (человека и его здоровья) отражают уровни «человеческих связей с миром», «взаимодействия с действительностью», «разные уровни бытия», которые можно мыслить как «миры (пространства), где совершаются развитие и саморазвитие личности, и которые могут быть структурированы следующим образом: мир (пространство) телесности, психологический (функциональный и душевный) мир, общественный (социальный) мир, духовный, культурный мир».

«Душа и тело, конечно, различаются. Не смешивай их, но и не разделяй!» (Norell).

Половые различия психофизиологического развития детей 7 лет Чеченской республики

Р.С. Захкиева, Л.И. Губарева (Ставрополь)

Gender differences of psychological development of children at the age of 7 years of the Chechen Republic –
R.S. Zabkiyeva, L.I. Gubareva (Stavropol)

XX век дал людям не только блага цивилизации – электричество, радио, телевидение, современный транспорт и другие, но и уменьшение объема двигательной активности, увеличение нервно-психического и других видов стресса, химическое загрязнение внешней и внутренней среды и другие негативные явления (очистители воды, химические заводы и т.д.), а также существенные изменения в стиле и укладе самой жизни, увеличение социальной и политической напряженности. Все перечисленные негативные факторы оказывают влияние, прежде всего, на детей дошкольного и школьного возраста, поэтому изучение физиологического и психического развития детей в современных условиях актуально и своевременно.

Обследовано 129 школьников (67 девочек и 62 мальчика) 1 классов (7 лет) г. Грозного. У детей определяли показатели физиологического (частота сердечных сокращений – ЧСС, величина артериального давления – СД, ДД и ПД, мышечная сила – динамометрия, хронорефлексометрия – простая и сложная зрительно-моторная реакция – ЗМР) и психического (школьная мотивация) развития, а также степень адаптации (индивидуальная минута – ИМ). Обследование проводили с учетом циркасапталного и циркадианного биоритмов. Полученные данные подвергались статистической обработке.

Согласно результатам исследования, величины диастолического давления у девочек 7 лет ниже, а пульсового выше, чем у мальчиков ($p < 0,05$), что указывает на опережающее развитие сердечно-сосудистой системы у девочек данного возраста. Показатели мышечной силы были выше у мальчиков ($p < 0,05$). Длительность ИМ и уровень школьной мотивации существенно не различались. Анализ показателей простой и сложной ЗМР выявил, что у мальчиков 7 лет выше, чем у девочек, скорость и стабильность простой сенсо-моторной реакции, выше возбудимость ЦНС, но при этом они допускают большее количество ошибок ($p < 0,05-0,01$).

По показателям сложной ЗМР уровень сенсо-моторных реакций выше у девочек 7 лет, по сравнению с мальчиками, судя по величинам суммарного числа ошибок, включая число пропущенных и упреждающих стимулов, количество ошибок на дифференцировку ($p < 0,05-0,001$). У девочек в 2,9 раз выше уровень безошибочности при выполнении сложных ЗМР. В пользу этого свидетельствуют и показатели моды ($634,5 \pm 18,9$ с у мальчиков и $239,9 \pm 11,0$ с у девочек, $p < 0,05$).

Полученные результаты указывают на опережение психофизиологического развития девочек 7 лет и диктуют необходимость более внимательного отношения к мальчикам в период адаптации к школьной среде.

Ценностно-смысловые аспекты переживания беременности у женщин

Т.Д. Василенко, М.Е. Ившина (Курск)

Value-semantic aspects of the experience of pregnancy — *T.D. Vasilenko, M.E. Ivshina (Kursk)*

Проблема материнства является наиболее важной и актуальной в современном мире. Данной проблеме посвящено множество исследований. Основным новообразованием материнства является изменение смысловой сферы женщины, которая определяет переживание материнства как динамического процесса (В.И. Брутман). Г.Г. Филиппова рассматривает смысловое переживание материнства как психологическое новообразование в сфере самосознания женщины. Смысловая сфера беременных женщин претерпевает существенные изменения, связанные с расширением смысловых связей и наполненностью смысловых процессов. В нашем исследовании мы ставим задачу выяснить, каким образом первая беременность влияет на формирование ценности ребенка, его смыслового содержания. Нами представлены материалы эмпирического исследования, проведенного в 2007-2011 годах на базе родильного отделения Территориального Медицинского Объединения №4 г. Курска. В исследовании приняли участие 212 беременных женщин, в возрасте 22-27 лет, состоящих в браке, на третьем триместре беременности и ожидающих первого ребенка. В исследовании были использованы следующие методы: структурированное интервью, архивный метод, психодиагностическая методика: тест «Смысложизненные ориентации» Леонтьева Д.А., методика «линия жизни», проективные методики: тест «Фигуры» Филипповой Г.Г. Вся выборка испытуемых была разделена на 3 группы, основанием деления выступил тип переживания беременности. У 25,3% беременных женщин в возрасте 22-27 лет отмечается игнорирующий тип переживания беременности, что ведет к непринятию социальной роли матери, низкому осмыслению и непринятию ценности ребенка. У 28,3% женщин отмечается тревожный тип переживания беременности, что ведет к амбивалентно-тревожному принятию роли матери. У 46,4% женщин с адекватным типом переживания беременности, что приводит к принятию социальной роли матери. У женщин с адекватным типом переживания беременности смысловая сфера наполнена большим количеством положительных событий, а самое значимое событие – появление ребенка в их жизни. У женщин с тревожным типом переживания беременности смысловая сфера сужена, они видят только рождение ребенка, остальные же события не обозначаются на «Линии жизни». У женщин с игнорирующим типом на «Линии жизни» отмечаются только события, связанные с её профессиональной деятельностью. Что может свидетельствовать о резком сужении смыслового поля. Таким образом, осознание женщиной состояния беременности, процессы осмысления её новой роли и осуществления новых функций происходит при адекватном типе переживания беременности. Обобщая вышесказанное можно сделать вывод о том, что женщины с адекватным типом переживания беременности осмысленно и ценностно подходят к рождению ребенка, отвечают своим потребностям и потребностям ребенка. Новая роль матери принимается ими с легкостью. У женщины с тревожным типом переживания беременности преобладает убеждение в том, что она самостоятельна, может контролировать свою жизнь и решения стать матерью принимает свободно и самостоятельно, воплощая это желание в свою жизнь, новая роль матери в её жизни

связана с множеством тревог и опасениями. У женщин с игнорирующим типом переживания беременности большое значение приобретают материальные ценности, и поле осознания значительно сужено.

Системный подход к гендерной идентичности

Д.Д. Исаев (Санкт-Петербург)

Integrative approach to the gender identity — *D.D. Isaev (St.-Petersburg)*

В настоящее время сложилась довольно проблемная ситуация с определениями понятий «сексуальная идентичность», «половая идентичность» и «гендерная идентичность». При ближайшем рассмотрении становится понятно, что путаница существует не только в отечественной, но и в зарубежной литературе, плюс к этому примешиваются «трудности перевода».

С одной стороны, в определениях гендерной идентичности делается акцент лишь на субъективном ощущении себя мужчиной или женщиной или же существом в некоторой неопределенной позиции между двумя полами, а с другой стороны, гендерная идентичность зачастую понимается лишь через призму личностных показателей маскулинности/фемининности.

Кажется очевидным, что гендерная идентичность формируется в результате гендерной социализации на основе природных задатков человека. Поэтому более адекватной и ценной с практической точки зрения выглядит модель гендерной идентичности, включающая в себя три компонента: 1) ядерная морфологическая идентичность или анатомическая половая идентичность (биологический пол), 2) качества, традиционно описываемые категориями маскулинность/фемининность и стилевые особенности осуществления гендерных ролей, основанные на индивидуальных и личностных особенностях; 3) сексуальная ориентация, предпочтение сексуального партнера или выбор сексуального объекта (эротическое и сексуальное влечение).

Возможные рассогласования между этими компонентами позволяют описывать различные варианты идентичностей, с которыми приходится работать психологам и психотерапевтам. Попытка унификации «нормы» по каждому из критериев (пол, гендерные роли, сексуальные предпочтения) легла в основу существующей в медицине и общественном дискурсе концепции «гендерных расстройств».

Гендерная идентичность как системное образование, конструируется личностью на основе соотношения своих индивидуальных особенностей в рамках параметров каждой подсистемы с имеющейся в социуме гендерной схемой. Бесконфликтное принятие и построение гетеронормативной модели идентичности чаще всего понимается лишь как проблема ролевой адекватности. В результате этого в психологическом дискурсе произошла подмена идентичности гендерной ролью. Между тем, понятно, что личностная идентичность не может сводиться к социальным ролям, т.е. несводима и к гендерным ролям (к «функционально-ролевыми маскам» по С.Л. Рубинштейну, чем и являются концепты маскулинности и фемининности).

Формальное осознание своей половой принадлежности и идентификация с традиционной бинарной гендерной схемой, что характерно для многих людей, можно было бы отнести к понятию «преждевременной» идентичности (по A.Waterman). О «достигнутой» (зрелой) гендерной идентичности можно говорить лишь тогда, когда индивид в значительной степени внутренне дистанцировался от ролевых моделей, рассматривает их не как свою сущность, а как социальную данность, как «правила игры», которые личность должна соблюдать для того, чтобы быть хорошо адаптированной, быть понятой и принятой в процессе межличностного взаимодействия. Чаще всего оказывается, что это становится возможным лишь в результате проблематизации одной из подсистем гендерной идентичности (прохождение через кризис идентичности).

Предлагается рассматривать гендерную идентичность как психологический конструкт, основанный на личностной переработке своей половой принадлежности, самовосприятии сексуальности и психологических особенностей, пропущенных через стереотипную типологию (гендерную схему), сконструированную обществом.

Психологическое состояние пациентов в период ожидания хирургической операции: на примере пациентов перед операцией протезирования клапанов сердца в условиях ИК

В.В. Гриценко, Е.Р. Исаева, В.В. Давыденко, И.Л. Гуреева, М.А. Урусова (Санкт-Петербург)

The psychological state of patients in waiting surgery: the case of patients before surgery prosthetic heart valves — V.V. Grytsenko, E.R. Isaeva, V.V. Davydenko, I.L. Gureeva, M.A. Urusova (Saint-Petersburg)

В настоящее время всё большее внимание уделяется изучению психологических показателей больных, находящихся в условиях хирургической клиники. Особого внимания заслуживает изучение психологического статуса пациентов кардиохирургических отделений в предоперационном периоде, поскольку операции на сердце являются наиболее тяжелыми и инвалидизирующими, отличаются высоким уровнем витальной угрозы и частотой летальных исходов в послеоперационном периоде.

Целью исследования явилось изучение психо-эмоционального состояния больных перед операцией протезирования клапанов сердца в условиях искусственного кровообращения. Были поставлены задачи:

1. Выявить уровень тревоги и депрессии у обследуемых пациентов.
2. Определить степень выраженности психопатологической симптоматики у обследуемых пациентов.
3. Исследовать личностные факторы и особенности ценностно-смысловой сферы пациентов.

Исследование проведено в кардиохирургическом отделении клиники госпитальной хирургии №2 СПбГМУ им. акад. И.П.Павлова (руководитель – проф. В.В. Гриценко). Обследовано 32 пациента с приобретенным пороком клапана сердца (14 мужчин и 18 женщин), средний возраст составил 58 лет.

Использовались методики: Опросник выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-R), Интегративный тест тревожности (ИТТ), Тест смысловых ориентаций Д.А. Леонтьева (СЖО), методика «Большая пятерка» (BIG-5), Индекс жизненного стиля (ИЖС), Методика диагностики депрессивных состояний В. Зунга.

Выявлено, что психо-эмоциональное состояние кардиохирургических пациентов в предоперационном периоде имеет следующие характеристики. Повышены значения общей тревожности и эмоционального дискомфорта (методика ИТТ), обнаруживаются эмоциональные нарушения, расстройства сна, быстрая утомляемость, вялость и пассивность. По показателям шкалы депрессии В.Зунга у большинства пациентов выявлена депрессия легкой степени. По методике SCL-90, обнаружены отчетливые нарушения по типу «соматизации», которые рассматриваются как соматические эквиваленты тревоги. Выражены обсессивно-компульсивные, депрессивные, тревожные, фобические симптомы, что может существенно ухудшать общее состояние, формируя депрессивный фон.

Уровень осмысленности жизни у больных существенно снижен (методика СЖО). Они плохо представляют свое будущее, ощущают неудовлетворенность пройденным отрезком жизни, не видят в своей жизни яркого интереса, смысла и эмоциональной насыщенности. По показателям методики BIG-5 выявлена слабая выраженность в структуре личности следующих личностных факторов:

- организованность (низкая осознанность своих чувств, мыслей и действий);
- эмоциональная стабильность (повышенная раздражительность, тревожность, обидчивость);
- личностные ресурсы (заниженная оценка своих интеллектуальных и личностных качеств).

Показано, что в период ожидания операции пациенты чаще используют защитные механизмы «отрицание», «регрессия», «реактивное образование» (методика ИЖС).

Таким образом, результаты исследования выявили у пациентов повышенный уровень тревожности, депрессии и другой психопатологической симптоматики, проявляющиеся

в обеспокоенности, обилии соматических жалоб, повышенной раздражительности и напряжении. Обращает на себя внимание наличие у пациентов экзистенциальных, духовных проблем, проявляющихся в низком осмыслении своей жизни и заниженной оценке личностных ресурсов.

Из вышесказанного можно заключить, что больные, находящиеся в стационаре, несомненно, нуждаются в квалифицированной психологической поддержке и коррекции эмоционального состояния, вызванного реакцией личности на факт предстоящей серьезной операции. Проведенное исследование позволило конкретизировать направления психологического сопровождения и коррекции эмоционального состояния пациентов перед операцией протезирования клапанов сердца в условиях ИК.

Эмоциональные нарушения как общепсихологическая и патопсихологическая проблема

И.А. Казакова (Санкт-Петербург)

Emotional disturbances as a general- and pathopsychological problem — I.A. Kazakova (Saint-Petersburg)

В работах по патопсихологии приводятся описания отдельных эмоциональных расстройств – депрессии, тревоги и т.д., но отсутствует рассмотрение родового для них понятия эмоционального нарушения. В работах, исследующих частные эмоциональные нарушения, наиболее часто встречающиеся в клинике психических и соматических расстройств, чаще всего используется психиатрический термин «эмоциональное (аффективное) расстройство», и имплицитно подразумевается, что его содержание понятно. Можно говорить, что большинство работ в данной области выполнено в рамках нозоцентрической парадигмы и не имеет за собой «нормального соответствия» патологических явлений.

Для исследования проблемы эмоциональных нарушений в общепсихологическом аспекте мы обращаемся, в первую очередь, к исследованию базовой интенциональной структуры эмоции. Для этого на более раннем этапе мы проводим методологическую рефлексию понятия структуры с обращением к поздней дильтеевской мысли, а также к традиции классического феноменологического исследования.

Наиболее ресурсными для спецификации понятия эмоции представляются две категории: категория «аффективного», которая извлекается из психиатрического контекста и позволяет специфицировать все феноменологическое поле эмоциональных явлений, и «переживание», более всего укорененное в экзистенциально-феноменологической традиции и связанное с представлением об эмоции как переживании (Erleben) мира. Все это позволяет на научном уровне предпринять попытку концептуализации базового механизма как инварианта осуществления эмоции.

Исходя из этого, патопсихологическое исследование будет представлять собой выявление, описание и анализ основных вариантов искажения интенциональной структуры эмоционального акта, что может реализовать себя также в исследованиях в рамках различных нозологий.

К особенностям когнитивного дефицита при расстройствах аутистического спектра

А.А. Коваль-Зайцев, Н.В. Симашкова (Москва)

To the peculiarities of cognitive deficit in ASD — A.A. Koval-Zaytsev, N.V. Simashkova (Moscow)

Проблема диагностики и лечения аутизма эндогенного происхождения, обусловленного генетической детерминированностью – детского психоза (ДП) и атипичного детского психоза (АДП), остается значимой для специалистов и нуждающейся в мультидисциплинарных исследованиях, своевременной реабилитации.

Цель работы: оценка изменений психических функций (ПФ), когнитивного дефицита (КД), выраженности аутизма у больных ДП и АДП в ходе реабилитации.

Участники исследования: 38 больных в возрасте от 3 до 7 лет с психотическими формами аутизма: 30 больных с ДП – F84.0 и 8 больных с АДП – F84.1(МКБ-10,1999), проходивших реабилитацию (включающую базисную терапию нейролептиками и ноотропами в возрастных дозах) в дневном полустационаре НЦПЗ РАМН.

Методы: патопсихологический, клиничко-психопатологический, клиничко-динамический. Инструментальными методами диагностики и оценки расстройств аутистического спектра являлись: 1. количественная шкала оценки выраженности детского аутизма («Childhood Autism Rating Scale» – CARS. 2. Психологообразовательный тест (Psychoeducation Profile – PEP) – оценка сформированности ПФ и наличия когнитивных нарушений (подражание, восприятие, мелкая моторика, крупная моторика, координация рук и глаз, когнитивные представления и вербальная сфера) в динамике с интервалом в 3 месяца. Также по материалам PEP выявлялась «зона ближайшего развития» (удовлетворительный результат выполнения субтеста для той или иной психической функции детей) больных аутизмом и создавалась индивидуальная коррекционная программа. Такой подход позволил проводить целенаправленную коррекционную работу в рамках реабилитации.

При ДП выраженность аутизма в психозе по шкале CARS составляла 37 баллов, что соответствовало тяжелому аутизму. В ремиссии аутизм утрачивал позитивную составляющую, его средняя выраженность уменьшалась до 33 баллов (легкий/умеренный), снижение было статистически достоверным. После реабилитации у всех больных когнитивные нарушения купировались. Отмечалось статистически достоверное увеличение показателей (при $P < 0,03$) по всем шкалам PEP, в том числе и по шкале общего развития, показатели которой приблизились к нормативным (в среднем с 92,2 до 118,5 при $P = 0,001$). Это свидетельствовало о снижении КД в группе ДП. Развитие когнитивных функций (по PEP) максимально приблизилось к нормативному. У больных формировались эмоции, развивалась социальная сфера.

При АДП аутизм проявлялся на всех этапах болезни, был крайне тяжелым (46 баллов по CARS), динамика изменений (смягчение средних до 42 баллов) носила характер тенденций. После проведенной реабилитации не отмечалось статистически достоверных изменений показателей по шкалам PEP, кроме увеличения показателей по шкале «когнитивные представления» ($P = 0,042$) и по шкале общего развития (в среднем с 27,8 до 41,5 при $P = 0,027$). Несмотря на указанное увеличение показателей шкалы общего развития, ее уровень оставался на очень низком для возрастной нормы значении. КД сохранялся, появлялись лишь отдельные элементы познавательной активности в форме когнитивных представлений; речь не развивалась, олигофреноподобный дефект не преодолевался.

Реализованный подход дает возможность количественно оценить и качественно проанализировать общие и различные черты в структуре нарушений психической деятельности по различным сферам ПФ у больных с ДП и АДП.

Психологические особенности пациентов с хронической болезнью почек

Н.Ю. Кувшинова (Самара)

Psychological peculiarities among patients with chronic renal disease – *N.Yu. Kuvsbinova (Samara)*

Возможность пересадки органов является, несомненно, выдающимся достижением нашего времени, позволяет существенно улучшить качество жизни и продлить ее сроки безнадежно больным. Вместе с тем после трансплантации человек не становится абсолютно здоровым, кроме того данная операция имеет ряд серьезных медицинских и социально-психологических последствий для пациента. Именно поэтому важно своевременно проводить диагностику психологического статуса больных, которые готовятся к операции трансплантации.

На базе Самарского центра трансплантации органов и тканей в период с 2007 по 2011 гг. нами было обследовано 84 человека с хронической болезнью почек (ХБП) в возрасте от 21 до 58 лет, из них 46 женщин и 38 мужчин. Длительность заболевания составляла от 1 года до 12 лет. 56 пациентов впоследствии перенесли операцию пересадки почки.

На основании диагностики локуса контроля были выделены 2 группы больных с ХБП, находившихся в листе ожидания на операцию трансплантации почки. Первую группу (активные) составили лица с внутренним локусом контроля, которые сами нашли информацию о возможности пересадки почки, оценили свои ресурсы по совладанию с проблемами в постоперационный период, и, посоветовавшись с врачом, приняли решение о необходимости трансплантации. Во вторую группу (пассивные) вошли пациенты с внешним локусом контроля, которые получив информацию о возможности такого рода заместительной терапии от врачей, к самой операции относились весьма скептически.

Исследование личностных особенностей по 16-факторному опроснику Р.Кеттелла показало ряд различий в личностных профилях этих категорий больных. Так, статистически значимые различия были получены по факторам А, В, С, Н, L, М, Q3 и вторичным факторам Ф2 и Ф3. То есть лиц первой группы можно охарактеризовать как более открытых, общительных, склонных к установлению широких социальных контактов, обладающих практическим интеллектом, эмоционально уравновешенных, решительных, с достаточно развитыми способностями самоконтроля и хорошими возможностями адаптации. По результатам диагностики типа отношения к болезни установлено, что в этой группе достоверно преобладали гармоничный и эргопатический типы.

У лиц второй группы в большей степени были выражены такие черты как замкнутость, нерешительность, эмоциональная неуравновешенность, поглощенность иллюзиями, ограниченные возможности самоконтроля, высокий уровень подозрительности, тенденция перекладывать ответственность на других в случае неудачи. Отношение к болезни в этой группе характеризовалось преобладанием дезадаптивных типов – тревожного, ипохондрического, сензитивного, апатического, эгоцентрического.

В первой группе оказалась более насыщенной система жизненных смыслов. Наиболее существенные межгрупповые различия были получены по частоте встречаемости категорий «Статусная», «Самореализация» и «Когнитивная», которые в большей мере были актуализированы пациентами «активной» группы.

Исследование качества жизни показало наличие большей удовлетворенности различными сферами жизнедеятельности среди пациентов первой группы.

Выявленные различия в особенностях психологического статуса пациентов с ХБП указывают на необходимость осуществления дифференцированного подхода к психологическому сопровождению данного контингента больных на разных этапах осуществления лечебно-реабилитационного процесса.

Самооценка уровня здоровья и стиля жизни студенческой молодежи

Ю.К. Кузьмина (Томск)

Self-appraisal of health level and life style of students – *Y.V. Kuzmina (Tomsk)*

Целью исследования было выявить особенности самооценки уровня здоровья и стиля жизни студенческой молодежи.

В исследовании приняла участие 502 студента в возрасте 17-40 лет (средний возраст – 21 год) обоего пола разных специальностей: психологи (психологи и клинические психологи), студенты естественных факультетов, а также факультетов физической культуры и спорта, представляющие четыре региона России: Западную Сибирь (Томская область и Алтайский край), Дальний Восток и Урал

В качестве метода исследования был использован тест Р.Страуба «Самооценка уровня здоровья и стиля жизни» (2002), адаптированный Г.В.Залевским (2009), включающий 10 шкал – 5 шкал здоровья («физическое здоровье», «психологическое здоровье», «духовное здоровье», «социальное здоровье» и «экологическое здоровье») и 5 шкал стиля жизни («зарядка и фитнес», «аддитивное поведение», «превентивные меры», «дополнительные превентивные меры», и «питание и контроль веса»). Исходя из средних показателей шкал теста и квартильной оценки данных по каждой шкале, состояние здоровья и стиль (образ) жизни студентов (в субъективной оценке), можно предварительно характеризовать следующим образом:

– «Физическое здоровье» (ФЗ), «психологическое (психическое) здоровье» (ПЗ), «духовное здоровье» (ДЗ), «социальное здоровье» (СЗ) – умеренный (средний) уровень; «экологические здоровье» (ЭЗ) – «низкий уровень»; хотя физическое, психологическое, духовное и социальное здоровье попадают все в разряд «умеренного (среднего) здоровья», в то же время уровень физического здоровья заметно ниже, чем уровень остальных трёх видов здоровья; по суммарному (всех пяти шкал) среднему показателю шкал здоровья (22,11) уровень здоровья студентов является «умеренным (средним)», в этих пределах он остается, даже если вычесть показатель по шкале ЭЗ.

– «Зарядка и фитнес», «превентивная практика здоровья», а также «питание и контроль веса» говорят о низком уровне образа (стиля) жизни, при этом самые низкие показатели по шкале «питание и контроль веса» (16,44 балла). О среднем (умеренном) уровне стиля жизни говорят данные по шкалам «аддитивное поведение» (24,69 баллов – самый высокий показатель среди шкал стиля жизни); по суммарному (всех пяти шкал) среднему показателю шкал стиля жизни (21,26) уровень стиля или образа жизни оказался «умеренным (средним)»; если же вычесть показатель по шкале Адд, то этот уровень опускается до отметки «низкий» (17,83).

Период беременности как возможность самоактуализации и духовного благополучия женщины

К.В. Кулешова (Москва)

*The Period of Pregnancy as an Opportunity for Self –Actualization and Spiritual Well-Being for a Woman –
K.V.Kuleshova (Moscow)*

Здоровье беременной женщины (вслед за позитивным определением здоровья, записанным в Уставе ВОЗ) предполагает наличие у нее состояния физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие физиологических отклонений в процессе протекания беременности. Эмоциональное состояние беременной женщины мы рассматриваем как один из индикаторов ее психического благополучия. Цель нашего эмпирического исследования оценить качество психоэмоционального состояния беременных женщин и его взаимосвязь с показателем их самоактуализации.

В исследовании принимали участие 50 беременных женщин, которые были разбиты на две группы: женщины с высоким показателем самоактуализации и с низким. У всех респонденток по заключению врачей беременность протекает без патологических проявлений. Эмпирическое исследование проводилось в поликлиническом отделении клиники акушерства и гинекологии Первого МГМУ им. И.М.Сеченова.

При проведении эмпирического исследования использован клинико-психологический метод, включающий психологическую беседу (интервью) и наблюдение, следующие психодиагностические методики: (1) САН; (2) опросник личностной тревожности Ж. Тейлор; (3) характерологический опросник К.Леонгарда; (4) УСК; (5) ОСТ; (6) САМОАЛ.

По результатам проведенного психологического обследования можно заключить:

- Беременность предъявляет большие нагрузки к эмоциональной сфере женщины (особенно первородящей), сопровождается повышением ее эмоционального напряжения, тревоги. Уровень тревожности связан с такими ситуативными факторами, как (а) триместр

беременности (эти данные подтверждают уже имевшиеся ранее), (б) особенности ее субъективного восприятия событий, состояний, воздействий как стрессорогенных, (в) предшествующим опытом (была ли беременность первая или повторная). Стрессорогенными для беременной женщины являются события, состояния, связанные с ее физическим здоровьем, социальным и психическим неблагополучием.

- В период беременности женщины переживают не только тревогу, отрицательные эмоции (страх, вину, обиду, гнев, пр.), но и положительные (радость) в связи со своей беременностью.
- Беременные женщины, отнесенные по результатам психодиагностической процедуры к группе самоактуализированных, имеют в своем опыте пиковые переживания. Их эмоциональное состояние характеризуется позитивностью, они высоко оценивают качество своей жизни в период беременности.
- В период беременности женщина имеет шанс приобрести многие черты, свойственные самоактуализирующимся личностям.

Психофизиологические особенности лиц женского пола с малыми аномалиями сердца различной степени выраженности

М.М. Курако, В.Ф. Киричук, А.И. Кодочигова, Е.С. Оленко, П.А. Протасов (Саратов)

Psychophysiological features of females with minor heart anomalies of varying severity —
M.M. Kurako, V.F. Kirichuk, A.I. Kodochigova, E.S. Olenko, P.A. Protasov (Saratov)

Малые аномалии сердца (МАС), в отличие от пороков развития, часто не нарушают функции организма и не требуют лечения, в этих случаях многие авторы рассматривают их как вариант нормы. Этиологической причиной МАС является наследственно детерминированная соединительнотканная дисплазия, имеющая различные клинические проявления, зависящие от степени пенетрантности гена. Исследования психофизиологических особенностей лиц женского пола с МАС различной степени выраженности ранее не проводилось.

Цель работы: определение и сравнение психофизиологических особенностей лиц женского пола молодого возраста с МАС минимальной и умеренной степеней выраженности.

Для достижения поставленной цели с помощью Торонтской алекситимической шкалы, модифицированной в НИИ им. В.М. Бехтерева, опросника Э. Хайма, психометрического теста, наряду с традиционными клиническими методами исследования (по существующим стандартам), были обследованы 64 женщины с МАС минимальной (основная группа) и умеренной (группа сравнения) степенями выраженности в возрасте от 18 до 26 лет. Группы были сопоставимы по возрасту. Для статистического анализа полученных результатов использовали пакет прикладных программ «Statistika 6».

По результатам психофизиологического обследования было установлено, что у лиц женского пола с МАС минимальной степени выраженности преобладали адаптивные копинг-реакции в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферах (по Э. Хайму), при работе со стимульным материалом психометрического теста они выбирали преимущественно круг и относились к неалекситимичному типу личности (по Торонтской алекситимической шкале). Им были свойственны: общительность, доброжелательность, оптимистичность, позитивная самооценка, эффективность при формировании совладающего поведения в эксклюзивных ситуациях. Молодые женщины с МАС умеренной степени выраженности, по сравнению с представительницами основной группы, были менее адаптивны в когнитивной, эмоциональной и поведенческой копинг-сферах, их показатели алекситимичности были выше, а среди фигур выбора преобладал не только круг, но и треугольник. Это подчеркивало наличие у них противоречивых внутриличностных тенденций: наряду с общительностью, креативностью, доброжелательностью и стремлением избегать конфликтов, им были свойственны бескомпромиссность и способность добиваться поставленной цели любыми, в том числе и насильственными способами [$p < 0,05$].

Таким образом, у лиц женского пола молодого возраста механизмы формирования психофизиологической адаптации были тем более совершенны, чем менее была выражена степень проявлений МАС.

Психолого-педагогическая помощь в реабилитации детей с заболеванием мукополисахаридоз

С.Б. Лазуренко, С.Ю. Цапина (Москва)

The psihologo-pedagogical help in rehabilitation of children with mucopolysaccharidosis —
S. Lazurenko, S. Tsapina (Moscow)

Активное участие родителей в процессе лечения повышает его эффективность, улучшает психологическое состояние ребенка. Однако не изучены образовательные потребности ребенка с заболеванием мукополисахаридоз, не определен механизм включения коррекционно-педагогической помощи в процесс реабилитации.

Цель: определить содержание коррекционно-педагогической помощи детям с заболеванием мукополисахаридоз в процессе их лечения.

Пациенты: 11 детей в возрасте от 4-х до 14 лет с заболеванием мукополисахаридоз II и III типа, с разной длительностью его течения.

Методы исследования: психолого-педагогическое изучение особенностей психического развития детей по методике ГНОМ и методике Е.А. Стребелевой; сравнительный анализ полученных результатов.

Содержание коррекционно-педагогического воздействия определяется в зависимости от тяжести и длительности течения основного заболевания, структуры нарушений здоровья, степени недоразвития познавательной деятельности, типа эмоционального реагирования, особенностей поведения ребенка, т.е. напрямую не связано с возрастом ребенка. При тяжелом течении болезни целью коррекционно-педагогической помощи является удовлетворение врожденной потребности в сенсорных раздражителях и общении с окружающими, обеспечение эмоционального и физического комфорта. При стабилизации состояния и медленном темпе психического развития коррекционно-педагогическая помощь осуществляется с целью самостоятельного, целенаправленного использования ранее сформированных умений и навыков, социальных способов поведения и коммуникативных форм взаимодействия с окружающими для постепенного накопления нового практического опыта ребенком.

Включение коррекционно-педагогической помощи в ход восстановительного лечения обеспечивает возможность наблюдения командой специалистов за динамикой психического развития как одного из важных показателей состояния здоровья детей; позволяет повысить эффективность огромных материальных затрат на лечение за счет социализации детей и сохранения психологического потенциала трудоспособных членов семьи.

Психосемантический подход к проблеме взаимоотношений в системе «врач-пациент»

В.В. Мазелис (Хабаровск)

Psychosemantic approach in the relationship problem of the “doctor – patient” system. — *V.V. Mazelis (Khabarovsk)*

В современных исследованиях взаимоотношений в системе «врач-пациент» рассмотрены различные аспекты проблемы. Однако, анализ ряда вопросов взаимоотношений между врачом и пациентом ограничивается теоретическими задачами и есть необходимость

дальнейшего эмпирического исследования проблемы, в частности изучение содержания представлений современного врача о больном, как важном установочном механизме терапевтического контакта. Определенные возможности в этом плане содержит психосемантический подход, позволяющий выявить категориальную структуру индивидуального сознания в отношении тех или иных феноменов.

В проведенном нами пилотажном исследовании для сбора эмпирических данных использованы методы психосемантики (ассоциативный эксперимент и модифицированный автором метод незаконченных предложений). Выборку составила группа врачей-стоматологов – 50 человек, среди которых 22 мужчин в возрасте от 27 до 33 лет, и 28 женщин в возрасте от 24 до 35 лет.

В качестве стимула в ассоциативном эксперименте выступало понятие «больной». Пациент это, прежде всего, больной, поэтому был обозначен этот аспект понятия «пациент». Выделенные на основе контент-анализа категории нормировались на основе общего числа полученных ассоциаций.

Анализ данных ассоциативного эксперимента показал, что наибольший удельный вес в массиве ассоциаций занимает категория «Работа». Больной в первую очередь ассоциируется с тяжелым трудом, оплатой этого труда и рутинными обязанностями. Категория «Отношение к пациенту» – вторая по частоте ассоциаций, отражает «помогающие» установки врача (беспомощный, страдающий, зависимый от врача человек). В категорию «Профессиональные обязанности» вошли такие ассоциации, как диагноз и лечение.

Данные полученные по методу «Незаконченные предложения» позволили выявить более детальную категориальную структуру представлений врача о больном. Выделены следующие категории, отражающие выполнение профессиональных функций: «Работа» (56 % считают, что больной – это большая работа); «Помощь» (для 37 % респондентов больной – нуждающийся в помощи, страдающий человек); «Долг» (56 % врачей готовы сделать все, чтобы помочь больному); «Альтруизм» (31 %).

Коммуникативный аспект взаимоотношений отражен в следующих категориях: «Личностная особенность» (43 % считают, что при приеме пациента важным является умение переключаться от личных проблем и концентрироваться на процессе лечения); «Индивидуальный поход» (50% отметили, что каждый больной требует установления контакта и дифференцированного подхода); «Отношения основанные на доверии» (75% испытуемых характеризуют свои отношения как доверительные, дружеские); «Активное слушание» (68,75% врачей считают необходимым внимательно выслушать пациента); «Благодарность» (для 17 % врачей важно, когда пациенты говорят искреннее «спасибо»

По результатам исследования можно сделать предварительные выводы:

Категориальная структура представлений врача о пациенте отражает доминирование функционально-лечебной модели взаимоотношений, где главный элемент – выполнение функций врача при оказании врачебной помощи страдающему, зависимому от врача человека. Важно подчеркнуть, что современные врачи придают большое значение доверительным отношениям, индивидуальному подходу, что свидетельствует о формировании профессиональных установок, характерных для коллегиальной модели отношений в системе «врач-пациент».

Коррекционная работа с детьми, имеющими нарушения аутистического спектра, на основе теории построения движений Н.А.Бернштейна

Е.В. Максимова, Б.А. Архипов (Москва)

Corrective exercises for children on the basis of the movement's construction theory of N.A. Bernstein –
E. Maximova, B. Archipov (Moscow)

Уровни построения движений, предложенные Н.А. Бернштейном, можно рассматривать, как уровни построения психики человека. Поэтому коррекционная работа с особыми детьми

включает в себя, не только построение афферентного и эфферентного синтеза каждого уровня, но и построение общения, поведения, игры, речи – основ построения психики ребенка.

Уровень А – основа неосознанного единения с миром. Афферентный синтез – объединение глубокой (протопатической) чувствительности и вестибулярного восприятия отолитовых аппаратов. Эфферентный синтез – тоническая регуляция всего организма, поза тела (опорные позно-тонические, шейн-тонические, вестибуло-тонические рефлексy). В психологии глубокая чувствительность уровня А считается основой восприятия человека СЕБЯ, основой Я-сознания. Коррекция уровня А включает в себя: стимуляцию глубокой чувствительности, протраивание целостного восприятия своего тела, протраивание опор тела, протраивание оси тела, стимуляцию вестибулярного восприятия, построение тонического единения в общении родителей и ребенка.

Уровень В – основа неосознанного динамического вписывания в мир, мир воспринимается только в движении. Афферентный синтез объединяет всю телесную чувствительность тела и сигнальное восприятие дистальных рецепторов. Эфферентный синтез – протраивание двигательных автоматизмов (врожденных и приобретенных пожизненно). Коррекция: объединение поверхностной и глубокой чувствительности в единое восприятие; стимулирование сигнального восприятия в пространстве, использование тонических рефлексов в построении целостных паттернов движений, объединение родителей и ребенка в содвижении, в общении и игре.

Уровень С – основа осознанного восприятия СЕБЯ в мире, основа целостного сознания человека. Афферентный синтез объединяет всю рецепцию тела, дистантную рецепцию зрения и слуха. Коррекция: целостное восприятие пространства – выделение объекта, разглядывание, слежение; достижение целей в пространстве; раппорт в общении родителей и детей; мимика и интонации общения; развитие игры по подражанию.

Уровень D – основа мифического сознания человека. Афферентный синтез объединяет всю рецепцию, и в восприятии и в построении движений преобладает топология, схема. Коррекция: построение топологического восприятия и движений по представлению, основные мифологические сюжеты и роли в общении и игре.

Группа уровней Е – основа абстрактного мышления и творчества. Коррекция: развитие речи, мышления, творчества.

Коррекционная работа только на уровне А приводит к тому, что у детей с аутизмом исчезают страхи, связанные с неопознанностью СЕБЯ, с неопознанностью объектов пространства. Появляется любопытство к людям и объектам в пространстве, исследовательское поведение. Формируется интонированное звучание, желание общения, в том числе речевого. Исчезает амимия лица. Поведение определяется социальной ссылкой на значимых взрослых.

Дальнейшее развитие и социализация ребенка зависят от возраста, в котором была начата коррекция и от социального окружения ребенка – атмосфера в семье, разумная последовательность и строгость в воспитании, наличие педагогов, умеющих работать на более высоких уровнях построения движений, наличие социальных групп, принимающих ребенка и много другого.

Гендерная специфика зависимого поведения

О.П. Макушина (Воронеж)

Gender specificity of the dependency behavior – *O.P. Makushina (Voronezh)*

Проблема зависимого поведения молодежи является крайне острой в современном российском обществе. Причины распространения наркомании, алкоголизма, токсикомании, а также различных вариантов нехимической зависимости обусловлены как социальными условиями, так и личностными особенностями, выступающими в роли предрасполагающих факторов. В связи с этим особую роль играет гендерный фактор, действие которого определено не только половой принадлежностью индивида и связанными с этим его половыми особенностями, но и социокультурными аспектами мужественности-женственности.

Наше исследование было нацелено на выявление различий в степени выраженности межличностной зависимости, склонности к наркомании и алкоголизму у мужчин и женщин с разным уровнем маскулинности-фемининности. Для определения выраженности межличностной зависимости использовался «Тест профиля отношений» Р. Борнштейна (адаптация О.П. Макушиной), нацеленный на выявление трех параметров – 1) деструктивной межличностной зависимости, 2) здоровой зависимости, т.е. умения устанавливать долговременные эмоциональные отношения и 3) деструктивного отделения, которое проявляется в избегании длительных межличностных отношений. С целью выявления склонности личности к наркомании и алкоголизму использовалась методика «Склонность к зависимому поведению» В.Д. Менделевича. Диагностика андрогинности, маскулинности и фемининности осуществлялась с помощью опросника С. Бем.

В исследовании принимали участие 180 студентов ВГУ в возрасте 17-19 лет, из них 85 юношей и 95 девушек. На основе результатов использования опросника С. Бем юноши и девушки были разделены на группы: 1) маскулинные мужчины, 2) андрогинные мужчины, 3) фемининные мужчины, 4) фемининные женщины, 5) андрогинные женщины, 6) маскулинные женщины. Обработка данных осуществлялась методами математической статистики, в частности, для выявления значимости различий между группами подсчитывался *t*-критерий Стьюдента.

Полученные данные позволяют говорить о следующих статистически значимых различиях. Маскулинные мужчины проявляют значимо большую склонность к алкогольной и наркотической зависимости, а фемининные мужчины – к деструктивной межличностной. Подтверждается мысль о том, что межличностная аддикция больше связана с женским, а алкоголизм – с мужским поведением, и на уровне гендерных особенностей тоже. Интересно, что наркомания у мужчин связана с психологическим ощущением только маскулинности. В группе женщин фемининность также определяет деструктивную межличностную зависимость, а вот маскулинные женщины демонстрируют гораздо более здоровую картину из всех групп испытуемых: для них характерны значимо меньшие показатели химической зависимости и максимальные параметры здоровой зависимости. Полученные результаты требуют к себе особого внимания: мужчина находится «между двух огней»: при наличии определенных обстоятельств маскулинность толкает его в сторону химической зависимости, фемининность – межличностной, и даже андрогинность не является гарантом здоровых отношений; что касается женщин, то в современном обществе только маскулинность удерживает от химических аддикций и сохраняет здоровые межличностные отношения. Учет гендерных особенностей личности может быть полезен в процессе психопрофилактики зависимого поведения современной молодежи.

Особенности личности бездомных больных туберкулезом и больных сочетанной патологией (ВИЧ-инфекция и туберкулез)

М.В. Мартынова, М.В. Петровская, Л.П. Алексеева (Москва)

Personality specifics of homeless tuberculosis patients and patients with TB-HIV co-infection —
M.V. Martynova, M.V. Petrovskaya, L.P. Alekseeva (Moscow)

При наблюдении в течение 10 лет за пациентами в ГБУ Туберкулезная больница № 11 ДЗМ г. Москвы в зависимости от особенностей заболевания и социального статуса выявлено несколько устойчивых групп пациентов: 2 группы «домашних» больных: сочетанной патологией – ВИЧ-инфекция и туберкулез (ТБ+ВИЧ), и только туберкулезом (ТБ); аналогичные 2 группы бездомных больных. Имеет место особый тип отношений групп больных между собой. Группы контактируют слабо, не желают переходить из отделения в отделение, что говорит о стратификации больничного контингента. Вхождение в «страту» не занимает много времени – система отлажена: при первом контакте визуально определяется принадлежность больного к «страте», при более длительном пребывании в стационаре различия только укрепляются.

Критериями принадлежности к группе служат социальные признаки: наличие/отсутствие работы (денег), дома, семьи (близкого окружения), документов, судимости и т.п., и медицинские – наличие/отсутствие ВИЧ-инфекции, наркомании, алкоголизма.

Выборка испытуемых: 1-ая группа – больные ВИЧ+ТБ с сочетанием наркомании (51 человек, средний возраст – 32,3 лет); 2-ая группа – бездомные больные ТБ (105 человек, средний возраст – 44,8 лет); 3-ая группа (группа сравнения) – больные ТБ, имеющие жилье, семью и родственные отношения, социальную поддержку (40 человек, средний возраст – 33,8 лет).

Использованные методики: методика исследования самооценки Т.В. Дембо-С.Я.Рубинштейн в модификации А.М.Прихожан; методика диагностики самооценки тревожности Ч. Д. Спилбергера, Ю. Л. Ханина; опросник А. Т. Джерсайлда.

1. Больные ВИЧ+ТБ имели семью чаще, чем больные ТБ, но реже больных 3 группы (66,7%, 11,4% и 100% соответственно); в 1 и 2 группе больные проживали в незарегистрированном браке – 25,5% и 10,5%, имели нетрадиционную сексуальную ориентацию – 19,6% и 2,9%, гепатиты В, С – 82,4% и 80,9%, употребляли ПАВ – 90,2% и 65,7% (в 3 группе перечисленные социальные аспекты не выявлены).

2. Общее искаженное развитие личности больных ВИЧ+ТБ и ТБ характеризует:

- пониженная критичность к себе – 86,3% и 81,9% соответственно;
- несамостоятельность решений и действий – 51,0 и 59,0%;
- повышенная требовательность к заботе других о себе, чувство незащищенности – 52,9 и 71,4%;
- отсутствие целей, потеря смысла жизни – 76,5 и 40,9%;
- компенсаторные реакции – уход от реальности, поиск интересов в воображаемом мире, употребление ПАВ, расхождение реального и идеального «Я» – 66,7 и 32,4%;
- неумение выражать свои эмоции, эмоциональная интроверсия – 76,5 и 68,6%;
- повышенная реактивная тревожность – 66,7% и 53,3%, повышенная личностная тревожность – 62,7% и 80,0%;
- заниженная самооценка по 8 шкалам из 12, в 3 группе – в 13% случаев.

Выводы:

- незрелость эмоционально-волевой сферы, перерастание реактивной тревожности в личностную, заниженная самооценка, разнообразные компенсаторные реакции создают большие помехи в социальной адаптации и позитивном изменении жизненной ситуации;
- наличие крепкой социальной поддержки и социально-психологической защищенности приводит к успешной социально-психологической адаптации в обществе, скорректированному поведению, личностной стабильности и более эффективному излечению (в 3 группе выраженность негативных факторов не превышала 30%).

К феноменологии страха: психологический аспект

С.А. Мухина (Самара)

To the phenomenology of fear: psychological aspect – S.A. Mubina (Samara)

Актуальность проведенного теоретического анализа проблемы феноменологии страха определяется тем, что, во-первых, общество в целом и медицина в частности заинтересованы в изучении такой базовой человеческой эмоции как страх, поскольку она часто и существенно определяет поведение человека (является, например, основанием развития паники). Во-вторых, в науке накоплена широкая база для исследования страхов и фобий человека, требующая пристального анализа и, наконец, тем, что студенту медицинского ВУЗа, уже в силу своей профессии, предстоит научиться держать под контролем свой страх.

Целью данного теоретического исследования является изучение научных подходов к феноменологии страха. Объект – страх как базовая эмоция, предмет – научные теоретические подходы, концепции и исследования страха.

В результате проведенного исследования сделаны следующие заключения: страх – это эмоция, возникающая при угрозе существования индивида или при ее предвосхищении. В мировой науке он становится предметом изучения в четырех аспектах: антропологическом, онтологическом, религиозном и социально-политическом. Исследованию проблемы страха посвящены научные труды многих отечественных и зарубежных психологов и психотерапевтов (А. Бандуры, А.П. Захарова, А.С. Зобова, А. Кемпински, Д.А. Леонтьева, Дж. Грэй, Дж. Уотсона, Х. Келлер, Р. Мея, Ф. Римана, З. Фрейда и др.). Согласно одной из современных и поддерживаемой многими учеными концепций страха (автор Ф. Римап), страх неизбежно сопровождает человеческую жизнь. Он не зависит от культуры или уровня развития народа, различны лишь объекты страха. Будучи абсолютно индивидуальным и личностным, страх имеет место при всех общественных устройствах и отношениях.

Поскольку страх по своей природе явление многозначное, сложно представить его в одном варианте классификации. Наиболее известные классификации Дж. Вольпе, К.Ф. Вестфалы, Н.Е. Осипова, А. Кемпински, Ю.В. Щербатых.

Ученые (Дж. Уотсон, А. Бандура, Дж. Боулби, А.С. Зобов и др.) отмечают, что причин, вызывающих страх, много. Они разные. Каждая из них определяется ситуацией, особенностями темперамента, личности человека, его эмоционального состояния. В основе возникновения страха лежит нарушение метаболического обмена со средой, и основным компонентом данного обмена является кислород (Г.А. Дорофеева, А.И. Захаров, Г.А. Квашнина и др.).

Среди методов, направленных на работу со страхом, применяются методы, основанные на условно-рефлекторной теории И.П.Павлова, методы бихевиористической терапии (Дж. Вольпе (психотерапия систематической десенсибилизации), П. Эммелькамп (моделирование с участием)), методы гуманистически-экзистенциальной терапии (Ф. Перлз (гештальт-терапия), К.Роджерс (клиент-центрированная терапия), В. Франкл (парадоксальная интенция), Р.Мей и др.), методы НЛП (Р. Бандлер и Дж. Гриндер (изменение личной истории)).

Адаптивность совладающего и защитного поведения как критерий психологического здоровья врачей

Т.В. Недуруева (Курск)

Adaptability of coping and protective behavior as criterion of psychological health of doctors –
T.V. Nedurueva (Kursk)

Современная психология рассматривает здоровье как сложноорганизованный, многоуровневый феномен, неоднородный по своему составу, сочетающий в себе гетерогенные, качественно различные компоненты, отражающие состояние благополучия (Б.С. Братусь, D. Marks, В. Evans, С. Willing). За последние несколько лет сформировалось новое направление – психология здоровья (Г.С. Никифоров, Н.Е. Водопьянова, Н.В. Ходырева, В.А. Ананьев, И.Н. Гурвич, G.L. Engel, J.D. Matarazzo), которое решает целый блок теоретических и практических задач, связанных не только с предупреждением развития психической и соматической патологии, но и сохранением, укреплением и целостным развитием составляющих здоровья личности. Изменчивость возможностей функциональных систем и их устойчивости к неблагоприятным факторам позволяет рассматривать здоровье как динамический процесс, зависящий от половозрастных особенностей и специфики профессиональной деятельности. Обусловленность показателей психологического здоровья спецификой и условиями профессиональной деятельности, позволило выделить в рамках психологии здоровья целое исследовательское направление – психологию профессионального здоровья (Г.С. Никифоров, В.А. Ананьев). Психология профессионального здоровья как междисциплинарное направление решает вопросы сохранности, активности и адаптивности компенсаторных, защитных, регуляторных механизмов, обеспечивающих работоспособность, эффективность и развитие личности в условиях профессиональной деятельности. Исследование

профессионального здоровья врачей – одно из самых актуальных и в то же время сложно дифференцируемых направлений, поскольку социальные факторы неврозогенеза у них тесно переплетаются с профессиональными. Сохранение профессионального здоровья врача является не просто условием эффективности деятельности, но и непосредственно демонстрирует для социума показатели нормы здоровья, что повышает уровень ответственности врачей перед пациентами. Современные профессиональные реалии деятельности врача, характеризующиеся усиленным расходом психологических ресурсов, требуют повышенной стрессоустойчивости и адаптивности личности. Таким образом, показатели профессионального здоровья зависят от совладающего и защитного поведения, в основе которых лежат сходные основополагающие процессы, осуществляющиеся на различных уровнях психической деятельности. В результате исследования профессионального здоровья врачей нами были выявлены характеристики деятельности, такие как интенсивность и продолжительность стрессовых воздействий, экстремальный характер условий, нарушающие профессиональное здоровье врачей, и вызывающие соматические, психосоматические патологии. Механизмы совладающего и защитного поведения у этих врачей обладают вектором неадаптивности и относительной адаптивности в поведенческой и эмоциональной сферах. Насыщенность профессиональной деятельности межличностными контактами, опыт помогающих отношений врачей оказывает влияние на психическую сферу личности, приводя к относительной дезадаптивности в эмоциональной сфере и активизации в большей степени защит высшего уровня. Таким образом, сохранение и развитие психических и физических качеств личности врача, оптимальный уровень работоспособности и социальной активности зависит от адаптивности совладающих и защитных механизмов.

Приверженность к лечению: психологический подход

А.С. Нелюбина (Москва)

Adherence to treatment: the psychological approach — *A.S. Nelyubina (Moscow)*

Традиционно в нашей стране проблематика приверженности к лечению, поведения пациента в болезни находится в сфере интересов врачей, чаще соматической практики. Само понятие «приверженность к лечению» появилось в отечественной научной литературе около 20 лет назад, но использоваться широко стало недавно, в последние 5-6 лет. Приверженность к лечению или комплаенс (от англ. compliance) означает меру следования пациентом всем врачебным назначениям и рекомендациям, лояльность по отношению к лечению. В медицинской практике используются в основном дидактические меры по повышению приверженности к лечению, где «учителем и наставником» пациента является врач, требования которого необходимо беспрекословно выполнять, но который и берет на себя полную ответственность за жизнь и здоровье «ребенка-пациента». Неслучайно в нашем обществе наиболее популярна среди врачей и пациентов патерналистская модель взаимодействия врача и больного. Чисто медицинский взгляд на проблему не позволяет воздействовать на пациента кроме как обучающими методами («школы больных», «группы встреч» и т.д.). Пациенту дается некий инструмент контроля над ситуацией болезни, что должно повысить его автономность и ответственность, а, следовательно, и приверженность лечению. Но сохранение за врачом решающей роли в принятии решения в ситуации болезни не позволяет надолго сохранить достигнутый результат. Транспонируя вышесказанное в область психологии, и ее предмета, отметим, что речь идет о принятии решения пациентом (и/или его окружением) в ситуации болезни, о его личном выборе. В психологии принятия решения накоплен значительный концептуальный и методологический аппарат для описания и исследования стратегий принятия решения, когнитивно-стилевых особенностей личности, индивидуально-психологических предпосылок личного выбора. Поскольку ситуация болезни является стрессовой, личностно значимой, плохо контролируемой и неопределенной ситуацией, то наибольший интерес для нас представляют исследования принятия решения в ситуации

неопределенности, со значительной опорой на иррациональные представления, эмоциональные основания для решения – работы Д. Канемана, П. Словика, А. Тверски; работы Т.В. Корниловой и Г.Н. Солнцевой по исследованию склонности личности к риску в ситуации принятия решения, и работы Т.О. Гордеевой, О.Е. Дергачевой, Л.Я. Дорфмана, Д.А. Леонтьева и др., посвященные роли автономии и самодетерминации в мотивации поведения. Описанные в этих работах когнитивно-стилевые особенности принятия решения по нашему мнению найдут свое подтверждение на клиническом материале, как стратегии принятия решения в ситуации болезни, а использование методологического аппарата психологии для изучения клинического феномена недостаточной приверженности пациентов к лечению (нонкомплаенса), позволит лучше понять, прогнозировать и предупреждать его проявления.

Дихотомическая модель доверия – зависимости

В.Б. Никишина (Курск)

Dichotomizing model of trust – dependences – *V.B. Nikishina (Moscow)*

Научная психология в своей исследовательской традиции прошла длительную эволюцию представлений в вопросе изучения соотношения различных феноменов в пространстве психических явлений. Реализация принципа междисциплинарности является одним из критериев оценки уровней фундаментальности, масштабности и современности исследования). Исследование феноменов доверия и зависимости, с позиции принципа междисциплинарности, раскрывает возможности их изучения в контексте не только их генезиса и проявлений, но и в аспекте сопряженности друг с другом. В очевидно дифференцированном пространстве представлений феномена доверия для построения дихотомической модели доверие – зависимость в качестве методологического основания следует принять социально-психологический подход, в котором доверие рассматривается как предрасположенность к зависимости от другого человека (В.М. Бехтерев, К.К. Платонов, В.Н. Куликов). И так, рассматривая дихотомию доверие – зависимость как направленность субъекта на сохранение или изменение существующей структуры пространства отношений, можно выделить два основных вектора отношений: субъект – субъектный вектор и субъект – объектный вектор. В дихотомии феномен доверия поляризуется в системе субъект – субъектных отношений, феномен зависимости субъект – объектной зоне отношений. Многие авторы в понимании категории доверия отмечают эмоционально-позитивные ожидания по отношению к субъекту. Аналогичная особенность выделяется исследователями и при описании состояния зависимости с той лишь разницей, что эмоционально-позитивные ожидания связаны с объектом зависимости. Другой важный признак доверия – надежность как представления субъекта о том, способен ли другой человек оказать помощь в трудной ситуации. Эквивалентным признаком зависимости является представление субъекта о том, может ли объект (зависимости) помочь пережить трудную ситуацию в жизни. В описании доверия выделяют в качестве признака предсказуемость как представление субъекта о том, как хорошо он знает другого человека и как этот человек поведет себя в ситуации неопределенности. Давая описание признакам зависимости, следует отметить, признак заданности по содержанию эквивалентный предсказуемости. И, наконец, в большинстве исследовательских оценок признаков доверия выделяют веру как представления субъекта о том, что он может положиться на человека в минуты своей слабости. В структуре признаков зависимости аналогом будет представления субъекта о том, что в минуты своей слабости он может использовать поддержку объекта (зависимости). Методологически оправданным обращением к исследованию дихотомии доверие – зависимость является обращение к теории отношений В.Н. Мясищева. В соответствии с этим дефицитарность переживаний психических состояний в поле субъект–субъектных отношений, характеризующих систему отношений личности, приводит к возникновению состояния зависимости, которое строится в субъект–объектной системе координат. Дефициты субъект–субъектного типа отношений проявляются в конфликтности, неопределенности,

непоследовательности, нестабильности. Компенсация возникающих дефицитов происходит в системе субъект–объектных отношений, которые, в свою очередь, характеризуются бесконфликтностью, определенностью, последовательностью и стабильностью. Таким образом, происходит изменение социальной ситуации, сужение восприятия ситуации, что впоследствии приводит к изменению системы отношений и поведения личности в целом.

Исследование перфекционизма в структуре личности больных сердечно-сосудистыми заболеваниями

Е.Л. Николаев, Е.Ю. Лазарева (Чебоксары)

The study of perfectionism in the personality structure of patients with cardiovascular diseases –
E.L. Nikolaev, E.Y. Lazareva (Cheboksary)

Перфекционизм относится к многомерной психологической категории, характеризующей личность, ориентированную на чрезмерно высокие стандарты, что предрасполагает к эмоциональным нарушениям и блокирует продуктивную деятельность. Изучение выраженности этого феномена у 180 больных сердечно-сосудистыми заболеваниями, представляющих три клинические группы – больных ишемической болезнью сердца (ИБС), гипертонической болезнью (ГБ) и пороками сердца (ПС), проводилось с помощью опросника перфекционизма Н.Г. Гаранян, А.Б. Холмогоровой (2001).

Значимые различия определены по отдельным параметрам перфекционизма у больных трех клинических групп. Так, больные с ПС демонстрируют максимально, а больные ИБС – минимально выраженные уровни по первой шкале – восприятию других людей как делегирующих высокие требования. При этом уровень данного показателя только при ПС является явно патологическим, что субъективно ощущается больными как «принуждение к совершенству» другими людьми. Больные стараются избегать похвалы в свой адрес, так как, с одной стороны, не считают ее заслуженной, с другой, боятся после нее не оправдать будущих ожиданий значимых для них людей. Когнитивные искажения не позволяют им без уничижения оценивать результаты собственной деятельности и способствуют значительному преувеличению значимости вклада других. Их постоянно терзают сомнения в возможности достижения ими ситуации успеха. Результаты деятельности окружающих не активизируют их, а только напоминают им об их собственной ничтожности. Данные социальные когниции могут рождать у больных с ПС страх не соответствовать ожиданиям окружающих, предвосхищать пугающие «провалы» и «разоблачения», приводить к эмоциональной скованности и малой осознанности собственного жизненного пути.

У больных ГБ отмечены максимальные, а у больных ИБС – минимальные показатели по четвертой шкале – селектирования информации о собственных неудачах и ошибках, что характеризует больных ГБ как склонных к негативному паттерну мышления. Такие больные часто сосредоточиваются на неприятных для них эпизодах, в которых они проявили себя не самым лучшим образом. Ситуации успеха и признания ими, как правило не вспоминаются. Неудачный опыт способен надолго «выбить их из колеи» и привести к патологической фиксации на беспрестанном обдумывании сказанного или сделанного «не так». В их сознании могут длительное время доминировать мысли о собственном «несовершенстве».

Отметим, что изучение феномена перфекционизма у больных сердечно-сосудистого профиля продемонстрировало, что показатели перфекционизма у больных выше, чем у здоровых испытуемых. У больных ПС и больных ГБ сильнее выражены когнитивные параметры перфекционизма. В первом случае – это искаженные социальные когниции в форме восприятия других как делегирующих высокие ожидания. Во втором – негативная избирательность в отношении информации о собственных неудачах и ошибках. При ГБ также отмечается взаимосвязь личностных характеристик перфекционизма с высоким уровнем подавления естественных эмоциональных реакций и интерперсональными проявлениями перфекционизма.

Особенности эмоциональной сферы пациентов гастроэнтерологического профиля

В.В. Одинцова (Москва)

Features of emotional sphere of gastroenterological patients — *V.V. Odintsova (Moscow)*

В нашем исследовании был проведен сравнительный анализ особенностей эмоциональной сферы пациентов с диагнозом хронических воспалительных заболеваний кишечника (в частности болезнь Крона и неспецифический язвенный колит) с пациентами кардиологического профиля и группой здоровых людей. Хронические воспалительные заболевания кишечника (ХВЗК) являются органическими заболеваниями, этиология которых на данный момент остается неизвестной. Считается, что на возникновение таких заболеваний влияют инфекционные, иммунологические, генетические факторы. Некоторые авторы считают, что генетический фактор реализуется под действием определенных факторов окружающей среды, которые остаются недостаточно изученными. Есть данные об аутоиммунном механизме этих заболеваний. Отмечается, что психологические особенности больных также играют роль в развитии болезни. Так, обострение ХВЗК нередко бывает связано с тяжелой психической травмой (например, с потерей близкого человека). Лицам, страдающим ХВЗК, нередко приписывают особые черты характера, например, повышенную эмоциональность. На данный момент отмечается тенденция к росту заболевания в более раннем возрасте. Нами изучались такие переменные, связанные с эмоциональной сферой, как тип эмоций, частотный профиль эмоций, доминирующее состояние, телесная локализация эмоций, уровень алекситимии, а также поведенческие компоненты, сопутствующие эмоциональным переживаниям: копинг-стратегии и механизмы защиты. Результаты нашего исследования основаны на оценке людьми своего способа проживать эмоции. У пациентов с ХВЗК отмечается более высокий уровень эмоционального напряжения с сочетанием как положительных, так и негативных чувств. Выявлены особенности в телесной локализации эмоций каждой группы и взаимосвязи с поведенческими особенностями. Группа пациентов с ХВЗК в нижней части живота статистически достоверно чаще локализируют страх и реже радость, также чаще локализируют в этой области проблему аффективного плана. Выявлена характерная диспозиция чувств на уровне их осознания: чувство злости в частотном профиле пациенты с ХВЗК ставят на последнее место, при этом во время интервью описывают частые ситуации, где испытывают злость. Безусловно, трудно сказать, все ли болезни имеют специфические связи с эмоциональной сферой. Нам кажется также перспективным попытка телесной локализации проблем (особых мест, которые в большей степени вовлекаются в проблему или вызывают блок). На основе имеющихся данных можно выделить отдельные особенности проживания эмоций, которые могут иметь негативный характер: чрезмерная интенсификация эмоций, «увязание» в эмоциях; блокирование, сдерживание эмоций; расгласование эмоций (проживаемого состояния) и поведенческих проявлений; непризнание чувств. Нам представляется значимой способность осознавать подобные состояния, понимать их функциональность в конкретной ситуации, а значит и в какой-то мере управлять своими эмоциями, а возможно и состоянием здоровья. В этом плане представляются интересными методы, которые могут позволить визуализировать эмоции с помощью аппаратных методов, более точно определить, какие части тела человека реагируют в момент переживания той или иной эмоции, и сопоставить со способностью их осознавать.

Танцевальная психотерапия в реабилитации больных шизофренией и неврозами

Н.Ю. Оганесян (Санкт-Петербург)

Dance psychotherapy in rehabilitation of schizophrenic and neurotic patients —
N.Y. Oganesyanyan (Sankt-Petersburg)

Цель исследования: Разработка теоретической концепции, методологических подходов и критериев оценки эффективности танцевальной психотерапии, позволяющих исследовать влияние танцевальной психотерапии на психомоторику больных нервно-психическими заболеваниями в процессе реабилитации. Материалы и методы исследования: Разработанный курс танцевальной психотерапии одинаковый для всех участников исследования состоит из 10 сессий 2 раза в неделю по 1-1.5 часа. Структура сессии состоит из 7 частей. Всего испытуемых 540 из них 300 больных параноидной шизофренией с дефицитарными расстройствами, проходящих лечение в стационаре ГПБ №6, 40 чел. с таким же диагнозом, получающих танцевальную терапию при диспансерном наблюдении. Все инвалиды II группы, среднее количество госпитализаций -7. Больные невротическими расстройствами – 100 чел., проходившие танцевальную психотерапию в Клинике неврозов им. академика И.П. Павлова; здоровые испытуемые – 100 чел. студенты факультета психологи (второе высшее образование) РГПУ им. А.И. Герцена, проходившие практические занятия по танцевальной психотерапии. Методы исследования: На каждом занятии использовались нейропсихологические методики, направленные на исследование праксиса позы, и пространственной ориентации, воспроизводимость ритмов А.Р. Лурия, применяемые в гимнастической части, а также проективная методика «Какого Я цвета» Н.Ю. Оганесян, «Психотерапевтический рисунок». До и после курса танцевальной психотерапии применялись: исследование самооценки Дембо-Рубинштейн, кинематометрический тест «Внешний баланс» Е.П. Ильина, «Оценка координации движений», «Быстрота моторики» Н.И. Озерецкий, «Телесный анализ», «Анализ телесного компонента интеллекта» Н.Ю.Оганесян, проективная методика «Звёзды и волны» Урсула Аве-Лаллемант. Опросники: исследование психологической структуры темперамента Б.Н.Смирнова, «Мотоскопия» Н.И.Озерецкий и др. Результаты исследования: 1.Исследование патологии телесной картины больных шизофренией позволяет расширить представление о психологии телесности и возможностях психотерапевтической работы с телом, а телесный анализ позволяет определить уровень регресса (дефицитарности) пациентов; 2. Исследование позволило выявить сложные взаимодействия факторов, определяющих особенности психомоторных проявлений больных шизофренией и неврозами: воображение – движения, цветовое восприятие – движения, самооценка – движения и т.д.; 3.У больных шизофренией, в отличие от невротических отмечались застревания на движении и сложности переключения с одного движения на другое ($p<0.01$); 4. Выполнение проб на оценку и воспроизведение ритмов по слуховому образцу, хуже воспринималось у больных шизофренией с ярко выраженной дефицитарной симптоматикой ($p<0.01$);5.Больные шизофренией, продолжающие поддерживающую танцевальную психотерапию после выписки из стационара при диспансерном наблюдении, показывают более длительный катамнез; 6. Танцевальная психотерапия больных невротическими расстройствами снижает уровень тревоги и актуальности фобий($p<0.01$), повышает адаптивные способности и социальную состоятельность больных в более короткие сроки. Заключение. Разработанный курс танцевальной психотерапии, основанный на смене кинетических мелодий, работы с координацией движений, танцевально-эмоциональным самовыражением имеет ярко выраженный психотерапевтический эффект, отмеченный лечащими врачами, и может быть рекомендован для терапии нервно-психических расстройств в широкой практике.

Интерперсональные факторы социальной тревожности у студентов-выпускников.

Т.С. Павлова, Н.Е. Пуговкина (Москва)

Interpersonal factors of social anxiety in graduating students. — *T.S. Pavlova, N.E. Pugovkina*

Всё большее число людей (особенно молодого возраста) становятся подвержены социальной тревожности. Интерперсональные факторы имеют особенно тесное отношение к генезу данного феномена, и представляются одними из определяющих в появлении у человека высокого уровня личностной и социальной тревожности.

Целью данного исследования являлось изучение интерперсональных факторов социальной тревожности у студентов последних курсов. Всего были обследованы 82 студента-выпускника (41 гуманитарного и 41 технического профилей). Методический комплекс составили следующие опросники: Опросник депрессивности А. Beck, опросник тревоги А. Beck, шкала страха негативной социальной оценки (BFNE), опросник тип привязанности в интерперсональных отношениях С. Hazan, Р. Shaver, краткая шкала социальной фобии (BSPS) Davidson, Miner, шкала социального избегания и дистресса (SADS) D. Watson, R. Friend, опросник социальной поддержки (F-SOZU-22) G. Sommer, T. Fydrich, структурированное интервью «Московский интегративный опросник социальной сети» А. Б. Холмогоровой, Н. Г. Гараян, Г. А. Петровой.

Результаты исследования на студенческой выборке показали, что высокий уровень социальной тревожности связан с низким уровнем социальной поддержки и наличием узкой социальной сети, обнаружена связь между высокими показателями социальной тревожности и ненадежной привязанностью. Не было выявлено статистически значимых различий выраженности социальной тревожности у студентов с разными типами ненадежной привязанности – тревожно-избегающей и тревожно-амбивалентной. Не было выявлено статистически значимых различий уровня социальной тревожности у студентов-выпускников гуманитарного и технического профилей обучения.

Восприятие семейной ситуации подростками с аутодеструктивным поведением

Л.С. Печникова (Москва)

Family situation perception in adolescence with auto-destructive behavior — *L.S. Pechnikova (Moscow)*

Наше исследование посвящено изучению восприятия подростками с аутодеструктивным поведением эмоциональных отношений и своего места в семье, а также способов разрешения ими конфликтных ситуаций. В исследовании приняли участие 30 подростков (девушки 13-17 лет), находившихся на лечении в 6-ой и 15 психиатрических больницах г. Москвы в связи с аутодеструктивным поведением (однократные или многократные порезы рук и предплечий – 13 чел.; отравление таблетками – 9 чел.; злоупотребление и отравление алкоголем – 6 чел.; попытки выброситься из окна – 2 чел.). Все попытки носили шантажно-манипулятивный характер. Нозологический диагноз по МКБ-10: «Смешанное расстройство эмоций и поведения, связанное с расстройством адаптации. Психопатоподобный синдром». Большинство подростков растёт в так называемых неблагополучных семьях: 19 девочек воспитывается в неполных семьях; у 14 чел. хотя бы один из родителей алкоголизируется.; у 9 чел. в семье отчим, с которыми конфликтные отношения. Использовались следующие методики для исследования эмоционального отношения ребенка к себе и членам семьи и изучения паттернов взаимодействия внутри семьи: ADOR, ЦТО, «Незаконченные предложения», тест фрустрации С. Розенцвейга, Кинетический рисунок семьи и семьи в споре, РНЖ.

Получены следующие результаты: 1. В основе аутодеструктивного поведения подростка не всегда лежит неприятие самого себя. В нашем исследовании оно наблюдалось лишь в 20% случаев. 2. Все обследуемые подростки демонстрируют позитивное отношение к матери и амбивалентное

отношение к отцу. 3. Подростки с аутодеструктивным поведением оценивают свою мать как автономную, непоследовательную и враждебную, отца – как директивного, непоследовательного и враждебного. То есть, большинство подростков испытывают дефицит внимания и социальной поддержки со стороны родителей. 4. Фрустрирующие ситуации вызывают у обследуемых подростков экстрапунитивные реакции с фиксацией на самозащите. Во фрустрирующих ситуациях ярко проявляется неумение подростков изменять свое поведение в зависимости от реакции другого человека. 5. Приписывают своим матерям такой же, как у них самих, способ реагирования в ситуации фрустрации. Возможно, подобные действия подростков в ситуациях социального взаимодействия являются результатом подражания способам защитного реагирования, воспринятым в ходе воспитания от матери. 6. Семья воспринимается подростками как деструктивная, характеризующаяся изолированностью ее членов и низким уровнем взаимосвязанности. 7. Подростки испытывают чувство эмоциональной изоляции в семье, которое нарастает в условиях конфликтов и ссор. 8. При столкновении с угрожающей и конфликтной ситуацией подростки с аутодеструктивным поведением не склонны искать конструктивные способы ее решения, а предпочитают использовать стратегии избегания, ухода, крайней формой которых является самоповреждение.

Как показали данные нашего исследования, наиболее часто встречающимися сферами формирования межличностного конфликта у подростков является семья. При нарастании конфликта в семье у подростков с аутоагрессивным поведением отсутствуют попытки найти конструктивное решение проблемы путем изменения своего поведения. Чаще они выбирают стратегию избегания, ухода от конфликта, крайней формой которого и является аутоагрессивное поведение. Такое поведение всегда являлось способом снятия напряжения, реактивным образованием идущим сразу вслед за ссорой.

Связь склонности к зависимому поведению и никотиновой зависимостью в юношеском возрасте

И.А. Прокудин (Воронеж)

Propensity to dependent behaviour and nicotine dependence relationship at youthful age –
I.A. Prokudin (Voronezh)

Зависимое поведение является значимой психологической и социальной проблемой нашего общества. В настоящее время заметен рост числа молодых людей, подверженных различного рода зависимостям. В связи с этим возникает необходимость исследования зависимого поведения с целью определения теоретически и эмпирически обоснованных путей и средств решения данной проблемы. Интересны данные, свидетельствующие о связи между склонностью к зависимому поведению и курением.

Среди учащихся учреждений средне-специального образования курящими оказались 50,8 %. У 77,1 % опрошенных склонность к зависимому поведению не выражена, причем курят 38,3 % из них. Умеренную выраженность склонности к зависимому поведению проявляют 9,8 % опрошенных; все эти учащиеся курят. Что же касается выраженной склонности к зависимому поведению, то она была выявлена у 13,1 % опрошенных, из которых курящими оказались 87,5 %.

Таким образом, на примере никотиновой зависимости можно увидеть, насколько велик риск возникновения какой-либо зависимости, даже в случае, когда склонность к зависимому поведению выражена умеренно.

Интересным также представляется тот факт, что среди девушек курят 54,0 %, а среди юношей – 36,4 %.

Рассмотрим соотношение склонности к зависимому поведению и никотиновой зависимости юношей и девушек.

У 80,0 % опрошенных девушек склонность к зависимому поведению не выражена, у 10,0 % выражена умеренно и у 10,0 % выражена в значительной мере. Из девушек с невыраженной склонностью к зависимому поведению курящими оказались 42,5 %. Что же касается девушек с

умеренно выраженной и с выраженной склонностью к зависимому поведению, то среди них курящими оказались все 100,0 %.

Склонность к зависимому поведению не присуща 63,6 % опрошенных юношей, в умеренной степени выражена у 9,1 % и выражена у 27,3 %. Среди юношей с невыраженной склонностью к зависимому поведению курящими оказались 14,3 %. Юноши с умеренно выраженной склонностью к зависимому поведению курят все (100,0 %). Что касается юношей с выраженной склонностью к зависимому поведению, то из них курят 66,6 %.

Полученные данные подтверждают связь между склонностью к зависимому поведению и риском развития какой-либо зависимости и, в частности, никотиновой. Это ещё раз указывает на актуальность изучаемой проблемы и подчёркивает необходимость проведения коррекционных работ по снижению склонности к зависимому поведению.

Индивидуально-психологические особенности женщин, страдающие никотиновой зависимостью в период беременности

П.С. Привалова (Москва)

Individual psychological woman's characteristics with nicotine addiction — P.S. Privalova (Moscow)

По данным ВОЗ, около 25 млн. женщин страдают никотиновой зависимостью. В России число женщин детородного возраста составляет 39 миллионов, при этом около 40% из них курит. Таким образом, число курящих женщин составляет порядка 15 миллионов 600 тысяч. И только около 20% женщин бросает курить, узнав о беременности.

Осложнения, возникающие во время беременности у курящих женщин, разделяют на осложнения в организме матери, осложнения в организме плода, осложнения новорожденных детей и детей старшего возраста. Токсические вещества, содержащиеся в сигарете, влияют на возникновение преждевременных родов и спонтанных аборт у курящей женщины. Курение матери во время беременности является фактором повышенного риска для таких нарушений как: возникновение физических недостатков, врожденных нарушений, а также психических отклонений у детей. Курение матери увеличивает риск перинатальной смертности, а также влияет на развитие ребенка после родов.

Целью проведенного исследования являлось изучение особенностей индивидуально-психологических и межличностных взаимоотношений, а также особенности формирования образа материнства у курящих женщин.

Задачи исследования:

- 1) изучить эмоционально-личностные особенности беременных женщин, страдающих никотиновой зависимостью;
- 2) исследовать особенности реагирования на стрессовые ситуации курящих беременных женщин;
- 3) исследовать уровень тревоги и агрессии курящих женщин в период беременности
- 4) выявить особенности межличностных и социальных взаимоотношений курящих женщин в период беременности;
- 5) изучить особенности формирования образа материнства курящих женщин в период беременности.

В качестве «исследуемой группы» было выбрано 18 женщин в возрасте от 21 года до 35 лет, курящих во время беременности. В соответствии с тестом на определение никотиновой зависимости Фагерстрема, 35% опрошенных женщин этой группы имеют средний уровень зависимости, 65% женщин высокий уровень зависимости. «Контрольную группу» составили 18 некурящих женщин в возрасте от 23 лет до 36 лет.

В ходе проведения исследования использовались методики:

- 1) сокращенный многофакторный опросник для исследования личности Mini-Mult;

- 2) опросник «способы совладания со стрессом» Лазаруса;
- 3) тест-опросник механизмов психологической защиты «Индекс жизненного стиля» (Р.Плутчик, Г.Келлерман, Х.Р.Конте, адаптация Е.С.Романова, Л.Р.Гребенников);
- 4) опросник травматического стресса Котенева;
- 5) тест Спилбергера под редакцией Ханина для оценки уровня тревожности;
- 6) опросник Басса-Дарки на исследования уровня агрессии и враждебности;
- 7) тест межличностных отношений Лири;
- 8) проективная методика – рисунок «Я и мой ребенок» для диагностики образа материнства;
- 9) тест Фагерстрема на определение степени никотиновой зависимости.

В результате проведенного исследования было достоверно выявлено ($p < 0,05$): курящие во время беременности женщины, характеризуются высоким уровнем личностной тревожности, высоким уровнем агрессии, высокой активностью, потребностью в контроле ситуации и недоверие к окружающим.

Достоверно установлено, что ведущими стилями взаимоотношений курящих женщин являются: авторитарный и эгоистический стиль.

Агрессия и потребность в достижении успеха среди курящих беременных женщин взаимосвязаны с использованием таких стратегий совладания со стрессом, как конфронтация и принятие ответственности. Вместе с этим, курящие женщины используют разнообразные психологические защиты: компенсация, вытеснение, регрессия, замещение.

Достоверно установлено ($p < 0,05$), для курящих женщин во время стресса характерно: агрессивность, депрессия, общая тревога, злоупотребление наркотическими и лекарственными веществами.

Высокий уровень агрессии ($p < 0,05$), враждебности ($p < 0,05$) и личностной тревожности ($p < 0,05$) курящих беременных женщин способствуют формированию конфликтного образа материнства.

Таким образом, беременные женщины с никотиновой зависимостью имеют ряд эмоционально-личностных особенностей, которые влияют на формирование образа материнства. В результате исследования получены достоверные данные о характерных особенностях межличностного общения курящих женщин, а также выявлены характерные реакции на стресс и ведущие механизмы защиты.

Особенности психофизиологического развития детей с синдромом дефицита внимания

В.Н. Пугач, В.М. Кабаева (Москва)

Characteristics psychophysiological development of children with attention deficit disorder – V. Pugach, V. Kabaeva (Moscow)

Целью представленной работы является исследование взаимосвязи психофизиологического (функциональная асимметрия полушарий-ФАП, доминирование руки), психоэмоционального состояния (ПЭС) и некоторых показателей восприятия детей с синдромом дефицита внимания (СДВ).

Участники исследования: дети с диагнозом СДВ в возрасте 6,5-9 лет ($n=40$), занимавшиеся в группах ППМС Центра Зеленоградского округа Москвы. Замерялись показатели функциональной асимметрии полушарий головного мозга, ведущей руки (прибор «Активациометр АЦ-9» авт. Ю.А.Цагарелли); некоторые свойства произвольного внимания (тест Тулуз-Пьерона), особенности ближнего и дальнего пространств восприятия (авторская методика В.Н.Пугача, Patent USA № 7,309,125.B2 2007).

По современным представлениям асимметрии человека являются важным показателем онтогенетического развития. Среди обследованных детей с СДВГ распределение оказалось

следующим: левополушарных – 44%, правополушарных – 38% и межполушарную уравновешенность имеют 18%. Существенная, сильная и очень сильная межполушарная асимметрия имеются у 47% детей. Тип мышления зависит не только от функциональной асимметрии полушарий головного мозга, но и от ведущей руки. В данной выборке 53% праворуких и 47% леворуких детей. Амбидекстров среди обследованных детей с СДВГ нет. Считаем важным заметить, что сильную и очень сильную степень рукости имеют 68% ребят.

Традиционным является представление о том, что у всех правшей доминантным полушарием является левое, а индивидуальный стиль умственной деятельности – левополушарный. В нашей выборке детей с СДВГ наиболее многочисленной (31%) оказалась группа с контрлатеральным регулированием действий рук. С ведущей правой рукой и правым полушарием 21%. 26% детей леворуких и левополушарных и остальные (22%) уравновешенные с доминированием левой (17%) и правой (5%) рук.

Переработка информации связана с активным восприятием и произвольным вниманием. По методике В.Н.Пугача изучались проблемы восприятия детей с СДВГ на основе анализа двух пространств восприятия: ближнего и дальнего. Дефектами восприятия называют нистагмы слева и справа в данных пространствах или экранах. Среди обследованных детей с СДВГ имеют нарушения только в ближнем пространстве 24%, только в дальнем – 13%. А нарушения в обоих экранах 53%.

Таким образом, нами впервые обнаружены нарушения восприятия в дальнем и ближнем пространствах у детей с СДВГ, значимые для диагностики и коррекции дислексии и дисграфии.

Терапевтический альянс как неспецифический фактор эффективности интегративной психотерапии расстройств аффективного спектра

О.Д. Пуговкина, А.Б. Холмогорова (Москва)

Therapeutic alliance as non-specific factor of effectiveness of integrative psychotherapy of affective spectrum disorders — O.D. Pugovkina, A.B. Kholmogorova (Moscow)

Исследования показывают, что качество рабочего альянса объясняет значительную долю дисперсии в показателях эффективности психотерапевтического лечения психических расстройств. Задачей настоящего исследования являлось выявление связи качества терапевтического альянса и эффективности интегративной психотерапии пациентов с расстройствами аффективного спектра.

В исследование были включены 47 пациентов с расстройствами аффективного спектра. Всем пациентам был предложено комбинированное лечение, включавшее курс интегративной психотерапии, в основу которого положены когнитивно-бихевиоральный и системный подходы, а также ряд идей отечественной клинической психологии и других школ психотерапии. 75% пациентов по показаниям было предписано медикаментозное лечение.

Были выделены три группы: «drop-out» (n=18, пациенты, которые по разным причинам оставили лечения до получения 10 сеансов интегративной психотерапии), «краткосрочная терапия» (n=14, пациенты, которым удалось достичь клинически значимых улучшений состояния и поставленных целей психотерапии в течение 10-15 сессий), «долгосрочная терапия» (n=13, пациенты, которым для достижения клинически значимых улучшений и поставленных целей психотерапии понадобилось более 20 сессий).

Были проанализированы самоотчеты пациентов и отчеты психотерапевтов и психиатров относительно оценки эффективности лечения и качества рабочего альянса.

Сравнение групп показывает, что качество терапевтического альянса, как в медикаментозном, так и в психотерапевтическом лечении связано с эффективностью и продолжительностью терапии.

Предикторами быстрого достижения клинически значимых улучшений состояния и достижения основных целей психотерапии является достаточно высокое качество альянса в начале лечения, а также выраженная тенденция к его росту в течение первых 10-15 сессий. Основные параметры, по которым происходит упрочнение рабочих отношений пациента и терапевта – это открытость на сессии и свобода выражения чувств, а также конструктивная работа по постановке целей и задач терапии. Важное прогностическое значение имеет также энтузиазм пациента, принятие им способа лечения и готовность прикладывать усилия.

В нашем исследовании было обнаружено, что терапевтический альянс определяет скорее длительность необходимого лечения, чем эффективность терапии. Так, в группе долгосрочной терапии невысокое качество раннего альянса было компенсировано в течение первых 10 недель терапии, в течение которых была достигнута клинически значимая положительная динамика состояния больных, хотя речь не шла еще о выздоровлении. В группе пациентов, преждевременно прервавших терапию, отсутствовали тенденции к росту рабочего альянса, что значимо отличало их от больных как краткосрочной, так и долгосрочной группы.

Особенности агрессивности больных психосоматическими заболеваниями

В.Г. Рагозинская (Челябинск)

Features of psychosomatic patients' aggressiveness — *V.G. Ragozinskaya (Chelyabinsk)*

При психосоматических заболеваниях отрицательные эмоции часто выступают и как факторы этиопатогенеза, и как реакция на болезнь. К эмоционально-негативным состояниям, оказывающим выраженное неблагоприятное влияние на функции организма, наряду с депрессией и тревогой, относят агрессивность и враждебность. Поэтому изучение особенностей проявления агрессивности и их нейрофизиологических коррелятов у больных психосоматозами имеет значение для решения задач совершенствования диагностики и лечения этих заболеваний.

Нами обследовано 195 больных психосоматозами (148 женщин и 47 мужчин) в возрасте 20-50 лет, в том числе 62 больных гипертонической болезнью (ГБ), 65 больных диффузным токсическим зобом (ДТЗ), 68 больных язвенной болезнью желудка и двенадцатиперстной кишки (ЯБ) (все указали в анамнезе на связь возникновения заболевания с острой или хронической стрессовой ситуацией). Для группы контроля обследовано 182 здоровых испытуемых 20-50 лет, подобранных с учетом требования соответствия половозрастным показателям испытуемых клинической группы (140 женщин и 42 мужчины). Условием включения в обе группы было отсутствие неврологических симптомов и органических изменений мозга. От всех получено информированное согласие.

Нами использованы шкала агрессивности STAXI Спилбергера и шкала SCL-90-R. Нейрофизиологическое исследование включало ЭЭГ и спектральный и когерентный анализ свободных от артефактов фрагментов ЭЭГ покоя.

Математико-статистический анализ данных осуществлялся с помощью методов дисперсионного анализа ANOVA для повторных измерений (с коррекцией Greenhouse-Geisser и апостериорным критерием Тьюки) и факторного анализа (метод максимального правдоподобия с варимакс-вращением).

Нами установлено, что у больных ГБ, больных ДТЗ и больных ЯБ в структуре агрессивности наибольший вес имеют агрессивность как свойство личности и агрессивность как проявление темперамента, у здоровых испытуемых – агрессивность как свойство личности, агрессивность как реакция на события и гетероагрессия. Таким образом, структура агрессивных проявлений во всех исследуемых группах содержит компонент личностной агрессивности, понимаемой как устойчивая склонность индивида привычно реагировать агрессией в разных ситуациях и на различные стимулы. При этом роль особенностей темперамента в формировании этой склонности у больных психосоматозами более выражена, чем у здоровых лиц.

По данным спектрального анализа ЭЭГ больные психосоматозами (вне зависимости от нозологии) с умеренно-повышенным уровнем агрессивности отличаются от умеренно-агрессивных здоровых лиц значимым снижением мощности тета-диапазона в билатеральных префронтальных и затылочных отделах ($p \leq 0,02$). У больных с высоким уровнем агрессивности в сравнении с высокоагрессивными здоровыми лицами повышена мощность тета-диапазона в левой лобно-височной области.

По данным когерентного анализа ЭЭГ у больных психосоматозами (вне зависимости от нозологии) с умеренно-повышенным уровнем агрессивности в сравнении с умеренно-агрессивными здоровыми лицами значимо повышена когерентность в гамма-диапазоне в височно-теменно-затылочных отделах правого полушария: в паре T6O2 (при ГБ $p \leq 0,01$; при ДТЗ $p \leq 0,04$; при ЯБ $p \leq 0,01$) и P4O2 (при ГБ $p \leq 0,01$; при ДТЗ $p \leq 0,03$; при ЯБ $p \leq 0,05$). При высоком уровне агрессивности у больных психосоматозами всех исследуемых групп отмечается глобальное снижение когерентности (для всех при $p \leq 0,01$).

К пониманию психосоматической реальности человека: соотношение души, духа и телесности

Н.А. Русина (Ярославль)

Towards understanding of psychosomatic reality of human being: relations of soul, spirit and body —
N.A. Rusina (Yaroslavl)

Психосоматическая медицина рассматривает до 60% заболеваний как болезни «образа жизни» человека. При изучении анамнеза больного описывают влияние психики человека на его телесные проявления. В то же время понятие «психика» не дает полного понимания происхождения и течения болезни. Парадигма холистического подхода к человеку, соединяющего в единстве его тело (в нашей терминологии «телесность»), душу и дух, существовала с глубокой древности. По мнению русского философа И.А. Ильина, ни тело, ни душа человека не свободны, ибо связаны законами времени и причинами вещественной природы. Только дух человека имеет дар – вывести себя внутренне из любого жизненного созерцания, противопоставить его себе, оценить его, избрать или отвергнуть.

Обратимся к анализу взаимосвязи указанных понятий. Разведение понятий «тело» и «телесность» имеет принципиальное значение. «Тело» означает, прежде всего, физический объект, не несущий субъектности. «Телесность» есть одухотворенное тело. Понятия «тело» и «телесность» отличает мера жизненности (примеры: близнецы, телесная терапия, танцующий, спортивный человек). Телесность (плоть, живое тело, тель, динамическое тело) рассматривается как особый феномен и предметное поле психологических исследований, занимающих пространство «между» душой и телом, в его физическом понимании. Это пространство переосмысления, возникновения новых смыслов, пространство, соединяющее противоположности.

«Седлище души искали внутри, а она, нежным покровом облекает нас» (Шпет Г.Г.). Есть суждение, что душа входит в тело младенца с его первым криком. А когда человек умирает, душа уходит, и тело становится легче. Но тело теряет телесность. Означает ли это, что потеря телесности сопровождает утрату души? Каковы отношения между телесностью и душой? Может ли быть телесность без души? А душа без телесности? В традициях древней русской психологии плоть (телесность) осмысливалась как «дом и зеркало души, а душа как дом и зеркало духа». Исходя из вышесказанного, не может быть ни телесности без души, ни души без телесности. Но они не равнозначны. Природа их разная. Душа имеет условную «вещественность». Вещественность эта полевая. Вещественность телесности скорее материальная плюс полевая.

Душа, с ее кажущейся непространственностью, находится между духом и телесностью. Вместе они образуют целостный состав человека. Дух является содержимым души. Для души существенно не только местонахождение, но и положение: говоря о симпатиях и антипатиях, используют выражение, душа лежит к кому-либо или к чему-либо. Для духа важно

расположение, говорят о хорошем или дурном расположении духа как о некоей субстанции, окружающей человека. Дух является содержимым души. Душа автономна и индивидуальна. Дух существует как часть некоторой межличностной субстанции, осколочек мирового духа. Душа, как и телесность, может болеть. Душу, как и телесность, можно очищать, лечить, «целить». Термин «целительство» наиболее уместен: делать целым, цельным то, что невозможно разделять и лечить отдельно.

Философ М.М. Бахтин заключает: «Душа – дар моего духа другому». Не важно, божественный это дар или человеческий. Взгляд, который обращен к нам, где бы мы его не находили, не относим с телом, которое его несет и физически выражает. П.А. Флоренский отмечал: взгляд младенца желает не плоти Другого, а души Другого. (Пример: глаза тяжело больного ребенка, глаза мудрого старого человека). Но глаз становится другим, когда он желает плоти Другого. Взгляд – касание. Неважно, любящих или ненавидящих людей – это всегда пробуждение плоти. Плотью можно назвать состояние тела, когда оно проступает на собственной поверхности («гусиная кожа», «электрический разряд» прикосновения). Плоть (телесность) как избыток тела.

Одухотворение плоти – нечто большее, чем «очувствление». Одухотворение связано не столько с рождением ощущений или способности к движению, сколько с рождением смысла, чувства, души, тайны. Душа может говорить, может молчать. Может быть светлой, а может быть горестной, страдающей. Ф.И. Тютчев писал: «Душа есть в узах заключенный дух», подчеркивая духовную природу души и ее энергичность. Она может преодолевать слабости тела и агрессию духа. Может не только болеть, но и «волить», велеть. М.М. Бахтин отмечал: «Внутреннюю жизнь другого я переживаю как душу, в себе самом я живу в духе. Душа – образ совокупности всего действительно пережитого, всего наличного в душе во времени, дух же – совокупность всех смысловых значимостей, направленности жизни, актов исхождения из себя. С точки зрения самопереживания становится понятным смысловое бессмертие духа, с точки зрения переживания мною другого – понятно бессмертие души».

Из наших суждений заключаем: душа, содержащая дух, наделяет им тело, которое приобретает телесность. Примирение происходит в пространстве «между», где встречаются деятельный дух, страдающая душа с живыми, одушевленными движениями тела. Если какой-либо из атрибутов отсутствует, душа оказывается ущербной. Высокий ум, талант, профессиональное мастерство могут быть отравлены гордыней, завистью, которые опустошают душу, убивают дух. Нельзя сводить душу к познанию, чувству, воле, к абстрактным психическим функциям. Душа – избыток психики. Тело нельзя разделить на независимо функционирующие органы и системы, а всю их совокупность, в свою очередь, нельзя отделить от душевных переживаний. Для психосоматического больного болезнь – это язык его души, поиск состояния гомеостаза в регрессивной ситуации. Нередко болезнь становится катарсисом, духовным лекарством, если она осознается субъектом.

Половые различия психофизиологического статуса студентов университета

Л.М. Халидова, Л.И. Губарева, Е.И. Федорова (Ставрополь)

Gender differences of psychological status of university students – *L.M. Halidova, L.I. Gubareva, E.I. Fedorova (Stavropol)*

По мнению Н.А. Агаджаняна (2006), за период обучения в вузе студенты подвергаются воздействию ряда неспецифических (климатогеографические, экологические) и специфических (малоподвижный образ жизни, возрастные, физиологические и психологические особенности, эмоциональные перегрузки, особенно во время сессии,) факторов, сказывающихся на их здоровье. В соответствии с приоритетным направлением фундаментальных исследований «Человек как субъект общественных изменений: социальные, гуманитарные и психологические проблемы» и приказом Минобрнауки России от 12.01.2007 № 7 «Об организации

мониторинга здоровья обучающихся, воспитанников образовательных учреждений» целью настоящего исследования было изучение половых различий психофизиологического статуса юношей и девушек в период адаптации к университетской среде.

В условиях естественного эксперимента обследовано 286 студентов 1-2 курсов Грозненского госуниверситета. Степень адаптации сердечно-сосудистой системы оценивали по показателям частоты сердечных сокращений (ЧСС), величинам артериального давления и адаптационного потенциала (АП) системы кровообращения; состояние центральной нервной системы (ЦНС) – по показателям простой и сложной зрительно-моторной реакции (ЗМР), количеству ошибок, интегральному показателю надежности нервной системы, уровню стабильности реакций, уровню активации ЦНС, а также уровню нейротизма. Тип ВНД определяли с помощью теста Айзенка. Результаты исследования обрабатывали статистически.

Согласно, полученным нами данным, в течение первого года обучения у студентов возрастает ЧСС, величины систолического и пульсового давления, АП ($p < 0,05$), указывающие на активацию симпатического отдела вегетативной нервной системы. О напряжении функционального состояния ЦНС свидетельствуют более высокие по сравнению со стандартными показатели латентного периода ЗМР, количества ошибок на дифференцировку. К концу 2 курса обучения показатели стабилизируются. При этом у девушек ЧСС выше, чем у юношей, а показатели систолического и пульсового давления ниже ($p < 0,05-0,01$). По показателям простой ЗМР девушки допускают больше упреждающих реакций при меньшей величине времени ЗМР, что свидетельствует о преобладании процессов возбуждения; у них ниже уровень стабильности реакций, в то время как по показателям сложной ЗМР девушки допускают меньше упреждающих реакций, у них выше уровень быстрой реакции. Но при этом девушки, больше, чем юноши допускают ошибок на дифференцировку и у них ниже уровень стабильности реакций ($p < 0,05-0,01$). В пользу этого свидетельствует более высокий уровень нейротизма ($13,2 \pm 0,3$ б. и $10,8 \pm 0,4$ б. соответственно, $p < 0,01$). Среди девушек-студенток факультета государственного управления преобладают представители холерического (40%) и сангвинического (22%) типа, среди юношей – сангвинического (45%) и флегматического (20%) типа. 18,5% девушек и 15% юношей принадлежат к микстовым типам темперамента.

Полученные данные могут быть положены в основу профильного обучения.

Исследование уровня развития пространственных представлений у младших школьников – левшей

А.Ю. Селикова (Санкт-Петербург)

Investigation of the level of development of spatial representations in younger left-handed schoolchildren – A.Y. Selikova (Sankt Petersburg)

Пространственные представления служат основой, на которой выстраиваются все высшие психические процессы, обучение которым вызывает школьные трудности у детей с признаками левшества. В связи с увеличением числа левшей в человеческой популяции возникает необходимость исследования специфики формирования когнитивных функций, в частности пространственных представлений, с целью дальнейшего подбора эффективных методов обучения.

Было проведено исследование уровня развития пространственных представлений среди учащихся третьих классов с различными индивидуальными латеральными профилями (всего 55 человек). С помощью методики Семенович А.В. и проб Лурия А.Р. были выделены следующие группы: учащиеся с левым латеральным профилем – 25 человек, с правым латеральным профилем – 30 человек. Оценка сформированности пространственных представлений испытуемых, выполненная на основе методики исследования пространственных представлений Семаго Н.Я., Семаго М.М., производилась в соответствии с четырьмя выделенными уровнями в той последовательности, в которой они формируются в онтогенезе: представления о собственном

теле, о взаимоотношении внешних объектов и тела, диагностика понимания и употребления предлогов и некоторых понятий, а также лингвистических представлений.

В результате было установлено, что 87% младших школьников правой лучше, чем их сверстники левши, знают названия частей тела и лица, более точно и верно анализируют положение рук относительно собственного тела и частей рук относительно друг друга. Так как формирование схемы тела связано с созреванием постцентральных областей теменной доли правого полушария, можем сделать предположение, что эти структуры в данном возрасте у правой более зрелые.

Были получены данные, свидетельствующие о том, что у исследуемых детей структурно-топологические представления находятся в пределах возрастной нормы как у правой, так и у левой.

Было установлено, что большая часть детей, как левшей (60%), так и правой (77%), обладает пониманием предлогов, обозначающих взаиморасположение объектов по вертикальной и горизонтальной осям, включая, в том числе, и право-левую ориентировку. Наибольшие трудности возникли у левшей (80%) именно с владением понятиями «право-лево».

В большинстве своем дети оказались способными к пониманию сложных речевых конструкций, в том числе пространственно-временных и причинно-следственных (70% правой и 60% левшей). Однако диагностика лингвистических представлений показала, что понимание сложно-речевых конструкций и возможность ими оперировать у правой (60%) развита лучше, чем у левой (36%).

На основе полученных результатов были сделаны следующие выводы.

Владение левшами пространственными представлениями находится на низком уровне развития. Дети плохо владеют схемой тела, то есть самым первым уровнем структуры пространственных представлений. Получены низкие показатели и по другим, более «высшим», уровням этой структуры.

Несмотря на то, что у правой пространственные представления сформированы не в полной мере, эти дети все же опережают левшей и показывают более высокий уровень развития. У правой лучше развиты и пространственные представления о собственном теле, и структурно-топологические представления, и лингвистические представления. Это свидетельствует о более позднем созревании мозговых структур головного мозга левшей по сравнению с правшами.

Генетические аспекты психологических и поведенческих нарушений у детей с аутистическими расстройствами и трудностями в обучении: диагностика геномных и хромосомных нарушений с использованием ДНК-микрочипов

С.Г. Ворсанова, Ю.Б. Юров, О.С. Куринная, А.П. Сильванович,
Н.Л. Горбачевская, И.Ю. Юров (Москва)

Genetic aspects of psychological and behavioral functions in children with autism and learning disability: diagnosis of chromosomal and genomic abnormalities by DNA microarray chips –
S.G. Vorsanova, Y.V. Yurov, O.S. Kurinnaya, A.P. Silvanovich, N.L. Gorbachevskaya, I.Y. Iourov (Moscow)

Генетические нарушения встречаются с высокой частотой у детей с аутизмом и умственной отсталостью. Для больных аутизмом характерны основные симптомы, проявляющиеся до трех лет: дефицит социального взаимодействия и общения, склонность к повторяющимся действиям (стереотипии, ритуальное, компульсивное поведение). Эти дети нуждаются в коррекции психологических и поведенческих нарушений. Молекулярное кариотипирование с использованием ДНК-микрочипов – одна из наиболее современных технологий диагностики геномных и хромосомных нарушений при аутизме и умственной отсталости. В практике клинической

психологии и медицинской генетики мы применяем методы высококорреляционной сравнительной геномной гибридизации (HRCGH) и молекулярное кариотипирование (агау CGH). При обследовании 100 детей с трудностями в обучении и врожденными пороками развития выявлены перестройки генома в 47% случаев. Они включали делеции (28 случаев; 60%), дупликации (15 случаев; 15%), субтеломерные перестройки (12 случаев; 25%). При помощи молекулярного кариотипирования обследовано 25 случаев. Геномные/хромосомные перестройки обнаружены в 14 из 30 случаев (47%). В одном случае была выявлена конституциональная геномная нестабильность в виде множества делеций и дупликаций. Клинически значимые вариации генома обнаружены в 9 случаях (30%). Известно, что субтеломерные микроделеции и микродупликации часто встречаются у детей с умственной отсталостью, ассоциированной с аутизмом. Использование агау CGH показало, что такие субтеломерные геномные перестройки (СПП) могут быть более сложными, чем казалось ранее. Мы оценили частоту встречаемости и сложность СПП, обследовав этим методом 43 ребенка сумственнойотсталостьюи аутизмом. Микроделеции и микродупликации обнаружены у 14 (33%) из 43 пациентов. Большие терминальные делеции (размер 4,7-6,1 млн пар нуклеотидов) обнаружены в 4 случаях (del4pter/dup8pter; del7qter; del10qter; dup19pter). 3 случая были связаны с дупликацией (1 мальчик) и делецией (2 девочки) участка Xq28 (включая ген MECР2, контролирующий экспрессию генов в нейронах мозга). В 1 случае выявлена небольшая делеция участка 2qter (<1 млн пар нуклеотидов). Оставшиеся СПП представляли собой более сложные перестройки в виде множественных мелких делеций и дупликаций (<0,3 млн пар нуклеотидов), расположенных на большем расстоянии от теломер. Среди них в 2х случаях наблюдалось рекуррентное совпадение делеций в 9qter и 21qter. В 4х случаях обнаружены следующие СПП размером от 0,1 до 0,3 млн пар нуклеотидов: del1pter/del5pter; del4qter/del5qter; dup16pter/del6pter; del1pter/del4pter/del20qter. Наконец, в 1 случае выявлена конституциональная геномная нестабильность, проявляющаяся в виде множественных делеций и дупликаций (размер от 1 до 2,5 млн пар нуклеотидов), включающих несколько субтеломерных регионов (1pter; 16pter; 20qter; 22qter). Эти данные позволяют предположить, что небольшие (<1 млн пар нуклеотидов) комплексные СПП часто встречаются у детей с умственной отсталостью и аутизмом. Кроме того, нами разработан биоинформатический метод для оценки патогенности вариаций генома с использованием анализа экспрессии генов и протеомного мета-анализа при помощи Gene Expression Omnibus, BioGPS, Cytoscape 2.8.0 and Pathway Commons. Наши данные демонстрируют, что HRCGH может быть использован для пре-скрининга перед проведением молекулярного кариотипирования. Насколько нам известно, данное исследование детей с идиопатической умственной отсталостью и аутизмом является первым в России. Исследования геномных и хромосомных нарушений у детей с аутистическими расстройствами и трудностями в обучении важны не только для дифференциальной диагностики и постановки генетического диагноза, но также для разработки научно-обоснованных методов медицинской и психологической коррекции нарушений психики.

Особенности Я-концепции и стратегий совладающего поведения у женщин, больных раком яичников.

Н.А. Сирота, Д.В. Московченко (Москва)

Features self-concept and coping behavior in women with ovarian cancer. —

N.A. Sirota, D.V. Moskovchenko (Moscow)

В последние десятилетия становится все более актуальной задача определения механизмов саморегуляции психической деятельности в норме и патологии, ресурсов организма человека и его личности для успешного преодоления различных заболеваний, повышения качества жизни больного. В связи с этим, становится крайне важным определение способов и ресурсов совладающего с болезнью поведения как психологических механизмов адаптации (дезадаптации) у больных с хроническими тяжелыми заболеваниями. Особую важность в этом ряду приобретают исследования совладания с онкологической патологией, в частности с раком яичников. Проблема

рака яичников является актуальной для современного мира. По данным международной организации здравоохранения одна из семидесяти женщин (1,4%), имеет диагноз рака яичников. В России степень заболеваемости составляет 77 случаев на 100 тысяч населения. Вопрос психологического исследования данной группы больных до настоящего времени остается открытым.

Целью данной работы являлось изучение Я-концепции и стратегий совладания с заболеванием у женщин с раком яичников. Было обследовано 25 женщин с диагнозом «Рак яичников второй стадии», прошедших оперативное лечение и получающих химеотерапию. В ходе исследования использовалась специально подобранная батарея методик. Исследование показало, что у женщин, больных раком яичников, отмечаются специфические и выраженные нарушения Я-концепции и совладающего как с болезнью, так и с жизненными стрессами поведения. У них наблюдается низкая дифференцированность актуального и идеального «Я» и высокая частота использования стратегий эмоционально-ориентированного совладания, избегания и отвлечения с преобладанием экстернальности во всех сферах локуса контроля. Среди форм психологической защиты у женщин больных раком яичников, отмечается использование «регрессии», «отрицания», «проекции». Результаты проведенного исследования отражают глубину психологических проблем у больных с данной патологией.

Подходы к исследованию апраксии: сравнительный анализ физиологии активности и нейрокогнитивных моделей праксиса

А.А. Скворцов (Москва)

Approaches to apraxia research: the comparative analysis of physiology of activity and neuro-cognitive praxis models — A.A. Skvortsov (Moscow)

Исследования апраксии в зарубежной нейропсихологии сосредоточены вокруг объяснения диссоциаций, обнаруживающихся при различиях в предъявляемом задании. Эти различия сводятся к: 1) типу движений (осмысленные или бессмысленные, знакомые или незнакомые, выполняемые с орудием или без него и пр.); 2) форме подачи задания (по вербальной инструкции, наглядному показу и т.д.). В зарубежных нейрокогнитивных моделях реализации движений (К. Heiman, L.J.G. Roth, A. Bartolo, L.J. Vuxbaum и др.) перечисленные факторы (т.е. особенности стимульного материала) однозначно определяют структуру будущего двигательного акта, а именно выбор входа (вербального, визуального и т.п.) и пути (лексического или нелексического) последовательной обработки информации. Независимое повреждение блоков, входящих в состав соответствующих путей, или связей между этими блоками и объясняет наблюдаемые диссоциации при нарушениях движений. Вместе с тем в исследованиях отечественных авторов (Н.А. Бернштейн, П.К. Анохин, А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец и др.) показано, что построение движения является активным процессом, существенно зависящим не только от характера внешней стимуляции, но и от поставленной субъектом двигательной задачи, осуществляющимся на основе непрерывной обратной связи и с постоянными коррекциями по ходу выполнения. Сопоставление отечественных / зарубежных (нейрокогнитивных) моделей организации движений выявляет ряд существенных отличий: 1. Целостность (функциональное значение элемента двигательного акта может меняться в зависимости от изменения структуры целого) / элементаризм (свойства элемента двигательного акта не зависят от структуры целого). 2. Иерархическая структура двигательного акта (обработка информации происходит одновременно на разных подчиненных уровнях построения движения, влияющих друг на друга) / линейная структура (обработка информации происходит последовательно по одному из путей, выбор которого определяется исходной стимуляцией). 3. Двигательный акт при каждом выполнении строится заново / двигательный акт, как правило, реализуется благодаря актуализации одного из шаблонов движений, хранящихся в долговременной памяти. 4. Структура двигательного акта определяется поставленной субъектом задачей / структура двигательного акта определяется внешним заданием, т.е. стимульным материалом. 5. Для выполнения движения необходима непрерывная обратная связь

и коррекция относительно успешности выполнения задачи / обратная связь и коррекция, как правило, не предполагаются. Указанные особенности отечественных моделей построения движений в целом реализуют принцип активности субъекта в противовес механистичности зарубежных подходов. Опираясь на теорию Н.А. Бернштейна, мы предполагаем, что в клинических картинах синдромов апраксии могут быть обнаружены диссоциации, обусловленные выборочным нарушением одного из уровней построения движений. Такие диссоциации будут проявляться в зависимости от содержания стоящей перед испытуемым двигательной задачи (которая определяет выбор ведущего уровня построения движения и его структуру в целом) и вне зависимости от других особенностей стимульного материала. Современные нейрокогнитивные модели апраксии не могли бы объяснить подобные диссоциации.

Эмоциональные расстройства в структуре внутренней картины болезни у женщин репродуктивного возраста с онкологической патологией

Е.В. Степанчук (Санкт-Петербург)

Emotional frustration in structure of an internal picture of illness at women of reproductive age with an oncological pathology — *E.V. Stepanchuk (Sankt-Petersburg)*

В настоящее время одним из наиболее актуальных вопросов психоонкологии представляется изучение специфики эмоционального реагирования в сопоставлении с совладающим поведением больных, что, возможно, позволит оценить влияние психологических факторов на течение и успешность медикаментозного лечения. Нами было проведено исследование, целью которого являлось выявление специфических эмоциональных расстройств в структуре внутренней картины болезни и особенностей совладающего поведения у женщин репродуктивного возраста с онкологической патологией наиболее распространенных для данной категории больных нозологических групп. Исследование предполагало психологическую диагностику больных данной категории, находящихся на химиотерапевтическом лечении в стационаре не менее полугода и не более 1 года, то есть в период воздействия витальной угрозы при уже сформированном совладающем поведении. Было исследовано 30 больных с лимфомными заболеваниями, а также 30 больных раком репродуктивных органов (рак молочной железы и рак шейки матки). Установлено, что в обеих группах больных выраженность депрессии по данным психодиагностического обследования достигает уровня умеренно выраженной депрессии, однако средний уровень депрессии в группе онкогематологических больных достоверно выше, чем в группе женщин с раком репродуктивных органов; доля пациенток с выраженной депрессивной симптоматикой в группе женщин с раком репродуктивных органов значительно ниже, чем в группе больных лимфомными заболеваниями. Такая же тенденция была выявлена в отношении реактивной тревожности женщин репродуктивного возраста с онкологической патологией: в группе женщин с раком репродуктивных органов средние показатели компонентов ситуативной тревожности ниже, чем в группе больных онкогематологическими заболеваниями. Было показано, что, несмотря на преобладание условно адаптивного эргопатического типа отношения к болезни у женщин репродуктивного возраста с онкологической патологией обеих нозологических групп, наличие выраженного сенситивного компонента иллюстрирует недостаточную успешность адаптации к ситуации болезни. Наличие в группе онкогематологических больных сильных положительных взаимосвязей между типами реагирования на заболевание, входящих в диагностическую зону, и уровнем депрессии позволяет говорить о дезадаптивной системе отношения к болезни у женщин, больных лимфомами. Анализ копинг-поведения указанной категории больных выявил отрицательные корреляционные связи в обеих группах между уровнем депрессии и наиболее напряженными копинг-стратегиями: «поиск социальной поддержки» и «положительная переоценка». Прямая взаимосвязь напряженности копинг-стратегии «бегство-избегание» и уровня депрессии в группе онкогематологических больных показывает, что адаптационный потенциал

совладающего поведения в группе женщин с лимфомными заболеваниями ниже, чем в группе женщин с раком репродуктивных органов. Полученные результаты несут теоретическую ценность в понимании закономерностей формирования эмоциональных расстройств у женщин репродуктивного возраста с онкологической патологией наиболее распространенных для данной категории больных нозологических групп. В то же время данные о взаимосвязях уровня депрессии и реактивной тревоги с типами отношения к болезни и копинг-стратегиями, могут быть использованы в выборе психотерапевтических мишеней при организации психологического сопровождения данной категории больных.

Психология созависимости в аспекте защитно-совладающих стилей

И.Я. Стоянова (Томск)

Psychology of co-dependence in the aspect of defensive-coping styles — *I. Ya. Stoyanova (Tomsk)*

Проблема оказания психологической помощи пациентам с невротическими расстройствами и созависимостью является актуальной в связи с ростом числа пациентов с этими нарушениями. С позиций концепции клинической персонологии, разработанной в НИИПЗ СО РАМН, созависимость – это особый вид социально-психологических дисфункций, обусловленных неконструктивными стратегиями и избыточной психологической защитой. Опора на данную концепцию оказалась продуктивной при изучении широкого спектра невротических расстройств. Она получила экспериментальное подтверждение при изучении защитно-совладающих проявлений у пациентов с созависимостью, невротическими расстройствами и в норме. При созависимости защитный комплекс характеризуется избыточным использованием психологической защиты по типу реактивного образования, регрессии и компенсации, умеренного использования замещения и отрицания, а также низким уровнем интеллектуализации, проекции и вытеснения.

Установлено, что система психологической защиты при неврозах характеризуется невротическим стилем, при созависимости – сочетанием невротического и психопатического типов. Между пациентками с невротическими расстройствами и созависимостью отмечаются достоверные различия при использовании стратегий совладания в поведенческой и эмоциональной и когнитивной сфере. В обеих группах выявлено преобладание неадаптивных стратегий «отрицание» и «диссимуляция» и снижение «конструктивной активности». Каждый уровень защитно-совладающей системы, включая способы психологической защиты и стратегии взаимодействия, у людей без нарушений психического здоровья является более функциональным по сравнению с нозологическими группами. При созависимости и неврозах адаптивный комплекс обладает меньшей конструктивностью. Это проявляется в преобладании психологической защиты над совладанием, а также трансформации копинг-стратегий в неэффективные защитные механизмы.

Эффективность тренингов различной направленности с учетом личностно-психотипологических особенностей первокурсников

А.В. Суворова (Ставрополь)

Efficiency of trainings of a various orientation with the account lichnostno-psihopologicheskoy features of first-year students — *A.V. Suworova (Stavropol)*

Одной из важнейших предпосылок успешной учебной деятельности первокурсников является их своевременная адаптация к условиям обучения в ВУЗе, рассматриваемая как начальный этап включения их в профессиональное сообщество. От ее успешности зачастую

зависит дальнейший ход профессиональной жизни человека. На начальном этапе обучения студенты испытывают значительные сложности в учебно-познавательной деятельности, требующей сформированной познавательной самостоятельности, коммуникативных умений, ценностных ориентаций. При этом одновременно растут противоречия и возникают трудности в становлении самооценки, самосознания и формировании позитивного образа «Я». Создание благоприятных психологических и социальных условий для преодоления студентами вуза трудностей адаптации в обозначенный период обеспечивают единство, непрерывность учебно-воспитательного процесса и преемственность в развитии личности.

Нами было проведено исследование, целью которого стало изучение влияния тренингов различной направленности на адаптацию первокурсников вуза с учетом личностно-психотипологических особенностей. Результаты исследования. Среди представителей циклоидного психотипа наибольшую эффективность продемонстрировали коммуникативные тренинги, обусловившие снижение показателей астенизации, психопатизации; улучшились показатели атмосферы в коллективе и уровня адаптивности. У представителей шизоидного психотипа после проведения коммуникативных тренингов, незначительно изменился только показатель невротической депрессии. В группе представителей шизоидного психотипа после проведения тренингов, направленных на снятие психоэмоционального напряжения, изменились показатели истерического реагирования, снизились показатели неуверенности при общении с окружающими, показатели психопатизации, что говорит о формировании осмотрительности, уступчивости, ориентированности на мнение окружающих, приверженности к строгому соблюдению общепринятых правил и норм поведения. Улучшились самочувствие и активность. После проведения коммуникативных тренингов среди представителей истероидного психотипа отмечаются позитивные изменения всех показателей. Значительные снижения отмечаются по показателям вегетативных нарушений, обсессивно-фобических нарушений, невротизации и психопатизации, тревожности. После проведения тренингов снятия психоэмоционального напряжения, у представителей истероидного психотипа изменился лишь показатель уровня астенизации. В результате проведения коммуникативных тренингов у представителей эпилептоидного психотипа также отмечается значительная динамика изменений: снижение показателя вегетативных нарушений, астении, тревожности, неуверенности при общении с окружающими. Улучшились показатели межличностных отношений в коллективе и адаптивных способностей. Это может свидетельствовать об эффективности данного вида тренингов для представителей эпилептоидной группы. Значимой динамики изменений после проведения тренингов снятия психоэмоционального напряжения в группе представителей эпилептоидного психотипа не отмечается. В целом, можно говорить, что проведение коммуникативных тренингов наиболее целесообразно для представителей циклоидного, эпилептоидного и истероидного психотипов, а тренинги снятия психоэмоционального напряжения – для представителей шизоидного психотипа.

«Приспособление к жизни» – «приспособление жизни» в целях поддержания здоровья

Н.Д. Творогова (Москва)

Adaptation to life as an adjusting device that living beings use to maintain health –
N.D. Tvorogova (Moscow)

В контексте «универсальных» способностей человека критерий здоровья – «способность к делу», введенный русским врачом Г.А.Захарьиным, «резюмирует» все многообразие морфофизиологических, психоэмоциональных и духовно-волевых «измерений» индивида, характеризующих его готовность к предстоящему напряжению и открытость детерминации будущим. Основные критерии здоровья: (а) структурная и функциональная сохранность органов и систем; (б) свойственная организму индивидуально достаточно высокая приспособляемость к изменениям в типичной для него природной и социальной среде; (в) сохранность привычного самочувствия.

Вслед за Т.Дмитриевой (2002) мы используем понятие «адаптация» для обозначения одного из механизмов приспособления человека (другие его механизмы – компенсация и защита). Однако заболевание нередко требует от человека изменения своего поведения не столько в направлении приспособление к жизни, сколько в направлении реализации своего потенциала, своих высших целей.

Поведение, которое по своей направленности и способам осуществления приближает человека к здоровью, благополучию в разных сферах его жизни мы называем саногенным поведением. Саногенное поведение в контексте жизнедеятельности личности можно рассматривать как линию ее жизни, как поведенческую надсистему, гармонизирующую отдельные входящие в нее и коммуницирующие между собой поведенческие акты, виды деятельности; оно задает векторы развития – духовного, социального, психического, физического, предполагая гармонию развития человека во всей его целостности. Объективными регуляторами такого развития выступают показатели физического и психического здоровья, социального благополучия (в зарубежных исследованиях оценивается успешностью социального и экономического функционирования), а в качестве субъективного регулятора – переживание состояния благополучия, удовлетворенность жизнью, приписывание ей высокого качества.

Переучивание – модификация привычных (а) представлений о ком-либо или о чем-либо, сформированных ранее знаний, (б) отношений, убеждений, (в) моделей, программ, действий, операций, способов привычного поведения, образа жизни, общения; сформированных ранее умений, навыков.

При разработке технологии проведения занятий в школах здоровья для больных сахарным диабетом нами сформулированы принципы их проведения. В предложенной нами общей («рабочей») технологии оказываются задействованными не только механизмы адаптации, компенсации, защиты, но упор делается на самореализацию пациента даже в ситуации его физического нездоровья, на способность управлять своим поведением, на придание последнему свойств саногенного поведения. На первом этапе занятий мы стараемся оказать помощь личности, находящейся в ситуации физического нездоровья, в совладании с этой ситуацией, помогаем провести «ревизию» своих ценностей и жизненных смыслов, найти новые пути и способы достижения значимых жизненных целей. Второй этап применяемой нами технологии – переход к рассмотрению ранее привычных для пациента способов поведения, к изменению его отношения к ним, к тому, чтобы «проститься» с ними. В исследовании показано, что в зависимости от процесса, который перестраивается (высшие психические функции, профессиональные действия и операции, привычные модели общения, образ жизни, др.), необходимы разные технологии такой перестройки. Предварительная эмпирическая проверка новой технологии проведения занятий показала, что такие занятия способствуют вхождению в жизнь пациентов радости, снижению страха и стыда; у пациентов экспериментальных групп повысилась субъективная оценка качества своей жизни.

Новая аутогенная тренировка и навык психогигиены в практике педагога

А.А. Табидзе (Москва), А.А. Востриков (Томск)

New autotraining and skill of psychohygiene in teacher practice –
A.A. Tabidze (Moscow), A.A. Vostrikov (Tomsk)

Представлена разработка новой Аутогенной Тренировки (АТ) «Уравновешенность и устойчивость к стрессу» длительностью 35 минут, отличающейся простотой использования, эффективностью действия и доступностью освоения. Она имеет две группы новизны – концептуальную и содержательную.

К концептуальной группе относятся:

1. Значительное сокращение времени процесса обучения. Это связано с исключением требования запоминания и мысленного проговаривания формул сеанса релаксации

- и рекомендацией гетерогенного способа восприятия текста АТ. В этом случае, как правило, АТ получается с первого раза.
2. Восстанавливающее, оздоровительное действие АТ связывается с формированием нового навыка – навыка психогигиены (систематического прослушивания АТ на CD), аналогичного навыку гигиены тела.
 3. Педагог, рекомендуя своим подопечным освоение и использование подобной АТ, обязан сам выработать у себя навык психогигиены (навык прослушивания) и иметь собственный опыт эффективности её действия. Только тогда его рекомендации будут иметь соответствующий авторитет. Учитель плавания должен сам уметь плавать.
 4. Наличие у последователей в собственности этой АТ и призывы по её систематическому использованию, как правило, не способствуют появлению навыка прослушивания CD. Ученик всегда будет ссылаться на отсутствия времени и места.
 5. Наиболее предпочтительный путь формирования навыка психогигиены может быть обеспечен в организованном порядке в течение 2-3 недель ежедневного прослушивания на выделенных занятиях в учебных заведениях.
 6. При овладении этим навыком психогигиены в массовом порядке в значительной степени решается социальная проблема снижения синдрома эмоционального выгорания, синдрома хронической усталости и т.п.

АТ состоит из 4 частей: 1 часть – сеанс релаксации, 2, 3, 4 части – психотехнические упражнения.

К содержательной группе новизны здесь относятся:

1. Достижение релаксационного состояния обеспечивается учётом особенностей расслабления каждой из трёх сфер человека – телесной, эмоциональной и интеллектуальной. Данная часть детально представлена в АТ №1 «Расслабление и релаксация» (37 мин.).
2. Кроме того, в данной АТ вырабатывается состояние «тело спит, а сознание бодрствует». В этом случае вопросы безопасности автоматически снимаются, так как формируемое состояние ясности сознания всегда способно оценивать окружающую ситуацию, что позволяет при необходимости легко самостоятельно выйти из тренировочного режима.
3. Первое психотехническое упражнение обеспечивает получение нового внутреннего опыта – отсутствия телесной физиологической реакции в релаксационном состоянии на негативные образы.
4. Второе психотехническое упражнение позволяет перевоплотиться в образ человека, достойного для подражания и перенять манеру его реагирования.
5. Третье упражнение представляет собой мысленное проигрывание своего достойного поведения в наиболее повторяющейся стрессовой ситуации, что обеспечивает приобретение нового стереотипа поведения.

Навык гигиены душевного состояния в массовом сознании пока отсутствует и его необходимо вырабатывать, встраивать как обязательный элемент современной культуры. Если средствами гигиены тела являются чистая вода, мыло, зубная щётка, то одним из главных средств психогигиены является Аутогенная Тренировка.

Данные АТ рекомендованы к массовому использованию Центром Восстановительной Медицины Минздрава РФ.

Социальная-психология маргинальности и медицинская практика

В.А. Урываев (Ярославль)

Social psychology of marginality and medical practice – V.A. Uryvaev (Yaroslavl)

Социально-психологические исследования в сфере маргинальных отношений являются одними из самых актуальных в последние годы. Ускорение развития общества (когда на протяжении жизни одного поколения изменений происходит больше, чем ранее на протяжении двух-трех поколений) по новому ставит известные вопросы о «границах», «краях», «полях», «периферии» и, конечно же, самоопределении человека в границах стандартов поведения, принятых в обществе.

Можно указать и на то, что внешние границы общества (например, построение Евросоюза) стираются быстрее, чем внутренние (которые, в свою очередь, возможно, даже усиливаются).

Традиционно обсуждаемая проблема «биомаргиналов» (термин взят из социологических исследований) вовлекает в обсуждение проблемы и важные аспекты медицинской практики. Вместе с тем, мы считаем, что проблемы маргинальности присутствуют в медицине на порядок весомей.

Индо-европейский корень «med-» – «измерять», «обдумывать», «взвешивать», «соображать», – оказывается неожиданно близким к современным проблемам общественной жизни. Поиск «середины», неизбежно связан с определением границ того или иного феномена. Часто искать «золотую середину» врачу, медицинскому (клиническому) психологу и др. приходится в условиях, когда предельно смутно зафиксированы границы.

Концепция маргинального характера отношений в медицине, позволяет адекватно представить в сфере научного понимания важнейшие стороны профессиональной медицинской деятельности: модели природы патологии организма человека и основания выбора адекватных методик лечения (пато-центрическая и сано-центрическая модели болезни); психология поведения больного, находящегося между жизнью и угрозой смерти; психология врача и его профессиональной подготовки (дилемма «пациент» – «клиент»); психология врача и его личностной деформации (феномен «раненого целителя», выгорание, «медицинская скотома» и др.); собственно социально-психологические феномены, участвующие в профессиональной медицинской деятельности («стигматизация», социальная фармакология, социальная реабилитация).

Концепция маргинального характера отношений в медицине позволяет существенно расширить понимание психологической природы категории «отношения» – как одной из базовых категорий общей и социальной психологии, дополнив ее анализом сопутствующих феноменов «внутреннего напряжения», «полярности характеристик, детерминированных жизнедеятельностью», «социальным характером управления (разрешения) противоречиями».

Модель индивидуальной концепции внешности в психологии

А.Г. Фаустова (Рязань)

The model of individual concept of appearance in psychology – A.G. Faustova (Ryazan)

В современной психологической науке внешность как объект изучения приобретает значительную популярность среди специалистов в области клинической психологии и психологии здоровья.

Внешность перестает рассматриваться исключительно как фактор каузальной атрибуции. Она обладает личностной принадлежностью, представляя собой специфический ресурс для самовыражения и самопрезентации в социуме.

Удовлетворенность внешним обликом напрямую определяет удовлетворенность собой в целом. То, как воспринимается и интерпретируется внешность самим человеком и другими людьми – один из основных вопросов здоровья и благополучия на протяжении всей жизни.

Любые дефекты внешности, особенно локализованные на видимых частях тела, становятся значительной психологической проблемой.

Рост интереса широкой общественности и психологов к внешности привел к тому, что в 1970-х и 1980-х гг. на Западе наблюдалось значительное расширение исследовательской работы, связанной со следующими темами: изучение различных типов суждений, выносимых на основе внешности, и изучение относительного влияния различных аспектов внешности на эти суждения. Параллельно стало формироваться еще одно направление в исследованиях внешности, связанное с телесным образом и самовосприятием внешности.

В отечественной психологической науке сложилось несколько направлений в исследовании внешности: представители первого подхода делают акцент на эмоциональном отношении к собственной внешности, представители второго подхода занимаются изучением когнитивного компонента в восприятии собственной внешности и внешнего облика окружающих людей.

По аналогии с существованием таких понятий, как концепция тела, телесный образ, границы образа тела, разработана авторская объяснительная структура – индивидуальная концепция внешности. Она описывает весь комплекс представлений и оценок о собственной внешности. Основываясь на зарубежных и отечественных исследованиях в области психологии внешности, в индивидуальной концепции внешности могут быть выделены следующие компоненты:

- когнитивный – восприятие собственной внешности и формирование когнитивной структуры образа внешности, задающей границы внешности определенным набором ведущих компонентов внешности;
- эмоциональный – самооценка внешнего облика, удовлетворенность внешностью и ее отдельными элементами;
- смысловой – самоосознание внешнего облика, субъективная значимость внешности и ее компонентов.

Данная модель была использована при исследовании переживаний пациентов, перенесших термические ожоги различной локализации. Распределение когнитивных, поведенческих и эмоциональных реакций таких больных по разным уровням индивидуальной концепции внешности позволило точно и комплексно подойти к составлению программы психологического сопровождения в каждом конкретном случае. Контролируемая перестройка каждого уровня индивидуальной концепции внешности – залог успешной адаптации к приобретенному дефекту внешнего облика.

Лицевая сомато-проекция темпераментальных и характерологических свойств мужчин и женщин в зрелом возрасте

О.А. Феденко (Пермь)

Obverse somato-projection temperamental and characterological properties of men and women at mature age – *O.A. Fedenko (Perm)*

В настоящее время в литературе все чаще можно встретить концепции, которые рассматривают тело человека как проекцию его физического состояния здоровья, а также особенностей психики (Г.А. Захарьин, В. Райх, А. Лоуэн, А.Р. Лурия, В.В. Куприянов, Г.В. Стовичек и др.). Лицо является важнейшей характеристикой внешнего облика человека, поэтому его наряду с глазами называют зеркалом души. В 90-е годы XIX века Г.А. Захарьиным, на лице человека были открыты зоны, по которым можно было судить о состоянии здоровья человека и о его сопротивляемости заболеваниям. В психологии также были сделаны попытки изучения черт лица человека. Это исследования, касающиеся психологии восприятия черт лица, выполненные в лаборатории системных исследований психики Института психологии РАН.

А также исследования традиционных направлений психологии, которые занимаются диагностикой и изучением эмоциональных состояний, оценкой личностных особенностей людей различной этнической принадлежности по фотоизображению лица человека. Большую популярность также имеют межпредметные исследования, в которых особенности лица человека используются в качестве дополнительных критериев для выявления предрасположенности к образованию патологий. Мы считаем, что лицо человека может являться проекцией индивидуально-психологических свойств личности. Предметом нашего исследования стала лицевая сомато-проекция темпераментальных, характерологических особенностей мужчин и женщин в зрелом возрасте. В нашем исследовании приняли участие 50 мужчин и 50 женщин в возрасте 45-50 лет. Для диагностики индивидуально-психологических свойств нами были использованы методики: (ОФДСИ) В.М Русалова и (ПДТ) В.М Мельникова и Л.Т Ямпольского. Для выявления степени выраженности асимметрии лица, нами была использована компьютерная программа Ю.Н. Липина (2009). Данная программа включает в себя антропологические точки «золотого сечения» и измеряет линейные и угловые показатели лица по фотографии. Для диагностики черт лица, была использована прикладная методика гомеопатического лицевого анализа Г. Бентли (2007). Она определяет предрасположенность человека к заболеваниям или защитную реакцию организма (миазм, в трактовке С. Ганемана) по чертам лица, и может быть использована для классификации групп людей, у которых преобладают черты лица миазма псора, сикоз, сифилис, либо черты лица смешанных типов. В результате нашего исследования были выявлены достоверные различия в темпераментальных и характерологических особенностях между кластерами мужчин и женщин с преобладанием разных миазмов, а также значимые связи между темпераментальными, характерологическими особенностями и степенью асимметрии лица, преобладающим миазмом у мужчин и женщин. Таким образом, мужчины и женщины с определенным типом лица имеют достоверные различия в индивидуально-психологических свойствах. Черты лица человека и степень его асимметрии в зрелом возрасте имеют многозначные связи с психодинамическими и личностными характеристиками и вероятнее всего образуют самостоятельный подуровень индивидуальных свойств организма

Диагноз умственной отсталости: вперед к Выготскому или назад к Векслеру?

А.Б. Холмогорова (Москва)

The diagnosis of mental retardation: forward to Vygotsky or back to Wexler? — A.B. Kholmogorova (Moscow)

Подготовка новой международной классификации МКБ-11 сопровождается оживленной дискуссией о диагнозе умственной отсталости. Так в последнем номере главного печатного органа Всемирной психиатрической ассоциации – журнале *World Psychiatry* (октябрь, 2011) этой проблеме посвящена большая статья 15 авторов из разных стран мира. К сожалению, в нашей стране пока не удастся стимулировать широкую профессиональную дискуссию о состоянии данной проблемы, хотя, на наш взгляд, она стоит значительно острее, чем во многих других странах.

Рост числа социально неблагополучных семей в стране продолжается. Россия устойчиво занимает первое место в мире по количеству детей-сирот. Именно эти дети становятся основными жертвами несовершенства существующей системы диагностики умственной отсталости. Специалистами и представителями общественных организаций, работающими с детьми сиротами, отмечается крайне неэффективная организация комплексной диагностики, направленной на определение умственного развития ребенка. В настоящее время она приводит к систематической гипердиагностике умственной отсталости. Как показывает статистика с 1995 по 2008 г. число детей с диагнозом умственная отсталость выросло более, чем в два раза. Рост числа детей с диагнозом умственной отсталости отмечается на фоне стойкой тенденции к депопуляции – уменьшению общего числа детей в нашей стране.

Наиболее уязвимой группой оказываются дети-сироты, интересы которых некому защитить. Постановка диагноза умственной отсталости первой степени резко ограничивает для них возможность получения образования, а второй – означает автоматический перевод детей-сирот из образовательных учреждений в детские дома-интернаты, где они оказываются лишенными возможности получить образование, жилье и быть полноценными членами общества. Диагностика проводится, как правило, с грубым нарушением научных принципов культурно-исторической психологии, без развернутого экспериментально-психологического исследования, без учета зоны ближайшего развития и социальной ситуации развития ребенка. Ученые-эксперты показали, что в более чем трети случаев диагноз умственной отсталости ставится неправильно. В качестве самой частой причины перевода детей из обычных детских домов в специализированные (для умственно отсталых) указывается дезадаптация ребенка в различных социальных ситуациях (проблемы в общении со сверстниками и педагогами, школьные проблемы), проявляющаяся невротическими и поведенческими расстройствами.

Причины сложившейся кризисной ситуации в области диагностики умственного развития, конечно, очень сложны и за ними стоит целый ряд факторов. В качестве одного из них необходимо отметить несовершенство диагностических критериев МКБ-10, в которой слишком большая роль отводится количественным показателям теста Векслера, который и стал сейчас основным инструментом работы психологов, производящих экспертизы умственного развития. Кроме того, требуется специальное обсуждение качества адаптации этого теста к российской популяции.

Помимо недопустимого нарушения прав детей, которых некому защитить, описанная ситуация оказывает крайне неблагоприятное влияние на статус психиатрии и психологии в нашем обществе и должна стать предметом серьезного обсуждения и действий профессионалов, направленных на ее скорейшее исправление.

Психологическое отношение к табакокурению у курящих и некурящих мужчин и женщин

В.Л. Хромова (Москва)

The Psychological Attitude on tobacco smoking among smokers and nonsmokers men and women –
V.L. Khromova (Moscow)

Феномен психологического отношения к табакокурению исследовался комплексно с учетом гендерного фактора на трех уровнях анализа: психологических отношений личности, межличностных и межгрупповых отношений.

На личностном уровне отношение к табакокурению выражается как отношение к явлению, как таковому, и к своему собственному курению (если оно есть). Полученные данные указывают на общее негативное эмоциональное отношение к курению, как к явлению (мода всей выборке – ответ «скорее отрицательно»). В когнитивном компоненте отношения некурящие в среднем выше оценивали все аспекты вреда курения; однако курящие отличались большей критичностью и точностью в оценках вреда курения для здоровья.

Выявлены различия в отношении к курению у мужчин и женщин. Мужчины в когнитивном аспекте в большей степени признают вред курения для здоровья, однако это не касается вредности «пассивного» курения, которую выше оценивают женщины. Соответственно, эмоциональное отношение мужчин к курению более отрицательное, у женщин – безразличное.

С помощью факторного анализа было обнаружено, что общими факторами отношения к табакокурению, являются: а) наличие или отсутствие личного опыта курения и б) самоотношение (положительное или отрицательное) субъектов этого отношения.

На межличностном уровне анализа изучались специфические факторы, связанные с табакокурением, действующие в пространстве реального общения и взаимодействия людей, в том числе стереотипы о мужском и женском курении. Подтвердилась гипотеза о том, что

женщины придают большее значение аспектам общения в связи с курением, чем мужчины. У курящих людей, выступающих объектами отношения, признается высокая выраженность такого личностного качества, как общительность.

На межгрупповом уровне анализа отношение к курению сравнивалось у групп курящих и некурящих людей. При этом наблюдалась выраженность таких феноменов, как социальная категоризация, социальная идентификация, социальное сравнение и психологическое групповое отличие с учетом гендерной принадлежности субъектов и объектов отношения.

Было обнаружено, что в ситуациях, предрасполагающих к межгрупповому сравнению, мужчины предпочитают пользоваться механизмами межгруппового восприятия (стереотипизация, внешнегрупповая дискриминация), а женщины – механизмами межличностного восприятия.

Выявлены взаимосвязи психологических феноменов, проявляющихся на разных уровнях анализа. Тенденция общего негативного эмоционального отношения к курению сочетается с относительно более негативной оценкой личностных качеств курящих людей. Например, женщины чаще проявляют эмоционально-безразличное отношение к курению, и при этом им свойственно рационально оправдывать курение его связью с общением, из личностных качеств курящих по сравнению с некурящими выделять их большую общительность, коммуникативность. Позитивные личностные характеристики, усматриваемые у курящих в большей степени женщинами, можно рассматривать как своего рода компенсацию, призванную сбалансировать негативный статус курящих, вызванный наличием у них «вредной» привычки.

Феномен психологического отношения к табакокурению исследован как динамическое образование во временном аспекте. Эмпирически показана его зависимость от оценок субъектом своего прошлого опыта, связанного с табакокурением и перспективами, намерениями на будущее.

Особенности психической деятельности лиц, употребляющих каннабиноиды

А.В. Цветков (Москва)

The peculiarities of the mental activity of persons, addicted to cannabinoids — *A.V. Tsvetkov (Moscow)*

Употребление наркотиков является одной из главных медико-социальных проблем России. Почти 90 процентов наркозависимых потребляют опиаты. Но 93% зависимых от героина лиц начинали с употребления марихуаны. Ряд исследователей считает, что около 2% курильщиков марихуаны переходят на употребление «тяжелых» наркотиков. А по данным ООН, количество употребляющих марихуану на планете составляет 2,5% всего населения, количество же употребляющих героин – 0,14%, т.е. получается 6% «коэффициент вовлечения». По данным, в г. Москве в 1999г. методом анонимного анкетирования, почти 4% юношей указали, что употребляли препараты конопли более 10 раз в течение жизни. При этом отношение в обществе к курению марихуаны более чем толерантное – она считается «даже менее вредной, чем табак», «легальной в ряде стран» и т.д., что приводит к позднему и редкому обращению за помощью. Все это свидетельствует о необходимости углубленного клинико-психологического анализа особенностей психической деятельности у лиц, зависимых от препаратов конопли.

Нами было обследовано 2 больных с разным стажем употребления каннабиноидов – 3 года и 15 лет, мужчины 30-31 года, находящиеся на стационарном лечении в МНПЦ наркологии. Применялся нейропсихологический метод (Л.С. Цветкова).

Для больного с 3-летним стажем употребления каннабиноидов характерна многоречивость, резонерство, обилие комментариев – иными словами экстериоризация тех звеньев психической деятельности, которые обычно свернуты. Больной часто переспрашивает простые инструкции: «Рисовать до конца? Такой же кубик?» при достаточно успешном выполнении заданий. Вторая группа трудностей – в мышлении, больной с трудом выделяет существенный признак ситуации, причем для него сложными представляются именно «высшие синтезы» (перенос алгоритма на другой материал) – он постоянно прибегает к аналогиям, не всегда

адекватным («Рыбка...ну она как та ворона с сыром...»). Такие процессы как внимание, память, речь относительно сохранны.

Больной со стажем употребления каннабиса 15 лет сильно заторможен, у него отмечается тремор, дефекты переключения с одного звена психической деятельности на другое (так, больной не сразу реагирует на инструкцию, он ее как бы «не слышит»), обеднен словарь и грамматика, снижена вербальная процессуальность. В слухо-речевой памяти трудности, и в механической, в пробе «две группы по три слова» (при интерференции больной теряет второй ряд слов), и в смысловой – пересказ рассказа больному практически недоступен: «Несла, что-то увидела. Шла по мостику, что-то увидела. Несла во рту кусок мяса, увидела отражение, решила взять тот кусок, решила взять его, свой уронила и тот не добыла» (т.е. больной пытается опереться на смысл, но ему это не удается). В мышлении – признаки резонерства и неадекватных аналогий.

Видно, что по мере роста стажа «уходят» компенсаторные механизмы (экстериоризация), нарастают нарушения нейродинамики и мышления (резонерство и «застревание», нарушения высших синтезов), появляются нарушения памяти.

Классификация внутришкольных психологических рисков в системе «руководитель-подчиненный»

В.Е. Цибульникова (Москва)

Classification of inner-school psychological risks in «manager- subordinate» system —
V.E. Tsibulnikova (Moscow)

Как известно педагогический труд отличается повышенной ответственностью, дефицитом времени, и высокой степенью нервно-эмоционального напряжения, наличием стрессовых ситуаций. На современном этапе развития теории и практики внутришкольного управления психологическими рисками требуется пристальное внимание к поиску причин и факторов, инициирующих профессиональные риски и к прогнозированию нежелательных последствий. Профессиональный внутришкольный педагогический риск – это возможная опасность, при которой педагогический работник, осуществляющий определенную профессиональную деятельность, постоянно находится в ситуации «неизбежного» риска.

Управление риском – это процесс принятия и выполнения управленческих решений, которые минимизируют неблагоприятное влияние на организацию или лицо убытков, вызванных случайными событиями.

Факторы психологических рисков в деятельности педагогических работников – это широкий круг условий, способных оказывать неблагоприятное влияние на их психическое состояние, то есть такие условия, опасное действие которых носит вероятностный характер и означает вероятную угрозу возникновения отрицательных последствий.

Рассмотрим разработанную нами классификацию психологических рисков во внутришкольном управлении в системе «руководитель-подчиненный», связанные с человеческим фактором. К рискам, связанным с психофизиологическим состоянием и эмоциональными проблемами учителей мы относим: эмоциональную неустойчивость педагогического работника, эмоциональное реагирование на возбудитель, непринятие себя, психоэмоциональное напряжение, функциональное напряжение, эмоциональное выгорание, эмоциональное истощение, симптом «эмоционального дефицита, отношение индивида к окружающей среде.

К рискам, связанным с условиями педагогического и управленческого труда и действиями педагогических работников и руководителя школы стоит отнести: неуспех в деятельности учителя; неуспех учителя в социальной адаптации; трудности общения в системе «учитель-учитель», «руководитель-подчиненный»; чрезмерные умственные и физические нагрузки; перегрузка учителей; повышенный износ; эмоциональное выгорание; организационные факторы; эмоциональное истощение; симптом «эмоциональной отстраненности»;

симптом «личностной отстраненности, или деперсонализации»; утомление и переутомление; страх в профессиональной деятельности учителя; психофизиологию стресса и дистресса; неблагоприятный психологический климат; психоэмоциональный дискомфорт.

К последствиям рисков, связанных с ухудшением психического здоровья и психофизиологического состояния педагогических работников относятся: синдром хронической усталости, астения, симптом «психосоматических и психовегетативных нарушений», тревожность, неврастения, неврозы, истерический невроз, нервное истощение, невротические и психотические страхи, расстройства мыслительного процесса, десинхронизация или нарушение циркадных биоритмов, нарушение сна.

В условиях внутришкольного управления необходимо выстраивать психосберегающую педагогическую среду с учетом прогнозирования психологических рисков, использования технологий риск-менеджмента, конфликт-менеджмента и тайм-менеджмента, психогигиены, психопрофилактики и психологического просвещения, создания благоприятного психологического климата и оптимальных условий педагогического и управленческого труда.

Стрессоустойчивость и психологическое здоровье

А.В. Чебыкина (Валдай)

Resistance to stress and psychological health — *A.V.Chebykina (Valdai)*

Практическое решение проблемы стрессоустойчивости играет важную роль в современном обществе. Поскольку стресс оказывает воздействие на все сферы жизни человека, то вовремя принятые меры по борьбе с его негативными проявлениями, могут решить проблемы, мешающие современному специалисту гармонично развиваться и реализовываться, а также, что особенно важно, уберечь его психологическое здоровье.

Сегодня все больше людей во всем мире испытывают на себе воздействие стресса. Это связано, в первую очередь, с большими эмоциональными нагрузками, которые возникают у человека в различных жизненных ситуациях. У человека, испытывающего постоянный стресс, со временем могут возникнуть психосоматические заболевания. Поэтому учеными проводятся исследования, направленные на выявление стрессовых ситуаций, их классификацию и разработку конкретных практических мер, направленных на их профилактику и предотвращение, с учетом индивидуальных особенностей человека.

Благодаря процессу адаптации достигается сохранение гомеостаза при взаимодействии организма с внешним миром. Нарушение равновесия процессов и систем организма неминуемо приводит к нарушению параметров внутренней среды: организм начинает болеть. Болезненное состояние при этом будет сохраняться на протяжении всего времени восстановления параметров, обеспечивающих нормальное состояние организма. И в том случае, если необходимых для сохранения равновесия внутренней среды прежних параметров достичь не удастся, организм может попытаться достичь равновесия при других, измененных параметрах. При этом, общее состояние организма может отличаться от нормального: проявляться в виде заболевания.

Защиты от страха смерти в остром постсуициде

К.А. Чистопольская (Москва)

Protection against fear of death in postsuicide — *K.A. Chistopolskaya (Moscow)*

В соответствии с теорией управления страхом смерти, люди склонны защищаться от страха смерти с помощью культурного буфера тревоги, который состоит из картины мира

и самооценки, однако люди, которые её используют, склонны действовать алогично, жестоко, навлекать опасность на себя и окружающих. От страха смерти также защищает чувство ностальгии (К. Седикидес), позитивная эмоция с «горько-сладким» компонентом, которая в критические моменты облегчает переживание длительности «я»; близкие отношения (В. Флориан и М. Микулинцер), помогают лучше, чем поднятие самооценки, хоть и оставляют осадок стыда и вины; творчество (К. Рутледж) тоже вызывает чувство вины, если результат творчества не принимается группой. Целью нашего исследования являлось изучение разных типов совладания со страхом смерти у людей в остром постсуициде, отказывающихся от своего поступка, признающих одну или несколько попыток самоубийства. Всего в исследовании приняло участие 308 добровольцев. 156 являлись студентами гуманитарных факультетов Государственного университета управления 2-3 курсов в возрасте 18-25 лет (40 юношей и 116 девушек). Группа сравнения (152 человека) состояла из пациентов мужского и женского отделений острых отравлений НИИ СП им. Н.В. Склифосовского и кризисного стационара ГКБ №20 г. Москвы (18-25 лет, 40 юношей, 112 девушек). Все они пережили недавнюю попытку самоубийства (от 2 до 14 дней). У 28 людей было 2 или более суицидальных попыток в анамнезе, у 90 – одна, и 34 человека не признавали свой поступок самоубийством (объяснения были разными: «случайно» или «хотел(а) попутать»). Мы адаптировали опросники «Отношение к смерти» (авторы П. Вонг, Дж. Рекер и Дж. Гессер) и «Страх личной смерти» (В. Флориан, С. Кравец), а также использовали методику Ф. Зимбардо по временной перспективе личности (адаптация А. Сырцовой, О.В. Митиной), тест жизнестойкости С. Мадди (Е.И. Рассказова, Д.А. Леонтьев) и опросник депрессии А. Бека. Люди, которые отрицали попытку самоубийства, отличались от контрольной группы более высокими показателями по шкале «Избегание смерти». Различные измерения страха смерти были связаны у них исключительно с ориентацией на позитивное прошлое (чувство ностальгии). Люди с одной суицидальной попыткой отличались от выборки нормы повышенными показателями разных измерений страха смерти. Они ориентировались на будущее (культурный буфер тревоги), но эта защита имела брешь: шкалы «Страх последствий для тела» и «Принятие смерти как бегства» были положительно связаны с ориентацией на негативное прошлое, фаталистическое настоящее и отрицательно – с показателями жизнестойкости. Люди с несколькими суицидальными попытками отличались от выборки нормы высокими показателями по шкале «Принятие смерти как бегства», которое коррелировало с ориентацией на фаталистическое настоящее. Различные измерения страха смерти были связаны с ориентацией на гедонистическое настоящее, будущее, позитивное прошлое – но они были одинаково низки. Эти люди не боялись и не избегали смерти – шкала «Избегание» отрицательно коррелировала с ориентацией на негативное прошлое. Результаты исследования позволяют заключить, что страх смерти защищает от самоповреждающих действий, но является слишком неприятным переживанием и действительно требует некоего буфера. Культурный буфер срабатывает лишь отчасти, а чувство ностальгии помогает, но влечёт за собой бегство от реальности: люди не готовы принять факт попытки самонавлекённой смерти.

Гендерные различия в стрессустойчивости организма.

О.Г. Чораян, И.О. Чораян (Ростов-на-Дону)

Gender differences in stress-resistance of an organism. — O.G. Chorayan, I.O. Chorayan (Rostov-on-Don)

Не вызывает сомнения тот факт, что резистентность организма к стрессирующим воздействиям обуславливается устойчивостью деятельности отдельных функциональных систем, в совокупности определяющих стабильность его жизненно-важных функций. Изучение психофизиологических механизмов реализации компенсаторно-приспособительных реакций невозможно без детального исследования индивидуально-типологических особенностей личности, в частности, на примере выявления возможных межполовых различий в адапционных резервах организма, что и стало основой данной работы.

Цель исследования состояла в выявлении гендерных различий в стресс-устойчивости организма и особенностей развития психологических и соматических нарушений в условиях стресса.

Сопоставление индексов адаптивности в группах лиц разного пола позволило установить, что межполовые различия проявляются преимущественно в показателях эмоциональности и пластичности поведения. При этом выявленные отличия в основном связаны с адаптационными возможностями в социальной сфере. В целом женщины демонстрируют более высокие показатели социальной адаптивности, нежели мужчины, за счет более успешного и эффективного переключения с одной программы поведения на другую. Однако, необходимо подчеркнуть, что подобная успешность адаптационных реакций в социальной сфере проявляется при режимах деятельности близких к оптимальным, в то время как при действии чрезвычайных раздражителей у женщин отмечается повышенная уязвимость в силу их большей чувствительности к негативным факторам различного рода.

Обобщая полученные данные, можно отметить, что у женщин под влиянием эмоциональных и умственных нагрузок развиваются более выраженные сдвиги функционального состояния активационного характера. Установленный факт, по-видимому, обусловлен повышенной чувствительностью лиц женского пола к ситуациям социального оценивания и свидетельствует о большей «психологической» цене их адаптационных реакций.

Анализ самоотчетов испытуемых и анамнестических сведений позволил установить, что в стрессирующих условиях у мужчин чаще всего развиваются нарушения деятельности сердечно-сосудистой системы, а у женщин преимущественно наблюдаются головные боли на фоне вегето-сосудистых нарушений.

Особый интерес вызывает тот факт, что у женщин, гораздо чаще, чем у мужчин встречаются случаи одновременного появления нарушений деятельности различных вегетативных и соматических систем. Причиной подобной синхронности развития патологических сдвигов у женщин, возможно, является менее четкая латерализация отдельных функций, в силу которой представительства определенных психофизиологических свойств и механизмов регуляции в структурах мозга в значительной степени перекрываются.

Необходимо упомянуть о существовании выраженных гендерных различий в степени взаимосвязанности психологических и соматических аспектов напряженности. В частности, у мужчин прослеживается более четкая корреляция между проявлением нарушений функционирования отдельных соматических систем и развитием состояния психологического дискомфорта. Напротив, у женщин достаточно часто отмечаются случаи развития вегетативных и соматических отклонений, не сопровождающиеся негативными психологическими реакциями.

Особенности самосознания и саморегуляции своего эмоционального состояния у медицинских сестер

О.А. Чувакова (Великий Новгород)

Peculiarities of self-concept and self-regulation of the emotional state in nurses working in clinics —
O.A. Chuvakova (Veliky Novgorod)

Профессиональная деятельность медицинских сестер поликлиник предполагает эмоциональную насыщенность, психологические нагрузки, связанные с общением, переутомление, усталость, эмоциональное выгорание и др. «Образ Я» в самосознании и саморегуляции, неперенное условие каждого акта целенаправленного в профессиональной деятельности медицинских сестёр поликлиник.

Цель исследования – изучение особенностей саморегуляции и самосознания в развитии синдрома эмоционального выгорания (СЭВ) у медицинских сестер со средним и высшим медицинским образованием, работающих в поликлиниках. Обследованы 60 медицинских сестер, работающих в поликлинике. В группу А вошли 30 медицинских сестер с высшим образованием в возрасте 22 – 57 лет, в группу В – 30 медицинских сестер со средним медицинским образованием

в возрасте 18 – 57 лет. Для оценки степени выраженности СЭВ использовалась методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В.Бойко, анкетирование и опрос медицинских сестёр.

В психологии состоянием называют некую внутреннюю характеристику психики человека, относительно неизменную во времени составляющую психического процесса. Медицинские сёстры с высшим образованием в процессе своей профессиональной подготовки изучают большой блок психологических дисциплин: общую психологию, социальную психологию, возрастную и педагогическую психологию, конфликтологию и психологию управления. Такая профессиональная подготовка по психологии позволяет медицинским сёстрам с высшим образованием осознанно проводить саморегуляцию своего эмоционального состояния в профессиональной деятельности в поликлиниках.

Результаты данного исследования, качественный и количественный их анализ, выявили следующее.

1. Среди медицинских сестер с высшим сестринским образованием степень сформированности синдрома эмоционального выгорания, значительно ниже ($p < 0,01$), чем у медицинских сестер со средним образованием.

2. Отсутствие самоконтроля, низкая саморегуляция своих эмоциональных состояний у сестер со средним медицинским образованием приводит к развитию и формированию у них тревожных и депрессивных состояний.

3. У большинства медицинских сестер со средним образованием, работающих в поликлинике, синдром эмоционального выгорания сформирован, или находится на стадии формирования и развития.

4. Знание медицинскими сестрами с высшим образованием особенностей самоконтроля и саморегуляции эмоционального состояния позволяет им сохранить на максимально возможном уровне своё здоровье, способность к адекватному поведению, эффективной профессиональной деятельности, личностному саморазвитию и самосознанию.

Таким образом, медицинские сестры с высшим образованием, зная особенности своего эмоционального состояния и умея проводить саморегуляцию эмоционального состояния, лучше сохраняют своё соматическое и психическое здоровье, способны к адекватному поведению и более успешно осуществляют свою профессиональную деятельность.

Эффективность профилактического тренинга в отношении ВИЧ для потребителей инъекционных наркотиков и членов их социальных сетей: результаты лонгитюдного исследования в Санкт-Петербурге

А.В. Шаболтас (Санкт-Петербург)

The effectiveness of HIV prevention training for injection drug users and their social networks: results of longitudinal study in St.Petersburg — *A.V.Shaboltas (St.Petersburg)*

Эпидемия ВИЧ/СПИД в России отличается стремительным темпом, обусловленным специфическим характером распространения ВИЧ-инфекции. С 1996 года рискованные инъекционные практики, связанные с употреблением наркотиков являются основной причиной заражения ВИЧ-инфекцией. Разработка, оценка эффективности и оперативное внедрение профилактических программ в отношении ВИЧ/СПИД, ориентированных на потребителей инъекционных наркотиков (ПИН) и их окружения – это актуальные задачи для специалистов, работающих в области поведенческой психологии здоровья.

В рамках рандомизированного лонгитюдного исследования в Санкт-Петербурге проводилась оценка эффективности профилактического тренинга в отношении ВИЧ для ПИН и членов их социальных сетей (партнеров и друзей). Исследование проводилось Биомедицинским центром в сотрудничестве с Санкт-Петербургским Государственным университетом и Университетом Джона Хопкинса (США).

В качестве участников лонгитюдного исследования выступали активные ПИН с большим стажем наркозависимости. Среди участников были как ВИЧ позитивные, так и ВИЧ негативные мужчины и женщины. Исследование состояло из нескольких компонентов. Оценочные процедуры на входе, через 6 и 12 месяцев после начала исследования для каждого участника включали тестирование крови на наличие антител к ВИЧ, сопровождаемое до и после тестовым консультированием, индивидуальное интервью с применением опросников для оценки рискованных поведенческих практик и характеристик социальных сетей. Отобранные случайным образом либо в экспериментальную, либо в контрольную группы, участники посещали профилактический тренинг, состоящий из 8 групповых занятий, или 8 групповых встреч в виде групп поддержки без профилактического компонента. В течение периода времени с декабря 2004 по октябрь 2007 в исследовании приняли участие 667 ПИН.

Уровни распространенности и заражаемости ВИЧ среди ПИН по результатам данного исследования в Санкт-Петербурге оказались крайне высокими. 41% участников при наборе в исследование оказались зараженными ВИЧ. Эти данные отражают драматический сценарий развития эпидемии ВИЧ в этой группе населения. Различия в уровнях заражаемости ВИЧ в экспериментальной и контрольной группах составили почти 50%. Уровень заражаемости за год в группе участников, прошедших профилактический тренинг оказался 9, 41 на 100 чел./лет, а в контрольной группе участников — 18,02 на 100 чел./лет.

Эффективность группового профилактического тренинга для ПИН и членов их социальных сетей, показанная в рамках исследования в Санкт-Петербурге, представляет объективные доказательства того, что программы, основанные на поведенческом подходе, могут играть важную роль в превенции ВИЧ среди ПИН. Внедрение подобных программ является очень актуальным для России и других стран со схожими характеристиками эпидемии и возможностями организации профилактических мероприятий.

Данное исследование выполнилось в рамках гранта Национального института проблем наркозависимости США (NIDA) 1 R01 DA0616142-01.

Возможности использования психологических методик при медико-генетическом консультировании детей с ранее неизвестными формами генетической патологии.

И.Ю. Юров, М.А. Зеленова, В.Ю. Воинова, С.Г. Ворсанова, Ю.Б. Юров (Москва)

The application of psychological techniques in medical genetic counseling in children with previously unreported genetic pathology — *I.Y. Iourov, M.A. Zelenova, V.Y. Voïnova, S.G. Vorsanova, Y.B. Yurov (Moscow)*

Большинство генетических заболеваний связаны с патологией центральной нервной системы (ЦНС) и сопровождаются нарушениями психики. Несмотря на то, что у пациентов с генетическими аномалиями часто наблюдаются нарушения поведения и когнитивных процессов, исследований, объединяющих психологические и генетические методы, немного. Данная работа показывает необходимость обращения к клиническому психологу в случае обнаружения ранее неизвестной генетической аномалии, связанной с задержкой психоречевого развития, для обеспечения дальнейшей психологической коррекции. Мы представляем подобный случай. У девочки 8-ми лет с внутриутробной задержкой развития половых органов, гипоксией, гипотрофией, гипоксическо-ишемическим поражением ЦНС при рождении и микроаномалиями (гипертелоризм глазных щелей, эпикант, брахицефалия с выделяющимися лобными долями, аномалии положения зубов, короткий фильтр) была обнаружена задержка психоречевого развития. Однако при клиническом исследовании определенных выводов относительно степени нарушения психики сделано не было. На этом основании было проведено исследование с применением психологических методик, целью которого являлось уточнение степени нарушения психики и особенностей мыслительной и поведенческой сферы. Для исследования когнитивной функции пациентки был применен цветной вариант теста «прогрессивные матрицы Равена».

По результатам теста IQ составил 44, что соответствует умеренной умственной отсталости согласно МКБ-10. Для дальнейшего изучения особенностей развития был проведен качественный анализ результатов вербальных субтестов детского варианта теста Векслера. С помощью него было выявлено снижение объема произвольной памяти, трудности сохранения информации в долговременной памяти, снижение объема словарного запаса и произвольного внимания. Были обнаружены трудности в области моделирования своего поведения в социальных ситуациях. Исследования с применением нейропсихологических проб показали нарушение номинативных функций, нарушение кинестетической основы движения, инертность движений, импульсивность при восприятии, недостаточность начальной фазы зрительного восприятия. С помощью оценочной шкалы раннего детского аутизма CARS показано отсутствие аутистических черт у ребенка. Поскольку результаты клинического исследования указывали то, что данный случай связан с генетической патологией, было проведено молекулярно-цитогенетическое исследование. С помощью высокоразрешающего сканирования генома было выявлено удвоение (дупликация) последовательности ДНК участка хромосомы 4q21.2q21.3. Был проведен молекулярный анализ генов дублированного участка хромосомы 4 и корреляция психологических, нейропсихологических, клинических и молекулярно-цитогенетических данных. На основе анализа генов-кандидатов были определены возможные нарушения метаболических процессов в тканях эмбрионального и постнатального мозга, развития центральной нервной системы, полового развития, регуляции синаптогенеза. Таким образом, показано, что комплексный подход к изучению генетической патологии с использованием психологических методик способствует корректной оценке нарушений психики при геномных перестройках. Это открывает новые возможности для научно-обоснованной терапии и разработки коррекционных методик с целью улучшения качества жизни пациента. Следовательно, можно сделать вывод о том, что оказание адекватной медицинской помощи детям с генетической патологией является неполным без консультации клинического психолога.

Профилактика психосоматических расстройств у студентов

Ю.В. Юров (Воронеж)

Profilaxis of psychosomatic disorder students – *Y.V.Yurov (Voronege)*

По данным экспертов ВОЗ наблюдается рост психосоматических расстройств и к 2020 году депрессия займет первое место среди причин нетрудоспособности.

С целью ранней диагностики и разработки мер по сохранению и укреплению психологического здоровья на базе психолого-педагогического факультета Воронежского Государственного педагогического университета (ВГПУ) осуществлено исследование психосоматических дисфункций у 200 студентов старших курсов. Использован комплекс методик для изучения нервно-психической адаптации, тревожности, акцентуации характера, жизненных ресурсов самоактуализации, защитных механизмов, «Я-концепции», стратегий совладающего поведения в стрессовых ситуациях.

У большинства студентов (67%) выявлены признаки эмоционального стресса и разнообразные психосоматические расстройства. Наиболее часто – головные боли, склонность к сердцебиениям, страх за себя и близких, тревожность, пессимизм, чувство неуверенности, утомляемость. В 32% случаев отмечена весьма значительная выраженность подобных дисфункций, коррелирующих с акцентуациями характера в виде экзальтированности, эмотивности, тревожности, демонстративности; снижением уровня ресурсности; наличием неэффективных защитных механизмов (отрицание, регрессия, компенсация и реактивные образования), деструктивных стратегий совладающего поведения (асоциальные, агрессивные, импульсивные действия), недостаточной сформированностью таких компонентов самоактуализации, как самопонимание, автономность, гибкость в общении, доверие к окружающему миру, потребность в познании.

Для эффективной профилактики психосоматических расстройств важно формирование внутренней картины здоровья, гармонизация системы отношений, овладение приемами

саморегуляции, помощь в осознании жизненных целей, актуализация потребности в самопознании и активной поисковой деятельности, способствующей личностному и профессиональному самоопределению. На базе психолого-педагогического центра ВГПУ реализуется ряд проектов, ориентированных на сохранение и укрепление психологического здоровья молодежи, повышение психологической адаптивности, овладение конструктивными копинг-стратегиями. Для этих целей разработана учебная программа «Психологические основы адаптации и реабилитации» и в рамках дополнительного образования реализуется курс «Психологическая коррекция стресса и стрессовых расстройств», позволяющие осуществлять раннюю диагностику и профилактику психосоматических расстройств и депрессивных состояний, программировать оптимальную жизнедеятельность. При реализации новых ГОС открываются перспективы включения студентов в практическую деятельность по обеспечению психологического здоровья различных групп населения и способности поддерживать собственные адаптационные ресурсы.

Психология современного мегаполиса

Механизм адаптация абитуриентов из моноэтнических регионов к среде мегаполиса

А.А Азбель (Санкт-Петербург)

Ethnopsychological adaptation of students to the environment megapolis — A.A. Azbel (*Sankt-Petersburg*)

Санкт-Петербург является крупнейшим образовательным центром России и ближнего зарубежья. Практически каждый десятый житель Санкт-Петербурга – это студент высшего или среднеспециального учебного заведения. Миграция граждан РФ из моноэтнических и отдаленных регионов РФ с целью получения образования в крупных учебных центрах, становится все более масштабной, однако максимально полная реализация образовательного потенциала нашего города наталкивается на ряд сложностей, в значительной степени вызванных, как ни странно, европейской культурой. В июне 2011 года на территории республики Ингушетия была произведена психодиагностика особенностей сформированности профессиональной идентичности абитуриентов, собирающихся приехать на учебу в Санкт-Петербург или Москву. В исследовании приняли участие 35 абитуриентов от 16 до 18 лет. Оказалось, что только 25% респондентов имеют статус сформированной профессиональной идентичности на момент подачи заявлений в вузы мегаполиса. В ходе интервьюированной беседы 53,1% абитуриентов, имеющих статус моратория, и 12,5% обладающих статусом смешанной идентичности говорят, что им пока не ясны их профессиональные планы. Их мотивация профессионального развития скорее связана с тем, чтобы поступить хоть куда-нибудь и уехать из Республики Ингушетия, чем получить профессиональные знания и развиваться как профессионал (78% респондентов). Анализ данных по статусу навязанной профессиональной идентичности говорит об уверенных статистических различиях на уровне $p=0,05$ между выборками абитуриентов из мегаполиса и абитуриентов из моноэтнического региона РФ. В целом, можно говорить о том, что 16,7% абитуриентов из моноэтнического региона Республика Ингушетия, собирающихся поступать в вуз Санкт-Петербурга, обладают либо несформированным, либо навязанным статусом профессиональной идентичности, что является неадекватным для абитуриента. Именно для этой категории абитуриентов, а затем и студентов первого курса, следует проводить адаптационные мероприятия к жизни в мегаполисе, так как эти обучающиеся попадают в группу риска по скорости адаптации к новым социокультурным условиям ввиду слабой мотивированности к включению в учебный процесс. Для совершенствования системы адаптации и интеграции студентов в профессиональное сообщество целесообразно организовать работу по психологической поддержке абитуриентов, еще до их отъезда из своего региона. Целью психологической поддержки является подведение абитуриентов, студентов

первого курса к самостоятельному выбору карьерного роста для успешного формирования их профессиональной идентичности, не в пользу выбора сиюминутных выгод от мегаполиса. Разработанная нами программа психолого-педагогической поддержки включает в себя следующие виды работ: 1) организационно-просветительская работа (ознакомление с городом, его культурой, знакомство с полезной литературой); 2) социально-психологическая работа (психодиагностика, элементы тренингов, групповое и индивидуальное консультирование студентов и преподавателей). Опыт работы по этой программе в одном из вузов Санкт-Петербурга показывает, что наиболее трудно реализуется второй блок, поскольку в его основе лежит работа с глубинными психологическими механизмами социокультурной адаптации и личностно-профессионального роста. Формирование профессиональной идентичности приводит к снижению напряженности в мультикультурной студенческой среде Санкт-Петербурга, а также к повышению мотивации студентов к профессионально-личностному развитию в социально-экономическом пространстве Санкт-Петербурга.

Йоддефицитные состояния младших школьников: психоэмоциональные и интеллектуальные характеристики

О.А. Ахвердова, И.В. Белашева (Ставрополь)

*Joddefitsitnye conditions of younger schoolboys: psychoemotional and intellectual characteristics —
O.A. Ahverdova, I.V. Belasheva (Stavropol)*

Здоровье детей и подростков является богатством нации, наиболее ярким показателем ее благополучия и достаточно в полной мере отображает состояние социальной и экономической сфер государства. Поэтому изучение факторов, влияющих на здоровье, остается одним из актуальных медико-социальных направлений (Мамчур Н.П., Комаров Ю.М., Антонова Л.А., Баранов А.А., Зелинская Д.И.).

Обращаясь к теме эколого-химического неблагополучия в виде низкого содержания йода в среде обитания, мы исходили из положения о том, что психологическое и психическое здоровье в значительной мере может зависеть от одного химического элемента. В предшествующие десятилетия основным этиологическим фактором эндемического зоба называли низкое содержание йода в продуктах питания. В настоящее время, среди причин, обуславливающих рост этой патологии, наиболее часто отмечаются ухудшение экологической ситуации: радиационные техногенные катастрофы, высокие психоэмоциональные нагрузки вследствие урбанизации и интенсификации информационного потока, негативные изменения структуры питания большей части населения в новых социально-экономических условиях (Волкотруб Л.П., Караваев Н.Р., Зинченко Н. С., Ягудина А.Т.).

Нами было проведено комплексное исследование психического развития младших школьников г. Ставрополя, которое позволило установить личностные и интеллектуальные особенности, связанные с йоддефицитными состояниями.

Йод – один из эссенциальных микроэлементов, роль которого для человека трудно преувеличить. Прямо или опосредованно уровень его потребления определяет возможности ребенка реализовать генетическую программу интеллектуального, физического развития, обеспечить устойчивость к факторам внешней среды и болезням (Щеплягина Л.А.).

Дефицит йода вызывает психомоторные нарушения, снижение функции памяти и способности к абстрактному мышлению (Поляков В.К., Лисенкова Л.А., Горемыкин В.И., Поляков В.К., Свиначев М.Ю.). Достоверно доказана роль йодного дефицита в увеличении частоты болезней щитовидной железы и ухудшении показателей психического здоровья населения в районах геохимических эндемий (Касаткина Э.П., Щеплягина Л.А.).

Наши исследования показали, что одной из черт, присущих детям с нарушениями функций щитовидной железы, является высокая тревожность как относительно постоянное свойство человека видеть угрозу своему благополучию в самых различных ситуациях

и как состояние, характеризующееся субъективно переживаемыми эмоциями: напряжением, беспокойством, озабоченностью, нервозностью. У детей с проявлениями субклинического гипотиреоза повышенный уровень нейротизма, что обозначает подверженность этих детей всевозможным психологическим пертурбациям, влекущим к неуравновешенности нервно-психической деятельности. Для детей с зобом характерны повышенный уровень тревожности, наличие страхов, присутствие агрессивных тенденций, сочетание депрессивных проявлений и астенизации, эмоциональная лабильность и затруднения в приобретении школьных навыков.

Таким образом, опираясь на результаты наших исследований, мы сконструировали психологическую модель диагностики детей с изменением функций щитовидной железы: выявленные у них особенности умственной работоспособности, интеллектуального развития и психоэмоционального состояния могут быть диагностическими критериями субклинического гипотиреоза.

О психическом здоровье курсантов военного вуза в современном мегаполисе

Ю.И. Акимов, А.С. Марков (Рязань)

About psychological health of the cadet of military high school in a modern megacity —
J.I.Akimov, A.S. Markov (Ryazan)

В условиях современного мегаполиса психическое здоровье курсанта подвергается серьезному испытанию. В образовательной среде военного вуза особое место отводится духовно-нравственному воспитанию будущих офицеров: привитию патриотизма, понятия офицерской чести и воинского долга, любви и верности своей Родине. Проблема заключается в том, что духовные ценности современного мегаполиса и традиции Русской армии вступают в противоречие с тем, что сегодня в условиях мегаполиса считается вполне нравственным, является совершенно недопустимым в армейской среде вообще и в образовательной среде военного вуза в частности.

Юноша пришел в военный вуз из городской среды, где нормой является конкуренция, борьба за материальное превосходство, удовлетворение личных потребностей, погоня за удовольствиями и наслаждениями, стремление «пожить для себя». А в военном вузе от него требуется пересмотреть нравственные нормы и выше всего ценить войсковое товарищество, интересы Родины, следовать девизу десантников: «Никто кроме нас». Когда курсант выходит в увольнение в мегаполис и встречается со своими сверстниками на дискотеках, в клубах, то видит, что они живут по другим нравственным принципам.

В душе курсанта происходит внутренняя борьба: «Что такое хорошо? Что такое плохо?» Необходимо делать нравственный выбор: «Где работать мне тогда? С кем оставаться?»

Есть любимая работа – защищать Родину, но нет возможности достойно содержать семью. Любимая девушка уходит к выпускнику юридического или экономического вуза, у того лучше машина, он останется работать в мегаполисе и не надо будет ехать в отдаленный гарнизон. Курсант в отчаянии, у него может развиваться депрессия, пропасть интерес к учебе, службе, жизни. Но может возникнуть и необузданная агрессивность, желание наказать бывшую возлюбленную, избить более удачливого соперника. В психологической борьбе с соблазнами мегаполиса, его возможностями по обеспечению комфортной жизни, у курсантов порой возникает соблазн, используя знания и умения, полученные в военном вузе, пойти в охранники к «сильным мира сего».

Мы знаем много примеров когда курсанты или молодые офицеры отказывались от любимой профессии ради материального благополучия и получали незаживающую психологическую травму. При видимом благополучии они становились глубоко несчастными людьми. У них не стало великой цели, большого дела достойного настоящих мужчин.

Сравнительные особенности самооценки и ценностной сферы у жителей большого и малого города

Т.В. Барлас, Е.С. Екимова (Москва)

Comparative-psychological characteristics of the self-esteem and conative-axiological sphere of people from big cities and small towns — *T.V. Barlas, E.S. Ekimova (Moscow)*

Сравнение образа Москвы и провинции, сложившихся в массовом сознании, выявляет противоречие между «богатой жестокой» Москвой, которой противопоставляется «бедная, отстающая» провинция, где, тем не менее, сохранились более привычные и теплые отношения между людьми. Анализ психологической и социологической (стереотипные представления) литературы позволил нам сформулировать гипотезы о различиях между жителями Москвы и провинции, которые проверялись в ходе исследования:

- Альтруизм. Предполагается, что альтруизм будет проявлен жителями мегаполиса в меньшей степени, чем жителями провинции.
- Макиавеллизм. Для москвичей должен быть более ярко выражен принцип «цель оправдывает средства».
- Самооценка жителей провинции будет ниже по большинству характеристик, но выше по «доброте».
- «Типичный москвич» будет восприниматься как более счастливый, успешный и менее добрый, чем «средний провинциал».
- Система ценностей. «Ценности большого города» (активная деятельная жизнь, уверенность в себе) будут иметь большую значимость для москвичей, чем для жителей провинции, для которой более важными будут «традиционные» ценности (счастливая семейная жизнь).

В исследовании принимали участие жители г. Москвы и Переславля-Залесского (Ярославская область): 90 человек от 14 до 30 лет (самооценка, оценка «типичного» москвича и переславца, уличный опрос) и 73 школьника 10-11 классов (диагностика ценностных ориентаций по Рокичу и оценка уровня макиавеллизма).

Первые две гипотезы не подтвердились. Ни по альтруизму (оценивался по проценту отказов на просьбу принять участие в исследовании, с которой психолог обращался к незнакомым людям), ни по тестовому показателю макиавеллизма значимых различий выявлено не было.

Третья гипотеза подтвердилась для характеристики «доброта» (самооценка доброты у москвичей была ниже, чем у переславцев), но не подтвердилась для других исследованных характеристик: москвичи и переславцы примерно одинаково оценивали себя по уму, счастью, успешности, тому, насколько их любят, что противоречит сложившимся стереотипам о «благодарной» Москве и «страдающей» провинции.

Четвертая гипотеза, в целом, подтвердилась: типичный москвич воспринимается переславцами как менее добрый и более успешный, нежели типичный переславец. При этом переславцы считали себя более добрыми, нежели «типичный москвич» и были убеждены, что их любят больше, чем среднего жителя столицы; «коренные» москвичи считали себя более добрыми, любимыми, счастливыми и успешными. Переславцы оценили «типичного москвича» выше, а москвичи – ниже.

Наконец, последняя гипотеза подтвердилась частично. Главные для школьников из обоих городов ценности – здоровье и любовь – одинаковы. Для переславцев более значима интересная работа, уверенность в себе и развитии, для москвичей – активная деятельная жизнь, свобода, развлечения и творчество. Ценности школьников-москвичей можно в большей степени отнести к «подростковым». В целом, однако, система ценностей школьников из двух городов продемонстрировала больше сходства, нежели различий.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило, что, вопреки сложившимся стереотипам, жители российских городов сегодня, независимо от того, в каких городах они проживают, – это, в целом, довольно близкие по своему внутреннему миру люди.

Представления о толерантности подростков

В.В. Барабанова, Е.А. Мухортова (Москва)

Notions of tolerance in adolescents — *V. Barabanova, E. Mubortova (Moscow)*

Важнейшей проблемой воспитания в современном мире является формирование личности подростка, имеющего толерантные установки в системе социальных отношений. Ведущая роль в решении этого вопроса принадлежит школе как основному институту социализации личности.

Сегодня все большее распространение среди подростков имеют настроения взаимной нетерпимости, недоброжелательности и агрессивности. Поэтому особо значимым является нахождение путей воспитания детей и подростков в духе толерантности.

В соответствии с Декларацией Принципов Толерантности под толерантность понимает­ся «терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения способов проявлений человеческой индивидуальности. Толерантность – это гармония в многообразии...».

Проблемой нашего исследования было изучение вопросов: как понимают «тол­ерантность» сами подростки, насколько они считают себя и своих одноклассников толерантными и насколько они в действительности являются толерантными.

Методы исследования: опросник, направленный на изучение представлений о тол­ерантности подростков и экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г.У. Солдатовой, О.А. Кривцовой, О.Е. Хухлаева, Л.А. Шайгерова).

В исследовании приняли участие школьники 6-х, 7-х, 8-х классов одной из Московских школ, в количестве 75 человек в возрасте 12-14 лет. В данной школе обучаются дети разных национальностей и этнических групп (около 20), представители различных народов России и других стран.

Анализ результатов исследования показал, что у большинства учащихся средний уровень общей (84,9), социальной (29,2), этнической толерантности (27,0) и толерантности как черты личности (28,7). Это свидетельствует о том, что подростки имеют как толерантные, так и интолерантные черты, в одних социальных ситуациях они ведут себя толерантно, проявляя терпимость и доброжелательность к окружающим, в других, могут проявлять нетерпимость и негативизм.

Отвечая на вопрос что такое толерантность, подростки называют терпимость, уважение людей другой национальности, хорошее отношение к другим народам, нациям, странам. То есть в многогранном понятии толерантности выделяют в основном этнический аспект. Это на наш взгляд отражает объективную реальность взаимодействия детей разных национальностей в школе.

Однако многие учащихся не различают толерантность и дружбу. По мнению школьников учителя в основном толерантны, а родители менее толерантны по сравнению с классными руководителями. Подростки самих себя считают толерантными (более 80% обследованных), а одноклассникам приписывают интолерантность (около 40%). На представления о толерантности учащихся во многом влияют мнения и представления учителей.

По нашим результатам, подростки не являются столь нетерпимыми к представителям других национальностей, как зачастую указываются в средствах массовой информации.

Но проблемной областью в сознаниях детей мегаполиса является принятие своей этнической принадлежности и уважительное отношение к людям другой национальности.

Личность и город в романе-антиутопии Е.И. Замятина «Мы»

О.В. Барсукова, И.С. Викторчик (Ростов-на-Дону)

The person and a city in E.I. Zamyatin's novel-anti-Utopia «we» — *O.V. Barsukova, I.S. Viktorchik (Rostov-on-Don)*

Роман Е.И. Замятина «Мы» является одним из первых антиутопических произведений в мировой художественной литературе. Описанные автором основные социальные

тенденции впоследствии будут продолжены другими писателями. Одной из проблем, поднятых Замятиным, является отражение личности и города друг в друге.

Тоталитарное государство контролирует жизнь своих граждан как индивидов, личностей, индивидуальностей. Но кроме этого, государство создает и внешнюю среду, с одной стороны, отражающую психологию людей, с другой стороны, влияющую на их психологию. Принципы градостроения и архитектуры совпадают с принципами тоталитарной идеологии, обуславливающей развитие личности, формирование рефлексивной сферы человека.

Город в романе, отгороженный стеной и колпаком от природы, его планировочная структура и стерильность, является, по сути экстерииоризированным сознанием граждан, чья рефлексивная сфера не развита, в ней фактически отсутствует «Я», а есть только «Мы». В городе «непреложные прямые улицы, брызжущие лучами стекло мостовых, божественные параллелипеды прозрачных жилищ». Геометрия города отражает математичность рассудка: «работа высшего, что есть в человеке, – рассудка – сводится к непрерывному ограничению бесконечности, к раздроблению бесконечности на удобные, легко перевариваемые порции – дифференциалы». В связи с этим, оказываются не случайными частые описания города и отдельных зданий Д-503 – главным героем романа. Интересным представляется и тот факт, что вместо имен у людей номера, и улицы и проспекты города, в свою очередь, также не имеют названия, а только номера. Например, проспект 59. Выполняя предписания доктора, чтобы вылечиться от заболевания (появилась душа), Д-503 гуляет по катетам и гипотенузам улиц. Город противопоставлен природе, как порядок хаосу, рассудок безумию: «Из необозримого зеленого океана за Стеной катился на меня дикий вал из корней, цветов, сучьев, листьев – встал на дыбы – сейчас захлестнет меня... Но, к счастью, между мной и диким зеленым океаном – стекло Стены. О великая, божественно-ограничивающая мудрость стен, преград! Это, может быть, величайшее из всех изобретений! ... мы этой Стеной изолировали свой машинный, совершенный мир – от неразумного, безобразного мира деревьев, птиц, животных».

Город предстает как своеобразный эталон, с которым герой сверяет свои мысли и по которому оценивает прошлое и настоящее. Совпадают ритм города и ритм личности, подчиненные строгому расписанию, определяющему весь распорядок жизни граждан. Проявление «Я» и души, которое Д-503 считает болезнью, нарушают прямолинейность и однозначность его мыслей и чувств.

Архитектурное решение зданий, главным образом, домов также отражает особенности психологии. Архитектура интериоризируется в личной психологии: «...среди своих прозрачных, как бы сотканых из сверкающего воздуха, стен – мы живем всегда на виду, вечно омываемые светом. Нам нечего скрывать друг от друга. К тому же это облегчает тяжкий и высокий труд Хранителей. Иначе мало ли что могло быть. Возможно, что именно странные непрозрачные обиталища древних породили эту их жалкую психологию. «Мой дом – моя крепость» – ведь нужно же было додуматься!».

Таким образом, в романе город ограничивает не только внешнее географическое и социальное пространство, но и внутренне пространство личности, личность, потеряв свою субъектность, в свою очередь, уже не хочет выходить за свои границы.

Ценностно-смысловые особенности студентов как жителей мегаполиса

А.К. Белоусова, Ю.А. Тушнова (Ростов-на-Дону)

Value- sense features of students as residents of megalopolis — *A.K. Belousova, U.A. Tushnova (Rostov on Don)*

В настоящее время проблема психологических особенностей жителей мегаполисов становится одной из актуальных: мегаполис, создавая определённую среду обитания, имеющую различные функциональные, организационные и психологические составляющие, может определять развитие психологических особенностей жителей. Мегаполисы, интегрируя

представителей различных социальных слоев и этносов, могут выступать в качестве единого жизненного пространства, формируя определённый тип городской культуры. Мегаполис предполагает обмен и взаимопроникновение ценностей, динамика которых у представителей различных этносов влияет на вектора сходства и различия в паттернах поведения, образа жизни.

В соответствии с представлениями В.Е. Ключко, человек понимается как психологическая система, которая существует как самоорганизующаяся, обладающая свойством открытости, т.е. готовностью человека принимать различные социальные нововведения, а, следовательно, способного к саморазвитию. В связи с этим окружающая среда, включая не только физические, но и социокультурные условия, к которым можно отнести условия мегаполиса, входят в психологическую систему человека, создавая специфические условия для возможностей саморазвития.

Мегаполис представляет собой определённое жизненное пространство, координатами которого выступают ценности и смыслы. Окружающая среда, территория несёт в себе сплавленный, ассимилированный, в чём-то сходный, в чём-то различный, ценностный и смысловой ряд. Можно предполагать наличие некоторого сходства в этих координатах у представителей определённых социальных или этнических групп, проживающих в одном мегаполисе. Ростов-на-Дону представляет собой один из самых многонациональных и многоконфессиональных мегаполисов Юга России. Русское население является наиболее многочисленным, вторую по численности группу составляют представители армянской национальности, одну из многочисленных групп составляют представители арабской национальности. Присущий современному обществу процесс интеграции культур, ассимиляции ценностей, смыслов, традиций, норм выступает одним из основных интегративных процессов, происходящих в психологическом секторе мегаполиса. В связи с этим особо актуальным становится вопрос о специфике ценностей, смыслов представителей различных национальностей, с точки зрения выявления того общего, что характеризует ценности и смыслы студентов как жителей мегаполиса. Эмпирическое исследование проводилось на базе различных вузов г. Ростова-на-Дону. Общий объем выборки составил 112 человек. В качестве методов были использованы методика жизненных смыслов В.Ю. Котлякова, опросник терминальных ценностей И.Г.Сенина.

Анализ полученных результатов позволяет говорить о том, что для студентов всех исследуемых национальных групп характерным является сходное расположение жизненных смыслов: на первое место попадают семейные жизненные смыслы; последнее место в профиле занимают когнитивные смыслы. Терминальная ценность развития себя (по методике И.Г.Сенина) в равной степени выражена у представителей всех исследуемых национальностей. Таким образом, для студентов, как определённой социальной группы, представляющей мегаполис Юга России, в качестве характерных выступают ценности и смыслы развития себя, образования, семьи и профессии. Представителям всех исследуемых национальностей присуща потребность в самореализации, как выражение готовности к саморазвитию.

Визуальная культура жителей мегаполиса

П.Н. Виноградов (Санкт-Петербург)

Visual culture of inhabitants of a megacity — *P.N. Vinogradov (St.-Petersburg)*

Актуальность исследования данной проблемы обусловлена противоречиями между тенденциями развития современной цивилизации и недостаточной разработанностью средств, позволяющих человеку осознавать эти тенденции, а также контролировать, прогнозировать и проектировать свою деятельность по освоению окружающего мира и преобразованию самого себя.

Одним из важнейших аспектов современной жизни является то, что теперь все чаще проявляется тенденция как непосредственного, так и опосредованного влияния окружающей среды на потребности человека, сейчас она формирует запросы людей. При этом, предмет

появляется в сознании человека не в своей первозданной сущности, а в виде виртуального заместителя – образа предмета, специально созданного с определенной целью.

Современный человек, живущий в мегаполисе, с рождения окружен интенсивным визуальным потоком, несущим большую часть информации о мире. Благодаря развитию компьютерных технологий мультимедиа и глобальных информационных сетей, также преимущественно визуально ориентированных, появилась, с одной стороны – уникальная возможность общения со всем культурным наследием человечества, а, с другой – целенаправленного изменения содержания и структуры человеческого сознания. Визуальная составляющая включена во все виды деятельности жителя современного мегаполиса: познание, общение, труд, рекреацию и шопинг. Современная система образования должна научить молодого человека умению как свободно пользоваться позитивными сторонами этого явления, так и противостоять негативным влияниям.

Анализ классических и современных психологических исследований по проблемам освоения визуальной среды (Б.Г.Ананьев, Л.С. Выготский, А.Н.Леонтьев, С.Л.Рубинштейн, В.П.Зинченко, Б.Ф.Ломов, В.А.Барабанщиков, А.Н.Гусев, В.И.Панов), прикладных и обобщающих работ (Л.В. Смолова, Е.А. Соловьева, Ю.Г.Панюкова, Х.Э. Штейнбах и др.) позволил увидеть необходимость изучения такого важного личностного образования как визуальная культура.

Визуальная культура личности – интегративное психологическое образование, направленное на взаимодействие с визуальной окружающей средой, включающее психофизиологический, психологический и социально-психологический уровни опосредования, направленное на адаптацию, присвоение (смысловое постижение) и преобразование визуального информационного потока и проявляющееся на уровнях элементарных умений, функциональной грамотности и визуальной компетентности.

В рамках изучения визуальной культуры личности было осуществлено исследование учащихся 3, 6 и 10 классов Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Саратова, Твери, Тулы и Ленинградской области. Общий объем выборки – 1050 человек. Установлено, что существуют различия в способности школьников различных регионов к восприятию и переработке визуального информационного потока. Существуют отличия в скорости, гибкости, оригинальности, разработанности и осознанности переработки визуального материала, предлагаемого исследователями. Средовая специфика находит свое отражение в содержании визуальных образов жителей различных регионов: доминирование и соотношение предметного, живого, видового, символического строя зрительных образов, имеет свои особенности. Школьники, проживающие в различных регионах, различаются и в предпочтении избираемых пространственных символов. Констатируемые различия позволяют сделать предположение о том, что окружающая среда оказывает влияние на выбор способов взаимодействия с ней.

Психологические угрозы современного мегаполиса

И.В. Воробьева (Екатеринбург)

Psychological threats of a modern megacity – I.V. Vorobeva (Ekaterinburg)

Современный человек считает город не просто реальностью, а некоей константой, необходимым условием для полноценной жизни и личностной самореализации. Однако, город – это уже не просто искусственно созданное пространство, это определенная психологическая среда, где воздействие на психику происходит, начиная с уровня ощущений и заканчивая глубоко личностными конструктами. Негативное влияние города признают многие специалисты, среди которых можно выделить теорию ограничения поведения Х. Прошански и Д. Стоколза; теорию перегрузки С. Милграма, теорию окружающей среды как источника стресса Д. Гласса, Дж. Сингера; теорию уровня адаптации Д. Уорвила и др. Авторы замечают, что современный большой город является источником стресса для человека. Стресс в современных психологических исследованиях принято понимать с точки зрения двух основных подходов. Во-первых, это определенная реакция человека, вызванная конкретными объектами

окружающей среды – стресс-факторами. Во-вторых, это вместе с тем и субъективное отношение личности, опирающееся на анализ внутреннего своего состояния и ее индивидуальная позиция относительно классификации раздражителей как угрожающих или нейтральных.

С помощью факторного анализа эмпирически были выделены следующие стресс-факторы мегаполиса. Первый фактор составили показатели, относящиеся к многолюдности большого города: отсутствие личной территории за пределами квартир (нагрузка 0,496); почти никогда и нигде нельзя остаться наедине с самим собой (0,734); многоэтажность административных и жилых зданий (0,727). Второй по весу фактор также социального плана, однако, он группирует показатели эмоциональности межличностных взаимоотношений: много ненужных, случайных контактов (0,754); безразличие со стороны других людей (0,637); много приезжих (-0,620). Третий фактор связан с личным пространством человека, проживающего в большом городе, в который вошли: много ненужных, случайных контактов с обратным знаком (-0,420); отгороженность людей друг от друга (0,798); частое несанкционированное случайное вторжение в личное пространство незнакомых людей (0,778). В четвертый фактор вошло всего два показателя, которые подчеркивают связь сложности восприятия архитектурной среды мегаполиса (0,782) и большого количества незнакомых людей (0,434). Пятый фактор включил в себя большие экономические затраты на проживание в большом городе и одноликость жилых домов, что подчеркивает значимость отсутствия возможности для самовыражения и проявления индивидуальности в выборе места проживания. Шестой и седьмой факторы затрагивают проблемы перемещения человека по большому городу, связанные как со сложностью ориентации в нем, так и с неудобством возможных способов. Девятый фактор, объединил проблемы безопасности в большом городе. Десятая группа переменных характеризует «транспортную усталость» современного горожанина, которому необходимо преодолевать большие расстояния ежедневно, иногда совершая многочисленные поездки по городу. Одиннадцатый фактор подчеркивает сверхвысокий, изматывающий темп жизни и постоянную динамичность. Двенадцатый констатирует как неприятный, факт многовариантности ощущений – шум, незнакомые люди, неузнаваемые места и т.д.

Работа с эмпирическим материалом продолжается как в направлении его расширения, так и с вариантами обработки, однако обобщая все вышесказанное можно предположить, что основная психологическая угроза большого города – это социальный стресс-фактор, т.е. сами люди. Исследование проводится в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-2450.2011.6.

Сравнительное исследование формирования личности старшеклассника с учетом средовых факторов

К.В. Гаврилкова (Киев)

Comparative study of the personality formation of high school students, considering environmental factors. – *K.V. Gavrilkova (Kyiv)*

Для изучения влияния средовых факторов на формирование личности старшеклассника было проведено сравнительное исследование в двух разных местностях: столице Украины – г. Киеве и предместье – г. Боярке (4-я зона радиоактивного загрязнения).

Выявлены такие особенности отношения старшеклассников к экологическим условиям жизнедеятельности. Экологическая ситуация и в Боярке, и в Киеве оценивается как неблагоприятная. Эмоциональный фон, при этом, у большинства опрошиваемых – положительный, что в большей степени связано с возрастом респондентов. Выявлено невысокое значение экологических проблем как в районе проживания, так и на планете в целом. Преобладает пассивность к собственному участию в решении экологических проблем. В некоторых случаях проявляется потребительское, утилитарное отношение к проблеме проживания в загрязненной зоне (это касается жителей Боярки), так как это дает гарантию более легкого вступления в высшие учебные заведения и получение повышенной стипендии.

По результатам тестирования уровень самоактуализации оказался выше в Боярке. Т.е. боярчане более склонны жить настоящим, ощущать свою жизнь целостной. Они более независимы в своих поступках, более спонтанно выражают свои чувства. У них довольно высокий уровень самопринятия. Следует отметить, что одним из факторов более высоких показателей самоактуализации старшеклассников в Боярке, на наш взгляд, является то, что большинство из них проживают в частных домах, т.е. имеют большую собственную территорию и большую ответственность за нее, чем школьники Киева.

С помощью «Методики изучения адаптивных стратегий» определялась степень адаптации старшеклассников к окружающей среде (социальной и природной).

Наиболее используемой стратегией в обоих городах оказалась 3 (активный выход из среды и поиск нового), что скорее всего связано с возрастом реципиентов, ведь они стоят на пороге окончания школы и перехода в новую для них социальную среду. В Боярке более распространенными являются активные адаптивные стратегии (57% учеников), тогда как в Киеве активные и пассивные распределены приблизительно одинаково. Это согласовывается с тем, что по тесту самоактуализации (САТ) показатели зрелости личности были выше у старшеклассников г. Боярки. Довольно большой процент избрания пассивных адаптивных стратегий в юношеском возрасте является тревожным симптомом и говорит о сниженном жизненном тоне, общем пессимизме, который можно связать с неблагоприятной окружающей естественной и социально-экономической средой.

Представления об адаптационных способностях молодежи у жителей современного мегаполиса

М.В. Григорьева (Саратов)

Modern megacity inhabitants representations about youth adaptable abilities – *M.V. Gavrilova (Saratov)*

Представления об адаптационных способностях молодежи у жителей современного мегаполиса М.В.Григорьева (Саратов) The submissions of adaptive abilities of young people the residents in the modern metropolis M.V.Grigoryeva (Saratov) Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Развитие адаптационных способностей выпускников школы в процессе взаимодействия с образовательной средой» (грант №11-06-00716 а) Одним из важных направлений психологии является исследование адаптационных способностей молодых людей, так как от того, насколько они готовы к возможному будущим изменениям в общественных отношениях, а также к проявлению гибкости в самоуправлении своей жизнью и профессиональной деятельностью, зависит их будущее и будущее страны в целом. Представления социального окружения об адаптационных способностях молодежи отражаются в адаптационном поведении молодых людей. Целью нашего исследования в этой связи является изучение представлений об адаптационных способностях молодежи у жителей современного большого города, а также описание рефлексивных процессов отражения отношений молодых людей к людям старшего возраста в различных возрастных группах. Анализ данных ассоциативного эксперимента показал, что в разных возрастных группах различно количество содержательных и эмоционально-оценочных характеристик, данных на стимулы «современная молодежь города». Так, в 1 группе в среднем для обобщенной характеристики молодежи используются 4,7 признака, во второй – 5,7, в третьей – 7,5 ($j^* = 2,24; 2,82; 3,85$, при $p < 0,01$); для характеристики активности молодых людей в 1 группе используются в среднем 3,1 признака; во второй группе – 3,5; в 3 группе – 4,5 ($j^* = 1,75; 2,12$, при $p < 0,05$ и $p < 0,01$). Видно, что различия в сложности представлений зависят от возраста: чем старше человек, тем больше признаков он использует для конструирования образа, и тем более сложным и многогранным является этот образ. У самих молодых людей (1 гр. – 17-22 года) и у представителей близкой возрастной группы людей на стадии взросления (2 гр. – 22-35 лет) преобладают эмоционально-оценочные характеристики обобщенного образа молодежи. Наиболее позитивное эмоционально-оценочное отношение проявляется во 2 группе,

а не у самих молодых людей. Это связано с актуальными и напряженными процессами самопознания и самоопределения у представителей 1 группы, о чем свидетельствуют также большое количество содержательных характеристик. Выраженное позитивное отношение к молодежи у представителей 2 группы служит основой эмоциональной взаимосвязи и хороших взаимоотношений между молодыми людьми и представителями периода ранней взрослости. Люди зрелого возраста на стимул «современная молодежь города» продуцируют в основном содержательные характеристики (78%), что свидетельствует о формировании у них безоценочного отношения к молодежи, а также о том, что образ молодежи у зрелых людей не связан в большинстве случаев с эмоциями. Если все же эмоционально-оценочное отношение возникает, то оно чаще отрицательное. Такая структура представлений у зрелых людей не может способствовать развитию оптимальных взаимоотношений между ними и молодыми людьми. Эмоциональная холодность и непринятие зрелыми людьми молодежи может стать и, очевидно, объективно является, одной из распространенных психологических причин конфликтных отношений между представителями этих поколений. Данная социально-психологическая ситуация обостряется еще и тем, что поколение зрелых людей – это, в своем большинстве, родители молодых людей, от которых они эмоционально дистанцируются.

Потенцирование негативного эффекта отцовской депривации в условиях химического загрязнения городской среды

Л.И. Губарева, С.П. Попова, Л.В. Литвинова (Ставрополь)

Potentiation of negative effect of paternal deprivation in conditions of chemical pollution of the urban environment – *L.I. Gubareva, S.P. Popova, L.V. Litvinova (Stavropol)*

Современные условия социально-экономического развития инициировали ряд явлений, негативно отражающихся на сохранении здоровья детей и подростков, проживающих в районах с развитой промышленностью. Несмотря на то, что детский организм является наиболее чувствительным индикатором степени экологического неблагополучия (Немых В.Н., и др., 1996; Губарева Л.И. 2001; Гичев Ю.П., 2002 и др.), на сегодняшний день исследованы далеко не все возрастные периоды. Кроме того, в настоящее время во всем мире отмечается ухудшение демографической ситуации; в ряде регионов РФ отмечается синдром депопуляции, увеличение числа разводов (данные Росстата о демографической ситуации в РФ за 2006 г.), в результате чего в мирное время дети воспитываются в условиях отцовской депривации. Вопрос о влиянии отцовской депривации на психосоматическое развитие детей и подростков изучен недостаточно. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает изучение сочетанного воздействия антропогенного химического загрязнения среды и отцовской депривации и вклада каждого из них в нарушение здоровья подрастающего поколения, чему и посвящена настоящая работа.

В условиях естественного эксперимента было обследовано 885 детей и подростков 7-13 лет. Сформировано 3 опытных группы: 1 – дети, проживающие в химически загрязненном районе в полной семье; 2 – дети из неполных семей, проживающих в экологически благоприятных районах; 3 – дети, находящиеся в условиях сочетанного воздействия химического неблагополучия и отцовской депривации. Контрольную группу составили школьники, проживающие в экологически благоприятных районах и в полных семьях. Исследовали психосоматическое развитие, состояние адаптационных систем: сердечно-сосудистой, дыхательной и нервной. Показателями физического развития служили масса и длина тела, окружность и экскурсия грудной клетки (ОГК и ЭГК). О системе кровообращения и адаптационных возможностях организма судили по показателям частоты сердечных сокращений (ЧСС), артериального давления, адаптационного потенциала (АП) и длительности индивидуальной минуты (ИМ), ЦНС – по показателям хронорефлексометрии. Для характеристики психического

статуса использовали методики определения уровня тревожности (УТ), адекватности самооценки (АСО), школьной мотивации, индивидуально-типологических особенностей (ИТО) личности, уровня креативности. Результаты исследования обрабатывали статистически.

Комплексное обследование детей и подростков 7-13 лет, проживающих в условиях химического загрязнения окружающей среды и отцовской депривации, выявило негативное воздействие указанных факторов на психосоматическое развитие и состояние адаптационных систем – кардио-респираторной и центральной нервной систем. Степень воздействия определяется возрастом и полом учащихся. Выявлено потенцирование негативного воздействия эколого-химических и социальных факторов среды на психосоматическое развитие, выражающееся в снижении ростовых показателей, ОГК и ЭГК, снижении функциональных возможностей сердечно-сосудистой и центральной нервной систем, повышении УТ, агрессивности, ригидности, снижении сензитивности, лабильности, спонтанности, АСО, креативности и школьной мотивации.

Работа поддержана грантом РГНФ №08-06-18013е.

Актуальность изучения влияния неблагоприятной экологической среды на личностно-типологические характеристики подростков

К.С. Полушанян, Д.А. Ершова (Ставрополь)

Urgency of studying of influence of the adverse ecological environment on lichnostno-typological characteristics of teenagers — *K.S. Gyulusbanyan, D.A. Ershova (Stavropol)*

Экологическая психология является методологической базой для анализа взаимодействия природной среды человека с окружающей средой, позволяя определить прогностические тенденции психологического и психического здоровья человеческой популяции, констатируя динамически изменяющиеся приспособительные процессы, как естественного характера, так и антропогенного.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет понятие здоровья как состояние физического (биологического), душевного (психического) и социального благополучия. В последние десятилетия к этому определению добавился четвертый фактор – экологического благополучия. В связи с этим Д.Д. Венедиктов (1998) определяет здоровье «по уровню динамического (на протяжении всей жизни) равновесия организма с окружающей природной и социальной средой, по возможностям адаптации к различным изменениям этой среды и защиты от неблагоприятных факторов при свободном осуществлении всех присущих человеку биологических и социальных функций».

Для гармонического развития личности необходимо исключить или свести к минимуму не только антагонизм биологических возможностей личности, но и конфликт социальных возможностей и потребностей. Социально-экологические факторы среды должны соответствовать не только социальному началу в человеке, но и биологическим возможностям и осмысленным, разумным потребностям личности. Именно поэтому К.В. Орехов (1998) определяет здоровье как процесс развития биологических и психических способностей человека, его оптимальной трудоспособности и воспроизведения здорового потомства. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения развития человека и его психологического и психического здоровья с позиции экологии в условиях, когда ежегодное поступление в атмосферу токсичных и опасных соединений, таких, как сернистый ангидрид, окислы азота, углеводороды, другие органические соединения, в России составляют в среднем 300 кг на одного человека.

Сотрудниками Ставропольского государственного университета были проведены исследования на субпопуляциях работников химических комбинатов, жителей промышленных регионов и подростков, проживающих в экологически неблагоприятных регионах. Сравнительный многомерный патопсихологический и патопсихолого-математический анализ подростков, проживающих в различных экологических регионах, в зависимости от исходного конституционального

психотипа показал, что наименьшей толерантностью к нейротоксическому и психонейроэндокринно-токсическому действию СХНК обладают подростки с истероидным психотипом, затем с шизоидным, а на третьем и четвертом месте, отражающим наибольшую толерантность, располагаются подростки с эпилептоидной и циклоидной структурами психотипов. Наиболее нестабильный и неустойчивый индивидуальный барьер психологической и психической адаптации, опять-таки, обнаруживается у подростков с истероидной и шизоидной структурами психотипов, проживающих в неблагоприятной экологической среде с преобладанием СХНК.

Система ценностей как фактор информационно-психологической безопасности личности

Т.И. Ежевская (Чита)

Value as factor information-psychological security of the person — *T.I. Yezhevskaya (Chita)*

В связи с интенсивным воздействием информационной среды на современного человека и актуальностью проблемы информационно-психологической безопасности, в науке идёт поиск эффективного механизма сохранения и защищённости основных психологических характеристик личности. Очевидно, что найденный механизм должен обладать надситуативной сущностью и экопсихологическим внутренним эффектом воздействия на личность в неблагоприятных ситуациях влияния информации, и сохранять её относительную психологическую устойчивость, самоценность и способность к саморегуляции.

Значимым сущностным ядром личности являются её ценности, которые определяют сознание человека при взаимодействии с окружающей средой, влияют на восприятие действительности, ощущение благополучия и обладают побудительной и регуляторной силой и предполагают к определенному поведению. В этой связи, ценности можно рассматривать как значимый фактор обеспечения информационно-психологической безопасности личности.

Ценности разной степени осознанности, устойчивости, направленности объединяются в систему в структуре личности. Уровень зрелости личности определяется системой устоявшихся ценностей и ценностных ориентаций. Относительно устойчивая система ценностей личности освобождает ее от необходимости реагировать и приспосабливаться к случайным влияниям, позволяет выйти за пределы ситуации и увидеть надситуативный смысл, что позволяет человеку обеспечить относительную автономию в неблагоприятных ситуациях социального и информационного влияния, определенный уровень контроля своих реакций и действий. Широта и разнообразие системы ценностных взаимосвязей обеспечивают личности гибкость в ситуациях информационного влияния.

Ценностный ресурс человека обеспечивает определённую степень его информационно-психологической безопасности не только при доминировании определенных комбинаций ценностей внутри самой ценностной системы, но и их взаимосвязей с другими психологическими ресурсами. Актуализация психологических ресурсов и влияние на любой конец взаимосвязанной цепочки позволит достичь определенного уровня информационно-психологической защищенности личности.

Определение связей между ведущей группой ценностей, их устойчивости, широты и разнообразия, связей с другими личностными ресурсами даст возможность прогнозировать некоторые модели поведения человека не только в конкретной информационной среде, но и в разных жизненных ситуациях.

Формирование первичного доверия в интернет-среде: характеристики образов самопрезентации

Ю.Е. Зайцева (Санкт-Петербург)

Formation of primary trust in an Internet environment: characteristics of images of self-presentation —
Y.E. Zaitseva (Sankt-Petersburg)

Активность общения интернет-пользователей в текстово-образной среде блогосферы растет с каждым годом. Потенциальное равенство возможности вступить в коммуникацию внутри глобальной сети ставит перед участниками этого вида общения ряд дополнительных задач. Отсутствие привычных маркеров социальной идентичности заставляет искать средства трансляции социальных ожиданий. Мы полагаем, что ряд специфических феноменов формирования первичного доверия / недоверия в интернет-среде является отражением традиционных особенностей коммуникации и новых средств их реализации. Целью нашего исследования являлся анализ выбора аватары (картинки или фотографии, репрезентирующей автора) как средства самопрезентации при вступлении в контакт с неизвестным участником социальной сети (РГНФ №10-06-00354а). Самопрезентация (Гоффман И., 2000) сочетает в себе как элементы самохарактеризации, так и самопредъявления, то есть стремления создать о себе определенное впечатление у партнера по коммуникации, воздействовать на него. Мы сосредоточили наше внимание на формировании у партнера «первичного импульса» межличностного доверия (Штомпка П., 1996) средствами интернет-коммуникации. Феноменологическое разнообразие «аватар» было проанализировано экспертами на материале социальной сети «ВКонтакте.ру». По результатам описания 879 образов самопрезентации эксперты выделили 4 параметра, по которым данные аватары различались наиболее существенно: степень «анонимности» изображения (возможность быть узнаваемым по аватарке), невербальные признаки «призыва к контакту» («взгляд в глаза», «обращенность корпуса к субъекту общения»), мера реалистичности образа (фотография / картинка), присутствие на аватарке (вместе или вместо автора) других людей, детей, животных, предметов. Наиболее типичными для данной социальной сети оказались 14 видов аватар по сочетанию этих параметров. Полученная типология может служить основанием для построения пространства психологической дистанции (схожести/отличия) образов субъектов интернет-общения. Мера доверия/недоверия фактам, оценкам, эмоциям партнера по общению зависит от такой психологической дистанции (коэф. корр. Спирмена = 0,46, $p < 0,05$). Оценка степени доверия блогеру на основании первого впечатления (от аватары) в среднем снижается по мере увеличения анонимности, отказа от контакта, преобладания групповой идентичности над индивидуальной, преобладания символической идентичности над фактической однако неравномерно в отношении доверия фактам и их истинности, правильности мнений, искренности чувств. Аватары различных типов неравномерно распределены в различных зонах социальной сети (сообществах, группах, списках друзей). Наиболее распространенными являются: демонстрирующие готовность к доверительному общению и низкому недоверию (открытое лицо анфас крупным планом) и сочетающие высокое недоверие со средним уровнем доверия (лицо или фигура, отчасти скрытая, или картинка, изображение, символ). Обнаружены гендерные различия (на уровне тенденции) в степени типичного превышения транслируемого недоверия над доверием: для женщин такое превышение выражено менее ярко (скорее открытость, с возможностью «ухода»), чем для мужчин (закрытость, с возможностью «раскрытия»). Аватары с изображением крупным планом небольшой части лица/тела (глаз, губ, рук, волос), сочетая призыв к контакту с высоким недоверием к партнеру, чаще встречаются среди людей с высокой личностной тревожностью и уровнем нейротизма. Мера анонимности и тип идентичности являются более устойчивыми характеристиками аватары, чем мера обращенности к партнеру по интернет-коммуникации.

Смысловые реалии многонациональной школы современного мегаполиса

Н.Г. Зотова (Волгоград)

The meaning realities of multinational school (modern megalopolis) — *N. G. Zotova (Volgograd)*

Образцы, повсеместно навязываемой, преподносимой всеми возможными способами и средствами информации, культуры вседозволенности, демонстрируют неуважение к государству и праву, национализм в его различных формах и проявлениях, рост преступности, экстремизм и терроризм, равнодушие к созданию семьи, социальное сиротство, распространение алкоголизма и наркомании, обесценивание ценностей культуры, творчества, утрата смыслов развития, образования.

За школой традиционно закреплена основная ответственность за возможность выстраивания механизмов конструктивного регулирования межнациональных отношений на основе интеграции в единую русскую языковую и культурную среду представителей различных национальных диаспор.

Многие школы Волгоградской области являются многонациональными, но важно учитывать не только национальный состав учащихся, но и пути формирования национальной структуры образовательного учреждения

Каждая категория имеет свои специфические особенности адаптации к новым для них экономическим и социальным условиям. Кроме того, в числе вынужденных переселенцев присутствуют и многодетные семьи, что приводит к перегрузке социально-культурной инфраструктуры, в первую очередь, общеобразовательных школ. Также необходимо учитывать, что в нашем крае проживают многочисленные потомки представителей нерусского этноса, которые живут здесь давно и считают себя активными участниками всех Российских перипетий и перепутий.

В свете изложенного является очевидной надобность тщательного учета и изучения обстоятельств формирования социально-демографической структуры школы. Наиболее проблемная группа – детей-мигрантов испытывает большие затруднения при адаптации в поликультурной образовательной среде. Их отличает повышенная тревожность, страх, отчужденность, снижение успеваемости, иногда агрессия как следствие «расколотого» прошлыми трагическими событиями сознания.

Вопрос национальной самоидентификации России является сегодня без преувеличения вопросом выживания. Один из возможных механизмов преодоления социокультурных и национальных противоречий – объединение людей на основе принадлежности к своей стране. Это проблема выработки общих для всех россиян ценностей, общего смыслового пространства. И поэтому многонациональную школу по праву можно назвать «школой смыслов» стратегической целью, которой, будет создание общеобразовательного учреждения, реализующего современные образовательные технологии на основе интеграции интересов, ценностей, национальных и исторических традиций представителей всех этнических общностей.

Реалии многонационального образовательного пространства предполагают факт своего существования независимо от того, как в обществе понимается система профессиональных норм. Они вне нашего стремления к идеализации образа учителя как обладателя гуманной, альтруистической, творческой и т.д. профессии или к констатации наличия объективно равных условий развивающей природы обучения и имеют статус самостоятельно существующих объектов, которые функционируют в автономном режиме (например, отсутствие у педагогов необходимых навыков успешной интеграции учеников разных национальных образов в учебно-воспитательный процесс). Но, присоединив к реалиям многонациональной образовательной среды понятие смысла, мы активизируем качественно новое их понимание, раскрывая пути их возникновения и скрытые, субъективно-причинно-следственные механизмы личностной и социальной природы.

Формирование субъект-субъектных взаимодействий в профессиональной среде нотариусов. Опыт реализованных бизнес-тренингов

П.Б. Кодесс (Москва)

Forming of subject-subject relationships in the notary profession environment. The training experience —
P. Kodess (Moscow)

Профессиональная среда – важнейшее пространство для самореализации и личностного роста взрослого человека. Несколько лет назад научный коллектив на базе лаборатории экпсихологии развития ПИ РАО проводил исследование для нотариального сообщества, посвященное выявлению основных характеристик, а также факторов риска такой распространенной в мегаполисе профессии, как нотариус. Выяснилось, что одним из ведущих стрессовых факторов, ведущих впоследствии к нарастанию профессионального выгорания, является особенность и характер коммуникативных взаимодействий в профессиональной среде. Прежде всего это общение с клиентами, а также с коллегами и контролирующими органами. Анализ характерных профессиональных казусов с использованием модифицированного метода Фланэгана, показал, что наибольший эмоциональный стресс вызывали конфликтные субъект-объектные взаимодействия с посетителями. И дело было не только в «черствости» нотариусов, а зачастую в их неумении преобразовывать субъект-объектные контакты в субъект-субъектные и непонимание закономерностей межличностной коммуникации.

В результате были сконструированы 3 краткосрочные программы обучения, оформленные в формат 16 часовых интенсивных бизнес-тренингов. 1 – программа посвящена профилактике профессионального выгорания – основам коммуникативной компетентности и психогигиены. 2 – программа делает акцент на взаимодействиях нотариуса и его сотрудников – вопросам мотивации, развития и повышения эффективности коммуникаций в ближайшем профессиональном окружении. 3 – программа посвящена поискам эффективного решения конфликтов как с клиентами, так и с коллегами. Проходя эти программы, нотариусы расширяют свою психологическую компетентность, моделируя и осознавая различные ситуации общения. При этом субъект-субъектный характер взаимодействий воспроизводится для всех типов профессиональных контактов. Отметим, что разработанные для программ кейсы опираются на специфические, характерные для профессии ситуации. Именно такое понимание специфики деятельности позволило наладить серьезную работу с достаточно закрытым профессиональным сообществом.

На сегодняшний день в тренингах приняли участие около 400 нотариусов из различных регионов России. Характерно, что профессионалы из мегаполисов и просто больших городов действительно испытывают больше стрессов, но у них и выше мотивация к обучению.

Проведение стандартизированной оценки эффективности тренингов в данной ситуации является затруднительным в силу регионального характера работы. На данный момент позитивным является то, что данная работа продолжается, а также то, что в некоторых регионах уже сформирована потребность в непрерывном и регулярном повышении психологической компетентности нотариусов.

Можно сказать, что за последние несколько лет в данной профессиональной среде появилось осознание нового подхода к характеру профессиональных взаимодействий. Помимо довольно сухого и жесткого «по закону положено» появляется еще и попытки вполне человеческого понимания и стремления к сотрудничеству. Профессиональные знания и навыки нотариуса в совокупности с умением выстраивать субъект-субъектные взаимодействия создают условия в которых выигрывает и клиент, получая более дружелюбную и помогающую среду, и нотариус, получая минимизацию стрессов и профессионального выгорания.

Жизненная стратегия студентов – работать или учиться?

П.Б. Кодесс (Москва)

Student's life strategy – to work or to learn? – P.B. Kodess (Moscow)

Разработанная нами методика изучения жизненной стратегии позволяет выявить глубину, четкость и особенности содержания жизненной стратегии. Под жизненной стратегией мы понимаем систему жизненных целей во временной перспективе личности. Настоящее исследование посвящено изучению особенностей жизненной стратегии студентов, в частности то, какое влияние оказывает на нее раннее включение в профессиональную среду.

В исследовании приняла участие 145 студентов различных видов обучения г. Москвы. 70% из них – медики, учащиеся начальных курсов. Из опрошенных 56% – работает в настоящее время, 44% – не работает. Студенты работают в медицинских учреждениях, в колл-центрах, технические специалистами, курьерами, организаторами, воспитателями.

Процедура заключалась в ранжировании представленных в списке целей во временной перспективе. Полученные данные были подвергнуты факторному анализу методом главных компонент. В результате выделилось 6 основных факторов, исчерпывающих от 65 до 80% дисперсии.

На основе контен-анализа высказываний экспертов, выделенные факторы получили названия, а средний балл четкости позволил судить о том насколько ясно испытуемые представляют свое будущее в каждый период времени. Ниже представлены средние данные для всей выборки, дисперсия 69%.

Фактор позитивного социального проявления (13,6%). Фактор саморазвития и самоактуализации (13,4%). Фактор профессиональной самореализации (11,5%). Фактор эмпатийного общения (10,7%). Фактор внешнего успеха (10,2%). Фактор «образование и учеба» (9,6%).

Осознанность целей в каждом факторе менялась в зависимости от временного периода. О содержании жизненной стратегии можно сделать выводы по содержанию факторов.

Было выявлено различие в содержании жизненной стратегии студентов, активно взаимодействующих с профессиональной средой и тех, кто не имеет такого опыта. Работающие студенты не выделяют отдельный фактор «образование», цели, связанные с получением образования у них уже включены в факторы, связанные с профессиональным успехом и самореализацией. Неработающие студенты выделяют 3 фактора : карьера (овладеть профессией, построить карьеру, найти интересную работу), личностное развитие (проявить себя, развиваться как личность) и внешний успех (стать богатым, стать известным). Работающие: самореализация в профессии (найти свое призвание + найти интересную работу + круг общения + проявить себя) и профессиональный успех (построить карьеру + стать известным + овладеть профессией, мастерством).

В целом у работающих студентов жизненная стратегия более четкая, они планируют свою жизнь на более длительный период и их жизненная стратегия в большей степени направлена на активную социальную реализацию и личностный рост. У неработающих студентов (особенно у девушек) более четко выделен фактор внешнего успеха

Можно также сделать предположение о том, что профессиональная и образовательная среды для студентов связаны как цель и ее реализация. В университете они стремятся к цели «стать профессионалом», а на работе они уже профессионалы. Это не значит, что некуда стремиться, результаты нашего исследования показывают, что они как раз и начинают понимать «куда и зачем» они учатся. Нет образования, отделенного от жизни, есть целостная жизнь, включающая реализацию себя как профессионала и человека.

Психологические особенности личности в регионе с неблагоприятными условиями проживания

С.В. Кондрашенкова (Петропавловск-Камчатский)

Psychological characteristics of personality in the region with poor living conditions —
S.V. Kondrashechkova (Petropavlovsk-Kamchatsky)

Неблагоприятные условия жизнедеятельности – объективные условия, потенциально способные депривировать потребности личности (в том числе потребность в безопасности), которые личность может субъективно воспринимать либо как реально несущие угрозу реализации значимых потребностей, либо как не угрожающие.

Обобщение результатов более 20 эмпирических исследований, осуществленных на территории Камчатского края под руководством сотрудников психолого-педагогического факультета КамГУ им. Витуса Беринга в 2003-2010 гг., позволило составить психологический портрет личности, проживающей в регионе с неблагоприятными природно-климатическими и социальноэкономическими условиями. Общий объем выборки составил более 2500 человек в возрасте от 12 до 60 лет.

Исследования подтверждают теоретическое предположение о том, что неблагоприятная среда может влиять на личность как деструктивно (увеличением тревожности, количества страхов и психологических защит, уровня невротичности и др.), так и конструктивно (повышением нервно-психической устойчивости, уровня развития волевых качеств, уровня самоконтроля и др.).

Одним из важнейших факторов, определяющих характер конструктивной/деструктивной реакции личности на воздействие неблагоприятных условий, является оценка этих условий как комфортных или дискомфортных. Данные региональных исследований убедительно показывают, что субъективная оценка условий труда, жизнедеятельности и др. как дискомфортных резко снижает адаптивный потенциал личности, способствуя нарастанию тревоги, количества страхов, сужению перспектив будущего. Это особенно опасно на основных этапах социализации личности (детство, отрочество, юность), поскольку в итоге формирует пассивную позицию по отношению к среде жизнедеятельности, ощущение себя в качестве «жертвы обстоятельств», отказ от активности. Напротив, восприятие объективно неблагоприятных условий как субъективно комфортных способствует более эффективной адаптации.

Личность, проживающая в неблагоприятных условиях, в большей степени ориентирована на разные виды межличностного взаимодействия, что способствует стрессоустойчивости, усиливает личностный потенциал. Психологический портрет жителя неблагоприятного региона характеризуется выраженным стремлением к взаимоподдержке, ориентацией на помощь другим со снижением акцентирования собственных интересов.

Эмоциональная сфера в таких условиях характеризуется, с одной стороны, высокой самооценкой, которая выступает как ресурс успешной адаптации к дефицитарной среде, с другой – повышенной тревожностью, отражающей, по-видимому, негативное воздействие среды на личность. Жителям неблагоприятного региона свойственна менее выраженная мотивация достижения, чем людям, проживающим в объективно более комфортной среде, что обусловлено, скорее всего, сужением количества возможностей, предоставляемых средой.

Исследования показывают, что высокая осмысленность жизни, оценка ее как эмоционально насыщенной, стремление к разнообразию впечатлений повышают адаптивный потенциал личности; наибольшее значение данных параметров наблюдается у людей, занимающихся экстремальными видами спорта, которые, вероятно, воспринимают неблагоприятные воздействия не как угрожающий фактор, а как «вызов» собственным способностям. Обнаруженный факт может быть отправной точкой для построения программ профилактики дезадаптации личности в неблагоприятных условиях жизнедеятельности.

Психологические особенности студенческой молодежи мегаполиса

С.А. Котова (Санкт-Петербург)

Psychological characteristics of students metropolis — *S.A. Kotova (St-Petersburg)*

Современные вузы в России располагаются и в крупных городах (мегаполисах), и относительно небольших городах. Каждому из этих видов поселений свойственны особенности, которые оказывают комплексное специфическое влияние на социализацию как жителей, так и обучающихся. Можно предположить, что именно городская среда мегаполиса обеспечивает наиболее благоприятные условия для формирования новой генерации людей, способных длительно сохранять качество всех функций жизнедеятельности в соответствии с изменяющимися условиями. Поэтому исследование психологических параметров студентов вузов, расположенных в разного уровня социальных средах может определить наличие и характер этого влияния на значимые характеристики личности.

Диагностический аппарат исследования включал следующие методики: методика Я.Стреляу на изучение темпераментальных характеристик, методику Г.и С. Айзенков, направленную на оценку психического напряжения, методику Р. Лазаруса, выявляющую доминирующую стратегию совладающего поведения. В исследовании 2008-2009 г. приняли участие студенты мегаполиса (122 студента РГПУ им. А.И. Герцена и 81 студент ПГУПС: г. Санкт-Петербург) и студенты средних городов (98 студентов НГУ им. Я. Мудрого (г. Великий Новгород) и 100 студентов ЕГУ им. И.А. Бунина (г. Елец).

Результаты исследования по методике Я.Стреляу свидетельствуют о том, что значения всех студентов оказались в рамках нормативных. Результаты показали, что студенты мегаполиса обладают большими значениями по шкале «динамичность» и «выносливость», статистическая значимость на уровне $p < 0,05$. Эмоциональная реактивность и настойчивость, напротив, выше у студентов вузов небольших городков ($p = 0,05$). Эмоциональная реактивность характеризуется легкостью порождения эмоциональных реакций на слабые стимулы и низкой эмоциональной выносливостью, то есть низкой сопротивляемостью ситуациям, вызывающим сильные эмоции. Сочетание высокой эмоциональной реактивности и высокой настойчивости создает противоречивую психологическую характеристику молодежи, проживающей в больших городах.

Отличия между группами студентов подтверждаются данными по методике Г. и С. Айзенков по такому показателю как нейротизм. У студентов вузов, расположенных в мегаполисе (РГПУ и ПГУПС), результаты соответствуют среднему уровню. У студентов периферийных вузов (НГУ и ЕГУ) данные по этой шкале свидетельствуют о повышенном уровне показателя ($p = 0,05$).

Нейротизму соответствует импульсивность, неровность в контактах с людьми, неуверенность в себе, выраженная впечатлительность, склонность к раздражительности. Это описание нейротизма дает возможность его соотнесения с показателем «эмоциональная реактивность», оцениваемой с помощью опросника Я. Стреляу. Проведенный корреляционный анализ свидетельствует о наличии достаточно высокой связи между этими показателями ($r = 0,339$, $p = 0,000$).

Оценка копинг-стратегий также согласуется с данными, полученными с помощью методики Я. Стреляу. У студентов вузов, расположенных в мегаполисе, нет различий в проявлениях эмоциентрированного (поведение связанное с отказом от решения проблем и сосредоточение на эмоциональной стороне ситуации) и проблемноцентрированного копинга (поведение, направленное на решение проблемы). Однако у студентов вузов, расположенных в небольших городах, величины эмоциентрированного копинга выше как по сравнению со значениями у студентов, обучающихся в мегаполисе, так и по отношению к своим же значениям проблемноцентрированного копинга (отличия достигают уровня значимости $p = 0,05$).

Социально-психологические особенности репрезентации городского архитектурного пространства

О.В. Кружкова (Екатеринбург)

The socially-psychological peculiarities of representation of city architectural space —

O.V. Krubkova (Ekaterinburg)

Параметры городской архитектуры (структура городского каркаса и наполненность городской ткани) четко определены и объективны, но каждый из нас реагирует сугубо индивидуально на сочетание этих факторов. Городская среда – не только объективная реальность, это отношение человека к ней, наполненность объектов среды личными смыслами воспринимающего на основе его воспоминаний, ассоциаций, настроений. Человек при восприятии среды и формировании ее образа пользуется субъективно выработанной на основе опыта типологией архитектурного пространства, на содержание которой оказывает значительное влияние привычный ему мир. Вероятно, люди различных категорий будут по-разному воспринимать городскую среду, выделяя специфичные параметры оценки для создания собственной типологии пространства и определения его потенциальных угроз.

Для проверки выдвинутой гипотезы было проведено исследование среди жителей большого города и жителей села. Респондентам были предложены 78 черно-белых фотографий зданий различных стилей и функционального назначения, сделанных в разных городах России и Европы. Предлагалось разложить фотографии по группам по самостоятельно выделенным признакам.

Респондентами были выделены следующие кластеры зданий: жителями села (зарубежные; необычные; обычные; невысокие; высотные; современные; старинные; архитектурные памятники; ветхие; административные; жилые; сельского типа; городские; музеи; церкви), жителями города (специфично-функциональные; бизнес строения; культурное наследие; жилые прошлого века; старые; современные; обычные; с богатым декором; эстетично-привлекательные; неэстетичные; частный сектор; стеклянные; высотные).

В итоге можно отметить следующее:

- 1) жители и села, и города пользуются универсальными параметрами оценки городского пространства по признакам старый/новый; исторический/современный; округлый/угловатый; обычный/оригинальный; высокий/низкий; жилой/деловой; красивый/уродливый;
- 2) жители села пользуются специфичными признаками при оценке городского пространства: городской/деревенский; простой/фантастический; просторный/тесный; отечественный/зарубежный; разнообразный/одинаковый, т.е. они более чувствительны к «инородности» элементов пространства для своего привычного существования, косвенно оценивая вероятность их появления в своей жизни;
- 3) параметры оценки жителей большого города более многообразны: стандартный/необычный; помпезный/строгий; одноэтажный/многоэтажный; отпугивающий/привлекательный; роскошный/убогий; скучный/веселый; бездушный/одушевленный; грустный/радостный, частный/общественный; стабильный/динамичный; вызывающий гордость/позор современности; индивидуальный/массовый; серый/яркий; эклектичный/единообразный; эстетичный/неэстетичный; локально-деловой/многоцелевой, т.е. для конструктивного взаимодействия со средой города его житель вынужден учитывать тонкие нюансы архитектурного пространства. Оценки носят четкую эмоциональную окраску и являются более субъективно детерминированными.
- 4) оценки жителей большого города более оптимистичны и отличаются значительно меньшим числом упоминания негативных характеристик архитектурного пространства, т.е. привычное для них пространство воспринимается ими как менее угрожающее и потенциально стрессогенное.

Исследование проведено в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-2450.2011.6.

Психические репрезентации Олимпийского Сочи как развивающегося мегаполиса

И.Н. Макарова (Сочи)

Psychic representations of Olympic Sochi as the developing mega polis — *I.N. Makarova (Sochi)*

В настоящее время г. Сочи – это уже не тот провинциальный «город на берегу Черного моря», каким он был еще 10-15 лет назад. В настоящее время имя Сочи звучит на всех языках, во всех странах, на всех континентах Земли.

Известным, узнаваемым, популярным г. Сочи стал с присвоением ему статуса столицы зимних Олимпийских игр 2014 г. Сегодня город живет уже в другом времени. Ориентируется на новые мировые стандарты, перенимает мировой опыт, стремится к мировому уровню. Будущее г. Сочи – это будущее мирового курорта и современного развивающегося мегаполиса.

По всей стране непрерывно проводятся различные социологические исследования на предмет отношения россиян к проведению Олимпийских игр в г. Сочи. При этом остается недостаточно затронутым психологический аспект данного вопроса. В связи с этим можно говорить о необходимости методологической, теоретической и методической определенности в системном изучении феноменологии, динамики, механизмов и закономерностей социальных и психологических явлений, вызванных подготовкой и проведением Олимпийских игр 2014 в г. Сочи. Одним из таких феноменов является психическая репрезентация Олимпийского Сочи в общественном сознании.

Теоретико-методологическими предпосылками исследования репрезентаций событий в сознании субъекта являются общепсихологические исследования категории образа (А.Н. Леонтьев, С.Д. Смирнов, Дж. Гибсон, В.А. Барабанщиков, В.П. Зинченко, В.И. Панов и др.), положения о репрезентациях и репрезентативных структурах (ОЕ. Баксанский, Б.М. Величковский, В.А. Лекторский, Е.А. Сергиенко, М.А. Холодная и др.).

Психические репрезентации объектов внешнего мира в сознании человека могут быть обусловлены и сформированы под влиянием различных факторов. Достаточно значимым на сегодняшний день видится исследование, связанное с установлением возможной зависимости психических репрезентаций «олимпийского» Сочи от такого системообразующего фактора жизнедеятельности личности, как ценностные ориентации.

В связи с этим нами было проведено эмпирическое исследование в СОШ-гимназия № 1 г. Сочи в 2010 г. на выборке из 76 старшеклассников. Психические репрезентации Олимпийского Сочи мы изучали с помощью метода незаконченных предложений (МНП) и семантического дифференциала Ч. Осгуда (СДО).

Анализ содержания полученных психических репрезентаций у испытуемых показал, что большинство из них рады и горды за свой город, Олимпиада им представляется ярким, важным, интересным, веселым, популярным, значимым событием как для города, так и для всей страны в целом (в отношении этих позитивных репрезентаций голоса респондентов разделились более или менее равномерно от 1 до 7 баллов). Однако большой процент респондентов отметил наименьшие баллы (1, 2 и 3 балла) в отношении таких репрезентаций Олимпиады, как «экологичное» событие (75 человек, то есть 83%) и «чистое» событие (71 человек, то есть 79%). Это говорит о том, что значительное большинство старшеклассников считает Олимпиаду губительной для нашей природы и экологии в целом.

На основе корреляционного анализа мы сделали вывод, что старшеклассники с позитивными репрезентациями Олимпиады, существенно различаются в своих ориентациях на ценности материальной сферы и волевые качества личности от старшеклассников с негативными репрезентациями, ориентированными в большей степени на ценности духовной сферы и интеллектуальные, нравственно-психологические качества, что необходимо учитывать при формировании психических репрезентаций Олимпийского Сочи и сплочении российских граждан вокруг «олимпийской идеи» для проведения Олимпиады на уровне, закрепляющем положительный имидж России на мировой арене.

Восприятие москвичами внешнего облика города

М.О. Мдивани (Москва)

The face of city perception by Muscovites — *M.O. Mdivani (Moscow)*

Задачей исследования было выявить какие элементы выделяют жители Москвы во внешнем облике города. В исследовании приняло участие 64 москвича разного пола и возраста. Всем респондентам было предложено назвать то, что на их взгляд определяет внешний облик города и оценить этот элемент по отношению к Москве. Результаты были обработаны методом контент-анализа.

Все участники были разделены на три равные возрастные группы. Первая группа условно названа «всё в будущем» и состояла из москвичей в возрасте от 18 до 35 лет, когда, либо действительно – всё в будущем, либо в любой момент всё можно начать сначала. Вторая возрастная группа условно названа «всё в настоящем» и состояла из москвичей в возрасте от 36 до 55 лет. Это возраст, когда важнее всего стабильность и сохранение того, что есть, когда на кардинальные перемены способны лишь немногие. Третья возрастная группа названа «всё в прошлом» и состояла из пенсионеров в возрасте старше 55 лет, у которых активная профессиональная и социальная жизнь действительно в прошлом.

Во всех группах чаще всего был назван такой элемент, как вечернее освещение города. Все респонденты во всех группах однозначно оценивали положительно подсветку зданий и освещение улиц в центре Москвы. Второе и третье место по частоте упоминания занимают такие элементы внешнего облика города, как витрины и вывески и зелёный ландшафт. Если красочные, яркие витрины и вывески оцениваются всеми респондентами как красивые, независимо от того, доступны ли рекламируемые товары, то мнения по поводу зелёного ландшафта разделились. Многие указывали, что в Москве гибнут деревья из-за плохой экологии, но зелёные клумбы, парки и фонтаны всем нравятся.

Четвертым по частоте упоминания была «чистота на улицах». Все вспомнившие об этом были единодушны: в центральных районах города на улицах очень чисто, но на периферии и глубоко во дворах еще грязно. Этот факт был квалифицирован пенсионерами и людьми среднего возраста как «показуха» московских властей.

Пятым по частоте упоминания был архитектурный облик города, в котором были выделены исторический облик города и современное строительство. Мнения респондентов по этому поводу разделились соответственно возрасту. Чем моложе респонденты, тем больше их устраивает новое строительство, современные торговые центры, пешеходные зоны и т.д. Пенсионеры не всегда довольны новым строительством, считая, что оно портит исторический облик города и нарушает привычную картину.

Многие указывали, что важным элементом внешнего облика города стала наружная реклама. Причем мнения по её поводу тоже разделились. Молодежь считает, что она украшает город, несмотря на то, что её бывает иногда слишком много (особенно это отмечалось по поводу рекламных щитов). Пенсионерам рекламные щиты нравятся меньше, но они однозначно за световую рекламу.

27% респондентов выделили в качестве важного элемента внешнего облика города то, как выглядят люди на улицах. Причем молодёжь указывала на количество людей и их манеру одеваться, а старики считают более важным выражение лиц и культуру общения.

Респонденты среднего возраста, считают, что от таких элементов как количество автомобилей и автомагистралей сильно зависит внешний облик любого города.

Таким образом респонденты выделяют во внешнем облике города достаточно много элементов, и их оценка зависит от возраста. Но однозначно позитивно всеми воспринимается те элементы, которые связаны со светом: архитектурная подсветка, светящиеся витрины, реклама и т.п.

Апробация экологического опросника (на городских жителях России)

О.М. Мдивани, Ш.Р. Хисамбеев, Э.В. Лидская (Москва)

Testing of Environmental questionnaire (on the urban residents of Russia) –

M.O. Mdivani, Sh.R. Khisambeev, E.V. Lidskaya (Moscow)

С целью эмпирического изучения представлений в экологическом сознании человека, которые обуславливают экологичность его поведения, нами был разработан и апробирован экологический опросник, включающий четыре субтеста: “Экологические угрозы”, “Единение с природой”, “Конфликт с р д” и “Экологическая ответственность”. Причем разработка каждого из них состояла из разработок: 1) Базовых предпосылок; 2) Процедуры разработки; 3) Тестового материала; 4) Обработки результатов.

Затем с целью валидации и стандартизации этого опросника было проведено 1134 городских жителей Москвы, Поволжья и Сибири в возрасте от 14 до 63 лет разного пола, с разным уровнем образования, выборка стандартизации была стратифицирована относительно таких параметров, как возраст, пол, социальный статус.

При этом были получены следующие результаты:

1. Первое место в иерархии экологических угроз занимает позиция «борьба с природой», соответствующая эгоцентрическому типу экологического сознания. Последнее – четвертое – место в этой иерархии занимает позиция «забота о природе», соответствующая эгоцентрическому типу сознания.

2. Эмпирические данные, полученные на разных возрастных группах, позволили установить следующие иерархические соотношения по позициям «забота о природе», «гармония с природой», «борьба с природой», «боязнь природы»:

а) самые высокие показатели обнаружила позиция «забота о природе» (эгоцентрический тип экологического сознания), причем на возрастной группе свыше 55 лет; наименьший показатель по данной позиции демонстрируют респонденты в возрасте от 36 до 45 лет (21,60%);

б) второе место занимают данные по позиции «борьба с природой» (антропоцентрический тип экологического сознания) занимают данные респондентов в возрасте до 18 лет (64%), а наименьшее значение этого показателя характерно для респондентов в возрасте свыше 55 лет (14,30%);

в) третье место среди респондентов разного возраста занимают показатели по позиции «гармония с природой» (природоцентрический тип экологического сознания), которые демонстрируют в диапазоне (25,00% – 25,50%) три возрастные группы: от 26 до 35 лет, от 36 до 45 лет и от 46 до 55 лет. Наименьшее значение этого показателя демонстрирует группа свыше 55 лет (0,00%).

г) самые низкие показатели мы получили по позиции «боязнь природы» (архаический тип экологического сознания). Причем наибольшая его величина обнаруживается у респондентов возрастной группы от 26 до 35 лет (20,90%), а наименьшее – у возрастной группы до 18 лет (6,30%). Однако остальные возрастные группы не очень сильно отличаются друг от друга: 11,80%, 9,80%, 12,50% и 14,30%.

3. Обнаружены статистически значимые различия по восприятию взаимодействия природы и человека респондентами с различным социальным статусом: учащиеся, специалисты с высшим образованием (не экологи) и экологи-профессионалы.

4. Установлено, что в ситуации средового конфликта экологи больше других предпочитают природную среду и меньше других – техногенную. Интересно также, что женщины в ситуации средового конфликта чаще предпочитают социальную среду, тогда как мужчины – техногенную; это вполне согласуется с традиционными представлениями о гендерных установках.

Проведенные исследования дают основание считать разработанный Тест экологической мотивации адекватным и прогностически ценным инструментом изучения структуры и динамики экологического сознания.

Особенности нейропсихологической структуры задержки психического развития дошкольников из экологически неблагоприятной зоны Забайкалья

И.Л. Морозова (Чита)

Peculiarities of neuropsychological structure of mental retardation of infants in the districts of Zabaikalie with ecological problems – *I.L. Morozova (Chita)*

Среди выделенных экспертами ВОЗ пяти категорий реакций состояния здоровья населения на загрязнение окружающей среды особое место занимает наличие функциональных изменений.

Так, например, проблема задержки психического развития (ЗПР) занимает одно из центральных мест среди актуальных вопросов медицины, психологии, общей и специальной педагогики, в частности по причине того, что среди факторов, обуславливающих различные психические нарушения, в том числе ЗПР, особое место стали занимать экологические вредности.

С учетом роста распространенности психических нарушений в детских популяциях и их разнообразной факторной обусловленности наиболее адекватным для изучения и решения проблем лечения, коррекции, реабилитации, сопровождения, профилактики является комплексный, междисциплинарный подход.

Нами было проведено комплексное клиническое, нейрофизиологическое, нейроиммунное, пато- и нейропсихологическое обследование 80 детей 5-7 лет с ЗПР, проживающих на территории экологического неблагоприятия (ТЭН) Забайкалья. Группу сравнения составили 29 детей с ЗПР, проживающих на территории относительного экологического благополучия этого же региона.

Нейро- и патопсихологическое обследование позволило уточнить структуру ЗПР как наиболее распространенной формы нарушений интеллектуально-мнестической сферы у детей в городе Балей Забайкальского края.

Обследование детей с ЗПР, проживающих в различных экологических условиях, с помощью адаптированной методики Векслера для определения структуры интеллекта не выявило статистически значимых межгрупповых различий. При этом, не было выявлено значимых различий групп по отдельным субтестам. Показатели общего интеллекта в обеих группах находились в пределах 71-79 баллов, что соответствует пограничному уровню умственного развития.

Нейропсихологическое обследование выявило у детей, проживающих на ТЭН Забайкалья, достоверное снижение двигательных функций, серийной и кинестетической организации речи и связанных с ними зрительных и слуховых процессов на фоне общей истощаемости психической деятельности, которое определяется функциональной незрелостью корковых и стволово-подкорковых областей ГМ.

В структуре ЗПР указанный нейропсихологический синдром характеризуется:

- - несформированностью двигательных функций (всех видов праксиса и его серийной организации), что проявляется в трудностях тонких дифференцировок движений, их резкости, неловкости, нарушении плавности, силы и координации, в трудностях переключения и автоматизации двигательных программ, а также в невозможности одновременных движений обеими руками, уподоблении движений, их изолированности;
- нарушением серийной и кинестетической организации речевой деятельности (трудности переключения с одной фонемы на другую, нарушения, слухомоторных координаций);
- нарушением зрительных и слуховых функций (ошибки распознавания незавершенных изображений, трудности воспроизведения звуков, ритмических структур);
- общей апсонантностью, инактивностью, инертностью, истощаемостью психической деятельности.

Обнаруженные нейропсихологические отклонения были подтверждены данными исследования биоэлектрической активности головного мозга. При ЭЭГ-картировании были выявлены особенности, свидетельствующие о дисфункции стволово-диэнцефальных структур мозга и о возможной дисфункции системы нейрорегуляции в целом.

Одновременно с этим при биохимическом исследовании обнаружены снижение пластичности нервных процессов и нарушения в системе нейрорепарации.

В результате проведенного исследования нами были определены особенности нейробиологической структуры ЗПР у детей, проживающих на ТЭН Забайкалья.

Изучение особенностей психологической адаптации юношеского населения, проживающего на экологически неблагоприятной территории

Э.А. Мысникова (Чита)

The study of peculiarities of psychological adaptation of youth population living on the environmentally unfriendly territory – *E.A. Mysnikova (Chita)*

В последние годы в Забайкальском крае остро стоит проблема влияния неблагоприятной экологической ситуации на здоровье и качество жизни населения. В Забайкалье с особой остротой выходит на первый план проблема загрязнения среды, высокой цифры умственной отсталости. Совокупное действие экотоксических факторов приводит к ухудшению психического и психологического здоровья населения, постоянно здесь проживающего.

Известно, что на территориях экологического неблагополучия среда предъявляет повышенные требования к адаптационным механизмам человека. В современных исследованиях адаптационная концепция выступает одним из перспективных подходов к комплексному изучению человека.

В последние годы в лаборатории региональных исследований психики при Забайкальском государственном гуманитарно-педагогическом университете проводится ряд исследований, посвященных проблеме психологической адаптации населения, проживающего на экологически неблагоприятной территории. Данные, полученные в ходе эконеврологических исследований (Н.М. Сараева, А.А. Суханов, О.П. Михайлова), доказывают, что существует проблема деформации жизненной среды человека на территориях экологического неблагополучия.

В настоящее время нами изучаются особенности психологической адаптации юношеского населения. Наше исследование будет проводиться на территориях, отличающихся по условиям жизненной среды, природной (физической) и социальной. Основную выборку составят люди, проживающие в населенных пунктах с кризисной степенью «загрязнения» физической среды (Чита, Балей, Краснокаменск). В контрольную группу войдут испытуемые, проживающие на территории, которую экологи называют экологически «чистой», – в поселке Красный Чикой.

Нами в данный момент изучены особенности адаптации на психическом уровне у 52 студентов техникумов в возрасте 17-18 лет, родившихся и постоянно проживающих в Чите. Использовался личностный опросник ММРІ. По результатам теста у 35% испытуемых выявляются показатели, свидетельствующие о пограничном профиле в виде таких характеристик, как эмоциональная напряженность, выраженные затруднения в адаптации, высокая степень стресса и низкая устойчивость к нему. У 48% студентов диагностирован нормальный профиль, для которого характерны высокая стрессоустойчивость и эмоциональное равновесие. У 11% испытуемых выявлены показатели утопленного профиля, что является свидетельством возможных трудностях адаптации. У 6% студентов был определен так называемый пикообразный профиль, свидетельствующий о наличии определенного типа акцентуации или психопатии, что дает возможность предположить наличие ограничения адаптационных возможностей.

На последующих этапах исследования нами планируется изучение психофизиологического и социально-психологического уровней адаптации, что позволит рассмотреть ее особенности в системном контексте. Мы предполагаем, что на психофизиологическом и психическом уровнях адаптации выявятся различия в основной и контрольной выборках. На социально-психологическом уровне различия, по нашему предположению, нивелируются.

Полученные данные позволяют подтвердить наличие тенденции к общему снижению психической активности населения, родившегося и постоянно проживающего на экологически неблагоприятных территориях Забайкальского края.

Психологические особенности взаимодействия человека с животными в условиях мегаполиса

А.В. Никольская (Москва)

Psychological features of human-animal relationships in megalopolises — *A.V. Nikolskaya (Moscow)*

Во всем мире наблюдается постоянный рост числа домашних животных. При этом во многих странах и особенно в мегаполисах население все чаще сталкивается с проблемой отклоняющегося поведения своих домашних питомцев. Почему люди продолжают держать и заводить животных, даже сталкиваясь с агрессивными проявлениями с их стороны в свой адрес?

Животное начинает выполнять функции социального партнера, воспринимается человеком как член семьи и наделяется статусом значимого другого. Эти данные неслучайно получены на городском населении, поскольку эффект отчуждения индивида в городе давно известен и описан.

Но социальное взаимодействие не тождественно взаимодействию между человеком и животным.

Понимание взаимодействия, разделяемое большинством авторов на три категории – объект-объектное, субъект-объектное и субъект-субъектное, где в качестве носителей последнего выступают человеческие индивиды, либо человек и объект, не продвигает нас к пониманию взаимодействия «человек – домашнее животное», поскольку в такой группе возникает двустороннее общение, которое рядом авторов рассматривается как сущность субъекта. Более продуктивным представляется использование типологии эконсихологических взаимодействий (В.И. Панов), что позволяет получить следующие результаты.

Устойчивая межвидовая группа (человек и животное, объединенные совместной жизнедеятельностью и территорией, имеющие межиндивидуальные контакты, сложившиеся эмоциональные отношения и специфические правила поведения в отношении друг друга) образуется при следующих типах взаимодействия:

1. Субъект-объектное – человек воздействует на животное, чтобы вызвать у него определенное поведение. В ответ у животного может возникнуть привязанность к человеку, поскольку человек выполняет для животного функцию удовлетворения потребности в пище. При таком типе взаимодействия может возникнуть устойчивая межвидовая группа, пока каждый участник взаимодействия так или иначе удовлетворяет потребности другого.

2. Полисубъектное – примеры такого взаимодействия можно найти, когда животное приобретает в силу средовой или личностной дефицитарности владельца. В этом случае человек в отношении животного удовлетворяет его потребности в пище, тепле, безопасности, принятии группой. Животное удовлетворяет потребность человека в снятии дефицитарной потребности.

3. Субъект-порождающее – межвидовая группа превращается в субъекта совместного развития. Эта мысль не является новой, если в качестве совокупного субъекта совместного развития берутся индивид и социальная среда, когда все, что мы считаем ценным, конструируется в отношениях с другими людьми. Но и в межвидовой группе можно обнаружить использование своего «языка» и свои правила взаимодействия.

Необходимое условие возникновения межвидовой группы – наличие обоюдной потребности в таком взаимодействии. Возникновение такой потребности у домашних животных обусловлено тем, что человек создал им среду, отличную от естественной среды их диких сородичей, что заставляет домашнее животное искать контакта с человеком в силу необходимости выживания. В то же время у человека эта потребность является более дифференцированной

и может лежать как в плоскости удовлетворения потребности в единении с природой, так и в плоскости личностной или средовой дефицитарности.

Достаточное условие возникновения межвидового психологического взаимодействия полисубъектного и субъект-порождающего типов – способность обоих участников взаимодействия к усвоению правил межвидового взаимодействия.

Факторы риска возникновения зависимого поведения этнокультурном пространстве

Н.В. Осипова (Ставрополь)

Risk factors of occurrence of dependent behaviour in ethnocultural space – *N.V. Osipova (Stavropol)*

В современных условиях наблюдается постоянный рост межнациональной напряженности, особенно в полиэтничных регионах, каковым и является Ставропольский край. Сложившаяся ситуация закономерно приводит к повышению тревожности у всех групп населения и неудовлетворенности общением, социальным взаимодействием. В поисках средств защиты от напряжения, дискомфорта, стресса люди часто прибегают к стратегиям аддиктивного (зависимого) поведения

Необходимо отметить, что аномалии психического реагирования могут быть обусловлены как биологическими причинами, так и нарушениями психологических контактов в семье, с разрушением традиционных форм воспитания, культурных норм и ценностей. В этой ситуации смысловое наполнение психического пространства, этническая идентификация искажаются, развитие личности задерживается. Такие личности демонстрируют неадаптивное девиантное саморазрушающее поведение. У них гораздо легче формируется синдром зависимости: групповой алкогольно-наркотической и т. д.

Исследование проводилось на базе ГОУ ВПО «Ставропольский государственный университет». Все обследованные группы по составу полиэтничны. Проведенное исследование показало прямую зависимость между уровнем потребности в новых ощущениях и риском возникновения зависимого поведения. Также была показана корреляционная связь уровнем толерантности и риском возникновения зависимого поведения. Выявлена обратная зависимость между уровнем развития позитивной этнической идентичности и риском возникновения зависимого поведения.

Настоящее исследование показало, что в условиях этнокультурного пространства на риск возникновения зависимого поведения оказывают влияние такие факторы, как несформированная этническая идентичность и нетерпимость по отношению к представителям других национальностей. Эти факторы могут служить, с одной стороны, в диагностических целях – косвенными показателями риска возникновения зависимого поведения, а с другой стороны – как возможные мишени психокоррекционного воздействия при проведении психологической профилактики зависимого поведения в этнокультурном пространстве.

Теоретические и прикладные проблемы психологии предметно-пространственной среды современного мегаполиса

Ю.Г. Панюкова (Москва)

Theoretical and applied problems of psychology of object-spatial environment of modern megalopolice – *Y.G. Panukova (Moscow)*

В современной психологии достаточно давно оформилось и существует самостоятельное направление – экологическая психология, предмет которой в самом общем виде

определяется как взаимодействие субъекта и окружающей среды жизнедеятельности. Одним из компонентов среды является предметно-пространственное окружение человека, в структуру которого входят особенности ландшафта, архитектурный мир, интерьерные характеристики пространств, в частности, размер, форма, структура, цветовые, световые, фактурные и текстурные решения внешних и внутренних архитектурных форм, в которых субъект действует и взаимодействует, и многие другие составляющие. Объективные характеристики предметно-пространственного окружения изучаются в архитектуре, градостроительстве, дизайне, эргономике и других областях знания. Субъективные свойства предметно-пространственной среды исследуются в психологии предметно-пространственной среды как самостоятельном разделе экологической психологии.

Исторически сложилось, что методологические основания и проблематика прикладных исследований первоначально были оформлены в зарубежной психологии, а отечественная психологическая наука имеет сравнительно небольшой опыт осмысления проблемы психологии предметно-пространственной среды современного мегаполиса.

Типичной моделью исследования является выявление и анализ взаимосвязи между тремя группами данных: во-первых, объективными характеристиками предметно-пространственной среды (размер, цвет, открытость-закрытость), во-вторых, субъективными свойствами, которыми субъект наделяет данные места (эти свойства систематизируются преимущественно с помощью процедур ранжирования и факторизации), в-третьих, индивидуально-психологическими (пол, возраст, индивидуальные особенности) и собственно психологическими переменными. В качестве психологических переменных выделяют эмоциональное состояние, отношение к месту, уровень агрессивности, субъективное благополучие и др.

Наиболее распространенные варианты методических процедур, используемых в исследованиях – ранжирование мест, семантический дифференциал для оценки свойств тех или иных мест, самоописания различных мест.

Главной целью большинства эмпирических исследований, посвященных изучению особенностей восприятия мест в современном мегаполисе и их предпочтений, является определение тех свойств, черт, характеристик предметно-пространственной среды, которые связаны с психологическим благополучием субъекта и позитивно влияют на психологическое здоровье.

Четыре подхода к реализации концепции устойчивого развития: экопсихологический аспект

В.И. Панов (Москва)

Four approaches to the concept of sustainable development: ecopsychological aspect – V.I. Panov (Moscow)

На рубеже третьего тысячелетия проблема экологического кризиса предстает как проблема кризиса экологического сознания и мировоззрения современного человечества. В очередной раз встает проблема экологического сознания как фактора, детерминирующего экологичность мышления и поведения профессионалов в экологически проблемных ситуациях, а также условий и методов формирования у них «экологичного» экологического сознания.

При этом было показано, что необходимым условием предупреждения (а скорее, уже и преодоления!) глобального экологического кризиса на планете является принятие в качестве руководства к действию экологического императива. Практическое воплощение этого императива возможно только в рамках концепции устойчивого развития, реализация которой, в свою очередь, предполагает три варианта, три подхода: естественно-научный, экологический, онтологический и трансцендентальный. Каждый из них отличается от другого разным пониманием понятия «природа» в качестве исходного методологического основания:

- Естественно-научный подход исходит из представления «Природа – как объект изучения естественных наук», когда «человек» (человечество) и «планета» (мир неживой и живой природы) рассматриваются как такие обособленные друг от друга

объекты исследования, каждый из которых имеет свою природу и, соответственно, свои закономерности развития.

- Экологический подход исходит из представления Природы как «средовых условий обитания», когда в решении проблем устойчивого развития ведущее место начинает занимать экология и экологические представления. Согласно этим представлениям, «планета» рассматривается как экосистема, выступающая в качестве среды обитания для человека (человечества в целом). Принципиально, что здесь речь идет о коэволюционном пути развития «человечества» и «планеты», которые представляет собой различные формы природного бытия, имеющие свою собственную природу и логику развития.
- Трансцендентальный подход исходит из представления о Природе «как всеобщем», т.е. таком трансцендентальном основании, которое обуславливает субстанциональный характер становления (саморазвития) любых природных форм бытия, но не сводится к собственным закономерностям развития каждой из них в отдельности. Применительно к концепции устойчивого развития это означает, что «человечество» и «планета» представляют собой отличные друг от друга части Природы как единого существа. Причем каждая из них: а) имея свою природу развития может реализовать ее только в анизотропном взаимодействии с другой частью, и б) это взаимодействие должно иметь системно-развивающий характер, когда развитие каждой из них является условием и результатом развития другой.
- Онтологический подход строится, исходя из предыдущих подходов, на понимании того, что «человечество» должно рассматриваться в роли онтологического субъекта становления системы «человечество – планета» как такой формы природного бытия, которая в процессе своего самоосуществления реализует (точнее, должна реализовать) универсальные принципы саморазвития природы, т.е. природных форм бытия, в том числе «человечества» и «планеты». Соответственно, «человечество», как компонент системы «человечество – планета», уже не должно действовать по отношению к «природе» самоправно, а только следуя указанным универсальным принципам и реализуя их. Другими словами, осознание и принятие «человечеством» роли субъекта развития системы «человечество – планета» означает и принятие на себя ответственности за развитие не только самого себя, но и «планеты» как компонента указанной системы.

Работа выполняется при поддержке РГНФ (проект №11-06-00735).

Интернет как способ социального взаимодействия жителей мегаполиса

Л.Г Попова, А.А. Щербинин (Екатеринбург)

Internet as means of social interaction of urban residents – *L.G. Popova, A.A. Scherbinin (Ekaterinburg)*

Современное общество переживает период нестабильности и перемен, что, в свою очередь, порождает трансформации во взаимоотношениях между людьми, оказывает влияние на весь ход социального развития личности. Меняется структура социального окружения индивида, все большую значимость приобретают средства массовой информации и Интернет, который является неотъемлемой частью современной городской жизни, что особенно характерно для мегаполисов. Согласно статистике, степень «интернетизации» в крупных городах в несколько раз превышает аналогичные показатели для сельских жителей. И дело здесь не только в технических сложностях. Сетевое общение, являясь заменой реальному общению, встречам «глаза в глаза», стало неотъемлемой частью современной городской культуры. Особое значение в молодежной среде приобрели онлайн-игры, которые являются своеобразным способом времяпровождения. В феврале-апреле 2011 г. нами было проведено исследование уровня социальной тревожности у игроков в онлайн-игры и пользователей социальных сетей и блогов в крупном

мегаполисе Екатеринбурге. Также было исследовано использование копинг-стратегий в стрессовых ситуациях у данной выборки испытуемых. Для получения информации респондентам было предложено 5 методик, включая разработанный нами опросник «Виды активности в сети Интернет». Было выделено три различных группы пользователей сети Интернет. Первую группу составили компьютерные и сетевые специалисты, вторую – пользователи социальных сетей и блогов, в третью группу вошли игроки в онлайн-игры. Анализ полученных результатов позволил выявить особенности различных видов сетевой активности и изучить их влияние на такие показатели проблем в социальной сфере, как социальная тревожность и одиночество. Кроме того, была выявлена связь между степенью увлеченности компьютерными играми и склонностью к применению различных копинг-стратегий. Полученные результаты говорят о том, что Интернет не несет в себе негативного влияния на общение и социальную жизнь. Правильнее будет рассматривать онлайн-общение как новую форму взаимодействия. Онлайн-игры также отличаются значительным «социальным» компонентом. Увлечение однопользовательскими играми связано с более высоким уровнем социальной тревожности, однако этот уровень не нарастает со временем, поэтому, скорее, является причиной увлечения играми, а не следствием.

Социальная психология городского образа жизни: зоны страха и риска в городском пространстве

Н.К. Радина (Нижний Новгород)

Social psychology of city life: fear and risk areas in city space — *N.K.Radina (Nizhny Novgorod)*

Начиная с 2008 года, согласно экспертам ООН, во всем мире горожане окажутся в большинстве. Жизнь в городе, по Вирту, предполагает получение свободы (анонимность, отсутствие пошагового контроля со стороны группы, социальную дистанцию и т. п.), а также страх, пугающие жителей лакуны страха и риска в городском пространстве.

В качестве основной методологической схемы в изучении страхов в городе в данном исследовании использована теория социальных представлений (Э.Дюркгейм, Г.Зиммель, Ж.Пиже, С.Московичи и др.). Предполагалось, что страхи горожан – это определенные знания и практики, разделяемые городскими жителями относительно опасных и «страшных» мест в городе. На основе фокусированного неструктурированного интервью в представляемом исследовании описаны и проанализированы «центральные элементы» социального представления «страшные места города». Ориентируясь на гипотезу С.Московичи о наличии в социальных представлениях неких архаичных элементов – «тем», «страхи в городе» были реконструированы как символическая составляющая «городского пространства». Выборка исследования, ориентированного на качественный подход в сборе эмпирических данных, состояла из 68 горожан (от 16 до 55 лет, более половины – женщины).

При реконструкции «центрального элемента» социального представления «страшные места городского пространства», более подробно были рассмотрены иррациональные аспекты «реальных страхов» горожан, а представления о страшных местах как зонах риска проанализированы с учетом милицейской статистики. По результатам проведенного исследования была сконструирована система координат «страшных мест» в городе. Ее основу задает дихотомия «город – не-город».

Страшными горожанам кажутся места, которые во многом город олицетворяют, и одновременно те, которые символизируют разрушение города. Так, горожане иррационально опасаются тоннелей и вокзалов, а также считают зонами риска места «городского отдыха», проезжую часть и городской транспорт. С другой стороны, любое безлюдное место иррационально или сознательно оценивается горожанами как «страшное», а разрушенные или ветхие строения навевают немотивированную тревогу. Горожане хотят сохранить природное в городском пространстве, однако многие «природные элементы» города оказываются в зоне пространства риска и «страшных мест».

Другая дихотомия в системе координат «страшные места» города задается конструктом «Я – Другие», при этом палитра Другого разнообразна: от Чужака (мигранта, иностранца) до опасного по какой-либо причине «своего Другого» (наркомана, «гопника», карманника и т.п.). Иррационально страшатся Чужаков, рационально – «своих Других».

Эта дихотомия также интересна границей между «Я – Другой»: в историях отдельные территории города маркируются как территории Других (места локального проживания мигрантов, рынки и т.п.), где «хороший горожанин» предпочитает не оказываться. Однако Другие могут вторгаться на территории «хороших горожан», заставляя своим присутствием переживать страх «приграничной территории».

Сам горожанин в данном исследовании прочитывается в терминах маргинальности (от Вебера до Парка): выбирает город для жизни и боится (мотивированно и немотивированно) своего города, опасается безлюдных мест и одновременно страшится других людей. Таким образом, амбивалентность – одна из основополагающих характеристик социально-психологического явления «городской образ жизни».

Психологические дискурсы проблемы маргинальности

А.А. Рябцев (Москва)

Psychological discourses of a problem of marginality – A.A. Ryabtzev (Moscow)

Ключевым понятием в анализе психологических дискурсов современного мегаполиса может стать понятие маргинальности. В современной литературе маргинальность чаще всего определяется как промежуточность, пограничность положения людей (индивидов и слоев) по отношению к крупным социальным группам, накладывающая отпечаток на их психику и поведение. Основные научно – теоретические подходы к проблеме маргинальности в широком контексте социальных наук. Американский субъективистско-психологический номинализм Р. Парка и Э. Стоунквиста как первичный психологический дискурс маргинальности. Психологические характеристики маргинального человека с позиции различных авторов. Стадии формирования маргинальной личности и признаки маргинальности. Определение маргинального статуса как источника формирования невротической симптоматики. Психосоциальная феноменология маргинальности. Западноевропейский научный дискурс маргинальности: исключение индивидов или социальных групп из системы общественных связей. Обладатели противоречивой ценностно-нормативной системы как носители маргинальности. Маргинальность как проблема личности в контексте социальных изменений. Отечественный научный дискурс проблемы маргинальности. Психологическое понимание маргинальности как особого социального отношения к себе и обществу, которое не может быть «фиксированным» качеством той или иной социальной группы. Формирование кризисного тип личности, идентифицирующего себя с маргиналом. Парадоксы маргинальности как устойчивой идентичности и наиболее удобной социальной позиции. Формирование и закрепление устойчивых паттернов поведения в кризисной ситуации и их трансляция. Психотерапевтическая рефлексия маргинальности: негативная трансформация личностного социовитального ресурса, выраженная внутренняя психологическая диссипация ценностей и смыслов, экзистенциальный вакуум на уровне личности, социальная аномия на уровне общества. Практическое значение дальнейших исследований психологических дискурсов маргинальности: анализ источников и условий формирования маргинальности на социальном и личностном уровнях, разработка соответствующих диагностических критериев, создание системы социальной и психологической амортизации негативных проявлений маргинальности и рекреации социовитальной ресурсности, формирование системы услуг страховой психологической помощи и психотерапии и т.д. Маргинальность как динамичный нестабильный психосоциальный феномен современного мегаполиса: дисплей психологических дискурсов.

Риск снижения показателей состояния психики детей, родившихся и постоянно проживающих на экологически неблагоприятных территориях

Н.М. Сараева (Чита)

Mental Performance Degradation Risk for Children Born and Living in Environmentally Unhappy Territories —
N.M. Sarayeva (Chita)

В современной России существует серьезная, общая для больших и малых городов, социально-экологическая проблема (деформация жизненной среды человека в регионах и на территориях экологического неблагоприятия), которая перерастает в крупную психологическую проблему – выяснение характера влияния экологически неблагоприятной жизненной среды на состояние психики людей, постоянно проживающих на данных территориях.

Особенно подвержены влиянию экологически неблагоприятной жизненной среды дети: психические функции в детском возрасте переживают период интенсивного становления, будучи особенно чувствительными к средовым воздействиям. Детское население в регионах (или на территориях) экологического неблагоприятия оказывается в условиях повышенного риска.

В рамках экпсихологического подхода к развитию психики человека (В.И. Панов) было проведено исследование состояния психики более 3000 детей, коренных жителей Забайкальского края, который по своим природно-климатическим особенностям и преобладающему профилю хозяйственной деятельности может быть рассмотрен как модель многих экологически неблагоприятных территорий России, где длительные влияния деформированной жизненной среды приводят к ухудшению природного обеспечения оптимального состояния психики человека.

Эмпирическое исследование выявило наличие тенденции к общему снижению уровня психической активности детского населения, родившегося и постоянно проживающего на экологически неблагоприятных территориях. Тенденция к изменению состояния психики проявляется:

- в снижении показателей умственной работоспособности: по характеристикам памяти, внимания, утомляемости и другим выявлено, что в условиях экологического неблагоприятия у детей чаще наблюдается истощаемость психической активности, сужение и значительные колебания объема перерабатываемой информации и другие проявления названной тенденции;
- в показателях развития интеллекта: детей с нижненормативными показателями развития всех видов интеллекта на «загрязненных» территориях (особенно при кризисной степени «загрязнения») достоверно больше, чем на территориях «чистых»;
- в асимметрии показателей некоторых эмоционально-личностных свойств детей, живущих в условиях экологического неблагоприятия, в частности – в показателях их усредненных личностных профилей (по тесту Р. Кэттелла): частью значений профили жителей «загрязненных» территорий смещены вниз относительно профиля жителей «чистых» территорий; в эмоционально-личностной сфере отличие состояния психики детей, проживающих на «загрязненных» территориях, от статуса жителей «чистых» территорий состоит не столько в содержательных, сколько в динамических особенностях личностных черт.

Социальная среда территорий экологического неблагоприятия способна компенсировать негативное влияние на психическую активность неблагоприятной среды природной (физической), но при значительном возрастании «загрязнения» социальные воздействия оказываются недостаточными для полной компенсации ее влияния.

Дано теоретическое обоснование причин возникновения указанной тенденции. Она есть результат дефицита энергетического обеспечения психической деятельности, вызываемого конкуренцией за энергию между биологическим и психологическим, социальными уровнями организации человека, а также необходимости минимизирующей адаптации.

Образовательная среда и экологическое образование взрослых

М.В. Селезнева (Рязань)

Learning environment and environmental adult education — *M.V. Selezneva (Rjazan)*

Под экологическим образованием взрослых в широком смысле понимается обучение пониманию процессов, происходящих в окружающей среде, связанных с ними проблем, пониманию того, как жизнеспособно можно управлять своим поведением и экосистемами, принимая при этом обоснованные решения и неся ответственность за эти решения.

Изучением образовательной среды взрослых, экологическим образованием взрослых и профессиональной среды за рубежом занимаются П. Беланже, А. Тьонман, К. Уоткинс и др. П. Беланже и А. Тьонман установили, что тип образовательной среды влияет на продолжение человеком его дальнейшего образования. В условиях изменчивого, непредсказуемого современного мира в динамичном, меняющемся обществе и образование должно стать динамичным. Это свойство выражено в понятии «непрерывное образование». Проанализировав методы современного образования и найдя в них множество противоречий, П. Беланже разработал экологическую концепцию непрерывного образования.

Образовательная среда не является нейтральной. Она имеет тенденцию либо иметь репрессивный эффект либо способствовать оптимизации изучения и усилению прогрессивной инициативы с тем, чтобы вызвать изменения в обществе. Так же, как и изменчива биосфера, в которой живут люди, так и образовательные среды не являются статическими или однажды заданными.

Для динамического развития культуры обучающегося важно, чтобы в окружающей его образовательной среде были созданы условия творческой напряженности и рефлексии.

Для этого должны быть установлены новые отношения между образовательными стратегиями и методами и более широкими реалиями культуры, между людьми и инфраструктурами культуры, типа, городской среды, музеев, библиотек, культурных центров, экологических парков или образовательных центров для взрослых.

Культурная структура городской окружающей среды постмодернового периода обеспечивает возможности для качественного обучения взрослых на текущем этапе в контексте нелиберальной современности. В перспективе Д. Харви предлагает рассмотреть проблему, как продолжающаяся глобализация через разрегулированную коммерциализацию делает новый вызов культурной жизни и общественному и национальному благоустройству.

Многие ученые в качестве отличительной черты постиндустриального информационного общества выделяют двойственность и непредсказуемость жизненных контекстов современности. Люди становятся свободными от многих социальных структур и ограничений. Они также имеют больше психологического пространства, чтобы пересмотреть эти структуры, так как проживают в более двойственных контекстах жизни и времени. Речь идет о стремительном распространении и доступности средств массовой коммуникации, связи, информации, Интернета, видеотехники, музыкальной продукции, переездах людей на большие расстояния, выезде за рубеж. Наряду с реальным временем человек на рубеже веков все больше начинает ощущать его быстротечность. А.М. Новиков выразил эту мысль следующим образом: «Будущее наступает гораздо быстрее, чем в прошлые эпохи».

Удовлетворенность жилой средой жителей Санкт-Петербурга

Л.В. Смолова (Санкт-Петербург)

Residential Environment Satisfaction of St. Petersburg residents — *L. Smolova (St.Petersburg)*

Одним из приоритетных направлений в современной России является обеспечение граждан качественным жильем. Однако процесс урбанизации и связанные с ним перенаселение крупных городов, строительство новых и уплотнительная застройка в старых (исторических)

районах, ставят под сомнение качество жилья, вне зависимости от социального и материального уровня потребителей.

В психологии взаимодействия с окружающей средой (экологической психологии) жилая окружающая среда является одной из основных областей исследования. Настоящая дисциплина исходит из того, что окружающая среда неизменно содержит в себе два неразрывных аспекта – физический и социальный. Физическое пространство играет исключительно важную роль, так как может предоставлять возможности для удовлетворения различных потребностей жителей – базовых, потребностей в безопасности, общении, самоактуализации. Очевидно, что в случае удовлетворения этих потребностей удовлетворенность жилой средой усиливается.

Целью исследования стало изучение уровня удовлетворенности жилой средой жителями Санкт-Петербурга. В задачи входило: 1) исследовать пространственно-физические и социальные условия жилой среды населения различных районов Санкт-Петербурга; 2) оценить уровень удовлетворенности населения обозначенными условиями жилой среды; 3) определить наиболее значимые факторы жилой среды, способствующие формированию комфортного и дискомфортного настроения индивидов и социальных групп.

Основной гипотезой явилось предположение о том, что для жителей Санкт – Петербурга характерен невысокий уровень удовлетворенности жилым пространством, что обусловлено спецификой современных урбанизированных территорий, влекущих за собой множественные трудности социально-психологического характера. Также предполагалось, что удовлетворенность жилой средой проживающих в различных районах Санкт-Петербурга, будет качественно отличаться.

Выявление наиболее значимых факторов жилой среды, способствующих формированию комфортного и дискомфортного настроения индивидов, проживающих в различных районах, может дать инструмент для трансформации среды и улучшения ситуации.

Разработанный нами опросник состоял из 186 вопросов, изучающих 52 параметра социально-физической окружающей среды. С целью изучения удовлетворенности жилой средой нами было опрошено 423 жителя Санкт-Петербурга, проживающих в пятнадцати районах.

Подводя предварительные итоги, нельзя не обратить внимания на то, что респонденты демонстрируют определенную изолированность. Их внимание и интерес направлены на поддержание связей с домочадцами. Наряду с этим прослеживается дистанцирование во взаимоотношениях с соседями по дому и жителями микрорайона и недостаточное желание общаться с ними.

Сопоставляя полученные данные с выявленным недостаточным пространством для коммуникации, как рядом с домом, так и на территории микрорайона, можно сделать некоторые предположения. Формирование устойчивых социальных связей может произойти только в случае продуманной организации пространства, предоставления возможностей завязывать дружеские контакты. Это имеет большое значение для восприятия среды как более безопасной, а также поддержания порядка и создания устойчивого сообщества.

В пилотажном исследовании выявляется очевидная для жителей, но, к сожалению, далеко не всегда осознаваемая или принимаемая во внимание взаимосвязь между физической и социальной средой, что требует дальнейшего глубокого изучения.

Связь установок по отношению к городской среде с психологическими особенностями жителей мегаполиса

Е.А. Соловьева (Санкт-Петербург)

*Attitudes to urban environment and psychological characteristics of the metropolis residents –
E.A. Solovyeva (Sankt-Petersburg)*

Ощущение среды как своей неотделимо от причастности человека к тому, что в ней происходит. В отношениях к городу и городскому образу наблюдается резко выраженная амбивалентность: недовольство неестественностью существования в «людском зверинце»

и невозможность отказаться от тех благ, которые дает город. Какова цена этой амбивалентности, как она влияет на нашу активность и самочувствие в мегаполисе?

Целью исследования было изучение установок по отношению к городскому образу жизни и определение психологических особенностей, связанных с выбором поведенческих стратегий в городской среде.

В исследовании участвовали студенты старших курсов СПбГАСУ: будущие архитекторы, строители, проектировщики – те, кто вскоре станут ответственными за создание городской среды, и, одновременно, – жители города.

Фиксировались три группы показателей:

1. тип установки по отношению к городской среде;
2. поведенческие стратегии, связанные с чувством идентификации с городом;
3. индивидуально-психологические особенности респондентов.

Тип установки рассчитывался путем ранжирования признаков «идеального города» с последующим вычислением отношения рангов «городских» признаков к «негородским».

Для определения поведенческих стратегий была разработана анкета, включающая вопросы относительно представлений респондентов о престижности проживания в Санкт-Петербурге, идентификации с ним, возможности самопрезентации с помощью культурных ценностей, а также познавательный интерес, участие в благоустройстве, самоощущения в городской среде.

В блоке индивидуально-психологических качеств фиксировались личностные и интеллектуальные особенности, а также место рождения, будущая специальность, пол респондентов. Получены следующие результаты.

Выявлены три типа установок по отношению к городской среде и городскому образу жизни. Обладатели первой, условно названные урбанофилами, высоко оценивают такие ценности города, как архитектурное наследие, социальную активность, наличие производства и т.п. Урбанофобы отдают предпочтения чистому воздуху, безопасности, наличию зелени, отрицают – оживленные улицы, наличие производства и космополитизм. Третий тип установки – смешанный. Независимо от типа установки самым желательным качеством города является безопасность, наименее – космополитизм.

Выраженная урбанофилическая установка положительно коррелирует с представлениями о престижности проживания в Санкт-Петербурге, социальной активностью в городской среде и познавательным интересом к городу. Урбанофобия сопровождается неприятием перемен, происходящих в городе, но и большей готовностью к его благоустройству.

Урбанофилы отличаются большей суверенностью психологического пространства, они смелы, любят радикальные перемены, используют более примитивные защитные механизмы. При выполнении интеллектуальных тестов делают упор на скорости, а не на точности решений.

Таким образом, можно говорить о двух типах установки относительно города, которые связаны с рядом личностных особенностей. Кроме того, у тех, кто выше оценивает признаки городского образа жизни, выше эмоциональные и связи с городом, у респондентов с противоположной установкой – поведенческие.

В заключении отметим, что наряду с тенденцией ускорения темпов урбанизации, наблюдается также тенденция урбанизации – перенесения жилья за пределы больших городов. Подобная практика снижения территориальной зависимости человека от места работы стала возможной в связи с развитием информационных технологий, что позволяет безболезненно для материальных доходов переселиться в сельскую местность. И пока трудно говорить, какая из них станет ведущей.

Мировоззренческая активность как фактор адаптации личности к неблагоприятным условиям проживания: от выживания к полноценному функционированию

Я.А. Сурикова (Петропавловск-Камчатский)

From survival to optimal functioning. World outlook activity as the factor of optimal adaptation of the person to the uncomfortable environmental conditions — *Y.A. Surikova (Petropavlovsk-Kamchatsky)*

В настоящее время проблема психологического сопровождения личности в неблагоприятных условиях жизнедеятельности является одной из актуальных и востребованных, что обусловлено значительным увеличением числа антропогенных и природных экстремальных воздействий на человека. С одной стороны, любая среда, которая содержит потенциальную угрозу для реализации значимых потребностей личности, может быть обозначена как несущая угрозу ее психологическому благополучию. С другой – идеи о том, что в неблагоприятных условиях содержатся ресурсы для личностного роста, мобилизации всех систем организма проходят через всю историю вопроса изучения взаимодействия индивида и среды. Как показывают исследования (Л. А. Александровская, Е. Б. Весна, Х. Гави, Р. Р. Ишмухаметов, Е. В. Михайленко, Е. И. Погорелова, И. П. Стрельцова, Г. Ю. Фоменко, О. С. Ширяева и др.), неблагоприятные условия среды не только предъявляют повышенные требования к адаптации индивида, но и актуализируют сложные формы социо-культурного поведения, стимулируя мировоззренческую активность личности как субъекта жизнедеятельности. Следовательно, изучение характера взаимодействия «субъект – среда» предполагает уже не только ситуативный, но и биографический подход. В этой связи система психологических характеристик, обеспечивающих адаптивное поведение в неблагоприятных условиях проживания, включает в себя следующие компоненты: позитивная оценка среды проживания (восприятие объективно неблагоприятных условий как субъективно неэкстремальных; как некоего «вызова»), вне-нормативная активность (активная жизненная позиция, стремление к самореализации, эмоциональная вовлеченность в деятельность), ориентация на взаимоподдержку (стремление к взаимоподдержке и взаимопомощи, направленность на сотрудничество и кооперацию), сила «Я» (развитые навыки самоконтроля и саморегуляции, принятие риска, ответственности за свою жизнь), субъективная насыщенность жизни (высокая осмысленность жизни, оценка ее как эмоционально насыщенной).

Особое значение в этой системе личностных ресурсов приобретает высокий уровень мировоззренческой активности, способствующий восприятию индивидом объективно неблагоприятных условий как бросающих «вызов» его адаптивным возможностям, стимулирующих активизацию внутреннего потенциала. Владение навыками позитивного переструктурирования жизненного опыта, знание субъектом основных закономерностей восприятия окружающей среды является залогом успешного функционирования личности в условиях длительного психоэмоционального напряжения. В случае конструктивной оценки субъектом условий проживания работа психолога должна быть направлена на усиление уже имеющихся у личности внутренних ресурсов, обеспечивающих эффективное взаимодействие в системе «субъект-среда». Для личности, субъективно-обесценивающей для себя значимость неблагоприятных условий среды, представляется важным выработка мероприятий, направленных на поиск и демонстрацию содержащихся в среде ресурсов для развития, что, в свою очередь, способствует активизации мировоззренческой активности и создает мотивационную предпосылку для развития личностных ресурсов, необходимых для эффективного функционирования в неблагоприятных условиях жизнедеятельности.

Стратегия психологической адаптации человека на экологически неблагоприятных территориях: постановка проблемы

А.А. Суханов (Чита)

Man's Psychological Adaptation Strategy in Environmentally Unhappy Territories: Problem Statement —
A.A. Subanov (Chita)

В условиях глобального экологического кризиса возникает риск ослабления психических и психологических возможностей человека. Поскольку жизненная среда регионов экологического неблагополучия (РЭН), деформированная в ее природной составляющей разного рода «загрязнениями», не вполне адекватна гено- и фенотипическим свойствам человека, требуется реализация особой стратегии психологической адаптации. Из-за нагрузки, связанной с длительным негативным влиянием экологически неблагоприятной среды, у людей, родившихся и постоянно проживающих на соответствующих территориях, может быть обнаружена тенденция к общему снижению показателей психологической адаптации (по крайней мере, на ее психофизиологическом и психическом уровнях).

Несмотря на то, что в настоящее время ряд общих проблем психологической адаптации человека изучен достаточно подробно, а проблемное поле исследований весьма обширно, внимание исследователей чаще направляется к вопросам адаптации человека к социальным факторам жизненной среды.

Значительно меньше изучена психологическая адаптация человека к факторам среды природной. В первую очередь, — к отдельным, чаще экстремальным, факторам природной (физической) среды: температурным, гравитационным и др. О психологической (главным образом, социально-психологической) адаптации человека к единой природной (природно-климатической) среде говорится лишь в единичных работах.

Специфика целостной психологической адаптации человека в условиях длительного влияния на нее экологической деформации практически не изучена. Существующие модели психологической адаптации не покрывают проблемного поля приспособления человека к экологически деформированной природной среде.

Между тем, на территориях РЭН природная среда предъявляет повышенные требования к адаптационным механизмам человека. Здесь организм и психика человека нередко функционируют в нижних границах адаптационной нормы. В медико-биологических исследованиях утверждается, что для человека характерна недостаточная генетическая готовность к хроническим негативным воздействиям природной среды. При длительном пребывании в напряженных условиях человек склонен к экономии общей энергии жизнедеятельности. Адаптация человека к условиям экологического неблагополучия на биологическом уровне системной организации человека, является энергозатратной.

Возникает вопрос о психологических последствиях адаптации организма человека к длительному воздействию экологически неблагоприятных природных условий. Необходимо установить наличие / отсутствие минимизирующей стратегии адаптации и на психологическом уровне системной организации человека, длительно проживающего на экологически неблагоприятной территории. Для этого требуется изучение целостной психологической адаптации человека к длительным воздействиям экологически неблагоприятной жизненной среды, природной и социальной.

Эколого-химические факторы среды и личностная изменчивость подростков

Э.В. Терещенко, И.В. Белашева (Ставрополь)

Ekologo-chemical factors of environment and personal variability of teenagers —
E.V.Tereshchenko, I.V.Belasheva (Stavropol)

Тотальное распространение состояний нездоровья и болезней в экологически неблагоприятных регионах способствовало развитию новых направлений медицины-клинической эконатологии, экологической психиатрии и экологической педиатрии. Задачей последней явилось изучение длительного воздействия на растущий организм ребенка сравнительно низких доз химических агентов и ионизирующей.

Работами И.В. Боева и О.А. Ахвердовой на научно-практическом уровне обоснована необходимость развития экологической психологии, направленной на психодиагностику состояний психологической дезадаптации, психологической и психической декомпенсации, развития аномальной личностной изменчивости в условиях хронического воздействия микро- и малых доз химических веществ, соединений и композиций, а главное на разработку системы совершенствования профилактики психологического и психического здоровья, конституционально-типологической защиты детского и подросткового организма от деструктивных антропогенных воздействий. Изучение биологических и психологических последствий воздействия химических соединений, веществ, композиций, во многих случаях накапливающихся в организме конкретного субъекта, крайне затруднительно. Психологические же последствия воздействия на мозг, нервную систему, накапливающихся в организме химических вредных доз до сих пор в полной мере не подверглись не только философскому, психологическому, но и медицинскому анализу.

Конституционально-психотипологическая и личностная предрасположенность, взаимодействуя с социально-экологическими химическими органическими факторами, актуализирует вероятностные механизмы конституционально-типологической психологической защитной адаптации и дезадаптации патологических личностных и поведенческих реакций.

В своем исследовании мы исходили из того, что общая популяция подростков находится в одинаковых условиях постоянного воздействия химических агентов внешней среды обитания, при этом каждый индивид обладает особым конституционально-психотипологическим и личностным спектром. Под влиянием внешних эколого-химических неблагоприятных факторов представители одних личностных психотипов подвержены большему вероятностному аномальному изменению конституционально-психотипологических и личностных основ, чем те, у которых внутренняя конституциональная предрасположенность, конгруэнтность к химической структуре ксенобиотиков выражена меньше.

В ходе исследования было выявлено, что сложные химические органические композиции, преобладающие в эколого-химической среде обитания, снижают толерантность подростков к воздействию внешних факторов, истощают психобиологический резерв личности, уменьшают индивидуальный барьер психической и психологической адаптации, актуализируют конституциональные механизмы индивидуальной личностной декомпенсации, открывая путь к формированию пограничной нервно-психической патологии. Конституционально обусловленные личностные психотипы подростков под влиянием хронического деструктивного воздействия социально-экологических факторов могут изменяться, варьировать от личностной, характерологической, психологической нормы до аномальной личностной изменчивости, что сопровождается аномальным изменением психологических, личностных переживаний вплоть до патологических признаков девиантных стереотипов поведения.

Отношения с миром природы в экологическом сознании коренных народов камчатки, проживающих в неблагоприятных природно-климатических условиях

Е.Г. Трефилова (Петропавловск – Камчатский)

Relations with the nature world in ecological consciousness of the kamchatka people living in adverse environmental conditions – E. Trefilova (Petropavlovsk – Kamchatski)

Особенности экологического сознания КНК обусловлены этнической принадлежностью и различными культурно-историческими, социально-психологическими факторами. Одной из таких особенностей является отношение коренных народов к природе как к Миру природы, а не как к природной Среде.

Методологические особенности психологии экологического сознания заключаются в том, что природа рассматривается как «мир природы», а не как «природная среда»; основной акцент делается на не объективных связях человека и природы, а на субъективных отношениях. Мир природы – понятие более широкое и личностное, исходящее из опыта внутренних переживаний. Понятие «Мир природы» простирается во времени и пространстве. Природная среда – это то, что функционирует в сфере материального, то, что происходит «Здесь и теперь».

«Природа как среда» функционирует в сфере материального, выступая по отношению к человеку как объективно функционирующая целостная система. Понятие «Мир природы» отражает также свойственное человеку субъективное наделение различных природных объектов внутренней жизнью.

Для коренных жителей Камчатки семантическое понятие Природа наполнено этническим смыслом, что указывает на связь между внутренним психическим миром респондентов и их внешним миром: миром вещей, предметной средой, культурой, природно-географической средой, сформированными, под влиянием воспитания, установками сознания. Так, в экологическом сознании испытуемых экспериментальной группы очевидны установки на Эстетичность и Практичность в отношении объекта «Природа». С точки зрения семантического значения стимула природа вступает как родная, любимая, светлая, кормящая. В данном случае отчетливо проявляется архетип Матери-Природы. Мы видим у испытуемых экспериментальной группы черты архаического экологического сознания.

Коренные жители Камчатки воспринимают природу как более дикую, натуральную, полезную, прекрасную, активную, бессмертную, миролюбивую (т.е. экологически безопасную; архетип гармонии).

Русские жители Камчатки воспринимают природу как более агрессивную (архетип угрозы).

Анализируя результаты исследования, мы пришли к следующим выводам:

1. существенной характеристикой экологического сознания коренных народов Камчатки является его архаичность, на что указывают следующие черты: высокая степень психологической включенности, субъект – объектная неразделимость с миром Природы, прагматический характер взаимодействия. С одной стороны природа воспринимается как Родной дом, с другой – как поставщик полезного продукта. Вместе с доминированием прагматического взаимодействия наблюдается и элементы непрагматичности, наблюдается некое исходное психологическое единство с миром Природы.

2. для коренных народов Камчатки природа представляется, с одной стороны, как Источник благ, с другой как Мировая гармония, источник наслаждения, в которую включено все их существование. Таким образом, проявляется некоторая биполярность их экологического сознания, отношения к природе, своему существованию в ней.

3. респонденты русской группы видят Мир Природы как бы «Вокруг себя», наблюдая изменения, стараясь влиять на них, любят и нуждаются в нем, как в чем-то близком и важном, но это не есть «Мы» (параллельность существования), в то время как коренные жители находятся как бы внутри мира Природы, не отделяя себя от нее, видят и ощущают себя ее частью (включенность, интегрированность, неделимость).

Стратегии адаптации курсанта-десантника в условиях современного мегаполиса

Л.Н. Филатова, В.В. Титоров (Рязань)

Strategy of adaptation of the cadet-commando in the conditions of a modern megacity –
L.N. Filatova, V.V. Titorov (Ryazan)

В современном мегаполисе курсант-десантник переживает несколько кризисных моментов, при этом молодые люди выбирают различные стратегии адаптации к изменяющимся условиям.

Наиболее значимыми кризисными периодами в личностном развитии будущих офицеров Вооруженных Сил РФ, как отмечают Володарская И.А. и Марков А.С., являются три периода. Это период адаптации к армейской среде и учебе при поступлении в военный вуз, период подписания контракта, то есть, выбора социальной группы и профессиональных нравственных ценностей, и, наконец, период окончания военного вуза и перехода к самостоятельной жизни.

Для периода адаптации при поступлении в военный вуз, как показывают наши исследования, для вчерашних школьников наиболее характерны следующие стратегии поведения:

- «терпеть и не высовываться» – такой приспособленец не сможет стать настоящим офицером-десантником;
- «понять и принять суровые требования в ВДВ» – это будущий костяк офицерского корпуса десантных войск;
- «стараться изменить среду под себя» – такие первокурсники не задерживаются в десантном вузе, для них в условиях современного мегаполиса, «на гражданке» больше свободы, комфорта, возможности красиво жить.

В период подписания контракта на военную службу, выбора траектории своего профессионального роста и нравственных ценностей чаще всего выбираются такие три стратегии поведения:

- «затаиться и бесплатно получить диплом о высшем образовании» – это балласт, люди, которые не собираются служить Родине;
- «принять требования данной социальной группы и стремиться реализовать себя в военной профессии» – это будущие достойные защитники Отечества;
- «уйти из данной социальной группы» – случайные люди в военном вузе, для них в условиях современного мегаполиса больше возможности для реализации личных потребностей и получения удовольствий.

В период кризиса окончания военного вуза, нами отмечены как наиболее часто выбираемые следующие стратегии:

- «никто кроме нас» – это большинство выпускников-десантников – будущие герои России;
- «уход в другие силовые структуры» – служба в полиции, МЧС позволяет остаться с семьей жить в мегаполисе, пользоваться благами большого города и иметь возможность дополнительного заработка;
- «увольнение с военной службы и уход в частную охрану или бизнес» – это люди прагматики, которым чужды высокие идеалы и романтика десантных войск. Они хотят жить для себя и с максимальным комфортом.

Реалии настоящего времени показывают, что реформа армии не позволяет нашим выпускникам воплотить свои высокие патриотические устремления в жизнь. Таким образом, в ходе психолого-педагогического сопровождения обучения курсантов весь профессорско-преподавательский состав десантного вуза, психологи и воспитатели, командиры курсантских подразделений и командование военного вуза должны помочь будущим офицерам сделать правильный выбор стратегии адаптации в кризисных ситуациях личностного развития.

Субъективное экологическое благополучие личности: проблема исследования

Н.Н. Хащенко (Москва)

Subjective well-being of ecological identity: the problem of research — *N.N. Khasbchenko (Moscow)*

В последнее время для большого количества людей повышается значимость не только материальных ценностей, но и ценностей, связанных с природой, что подтверждают данные многих исследований. Одним из аспектов жизнедеятельности личности выступают экологические условия. Отношение человека к экологическим условиям жизни может определяться через переживание им благополучности-неблагополучности этих условий, т.е. связано с субъективным экологическим благополучием, включенным в систему жизненных целей личности. Феномен экологического благополучия неразрывно связан с проблемой субъективного благополучия личности. Исследование проблемы субъективного благополучия вызвано острой для психологической науки и практики необходимостью в определении того, что служит основанием для внутреннего равновесия личности, из чего оно складывается, какие эмоционально-оценочные отношения лежат в его основе, каким образом оно участвует в регуляции поведения, каким образом можно помочь личности в решении проблемы благополучия. Психологическое содержание субъективного благополучия личности многоаспектно, специалистами подчеркивается личностный характер данного феномена, оно рассматривается как синонимичное понятию «счастье». Представление о том, что субъективное благополучие личности — это сложное, интегральное социально-психологическое образование, включающее оценку и отношение человека к своей жизни и самому себе, которое формируется в процессе жизнедеятельности, в системе отношений личности к различным объектам окружающей действительности, развивают многие как зарубежные, так и российские специалисты. Существуют различные подходы к вопросу о структурных (уровневых) компонентах субъективного благополучия личности. Так, субъективное благополучие связывают с результатами социализации, а также с тем, что является для субъекта наиболее важным, ценным в жизни, какими способами он взаимодействует с собой и окружающими, и выделяют типы (уровни) субъективного благополучия, соответствующие различным типам ценностных ориентаций и мотивационной структуры личности (Бахарева). По мнению исследователей Вашингтонского университета, благополучие тесно связано с качеством жизни человека. Основными сторонами «индивидуального благополучия» называются: эмоциональная, интеллектуальная, духовная, социальная, финансовая, профессиональная, физическая, экологическая (осознание и признание решающей роли окружающей среды в жизни человека, а также того, что вся человеческая деятельность влияет на окружающую среду и может поставить под угрозу способность среды по предоставлению основных услуг, необходимых для поддержания жизни). На основании существующих подходов к анализу структурных компонентов субъективного благополучия личности можно заключить, что субъективное благополучие личности тесно взаимосвязано с ее здоровьем (физическим (соматическим), психическим). Но при этом, здоровье человека (в том числе и его физическое состояние) во многом определяется как объективными экологическими условиями, так и отношением личности к экологическим условиям жизни, т.е. ее актуальным экологическим сознанием. Отмечается, что экологическое благополучие отражает степень осведомленности и понимания человеком решающей роли окружающей среды в его индивидуальном благополучии, понимание того, что люди являются частью окружающей среды, что последствия деятельности человека всегда отражаются на окружающей его среде.

Роль субъективного благополучия в процессе социализации личности

Р.М. Шамионов (Саратов)

The role of subjective well-being in the process of socialization — R. Shamionov (Saratov)

Сложившаяся традиция изучения субъективного благополучия личности ориентирована на его статичность. Основные усилия исследователей сосредоточены на фиксации его уровня в настоящем и определении либо личностных детерминант, либо ситуативных (как, например, качество жизни). Между тем, субъективное благополучие личности – образование, имеющее многомерную социальную детерминацию, разворачивающуюся во времени жизни субъекта. С одной стороны, действительно те критерии благополучия, которые усваиваются достаточно рано оказываются и наиболее стойкими и актуализируются на разных этапах жизненного пути. Будучи инстанционными образованиями они регулируют восприятие событий; сквозь них преломляются новые оценки «благополучности». То же относится и к поведенческим его компонентам: порой именно детские способы обретения субъективного благополучия используются в разных ситуациях, даже если они и не столь конструктивны. С другой, – меняющиеся со временем и возрастом («поколенческие») критерии и соответствующие им поведенческие паттерны придают определенную ему направленность. Наконец, обретение личностной зрелости способствует пересмотру критериев и неконструктивных паттернов (за счет более определенного отношения к ним) благодаря формирующемуся критическому мышлению. По-сути, здесь проявляются разные стороны социализации личности. Институты социализации содержат общие и специфичные для конкретных условий когниции. Соответственно и включение в разные области общественной жизни создает порой разные в своем качественном содержании проявления субъективного благополучия. Не менее значимо и ситуативное изменение субъективного благополучия.

Между тем, не только социализация задает ориентацию субъективного благополучия, но и оно само выступает весомым фактором социализации. Как известно, удовлетворенность (неудовлетворенность) выступает механизмом, запускающим процесс включения в сообщества, усвоения необходимой социальной информации, паттернов поведения и т.п. Однако нельзя полагать, что субъективное неблагополучие, в котором интегрированы неудовлетворенность собой и разными областями жизни является условием оптимизации процесса социализации. Скорее, напротив, имеется обратная пропорциональная связь между количеством сфер, которыми личность неудовлетворенна, глобальностью неблагополучия и его способностью к социальной перцепции и стремлением что-то изменить, поскольку такое положение, как правило, связано со снижением ее субъектности. Согласно нашим исследованиям, неудовлетворенность личности актуально наиболее важными, значимыми сферами связана с низкой субъектной позицией. Иначе говоря, определенное соотношение удовлетворенности и неудовлетворенности приводит в движение процесс социализации или ресоциализации, которые способны привести систему отношений личности в состояние динамического равновесия и тем самым – к оптимальному субъективному благополучию.

Важную роль в формировании и динамике субъективного благополучия личности играют институциональные факторы. Поскольку действенность института социализации зависит от степени значимости соответствующей общности, разные институциональные влияния могут по-разному отражаться на инстанционном уровне личности. В частности, наши исследования этнического фактора субъективного благополучия доказывают, что этническая социализация не только является значимым фактором благополучия, но и ее основанием. В частности, нами были обнаружены связи субъективного благополучия и этнической идентичности личности, а также ее определенных типов. Эффекты этнической социализации сталкиваются с эффектами других видов социализации, что создает порой зону напряжения на уровне самой личности, т.к. ее инстанции входят в противоречие.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант №11-06-00026 а).

Методологические проблемы междисциплинарного исследования устойчивого развития крупных городов: психологический, экономический, экологический аспекты

И.А. Шмелева, С.Э. Шмелев (Санкт-Петербург)

Methodological problems in an interdisciplinary study of sustainable development of large cities: psychological, economic and environmental aspects — *I.A. Shmeleva, S.E. Shmelev (St.-Petersburg)*

Проблемы комплексных междисциплинарных исследований устойчивого развития крупных городов рассмотрены в историческом и международном контексте, что позволило выявить белые пятна их междисциплинарного анализа. Выполнен анализ междисциплинарных связей по различным размерностям устойчивого развития города, а именно: психологические аспекты взаимодействия с окружающей средой, качество жизни, демократическое участие, здоровье, индекс человеческого потенциала, зеленые зоны, сохранение биоразнообразия, сохранение культурного и природного наследия, ландшафтная архитектура, устойчивый транспорт и энергетика, материальные потоки и управление отходами. Анализируются психологические аспекты реализации программы «Местная повестка дня на XXI век, например отношение к проблеме устойчивого развития на локальном уровне, что проявляется через установки экологического сознания и поведения. Представлен сравнительный анализ двух крупных европейских городов Лондона и Санкт-Петербурга с точки зрения комплексных стратегий и инструментов, индикаторов устойчивого развития. Подчеркивается слабая роль психологического обеспечения стратегий устойчивого развития крупных российских городов.

Сенсорные каналы и среда обитания

Х.Э. Штейнбах О.В. Данилова (Санкт-Петербург)

Sensory channels and environment — *H.E. Shteinbach O.V. Danilova (Sankt-Peterburg)*

Изучались особенности работы каналов переработки информации у людей живущих в разных условиях среды: мегаполис, средний город и небольшие поселения деревенского типа. Мегаполисы города миллионники среда которых образована историческим центром и периферией с прямоугольной решеткой улиц. Можно сказать что в такой среде нет разнообразия форм, выбора для двигательной активности, бледно представлены запахи. Среда среднего исторического города, как правило, находится под меньшим давлением, обычно она сохраняет больше зелени и парков, кроме архитектурных форм визуальными стимулами становятся и природные объекты. В малых поселениях человек формируется под влиянием самых разнообразных стимулов.

В нашем эксперименте участвовали представители трех названных типов поселений. Для определения ведущего канала переработки информации использовались две методики: методика словесных предикатов, методика «ключи глазного доступа». По результатам эксперимента оказалось что, представители мегаполиса имеют следующие показатели 20% аудиалов, 20% визуалов, 30% визуалов-кинестетиков, 20% аудиалов-визуалов, 10% аудиалов-кинестетиков, для жителей среднего города характерно следующее распределение 46% визуалов, 36% кинестетиков, 9% визуалов-кинестетиков и 9% визуалов-аудиалов, у представители малых поселений 42% кинестетики и 42% кинестетики-визуалы, 8% визуалы и 8% аудиалы – кинестетики.

Таким образом, мы видим, что по мере удаления от природной, естественной среды сенсорная система человека изменяется от кинестетической к визуальной и в дальнейшем к аудиальной. Соответствующим образом и меняется и когнитивная система человека, если кинестетик работает со всей полнотой опыта и решает реальные проблемы находясь в непосредственном контакте с объектом, опыт визуала позволяет ему работать со свернутой информацией и вносить субъективные изменения в содержание информации, то опыт аудиала

является одномерным кодом, который позволяет аудиалу правильно воспроизвести услышанную последовательность.

Экологическое поведение жителя мегаполиса

П.А. Яркин (Санкт-Петербург)

Environmental behavior of resident megapolis — P.A. Yarkin (*Sankt-Petersburg*)

Жители современного мегаполиса значительно удалены от естественной природной среды. И, на первый взгляд, их поведение не связано с прямым влиянием на природу. Объективно, каждый житель большого города оказывает большее влияние на природу, чем житель деревни, но с субъективной точки зрения это влияние не очевидно. В последние два десятилетия развития экологической психологии были выделены и активно исследуются такие феномены, как экологические ценности и ценностные ориентации, экологические установки и отношение к природе, а также экологическое сознание и экологическая культура. Какой же из далеко не полного списка феноменов является наиболее перспективным в плане решения важнейшей задачи экологической психологии – воздействия на поведение человека? В отечественной традиции такими понятиями являются отношение к природе, экологическое сознание и экологическая культура. Последняя получила особенную популярность в образовании, и ее формирование рассматривается многими авторами как его основная цель. Идея состоит в том, чтобы сформировать у личности т.н. экологическое сознание и/или экологическую культуру, которые и будут в дальнейшем опосредовать все экологически значимые поведенческие проявления человека. Но есть ли личностный смысл в слове «природа» для типичного жителя большого города? Отечественные исследования, которые показывают, каким образом сформированные в результате различных воздействий экологическое сознание и культура влияют на поведение личности, крайне редки. Отчасти это объясняется сложностью подобных исследований, а отчасти традициями и особенностями организации науки в России. Вместе с тем, в зарубежных странах исследования реального экологического поведения проводятся значительно чаще. Несмотря на то, что термин «экологическое поведение» и схожие ему («экологически оптимальное», «экологически ориентированное» поведение и др.) встречается в отечественной литературе, его системного описания пока не дано. Возможно, именно недостаток внимания к поведению и приводит к тому, что результаты практического применения экологической психологии и педагогики крайне малы. С нашей точки зрения поведение должно стать центральным понятием направлений психологии и педагогики, ориентированных на решение проблем взаимодействия человечества и природы. Экологическое поведение рассматривается нами как совокупность всех форм поведения, связанных с использованием природных ресурсов или вызывающих другие воздействия индивида на окружающую природную среду. Очевидно, что некоторое влияние на окружающую среду человек оказывает огромным спектром своих действий. Экологическое поведение не является целостным феноменом, а выделяется для решения прикладных задач. Например, принятие потребительского решения при выборе более «экологичного» товара отличается своей феноменологией от решения выйти на субботник, привычки выключать воду при чистке зубов, а тем более от решения чиновника о месте строительства завода. Экологическое поведение не имеет единого целостного регулятора. Скорее, каждая конкретная форма экологического поведения (напр., энергосбережение, раздельный сбор отходов и т.д.) управляется своим специфическим набором регуляторных механизмов. Факторы среды (включая и их отражение субъектом) должны быть обязательно проанализированы в любом исследовании или практической программе формирования конкретных моделей экологического поведения. Основной задачей психологии экологического поведения должен стать поиск факторов, обладающих наиболее высокой значимостью в детерминации конкретных форм экологического поведения.

Психология современной семьи

Интеллект и отношения между сиблингами

О. Алексеева (Москва)

Intelligence and the relations between the siblings — *O. Alexeeva (Moscow)*

Отношения между сиблингами – один из важнейших факторов, влияющих на когнитивное развитие детей. В рамках Московского сиблингового исследования мы выдвинули цель оценить влияние сиблинговых отношений на когнитивное развитие старшего и младшего ребенка. В нашей работе не учитывался фактор академической успеваемости обоих сиблингов, поэтому мы рассматривали наличие взаимосвязей между показателями интеллекта сиблингов и качеством сиблинговых отношений. Исследование интеллектуального развития проводилось с помощью теста Векслера. Для сиблингов в возрасте от 13 до 16 лет использовался детский вариант теста Векслера. Для сиблингов в возрасте от 16 до 22 лет использовался взрослый вариант теста Векслера. Для оценки сиблинговых отношений был взят опросник Различающегося опыта сиблингов (SIDE). С помощью *t*-критерия Стьюдента мы сравнили показатели по шкалам опросника Различающегося опыта сиблингов у старшего и младшего сиблинга. Были получены значимые различия по шкалам Доминирование, Привязанности, Сотрудничества, Материнскому контролю, Ориентации на успех и Ориентации на образование. То есть можно говорить о том, что старший сиблинг больше доминирует над младшим, чаще склонен к сотрудничеству с младшим, больше ориентирован на успех, тогда как младший больше привязан к старшему, больше контролируется матерью и больше ориентирован на образование. В ходе обработки результатов мы провели корреляционный анализ. Нами были получены значимые корреляции между показателями интеллекта сиблингов и шкалами Опросника различающегося опыта сиблингов. Показатели вербального, невербального и общего интеллекта старшего сиблинга и показатель невербального интеллекта младшего сиблинга обнаружили отрицательную связь со шкалой Доминирование. То есть чем больше один из сиблингов проявляет доминантность и директивность в отношениях, тем ниже его интеллект. Вербальный интеллект старшего связан со шкалой Сотрудничество (0,25), а у младшего невербальный интеллект – со шкалой Привязанность (0,32), отрицательно со шкалой Ориентация на успешность (-0,36) и положительно со шкалой Ориентация на образование по оценке старшего сиблинга (0,32). Таким образом можно сделать вывод, что доминантность в отношениях больше присуща тому сиблингу, у которого ниже интеллектуальные показатели. Для старшего сиблинга с высоким вербальным интеллектом характерно большее проявление сотрудничества в совместной деятельности с младшим. Тогда как большая привязанность младшего к старшему обнаруживает положительную связь с интеллектом младшего. Связь шкалы Ориентация на образование по оценке старшего сиблинга и интеллектом младшего позволяет нам предположить, что чем больше старший сиблинг ориентирован на образование, тем выше интеллект младшего. То есть мы косвенно подтвердили закономерность, полученную в других исследованиях, что в ситуации, когда старший ребенок имеет высокие академические достижения, младший ребенок будет иметь лучшую успеваемость.

Изучение образа будущей семьи у подростков

Е.В. Алфеева (Курган)

Studying of an image of the future family at teenagers — *E.V. Alfeeva (Kurgan)*

Большинство авторов публикаций по семейной тематике указывают на плачевное состояние семьи в современном обществе. Поэтому объясним интерес исследователей к столь актуальной, но малоизученной теме как «образ семьи», так как с одной стороны, представления о семье

позволяют проследить тенденции построения семейной жизни в будущем, а с другой – определить факторы, оказывающие негативное и позитивное влияние на этот образ.

Наше эмпирическое исследование проводится с 2006 года на базе школ и детских домов города Кургана, на данный момент в нем приняли участие 258 подростков в возрасте 13-17 лет. Целью исследования стало изучение влияния социальных и психологических факторов на формирование образа будущей семьи у подростков.

Все полученные результаты были подвергнуты статистической обработке с использованием параметрического метода *t*-критерий Стьюдента и непараметрического рангового *U*-критерия Манна – Уитни. Обсудим результаты по методике «Неоконченные предложения» Сакса и Леви. Влияние фактора «материальное благополучие» на отношении мальчиков-подростков к нереализованным возможностям очевидно. Для мальчиков одной из основных целей в жизни мужчины является достижение высокого социального статуса, который позволит обеспечивать будущую семью. Мальчики из малообеспеченных семей имеют высокий балл по шкале «Нереализованные возможности». Они, испытывая материальные трудности, переживая неполноценность собственных отцов или отсутствие отца, а значит и материального благополучия в семье, стремятся в своем будущем избежать проблем, существовавших в родительских семьях, и достичь высокого социального статуса. Мальчики из обеспеченных семей, чувствуя давление со стороны успешных родителей, понимают, что их будущее уже предрешиено родителями, поэтому имеют негативное отношение к нереализованным возможностям. Так же четкое влияние материальной обеспеченности мальчиков прослеживается на отношении к противоположному полу. Так как девочки-подростки оценивают социальный статус избранника, мальчики из малообеспеченных семей, не пользуясь высокой популярностью среди девушек, демонстрируют отрицательное отношение к противоположному полу.

На отношение девушек к противоположному полу в большей степени влияют особенности семьи. В целом отсутствие отца и ошибки воспитания в неполных семьях негативно влияют на представления девочек о мужчинах. В неполных обеспеченных семьях матерям достаточно успешным свойственно формировать негативный образ мужчины в глазах дочерей, что находит свое отражение в отрицательном отношении девочек из неполных обеспеченных семей к лицам противоположного пола и сексу. На девочек из детских домов оказывает влияние отсутствие в детстве любви и заботы и как следствие поиск этого тепла в сексуальных отношениях. Но разочарования в ранней половой жизни, не давшей требуемые чувства, отражаются на негативном отношении девочек-сирот к противоположному полу и сексу соответственно.

Таким образом, на отношение подростков к своей будущей семье в первую очередь влияет состав родительской семьи, а так же материальное благополучие родительских семей. Самые низкие результаты по шкале «Отношение к будущей семье» у подростков из неполных малообеспеченных семей, самые высокие – у подростков из полных обеспеченных семей. На основе результатов исследования может проводиться коррекционная работа с подростками, имеющими отрицательный и неблагоприятный образ будущей семьи.

Концептуальные основы социальной психологии семьи как области научных исследований

Т.В. Андреева (Санкт-Петербург)

Conceptual bases of social psychology of family as areas of scientific researches —
T.V. Andreeva (St-Petersburg)

Стабильная семья имеет большое значение для современного общества и государства. В настоящее время наблюдается повышенный интерес к проблемам семейных отношений, воспитанию детей в семье, демографическим вопросам, семейному консультированию. Проблемами семьи занимается целая плеяда наук, среди которых: психология семьи, социология семьи, этнография, семейное право, демография, сексология, медицина и другие. В

то же время остается весьма актуальным определение предмета изучения этих отраслей знаний и уточнение пограничных областей между ними; уточнение предмета социальной психологии семьи, определение ее категорий и принципов, обобщение и структурирование накопленных социально-психологических знаний, эмпирические исследования российской семьи в рамках выделенных социально-психологических разделов.

В качестве методологической основы социально-психологических исследований мы используем отечественную парадигму в рамках научной школы Б.Г.Ананьева, предполагающей использование комплексно-системного подхода, объединяющей количественный и качественный подходы к изучению семьи, использующей структурно-генетический принцип, принцип историчности, что в методическом отношении означает:

- возможность исследования семейных характеристик с помощью стандартизированных методик и обработки с применением математико-статистических методов, ограниченное применение лабораторного эксперимента;
- использование идеографического подхода, включающего биографический метод исследования человека, его жизненного пути, семейной и профессиональной жизнедеятельности, семейных биографий, динамику семей, использование графических методов изучения семьи, праксиологического подхода;
- исследование влияния на семью и личность семьянина как субъекта семейных отношений и семейной деятельности историко-культурных, этнорелигиозных, политико-экономических факторов, действующих в рассматриваемом обществе.

Цель нашего исследования заключается в оформлении социально-психологических разработок, знаний в области семьи в единую систему социальной психологии семьи на основе анализа общепризнанных социальными психологами структуры, проблем социальной психологии как науки. Концептуальная основа исследования семьи как предмета социальной психологии – целостное трехуровневое рассмотрение проблем современной российской семьи: на уровне макросредовых влияний, микросредовых закономерностей и субъектно-личностных детерминант семьи.

Нами проведено теоретико-эмпирическое исследование, в котором социальная психология семьи рассматривается как область науки, включающая в себя изучение:

I. На макросредовом уровне – проблем семьи в системе социального, общностей, путем изучения сельских и городских семей разных поколений;

II. На микросредовом уровне – проблем семьи как малой группы, с выделением следующих трех подуровней: конативного (исследование фактической деятельности членов семьи с целью выполнения семейных функций, а также поведения личности в семье, совмещения семейных и профессиональных ролей); эмоционального подуровня (семейная атмосфера, конфликты, удовлетворенность браком); когнитивный подуровень (представления, экспектации, нормы, правила, семейные соглашения);

III. На субъектно-личностном уровне – проблем личности в семье как основной части микросреды: семейная социализация; семья как ценность; личностные и гендерные детерминанты брачно-семейных отношений.

Мотивы выбора современной молодежью «гражданских» браков

Е.В. Ахмадеева (Уфа)

Motives for choosing «civil» marriages by modern young people – *E.V. Akhmadeeva (Ufa)*

Все большую популярность приобретает брак, незарегистрированный в органах ЗАГСа, именуемый в обществе – «гражданским» или сожительство. Многие оправдывают существование подобной формы семейных отношений, однако споры по поводу сожительства не утихают и отношение к нему неоднозначное.

Проведенное нами исследование направлено на выявление мотивов выбора личностью такой формы совместного проживания, как «гражданский» брак.

Была разработана анкета, позволяющая выявить мотивы, использован метод беседы с молодыми парами, находящимися в «гражданском» браке.

Всего опрошено 107 пар со стажем совместной жизни до пяти лет.

Доминирующим мотивом сожительства 47% определили экономическую независимость. Вторая по численности группа респондентов – 32% считают, что неопределенность супружеских отношений способствует личностному росту и взаимному уважению. Оставшаяся группа – 21% указали на другие мотивы.

Интересным представляется мнение респондентов, что «гражданский» брак (сожительство) в отличие от традиционного брака предполагает гибкость ролей, отсутствие доминирования-подчинения.

Мужчины, осознанно вступающие в сожительство, мотивируют свой выбор эмоциональной нестабильностью партнера, низкими доходами или наоборот высокой материальной обеспеченностью, а главное страхом принять на себя ответственность за семью.

Женщины, опасаются потерять независимость и контроль над собственной жизнью. В подобном союзе, считают они, мужчины и женщины находятся вместе, пока они глубоко привязаны друг к другу.

Как мужчины, так и женщины отметили, что расставание партнеров, находящихся в «гражданском» браке происходит проще. Поскольку у них нет общего имущества и нет необходимости обосновывать юридическую причину развода и предъявлять взаимные претензии.

Данная проблема, являясь актуальной, как в нравственном, так и в социальном плане, на современном этапе, требует дальнейшего изучения.

Представления родителей о детях как фактор формирования психологических характеристик детей

О. Баскаева (Москва)

Representation of parents about children as a factor in the formation of the psychological characteristics of children – *O. Baksaeva (Moscow)*

Одной из актуальных тем современной психологии является тема представлений (ожиданий) родителей о детях. Исследования индивидуальных различий сиблингов показывают, что для детского развития эти представления не менее значимы, чем объективные психологические характеристики ребенка. Роль родительских представлений о своих детях в функционировании семьи как целостного организма, являющегося средой развития ребенка, а так же в формировании психологических характеристик детей и в долговременных последствиях для их жизни, нуждается в дальнейшем изучении.

Подход, рассматривающий ребенка как активного участника собственной социализации (Lewin, Bell, Clarke-Stewart & Friedman, Hetherington & Parke, Hoffman, Paris, Hall, & Schell, R. M. Lerner, Shaffer), позволяет утверждать, что во взаимодействии «ребенок – семейная среда», ребенок активно воспринимает и интерпретирует воздействия среды.

Вопрос о том, какую именно интерпретацию дает ребенок представлениям (ожиданиям) родителей о нем и его сиблингах, то есть, каково его восприятие представлений родителей, является весьма важным.

Одним из проводников влияния представлений (ожиданий) на развитие детей признан феномен «самосбывающегося пророчества» (self-fulfilling prophecy), обнаруженный в 60-х годах прошлого века, когда в психологии началось экспериментальное изучение ожиданий учителей и учащихся (Rosenthal, R. & Jacobsen, L.). Было выявлено, что учителя, руководствующиеся в своей педагогической деятельности ожиданиями определенных паттернов поведения со стороны учеников, взаимодействуют с ними способом, который вызывает поведение, подтверждающее эти изначальные ожидания.

Исследования в области представлений сопряжены с теоретическими и методологическими трудностями. Так как ожидания связаны с внутренним базовым состоянием человека (Rokeach) и прямое наблюдение или измерение в данном случае невозможно, мы можем ориентироваться лишь на то, что люди говорят и что они делают. При этом вследствие давления социальных норм существует высокая вероятность социально желательных ответов и поведения. Кроме того, когда исследователь предлагает субъекту сделать выбор из готовых альтернатив, есть реальная опасность, что включая в себя ожидания исследователя, эти альтернативы не отражают в достаточной мере мысли самого респондента.

Для изучения представлений используют опросники, интервью и наблюдение. Ряд исследователей рассматривает точность родительских представлений. Родителей просят дать прогноз успехов своих детей в задании, которое затем предлагается выполнить детям. Результаты тестирования детей сравнивают с прогнозами родителей. Опросники ставят респондента в ситуацию вынужденного выбора на условиях исследователя, то есть респондент должен выбрать из предложенных альтернатив, представленных в форме либо готовых утверждений, либо ответов «да-нет», «верно-неверно», либо кратких описаний. Оценка производится по шкале Лайкерта.

Наблюдение используется как главный метод в единичных случаях, например, в ситуации свободной игры. В основном наблюдение применяется в сочетании с другими методами. Методом исследования представлений родителей о детях, снижающим вероятность получения социально-желательных ответов, а так же влияние ожиданий самого исследователя, является слабоструктурированное интервью или беседы без шкал и связанных ограничениями вопросов.

Материнское воспитание и особенности взаимоотношений между сиблингами

Г.В. Бурменская (Москва)

Mother's parenting and sibling relationship quality — *G.V. Bourmenskaya (Moscow)*

В семейной системе важная роль принадлежит отношениям между сиблингами (братьями и/или сестрами), однако практика консультирования показывает, что современные семьи сталкиваются с множеством проблем в этой сфере (конфликты, соперничество и ревность, проявления агрессии или игнорирование и др.). Какие же факторы обуславливают эмоциональное напряжение и конфликты, широко распространенные среди сиблингов?

Ясного ответа на этот вопрос современная психология пока не дает. Анализ литературы показывает, что в изучении особенностей развития сиблингов доминируют работы, направленные на определение таких факторов, как родительский статус, роль порядка рождения ребенка, общее число детей в семье, их пол, разница в возрасте, а также темпераментальные и индивидуально-личностные особенности детей. Более продуктивным представляется иной подход, в русле которого отношения между сиблингами рассматриваются в контексте родительско-детских отношений и общей атмосферы в семье. При этом, например, прослеживается влияние позитивных детско-родительских отношений на проявление сиблингами положительных эмоций или связь сверхконтроля со стороны родителей с агрессивным поведением в сиблинговых парах.

В нашем исследовании (совместно с Н.В. Царевой и Д.А. Ежковой) изучалась связь особенностей материнского воспитания с характером взаимоотношений между сиблингами. В исследовании приняла участие 32 матери и 58 детей обоего пола в возрасте от 3-х до 12-ти лет. Характер взаимоотношений между сиблингами оценивался с помощью русскоязычной версии Опросника сиблинговых отношений (The Sibling Inventory of Behavior) с учетом шести показателей: 1) общение и сотрудничество; 2) эмпатия; 3) руководство; 4) соперничество; 5) агрессия/конфликтность; 6) избегание. Особенности материнского воспитания в семье определялись с помощью Опросника для изучения взаимодействия родителей с детьми (ВРР). Оценивались такие характеристики воспитания, как степень требовательности, строгости,

контроля, принятия, сотрудничества и др. Дополнительно исследовалось влияние фактора психологического благополучия матерей на основе модифицированной шкалы К. Рифф.

Результаты показали тесную связь четырех показателей гармоничного воспитания матерей (высокое принятие, эмоциональная близость, удовлетворенность детьми и последовательность) с такими позитивными характеристиками взаимоотношений между сиблингами, как преобладание отношений сотрудничества, обучение/руководство и эмпатия. Негативные взаимоотношения сиблингов (агрессия, соперничество и избегание, дистанцирование друг друга) уверенно коррелировали с такими проявлениями дисгармоничного стиля воспитания, как непоследовательность, отвержение, неудовлетворенность матери детьми и др.

При этом высокий уровень общего показателя психологического благополучия матерей сочетался с нормальным уровнем требовательности в воспитании и высоким принятием ребенка, а также со склонностью сиблингов к сотрудничеству и эмпатии. Показано, что психологическое благополучие матери играет важную роль в осуществлении гармоничного воспитания детей. Напротив, одним из существенных источников проблемных взаимоотношений между сиблингами является дисгармоничное воспитание со стороны матери, без коррекции которого нормализация сиблинговых отношений часто невозможна.

Психологическая помощь семье в кризисе

Е.В. Баранова (Москва)

The psychological help for the family in crisis — *E.V. Baranova (Moscow)*

В настоящее время у специалистов психологов, психотерапевтов отмечается высокий интерес к проблеме оказания психологической помощи семье, находящейся в кризисном состоянии. Психологи (И.А. Вальковская, И.Ф. Дементьева, В.М. Целуйко и др.) указывают на кризисное состояние современной семьи.

Все более актуальной становится потребность семьи в профессиональной психологической помощи.

По данным отчета по работе с клиентами Московской службы психологической помощи населению СЗАО г. Москвы за первое полугодие 2011 года, семейные проблемы составили 27,42% среди всех обращений за психологической помощью. Среди них по поводу семейных и супружеских отношений обратились 16,65%, по поводу супружеских конфликтов 7,12%, семейного кризиса 3,33%, измены и ухода партнера 2,3%, развода 1,95%, взаимоотношения поколений 1,95%. По поводу детско-родительских отношений консультировалось 32,72% человек. Среди них по поводу конфликтных детско-родительских взаимоотношений 11,94%, проблем подросткового возраста 8,73%.

- Психологическая помощь – профессиональная поддержка и содействие, оказываемые человеку, семье или социальной группе в решении их проблем, социальной адаптации, саморазвитии, самореализации, реабилитации, преодолении сложной психологической ситуации.
- По мнению некоторых исследователей (Н.И. Олифинович, Т.А. Зинкевич-Куземкина, Т.Ф. Велента) содержание психологической помощи заключается в обеспечении эмоциональной, смысловой и экзистенциальной поддержки семье и ее отдельным членам в кризисных ситуациях.

Роль семьи в формировании адаптационной готовности выпускников школ

А.Р. Вагапова (Саратов)

Family role in formation of adaptable readiness of school graduates — *A.R. Vagapova (Saratov)*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Развитие адаптационных способностей выпускников школы в процессе взаимодействия с образовательной средой» (грант №11-06-00716 а)

Выбор вуза определяет возможности для профессионального самоопределения и является одним из важных моментов в жизни молодого человека. И когда все волнения позади, первокурсник переживает трудности, связанные с адаптацией к новой роли «студент», сопровождающиеся ломкой сложившихся школьных стереотипов. Некоторое влияние на социальную и профессиональную адаптацию оказывает семья первокурсника. Так, обращает на себя внимание факт профессиональной направленности родителей, его влияние на выбор вуза и протекание процесса адаптации. Например, И.Г. Кузнецова вводит термин «студент первого профессионального поколения», такому студенту намного труднее адаптироваться в незнакомой ему ранее информационно-образовательной среде по сравнению со студентами 2-го и 3-го профессиональных поколений, которые «идут по стопам» своих близких. Имея генетическую и приобретенную предрасположенность к определенной и знакомой им по семейной и социокультурной среде профессии, они быстро адаптируются в новой образовательной среде. Трудности у первокурсников, выбравших для себя специальность «педагог-психолог», во многом схожи с таковыми у студентов первого профессионального поколения, так как в нашей стране профессия психолога получила распространение не так давно.

Проиллюстрируем представленные положения некоторыми результатами исследования о роли семьи в формировании адаптационной готовности первокурсников, которое проводилось на базе СГУ им. Н.Г. Чернышевского, в нем приняли участие студенты второго курса (25 человек) специальность «Педагогика и психология». Профессиональная направленность семей следующая: медицина 25%, военнослужащие 25%, промышленное производство 20%, экономика и финансы 19%, сфера образования 12%.

Самым сложным, по мнению большинства респондентов (93%), был первый семестр, отмечают трудности в различных аспектах адаптации (профессиональной, социальной, дидактической). В большинстве ответов респондентов акцентируется внимание на новизне учебных дисциплин, студенты оценивают их с точки зрения полезности в дальнейшей профессиональной деятельности. Родители студентов при обсуждении профессиональных перспектив больше волнуются финансовой стороной (92%) и предлагают иные сферы деятельности (97%), лишь незначительное количество планируют и интересуются работой по специальности.

Студентов и их родителей волнует проблема будущего трудоустройства, которая связана со спецификой данной профессии. Поэтому психологическое сопровождение студентов психологов, прежде всего, должно вестись по направлению оказания помощи в становлении зрелой субъектной позиции, чтобы интерес к профессии перешел в желание работать и стремление быть высококвалифицированным специалистом.

Семейная история как предмет психологического исследования

С.А.Векилова (Санкт-Петербург)

Family history as an object of psychological analyses — *S.A.Vekilova (Saint-Petersburg)*

К концу 20 века в психологии возникло явное осознание кризиса в инструментальных подходах к объективации и измерению психического. Особенно ярко кризис проявился в отношении использования опросников с их ограниченностью и выраженной нормализующей

тенденций. Возник интерес к другим гипотетически более тонким познавательным инструментам, что, в конечном итоге, привело к попыткам исследовать текст, порождаемый субъектом, как наиболее естественную форму объективации психического. В психологии произошло срастание с лингвистикой. Плодотворным итогом подобного синтеза стали психолингвистические исследовательские методы в академической психологии и новые подходы в сфере оказания помощи (нейролингвистическое программирование, эриксоновский гипноз и психоанализ Ж.Лакана). На границе философии, психологии и лингвистики возникло множество подходов к анализу текста и попытке извлечения нового знания из этого синтеза наук.

Текст, порождаемый субъектом, таким образом, является одним из наиболее надежных референтов его способа осмысления реальности, его «логической» матрицы причинно-следственных связей между событиями, на основе которой строится его поведение. Субъективный текст является не только результирующей, итогом проработки опыта жизни, но отражает также специфику индивидуальных фильтров восприятия мира, формы фокусировки, игнорирования, пропусков и усиления, становясь, следовательно, механизмом создания индивидуальной картины реальности.

Семейные истории представляют собой разновидность текста, в котором отражается субъективное восприятие реалий жизни не единичного, а коллективного субъекта – родового сообщества, которому принадлежит рассказчик. Предполагается, что выбор описываемых событий – фильтрация, когнитивные искажения, приписания мотивов поступков, интерпретация исходов – это когнитивные конструкции, которые являются типичными для данного родового сообщества формами осмысления жизни семейного клана. Будучи передаваемыми по вертикали (от старших к младшим) и по горизонтали (внутри представителей одного поколения), они являются отточенными языковыми конструкциями, с помощью которых данное семейное сообщество осмысляет реальность и творит ее.

Типология типов семейных историй может быть проведена на основе выделения доминирующих тем и способов их внутренней взаимосвязи. Первым структурным элементом истории является структура членства: фокусировка на членах родового сообщества в строго определенных ролевых позициях: например, в повествовании доминируют женщины в материнской позиции, либо в дочерней позиции; либо доминирующим элементом структуры являются рожденные дети. Вторым структурным элементом является доминирующие виды активности в соответствующих позициях: репродукция, партнерство, активность социального восхождения, миграционная активность. Третьим элементом является характеристика обстоятельств, с которыми сталкивается семья и типы coping, которые предпринимает семья в попытках справиться с внешними трудностями: бегство, мимикрия, борьба, терпение. Четвертое измерение – темпоральность, связана с временными характеристиками бытия: временем наступления событий и готовностью к встрече с ними.

Генеалогический граф, который иллюстрирует семейный текст и сопровождает его, позволяет получить более объективную информацию, с помощью которой можно провести исследование степени конгруэнтности объективных и субъективных параметров семейного функционирования.

Субъективное отражение особенностей супружеской коммуникации на типе родительских установок

А.Д.Вислова (Нальчик)

A subjective reflection characteristics of marital communication on the type of parental plants – A.D. Vislova (Nalchik)

С целью изучения субъективного отражения особенностей супружеской коммуникации на типе родительских установок мы использовали тест «Характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях», разработанного Ю. Е. Алешиной и Л. Я. Гозманом. Выявлено, что

конфликтность наиболее выражена у супругов с доминантным типом родительства. Высокие показатели конфликтности в зонах ревности, отношения к деньгам и в вопросах, связанных с воспитанием детей, обнаруживаются у супругов с партнерским типом родительских установок. Испытуемые зависимого типа родительства менее склонны к конфликтам.

Для измерения коммуникативно-личностных особенностей и преобладающего стиля супружеских интеракций мы использовали методику диагностики межличностных отношений Т. Лири в адаптации Л. Собчик. Полученные данные свидетельствуют о тенденциях межличностного взаимодействия в зависимости от типа родительских установок и обнаруживают значительные различия практически по всем показателям. Так, по уровню требовательности и уверенности в себе выше показатели у доминантного типа; зависимый тип отличается добросердечием и уступчивостью; у партнерского типа – более мягкие тенденции в интеракциях.

В качестве дополнительной процедуры исследования проводилась диагностика степени выраженности и структуры коммуникативной толерантности/интолерантности испытуемых с помощью методики «Коммуникативная толерантность». Особенности проявления толерантности/интолерантности связаны с типом родительских установок. Высокий уровень интолерантности зависимого типа связан с проблемой адаптации к другим, нетерпимостью к ошибкам и схожестью поведения партнера; наиболее раздражающей для доминантного типа является некоммуникативность партнера по взаимодействию. Оптимальный уровень толерантности в коммуникации характерен для партнерского типа родительства.

Для получения более достоверной информации о характере супружеских отношений и родительских установок, мы разработали специальную анкету и провели две серии опроса: в первом случае на выборке в 683 чел., во втором – 398 чел. Данные испытуемые состоят в браке, имеют детей и представляют валидный срез по национальному признаку. Различия в распределении ответов являются значимыми на уровне 0,05 (критерий χ^2). Чаще всего доминантный и зависимый тип установок демонстрируют родители в возрасте 30-39 лет, партнерский – в 40-49 лет. С возрастом родители становятся опытнее и уравновешеннее, переходят на более конструктивную позицию духовного наставника. Носителями доминантного типа родительских установок чаще выступают женщины, зависимого – мужчины. Показатели партнерства представлены в выборке мужчин и женщин в равной мере. Для мононациональных браков более свойственны доминантный и зависимый типы родительских установок. Уравновешивающими установки различных культур являются межнациональные браки в силу их приверженности партнерству. Принадлежность к разным культурным традициям ставит супругов перед необходимостью согласования позиций, что способствует толерантности. Динамика изменения типов родительских установок прослеживается при анализе их взаимосвязи с возрастом детей: частота проявления доминантного типа падает, зависимого типа – сначала уменьшается, затем возрастает, партнерского типа – увеличивается. Чем старше становятся дети, тем психологически более сильными и гибкими становятся родители, что не позволяет вторгаться в их внутренний мир и в личную жизнь. Зрелость и жизненный опыт делают родителей более компетентными.

Классификация детско-родительских отношений.

М. А. Генгер (Москва)

Classification of parenting. — *M.A. Genger (Moscow)*

В литературе, посвященной детско-родительским отношениям, подробно описаны различные их виды и свойственные им особенности; на сегодняшний день изучены факторы, влияющие на формирование данных особенностей (личность родителей и т.д.); рассмотрено влияние различных видов детско-родительских отношений на особенности развития личности детей (автономию и индивидуацию и т.д.). Однако проблему представляет само определение понятия детско-родительских отношений.

Воспитание ребенка предполагает субъект-объектные отношения, где ребенок является объектом воздействия родителя. Детско-родительские отношения можно определить как процесс взаимодействия родителей и детей, характеризующийся следующими параметрами: 1) Эмоциональный: характер эмоциональных связей (принятие / отвержение и т.д.); 2) Когнитивный: динамичность воспитательной установки родителя (гибкость/ригидность и т.д.); 3) Поведенческий: уровень удовлетворения потребностей ребенка (потворствование / игнорирование); уровень контроля (требовательность / отсутствие требований) и т.д. Целью этого процесса должно являться гармоничное развитие личности ребенка.

Обобщив проанализированную литературу, можно выделить гармоничные и негармоничные типы детско-родительских отношений. К гармоничным относится авторитетный вид детско-родительских отношений; к негармоничным – сверхопекающий (воспитание «к культуре болезни», воспитание по типу «кумира», симбиоз и др. подвиды); авторитарный (воспитание по типу «Золушки», жестокость, повышенная моральная ответственность и др. подвиды); противоречивый (неустойчивый, противоречия в воспитательных установках отца и матери) и попустительский вид детско-родительских отношений.

Семья – духовно-нравственная основа личности

О.У.Гогицаева (Владикавказ)

Family – the spiritual and moral foundations of personality – O.U. Gogitsaeva (Vladikavkaz)

Кардинальные социально-экономические, политические и духовно-нравственные изменения все более настойчиво подтверждают мысль о том, что наше общество вступило в качественно новое состояние, где существующие противоречия представляются весьма сложными и многообразными. Особенно заметно это проявляется в коренной ломке системы ценностей, которая в большей мере отражается в кризисе семьи и семейных отношений.

Семья всегда составляла существенное звено в цепи социального бытия. Жизнь семьи связана с половым и возрастным разделением труда, ведением домашнего хозяйства, взаимной помощью людей друг другу, интимной жизнью супругов, продолжением рода, а, следовательно, воспроизведением народа, воспитанием нового поколения, а также, с духовно-нравственными, правовыми и психологическими отношениями. В семье отдельная личность, поступаясь некоторыми своими особенностями, входит в качестве члена в некое целое.

Семья как первичная ячейка общества и своеобразное средоточие всей совокупности социальных отношений, является важным средством воспитания и сферой формирования духовно-нравственных основ подрастающего поколения. В семье не только закладываются базисные основы, но и оттачиваются грани личности через последовательное приобщение её к вечно живым и непреходящим духовным ценностям, что в свою очередь расширяет возможности для нравственной образованности и воспитанности человека, формирования его мировоззрения и обогащения внутреннего мира. Иначе говоря, семья – это школа воспитания, передачи опыта жизни, житейской мудрости.

В отличие от других воспитательных институтов семья способна воздействовать и, как правило, воздействует на все стороны, грани человека на протяжении всей его жизни. Без преувеличения можно сказать: только то государство имеет будущее, в котором семья окружена вниманием и заботой и рассматривается как высшая первичная ценность государства. И, наоборот, там, где семья предается забвению, где она играет второстепенную роль среди других социальных институтов, у того государства нет, и не может быть будущего, а у народа – перспективы на свое благополучие и процветание.

Любое пренебрежительное отношение к семье ведет не только к снижению ее престижа, но и, как следствие того, к потере духовно-нравственных традиций, формированию эгоистического сознания, потребительского отношения к миру, разрушению гуманитарной сферы отечественного образования. К сожалению, все это – печальные реалии нашей действительности.

В результате происходящих в обществе процессов может затормозиться развитие цивилизации, если не произойдёт ещё более худшего — развитие человечества пойдёт по тупиковому пути. Отсюда очевидна возрастающая роль семьи в формировании духовно – нравственных основ подрастающего поколения.

Дальнейшее укрепление воспитательных возможностей семьи – одно из важнейших направлений оздоровления духовно – нравственного климата в стране.

Важно не просто понять, как функционирует семья в условиях трансформации российского общества, но и увидеть, как общие принципы такого функционирования проявляют себя в различных типах семейных отношений. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос о взаимовлиянии между конкретными проблемами современной семьи и общей характеристикой семейного воспитания, методологией и методикой изучения его эффективности в контексте формирования духовно – нравственных основ личности.

Характеристики межпоколенного взаимодействия в расширенных семьях

С.Ю. Дудина (Кострома)

Characteristics of the interaction of generations in extended families — *S. Dudina (Kostroma)*

На сегодняшний день в практике современной семейной психологии возникла потребность изучения особенностей семей, в которых присутствует и активно участвует в жизнедеятельности семьи третье поколение. Это связано с тем, что в современной ситуации развития общества молодая семья вследствие необеспеченности жилой площадью и высокой занятостью на работе, построением собственной карьеры, вынуждена проживать совместно с бабушками и дедушками (прародителями) и перекладывать часть функций по уходу и воспитанию детей. В нашем исследовании была затронута проблема характеристик взаимодействия в расширенных семьях. По средствам факторизации данных опросника И.М. Марковской «Взаимодействие родитель-ребенок», позволили проанализировать характер межпоколенных отношений в расширенных семьях. В результате факторизации данных были получены 5 групп объединенных переменных, дающие представление о возможных вариантах взаимодействия трёх поколений в семье.

Первый тип взаимодействия был условно назван «конструктивная близость с родителями при благоприятных отношениях с прародителями». Характерна эмоциональная близость ребенка с матерью, проявляющаяся в желании подростка делиться своим внутренним миром, своими переживаниями с ней и готовностью матери в свою очередь воспринимать и адекватно реагировать на проявления чувств подростка. Ребенок знает, что его ценят и любят такого, какой он есть. Он считает себя полноправным членом семьи, его права уважают, считаются с его точкой зрения. Одновременно с этим родители считают себя достаточно требовательными, и возлагают определённую долю ответственности на ребенка за его собственные действия и решения. При этом отношения с прародителями также носят благоприятный характер. Особенно прослеживается участие деда в воспитании ребенка.

Второй тип – «Мужское доминирование» – характеризуется преобладанием взаимодействия ребенка с членами семьи мужского пола. Отец и дед принимают активное участие в жизни подростка, отец уверен в своих воспитательных возможностях, последователен в своих действиях, ребенка воспринимает как полноправного партнёра, дед в свою очередь берет на себя контролирующую функцию, но испытывает некоторую степень тревоги в связи с возложенными на него обязанностями.

В третьем типе взаимодействия – «Партнерские отношения с отцом при минимализации отношений с матерью» – прослеживается скрытый конфликт. При развитых партнёрских отношениях подростка с отцом, они не имеют согласия в определенных жизненных ситуациях, их взгляды и представления о жизни расходятся. При этом наблюдается высокий уровень тревожности у матери, она обеспокоена сложившейся семейной ситуацией.

При четвёртом типе взаимодействия – «Эффективная близость с прародителями при благоприятствовании родителей» – подросток эффективно взаимодействует с прародителями. Как бабушка, так и дедушка стремятся к общению с внуком, активно участвуют в его жизни. Родители также играют важную роль в жизни ребенка: отец выполняет контролирующую функцию.

Пятый тип «Либерализм в отношениях с родителями при минимализме отношений с прародителями» характеризуется большой степенью противоречивости и нестабильности во взаимоотношениях членов семьи. Роль прародителей минимизируется, а родители в свою очередь планомерно стремятся привить подростку самостоятельность, в связи с чем стараются не вмешиваться в дела ребенка, избегают применения строгих мер по отношению к нему. Такой тип взаимодействия может способствовать преждевременной автономизации подростка.

На основании полученных результатов можно говорить о сложных и разноплановых взаимоотношениях в расширенных семьях.

Влияния личностных характеристик супругов на параметры супружеского конфликта в различных сферах семейных отношений

И.Е. Жмурин (Москва)

Influence of characteristics of spouses to parameters of marital conflict in various aspects of family relations
— I.E. Zbmurin (Moscow)

В семейном психоанализе при исследовании супружеских отношений большое внимание уделяется анализу конфликтных отношений в семье (Н. Аккерман, О. Кернберг, М. Николс, А.Н. Харитонов, Д.С Шарфф, Д.Э. Шарфф). Значительное место среди исследований семейных проблем занимают исследования влияния личности супругов на конфликтное взаимодействие между ними, а также специфики этого влияния в сферах семейных отношений.

Целью представленного исследования выступило установление влияния личностных характеристик супругов на параметры супружеского конфликта в различных сферах отношений между ними. В качестве сфер супружеских отношений были определены: репродуктивно-воспитательная, психоэмоциональная, сексуально-эротическая, культурно-досуговая (отдыха), материально-бытовая, духовная (мировоззренческая) и сфера психического здоровья.

В качестве математического метода доказательства влияния личностных характеристик супругов на параметры супружеского конфликта выбран дискриминантный анализ.

В исследовании приняли участие супруги (n=526), из которых 315 мужчин и 211 женщин.

Результаты дискриминантного анализа по личностным характеристикам мужчин позволяют отметить, что:

- мужчины, заявившие о супружеских конфликтах в семи сферах супружеских отношений, различаются по девяти из двенадцати, выбранным личностным характеристикам. Эти личностные характеристики позволяют по уровню их выраженности у мужчин определить, в какой сфере отношений наиболее ярко выражен у них конфликт с супругой, что может выступать прогностическим показателем конфликтности в супружеских отношениях.
- наиболее значимым предиктором, который лучше всего дифференцирует группы мужчин, заявивших о конфликтах в различных сферах отношений, выступает наличие у них внутриличностного конфликта между желаниями и запретами ($p=0,000$). Выраженность этой личностной характеристики, более всего представлена у мужчин, конфликтующих с супругой в материально-бытовой и психоэмоциональной сферах отношений.
- на втором месте, по значимости равнопредставлены две личностные характеристики: наличие у мужчин внутриличностного конфликта между желаниями ($p=0,001$), который более выражен в духовной сфере, и рассогласованность представлений о

реализации собственных потребностей в семейной жизни ($p=0,001$), более выражена в сексуально-эротической сфере.

Результаты дискриминантного анализа по личностным характеристикам женщин позволяет отметить, что женщины, заявившие о супружеских конфликтах в семи сферах супружеских отношений, различаются по большему количеству личностных характеристик (одиннадцать из двенадцати).

Эти личностные характеристики позволяют по уровню их выраженности у женщин определить, в какой сфере отношений наиболее ярко выражен у них конфликт с супругом, что также как у мужчин может выступать прогностическим показателем конфликтности в супружеских отношениях.

Значимыми предикторами, которые более всего дифференцирует группы женщин, заявивших о конфликтах в различных сферах отношений, выступают сразу пять личностных характеристик:

- уровень психического здоровья ($p= 0,000$), низкие показатели которого, более проявляется у женщин в конфликтах в психоэмоциональной сфере;
- преобладание в отношениях негативных, деструктивных чувств (ненависти, вины, гнева, тревоги, зависти и т.д.) ($p= 0,000$), более выражено в мировоззренческой сфере отношений;
- высокая конфликтность, конфронтация, деструктивное взаимодействие с супругом ($p= 0,000$), чаще проявляется в духовной сфере;
- несовпадение полоролевой идентичности с супругом ($p= 0,000$), более представлено в конфликтах в сексуально-эротической сфере;
- несовпадение мировоззрений с родительской семьей супруга ($p= 0,000$), чаще проявляется в конфликтах в репродуктивно-воспитательной сфере отношений.

В качестве заключения следует отметить:

1. Существенное различие мужчин по супружеским конфликтам в разных сферах отношений наиболее явно выражено по уровню внутриличностного конфликта между желаниями и запретами. Высокий уровень нравственного конфликта мужчин, чаще проявляется в конфликтах с супругой в материально-бытовой и психоэмоциональной сферах отношений.

2. Значимые различия женщин, заявивших о конфликтах в различных сферах отношений, установлены по ансамблю из пяти личностных характеристик: уровень психического здоровья, зрелость личности; преобладание в отношениях негативных, деструктивных чувств; высокая конфликтность, конфронтация, деструктивное взаимодействие с супругом; несовпадение идентичности с супругом; несовпадение мировоззрений с родительской семьей супруга. Установленная зависимость показывает, что женщины более гибко различают и задействуют больший потенциал личности в конфликтах с мужем в различных сферах семейных отношений.

Влияние психоаналитически ориентированного просвещения супругов на профилактику супружеского конфликта

И.Е. Жмурин (Москва)

Influence of psihoanaliticheski on prevention-oriented education of spouses of marital conflict —
I.E. Zhmurin (Moscow)

Психологическое просвещение, как вид психологической помощи семьям является наиболее доступным в профессиональном и финансовом плане для супругов из российских семей, хотя и не является достаточно простым для его реализации специалистами.

В проведенном исследовании предложен анализ психоаналитически ориентированного психологического просвещения, а также доказательства его эффективности для решения проблем, возникающих в супружеских отношениях.

Особенностью психоаналитически ориентированного психологического просвещения выступает распространение психоаналитических знаний, культуры о психологии семьи, семейных проблемах и основных способах и методах психоаналитической семейной психологической помощи членам семей.

Общая цель психоаналитически ориентированного психологического просвещения – получение психоаналитических знаний членами семей о психологии нормального и проблемного функционирования семьи, индивидуальной и семейной психологической помощи.

В качестве задач психоаналитически ориентированного психологического просвещения были определены:

получение супругами знаний о нормальном функционировании семьи, генезисе и преодолении, разрешении семейных проблем;

- ознакомление супругов с основными методами психоаналитической семейной психологической помощи и вариантами её получения;
- частичное осознание личных и семейных проблем супругов;
- получение информации о месте нахождения, деятельности специалистов и центров по оказанию специализированной психологической помощи семье.

В рамках системно-информационного анализа супружеского конфликта, в качестве основных элементов анализа были определены: уровень знаний супругов о семье, супружеских отношениях и конфликте между ними; восприятие конфликтной ситуации супругами (как ограничивающей или представляющей относительную свободу в поведении).

Учебная программа психоаналитически ориентированного просвещения была разработана на основе базовых положений системы семейной психологической помощи А.Н.Харитоновой.

Основой содержания материалов для разработки тем учебной программы выступил семейный психоанализ, психоаналитический подход в семейной психологии, психологическом консультировании и психотерапии. В качестве базовых направлений в него вошли концепции представителей отечественного и зарубежного классического и современного семейного психоанализа:

- концепции развития личности (стадии развития в классической инстинкт-теории З.Фрейда, объект-теориях, теории развития Э.Эриксона);
- линии развития ребенка в процессе социализации (А.Фрейд, М.Кляйн, М.Малер);
- теория семейной динамики (Н.Аккерман, М.Николс, М.Уэдделл);
- семейный подход к супружеским расстройством и конфликтному взаимодействию (Н.Аккерман, К.Витакер, О.Кернберг, А.Н.Харитонов, Д.Э.Шарфф и Дж.С.Шарфф);
- теория семейных трудностей, кризисных ситуаций в семейном взаимодействии (Н.Аккерман, С.Кратохвил, О.Кернберг, В.Сатир, В.Томан, А.Н.Харитонов);
- роль межличностных отношений в семье с позиции объект-теории (М.Баллинт, Дж.Боулби, Д.Винникотт, М.Кляйн, М.Малер, Р.Спитц, Р.Фэйрбейрн, Д.Штерн и др.);
- роль факторов культуры, социума, интерперсональных отношений в формировании личности в рамках гуманистического подхода в психоанализе (Г.Салливан, К.Хорни, Э.Фромм).

Результаты изменений в уровне знаний и восприятия конфликтной ситуации супругами фиксировались психодиагностическими методиками, а также проводился анализ рефлексии супругов, произошедших с ними изменений и открытых ответов супругов по авторскому опроснику. Для обработки результатов экспериментального исследования были использованы процедуры сравнительного анализа (Т-критерий Вилкоксона, Н-критерий Крускала-Уоллиса, ω^2 – несмещенная оценка силы эффекта), реализованные в программе SPSS 13.0.

Величина изменений в уровне знаний супругов и восприятия конфликтной ситуации оценена в пределах 8,1-14,9%, что указывает на изменения, обусловленные непосредственным воздействием программы просвещения. При кажущейся незначительности эффекта воздействия, в качестве выводов следует отметить:

- психоаналитическое просвещение позволяет расширить сознательное пространство личности, углубляет взаимодействие бессознательного и сознательного содержания психики, за счет допуска в сознание ранее вытесненных элементов психической

жизни, что является более запускающим (профилактическим) методом, чем методом «моментально» решающим проблемы супругов;

- вместе с тем, психоаналитическое просвещение позволяет передать супругам немедленный опыт, что реализовано в обсуждении отдельных проблем на занятиях и позволяет определить направление дальнейшего решения, стоящих перед ними проблем в семейных отношениях;
- эффективной, по мнению Х.Кэхеле, считается психотерапия, которая непосредственно изменяет 17-22% от всех изменений, которые наблюдаются у клиента (пациента). Это замечание позволяет, учитывая специфику оказания психологической помощи в рамках психоаналитически ориентированного психологического просвещения, оценить его значительное влияние на профилактику супружеского конфликта.

Структура родительских установок женщин

Л.В. Жуковская (Сосновый Бор)

The structure of the parent' attitudes of women — *L.V. Zhukovskaya (Sosnoviy Bor)*

Родительские установки являются самостоятельной категорией при анализе детско-родительского взаимодействия. Установки, выражая готовность субъекта к определенной активности, являются важнейшим механизмом, связывающим личностные структуры человека и его поведение и в наиболее обобщенном виде предстают в виде ценностных ориентаций и жизненных планов.

Необходимость изучения структуры родительских установок очевидна. Различными исследователями предложены сходные оси анализа (E.S. Schaefer, A. Roe, M. Siegelman, M. Gray, L. Steinberg, В.В. Столин, А.Я. Варга, Т.В. Архиреева, Е.О. Смирнова, М.В. Быкова, Л.Н. Костицин).

Проведенное нами эмпирическое исследование уточняет структуру родительских установок женщин. Испытуемыми были девушки и женщины от 15 до 65 лет (средний возраст 36,2 года), всего 510 человек. Использовался опросник PARI (E.S. Schaefer, Q.Bell). Факторизация шкал позволила выделить три фактора (в скобках указана факторная нагрузка каждой шкалы):

Зависимость – свобода (19,4 %). Полюс зависимости характеризуется избыточным вниманием к проблемам ребенка (0.703), поощрением зависимости ребенка от матери (0.690) и от родителей (0.674), замкнутостью интересов матери на семье и воспитании (0.687), подавлением воли (0.673) и сексуальности ребенка (0.649), строгостью (0.643) и жертвенностью родителей (0.641), обереганием ребенка от трудностей (0.581) и властью матери (0.535), подавлением агрессивности ребенка (0.546) и желанием ускорить его развитие (0.455). Противоположным полюсом данного фактора является дистанция в отношениях, независимость ребенка и предоставление ему свободы.

Отвержение – принятие (13 %). Отвержение характеризуется ощущением мучительности семейных обязанностей (0.794), раздражительностью (0.714), желанием меньше общаться с ребенком (0.610), неудовлетворенностью отношениями с мужем (0.488), супружескими конфликтами (0.475), стремлением ускорить развитие ребенка (0.417) и необходимостью посторонней помощи в его воспитании (0.403). Противоположным полюсом данного фактора является принятие ребенка.

Иерархия-равноправие (11 %). равноправие предполагает родительскую готовность предоставлять ребенку возможность высказывать свое мнение (0.784), равноправие (0.775), товарищеские отношения с ребенком (0.565), поощрение его активности (0.557). Противоположным полюсом данного фактора являются иерархические отношения. Вероятно, данный фактор характеризует родительские установки с точки зрения субъектности -объектности: при высокой иерархичности ребенок воспринимается как объект влияния, в то время как равноправие и товарищество предполагают субъект -субъектные отношения взрослого и ребенка.

Таким образом, родительская позиция, как совокупность родительских установок каждой конкретной женщины, располагается в системе координат, задаваемой тремя осями: «зависимость – свобода», «отвержение – принятие», «иерархия – равноправие». Представляется перспективным дальнейший анализ родительских установок женщин по выделенным осям с помощью расчета индивидуальных факторных оценок.

Индивидуально-личностные характеристики подростков из неполных семей

К.Б. Зуев (Москва)

The individual-personality characteristics of teenagers from parent families — *K.B. Zuev (Moscow)*

Изучение развития подростков в неполной семье представляется актуальной задачей, как с теоретической, так и с практической точки зрения. В России распадается значительное количество заключенных браков, причем не только бездетных, но и браков в которых воспитывается один или несколько детей. Естественно в подобной ситуации формируется социальный запрос к психологам на изучение детей из неполных семей. Но интерес к неполным семьям объясняется не только сложившейся социальной ситуацией. В самой психологической науке сложилась парадоксальная ситуация, которая требует пересмотра. С одной стороны детей из неполных семей традиционно рассматривают как неблагополучных, безнадзорных, склонных к девиантному поведению. Такое отношение отразилось в социальном штампе «безотцовщина». С другой стороны Россия находится в русле общемировой тенденции трансформации института семьи и данную тенденцию глупо отрицать, хотя нравственная оценка может сильно розниться. С третьей стороны, семья традиционно остается высокой ценностью для россиян, причем стабильной во времени, в том числе в последние десятилетие. Таким образом, представляется актуальным, как традиционный подход к изучению детей из неполных семей, т.е. изучение психологических особенностей детей, выросших в неполных семьях, так и поиск новых оснований, которые бы отвечали современным тенденциям развития института семьи.

Остановимся на выборке и процедурах исследования. В исследовании были использованы следующие методики:

1. Опросник Родители глазами подростка: только оценка матери (2004). Данный опросник был выбран для изучения осознанных представлений подростков о воспитательных тактиках матери, которые являются составной частью субъективного представления подростков о семье.
2. Проективный тест Рисунок семьи (2003). Тест был выбран для изучения неосознанных представлений подростков о семье, которые так же являются составной частью субъективной картины семьи.
3. Опросник Уровень субъективного контроля (1993), позволяет выявить что человек считает первопричиной событий, происходящих в его жизни – себя или внешние обстоятельства.
4. Суверенность психологического пространства (2005) Опросник направлен на изучение суверенности человека в разных областях, в том числе в семейной.
5. Опросник гендерной идентичности С. Бэм. Опросник позволяет выявить ведущий тип гендерной идентичности.

Выбранные для изучения личностные характеристики подростков отражают именно те уязвимые индивидульные характеристики, которые отмечались авторами как подверженные изменениям при травматических семейных ситуациях.

На основании полученных результатов сформулировать следующие выводы:

1. Выявлена связь индивидуально психологических характеристик подростков с типом родительской семьи (является она полной или неполной).

2. Субъективное восприятие семейной ситуации (как осознанное, так и неосознанное) связано с личностными характеристиками подростков. Показана связь семейной ситуации и субъективного восприятия данной ситуации подростками: степень выраженности представлений о воспитательных тактиках матери, как умеренных (среднего уровня выраженности) становится предиктором усиления выраженности интернальности.
3. Приведенные данные указывают на эффективность совместного анализа типа семьи и субъективного восприятия подростками воспитательных тактик для прогноза индивидуальных характеристик подростков.

Современные обыденные представления о браке и карьере

Л.Е. Киреева (Ростов-на-Дону)

Modern ordinary idea of marriage and career – L.E. Kireeva (Rostov-on-Don)

В последние десятилетия в России в качестве очевидной тенденции фиксируется появление «двухкарьерных» браков, в которых для обоих супругов карьера является главной или одной из главных жизненных ценностей.

Исследования, посвященные данной теме немногочисленны, но актуальны, так как партнеры «двухкарьерного» брака испытывают психологические трудности в связи с особенностями данной формы брака; в свою очередь, специалисты прогнозируют увеличение числа подобных браков вследствие роста значимости таких ценностей, как семья и работа

Нами проведено эмпирическое исследование на основе авторской анкеты современных обыденных представлений о «браке» и «карьере». Опрошено 40 реальных супружеских пар в возрасте от 25 до 40 лет, разных профессий, со стажем брака от 5 до 15 лет. Форма брака стала критерием разделения выборки на две группы: основную (20 пар, состоящих в «двухкарьерном» браке) и контрольную (20 «не карьерных» пар – супруги, главной жизненной ценностью которых является не карьера).

Описывая собственный брак респонденты, максимально часто перечисляют особенности супружества, связанные, прежде всего с его функциями. Так партнеры «не карьерного» брака: 65% мужчин и 90% женщин полагают, что «брак» – это, прежде всего, психотерапевтическая поддержка («взаимопомощь в трудную минуту»), 40% мужчин и 65% женщин – любовь, 10% мужчин и 15% женщин подразумевают единоклассные во взглядах («общие цели», «понимание»), 15% женщин рождение детей и совместное проведение досуга. Для 50% мужчин из «двухкарьерного» брака «брак» – это любовь и единоклассные во взглядах, для 40% психотерапевтическая поддержка и материальное благополучие, 30% указывают на лидерство в семье («муж глава семьи», «личная независимость»). 55% женщин «двухкарьерного» брака предполагают под ним единоклассные во взглядах, 45% любовь и материальное благополучие, 35% психотерапевтическую поддержку.

«Карьеру» мужчины «не карьерного» брака в основном понимают как последовательность должностей, женщины же, как денежный заработок. Мужья «двухкарьерного» брака как достижение и социальный престиж, а жены – обогащение профессиональным опытом, достижение и социальный престиж, увеличение денежного заработка. Кроме того, «смысл карьеры» для 75% мужей и 50% жен «не карьерного» брака – денежный заработок, а для 55% мужчин «двухкарьерного» брака – социальный престиж, 45% женщин видят смысл своей карьеры в самореализации. Совмещающая заботу о семье и карьере, большую часть трудностей испытывают партнеры «двухкарьерного» брака. Для супругов «не карьерного» брака эти трудности связаны с недостатком времени на семью, бытом, отсутствием досуга и заботой о детях, кроме того, для партнеров «двухкарьерного» брака они связаны еще и с физическим напряжением («очень устаю»), психологическими трудностями («чувствую себя виноватой»), конфликтами с партнером («больше не могу терпеть твои задержки на работе»).

В результате несоответствия представлений супругов «двухкарьерного брака» о «браке» с их реальными трудностями при совмещении брака и карьеры, 50% мужчин и 65% женщин хотели бы минимизировать значение своей карьеры, а 65% мужчин и 60% женщин – карьеры своего партнера. Выявленные представления о «браке» и «карьере» дают ориентиры для оказания психологической помощи супругам «двухкарьерного» брака.

Влияние опыта взаимодействия с отцом на воспитательные установки мужчин, имеющих сыновей

М.Е.Ланцбург, А.В.Верчинов (Москва)

The influence of dealing with father on parent's attitudes of men with sons –
M.E.Lantsburg, A.V.Verchinov (Moscow)

Проводилось сравнение родительских установок 30 мужчин в возрасте 22 – 34 лет, имеющих первых сыновей в возрасте 3-10 лет, и их 30 отцов в возрасте 46 – 60 лет. 6 молодых отцов из этой выборки воспитывались в неполных семьях отцами-одиночками.

Опрос проводился в Интернете по модифицированному варианту ОРО Варги А.Я., Столина В.В., АСВ Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса, старшие отцы из полных семей (22 человека) также заполняли опросник семейной адаптации и сплоченности FACES-3 М. Перре. Для статистической обработки использовался коэффициент корреляции Спирмена.

У старших и молодых отцов преобладала доминирующая гиперпротекция. Для этого стиля воспитания характерно повторение молодыми отцами воспитательных установок своих отцов (по типу моделирования). В то же время старшие отцы чаще своих сыновей использовали потворствующую гиперпротекцию, эмоциональное отвержение, жестокое обращение и гипоопеку. У младших отцов при трех последних стилях воспитания в родительской семье отмечена склонность к гиперопеке в общении со своими детьми (по типу компенсации).

В полных семьях имеет место положительная корреляция между установками двух отцов по показателю «эмоциональная близость». Между воспитательными установками отцов-одиночек и их детей отмечена отрицательная корреляция по этому показателю и значимые положительные корреляции по показателям «вовлеченность в воспитание», «принятие интересов и увлечений», «использование наказаний», «преодоление трудностей». То есть, отцы, воспитывавшиеся в полных семьях, в большей степени готовы устанавливать эмоциональную связь с сыновьями, а мужчины из неполных семей, подобно их отцам, берут на себя регулирующие функции.

По методике FACES-3 выявлено, что молодые отцы, воспитывавшиеся в высоко сбалансированных семьях (ВС), демонстрируют положительные корреляции с установками своих отцов по показателям «эмоциональная близость» и «принятие интересов и увлечений». В средне сбалансированных семьях (СС) отмечалась максимальная положительная корреляция по «эмоциональной близости» и отрицательные корреляции по показателям «использование наказаний», «вовлеченность в воспитание», «поддержка», «принятие интересов и увлечений» и «общая оценка отношений». В несбалансированных семьях (НС) отмечена положительная корреляция по установке «эмоциональная близость» и отрицательные корреляции по установкам «поддержка», «принятие интересов и увлечений», «применяемость поощрений», «упреки в неумелости»: старшие отцы реже своих сыновей выбирали три первых установки и чаще последнюю. Таким образом, сыновья, воспитывавшиеся в НС и СС, выбирали более гуманные по сравнению с отцовскими, компенсирующие варианты установок. Однако по методике АСВ между стилем воспитания у старших и молодых отцов из НС отмечена положительная корреляция (коэффициент Спирмена 0,682 ($p \geq 0,05$)), а в СС и ВС не наблюдалось значимых корреляций. Таким образом, молодым отцам из НС, несмотря на их желание, не удастся вырваться за пределы модели воспитания, полученной в семье, в то время как поведение отцов из ВС и НС оказывается более свободным от родительских моделей поведения.

Далее сравнивались установки двух поколений отцов в зависимости от разницы в возрасте между ними. При разнице в возрасте от 17 до 22 лет отмечена положительная корреляция в установках отцов по показателям эмоциональной близости и принятия интересов и увлечений. При разнице в возрасте от 23 до 38 лет отмечены отрицательные корреляции по показателям «использование наказаний», «вовлеченность в воспитание» и «поддержка», то есть отмечен критический настрой относительно установок отцов.

Программа поддержки грудного вскармливания как условие формирования позитивного опыта материнства.

Н.А. Листопадова, Н.Н. Искра (Санкт-Петербург)

Breastfeeding support program as a condition of positive experience of motherhood —
N.A. Listopadova, N.N. Iskra (Saint-Petersburg)

Формирование позитивного опыта материнства, позволяющего обеспечить адекватное развитие личности женщины и позитивное взаимодействие матери и ребенка, зависит не только от психологического опыта и психологических характеристик женщины (Филиппова Г.Г., Мещерякова С.Ю., Авдеева Н.Н.,), но и от особенностей реагирования младенца на материнскую заботу.

Полноценное естественное вскармливание – первое специально организованное взаимодействие матери и ребенка после родов, которое удовлетворяет большинство потребностей младенца: в питании, в тепле, в физическом контакте с матерью, в безопасности. Вскармливая ребенка грудью, мать учится распознавать его потребности и откликаться на них. Именно поэтому мы видим значительный психолого-педагогический потенциал ситуации полноценного грудного вскармливания, при котором мать и ребенок чувствуют себя уверенно и безопасно. Несмотря на важность грудного вскармливания, по данным Росстата за 2010 год всего 35% детей первого года жизни получают материнское молоко.

Исследования в области влияния полноценного грудного вскармливания на формирование позитивного опыта материнства и, как следствие, адекватного психоэмоционального отношения матери к ребенку малочисленны.

Грудное вскармливание – сложный феномен, на который оказывает влияние состояние и характеристики темперамента ребенка во взаимосвязи с психологическим опытом и характеристиками матери. Опыт осуществления грудного вскармливания не только обеспечивает будущие взаимоотношения матери и ребенка, но и влияет на формирующийся у женщины образ себя как матери.

На основе имеющихся в науке данных и собственного опыта авторов было выделено 4 типа психоэмоционального отношения матери к ребенку во взаимосвязи с типом вскармливания:

- **Негативное.** Грудное вскармливание обычно отсутствует в связи с отказом матери или по медицинским показаниям. Матери обычно пренебрегают своими материнскими функциями, обращаются с ребенком жестоко или же отказываются от него.
- **Нейтральное.** Грудное вскармливание присутствует, но носит скорее инструментальный характер. В этом случае матери, как правило, могут кормить ребенка грудью и выполнять часть материнских функций, но эмоционально не включаясь в ребенка, отстраненно и равнодушно.
- **Амбивалентное.** Грудное вскармливание может присутствовать, но матери выполняют свои материнские функции амбивалентно, с резкими изменениями стиля взаимодействия.
- **Позитивное.** Грудное вскармливание присутствует, матери адекватно выполняют свои материнские функции. Как правило, мать с позитивным психоэмоциональным отношением к ребенку, обеспечивает ему телесное взаимодействие, вскармливание в свободном режиме, благоприятную атмосферу для роста и развития.

Созданная нами программа по поддержке грудного вскармливания включает следующие этапы:

- **Диагностический.** Диагностика уровня сформированности позитивного психоэмоционального отношения матери к ребенку.
- **Формирующий.** Сопровождение матери на этапе налаживания или восстановления грудного вскармливания, практическая помощь в организации грудного вскармливания с помощью психолого-педагогической коррекции.
- **Контрольный.** Диагностика уровня сформированности позитивного психоэмоционального отношения матери к ребенку после реализации основного этапа программы.

Реализация программы по поддержке грудного вскармливания позволит осуществить профилактику и коррекцию нарушений материнско-детского взаимодействия, формирование и закрепление у матери позитивного психоэмоционального отношения к ребенку; обеспечит оптимальное развитие личности матери.

Стили семейного воспитания: гендерный аспект

Лидерс А.Г. (Москва)

Styles of family education of fathers and mothers — *Liders A.G. (Moscow)*

Воспитание детей – одна из основных социальных функций семьи. Первичная социализация ребенка реализуется в семье. И.С. Кон определяет родительство как систему взаимосвязанных определенных явлений, включающих: а) родительские чувства, любовь, привязанность к детям; б) специфические родительские роли и нормативные предписания культуры; в) обусловленное тем и другим реальное поведение, отношение родителей к детям, стиль воспитания. Большое значение в воспитании детей имеет то, какой стратегии придерживаются родители в процессе выполнения своих родительских ролей. Если родители воспитывают детей сообща, в единой концепции, без противоречий, поддерживая требования и действия друг друга, то авторитет отца или матери не подрывается в глазах ребенка. Но, в случае, если у родителей отсутствует единая тактика и стратегия в воспитании детей и родители находятся в спорах и конфронтации, дети невольно вовлекаются в такие споры, что негативно сказывается на их воспитании.

Большой интерес представляет гендерный анализ процесса воспитания. детей, они со своей стороны поддерживают мужей реже. Эмпирически были определены проявления различных стратегий взаимных действий супругов в процессе воспитания детей:

- 1) Усилия родителей комбинированы (отец и мать ведут вместе одну линию, помогая и дополняя друг друга);
- 2) В роли помощника матери выступает отец (мать — главный воспитатель, а отец ее поддерживает и помогает ей);
- 3) Отец использует ребенка для того, чтобы показать свое превосходство и свою власть над женой (выражает свое удовольствие, когда ребенок не слушает мать, или открыто не соглашается с ее требованиями и осуждает их);
- 4) Мать «украдкой» разрушает влияние отца на ребенка (в отсутствие отца позволяет ребенку делать то, что запрещает отец, или даже прямо говорит: «Подожди, папа уйдет, и я тебе включу приставку»);
- 5) Мать является посредником между ребенком и отцом (к примеру, когда у ребенка и отца не хватает времени на общение, или когда они не понимают друг друга, или когда ребенок боится разговаривать с отцом, и мама помогает им наладить отношения; здесь важно понимать, что подлинно гармоничные отношения возникают все же при непосредственном общении, поэтому такая стратегия возможна лишь как временное средство);
- 6) У родителей разные цели при воздействии на ребенка (к примеру, мать, жалея плачущего ребенка, волнуется о его сиюминутном состоянии, а отец, относясь к нему строго, заботится о его будущем — когда тот станет взрослым).

Сравнение стилей семейного воспитания отцов и матерей является одной из признанных задач возрастной и семейной психологии (Карабанова, 2008). От стиля семейного воспитания зависит многое в жизни ребенка: его эмоциональное благополучие, развитие когнитивной сферы, самооценка и отношения со сверстниками, целеустремленность, усвоение социальных норм и т.д. Однако, можно уточнить понятие стиля семейного воспитания, отнеся его не только к отдельному субъекту – отцу или матери, – но и к семье в целом (или хотя бы к диаде отец-мать). Это теперь не столько понятие, которое указывает на сферу человеческой жизни, в которой происходит процесс воспитания (семья, а не школа), сколько на совместность, «распределенность» этого процесса (воспитательной функции) между всеми взрослыми членами семьи (чаще – двумя родителями). В этом случае стиль семейного воспитания действительно является характеристикой семьи как целого.

Общая гипотеза исследования: Стили семейного воспитания мужчин и женщин (отцов и матерей) обнаружат существенные различия. Можно детализировать эти различия так: женский стиль – более мягкий, принимающий, более последовательный; мужской – более жесткий, отстраненный, менее последовательный.

Частные гипотезы: а) ССВ отца и матери могут быть или сходны (одинаковы, до конгруэнтности), или различны (от сходства только в некоторых параметрах и различия в других – до полного несходства);

- б) они могут взаимодополнять друг друга, причем как на уровне целостных стилей, составляя собственно семейный стиль, так и на уровне лишь некоторых составляющих ССВ;
- в) ССВ отца и матери могут противоречить друг другу, находиться в конфронтации. В этом случае мы будем не только констатировать различие ССВ, но видеть их противоречивость (противоположность) друг по отношению к другу, в целом или по некоторым существенным параметрам.

Для проверки наших гипотез была выбрана методика «Анализ семейного воспитания» (АСВ) Э.Г.Эйдемиллера и В.В.Юстицкиса. Эта методика широко применяется в практике возрастно-психологических и семейно-психологических исследований, существуют ее модификации. Она давалась отдельно для заполнения отцам и матерям, чаще всего на дом.

Проведенное исследование позволило нам сделать следующие выводы:

1. Гипотеза о различии отцовского и материнского стилей семейного воспитания в целом подтвердилась:

- более мягкими в воспитании оказались отцы – за счет более высоких показателей по шкале С- (недостаточность санкций),
- воспитательная неуверенность отцов больше, чем у матерей,
- мужчины больше матерей отстранены от воспитания (шкала У-),
- профили (репертуар) техник воспитания отцов и матерей практически конгруэнтны,
- главный в стиле воспитания отцов является гипопротекция и потворствование.
- главное в стиле воспитания матерей – гиперпротекция и меньшая выраженность, чем у отцов, гипопротекции, а также предпочтение женских качеств у детей.

2. Отцы и матери имеют разное распределение предпочитаемых стилей семейного воспитания и тенденций к ним: у отцов обнаруживаются стили Эмоциональное отвержение, Жестокое обращение, Гипопротекция и, соответственно, – тенденции к этим стилям. У матерей же самой «популярной» особенностью стиля воспитания является Доминирующая гиперпротекция и тенденция к ней.

3. Гипотеза, что не только существуют различия отцовского и материнского стилей воспитания, но и типичные варианты их взаимоотношений в конкретных супружеских парах, также подтвердилась. Имеются в виду варианты сходства, взаимного дополнения и конфронтации стилей воспитания супругов.

Типы материнского отношения к детям с расстройством аутистического спектра (РАС)

А.М. Макаров (Москва)

Maternal attitude types to children with autism spectrum disorders (ASD) — *A.M. Makarov (Moscow)*

Направление образовательного процесса в сторону инклюзивности, введение в образовательную среду категории детей, признаваемых ранее необучаемыми, ставит перед психологами и педагогами задачу адаптации данной категории детей к школьной среде и в целом к социуму. В связи с этим на базе специальной (коррекционной) общеобразовательной школы VIII вида (Москва) нами было организовано исследование адаптационных возможностей детей с РАС к социуму и роли семьи в этом процессе, в частности роли матери.

Матери часто не осознают своих проблем, тем самым создают значительные трудности в коррекционной работе с детьми. Травмирующим фактором, влияющим на эмоциональный статус родителей, является нарушение способности ребенка к установлению адекватного контакта с окружающим социумом и с ними лично. Родители тяжело страдают из-за отсутствия потребности у ребенка адекватного контакта (прижаться, приласкаться к матери или отцу, посмотреть им в глаза, побеседовать).

Комплексный системный подход отводит родителям основную роль в индивидуальном становлении, воспитании и обучении ребенка, а в данном случае отводит матери главную роль в процессе коррекции детей с РАС. Совместная, общая и взаимная деятельность по изменению обстоятельств жизни ребенка является фундаментом успешной коррекционной работы.

Отношение матери к ребенку зависит от сочетания и степени проявления переменных: симпатия-антипатия, уважение-пренебрежение, близость-дальность. Анализ выраженности и сочетания этих переменных дает понимание реальной позиции матери по отношению к аутичному ребенку. В основе этой позиции лежит сознательная или бессознательная оценка ребенка, которая проявляется во взаимодействии с ним.

Основываясь на сочетании этих переменных, можно описать некоторые типы отношений матери к аутичному ребенку и разработать рекомендации по адекватному восприятию, его воспитанию и обучению:

1. Созидательный – Партнерское содействие (симпатия, уважение, близость).
2. Отложенный – Любовь на расстоянии (симпатия, уважение, дистанция).
3. Жалостливый – Партнерская жалость (симпатия, неуважение, близость).
4. Снисходительный – Снисходительное дистанцирование (симпатия, неуважение, дистанция).
5. Отверженный – Отвержение (антипатия, неуважение, дистанция).
6. Отстраненный – Отверженное уважение (антипатия, уважение, дистанция).
7. Вынужденный – Пренебрежительная любовь (антипатия, уважение, близость).
8. Обвинительный – Преследование (антипатия, неуважение, близость).
9. Презрительный – Презрение (антипатия, неуважение, дистанция).

Адекватное поведение матери основывается на реальной оценке ребенка, на умении увидеть, понять и уважать его индивидуальные особенности. Мать аутичного ребенка должна направить свои усилия на обеспечение грамотного ухода, включающего в себя элементы развития, воспитания и образования. Действия матери ориентированы на достижение главной цели – максимально возможно привить навыки самообслуживания и способствовать социализации ребенка в обществе. Реалистичность предъявляемых требований к ребенку, информированность о возможных изменениях его состояний и знание методов и способов реагирования дают возможность формировать условия для развития и адаптации аутичного ребенка. Психокоррекционная и воспитательная работа включают в себя оказание психотерапевтической помощи матери аутичного ребенка в вопросах принятия сложившейся ситуации, отказа от «тревожных и черных мыслей», построения оптимистической «картины будущего», борьбы с депрессивными настроениями, планированием времени и сил, распорядка дня, разработки индивидуальных комплексов психогигиены.

Эмпирическое исследование особенностей и отклонений в семейном воспитании детей-подростков.

И.В. Малич (Одесса)

Empirical research into peculiarities and deviation problems in family upbringing of teenagers —
I.V. Malich (Odessa)

Значение семьи в современном обществе неоспоримо. Однако на протяжении последних десятилетий институт семьи переживает кризис, который связан с кардинальными изменениями во всех сферах жизни общества. Тенденций развития современной семьи в странах бывшего СНГ имеют преимущественно негативный характер. Именно поэтому исследования проблематики семьи становятся актуальными и количество их постоянно растет. В психологии этими вопросами занимались такие ученые, как: Андреева Т.В., Алешина Ю.Е., Бурменская Г.В., Варга А.Я., Гозман Л.Я., Гарбузов В.И., Дружинин В.Н., Захаров А.И., Иванова Л.М., Карабанова О.А., Калмыкова А.Н., Ковалев С.В., Навайтис Г., Сатир В., Смехов В.А., Смирнова Е.О., Столин В.В., Спиваковская А.С., Титаренко В.Я., Торохтий В.С., Эйдемиллер Э.Г. и др.

Наше эмпирическое исследование было направлено на выявление особенностей и отклонений в воспитании в семьях с детьми-подростками (14-15 лет), всего 38 семей из г. Одессы. Были использованы такие методики: методика АСВ Эйдемиллера Э.Г., Юстицкиса В. и методика ДРОП О.А.Карабановой и П.В.Трояновской.

Мы получили следующие результаты. Из 100% обследованных семей только 18,75 % не имеют отклонений в воспитании, т.е. имеют гармоничный стиль воспитания. 81,25% семей имеют определенные отклонения, из них 50,48% имеют комплекс отклонений. Нами были выявлены два типа негармоничного воспитания: у 25% семей – «доминирующая гиперпротекция», у 5,5% – «потворствующая гиперпротекция». В нашем исследовании были выявлены такие особенности семейного воспитания подростков: 1. Наиболее часто встречается средний уровень протекции, у трети семей – гиперпротекция. 2. Потребности ребенка удовлетворяются преимущественно на среднем уровне. 3. В семьях среди отклонений в воспитании преобладают завышенный уровень протекции при недостаточности требований, запретов, санкций, вдвое реже встречается их завышенный уровень.

По методике ДРОП мы можем говорить о высоком уровне неудовлетворенности подростков отношениями с родителями (у 57,8% детей).

Наиболее часто подростки неудовлетворены: 1) уровнем эмпатии (результаты ниже возрастной нормы у 64,7% подростков, средние значения по группе также ниже нормы); 2) большой эмоциональной дистанцией с родителями (41,2% подростков, средние по группе также ниже нормы); 3) уровнем их сотрудничества с родителями (неудовлетворенность отмечают 70,5% подростков, среднее ниже нормы); 4) давлением в ситуации принятия решений (его отмечают 47% подростков, среднее ниже нормы); 5) уровнем поощрения автономности подростков (52,9% подростков отмечают неудовлетворенность, среднее ниже нормы). Следует отметить, что представления родителей и подростка о детско-родительских взаимоотношениях, о семейном воспитании часто не совпадают, при этом подросток оценивает их более строго, удовлетворенность отношениями у него более низкая.

Наши результаты говорят о том, что современная семья имеет много проблем, решение которых требует специализированной психологической помощи и в плане диагностики, и в плане коррекции недостатков и отклонений в семейном воспитании. А семья как важнейший социальный институт требует всесторонней поддержки со стороны государства и общества, потому что только здоровая, гармоничная семья может воспитать гармонично развитую личность, которая станет основой здорового общества.

Особенности социально-психологической адаптации замещающих родителей

Р.А. Нагоева (Ростов-на-Дону)

Features of socio-psychological adaptation of host parents — *R.A.Nagoeva (Rostov-on-Don)*

На наш взгляд научная трактовка особенностей социально психологической адаптации замещающих родителей является недостаточно проработанной. Однако практика, опережающая теорию, предлагает разнообразные программы, направленные на успешный процесс адаптации замещающих родителей, в которых представления об этом важном феномене замыкаются на эффективности подготовки взрослых к возможным трудностям, связанных с приемом ребенка-сироты в семью.

Процесс включения детей-сирот в семью как известно, влияет на внутреннее пространство семейной системы, меняя её границы, иерархию и отношения внутри семьи. Замещающие родители, как правило, переживают кризис, связанный с появлением ребенка-сироты, меняющего их прежний жизненный уклад.

Замещающая семья при формировании как единая для супругов структура является неустойчивой, так как часто различающиеся взгляды на данный феномен могут сопровождаться периодическими конфликтами внутри семейной системы. По мнению Л.Н.Большаковой, появление ребенка-сироты в замещающей семье может вызвать изменения семейных ролей или устойчивых функций каждого отдельного члена семьи; нарушения взаимодействия; изменения стиля эмоциональной коммуникации и степени открытости выражения чувств в семье; распределения заданий в семье; изменение процессов совместного обсуждения и осмысления особенностей взаимодействия членов замещающей семьи.

Отечественные психологи и социальные педагоги отмечают, что адаптация замещающих родителей к новой социальной роли протекает в несколько этапов: знакомство друг с другом, которое сопровождается идеализированными ожиданиями; эмоциональное напряжение; отвержение или негативное отношение к принятому ребенку; осознание взаимной связи; депрессивное состояние замещающих родителей, связанное с осознанием ими проблем, возникших из-за появления ребенка; принятие проблем и как результат формирование новой семейной системы. В.Н.Ослоп, А.Б.Холмогорова полагают, что некоторые этапы неминуемы и обязательно должны быть пройдены для формирования прочных отношений между ребенком и замещающими родителями. Дальнейшее движение семейной системы по стадиям жизненного цикла аналогично обычной семье с растущими детьми, с присущими им кризисами подросткового возраста.

Очевидно, что появление ребенка-сироты в замещающей семье будет влиять на характер её функционирования, изменяя роли и связанные с ними отношения. В свою очередь, Л.Н.Большакова считает, что особенности и характеристики базовой семьи в значительной мере характеризуют ее адаптивный потенциал. Кроме того, автор считает, что отсутствие противоречий в общении, открытое циркулирование информации в замещающей семье и возможность открытого обсуждения проблем и всего происходящего способствует скорой и успешной адаптации замещающих родителей. Неблагоприятными же для адаптации является паттерны общения, при которых критика доминирует над похвалой.

Особенности адаптации замещающих родителей зависят от многих причин, которые могут быть связаны с особенностью замещающей семьи, личной готовностью каждого замещающего родителя, а также характером и поведением ребенка-сироты. Системный подход позволяет рассматривать семью в том числе и замещающую как целое, а проблемы отдельных членов семьи как результат нарушения их взаимодействия. Нам представляется, что выявление особенностей социально-психологической адаптации в значительной мере будет способствовать профилактике и коррекции социально-психологических трудностей адаптации замещающих родителей.

Психологическая безопасность личности в постразводной ситуации

И.И. Пацакула (Калуга)

Psychological security of personality in the post-divorce situation — I. Patsakula (Kaluga)

Психологическая безопасность участников взаимодействия в постразводной ситуации проявляется в их способности сохранять устойчивость в конфликтной, психотравмирующей среде, в сопротивляемости деструктивным внутренним и внешним воздействиям. До сих пор можно считать открытым вопрос, насколько личность стремится (осознанно или на уровне бессознательных установок) выстраивать свое поведение таким образом, чтобы снижать уровень исходящих от себя угроз и «профилактировать» внешние опасности; насколько она способна формировать чувство уверенности в собственных силах для решения возникающих проблем. Насколько современный россиянин руководствуется и готов совершенствовать свой духовный, нравственный потенциал, каковы мотивы, побуждающие человека к жизнедеятельности в традициях взаимопомощи, участливости, милосердия и поведения, не допускающего проявления агрессивности, жестокости.

Проведенное нами исследование имело целью выявление сложившихся отношений к семейным ценностям у родителей с различной ситуацией семейного взаимодействия (проживание в браке или находящиеся в ситуации развода), что позволило отразить нормы, определяющие взаимодействие субъектов, особенности их взаимоотношений и вариативности поведения в постразводной ситуации. В пилотажном исследовании приняли участие 54 испытуемых, состоящих в браке (27 мужчин и 27 женщин), имеющие несовершеннолетнего ребенка и 43 испытуемых, находящихся в ситуации развода, имеющие несовершеннолетнего ребенка. В качестве основного метода сбора информации выступила вербально-проективная методика «Анализ постразводной ситуации», которая представляет собой проективное психодиагностическое задание, описывающее постразводную ситуацию на примере отношений, сложившихся в одной из российских семей.

ответы позволяют нам оценить типичное поведение опрошенных в конфликтном взаимодействии. В ответах опрошенных, проживающих в браке и находящихся в ситуации развода, различий выявлено не было. В большинстве случаев представляется неконструктивная стратегия поведения в конфликте. Диалог, поиск оптимального решения проблемы – это та внешняя и внутренняя работа, которую готовы проделать лишь незначительная часть респондентов. Не каждый россиянин в настоящее время готов противостоять трудностям и имеет на это ресурс. В постразводной ситуации большинство опрошенных демонстрирует разрушительное поведение не только по отношению к участникам взаимодействия, но и себе. Особенно разрушительны те эмоции, которые испытывают в сложившейся ситуации родители: обиды, агрессия друг на друга, злоба, ненависть, досада, злорадство, гнев. В этом смысле поведение опрошенных оказалось предсказуемо. Сложным для респондентов был поиск причин конкретной постразводной ситуации, они были сведены либо к фиксации эмоционально окрашенного поведения мужчины и женщины, либо к поиску третьего лица, совершенно не участвующего в сложившейся ситуации. Большинство респондентов подвергали оценке личностные особенности конфликтующих, рассматривая то, что действия продиктованы их качествами.

Исследование показывает, что в обществе необходимо создавать позитивное отношение к семье и семейным ценностям, систему психологической подготовки молодежи к супружеству и сознательному родительству. Это психологическое сопровождение важно и на этапе распада брака для предотвращения разрыва отношений родителей и их детей.

Исследование проводилось при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Калужской области. Грант № 11-16-40001а/Ц «Социокультурные особенности постразводного родительства (на примере жителей Калужского региона)».

Развитие автономии личности в контексте детско-родительских отношений

Н.Н. Поскребышева (Москва)

The development of autonomy personality in the context of parent-child relationship —
N.N. Poskrebysheva (Moscow)

Проблема автономии личности представляет значительный интерес – как в понимании специфики подросткового возраста, так и в более широком контексте психологии развития. С одной стороны, значимость развития автономии, самостоятельности, саморегуляции, суверенности для подросткового возраста сложно переоценить; с другой стороны, существует определенный дефицит средств для изучения подростковой автономии, также отсутствует единое понимание сущности и структуры этого личностного конструкта.

Теоретический анализ показал возможность выделения двух направлений в исследовании автономии: первая рассматривает автономию как проявление личностной зрелости (и в этом смысле рассматривает подростковый возраст как этап развития автономии), вторая концентрирует свое внимание на определенных социальных контекстах как условиях становления автономии (в фокусе внимания непосредственно подросток и его социальная ситуация развития). Возрастно-психологический подход и учение о структуре и динамике психологического возраста открывают новые перспективы в исследовании развития автономии, позволяя выявить роль и значение контекстов социальной ситуации развития в становлении личностной автономии и ее компонентов.

Для анализа условий становления автономии личности подростка было проведено исследование (диссертационное исследование под руководством проф., д.п.н. Карabanовой О.А.), которое позволило выявить значимые для развития автономии характеристики детско-родительских отношений (ДРО). В исследовании приняли участие 455 подростков 13-16 лет.

Было подтверждено традиционное предположение о негативном влиянии чрезмерного контроля, строгости и директивности родителей на развитие автономии подростка (гипотезы нашли свое статистическое подтверждение в результате корреляционного и кластерного анализа). Относительно новым результатом проведенного исследования стал вывод о том, что сотрудничество в ДРО является благоприятствующим фактором для развития автономии; эмоциональная дистанция, напротив – негативно сказывается на становлении автономии подростка. Утверждение о положительном влиянии ослабления эмоциональных связей на развитие автономии довольно часто встречается в теоретических источниках психоаналитического характера и зачастую принимается современными исследователями. Полученные данные свидетельствуют о неправомерности такого рода суждений.

Выявлены различия в степени чувствительности эмоционального, когнитивного, поведенческого, ценностного компонента автономии к определенным характеристикам ДРО у подростков. В качестве условий развития эмоциональной автономии (понимаемой как самостоятельность в эмоциональной оценке и независимость собственного эмоционального состояния, способность дифференцировать и вербализовывать эмоции и чувства) выступают принятие со стороны родителей, эмоциональная близость, сотрудничество, предоставление автономности в ДРО. Развитие когнитивной автономии (самостоятельность в решении мыслительных задач, свобода выбора способов решения, техник и средств) обусловлено интересом к подростку со стороны родителей, автономностью в ДРО, отсутствием чрезмерной опеки. Условиями становления поведенческого компонента автономии (способность управлять практическими и личными делами без внешней помощи) являются определенная эмоциональная дистанция в отношениях с матерью и отсутствие чрезмерного контроля со стороны родителей. Становление ценностной автономии (наличие и осознание ценностей и принципов как собственных, независимость в высказывании собственного мнения) обусловлено автономностью в ДРО, последовательностью воспитания отца.

Психологические особенности принятия отцовской роли.

О.А. Карабанова, М.Л. Романчук (Москва)

Psychological characteristics of father's role taking over — O.A. Karabanova, M.L. Romanchuk (Moscow)

В настоящее время наблюдается возрастающий интерес к проблемам родительства как неотъемлемой составляющей семейной системы и представляющей ее доминирующую подсистему. При всей своей значимости родительство как психологический феномен исследовано недостаточно.

Психология отцовства – одна из наиболее интересных и наименее исследованных областей психологии родительства, изучение которого в современной психологии занимает особую нишу. В то же время, в последней трети XX века социологи и педагоги всего мира забили тревогу по поводу «кризиса отцовства».

В настоящее время существует большое количество исследований роли матери, влияния материнства на развитие личности женщины и ребенка. Вопрос о роли отца в развитии ребенка, его воспитании и социализации, различные аспекты роли отца мало изучены как в отечественной так и в зарубежной психологии, хотя являются актуальными и практически значимыми при составлении программ психологического сопровождения семьи.

Целью нашего исследования стало изучение психологических особенностей и закономерностей становления родительской позиции отца.

Анализ литературных источников позволил установить, что становление отцовства представляет собой сложный процесс, имеющий определенную динамику и стадийность, реализуемый в пространстве вариантов формирования отцовской идентичности.

Мы предположили, что процесс становления отцовства происходит в форме психологического кризиса, где ключевым моментом становится принятие роли отца и перестройка мотивационно-смысловой системы личности.

В проведенном нами эмпирическом исследовании приняли участие 34 молодых отца (мужчины, чей опыт отцовства не превышает 4 лет), в возрасте от 23 до 39 лет.

Для достижения целей исследования применялись следующие методики:

- Методика семейной социогаммы.
- Опросник «Шкала удовлетворенности родительством» (С.F. Halverson & Н.P. Duke).
- Разработанная нами проективная методика — сочинение «Как я стал отцом» (на базе проективной методики «Незаконченные предложения»).
- Опросник удовлетворенности браком В.В. Столина.
- Метод построения семейной генограммы.

Полученные результаты дали возможность выделить два основных варианта принятия отцовской роли:

- Благополучное становление позиции отца. Характеризуется позитивной оценкой произошедших событий, эмоциональной значимостью новой роли, стремлением к реализации себя в новом статусе, что выражается в активном включении отца в заботы о жене и ребенке, в процесс его воспитания.
- Проблемное становление позиции отца. Характеризуется, в первую очередь, трудностями осознания и принятия себя в роли отца и новой семейной ситуации в целом. Сложности в процессе становления могут быть вызваны как личностными особенностями мужчины, так и обстоятельствами, в которых разворачивается кризис формирования отцовства.

Выделение параметров процесса становления отцовства при анализе результатов авторской проективной методики позволяет выделить существенные особенности прохождения мужчинами кризиса становления отцовства. Такими параметрами стали: общий эмоциональный фон, характер супружеских отношений, осознание и принятие отцовства, опыт собственных детско-родительских отношений.

Анализ полученных результатов наглядно демонстрирует, что характер супружеских отношений, опыт собственных детско-родительских отношений и степень удовлетворенности

родительством являются существенными факторами, определяющими процесс принятия отцовской роли.

Отношение родителей к взрослению подростков

Т.Ю. Садовникова (Москва)

Parents relation to teenager's growing – *T.Y. Sadovnikova (Moscow)*

Воспитательная функция – одна из центральных функций современной семьи. Психическое развитие ребенка опосредовано общением и взаимодействием с близкими взрослыми, в первую очередь с родителями.

Теоретическая основа работы – положения культурно-исторической психологии: ориентировочная деятельность как сущностная характеристика психического (Гальперин П.Я.); социальная ситуация развития как объективная позиция ребенка в структуре социальных отношений задает «идеальную форму развития» (Выготский Л.С., Эльконин Д.Б.); ориентирующий образ – «кристаллизует особенности отражения ребенком объективной позиции» (Карабанова О.А.); психологические особенности подросткового возраста (Эльконин Д.Б., Божович Л.И., Поливанова К.Н., Фельдштейн Д.И., Э.Эриксон и др.); «чувство взрослости» как новообразование младшего подросткового возраста (Эльконин Д.Б., Драгунова Т.В.); ориентирующая роль «образа взрослости» в становлении взрослости современных подростков.

Детство и взрослость – понятия культурно-исторические (Л.С.Выготский, Д.Б.Эльконин). В современном быстро меняющемся российском обществе изучение периода взрослости, психологических механизмов взросления является актуальной теоретической и практической задачей (Белинская Е.П.; Новгородцева А.П.; Поливанова К.Н., Курышева О.В.; Сапогова Е.Е. и др.). Свою взрослость подростки стремятся утвердить, прежде всего, в рамках семейной системы.

Цель работы – изучение образа взрослости у подростков и их представлений о своей взрослости в связи с тем, как родители воспринимают взросление детей. Гипотеза исследования: соотношение позиций, как подростка (как субъекта), так и родителя (по признанию взрослости подростка) является фактором, определяющим индивидуальную траекторию взросления подростка. Выборка: 215 подростков 13-17 лет. Методики: модифицированный опросник Курышевой О.В. «Ситуации взрослости»; модификация методики «Незавершенные предложения»; проективная методика «Сочинение» на тему «Конфликты современных подростков с родителями» (Карабанова О.А.).

Представим часть результатов: Подростки выделяют в качестве основных причин конфликтов с родителями: 1).непринятие родителем личности ребенка 2).непризнание родителем желания подростка занять более взрослую позицию в отношениях с родителями. Изучены переживания подростками конфликтов с родителями: Подавляющее большинство подростков (89%) после конфликта с родителями испытывают различные негативные переживания.

Выявлены особенности детско-родительских конфликтов в связи со спецификой представления о собственной взрослости у подростков и позицией родителя по принятию взрослости подростка. В семьях с высокой конфликтностью детско-родительских отношений желание подростка занять позицию взрослого проявляется чаще, родители меньше признают взрослость подростка. Конфликтность, в субъективной оценке подростков, ниже в семьях, где подростки меньше проявляют желание занять позицию взрослого и/или родители признают взрослость подростка. Выявлены возрастные и гендерные особенности формирования образа взрослости у подростков и их субъективных представлений о своей взрослости.

Выделены категории образа взрослости у подростков: нести ответственность (44%), быть самостоятельным (33%), иметь полномочия (8,5%), быть большим и сильным (3,7%), быть состоявшимся человеком (2,2%), быть независимым (5%), иметь свое мнение (1,5%), обеспечить себя (0,75%) и работать (0,75%).

Полученные результаты мы рассматриваем как предварительные и планируем продолжить исследование.

О трансгенерационных процессах в современной российской семье

М.В. Сапоровская (Кострома)

About the trans-generation process in a modern Russian family — *M.V. Saporovskaya (Kostroma)*

Так как поколение является важнейшим структурным компонентом современного общества, установление, поддержание и укрепление межпоколенных связей является необходимым условием его прогрессивного развития. Являясь одним из видов межколенной связи, трансгенерационная связь обеспечивает интегративные процессы в семье, и рассматривается нами как один из факторов развития современной семьи.

Трансгенерация (или «социальное наследование») – разновидность социальной межпоколенной связи в семье, основанной на передаче и приеме информации и опыта в направлении от предков к потомкам. В процессе межпоколенной трансгенерации формирование и развитие нового опыта (в широком значении) потомков происходит на основе предшествующего и передающегося из поколения в поколение опыта предков.

Мы выделяем два типа межпоколенной трансгенерации – «межпоколенное воспроизводство» и «межпоколенная преемственность». Воспроизводство в данном контексте предполагает воссоздание, повторение потомками опыта предков. Преемственность поколений – это передача и усвоение потомками опыта предков. При этом, собственный опыт потомков не повторяет (не дублирует) опыт предшественников, но содержит некоторые его наиболее ценные и полезные элементы. В основе межпоколенного воспроизводства находятся неосознаваемые механизмы подражания и идентификации. Именно поэтому, при воссоздании потомками опыта предков возможно повторение как конструктивного, так и деструктивного опыта.

Относительно межпоколенной преемственности нами подчеркивается, что потомками учитывается и воссоздается только ценный и полезный опыт предков. Полезность и Осознанность рассматриваются нами как основные критерии, позволяющие дифференцировать понятия Воспроизводство, Преемственность и описать механизмы их функционирования. Польза – ценностное понятие, отражающее положительное значение предметов и явлений в их отношении к чьим-либо интересам. Поскольку интересы выражаются в целях, которые человек преследует в своей деятельности, то полезным считается то, что содействует достижению целей. В строгом смысле польза – это характеристика средств, достаточных для достижения заданной цели. Следуя данной логике, опыт предков будет полезным в том случае, если: он воспринимается и оценивается потомком как пригодный для себя в определенном ситуационном контексте; способствует достижению значимых для потомка целей, т.е. делает этот процесс более успешным; позволяет потомку «сэкономить», восстановить и/или пополнить систему индивидуальных ресурсов. Необходимым условием для того, чтобы какой-либо опыт предков воспринимался потомками как ценный, полезный, является выявление его явного преимущества перед уже состоявшимся или прогнозируемым опытом потомков. Это возможно при условии анализа, осмысления, понимания, потомками опыта предков и рефлексии собственного опыта.

Очевидным является то, что эти процессы невозможны без субъектной регуляции поведения. Поэтому межпоколенная преемственность предполагает избирательное, осознанное, целенаправленное и регулируемое повторение потомками опыта предков, соответствующее критерию субъективной полезности. Воспроизводство исключает компонент осознанности. В том случае, если воспроизводимый опыт предков становится полезным, этот результат не рефлексивируется потомком и не используется им целенаправленно в аналогичных ситуациях.

Понятие «нормальная семья» и его роль при анализе современных семейных моделей

М.В.Селиванова (Санкт-Петербург)

The concept of «normal family» and its role in analyzing of contemporary family models —
M.V.Selivanova (St. Petersburg)

Выделение нормы в системных объектах со сложной структурой, таких как семья, представляется трудной задачей. Однако, несмотря на всю интуитивность, субъективность и относительность нормы, это понятие до сих пор актуально. Анализ понятия «нормальная семья» мы находим у многих исследователей семьи: В.Н.Дружинин, Т.В.Андреева, Э.Г.Эйдемиллер, Л.Б.Шнейдер, Е.Г.Силяева, В.М.Целуйко.

Л.Б.Шнейдер и Е.Г.Силяева подчеркивают важность изучения нормативных семей на современном этапе развития российской семьи, когда семья видоизменяется, приспособляясь к социально-экономическим и политическим преобразованиям. Развитие мыслится как постепенный отказ от традиционных требований к семье и появление новых социокультурных нормативных систем.

Вместе с тем психологи отмечают, что при формировании новых норм исчезли жесткие критерии для оценивания семейного поведения. Например, Н.Н. Посысов говорит о том, что «современная нормативность в большей мере учитывает личностное своеобразие человека и систему его мотивов, чем нормативность традиционная». Однако нельзя сказать, что современная нормативная модель семьи окончательно сформирована. В настоящее время остро стоит проблема нахождения критериев нормальной семьи.

Обобщая взгляды ученых, можно сделать вывод, что в современной психологии единая система критериев «нормальной семьи» находится в стадии становления. Ведется поиск характеристик нормальной семьи, расширяются и уточняются представления об аномальных моделях развития семьи, что делает возможным конкретизацию понятия «нормальная семья».

Среди проблем определения нормы, необходимо выделить соперничество объективных и субъективных критериев нормы. Некоторые ученые признают главенство объективных характеристик семьи, например нормальная семья должна быть полной, другие признают приоритет субъективного критерия (главное в определении нормальной семьи, это внутрисемейная удовлетворенность каждого члена семьи, как аутохарактеристика).

В нашем представлении «нормальная семья» – это некая точка отсчёта, эталон, стандарт, для сравнения с другими вариантами состояния семьи. Это не реальная и не идеальная семья, но некоторый ориентир в оценке конкретной семьи, как среды существования личности. «Нормальная семья» создает оптимальные для личности условия жизнедеятельности, развития и самореализации, и обеспечивает приемлемые формы взаимодействия каждого члена семьи с обществом.

Родители-отцы о своей роли в семье (результаты социологического исследования)

В.П. Светлакова (Омск)

Parents-fathers about their roles in the family (the results of sociological research) — *V.P. Svetlakova (Omsk)*

В последнее время все большее признание получает точка зрения, что участие отца в социализации ребенка — совершенно особый феномен, что отцы больше делают акцент на физическом воспитании, разрешают детям делать что-то более рискованное, меньше упрощают язык, лучше готовят ребенка к жизни. Несмотря на то, что ст. 38 Конституции РФ гласит: «забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей», зачастую на деле этого не наблюдается. В связи с этим актуальным представляется получение реальной картины положения мужчины-отца в современном российском обществе. В рамках данной статьи приводятся некоторые данные

регионального социологического исследования по проблеме изучения роли отца в современной семье среди жителей г. Омска и Омской области, в котором приняли участие 490 родителей – отцов. Так как отец имеет важнейшее значение для развития ребёнка с самого момента рождения, то представлялось важным узнать, какие эмоции испытывал отец, впервые взяв на руки новорожденного. Большинство из опрошенных отцов испытали радость (77 %), более одной трети – восторг (35%), 30% испытали счастье, четверть опрошенных – гордость и только 11,3% испытали испуг. При этом возраст респондентов влияет на испытываемые ими при рождении ребенка эмоции. Отцы, чей возраст до 20 лет, испытали испуг (80% ответивших), у отцов в возрасте 20 – 24 года больше выражены эмоции радости (у 92%), а отцов, чей возраст превышает 30 лет, более выражены при рождении ребенка эмоции радости и гордости (осознанное отцовство). В зависимости от возраста испытуемых была выявлена зависимость планирования рождения еще одного ребенка. Так 86% опрошенных в возрасте 18-19 лет планируют рождение еще одного ребенка, а в группе 35-39 – летних таковых только 26% (против 54% общей выборки). Но при планировании рождения двух и более детей наблюдается обратная закономерность. Так планирует двоих детей в возрастной группе 18-19 лет только каждый пятый, а в возрастной группе 35-39 – летних таковых больше половины (против 38% общей выборки). Важным представлялось выявить, как современные отцы видят свою роль в семье. По анализу ответов на вопрос: «Какие из ниже перечисленных понятий наиболее ассоциируются у Вас с отцовством?» было получено, что для большинства опрошиваемых респондентов это «ответственность» (почти 70%). Среди выделенных групп чувство ответственности наиболее выражено в возрастной группе 30-34 года, а наименее 20-24 года. На втором месте по ассоциации – идет понятия «семья» (62%), на третьем «воспитание» (58%). Причем эта ассоциация наиболее выражена в самой возрастной группе (35-39 лет). Меньше всего ассоциируется у опрошиваемых с отцовством понятие «образование» (20,6%). Причем, чем моложе респондент, тем данная ассоциация менее значима (10% для самой молодой и 27% для самой возрастной). «Материальное обеспечение» ассоциируется с отцовством у 49% опрошенных. В группе 20-24 года, респонденты, которые только недавно вступили в брак и, скорее всего, зависят материально от родственников, это понятие выделили 62% опрошенных. Больших различий не обнаружено в ассоциациях понятий «ребенок» и «дети» (32 и 36% соответственно). Но если анализировать по группам, то почти для каждого второго респондента возрастной группы 35-39 лет семья ассоциируется с понятием «дети» (возможно, в данной возрастной группе не по одному ребенку), а для 59 % 18-20 летних семья ассоциируется с понятием «ребенок». Это можно объяснить тем, что респонденты данной группы имеют одного ребенка и в будущем не планируют иметь больше детей.

Факторы, способствующие и препятствующие вступлению в брак

К.М. Стебунова (Москва)

Factors contributing and indeming marriage — *K.M.Stebunova (Mocow)*

Гипотеза исследования: раннему вступлению в брак способствуют такие социальные факторы как наличие братьев и сестер, семейная традиция раннего вступления в брак, а так же такие психологические факторы, как экстраверсия, эмоциональность, напористость, самостоятельность, склонность к риску, чувствительность и ревнивость. Препятствуют вступлению в брак такие социальные факторы как поздний возраст вступления в брак родных, тяжелая судьба, наличие нерожденных и рано ушедших из жизни родственников, а так же такие психологические факторы как застенчивость, робость, социальная пассивность, чувство собственной незначимости, низкая мотивация, скрытность и самодостаточность. Объект исследования: испытуемые, вступившие в брак до 23 лет включительно и испытуемые от 29 лет, никогда не состоявшие в браке. Цель исследования: выявление факторов, способствующих и препятствующих вступлению в брак. Методики исследования: 16-факторный личностный

опросник Р. Кеттелла (форма А), методика диагностики межличностных отношений Т. Лири, анкета выявления социальных факторов, влияющих на вступление в брак (Стебунова К.М., Зотова Т.В.). Испытуемые, вступившие в брак до 23 лет, склонны к доминированию, властны, неуступчивы, напористы и независимы. Они экстравертивны, общительны, активны, энергичны и предприимчивы, им свойственна социальная смелость, и авантюризм. Испытуемые этой группы чувствительны, эмоциональны, отзывчивы и добродушны. Им свойственна подозрительность и ревнивость. У них повышенная мотивация, они часто бывают беспокойны. В межличностном общении эти испытуемые упрямы, упорны, настойчивы и энергичны. Для них характерен такой социальный фактор как ранний возраст вступления в брак дедушек, а так же пап и мам. Испытуемые, не вступавшие в брак, характеризуются застенчивостью, кротостью, уступчивостью, они часто берут вину на себя, пассивны и нерешительны. Они не уверены в своих силах, робки, легко смущаются в присутствии других, сдержаны и боязливы, предпочитают находиться в тени. Эти испытуемые доверчивы, им часто свойственно чувство собственной незначимости, они легко прощают и доброжелательно относятся к окружающим. Так же можно сказать, что они расслаблены, спокойны, вялы и апатичны, для них характерна низкая мотивация, они самодостаточны и часто бывают скрытны. В межличностном общении эти испытуемые отличаются скромностью, робостью, уступчивостью, эмоциональной сдержанностью. Они способны подчиняться и часто не имеют собственного мнения. Что касается социальных тенденций, то дедушки, папы и мамы испытуемых, не состоявших в браке, как правило, вступали в брак в более позднем возрасте. Таким образом, были выявлены следующие факторы, способствующие раннему вступлению в брак: – экстраверсия – эмоциональность – напористость – самостоятельность – склонность к риску – чувствительность – ревнивость – вступление в брак до 23 лет дедушек, пап и мам; А так же факторы, препятствующие вступлению в брак: – интроверсия – застенчивость – робость – социальная пассивность – чувство собственной незначимости – низкая мотивация – скрытность – самодостаточность – поздний возраст вступления в брак дедушек, пап и мам.

Особенности самоактуализации людей позднего возраста, проживающих в семье

Сердакова К. Г. (Москва)

The peculiarities of self-actualization of the old people in families — *Serdakova K.G. (Moscow)*

Социальная ситуация развития людей позднего возраста имеет ряд специфических особенностей. С выходом на пенсию резко сокращается количество социальных контактов, человек вынужден по-новому оценивать себя, уже не как специалист, на первый план выдвигаются другие качества личности. В ситуации фактического численного увеличения лиц пожилого возраста исследования работы с пожилыми людьми в социальной сфере приобретают особую актуальность. Существуют значимые различия в особенностях эмоционального состояния лиц поздних возрастов, проживающих в различных социальных условиях (дома-интерната и в собственном доме) (Е.Б.Поднебесная).

Преобладание в современном обществе нуклеарных семей часто приводит к фактическому одиночеству пожилых людей. Эмоциональное состояние лиц позднего возраста является одним из показателей качества жизни, психологического благополучия личности. Развитие современной медицины дает возможность значительно увеличить продолжительность биологической жизни, однако вопрос об эмоциональном содержании такой жизни остается открытым. Семья, как многоуровневый динамичный общественный институт, призвана выполнять функцию удовлетворения определённых запросов каждого её члена. Э.Г. Эйдемиллер и В.В. Юстицкий выделяют несколько функций семьи, которые в ситуации семейной изоляции пожилого человека будут фрустрированы: 1) воспитательная (некому передавать накопленный опыт и традиции); 2) хозяйственно-бытовая (неудовлетворённые материальные

потребности); 3) эмоциональная (отсутствие поддержки, эмпатии и любви близкого человека); 4) духовного общения (отсутствие рядом «друга», «идеологического соратника», способного общаться на более высоких, отрешённых от мирских мелочей основах); 5) первичного социального контроля (уход от выполнения социальных норм и коммуникаций); 6) психотерапевтическая (в условиях изоляции пожилой человек будет страдать от отсутствия психологического комфорта и защищённости). Общение в семье есть компенсаторный механизм, который бездействует в ситуации семейной депривации. Потеря семейных ролей имеет негативные последствия для пожилого человека, лишая его, тем самым, возможности социальной и личностной идентичности, может обострить ситуацию вплоть до депрессивных состояний.

В.В. Болтенко отслеживал личностные изменения пожилых людей, находящихся в условиях дома-интерната. Были обнаружены: 1) сдвиг иерархии мотивов в сторону их упрощения и сужения; 2) нивелирование индивидуальности за счёт отмирания приобретённых социальных качеств. Г. С. Абрамовой отмечается, что уход от поддержания социальных коммуникаций может сформировать у пожилого человека в условиях семейной депривации такое состояние, как «эгоистическая стагнация», характеризующаяся равнодушным отношением к своему существованию и отказом от собственной экзистенции и проявлений духа. Однако реализация условий, открывающих возможность самоактуализации, изменяет уровень субъективного одиночества.

Нами было проведено пилотажное исследование взаимосвязи самоактуализации с чувством одиночества у лиц позднего возраста. Были использованы: методика диагностики уровня субъективного одиночества Д.Рассела и М.Фергюсона и тест смысловых ориентаций (СЖО) Леонтьева Д.А. для оценки уровня самоактуализации. Эмпирическое исследование показало:

1. У всех обследованных, особенно у одиноких, на первый план выступает переживание одиночества.
2. Существует связь между интенсивностью переживания одиночества и показателями самоактуализации у лиц позднего возраста как проживающих в семье, так и проживающих отдельно от семьи: при высоком самоощущении одиночества уровень самоактуализации низкий.
3. Различия между теми, кто проживает в семье и отдельно заключаются в том, что наиболее тесная связь у проживающих в семье ($r=-0,75$) наблюдается между уровнем самоощущения одиночества и шкалой, отражающей жизненные цели; у проживающих одиноко – между уровнем самоощущения одиночества и шкалой, отражающей степень удовлетворения самим процессом жизни.

Таким образом, совместное проживание с другими членами семьи, оказывает влияние на систему ценностей и целеполагания людей позднего возраста. Этот сценарий означает субъективное проживание жизненного пути посредством включения себя в жизнь своих близких. Создание условий для проживания людей позднего возраста в семье либо референтной группе является стратегией психологической поддержки пожилого человека.

Супружеское насилие как воспроизведение опыта жертвы

А.И.Ташёва (Ростов-на-Дону)

Spousal violence as the reproduction of victim's experience — *A.I. Tasheva (Rostov-on-Don)*

Отечественные исследования супружеского насилия имеют в основном публицистический характер. Значительно меньше работ посвящено социально-психологическому анализу данной проблемы (А.А.Билинkis, В.П.Левкович, А.И.Ташёва). Нами исследовано супружеское насилие в ростовских семьях: 296 граждан, состоящих в браке в возрасте от 23 до 47 лет; из них 44,5% мужчины и 55,5% женщины, рабочие (15,3%) и служащие (84,7%). Респондентами стали жертвы различных форм насилия в родительских семьях (61,8%) и не имевшие подобного опыта (38,2%); применяющие насилие в адрес партнера по браку (70,5%) и, по их мнению,

не делающие этого (29,5%). Методами исследования стали тесты С.Розенцвейга, Басса-Дарки; опросник «АСО» и авторская анкета А.И.Ташёвой на исследование насилия в родительской и собственной семьях. Статистическая обработка результатов осуществлялась при помощи пакета Статграф (3.0). Полученные результаты свидетельствуют о том, что субъектами различных видов насилия оказались: в 74,9% случаев-мужья, в 25,1%-жены. Под супружеским насилием респонденты понимали любое поведение, направленное на причинение вреда и страданий партнеру по браку. 57,3% считали себя жертвами супружеского насилия. Все опрошенные условно делились на «наильников» и «жертв». Обнаружены положительные корреляционные связи личностных особенностей опрошенных, наличие/отсутствие у них опыта жертвы насилия в родительской и собственных семьях. Лица, характеризующие себя как агрессивные (21,8%) и жестокие (17,4%), статистически достоверно чаще используют физическое насилие по отношению к супругу(-ге) ($r = 0,7123$); проявляют негативные чувства ($r = 0,5483$); у них отсутствует чувство вины ($r = 0,6618$). Им оказались свойственны экстрапунитивные реакции самозащитного типа, т.е. в сложных ситуациях они склонны переадресовывать ответственность за собственные трудности другим людям ($r = 0,7115$). Насильники, приписывавшие себе заниженную самооценку и низкое самоуважение, статистически значимо оказались склонными к зависти и ненависти к окружающим ($r = 0,6137$). Им оказалась свойственна подозрительность по отношению к людям, вплоть до убеждения в интенциональности причиняемого им вреда, т.е. преднамеренном его планировании и целеустремленной реализации задуманного ($r = 0,6395$). Сами они выражали негативные чувства партнеру посредством вербальной агрессии ($r = 0,5837$). Степень включенности в акты насилия в собственных семьях у переживших и непереживших насилие в семьях родителей различно. Так, насильниками статистически достоверно ($r = 0,7291$) оказывались лица, пережившие опыт жертвы в родительских семьях. Многие жертвы родительского насилия привычно воспроизводят опыт жертвы в своих семьях. «Вторичные жертвы» статистически достоверно приписывают себе: физическую слабость ($r = 0,5589$), слабохарактерность ($r = 0,6490$) и неумение постоять за себя ($r = 0,6218$). Жертвы насилия в родительских семьях, приписывающие себе агрессивность, упрямство и склонность к провокациям насилия, статистически достоверно в собственных семьях сами становились насильниками ($r = 0,7313$). Таким образом, включенность супругов в насильственное поведение в браке статистически достоверно предопределяется опытом жертвы, пережитом в родительских семьях, а степень насильственной активности также статистически достоверно их личностными чертами, приписываемыми себе самими и зафиксированными объективно.

Изучение ранних воспоминаний подростков-правонарушителей из дисфункциональных семей

Э.И. Труве (Ростов-на-Дону)

The study of early remembrances of adolescents-offenders from dysfunctional families —
E.I. Truve (Rostov-on-Don)

Актуальность исследования определяется необходимостью проведения профилактической и коррекционно-терапевтической работы с несовершеннолетними правонарушителями. Для повышения уровня социализации, изменения картины мира и получения возможностей для развития и самореализации, подростки-правонарушители из дисфункциональных семей, находящиеся в Центре временного содержания несовершеннолетних правонарушителей, нуждаются в помощи специалиста-психолога в осмыслении и реконструкции истории своей жизни.

Как показывает наш опыт, достаточно продуктивным в этом плане является изучение особенностей автобиографической памяти, особенно ранних воспоминаний как ее составляющих, используя для этих целей метод А.Адлера. По мнению А. Адлера, в ранних воспоминаниях находят выражение базисные жизненные установки человека, основные жизненные трудности и способ их преодоления, содержится фундаментальная оценка человеком самого себя и своего положения.

Подростки, участвовавшие в наших исследованиях, оказались в Центре Временного Содержания Несовершеннолетних Правонарушителей за разные административные правонарушения, побеги из дома, бродяжничество и попрошайничество, проституцию, кражи и мелкое хулиганство. В основном они воспитывались в неполных дисфункциональных семьях с нарушенными детско-родительскими отношениями. Подростки часто подвергались жестокому отношению со стороны близких взрослых, психологическому, физическому и сексуальному насилию. Взаимоотношения в семье у этих подростков носили ярко выраженный деструктивный характер, когда в семье деформирована система взаимодействий между членами семьи, отсутствуют эмоциональная привязанность и солидарность в решении жизненных задач. Как показывают полученные нами данные, пути формирования автобиографической памяти подростков, воспитывающихся в подобных семьях, приобретают деформированный и непродуктивный характер.

Применение метода А.Адлера позволило выявить ряд специфических особенностей, присутствующих мироощущению, внутренним переживаниям и поведению подростков-правонарушителей, тем самым доказывая свою эффективность в изучении данного контингента подростков. Так, для подростков-правонарушителей из дисфункциональных семей характерно явление «исчезающей» истории, свидетельствующее о скудности наличия историй детства вследствие непроговаривания этих историй родными и близкими. Большая часть воспоминаний подростков-правонарушителей связана с негативными событиями прошлого, отражая доминирующую направленность воспринимать и запоминать скорее негативную сторону жизни, чем позитивную. При этом наблюдается выраженная амбивалентность чувств: воспоминания подростков резко переходят от позитивного настроения к негативному, где ребенок испытывает страх, обиду. Значительная часть негативных воспоминаний подростков-правонарушителей связана со страхом смерти вообще, и страхом возможной собственной смерти, в частности.

По результатам контент-анализа ранних воспоминаний можно прогнозировать поведение подростка в будущем. Как диагностическое средство метод А.Адлера позволяет определять проблемные состояния подростка, связанные с нарушением межличностных отношений, представления о жизненных трудностях и способах их преодоления.

Появление животных-домашних питомцев в семье в зависимости от возраста детей

Е.Ю. Федорович (Москва)

The appearance of pets in families depending on the age of children — *E.Y. Fedorovich (Moscow)*

Жизнь современной семьи во всех экономически развитых странах невозможно представить без животных-домашних питомцев (далее – ДП). Более половины семей в США, Великобритании, каждая третья семья в Европе (40% в России) имеют ДП. Хотя ДП присутствуют в проживающих в с/х местности семьях, значимо чаще об образовании «особых», эмоционально значимых взаимоотношениях с ДП, привязанности к ним сообщают респонденты из небольших городских семей. ДП более обычны в семьях с детьми. Большинство хозяев ДП в городах считают их «членами семьи», утверждают, что ДП оказывают им поддержку в кругу семьи. Наша работа выполнена в рамках школы системной семейной психологии, которая рассматривает семью как систему, функционирующую, под воздействием двух законов – гомеостаза и развития; при этом симптоматическая семья это та, в которой тенденция к сохранению статус кво оказывается в силу ряда причин преобладающей. Ранее нами высказывались предположения, что, появляясь в семье, ДП могут становиться элементами семейной системы, и, как и все элементы системы, выполняют функции по поддержанию её гомеостаза. ДП встраиваются в невербальные коммуникационные каналы семейной системы, обслуживающие эмоциональные взаимодействия её членов. В течение 2009-2011 гг. нами проводились анкетирования студентов д/о и в/о отд. ф-та психологии МГУ им. М.В.Ломоносова, относительно

проживающих в их семьях ДП. Кроме того, аналогичное анкетирование проводилось среди клиентов ветеринарного врача и в Интернете. Мы проанализировали возраст ребёнка/детей в семье на время заведения ДП, которого респонденты считали «членом семьи». Для анализа были взяты семьи с 1 ребёнком (7 выборок, $n=340$) и с 2 детьми (5 выборок, $n=135$). Критерий Кендалла показал, что выборки согласованы между собой (P -значение $< 10^{-3}$). Это позволило нам объединить все профили в 2 общих и проанализировать их на наличие пиков частоты заведения ДП в зависимости от возраста ребёнка/детей. Установлено, что значимо максимальные пики частоты заведения ДП в семье с 1 ребёнком приходятся на возраст ребёнка 7 и 13 л. (P -значение = 0,07 и 0,02, соотв.). Тенденция пика сохраняется в возрасте 8 л. Значимые провалы приходятся на возраст 6 и 10 л. В семье из 2 детей выбросы распределения и частоты заведения ДП приходятся у старшего ребёнка в семье на возраст в 15-16 л. ($P < 0,05$), у младшего – на возраст 13 л. ($P < 0,01$). Установлена значимая корреляция профилей для семей с 1 ребёнком и для младшего ребёнка из семей с 2 детьми (P -значение $< 10^{-3}$). Однако, в отличие от семей с 1 ребёнком, в семье с 2 детьми нет пика заведения ДП, когда детям исполняется 7-8 л. Полученные данные, с позиций семейного системного подхода, могут свидетельствовать о неслучайном появлении ДП в семьях. Семейная система стремится сохранить своё актуальное состояние, однако, должна при этом пройти через последовательную смену стадий, что, в значительной степени, связано с рождением и развитием детей. Появление ДП нередко приходится на моменты обострения тревоги, вызванной необходимостью сепарации детей (школьный возраст и подростковый кризис). Т.к. переход на новую стадию жизненного цикла требует от семьи перестройки системы взаимоотношений, некоторые семьи в моменты нормативных стрессов пытаются вернуться к ранним моделям функционирования, либо зафиксироваться на текущем этапе. ДП может стабилизировать семейную систему в периоды её кризисов.

Удовлетворенность браком в контексте семейных отношений и личностных особенностей супругов

М.В.Чумаков (Курган)

Satisfaction of family life, family relations and personal characteristics — *M.V.Chumakov*

Семья является важнейшей составляющей современного общества. Не случайно в последние годы увеличивается число исследований в области психологии семьи. Удовлетворенность супругов различными сферами семейной жизни и браком в целом является важной составляющей семейного благополучия и стабильности семьи. Нами было проведено исследование взаимосвязи ряда параметров семейных отношений, личностных особенностей супругов и удовлетворенности браком.

Для изучения психологических характеристик семьи и удовлетворенности браком использовалась батарея тестов М.Перре. Нами был осуществлен перевод тестов, апробация на русскоязычной выборке и проверка тестометрических параметров.

Субтесты тестовой батареи таковы. Опросник частоты применения родителями наказаний (Deneker, Perrez, Ewert, Moggi). Опросник частоты применения родителями физических наказаний (Deneker, Perrez, Ewert, Moggi). Шкала подавленности родителей из-за семейных обязанностей (Perrez). Шкала толерантности родителей к поведенческим проявлениям ребенка (Perrez). Шкала времени, прошедшего с момента последнего серьезного физического наказания (Perrez). Шкала измерения стресса в повседневной жизни и эмоционального стресса (Perrez, Schoebi, Wilhelm). Шкала удовлетворенности различными сферами семейной жизни (Perrez).

Для исследования параметров эмоционально-волевой регуляции деятельности родителей использовался опросник диагностики волевых качеств личности М.В.Чумакова.

Удовлетворенность браком исследовалась с помощью показателей: удовлетворенность супругов способностью семьи контролировать стрессовые ситуации, распределением

обязанностей в семье, удовлетворенность супругов тем, каким образом обсуждаются проблемы и принимаются решения в семье, удовлетворенность супругов тем, как члены семьи заботятся друг о друге, удовлетворенность супругов атмосферой, которая обычно царит в семье, частота переживания супругами радости, счастья, гордости, удовлетворенности собой.

В качестве показателей неудовлетворенности выступали частота переживания супругами печали, подавленности, тревожности, беспокойства, вины, смущения, сконфуженности, досады, неудовлетворенности, раздражение родителей различными сторонами поведения ребенка.

Испытуемые исследуемой выборки состояли из семей города Кургана и Курганской области. Объем выборки составил 180 человек – родителей детей до 16 лет. В результате корреляционного анализа выявлена связь эмоционально-волевых качеств личности с удовлетворенностью различными сферами семейной жизни. Тенденция к большей удовлетворенности браком супругов с волевыми качествами и стабильной эмоциональностью подтверждается 34 положительными корреляциями ($p = 0.05$ и 0.01). Выявлено, что супруги с выраженными волевыми качествами не склонны к переживанию печали, подавленности, тревожности и неудовлетворенности. Об этом свидетельствуют 14 отрицательных корреляций различных волевых качеств с выраженностью указанных эмоций ($p=0.01$). Супруги с выраженными волевыми качествами чаще переживают эмоции радости (8 положительных корреляций). Как показали наши предыдущие исследования, испытуемые с высоким балом по методике ВКЛ, чаще приписывают супругу переживание радости, что может быть как отражением реальной ситуации, так и проекцией собственных переживаний. Как видно из приведенных данных, в отношении тех показателей батареи тестов М.Перре, которые касаются эмоциональных аспектов семейных отношений, шкалы методики ВКЛ дают довольно согласованные результаты. Испытуемые с выраженными волевыми качествами и высокой удовлетворенностью семейными отношениями реже наказывают своих детей.

Психологическая дезадаптация в семье лиц с алкогольной зависимостью

О.В. Чупрова (Чебоксары)

Psychological disadaptation in a family of persons with alcoholic dependence –
O.V. Tchuprova (Cheboksary)

В настоящее время в отечественной наркологии отмечается явный дефицит научных исследований, рассматривающих дезадаптацию больных с алкогольной зависимостью и членов их семей, в зарубежной же литературе наблюдается рост количества научных работ по данной проблеме. Так, изучение дезадаптации личностей, составляющих именно группу риска являются недостаточными. По этому, данные вопросы требуют особого внимания при реабилитации больных алкогольной зависимостью, при организации психологической помощи людям с алкогольной зависимостью, а так же членам их семей.

Алкоголизм является одним из факторов семейного неблагополучия, т.к. алкоголь влияет не только на личность больного, но и на семейные отношения в целом. Ведь именно, семейное неблагополучие, следствием которого является дезадаптация, т.е. неспособность индивида отвечать адекватным образом на предъявляемые к нему требования, в сложившихся межличностных взаимоотношениях и реализовывать связанные с ними значимые цели при сохранении психического и физического здоровья.

Цель исследования – изучение дисфункциональных психологических особенностей больных алкогольной зависимостью.

Гипотезы: для страдающих алкоголизмом, характерны социальная дезадаптация, неконструктивные стратегии совладающего поведения.

Исследование проводилось на базе Республиканского наркологического диспансера. В состав группы обследованных вошли пациенты стационара, в количестве 15 человек.

С помощью методики Ф. Зимбардо по временной перспективе мы получили следующие результаты: у 5 человек (33), общее пессимистическое, негативное отношение к прошлому. У 5 человек (33%) отмечается фаталистическое, беспомощное и безнадежное отношение к будущему и жизни в целом. Гедонистическое, беззаботное и беспечное отношение ко времени и жизни, а также принятие рискованных решений, предполагает ориентацию на удовольствие, волнение, возбуждение, наслаждение в настоящем и отсутствие заботы о будущих последствиях, неспособность отказаться от получения удовольствия сегодня ради завтрашней награды (или компенсации), стремление жить ради сегодняшнего удовольствия у 3 человек (19,8%). Однако только у 3 человека (19,8%) выявлено теплое, сентиментальное отношение к прошлому и общая ориентация на будущее, поведение в большей степени определяется стремлениями к целям и вознаграждениям и характеризуется планированием и достижением последних.

С помощью опросника Э. Хайма было выявлено, выраженность адаптивных вариантов совладания на когнитивном уровне: неадаптивные у 7 человек (43,75%), у 5 человек (31,25%) относительно адаптивные, и только у 3 человек (18,75%) адаптивные. На эмоциональном уровне неадаптивные у 8 человек (52,8%), и у 4 человек (26,4%) относительно адаптивные, а адаптивные только у 1 человека (6,6%). На поведенческом уровне у 10 человек (25%) относительно адаптивные, у 4 человек (26,4%) неадаптивные, а адаптивные так же только у 1 человека (18,75%). Что свидетельствует выборе пациентами, для разрешения трудных и стрессовых ситуаций, высокоэмоционального напряжения неблагоприятные копинг-стратегии поведения.

Таким образом, накопление знаний о психологических особенностях своих членов семьи, комплексное использование средств и методов психологической коррекции поможет способствовать значительному улучшению взаимоотношений и снижению уровня отрицательных качеств личности, и в следствие снизить уровень дезадаптации, которая проявляется в трудностях во взаимоотношениях, низкой устойчивости к стрессам, сниженной приспособляемости к новым, сложным ситуациям, плохой переносимости конфликтов, обусловленные личностной неразвитостью, снижением и затрагивает всех членов семьи больного алкогольной зависимостью.

Семейное окружение и развитие интеллектуально-творческого потенциала у младших школьников

С.М.Чурбанова, Н.В.Сойлу (Москва)

The family environment and development of intellectual-creative potential in primary schoolers —
S.M. Churbanova, N.V.Soylu (Moscow)

Сохраняется интерес мировой психологической науки к изучению специфики интериндивидуальных (семейное и школьное окружение) различий в психическом развитии ребенка, определяющей его интеллектуально-творческий потенциал (Monks, 1992; Lubart, 2001). В русле проблемы значимости социальной среды как источника психического развития ребенка (Выготский, 1934; Карабанова, 2002), особого внимания заслуживают работы, касающиеся исследования влияния «семейного окружения»: эмоциональной поддержки и когнитивного стимулирования со стороны родителей (Lubart, Lautrey, 1998; Шумакова, 2007). Предметом исследования (выполненного на кафедре возрастной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова) выступило эмпирическое изучение влияния стиля семейного воспитания (АСВ, Эйдемиллер, Юстицкис), фона эмоционального детско-родительского взаимодействия (ОДРЭВ, Захарова), особенностей когнитивного стимулирования со стороны родителей (ТОР, Шумакова) на развитие интеллектуального (WISC, Векслер) и творческого потенциала (МТТМ, Торренс) младших школьников. В исследовании приняли участие 30 учеников 2-го класса, часть из которых обучалась в системе дополнительного образования и 30 родителей детей. По данным корреляционного анализа положительно влияют на параметры интеллектуально-творческого потенциала: оптимальный уровень протекции ребенка, отсутствие чрезмерных требований, запретов и

санкций; благоприятный эмоциональный фон, высокая степень принятия ребенка; когнитивное стимулирование в выборе продуктивных и творческих методов обучения и воспитания, целей развития мышления в обучении. Обнаруженная положительная связь ($r=0,54$, $p<0,05$) между образной креативностью и оценками по шкале «Внесение конфликта между супругами в сферу воспитания» (АСВ) нуждается в дальнейшем изучении.

Современные программы, методы, методики в научно-исследовательской и прикладной психологии

Разработка методики «двойного переворота» для изучения актуалгенеза предметного образа

О.А. Арбекова, А.Н. Гусев (Москва)

Development of the method «double overturn» for research of visual image genesis —

O. Arbekova, A. Gusev (Moscow)

Цель проведенного исследования – разработка методики для изучения процесса формирования предметного образа в условиях инвертированного зрения.

Испытуемые (33 женщины и 37 мужчин) смотрели через инвертоскоп на специально созданную сцену, состоящую из картонной коробки (размером 24*52*31 см), ко дну которой приклеивался игрушечный стол с чашками и тарелками. Коробка переворачивалась на 180 градусов.

Инвертоскоп даёт возможность «столкнуть» чувственную ткань и предметное содержание (Леонтьев, 1983; Логвиненко, 1976). Мы убрали это «столкновение» с целью проверки гипотезы: при совпадении информации от чувственной ткани и предметного значения воспринимаемой сцены объективно искажённая стимуляция воспринимается как неискажённая. Для этого использовалась разработанная нами методика «двойного переворота»: испытуемые смотрели на перевёрнутый макет игрушечной комнаты через инвертоскоп и описывали свои чувственные впечатления от предъявленной сцены.

Ни у кого из испытуемых не возникло предположения, что комната перевёрнута. Установлено, что к переосмыслению образа воспринимаемой ситуации приводит как обращение к тактильной модальности (положить ложку в чашку), так и введение дополнительной зрительной информации (экспериментатор высыпал сахарный песок из чайника, а так как макет комнаты был перевёрнут, то через инвертоскоп испытуемые видели, что сахар высыпается на потолок). В группе, где вначале предъявляли дополнительную зрительную информацию, о перевороте догадались 6 человек из 8, а в группе, где просили выполнить предметное действие – 7 из 8.

Для проверки второй гипотезы о том, что придание личностного смысла одной из составляющих предметного образа (сахарному песку) оказывает влияние на возникновение иллюзий, сахарный песок вводился в ситуацию экспертизы: испытуемым предлагалось предварительное задание: решить задачу с сахарным песком, аналогичную известной задаче Лачинсов на переливание воды в сосудах. Создавалась ситуация успешного (группа «Успех») или неуспешного («Неуспех») решения задачи. Далее испытуемые заполняли опросник и затем через инвертоскоп наблюдали сцену, где сахарный песок сыпался на потолок комнаты. Обнаружены статистически значимые различия в возникновении иллюзий (испытуемые первоначально видели воду или пар, а не сахар) в зависимости от введения предваряющего задания и успешного или неуспешного его решения (критерий хи-квадрат, $p<0,001$). Иллюзии были зафиксированы в группе «Успех» – у 1 человека из 16, в гр. «Неуспех» – у 7 из 18, в контрольной группе (отсутствие задачи) – у 13 из 16.

Выводы:

1. Разработана методика «двойного переворота», позволяющая с помощью инвертоскопа изучать процесс формирования перцептивного образа.
2. При отсутствии конфликта между чувственной тканью и предметным значением перцептивного образа испытуемые не замечают объективного переворота предметной сцены.
3. Для того чтобы подтолкнуть субъекта к переосмыслению зрительной сцены успешным оказывается обращение и к зрительной, и к тактильной модальности.
4. Придание личностного смысла одному из компонент предъявляемой сцены влияет на иллюзорную трансформацию предметного образа в условиях инвертированного зрения.

Формализация проективных техник в условиях интернет-тестирования

Н.Г. Артемцева, Н.Л. Нагибина (Москва)

The formalization of projective techniques in online testing — *N.G. Artyomtseva, N.L. Nagibina (Moscow)*

Развитие компьютерных технологий создало предпосылки для диагностического инструментария нового поколения. Психологи получили при этом новые роли – создателей алгоритмов обработки результатов, которые возможно было бы поручить программисту для реализации компьютерных программ диагностики.

Эта роль хорошо освоена современными психологами в плане опросников, анкет, интеллектуальных задач с правильными и неправильными решениями. Что касается проективных техник – задача усложняется многократно: значительно увеличивается число степеней свободы для испытуемого, качественное и количественное многообразие ответов, вариативность интерпретаций полученных данных, гибкость процедур исследования и т.п.

Одной из самых сложных задач в таких условиях становится формализация процедуры обработки в проективной технике и создание рабочей базы данных, учитывающей максимальные возможности диагностической методики.

Нами предпринята попытка описать алгоритм обработки и интерпретации данных, полученных с помощью Теста апперцепции символов – ТАС, даны рекомендации по созданию базы данных, учитывающей как качественные, так и количественные особенности выкладывания символов. Методика «ТАС» помогает оценить «жизненное пространство» личности, определить ведущие мотивы, стратегии восприятия и мышления, проанализировать взаимоотношения человека с другими людьми, наметить способы разрешения конфликтов, заглянуть в бессознательное, глубже понять личностные комплексы. В частности, нами было проведено кросс-культурное исследование иерархии ценностей одновременно в России (Москва) и в Германии (Берлин). Испытуемые в обеих странах выкладывали символы теста в он-лайн режиме, а компьютерная программа дала возможность не только провести мгновенный анализ результатов, но и ознакомить участников с результатами обеих сторон.

Компьютер позволяет записать все особенности пространственно-временных характеристик выкладывания, выстроить процедуру тестирования так, что человек, выполняющий тест, сам участвует в интерпретации, а там, где у него появляются вопросы, он может обратиться к электронному консультанту.

База данных, которая формируется при многократном выполнении методики разными людьми, позволяет исследователям проверить большое количество гипотез о структуре и содержании бессознательного как конкретного человека, так и отдельных групп испытуемых.

Кроме того, методики могут выполняться в присутствии экспериментатора, который стимулирует активность испытуемого, особенно в самых ключевых моментах. В этом варианте беседа экспериментатора может быть записана в цифровом формате и также храниться в базе данных для более детальной обработки.

Качественные исследования: вызовы классическим методологиям и проблема интеграции в систему методов психологии

Н.П. Бусыгина (Москва)

Qualitative research: challenges to classical methodologies and the problem of integration into the system of methods of psychology — *Boussygina N.P. (Moscow)*

Качественные исследования (qualitative research) – область исследовательской практики в психологии и социальных науках, получившая достаточно бурное развитие в последние десятилетия. Качественные исследования (КИ) характеризуются не только использованием определенного типа методов (преимущественно качественных, а не количественных), но и специфической организацией исследования, характерными чертами которой являются направленность на «плотное» описание случаев, индуктивный характер исследования, предпочтение естественной обстановки, гибкость исследовательских процедур и внимание к повседневному языку и контексту.

Современное направление КИ представляет собой междисциплинарную область исследовательской практики, ее развитие связано с такими дисциплинами, как социология, культурная антропология, психология, педагогика, социолингвистика, коммуникативистика, маркетинговые исследования и др. Междисциплинарная «конституция» КИ значительно усложняет понимание их места в системе методов психологии. Как междисциплинарная методология, КИ ассимилировали ряд специфических моментов, свойственных современным гуманитарным методологиям: феноменологическое мышление, приемы герменевтической интерпретации текстов, техники дискурс-анализа. Нельзя сказать, что классическая психология когда-либо серьезно обращалась к гуманитарным методологиям, поэтому ориентированные на них КИ подчас выглядят «непсихологичными» на фоне основных направлений психологических исследований.

Одним из проблемных вопросов, затрудняющих интеграцию КИ в систему методов психологии, является недостаточно четко отрефлексированное различие между текстом как материалом, с которым имеет дело исследователь-«качественник», и собственно объектом психологических исследований, к тексту не сводимым. Необходимо иметь в виду, что тексты в КИ – это лишь форма представленности данных. И задача исследователя – реконструировать те психологические реалии, которые выражаются посредством текстовых данных. В процессе КИ текстовые данные структурируются в границах дисциплинарного дискурса психологии. Анализ текстов в КИ – лишь инструмент исследования интересующих психолога реалий.

Значение КИ как междисциплинарного проекта для психологии состоит в том, что они, во-первых, легитимируют самостоятельный научный статус описательных исследований в психологии и предлагают арсенал технологических приемов и методов подобных исследований. Во-вторых, КИ развивают индуктивный подход, дополняющий гипотетико-дедуктивную логику экспериментирования, в них предлагается обоснованная методология построения и генерирования теорий, «заземленных» в данных. В-третьих, КИ дают возможность систематического развития герменевтического компонента психологических исследований за счет разработки техник текстуального анализа.

Современное развитие области КИ и их интеграция в систему методов психологии способствуют выходу в такую мета-позицию, которая позволяет в значительной мере проблематизировать разрыв «естественно-научной» и «гуманитарной» психологии и акцентировать тот факт, что сегодня речь должна идти не о глобальных различиях в онтологических и эпистемологических установках, а лишь о различиях в методологических стратегиях исследования, связанных с необходимостью решать различные исследовательские задачи.

Экспериментальная методика изучения ценностных приоритетов молодежи

Г.В. Вержибок (Минск)

The experimental technique of the youth value priorities studying — *H.V. Verzhbyok (Minsk)*

Культура, ценности, идеалы, менталитет выступают регулятором поведения в сфере духовной жизни общества. Взросление в юношеском возрасте характеризуется обретением системы ценностей и жизненных принципов, происходит самоопределение и формирование собственной идеологии. Выполняя функции ориентации в мире социальных норм, эталонов и правил, ценности определяют характер согласования взаимных ожиданий для кооперации и сотрудничества между людьми.

Исходя из диспозиционно-иерархической концепции ценностей В.А. Ядова и трехуровневой модели ценностной системы личности М.С. Яницкого, разработана экспериментальная авторская методика (ЦО-АСИ), выявляющая направленность действий на основе отбора ценностей-индикаторов. Ценности рассматриваются как ориентир и потенциальная направленность действий индивида на включение смыслового значения в осознанный вариант принятия, выступая как избирательное отношение к значимым компонентам.

Опросник отражает выбор респондентами наиболее важных для него ценностей из предлагаемого списка (15 наименований). В результате проведения математико-статистических процедур установлена внутренняя согласованность заданий и ретестовая надежность опросника ($r=0,5-0,7$ при $p \leq 0,005$), что позволяет использовать его в исследовательской работе. При подсчете данных определяется уровень принятия социальных ценностей, отражающий степень осознанности и значимости, и производится соотнесение индивидуальных данных с типом ценностных ориентиров, характеризующий включенность личности в социальную среду.

Характер приоритетности социальных ценностей определяется в виде выстраивания иерархии диспозиций (от базового слоя к наивысшему уровню) на основе пятиуровневой системы личностных предпочтений (переменные и индикаторы, в отличие от текста методики, представлены в обобщающем виде): индивидуально-базовый – безопасность (безопасность, семейственность, обеспеченность); ориентировочно-нормативный – социальность (работа, друзья, статусность); социо-культурный – образованность (образованность, эрудиция, культурность); социально-интегрированный – позиционность (событийность, этничность, альтруизм); активно-деятельностный – гражданственность (престижность, активность, ответственность).

Соотнесение индивидуальных показателей к одной из трех типологических групп производится в виде подсчета суммарного значения и позволяет выявить преобладающий тип ценностных ориентиров социального порядка, где: ценности адаптации выступают как базовая ориентация (защитный уровень, основа – безопасность и конформность, механизм – признание, действие – актуализация ценностей); ценности социализации – ориентация на других (заимствованный уровень, социальная включенность, ориентация на принятые в обществе нормы, принятие, потенциальная активность); ценности индивидуализации – ориентация на себя (автономный уровень, саморазвитие и целостность, осознание, готовность к выполнению реальных действий).

Данная структура характеризует иерархическое строение ценностей (от простого к более сложному порядку осознанности и выбора действий) в виде соотнесения с определенным типом ценностности (АСО), «вершину которой образует общая направленность интересов» (В.А. Ядов). Процесс перехода ценностных ориентаций из внешнего обусловливания и влияния окружения во внутрличностный план в юношеском возрасте еще не полностью исследованы, что расширяет спектр научного поиска в условиях гуманистических преобразований социальной среды, создает условия для развития культурных и нравственных ценностей в молодежной среде.

Проблема идентичности в зрелых возрастах: нарративный подход

А.Г. Грицук, Ф.И. Барский

The problem of identity in adulthood: narrative approach — *Gritsuk, F. Barskiy*

Зрелые возраста всегда представляли особую область в психологии развития. Описание развития человека от рождения до окончания школы по многим причинам менее проблематично, чем описание развития человека совершеннолетнего. Становление личной идентичности, вслед за ранними работами Э. Эриксона, часто постулируется как задача преимущественно подростничества и юности. Однако и сам Э. Эриксон, и более поздние теоретики идентичности рассматривают идентичность как проект, над которым человек работает в течение всей жизни.

В настоящее время проблематика идентичности является одной из наиболее бурно развивающихся областей социальных наук. Э.Эриксон очертил три возможных уровня существования идентичности: глубинный уровень неосознаваемой эго-идентичности, личная идентичность (*personal identity*), которая понимается как система целей, ценностей и убеждений, которую человек реализует в окружающем мире, и социальная идентичность, определяемая как чувство внутренней солидарности с групповыми идеалами. Наряду с широко распространенными исследованиями личной идентичности в модели Дж. Марсиа и его коллег, перспективным для ее изучения именно в зрелых возрастах нам представляется нарративный подход, развиваемый Д. Макадамсом, Г.Й.М. Хермансом и другими.

По Д. Макадамсу, человек организует свою идентичность посредством нарратива, представляющего собой «личный миф», который складывается в подростничестве и пересматривается всю последующую жизнь. Эмпирическая работа Д. Макадамса посвящена тому, каким образом человек интегрирует множественные аспекты своего «я» (например, персонажи) в единую жизненную историю (*life-story*). Эмпирическая работа в рамках теории Д.Макадамса включает анализ сюжетов историй, жизненных тем, а также персонажей – «имаго», и других аспектов жизненной истории. В силу вербальной нарративной основы жизненная история служит идеальным средством для того, чтобы собрать воедино образы «я», жизненные цели и культурные сценарии, при помощи которых человек объясняет прошлое и ориентируется в будущем. Д. Макадамс предлагает критерии, которые могут быть использованы для оценки жизненных историй с точки зрения их вклада в позитивное функционирование человека: 1) согласованность, 2) открытость, 3) убедительность, 4) дифференциация, 5) интеграция, примирение, 6) развитие в направлении генеративности.

В нашем пилотажном исследовании нарративной идентичности в зрелом возрасте интервью о жизненной истории Д. Макадамса (перевод Ф.И.Барского) проводилось с русскоязычными людьми возраста 30-40 лет (15 человек), кроме интервью использовалась шкала психологического благополучия К. Рифф. По результатам качественного и количественного анализа данных можно заключить, что взрослые респонденты, свидетельствующие в самоотчете о высоком уровне удовлетворенности своей жизнью, имеют большую склонность строить свои жизнеописания таким образом, что плохие события в них имеют тенденцию замещаться хорошими последствиями. Вместе с тем, такие люди с большей вероятностью будут иметь ярко выраженную тематическую линию «личной активности». Другими словами, «счастливые» люди чаще рассказывают истории, полные сюжетов саморасширения, самоусиления, самоукрепления, самоовладения и т.п.

Нетнография как качественный метод социально-психологического исследования

О.А. Громова (Москва)

Netnography as qualitative method of socio-psychological exploration — *O.A. Gromova (Moscow)*

Классическая этнография и изучение народов мира методом наблюдения со временем породило модификацию этнографии как качественного метода социально-психологического анализа.

Этнография как качественный метод социально-психологического исследования связывается обычно с направлением символического интеракционизма, в котором предпочтение отдается преимущественно включенному наблюдению, глубинным интервью и документации событий, которая служит средством для изучения эмоционального и субъективного состояния людей.

По мнению Н. Денцина (1979), первым шагом качественного исследования является полное и всестороннее описание феномена в процессе исследования, в связи с чем именно детальность, нарративная природа этнографического исследования наиболее полно отражает позицию исследователя.

Одной из существенных характеристик этнографии является «естественность», т.е. изучение социального мира происходит за счет наблюдения и изучения естественных установок и паттернов поведения. В свою очередь именно «естественность» сбора данных определяет неконтролируемость процесса, поскольку ситуация и характер исследования не всегда позволяют уточнить или подтвердить данные, а дальнейшая эмпирическая работа происходит не с данными, а скорее с эмпирическим материалом.

Зачастую фрагментарный и разнонаправленный характер эмпирического материала затрудняет верификацию этнографических данных, в связи с чем было введено понятие триангуляции, которая обозначает использование различных методов исследования и различных источников данных для оценки эмпирического события, что является своего рода альтернативой валидации.

Вхождение в современное общество информационных технологий и Интернет, число пользователей которого расчет с каждым годом, породило ряд исследовательских подходов для изучения киберпространства, в том числе социо-когнитивный анализ, нетнографию, анализ он-лайн сообществ. Термин нетнография связан с исследованием социально-психологических и когнитивных явлений в Интернет, анализом интерактивных сообществ, социальных сетей, интерактивных сайтов.

Такой тип исследований дает доступ к разного рода информации – аудио, видео, визуальной, текстовой, позволяет изучать как смысловые нагрузки и значения, так и использование символов. Термин «нетнография» ввел Р. Козинец, трактуя его как «интеграцию признанных и инновационных этнографических техник, адаптированных к натуралистичному изучению виртуальных сообществ и их отображения в исследовании».

Как и традиционная этнография, нетнография использует в своем арсенале включенное и не включенное наблюдение, глубинные полуструктурированные кибер-интервью, нарративные техники, имеет дело с естественным и слабо контролируемым течением событий, обеспечивает сравнимый с классической этнографией богатый эмпирический материал, обладает гибкостью, а роль исследователя также имеет одно из ключевых значений.

Нетнография позволяет изучать социокультурные феномены и систему ценностей, отслеживать тенденции социо-культурных феноменов, изучать особенности самопрезентации, стереотипы массового сознания (crowdsourcing), а триангуляция служит одним из средств валидации данных.

Диагностическая технология РОССТЛ в психологическом инновационном аудите менеджмента промышленных предприятий

В.Г. Грязева-Добшинская, В.А. Глухова, П.С. Глухов (Челябинск)

Diagnostic technology ROSSTL in the psychological innovative management audit of industrial enterprises — V.G. Gryazeva-Dobshinskaya, V.A. Glukhova, P.S. Glukhov (Chelyabinsk)

Эффективность развития той или иной культурной системы, сообщества (организации, предприятия) зависит от отношения различных социальных субъектов (субъектов, выполняющих социальные роли в творческой и инновационной деятельности – руководителей проектов, лабораторий) к людям, создающим творческие продукты – поддержка их деятельности, предоставление возможности участия в креативных и инновационных проектах.

Психодиагностическая технология РОССТЛ выявляет отношения субъектов к людям, занимающимся творческой и инновационной деятельностью, включена в программу психологического инновационного аудита менеджмента предприятий для определения эмпирических оснований оптимизации взаимоотношений менеджеров и творцов, инноваторов в проектных командах. Работа поддержана грантом РГНФ № 08-06-00633а.

Диагностическая технология РОССТЛ («Рольевые отношения социальных субъектов с творческими личностями») выявляет толерантность – интолерантность субъектов к типам творцов, к ценностям, социальным ролям, связанными с творчеством и инновациями. РОССТЛ интегрирует возможности психосематического и проективного методов. В ее основе – психосемантический метод Дж.Келли (техника репертуарных решеток). Пространство объектов для оценки (элементы) и пространство шкал оценки (конструкты) задавались как два пространства символов. Элементы – различные типажи современных творческих людей, имеющие мифологическую основу. Конструкты – фразеологизмы, соответствующие основаниям бытия (труд, познание, любовь, господство, жизнь, смерть).

Субъекты выбирают 10 типажей людей на заданные рольевые позиции, такие, как: Я; Руководитель мужчина; Криэйтор; Спасатель в кризисе; Увольняемый мужчина. Далее заполняется репертуарная решетка, в которой 10 элементов (типажей людей) оцениваются по 12 конструктам (созданных из фразеологизмов). Для обработки данных применяется факторный анализ.

Проведены эмпирические исследования толерантности к творческой личности менеджеров промышленных предприятий с разным уровнем инноваций в рамках психологического инновационного аудита.

Результаты исследований на промышленных предприятиях показали возможности технологии РОССТЛ в выявлении степени единства в отношениях субъектов к типам творческих личностей и прогнозировании интеграции творческого лидера, лидера-инноватора того или иного личностного типа.

В организациях с высоким уровнем внедрения инноваций или «прорывной» модернизации выявляются 4-6 типов творцов, которые имеют высокие индексы толерантности и 2-3 типа творцов, которые имеют высокие индексы интолерантности. Это показывает большую степень единства менеджеров-инноваторов в отношении к определенным типам творческих личностей. В организациях с низким уровнем внедрения инноваций или с постепенной модернизацией, большое разнообразие типов творцов с высокими индексами толерантности или интолерантности, что сопоставимо с их дифференциацией для организаций разного типа или для студенческих групп.

Выявленные особенности толерантности к творческим личностям являются основаниями для проведения консультационной и тренинговой работы с группами, проектными командами и организациями.

Диагностика эмоциональных предпочтений в профориентационном консультировании

М.Ю. Дербенева (Санкт-Петербург)

Diagnostics of emotional preferences in career guidance counseling — *M. Derbeneva (St. Peterburg)*

Психологическое сопровождение профессионального самоопределения на разных возрастных этапах является комплексной проблемой. В связи с задачами индивидуального профориентационного консультирования актуальным остается вопрос диагностики индивидуально-психологических особенностей. При работе над научно-исследовательскими проектами РГНФ №08-06-95487а/П и №10-06-00490а мы изучали эмоциональную направленность личности в качестве фактора профессионального самоопределения. Для этих целей на основе анкеты ЭНЛ Додонова Б.И. был разработан и апробирован опросник эмоциональных предпочтений. В настоящей работе мы проанализировали клиентские случаи Центра профессионально-личностного консультирования СПбГУ, в которых данный опросник применялся наряду с известными методами профориентационной диагностики (методика Дж.Холланда, Якоря карьеры Э.Шейна, Личностный опросник Р.Кеттелла). Клиентский запрос состоял в профессиональной переориентации (возраст 18 – 30 лет, всего 25 случаев). На основе корреляционного анализа выявлено, выраженность глорических эмоциональных предпочтений оказалась положительно связана с карьерной ориентацией на менеджмент (значимые эмоции славы и самоутверждения могут быть реализованы в деятельности, связанной с интеграцией и координацией усилий других людей). Выраженность коммуникативных эмоциональных предпочтений положительно связана с ориентацией на служение (значимость коммуникативных эмоций может быть связана с ориентацией на социально значимую работу и помогающую деятельность). Акизитивные эмоции (приобретения и накопления) имеют положительную связь с выраженностью ориентации на предпринимательство, тогда как практические эмоции (деятельности) связаны с данной карьерной ориентацией отрицательно. Соотношение профессиональной направленности и эмоциональных предпочтений выявило, что значимость пугнических эмоций (борьбы и преодоления) положительно коррелирует с выраженностью реалистического, исследовательского и конвенционального профессиональных типов. Значимость романтических эмоций положительно связана с исследовательским и артистическим профессиональными типами. Значимость гностических эмоций положительно связана с ориентацией на конвенциональную профессиональную среду. Значимость акизитивных эмоций положительно коррелирует с выраженностью предприимчивого типа. При этом значимость гедонических эмоций отрицательно связана с творческими умениями, а значимость эстетических эмоций соответствует низкой выраженности предпочтений конвенциональной деятельности (осуществляемой по алгоритму). Что касается соотношения эмоциональных предпочтений и личностных особенностей, то факторы С (эмоц.устойчивость) и Е (доминантность) отрицательно связаны с лирическими эмоциональными предпочтениями. Фактор G (нормативность) положительно коррелирует с альтруистическими эмоциональными предпочтениями. Фактор М (креативность) отрицательно связан с гедоническими эмоциями. Фактор О (тревожность) положительно связан с альтруистическими, коммуникативными и лирическими эмоциональными предпочтениями. Фактор Q2(самодостаточность) отрицательно связан с альтруистическими и коммуникативными эмоциями. Фактор Q4 (напряженность) положительно связан с коммуникативными, лирическими и глорическими эмоциями. Таким образом, диагностика эмоциональных предпочтений для задач профориентационного консультирования может расширять и дополнять традиционную профориентационную диагностику, позволяя уточнять такие виды деятельности и профессиональные сферы, в которых личность может реализовываться наиболее полно.

Специфика разработки ипсативных психодиагностических тестов

А.Е. Иванов (Челябинск)

Particularity in development of Ipsative Psychodiagnostic Tests — *A.E. Ivanov (Chelyabinsk)*

Слово «ипсативный» имеет латинский корень *ipse*, означающее «сам (лично)». В теории психологического измерения термин «ипсативный» используется для обозначения тех случаев, когда конкретный испытуемый служит мерилем или измерительным эталоном для самого себя. Автор термина, Raymond B. Cattell, внес идею ипсативного шкалирования в психологию для разграничения субъективных и объективных эталонов (стандартов), относительно которых могут калиброваться психометрические инструменты. Таким образом, ипсативное оценивание – это подход к оценке и интерпретации измеряемых показателей, основывающийся на установлении их отношения к выраженности других, с ними связанных. В таком случае, каждый из диагностируемых показателей выражается не в абсолютных значениях, а относительно силы других. Ипсативное оценивание является одной из альтернатив по отношению к нормативному оцениванию, при котором индивидуальный показатель сопоставляется с потенциальными статистическими характеристиками генеральной совокупности.

На настоящий момент, изучено много разных способов получения ипсативных данных, но в подавляющем большинстве психологических исследований ипсативные данные получают путем использования психодиагностических методик с пунктами, построенными по принципу вынужденного выбора.

Первый тип внутренней зависимости, присущий ипсативным методикам вынужденного выбора, это ковариационная зависимость, которая проявляется в ковариационной матрице любых ипсативных данных (и, как следствие, на корреляционной). Обычно тест вынужденного выбора представляет собой набор пунктов, состоящих из сгруппированных утверждений. Испытуемый должен ранжировать утверждений в рамках каждого пункта или выбрать утверждений, которое «больше всего мне подходит» и «меньше всего мне подходит». При заполнении методики вынужденного выбора испытуемые вовлекаются в когнитивный процесс выбора. Именно с этим процессом связан первый тип внутренней зависимости методик вынужденного выбора.

Второй тип внутренней зависимости называется внутренней или операциональная зависимость на уровне пункта (*item-level interdependence*). Следует отметить, что данный тип внутренней зависимости не присущ некоторым видам ипсативных данных, таким как аддитивные ипсативные данные (AID) или ипсатизированные данные, в которых исходная информация имеет нормативную природу. Эти два типа внутренней зависимости напрямую определяют свойства ковариационной матрицы ипсативных данных, но дополнительные факторы так же могут влиять на уровень внутренней зависимости в ней.

Ряд авторов отмечают, что ипсативные тесты при конструировании требуют гораздо большей работы по проверке психометрических параметров отдельных ответов, пунктов и шкал, так как существует задача избежать систематичности в операциональной или внутренней зависимости между шкалами, неизбежно возникающей при объединении нескольких шкал в одном пункте.

При анализе специфики разработки ипсативного инструментария за исходную точку было взято описание процесса разработки нормативных психодиагностических методик, приведенное в серии статей статье Н.А. Батурина и Н.Н. Мельниковой «Технология разработки тестов». Используя результаты анализа англоязычных статей, посвященных проблеме ипсативного формата, был выявлен и описан ряд условий, которые следует учитывать в процессе разработки ипсативного теста. Данные условия учитывались нами при составлении Рекомендаций разработчику ипсативного теста с пунктами формата вынужденного выбора. Рекомендации разработчику ипсативного теста являются дополнением к алгоритму, приведенному в «Технологии разработки тестов». Они включают список дополнительных условий, которые следует учитывать при разработке ипсативного теста, а так же действия, необходимые для их соблюдения. Следование данным Рекомендациям позволяет осуществить

максимально возможный контроль над специфическими для ипсативных тестов факторами внутренней согласованности.

Новое программное обеспечение для проведения психофизических экспериментов.

Иванов Г.В., Худяков А.И. (Санкт-Петербург)

New software for psychophysical experiments. — *Ivanov G.V., Hudiakov A.I. (St.-Petersburg)*

Программа Шкалопостроитель.exe позволяет предъявлять человеку картинки, представленные в виде BMP файлов.

Можно собирать из картинок последовательности, что бы в одной пробе испытуемому предъявлялись несколько стимулов. Выставляются моменты включения и выключения каждого стимула, один или несколько стимулов могут предъявляться бесконечно (пока испытуемый не даст ответ). Если существуют промежутки времени, когда не показывается не одного стимула, в это время показывается экран фоновой цвета.

Если несколько стимулов, какое-то время должны быть на экране вместе, то они монтируются. Белый цвет на любом изображении считается прозрачным, можно управлять порядком, в котором изображения накладываются друг на друга (непрозрачный белый задается RGB = 254, 254, 254).

Можно использовать до 10 стимулов в последовательности. Диапазон времен включения/выключения стимулов 0-10000 мс. с шагом 16,6 мс. (один кадр 60 Гц монитора).

Монтажи и последовательности позволяют реализовывать эксперименты с маскировкой. Вывод стимулов синхронизирован с перерисовкой экрана, так что временные параметры должны точно соблюдаться.

Программа реализует 3 вида экспериментов.

1) Методику категориального шкалирования – создана R.N. Shepard & J.D Carroll.

В методике человеку предъявляют стимулы (например, пятна света) по одному. Задача человека – отнести каждый из предъявленных стимулов к одной или нескольким из K заранее заданных категорий. Категории могут быть, например, названиями цветов (красный, синий, зеленый, желтый, белый). Для приведенного примера испытуемый может отвечать, например, так: “красный” или “сине-зеленый”.

По результатам может быть вычислено психологическое пространство. Оси пространства это признаки, которые человек приписывает реальности, а точки в этом пространстве – образы стимулов.

Экспериментатор может использовать до 10 категорий.

Кнопки ответов располагаются по эллипсу.

2) Эксперимент с несколькими вариантами ответов, когда кнопки расположены в строку. Это может быть, например, эксперимент по определению порога или измерение методом последовательных категорий. В нем человек относит стимул к одной из градаций заранее заданного признака

3) Эксперименты с ответом, набираемым с клавиатуры. Это может быть, например, эксперимент по узнаванию кратковременно предъявляемых слов или эксперимент по чтению буквенных последовательностей. Его результат – зависимость числа правильно воспроизведенных букв, например, от времени предъявления букв. В названии bmp файла-цели должно содержаться целевое буквосочетание, выделенное восклицательными знаками (например, !маска!.bmp). Программа запишет в файл результатов число правильно воспроизведенных букв, стоящих на своих местах и факт воспроизведения/невоспроизведения всей цели.

Все вышеописанные эксперименты позволяют получать статистически значимый результат при анализе данных по одному человеку, за счет многократности предъявления каждого стимула.

Конструирование последовательностей стимулов, инструкции испытуемому и возможных вариантов ответов осуществляется при помощи графического интерфейса, и может быть осуществлено психологом без помощи программиста.

Разработка методической процедуры для изучения точности профессиональной оценки

Д.В. Иноземцев (Челябинск)

The development of the method of studying the accuracy of professional evaluation —
D.V. Inozemtsev (Chelyabinsk)

Вопросы целенаправленного изучения профессиональной оценки являются относительно новыми для отечественной психологии и более активно обсуждаются зарубежными исследователями. Основная проблема на данный момент состоит в отсутствии единых позиций, регламентирующих практическую деятельность оценщиков. Кроме того отсутствуют какие бы то ни было стандартизованные методические процедуры с помощью которых можно было бы определять качество работы оценщика.

Цель создания методической процедуры определения точности профессионального оценивания была определена как «подбор кандидатур на роль экспертов-оценщиков, участвующих в работе ассесмент-центров, психологов кадровых агентств, сотрудников организаций, отвечающих за найм сотрудников». Поскольку данный вид деятельности предполагает оценку личностных качеств другого человека, в методической процедуре была отражена сущность деятельности оценщика – наблюдение за поведением человека и оценка его личностных качеств.

В качестве теоретической основы методической процедуры была выбрана теория оценки и оценивания Н. А. Батурина.

В качестве ситуаций для оценки были выбраны типичные для человеческой деятельности ситуации профессионального взаимодействия: интервью, работа в паре, работа в пятерке в группе.

Отбор количества характеристик, используемых при оценке, проводили эксперты-психологи. Экспертам предлагалось выбрать и проранжировать характеристики, соответствующие факторам методики 16PF, по нескольким параметрам: «внутренне согласованны», «наиболее ярко проявляющиеся в наблюдаемом поведении», и «наиболее значимые в профессиональной деятельности». После процедуры экспертного оценивания было отобрано 5 личностных характеристик, в отношении которых у экспертов было единое мнение о наглядности и профессиональной значимости.

На основании выделенных пяти личностных характеристик была разработана шкала оценивания предъявляемая испытуемым.

После этого были разработаны задания участникам видеозаписи, выполняя которые участники могли бы более наглядно демонстрировать личностные характеристики, выделенные на ранних этапах исследования. До начала видеозаписи все участники дополнительно прошли процедуры взаимной оценки, оценки экспертов оценщиков и тестирование по методике 16PF.

На основе всех процедур был определен эталонный балл по каждой характеристике, которые должны были оценивать испытуемые-оценщики. Для этого вычислялась медиана между значениями участников видеозаписи, которых в дальнейшем оценивали испытуемые: по тесту, взаимным оценками, и оценкам экспертов.

После этого видеотрекеры были еще раз показаны экспертам, и была проведена процедура сравнения общей согласованности мнений экспертов в отношении личностных характеристик каждого участника по видеозаписи. При значении общей согласованности экспертов 0,9 медианные значения характеристики принимались в качестве эталонных. Для каждого участника видеозаписи количество таких личностных характеристик варьировало от 2 до 3.

В качестве меры точности профессиональной оценки выступала разница между эталонными значениями и оценками степени выраженности диагностируемых характеристик, данных испытуемыми при прохождении ими методической процедуры.

В дальнейших исследованиях была проведена проверка психометрических параметров методической процедуры определения точности профессиональной оценки, что позволяет использовать ее в качестве надежного психодиагностического инструмента.

Разработка методики для диагностики инновационного потенциала профессионала

Т.Д. Ким (Челябинск)

The development of the test of innovative potential of a professional — *T. D. Kim (Chelyabinsk)*

Современные исследования показывают, что инновации являются необходимым элементом развития общества, условием его жизнестойкости. Для реализации инновационных проектов необходимы люди, обладающие высоким инновационным потенциалом.

Результаты анализа исследований проблемы инновационного потенциала профессионала в организации позволяют предложить модель инновационного потенциала профессионала (ИПП). Разработанная модель ИПП включает в себя следующие компоненты:

Общая жизненная активность: характеризует интенсивность взаимодействия человека со средой – физической и социальной, особенности человека, определяющие его инициативность, энергичность, разнообразие интересов.

Стремление к изменениям: учитывает мотивационную составляющую модели ИПП. Характеризует уровень любознательности человека, насколько он стремится узнавать новое, насколько у него развита потребность в переменах.

Социальная независимость: характеризует взаимодействие профессионала с другими людьми в команде и с руководителями. Данный компонент учитывает, насколько человек проявляет автономию в поведении на работе, насколько критичен к мнению руководителей и других сотрудников, может ли он пойти на риск и отстаивать свою точку зрения перед другими.

Деловая ответственность: характеризует отношение к работе. Данный компонент включает такие качества, как добросовестность в работе, организованность, приверженность правилам, принятым в организации.

Неординарность мышления: склонность к творческому мышлению и то, насколько человек готов вовлекаться в интеллектуальную деятельность.

Инновационная компетентность: характеризует готовность искать и внедрять новые более эффективные методы работы, совершенствовать и модернизировать старые подходы. Показывает, насколько человек приветствует изменения на работе, насколько он готов поддерживать людей, приносящих что-то новое.

Модель ИПП легла в основу Многофакторного опросника инновационного потенциала профессионала (МОИПП), разработанного в Лаборатории Психодиагностики ЮУрГУ. Опросник включает 6 шкал, соответствующих характеристикам ИПП, и шкалу социальной желательности. В пробной версии опросника для каждой шкалы было составлено от 18 до 25 утверждений, всего было отобрано 140 пунктов. Опросник был проведен на 108 студентов старших курсов технических специальностей, а также специальностей, связанных с рекламой и пиаром. Возрастной диапазон выборки составил от 19 до 24 лет. Выборка была сбалансирована по полу и включала 55 мужчин и 53 женщины. Психометрическая проверка опросника показала удовлетворительные результаты. Внутренняя согласованность шкал (с использованием критерия альфа Кронбаха) составила от 0,587 до 0,705. Проверка внешней валидности производилось путем расчета корреляций между показателями МОИПП и экспертными оценками инновационного потенциала испытуемых. Экспертами выступили заведующие ведущих кафедр,

руководители курсовых и дипломных проектов студентов. Были выявлены значимые корреляции между экспертными оценками и общим баллом по опроснику ($r=0,262$, $p<0,01$), а также между отдельными шкалами: «Стремление к изменениям» ($r=0,221$, $p<0,05$), «Неординарность мышления» ($r=0,306$, $p<0,01$). Таким образом, пробная версия теста оказалась вполне удачной, поскольку надежность и внешняя валидность показали удовлетворительные результаты, что дало основания продолжать дальнейшую разработку методики. Кроме того, апробация позволила увидеть слабые стороны методики, которые планируется устранить.

Метод анализа позиционирования в дискурсивной психологии

Н. Кутковой (Москва)

Positioning analysis as a method in discursive psychology – *N. Kutkovoy (Moscow)*

Новая, конструкционистская, «парадигма» в социальной психологии, развивающееся с конца XX в., ориентировано на изучение языковых и дискурсивных процессов. Изучение дискурсивных процессов в этом смысле следует понимать двояко: во-первых, это конструирование данных во взаимодействии, а во-вторых, это анализ сконструированных и/или «реальных» данных. Ориентация на изучение дискурса – общее положение, объединяющее в себе различные подходы к изучению социальных процессов, однако возможно выделить и общие черты в противопоставлении «традиционного»/«альтернативного» подходов, как биполярной системы.

Разнообразие подходов к анализу дискурсивной реальности приводит к развитию большого числа методов анализа дискурса – прежде всего качественного. Одному из таких методов и посвящены данные тезисы – анализу позиционирования. Позиция – это понятие, вводимое в психологию как альтернатива понятию роли как более динамичное, и оно непосредственно вытекает из понимания социального взаимодействия как «социальной драмы» в рамках театральной метафоры. Позиционирование понимается как дискурсивный процесс совместного продуцирования сюжетных линий участниками в пространстве взаимодействия. То есть его можно рассматривать как психологическую характеристику дискурса – и таким образом субъект является не столько продуктом дискурсивных процессов, сколько активным агентом, производящим эти процессы. Субъекты интерпретируют культурные стереотипы, роли, клише и адаптируют их в разворачивающиеся сюжетные линии и тем самым позиционируют себя и других в рамках данных сюжетов.

Предметом позиционного анализа, исходя из вышесказанного, могут выступать социальная идентичность, социальные конфликты, в том числе во взаимодействии с людьми с различными расстройствами, например, болезнью Альцгеймера, политические проблемы и моральные дилеммы.

Анализ позиционирования может применяться как для анализа данных экспериментов, проводимых в рамках дискурсивного подхода, так и для данных полученных из процессов «реального» взаимодействия. Анализ позиционирования складывается из анализа триады: сюжетная линия, действие, позиция, где позиция понимается как совокупность прав и обязанностей, занимаемых участниками взаимодействия. Права и обязанности понимаются как универсальные нормы и правила дискурсивного взаимодействия, развивающиеся в культурном и социальном контекстах как в фило-, так и в онтогенезе, и они устанавливаются участниками взаимодействия в процессе препозиционирования, а затем становятся регуляторами взаимоотношений между позициями. Права и обязанности субъекта в позиции проявляются в действиях субъектов и прежде всего в их осмысленности (иллокутивной силе), с помощью которых осмысливаются, интерпретируются и развиваются сюжетные линии взаимодействия. Сюжетные линии и их опора на культурные и социальные детерминанты в свою очередь позволяют развиваться определенным действиям и позициям.

Таким образом, анализ позиционирования становится способом особой рефлексии субъекта как «деятеля» дискурсивных практик и позволяет исследовать многие аспекты взаимодействия.

Психологические основания адаптивного тестирования

И.Г. Макаревская (Сочи)

Psychological reasons of adaptive testing — *I.G. Makarevskaya (Sochy)*

Одним из бурно развивающихся направлений психодиагностики является адаптивное тестирование. Адаптивное тестирование – это такое измерение, при котором предъявляемые испытуемому текущие задания зависят от результатов его ответа на предыдущие задания. Адаптивность тестового измерения подразумевает приспособление качественных характеристик тестовых заданий к поведению конкретного испытуемого. Следует, однако, отметить, что в данной области существует целый ряд проблем, требующих комплексного решения. В психометрике проблема конструирования индивидуально-ориентированного теста рассматривается с позиций психодиагноста и самого инструмента измерения, в то время как вопрос о психологических особенностях ситуации измерения с позиции испытуемого до сих пор остается открытым. Достаточно мало исследований, в которых бы рассматривались психологические особенности работы испытуемого в ситуации адаптивного тестирования, психологические особенности психодиагностической ситуации адаптивного теста, в то время как применение современных информационных технологий в психодиагностике и к экспериментальной психологии может вести к актуализации иных мотивационных и познавательных ус-тановок, нежели те, которые актуализируются в традиционных условиях.

Мы проанализировали, как ситуация адаптивного и классического тестирования влияет на состояние испытуемого и рассмотрели особенности ситуации адаптивного и классического тестирования для испытуемых с различными темпераментальными и личностными характеристиками. Было проведено исследование, в котором участвовало 200 человек в возрасте от 18 до 43 лет. Испытуемые работали с классической и адаптивной версией тестовой батареи общих профессиональных способностей, до и после тестирования у них измерялись самочувствие, активность и настроение и фиксировался уровень ситуативной тревожности до начала теста и по его завершению. Кроме этого, оценивались личностные и темпераментальные особенности испытуемых.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы относительно специфики ситуации адаптивного тестирования для испытуемых с различными личностными особенностями: – Ситуация классического тестирования приводит к увеличению показателей ситуативной тревожности. В то же время для среднегрупповых значений показателя тревожности в ситуации адаптивного тестирования была определена тенденция к снижению. – Показатели самочувствия, активности и настроения в ситуации адаптивного тестирования до и после процедуры измерения значимо не отличаются, то есть процедура тестирования не оказывает влияния на активность, самочувствие и настроение испытуемых. – Результаты классического тестирования опосредуются всеми темпераментальными характеристиками силы, в то время как фактором, значимо влияющим на результаты адаптивного тестирования, является только предметный темп. – Результаты адаптивного теста относительно инвариантны личностным особенностям испытуемых. – В классическом тестировании личностные особенности (тревожность, черты личности) могут выступать в качестве значимой внешней переменной, опосредующей получаемые в исследовании результаты. – Темпераментальные и личностные особенности испытуемых в ситуации классического тестирования могут оказывать влияние не только на результаты измерения, но и на состояние испытуемых. Полученные результаты, мы склонны, однако рассматривать как предварительные и считаем перспективным дальнейшее эмпирическое изучение специфики ситуации адаптивного тестирования для испытуемых с различными личностными особенностями.

Стыд и вина: эмоциональный и поведенческий аспекты

И.К. Макогон, С.Н. Ениколопов (Москва)

Shame and guilt: the emotional and behavioral aspects — *I.K. Makogon, S.N. Enikolopov (Moscow)*

Несмотря на общепризнанность факта ключевой роли моральных эмоций в этическом, нравственном поведении человека, в профессиональном сообществе до сих пор не существует единогласия относительно определения, дифференциации и измерения базовых моральных переживаний — стыда и вины.

Долгое время исследователи не проводили различия между этими чувствами. Действительно, и стыд, и вина являются эмоциями самоосознания, вызванные саморефлексией и самопорицанием. Обе характеризуются наличием внутреннего дискомфорта. Обе участвуют в процессе саморегуляции. Однако, несмотря на сходства, между чувствами вины и стыда существуют значимые различия. В настоящее время господствует теория о разграничении вины и стыда, согласно которой вина запускает негативную оценку поведения, тогда как стыд — негативную оценку собственного «Я», в связи с чем он является более болезненным переживанием, включающим чувство собственной беспомощности и ничтожности по сравнению с другими. На этом критерии основана наиболее используемая в настоящее время методика, измеряющая индивидуальные склонности к переживанию чувств вины и стыда, — TOSCA-3, разработанная Tangney в 2000 г. На русскоязычной выборке данная методика была адаптирована авторами.

Исследования, проведенные с использованием TOSCA-3, показали, что вина является более моральной и адаптивной эмоцией, нежели чем стыд, вследствие различия их мотивационных последствий. Традиционно считалось, что помимо негативной оценки поведения, чувство вины включает в себя конструктивные профилактические импульсы, а чувство стыда, помимо негативной оценки собственного «Я», — оборонительную межличностную сепарацию и дистанцирование. Однако, последние исследования показывают, что чувство стыда может вызвать желание исправить ситуацию наравне с намерением скрыться, также как и чувство вины, а значит обе эмоции при определенных обстоятельствах могут быть в равной степени моральными. Эти данные свидетельствуют в пользу того, что для более точного измерения индивидуальной склонности к переживанию чувств вины и стыда, необходимо различать их эмоциональные и поведенческие компоненты. Невозможность провести такую дифференциацию является существенным недостатком TOSCA-3.

Для преодоления недостатков существующего методического инструментария, направленного на оценку чувств вины и стыда как личностных диспозиций, был разработан опросник GASP (the Guilt and Shame Proneness scale). Оценка опросника производится по 4-м факторам. На измерение чувства вины направлены факторы «Критическая оценка своего поведения» и «Тенденция к исправлению ситуации», а на измерение чувства стыда — «Критическая оценка собственного Я» и «Тенденция к межличностной сепарации и дистанцированию».

Проведенные авторами методики исследования доказывают высокую валидность и надежность GASP. Полученные в ходе дополнительных экспериментов результаты, подтверждают гипотезу о важности дифференциации эмоциональных и поведенческих аспектов чувств вины и стыда для более точного понимания и измерения этих эмоций. Эти данные позволяют считать GASP новым перспективным инструментом измерения моральных эмоций, имеющим большое теоретическое и практическое значение.

Качественные методы анализа визуальных данных в психологии

О.Т. Мельникова, Д.А. Хорошилов (Москва)

Qualitative methods of analysis of the visual data in psychology — *O.T. Melnikova, D.A. Khorosbilov (Moscow)*

В практических качественных исследованиях последних лет наметился новый и весьма яркий тренд – активное использование так называемого визуального материала и разработка специальных стратегий для анализа этого типа данных. Под визуальными данными здесь понимаются как культурные артефакты (фотографии, кинофильмы, рекламные ролики), так и знаки-символы, служащие условными ориентирами в повседневной жизни (к примеру, знаки дорожного движения, компьютерный интерфейс). Исторически обращение к визуальным данным не представляет собой новости для психологической науки – тут достаточно вспомнить проективные методы в клинических и социально-психологических исследованиях. Отличие обсуждаемого тренда от «проективной традиции» заключается в его особом акцентировании конечной продукции творческой и эстетической деятельности человека.

Несмотря на то, что подобная методологическая установка имплицитно содержится в культурно-исторической психологии Л.С. Выготского (анализируя «объективированную мысль», мы рассчитываем проникнуть в психические феномены, см. об этом: Зинченко, Пружинин, Щедрина, 2010), ее последовательное формирование в рамках качественных исследований происходило, на наш взгляд, через усвоение идей неклассической эстетики постмодернизма о деконструкции искусства и раскрытии множественного характера его означающих. В определенном смысле можно утверждать, что обращение качественных исследователей к визуальным данным является некой альтернативой традиционной форме сбора качественного материала – через нарративы, т.е. рассказы респондента о своем личностном опыте. Фотография и кинематограф отражают коллективный опыт, ценности и представления, укорененные в той или иной культуре, кроме того – они транслируют паттерны межличностных отношений, задают ресурс для интерпретации проблемных и кризисных жизненных ситуаций, а также формируют определенный эмоциональный опыт у зрителей. Таким образом, при работе с визуальными материалами мы не только получаем легкодоступный и весьма богатый источник данных, но и выходим сразу же на макрорпсихологический уровень больших социальных групп.

Вместе с последним утверждением – при всей его привлекательности – встает ряд серьезных теоретических и методологических трудностей, которые связаны прежде всего с поиском новых стратегий анализа визуальных изображений и раскрытия их собственно психологического – смыслового, а не чисто семиотического содержания, т.е. формального означивания относительно к познающему сознанию.

Для работы с визуальными данными предлагается использовать различные формы контент- и дискурс-анализа, «анализ мифологий» со ссылкой на структуралистские воззрения Р. Барта, идеи В.Я. Проппа о нарративной структуре текста. Ясно, что каждая из этих стратегий требует подробного обсуждения применительно к интересующей нас проблеме – однако же, учитывая формат аннотации, отметим лишь один принципиальный момент: при работе с визуальными материалами речь идет скорее о творческом использовании тех или иных идей на практике, нежели о полномочном методе в строгом смысле слова, ибо исследовательский интерес в данном случае сильно опережает реальные возможности аналитического инструмента – и этот факт открывает пространство для новых научных работ в весьма перспективной области, какой является качественный визуальный анализ.

Использование технологии виртуальной реальности для исследования зрительного восприятия

Г.Я. Меньшикова (Москва)

Using Virtual Reality Technologies to study visual perception — *G.Ya. Menshikova (Moscow)*

В последнее время в экспериментальной психологии появились уникальные новейшие технологии, благодаря которым изучение психических процессов и характеристик наполняется новым содержанием. К ним можно отнести системы виртуальной реальности (VR). Недавно на факультете психологии МГУ были установлены и апробированы три типа VR технологий – CAVE- система, а также AVR и HMD системы. Освоение этой технически сложной аппаратуры, а также первые пилотажные работы по созданию виртуальных сцен для психологических исследований проводились совместно с факультетом ВМиК МГУ имени М.В.Ломоносова.

Анализ методических особенностей использования VR технологии выявил основные преимущества этой технологии по сравнению с классическими психологическими методиками, а также показал широкие возможности ее использования для задач фундаментальных научных исследований, образования и практики. Например, новые возможности для исследований, использующих VR технологии, появляются при изучении когнитивных процессов – восприятия, памяти, внимания, мышления, структуры принятия решения. Эти возможности обусловлены несколькими характерными особенностями технологий VR. Во-первых, при использовании шлемов VR и CAVE-систем наблюдатель может активно перемещаться в пространстве, что приближает процедуру эксперимента к реальной ситуации, но при этом сохраняет полный контроль над параметрами стимуляции. Указанная особенность резко расширяет круг задач психологического эксперимента, позволяя, например, «включать» в процесс решения когнитивных задач моторику собственного тела наблюдателя. Во-вторых, появляется возможность предъявления стимуляции не в плоском двумерном (2D), а в трехмерном (3D) формате. Поскольку большая часть классических исследований в области когнитивной психологии была получена для 2D стимуляции, появляется широкий круг задач исследования роли 3D зрительных признаков в процессах восприятия, принятия решения и селекции визуальной информации.

Упомянутые выше особенности использовались в экспериментах по исследованию зрительного восприятия, проведенных с помощью HMD системы. В одном эксперименте исследовались нарушения восприятия, связанные с искажениями сенсорной информации. Были симулированы такие искажения, которые аналогичны «вынесению» глаз наблюдателя вне его головы. Использовались два способа «вынесения»: в первом – виртуальные глаза «выносились» на уровень 20-30 см выше головы наблюдателя; во втором – виртуальные глаза «располагались» на колене наблюдателя. Полученные результаты показали, что способы «вынесения» виртуальных глаз наблюдателя различным образом нарушают целостность воспринимающей системы «глаз-голова-тело». Нарушения существенно более значимы для второго способа искажений, что, с нашей точки зрения, связано с рассогласованностью между собственными движениями наблюдателя и соответствующими им изменениями зрительной информации. В другом эксперименте исследовалось восприятие трехмерных зрительных иллюзий. Роль признака диспаратности для восприятия иллюзий исследовалась ранее, однако результаты оказались противоречивыми. Мы исследовали выраженность классических зрительных иллюзий (Мюллера-Лайера, одновременного светлотного контраста и Вазарели) для 3D по сравнению с классическим 2D вариантом. Полученные результаты показали, что когнитивный механизм стереозрения влияет на выраженность по-разному: выраженность 3D и 2D вариантов иллюзии Мюллера-Лайера значимо не различались; выраженность 3D иллюзии одновременного контраста изменялась только в тех случаях, когда изменялся воспринимаемый наклон тестовых участков; выраженность 3D иллюзии Вазарели усиливалась. Полученные результаты хорошо объясняются в рамках предложенной нами трехуровневой модели восприятия иллюзий.

Таким образом, проведенные нами эксперименты показали, что ВР технологии могут успешно использоваться для исследования зрительного восприятия.

Исследование поддержано грантами РФФИ № 09-07-00512а и № 09-06-00421-а.

Основные принципы использования нечеткой логики для количественной оценки родительской компетенции в вопросах наркомании.

М.В. Мусаева (Москва)

Basic principles of fuzzy logic for quantitative assessment parental competence in drug addiction —
M. Musaeva (Moscow)

Одним из фундаментальных вопросов решения проблем ранней наркотизации является компетентность родителей в этих вопросах. Неосведомленность родителей в вопросах наркомании является одним из источников их тревожности. Для решения проблемы компетентности родителей необходимо на наш взгляд, во-первых: выявить пробелы в тех знаниях и факторы влияющие на информированность этими знаниями, которые позволяют родителям верно идентифицировать процессы, сигнализирующие, при правильной их оценке, возможное начало опасных тенденций; во-вторых: выявить дефицитарные области в информированности, о природе химической зависимости (алкоголь, табак, наркотики) и выявление ранних стадий употребления психоактивных веществ детьми и подростками. Для решения поставленных перед нами задач автором был подготовлен и проведен опрос. Опросник и результаты его использования опубликованы автором. Разработанные в исследовании методические принципы анализа родительской компетенции на основе обработки информации полученной путем анкетирования позволяют с помощью количественных методов выявить не только области дефицитарного знания, но и факторы, влияющие на компетентность. Однако, как показывает практика, использование классических методов анализа и интерпретации, при построении синтетических количественных индикаторов психологических факторов имеет не только методическое, но и методологическое значение. В связи с этим автор предлагает анализ возможностей применения методов нечеткой логики в проектировании методологического и методического инструментария используемого в теоретической и практической психологии. Для реализации данного подхода проектируется нечеткая экспертная система построения количественной оценки родительской компетенции. Критерий такой компетентности определяется числом $Q=[0,100]$. Чем больше значение этого критерия тем выше компетентность родителей. Как показал опрос, на родительскую компетентность влияет много факторов. Обозначим их через $X=(x_1, x_2, \dots, x_N)$, тогда модель родительской компетентности будет представлять функциональное отображение вида: $X=(x_1, x_2, \dots, x_N) \rightarrow Q=[0,100]$, где X -вектор влияющих факторов. Далее для моделирования используются экспертные нечеткие базы знаний типа Мамдани и Сугено. Необходимость применения подходов нечеткой логики обусловлена тем, что факторы представляют собой разноизмеримые величины в том числе вербальные. Одним из лучших подходов в данном случае, как показывает практика построения количественных оценок, являются методы нечеткой логики, которые автор предлагает к широкому использованию в теоретической и практической психологии.

Возможности и перспективы использования окулографического метода для изучения интеллектуальных процессов

Н.А. Ротова (Москва)

Possibilities and perspectives of oculography in intellectual processes study — *N.A. Rotova (Moskov)*

Важным аспектом современного этапа изучения интеллектуальных процессов является внедрение новых технологий исследований, среди которых выделяются окулографические методы. В нашей стране первые работы в этом направлении были сделаны ещё в 1965-1979 годах Д.Н.Завалишиной, В.П.Зинченко, В.Н.Пушкиным, Э.Д.Телегиной, О.К.Тихомировым. В работах школы Тихомирова было показано, что для понимания природы мышления человека большое значение имеет анализ экстерниоризированных компонентов, к которым относится глазодвигательная активность (при условии представления задач в наглядно-пространственной форме). Выделяя интеллектуальную функцию движений глаз, О.К.Тихомиров также подчёркивал возможность выявления не только осознаваемых, но и неосознаваемых компонентов мышления, поскольку многое из того, что отражается в глазодвигательной активности, не фиксируется в рассуждениях вслух и в самоотчётах испытуемых. В качестве наглядных мыслительных задач исследователи часто используют шахматные задачи (Э.Д.Телегина, О.К.Тихомиров), игру «5» (модификация математической игры «15», Д.Н.Завалишина, В.Н.Пушкин), задачи из тестов интеллекта (например, Прогрессивные Матрицы Равена; P.Carpenter, I.Schwank, F.Vigneau и др.). С нашей точки зрения, последний вариант удобен для выявления и анализа таких аспектов интеллектуальной деятельности, как стратегии решения задач, процесс выдвижения гипотез, причины ошибок и выбора направления рассуждений, степень свёрнутости поиска решения, функции контроля правильности решения, наличие переноса способа решения с одной задачи на другую и т.д. Проведенные нами исследования на 46 испытуемых (студентах вузов) на материале Стандартных Прогрессивных Матриц Равена с использованием окулографической установки SMI iView X (1.03.03) позволяют продемонстрировать возможности окулографического метода для изучения влияния временных ограничений на процесс решения мыслительных задач. Испытуемые выполняли задания в свободных временных условиях, а затем – в условиях ограничения времени. Процесс решения сопровождался записью глазодвигательной активности. Сравнительный анализ полученных окулографических данных позволил выявить существенные изменения в интеллектуальной деятельности, которые происходили при смене временных режимов и нашли отражение в показателях движений глаз. Оказалось, что в условиях ограниченного времени в процессе решения задач происходило сокращение количества выдвигаемых гипотез, редукция проверки выдвинутых альтернативных вариантов решения, уменьшение количества анализируемых элементов задачи (сужение «зоны ориентировки»), свёртывание процесса контроля правильности решения (уменьшение количества «контрольных проигрываний»), игнорирование некоторых смысловых элементов задачи и др. Таким образом, благодаря отражению в глазодвигательной активности многих интеллектуальных процессов, в том числе и неосознаваемых субъектом, использование окулографического метода даёт возможность получения более полного представления о мышлении. Перспективы дальнейшего изучения процесса мышления с использованием метода окулографии могут быть связаны с двумя основными направлениями: с анализом самого мыслительного процесса (стратегий мышления, причин и типов ошибочных рассуждений и т.п.), а также с влиянием на него индивидуально-психологических и ситуативных факторов.

Особенности жизненной истории в интервью и электронных дневниках

А.И. Симкив, Ф.И. Барский

Features life-history of interviews and electronic journals — *A. Simkiiv, F. Barskiiv*

На сегодняшний день проведено значительное количество исследований, касающихся социальных аспектов электронной коммуникации, включая самопрезентацию и идентичность, однако большинство исследователей уделяют внимание интерактивному общению в рассылках, чатах, MUD's, где общение предполагает постоянное взаимодействие. Гораздо меньше внимания уделяется т.н. «блогам» (электронным дневникам) как социальному феномену, являющемуся, как правило, своеобразной публично доступной развернутой формой автобиографии и самоописания в сетевом пространстве.

С позиций нарративного подхода идентичность рассматривается через призму автобиографической жизненной истории. В информационной среде (сети Интернет) главенствует вербальная сфера, следовательно, на первый план выступают именно разнообразные формы нарративов, посредством которых субъект выстраивает границы своего «я» в менее упорядоченном виртуальном пространстве. В электронных дневниках подобное повествование наиболее развернуто во времени, что позволяет проследить динамику создания истории о жизни его владельца.

В нашем исследовании была поставлена цель сопоставить структурные (формальные) и содержательные особенности я-нарративов в электронных дневниках и в текстах интервью о жизненной истории (по методике Д. Макадамса). Предметом исследования были выбраны формальные (типы сюжетов) и содержательные (мотивационные темы и особенности персонажей) характеристики я-нарративов, форма и содержание нарративной идентичности. В качестве единицы анализа были приняты отдельные истории (я-нарративы) о жизненном событии или эпизоде, имеющие целостную структуру рассказа (или хотя бы ее существенные элементы). Предполагалось обнаружить разнообразные паттерны облачения жизненного опыта в сюжеты излагаемых я-нарративов в различном контексте (электронные дневники и беседа с психологом-исследователем).

Для контент-анализа содержания электронных дневников мы разработали кодировочные схемы по аналогии со схемами Д. Макадамса. В результате были сопоставлены особенности сюжетов в текстах дневников и интервью на уровне индивидуальных случаев, а также проанализированы интериндивидуальные связи между характеристиками нарративной идентичности в текстах дневников и интервью о жизненной истории. Качественный анализ позволяет утверждать, что нарративные структуры в контексте электронного дневника на уровне тенденций демонстрируют связь с аналогичными структурами интервью.

Перспективы дальнейшего исследования включают более четкую операционализацию остальных параметров анализа («имаго», нарративной сложности, «личной идеологии» и т.д.) в контексте исследования электронных дневников; возможность использования материалов электронного дневника для прослеживания встраивания единицы опыта в целостную историю жизни; проведение лонгитюдного исследования нарративной идентичности, а также проверку гипотезы о роли ведения электронного дневника в «порождении» значимых сцен в ходе интервью.

Роль репрезентативных систем в распознавании эмоциональных состояний

Е.М. Хворова (Москва)

The role of representational systems in the recognition of emotional states — E. Kborova (Moscow)

В современном обществе важную роль играет межличностная коммуникация, которая подразумевает взаимодействие с людьми в разных обстановках и при разных условиях: на работе, на улице, дома. Человек должен быть гибким и адаптивным, способным найти общий язык с любым, чтобы добиться успеха.

Каждый, скорее всего, попадал в такую ситуацию, когда не мог сдержать свои эмоции или не мог понять эмоции другого человека. Способность к пониманию, распознаванию и выражению эмоций входит в структуру эмоционального интеллекта. Д. Гоулман говорил, что он позволяет не только контролировать и регулировать собственные эмоции и чувства, но также отвечает за самосознание, саморегуляцию, мотивацию, эмпатию, социальные навыки. Существуют и другие факторы, влияющие на успешность распознавания эмоций. Нами была проведена экспериментальная работа, в которой испытуемым было объяснено, каким образом меняются движения лицевых мышц при проявлении базовых эмоций, т.е. радости, печали, отвращения (и презрения), удивления, страха, злости. Она показала, что научение позитивно влияет на эффективность распознавания эмоциональных состояний.

После проведения этой работы, был поставлен вопрос, что еще может влиять на успешность идентификации эмоций. Был сделано предположение о том, что нужно принимать во внимание некоторые специфические особенности людей. В основу гипотезы лег тезис о существовании связи между идентификацией эмоциональных состояний и репрезентативной системой. Информацию из окружающего мира мы воспринимаем с помощью органов чувств: глаза, уши, нос. Каждый из органов чувств человека настроен на восприятие определенного вида стимулов, существенных для его выживания, и нечувствительных к стимулам другого рода. У биологических особей виды стимулов, к которым они чувствительны, различны, как различны и их жизненные потребности (Аткинсон Р. и др. Введение в психологию). Таким образом, мы воспринимаем информацию разных модальностей, которые формируют зрительную, слуховую, соматосенсорную (система, ответственная за положение частей тела в пространстве), вкусовую и обонятельную системы.

Мозг человека получает информацию от этих систем в виде сигналов. Дальнейшее действие предпринимается на основе индивидуального опыта, эмоционального фона, мотивации и потребностей, а также состояния организма. Полученная информация сравнивается с существующим эталоном, что приводит к распознаванию воздействия. Люди используют все системы, но подсознательно отдают предпочтение одной из них. Как правило, она является наиболее развитой и способной к большей детализации, чем другие системы. Мы сделали предположение о том, что люди, у которых более развита визуальная система, будут лучше распознавать мимические проявления эмоций, люди, у которых более развита аудиальная система, будут лучше распознавать интонации голоса.

Нами был собран стимульный материал, представляющий собой видеоряд, на котором было зарегистрировано проявление эмоций моделями. Он записывался под влиянием предъявляемых видеороликов, отобранных с помощью метода экспертных оценок и вызывающих определенные эмоции. Перед просмотром стимульного материала группа была разделена на аудиалов и визуалов при помощи опросника «Сенсорные предпочтения» Э. Эйдмиллера, направленного на выявление ведущей репрезентативной системы.

На данный момент нами было проведено пилотажное исследование. Использование критерия χ^2 Пирсона показало, что существуют значимые различия для распознавания эмоции «грусть» (значение критерия $\chi^2 = 0,07$ при $p < 0,05$), эмоции «презрение» (значение критерия $\chi^2 = 0,33$ при $p < 0,05$), эмоции «злость» (значение критерия $\chi^2 = 0,33$ при $p < 0,05$), эмоции «отвращение» (значение критерия $\chi^2 = 0,78$ при $p < 0,05$).

Проведенная работа позволяет сделать вывод о том, что способность человека эффективно распознавать эмоциональные состояния зависит от его репрезентативной системы, а не только уровня развития эмоционального интеллекта. Испытуемые с ведущей визуальной системой показали лучшие результаты в идентификации мимических проявлений эмоций, чем испытуемые с ведущей аудальной системой.

Тенденции развития дискурс-анализа в современной социальной психологии

Д.А. Хорошилов (Москва)

Tendencies of discourse analysis development in contemporary social psychology — D.A. Khoroshilov (Moscow)

Дискурсивная психология представляет собой весьма неоднородное, но достаточно влиятельное теоретическое направление в современной социальной психологии. Начиная от хрестоматийной книги Дж. Поттера и М. Везерелл, которая стала своеобразным методическим манифестом принципиально нового исследовательского направления, дискурсивная психология претерпела многочисленные изменения; эти изменения касались понимания как ее эпистемологических оснований (в частности, поднимался вопрос о соотношении с постструктуралистскими идеями М. Фуко, концепцией научного реализма Р. Харре), так и собственно ее предмета (ибо понятие дискурса, будучи заимствованным из лингвистики, требовало психологической интерпретации; отсюда же происходят попытки различных авторов выделить основные содержательные структуры, или эмпирические индикаторы дискурса: риторические фигуры, интерпретативные репертуары, скрипты). Несмотря на эти многочисленные разночтения, все же можно выделить принцип, общий для всех исследований, маркирующих себя в качестве дискурсивных: их ориентированность на изучение языковых практик, психолингвистического ресурса, который позволяет людям познавать социальный мир через «рассуждение» о нем, классифицировать (термин Р. Харре) социальные объекты по тем или иным субъективно-смысловым критериям, закрепленным в повседневной речи.

В социальной психологии, как ни странно, случилось парадоксальное рассогласование между дискурсивной психологией и методом дискурс-анализа; последний приобрел вполне самостоятельный практический статус без апелляции к какой-либо теоретической традиции. Дискурс-анализ сам по себе вошел в исследовательский обиход и с успехом применяется для изучения того, как в письменных текстах и устной речи конструируются конкретно-психологические категории обыденного познания. Далее мы хотели бы остановиться на некоторых трендах развития дискурс-анализа в современной социальной психологии.

1. Разрабатывается проблема объективности и валидности дискурс-анализа. До настоящего момента не существует четкого стандарта оценки его качества, методические аспекты раскрываются в литературе на отдельных эмпирических иллюстрациях и примерах, утверждается открытый, изменчивый характер критерия объективности психологического исследования. В этой связи предлагаются новые критерии объективности дискурс-анализа: социальная полезность, эстетическая выразительность, полифоничность получаемых данных.

2. Особое внимание уделяется возможностям дискурс-анализа в приложении к классическим предметным сферам социально-психологического исследования: идентичности и социальным представлениям. Поднимается вопрос о значении языкового ресурса для формирования обыденных и социальных представлений в межличностной коммуникации между представителями различных социальных групп, между респондентом и исследователем. Фокус интереса тут направлен на изучение идентичности и процесса ее конструирования в маргинальных или дискриминируемых социальных группах. Дискурс-анализ решает технический вопрос о доступе к этим группам (не только через очные интервью, но и через продуцируемые ими тексты) и позволяет раскрыть интерпретативные паттерны, нормативы рассуждений о социальном мире, разделяемые всеми членами данной группы.

3. Изучаются методические возможности дискурс-анализа в он-лайн исследованиях. Семиотические особенности виртуального общения требуют адаптации психологического инструментария к новым условиям взаимодействия между исследователем и респондентом. В этой связи можно указать на работы, посвященные изучению специфики использования проективных методик в он-лайн интервью, причем сама эта специфика определяется через характер письменной речи респондентов.

4. Обсуждается перспектива внедрения неклассических понятий в пространство дискурс-аналитических исследований. Особое значение тут приобретает научная рефлексия философских идей М. Фуко и Ж. Лакана и их адаптация к нуждам практической социальной психологии. Эти нововведения имеют ярко выраженный междисциплинарный характер и, при всей привлекательности, несут за собой опасность потери собственно психологической составляющей дискурсивных исследований, ибо подчас в имплицитной форме отрицают активность познающего субъекта и утверждают пассивность его позиции.

Контекстуальные факторы, влияющие на изменчивость и точность оценок

Ю.Л. Юсупова (Челябинск)

Contextual factors affecting the variability and the accuracy of estimates — *Yu. L. Yusupova (Chelyabinsk)*

Любой человек в ходе жизни постоянно сталкивается с оцениванием и его результатом – оценками. Он оценивает как самого себя, так и других людей, их действия, предметы внешнего мира и так далее. На протяжении последних лет происходит непрерывное развитие в исследовании проблемы оценок, а также изменение методологии оценки.

Анализ проблемы оценки показал, что одним из важнейших атрибутов оценки является ее изменчивость. Изменчивость присуща всем видам оценок, при этом в некоторых случаях она способствует повышению точности оценивания. Оценки изменяются под воздействием большого числа факторов. Например, на оценки влияет предъявление предварительной когнитивной информации, первое впечатление, атрибуция, стереотипизация и другие.

Влияние разных факторов на различные подпроцессы процесса оценки индивидуально для каждого человека и зависит как от его личностных особенностей и других внутренних факторов, так и от сочетания внешних факторов, в итоге влияющих на изменчивость и точность оценки. Большое значение для процесса оценивания имеют оценочные основания. Один из факторов, влияющих на изменение оценок путем ускорения формирования оценочного основания – дополнительная информация.

В данном исследовании был сделан акцент на исследование влияния контекстуальных факторов, и в первую очередь тех из них, к которым относятся факторы изменения внешней среды. Для достижения этой цели был проведен эксперимент по изучению влияния фактора дополнительной информации на изменчивость оценок.

Для измерения зависимой переменной использовалась методическая процедура определения точности оценки, разработанная в лаборатории психодиагностики ЮУрГУ. Испытуемым предъявляются последовательно три видеофрагмента (записанные до начала исследования), с различными ситуациями: индивидуальное интервью, решение кейсового задания и групповая работа. После каждого предъявления видеофрагмента, их просят оценить каждую характеристику по пятибалльной шкале.

Выборка испытуемых делилась на две группы с целью предотвращения влияния эффекта последовательности предъявления информации на валидность эксперимента. Одной группе видеофрагменты предъявлялись в прямом порядке, второй группе – в обратном.

В результате исследования были выявлены специфические особенности динамики изменения оценки и ее точности в зависимости от предъявляемой информации, в так же особенности изменения оценок в зависимости от предъявления эмоционально окрашенной и нейтральной информации.

Исследование показало, что контекстуальные факторы влияют на изменение оценки и ее точности, при этом имеет большое значение эмоциональная «окрашенность» факторов, влияющих на оценку, а так же содержание предъявляемой информации. Также можно отметить, что значимое влияние на оценки и их изменение оказывает различие в содержании информации. На точность оценок влияет способ предъявления информации и ее новизна.

Результаты эксперимента свидетельствует о том, что людям достаточно небольшого количества информации, чтобы принять решение о приеме кандидата на работу, при этом специфика содержания предъявленной информации влияет на последующее принятие решения.

В заключении необходимо добавить, что изучение оценки и оценивания имеет не только теоретическую, но и практическую значимость, так как в настоящее время в России активно формируется институт оценивания и увеличивается спрос на квалифицированные кадры, основной «продукцией» которых является максимально точная, устойчивая к различным факторам оценка.

Применение компьютерных игр в психологической диагностике

С.В. Ярыгин (Челябинск)

Computer games in psychological testing — S. V. Yarygin (*Chelyabinsk*)

Можно назвать несколько основных предпосылок к использованию специализированных компьютерных игр в психологической диагностике.

1. Возможность избежать в диагностической практике целого ряда погрешностей, которые с точки зрения психометрических требований не должны иметь место. Среди таких погрешностей чаще всего отмечаются: нарушение правил инструктирования испытуемых; несоблюдение временных стандартов выполнения тестовых заданий; сознательные и несознательные установки на определенные ответы испытуемых, наводящие реплики диагноста, его жесты, подсказки и т.п.

Предъявление диагностических заданий, инструктирование испытуемых, регистрация их ответов, осуществляемые с помощью компьютера, позволяет устранить или снизить до минимума подобные погрешности.

2. Упрощение фиксации и обработки ответов респондента при одновременном снижении вероятности ошибок, оперативность предоставления результатов диагностики. Как следствие увеличение «пропускной способности» диагностического подразделения, что, несомненно, важно при проведении массовых исследований. Также существенным плюсом является скорость перевода полученных первичных данных по тестам в стандартные значения и наличие базовых вариантов интерпретации показателей. И главное, возможность диагностики индивидуально-личностных характеристик по отчетливо регистрируемым проявлениям, в том числе временным показателям действий обследуемых во время тестирования.

3. Наиболее перспективным является усложнение игровых процессов, используемых при разработке методики, с целью более глубокого «погружения» в моделируемый сценарий компьютерной среды. При этом необходимо объединять уже реализованные на практике методы диагностики (замер времени между действиями, анализ точности ответов) и более комплексные, такие как, например, анализ принятых решений.

4. Еще одним из перспективных направлений использования компьютерных игр для психологической диагностики является разработка игр, моделирующих профессиональную ситуацию поведения эксперта в какой-либо области с целью «извлечения» из эксперта знаний. Преимущества компьютерной психологической диагностики здесь заключаются не только в «красивом и интересном» оформлении, но и в том, что знания «извлекаются» из эксперта без личных усилий с его стороны. Зачастую эксперту бывает весьма сложно эксплицировать свой опыт; игровая компьютерная психологическая методика способствует выявлению

менее явных для эксперта основных факторов, которые играют роль при принятии экспертных решений.

5. При использовании специализированных компьютерных игр в психологической диагностике минимизируется феномен социальной желательности за счет «погружения» испытуемого в игровую ситуацию и отстранению от сути исследования в целом.

6. Одним из главных факторов успешности проведения психодиагностического обследования личности является мотивационный стимул для испытуемого, добиться которого во многих случаях весьма непросто. Важное преимущество игровой деятельности состоит в том, что она способна формировать мотивационный компонент обследуемого самим процессом его участия в игровых действиях.

Таким образом, проведенный анализ преимуществ использования компьютерных игр в качестве психодиагностических инструментов, указывает на актуальность исследования и практической разработки этого направления.

В докладе будет представлена разрабатываемая нами компьютерная игровая методика, предназначенная для диагностики точности профессиональной оценки экспертов-оценщиков личностных характеристик оцениваемых персонажей компьютерной игры.

Психологическая практика

Системогенез доверия в психологическом консультировании

И.В. Антоненко (Москва)

Trust sistemogenez in psychological consultation — *I.V. Antonenko (Moscow)*

Вопросы системогенеза деятельности, психических функций и способностей относятся к важнейшим в современной психологии (П.К. Анохин, А.В. Карпов, М.М. Кашапов, Ю.П. Поваренков, В.Д. Шадриков и др.). По сути, всякое психическое образование в своем возникновении, формировании и развитии представляет собой конкретный системогенез, и в этом своем качестве может быть подвергнуто научному исследованию. Одним из таких психических образований является доверие. Ему посвящено существенное число исследований (С. Айзенштадт, И.В. Антоненко, Л. Бос, П. Бурдые, Э. Гидденс, А.Л. Журавлев, В.П. Зинченко, А.Б. Купрейченко, Н. Луман, А. Селигмен, Т.П. Скрипкина, Ф. Фукуяма, Р.Б. Шо, П. Штомпка и мн. др.).

В наших исследованиях прослежены некоторые общие закономерности системогенеза доверия и, в частности, закономерности системогенеза доверия в психологическом консультировании. Под системогенезом доверия мы понимаем процесс формирования и развития социально-психологического качества личности, которое определяет целостную реакцию индивида на наличные социальные условия по критерию обратного отношения, эквивалентного объектному отношению.

Каждая личность характеризуется базисным уровнем доверия (В.П. Зинченко, Э. Гидденс, К. Роджерс, Э. Эриксон). Системогенез базисного доверия происходит в процессах ранней социализации в ходе проявляемой ребенком активности, которая постепенно приобретает черты деятельности. Активность одним из своих предметов имеет предмет доверия, т.е. тот фактор среды, который определяющим образом влияет на успешность / неуспешность осуществления деятельности. В процессе системогенеза доверие приобретает у индивидов все более значительное дифференцирование к отдельным условиям среды: людям, социальным явлениям, товарам, видам информации и т.п.

Процесс системогенеза доверия протекает на многих психических и морфологических уровнях сначала в рамках синкретического психического новообразования (Л.С. Выготский),

представляющего собой общий механизм отклика на внешнюю действительность, затем из него постепенно вычлняются более частные, более специализированные механизмы и в их числе механизм доверия, более точно характеризуемый как функциональный орган доверия (А.А. Ухтомский, В.П. Зинченко). Функциональный орган доверия представляет собой систему психических процессов (когнитивных, эмоциональных, волевых), реализующих функцию доверия. Функциональный орган доверия активизируется в ситуации доверия.

Базисное доверие конкретных индивидов имеет широкий спектр проявлений от безусловного недоверия до полного доверия, но при этом характеризуется избирательной вариативностью по отношению к разным людям. В процессе психологического консультирования встает задача сформировать такой уровень доверия между специалистом и клиентом, который бы обеспечивал эффективность консультационной деятельности. Данная задача имеет разные пути решения для клиентов с низким и высоким уровнем базисного доверия.

Для клиентов с высоким уровнем базисного доверия, по сути, необходимо подтвердить их позитивные ожидания, тогда как для клиентов с низким уровнем базисного доверия требуется осуществление системы действий по формированию избирательно высокого уровня доверия по отношению к специалисту. Эти специальные действия запускают системогенез парциального доверия у конкретного клиента в начальной стадии психологического консультирования. Требуется постоянные и ответственные усилия для поддержания устойчивого и относительно высокого уровня доверия у таких клиентов.

Психотерапевтическая помощь в комплексном лечении заболеваний репродуктивной сферы

М.Е. Блох (Санкт-Петербург)

Psychotherapeutic help in complex treatment of reproductive system. — *M.E. Blokh (St. Petersburg)*

На современном этапе проблема репродуктивного здоровья женщины заслуживает особого внимания. Отмечается неуклонный рост гинекологических заболеваний женщин репродуктивного возраста практически по всем нозологическим формам, что в свою очередь приводит не только к снижению качества жизни самой женщины, но и к трудности, а порой и невозможности осуществления ею своей детородной функции. Все это ставит перед специалистами задачу комплексного решения данной проблемы.

Обобщая и анализируя десятилетний опыт консультирования и психотерапевтической работы с женщинами репродуктивного возраста, имеющими патологию в репродуктивной сфере в форме различных гинекологических заболеваний, можно выделить следующие психологические особенности, объединяющие этих женщин: наличие внутриличностного конфликта в материнской сфере, отношение к материнской функции, как к трудности, неадекватная ценность ребенка, выраженная личностная тревожность, эмоциональная неустойчивость, осложненные отношения с близкими людьми. Однако в зависимости от нозологии заболевания есть и психологические различия, например, в семейных отношениях женщины с эндометриозом реализуют преимущественно доминирующую, активную позицию по отношению к супругу, а женщины с миомой как правило имеют зависимые отношения, играют опекающую роль по отношению к супругу, в то же время обладая выраженной инфантильностью. Исследуя анамнез жизни пациенток, обратили на себя внимание следующие особенности, связанные с нозологией болезни: у женщин, страдающих эндометриозом были неудовлетворяющие, как правило, холодные отношения с матерью в детстве; идентичность по ролевой позиции с отцовской фигурой; часто женщины занимали мужскую супружескую позицию по отношению к матери. В результате чего был изменен гендерный сценарий, психофизиологические проявления женственности были подавлены, что привело к ярко выраженным качествам доминантности, агрессивности, соревновательности, гиперответственности, стремлению к доминированию в семейных отношениях, нарушению полоролевой идентичности по типу

искажения. А вот для женщин с миомой матки характерным оказалось стремление занимать материнскую позицию к замещающим объектам, которыми могли выступать собственная мать женщины, с которой присутствуют тесные эмоциональные связи, часто симбиотические, или сиблинги женщины, или собственная болезнь миома как объект, о котором надо заботиться, переживать, оказывать ему внимание, замещая при этом собственного реального ребенка. Их нарушение полоролевой идентичности скорее характеризуется незрелостью.

Все эти психологические особенности говорят о необходимости комплексной терапии женщин с нарушениями репродуктивной функции, с обязательным включением психотерапевтической помощи, целью которой является психокоррекция диадических нарушений, формирование адекватной полоролевой идентичности, принятие своей женской части (как сексуальной, так и материнской), осознание ценно-смысловых ориентаций, осознание внутриличностного конфликта в реализации репродуктивной функции. С профилактической целью сохранения репродуктивного здоровья женщины необходима своевременная диагностика и коррекция нарушенных диадических отношений, психологическая поддержка семьи, формирование у подрастающего поколения ценности семьи и ребенка, ценно-смысловых ориентаций и т.д.

Оценка психологом своего сходства с обследуемым и качество диагностических гипотез

О.Р. Бусарова (Москва)

Estimation by the psychologist of the similarity with client and quality of diagnostic hypotheses —
O.R. Busarova (Moscow)

Целью нашей работы было изучение вопроса о влиянии субъективно оцениваемого диагноста своего сходства с обследуемым на правильность диагностических гипотез. В силу методической сложности изучения реальной диагностической деятельности психолога, мы обратились к её моделированию. В исследовании приняли участие 26 студентов-психологов четвёртого курса Московского государственного университета путей сообщения (МГУПС-МИИТ). Им предлагалось проанализировать фрагмент описания диагностического случая из практики работы школьного психолога. Испытуемые знакомились с запросом к психологу, содержащем жалобы на плохую успеваемость и/или нарушения поведения младшего подростка и информацией о его текущей жизненной ситуации, полученной методами наблюдения, беседы и анализа документов – состав семьи, состояние здоровья, успеваемость, мнения родителей, учителей и самого школьника о причинах возникшей проблемы и т.п. Студентов просили в письменной форме назвать возможные причины психологических трудностей подростка и указать, если это возможно, конкретных виновников рассматриваемой ситуации. Кроме того, испытуемым предлагалось количественно оценить своё сходство с героем диагностического случая, подсчитав количество совпадений в биографии данного подростка и собственной биографии – пол, состав семьи, хобби в этом возрасте, успеваемость по конкретным предметам школьной программы и т.п. При обработке результатов фиксировалось количество выдвинутых гипотез о причинах неблагополучия и их адекватность – совпадение с гипотезами, выдвинутыми психологом, работавшим с этим случаем в реальности. Для статистической обработки результатов применялся пакет SPSS Statistics 17.0. Выявлено отсутствие значимых корреляций (по Спирмену) между количеством отмечаемых студентами-психологами сходств с подростком, фигурирующем в описании случая, и адекватностью диагностических гипотез ($r=0,07$), а также между количеством сходств и количеством гипотез ($r=0,16$). Оказалось, что восприятие своего сходства с описываемым подростком влияет на ответы испытуемых на вопрос о том, кто виноват в его школьных проблемах. Студенты, указавшие на одного-двух конкретных людей (родителей, бабушку, реже – учителя), а именно – на их личностные особенности и стиль общения с подростком – отметили у себя достоверно меньше сходств со школьником, чем те, кто называл объективные факторы (состояние

здоровья ребёнка, имущественное положение семьи, развод родителей, переезд и т.п.) либо комбинацию объективных и субъективных причин. Для сравнения этих групп применялся критерий Манна-Уитни ($U=31,5$; $p<0,01$). По итогам исследования были сделаны следующие выводы: 1. Оценка начинающим психологом своего сходства с обследуемым не влияет на качество и количество диагностических гипотез. 2. Студенты, уверенно возлагающие ответственность за школьные трудности подростка на его близких взрослых, отметили у себя достоверно меньше сходств со школьником, чем те, кто менее категоричен и учитывает актуальную жизненную ситуацию обследуемого. Справедливость этих выводов применительно к реальной деятельности опытных психодиагностов нуждается в специальной проверке.

Психологическое просвещение: общие положения и опыт психологов города Черногорска

О.Г. Бухаркина, Л.Ф. Чупров (Черногорск)

Psychological education: general provisions and experience of psychologists of the city of Chernogorsk —
O.G. Bubarckina, L.F. Chuprov (Chernogorsk)

Психологическое просвещение (ПП) – вид работы специалиста-психолога по распространению специальных знаний, особый вариант педагогической деятельности, осуществляемый специалистом-психологом самостоятельно или в сотрудничестве со специалистом другого профиля, помогающим более эффективно достичь целей распространения психологических знаний. Существует две точки зрения на ПП и его место в системе работы практического психолога. Ряд авторов выделяет ПП, как отдельный вид работы (например, И.В. Дубровина), другие, в частности, Л.Ф. Чупров, рассматривает ПП, как составную часть психопрофилактической работы практического психолога. ПП – раздел профилактической деятельности специалиста-психолога, направленный на формирование у населения (учителей, воспитателей, школьников, родителей, широкой общественности) положительных установок к психологической помощи, деятельности психолога-практика и расширение кругозора в области психологического знания. Это основной способ и одновременно одна из активных форм реализации задач психопрофилактической работы психолога независимо от того, в какой из сфер социальной деятельности (образование, здравоохранение, промышленность, фирма, правоохранительные органы и др.) он работает. ПП выполняет следующие четыре задачи: 1) формирование научных установок и представлений о психологической науке и практической психологии, в частности (психологизация социума); 2) информирование населения по вопросам психологического знания; 3) формирование устойчивой потребности в применении и использовании психологических знаний в целях эффективной социализации подрастающего поколения и в целях собственного развития; 4) профилактика дидактогений (ятрогений). Содержание ПП определяется исходя из специфики, вида и профиля учреждения, уровня общей и психологической культуры информируемого субъекта (отдельный человек, группа, коллектив, массовая аудитория) и социальной ситуации.

Содержание ПП определяется исходя из специфики, вида и профиля учреждения, уровня общей и психологической культуры информируемого субъекта (отдельный человек, группа, коллектив, массовая аудитория) и социальной ситуации. Формы: ПП могут быть индивидуальными (беседа), групповые (тематический урок, родительское собрание), эстрадные представления (с участием субъекта-реципиента), публичные выступления (лекция, сообщение перед большой аудиторией) и др. Использование той или иной формы определяется как опытом практического психолога, его коммуникативными и лекторскими творческими возможностями, так и конкретной ситуацией аудитории, где проводится этот вид работы. Наиболее эффективным ПП является тогда, когда оно осуществляется не только ограничено в стенах образовательных учреждений, но и за их пределами, в сотрудничестве со СМИ. В СМИ черногорские психологи размещают информационные материалы, зарекомендовал

себя опыт ведения специальных рубрик в газете. Интересен вариант ПП – публицистические произведения, в центре которых стоят психологические вопросы.

Часто газетный материал представляет либо интервью, либо комментарий по письму в редакцию, либо выполнение прямого запроса от штатного корреспондента газеты. Определенный опыт имеет черноморская психологическая служба по взаимодействию СМИ и «Телефона доверия». Сотрудничество со СМИ позволяет расширить круг адресатов сообщения.

Психологические эффекты субъект-ориентированного тренинга «анти-выгорание»

Н.Е. Водопьянова (Санкт-Петербург)

Psychological effects of subject oriented anti-burnout training – *N.E. Vodopyanova (Sankt-Petersburg)*

Негативный взгляд на синдром выгорания рассматривает его как необратимый и неизбежный для тех, кто отдает много душевных и физических сил работе и другим людям. Позитивный взгляд на синдром выгорания допускает не только его обратимость, но также рассматривает острые переживания «выгорания» как стимул для самоизменения, кардинальной смены профиля/стиля деятельности, для изменения ценностных приоритетов и способов совладающего поведения. Позитивный подход опирается на имеющиеся эмпирические доказательства возможности «смягчения» синдрома выгорания после серии психологических тренингов. Учитывая, что синдром выгорания это – не просто результат профессиональных и экзистенциальных стрессов, а следствие их непродуктивного или неконструктивного преодоления, оптимистический взгляд на коррекцию синдрома выгорания опирается на теорию и практику развивающего обучения, в частности, формирование и закрепление компетенций совладающего поведения.

С позиций субъектно-деятельностного подхода к развитию личности признаки синдрома выгорания говорят о потере или дефиците субъектности как способности быть стратегом своей деятельности, ставить и корректировать цели, осознавать мотивы, выстраивать действия и оценивать их соответствие задуманному, выстраивать планы жизни. Утрата субъектной активности и метамотивации к самореализации в профессиональной деятельности представляется нам ключевым признаком синдрома выгорания.

На основе субъектно-деятельностного и метасистемного подходов к психической саморегуляции нами разработана профилактико-коррекционная программа «Антивыгорание». В ней реализуются идеи развития когнитивно-экзистенциальной активности субъекта жизненного и профессионального пути, расширение осознанности личных ресурсов и навыков конструктивного совладания с профессиональными и экзистенциальными стрессами.

В серии исследований доказано, что укрепление субъектной активности и ответственности в преодолении жизненных стрессов, расширение репертуара конструктивных копинг-стратегий способствует повышению устойчивости к синдрому выгорания по субфакторам эмоционального истощения и самоэффективности. После серии субъект-ориентированных тренингов обнаружено статистически значимые изменения по следующим параметрам: повышение позитивного самоотношения и мотивации к самоизменению и совершенствованию психической саморегуляции, активизация смысловой регуляции, поиск новых и восстановление прежних смыслов ценностных ориентиров в профессиональной деятельности, личной, семейной и общественной жизни; преодоление отчуждения между «актуальным Я» и «реальным Я», повышение мотивации к личностному росту и другим показателям субъектности.

Посттренинговое тестирование показало, что наиболее значимые положительные сдвиги достигаются по субфактору «профессиональная эффективность». Положительный кумулятивный эффект от тренинга в среднем сохраняется в течение 5-6 месяцев. У лиц с высокой субъектной активностью обнаруживаются достоверное снижение выраженности симптомов выгорания и показателей смысловой отчужденности по методике Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева.

Результаты апробации субъект-ориентированных тренингов говорят в пользу перспективности их использования для помощи «выгорающим» специалистам и подтверждают позитивный взгляд на возможности профилактики и коррекции синдрома выгорания.

Общительность как условие становления социального интеллекта

И.С.Вотчин (Новосибирск)

Sociability as a factor for social intelligence development — *I.S.Votchin (Novosibirsk)*

На современном этапе развития общества человеку приходится реагировать на внешние изменения, постоянно самосовершенствоваться, актуализируя свои возможности, чтобы быть востребованным. Социальный интеллект может рассматриваться как ведущий компонент успешности включения человека в социальную жизнь общества. Важным условием становления социального интеллекта, по мнению ряда исследователей, является общительность, которая рассматривается как совокупность инструментально стилевых и мотивационно смысловых характеристик обеспечивающих постоянство стремлений и готовность индивида к межличностному взаимодействию. Социальный интеллект обретает особую роль там, где индивид взаимодействует с другими или действует по отношению к другим.

В рамках совместного проекта представлен фрагмент исследования социального интеллекта лиц с различными уровнями развития общительности. Использовались следующие методики: опросник социального интеллекта Дж. Гилфорда и М. Салливена, тест общительности А.И.Крупнова.

В эксперименте приняли участие студенты факультета психологии Новосибирского государственного педагогического университета. В ходе исследования сформированы две экспериментальные группы респондентов, из них 138 девушек и 63 юношей. Экспериментальные группы различались по уровню развития общительности. В первую группу вошли студенты с низким уровнем развития данного свойства ($N_1=86$), во вторую с высоким ($N_2=115$). С целью выявления достоверных различий между высоким и низким уровнями сформированности общительности был проведен сравнительный анализ по критерию Стьюдента. Статистически значимые различия между высоким и низким уровнями развития общительности зафиксированы по всем компонентам на 0,1% уровне значимости.

У испытуемых с высоким уровнем развития общительности выявлены хорошие способности к познанию поведения других людей в процессе межличностного взаимодействия (соответствующие сформированности социального интеллекта выше среднего). Они понимают связь между поведением и его последствиями, легко выстраивают стратегию собственного поведения для реализации поставленных целей. Для них не представляет сложности прогнозировать поведение участников коммуникаций на основе анализа реальных ситуаций общения. Они легко ориентируются в невербальных реакциях участников взаимодействия, понимают их чувства, настроение и поведение, способны понимать язык невербального общения, успешно прогнозировать реакции людей в заданных обстоятельствах, проявлять дальновидность в отношениях с окружающими. Для них характерны такие личностные качества как открытость, контактность, тактичность, доброжелательность, экстравертированность.

Испытуемые с низким уровнем развития общительности (соответствующие сформированности социального интеллекта ниже среднего) обладают средними способностями, следовательно, в некоторых ситуациях могут предвидеть последствия поведения, предвосхищать дальнейшие поступки людей на основе анализа реальных ситуаций общения, предсказывать события, основываясь на понимании чувств, мыслей, намерений участников коммуникации, но они испытывают определенные трудности при оценивании эмоциональных состояний окружающих, а также намерений людей по их невербальным проявлениям. Они испытывают

трудности в анализе ситуаций межличностного взаимодействия и плохо адаптируются к различным системам взаимоотношений между людьми (семейным, деловым, дружеским).

Таким образом, экспериментально подтверждено, что общительность является условием становления социального интеллекта.

Практическое применение модели «BASIC Ph» в кризисной помощи

А.Е. Горобченко (Минск)

Practical using of «BASIC Ph» model in crisis assistance — *A.E. Gorobchenko (Minsk)*

Негативные жизненные события рассматриваются в психологии как инциденты, происшествия, нарушающие нормальное течение жизни и являющиеся причиной физических и психологических страданий. Если же событие оказывается неожиданным, насильственным, травмирующим и опасным для жизни человека, то его определяют как травматическое событие. Ситуации, не поддающиеся контролю и несущие внезапную, массивную, неожиданную угрозу жизни человека называют кризисами. Кризисные ситуации считаются наиболее сложной формой стрессора, так как несут в себе оттенок чрезвычайности, угрозы и необходимости безотлагательного действия.

Для совладания с неблагоприятными жизненными событиями человеку необходимы ресурсы, в первую очередь – психологические, а внутренние источники преодоления этих событий. Наличие ресурсов совладания с кризисными ситуациями обеспечивает адаптивную функцию, придает уверенность, поддерживает самоидентичность человека. Ресурсы – это все то, что человек использует, чтобы удовлетворить требования среды (психологические и социальные ресурсы). Успешность преодоления негативных жизненных событий напрямую зависит от репертуара, характера и степени использования наличных и доступных ресурсов.

Модель «BASIC Ph», разработанная М. Lahad, демонстрирует различные стили совладания со стрессом и кризисом. Эта модель предназначена для того, чтобы помочь людям, осуществляющим вмешательство, оценить поведение человека, борющегося с кризисом и таким образом выработать эффективный подход к этому человеку – подход, который создаст возможность значимой коммуникации, основанной на личном стиле борьбы с кризисом.

В данном мультимодальном подходе рассматривается модель, состоящая из шести видов «исцеляющих ресурсов»:

1. Вера (Belief).
2. Эмоциональный аффект (Affect).
3. Социальный (Social).
4. Воображение и фантазия (Imaginative).
5. Когнитивный (Cognitive).
6. Физический (Physical).

Одним из инструментов практического применения модели «BASIC Ph», который используется специалистами помогающей деятельности, являются метафорические карты «COPE» (англ. «преодолеть»). Данный инструмент является проектом трех специалистов – издателя и психотерапевта Моритца Эгетмейера (Германия), художницы Марины Лукьяновой (Россия) и всемирно известного психолога Доктора Офры Аялон (Израиль).

Практическое применение метафорических карт «COPE» эффективно в следующих направлениях:

1. Налаживание контакта с жертвами или уцелевшими в результате события.
2. Помощь в изложении сюжета травматического события.
3. Нахождение и анализ внутренних ресурсов для преодоления травматического события.
4. Восстановление способности к саморегуляции.

5. Помощь в налаживании взаимодействия в группе.
6. Подтверждение того, что реакции на событие, волнения, страхи, способы преодоления кризиса и планы на будущее являются нормальными и заслуживающими внимания.

Метафорические карты «СОРЕ», недавно появившиеся на постсоветском пространстве, активно применяются в работе с жертвами терактов, военного и семейного насилия специалистами различных направлений психологической практики как качественный, удобный проективный материал, помогающий налаживанию контакта с клиентом, самораскрытию клиента или участников группы, стимулирующий к открытому и исцеляющему диалогу.

К вопросу о психологической готовности к материнству в юношеском возрасте

О.С. Зорькина (Новосибирск)

On the psychological readiness for motherhood in adolescence — *O.S. Zorkina (Novosibirsk)*

На уровне житейских представлений стремление женщины рожать и растить детей обычно воспринимается как возникающее с неизбежностью. На «материнский инстинкт» возлагается упование на то, что он автоматически обеспечит чувство любви и преданности.

Однако психологическая практика показывает, что это далеко не так. По данным современных исследований, увеличивается число семей, в которых возникают различные формы девиантного материнского поведения, начиная с физического отказа от ребенка и заканчивая различными формами физической и психологической жестокости, да и просто равнодушного, пренебрежительного отношения к нему. Наблюдается тенденция к снижению адекватного восприятия предстоящей материнской роли. На готовности к материнству сказываются более поздний возраст вступления в брак, установки на уменьшение количества детей в семье, карьерные устремления женщин (дилемма «ребенок или карьера»). Поэтому на данный момент важна проблема систематизации основных факторов, формирующих личность будущей матери и степень ее психологической готовности к предстоящему материнству. В качестве наиболее значимых факторов выделяются: опыт взаимодействия с собственной матерью, возможность взаимодействия с младенцами и появления интереса к ним в детстве. Готовность к материнству также связывается со значимостью ребенка для матери. Ребенок должен быть самостоятельной ценностью, а не средством решения собственных проблем.

При всем разнообразии исследований в данной области большей частью они проводятся в период беременности или в первый год после родов. Однако женщина начинает задумываться о будущей беременности и материнстве задолго до их реального наступления. От того, насколько психологически зрелой она вступит в этот важный для ее жизни период, зависит успешность реализации ее в роли матери. Поэтому исследование готовности к материнству правомерно начинать до наступления беременности.

Большое влияние на формирование готовности к материнству оказывает возраст женщины. Традиционно считается, что возраст, оптимальный для рождения ребенка (с психологической и физиологической точек зрения) ограничивается рамками от 18 до 25 (28) лет. Нам такая постановка вопроса относительно нижней границы возраста представляется спорной. У женщин в возрасте 19-21 года организм вполне сформирован для рождения ребенка, но для этого возраста характерно то, что большинство девушек заняты учебной деятельностью. Первостепенное значение имеет образование, овладение специальностью, а ценности, связанные с семейной жизнью и материнством, отодвигаются на задний план. Следовательно, даже если беременность наступает в этот период жизни, молодая женщина может оказаться психологически не готовой к новой роли и в дальнейшем испытывать трудности установления контакта с собственным ребенком.

Поэтому решение вопроса о специфике психологической готовности к материнству в юношеском возрасте, выявление проблем в этой сфере является чрезвычайно актуальным.

Взаимосвязь одиночества и переживания пустоты

Е.С. Кизурова (Новосибирск)

Interrelation of loneliness and emptiness experience — *E.S. Kizurova (Novosibirsk)*

Становление современного общества сопровождается процессами взаимного отчуждения людей, нарастанием субъективного восприятия одиночества и переживания пустоты, которая является как проблемой индивидуальной жизни личности, так и находит свое отражение на социальном уровне, приобретая все более широкое распространение в современном мире.

В психологии представлены различные подходы по проблеме одиночества: психоаналитический (Дж. Зилбург, Г. Салливан, Ф. Фромм-Рейхман), человеко-центрированный (К. Роджерс), социально-психологический (К. Боумен, Д. Рисмен, П. Слейтер), интеракционистский (Р.С. Вейс), когнитивный (Л.Э. Пепло, Д. Перлман), интимный (В.Дж. Дерлега, С.Т.Маргулис), экзистенциальный (В. Франкл, И. Ялом, К. Мустакас).

Феномен «переживание пустоты» привлекал внимание многих ученых, его рассматривали как субъективное переживание отсутствия некоего жизненного обстоятельства в контексте социального и культурного окружения личности (С.Кьеркегор, Ф.Ницше, Э.Фромм, К.Хорни, Р.Мэй, К.Роджерс), как состояние, изначально присущее природе человеческой психики (Д.Винникот, Ж.Лакан), как внутреннее психопатологическое переживание, связанное с недостаточностью или особенностью личностной структуры, сложившейся в период раннего онтогенеза (З.Фрейд, Д.Винникот, Х.Кохут, О.Ф.Кернберг). Переживание пустоты является тяжелым симптомом деперсонализации личности, которая ощущается как потеря внутреннего мира и лежит в основе разных форм аддиктивного поведения (С.Е.Соколов).

Целью данной работы явилась экспериментальная проверка взаимосвязи субъективного восприятия одиночества и переживания пустоты.

Экспериментальная выборка составила 137 человек. Из них 100 человек в возрасте 18-25 лет (14 юношей и 86 девушек) и 37 человек в возрасте от 25 до 40 лет (20 женщин и 17 мужчин).

В исследовании использовались «Шкала одиночества» Д.Рассела, методика «Уровень социальной изолированности личности» Д. Рассела и М. Фергюссона. Для выявления представлений о переживании пустоты использовалось полуструктурированное интервью «Семантика переживания пустоты» О.А.Шамшиковой. Методика содержит вопросы, направленные на выявление ассоциативного ряда, возникающего при наиболее частых сопутствующих эмоциональных состояниях при переживании пустоты.

Исходно проводился семантический анализ феномена «переживание пустоты» методом контент-анализа. Было обнаружено, что переживание пустоты (разной степени интенсивности) знакомо 63% испытуемых (из них 67% испытывают пустоту иногда, 22% – часто, 6% – очень часто, 5% – постоянно); наиболее распространенными эмоциональными состояниями, сопровождающими переживание пустоты, являются грусть, печаль, уныние (27%), переживание утраты (18%), скука, апатия (16%), одиночество (15%), бессмысленность и бесцельность (14%); наиболее распространенными причинами, с которыми связывают появление пустоты, являются неудовлетворительные отношения с людьми (34%), одиночество (25%), жизненные трудности (16%), скука (11%).

Анализ содержательного наполнения конструкта «переживание пустоты» проводился с опорой на полуструктурированное интервью «Семантика переживания пустоты» методом χ^2 – Пирсона для номинативных данных, образованных между ответами на пункты интервью и следующими параметрами: локализацией пустоты и частотой ее переживания ($\chi^2 = 23,738$, $p < 0,01$); локализацией пустоты и полом ($\chi^2 = 11,299$, $p < 0,01$); локализацией пустоты и возрастом ($\chi^2 = 7,388$, $p < 0,01$). На высоком уровне значимости установлена взаимосвязь субъективного восприятия одиночества и переживания пустоты ($\chi^2 = 23,431$ при $p < 0,001$).

Дифференциально-диагностическое исследование нарциссизма

Н.М. Клепикова

Differential-diagnostic study of narcissism — *N.M.Klepikova*

В последнее время в науке активно дискутируется проблема психологической природы нарциссизма. В зарубежной психологии отмечается рост эмпирических и прикладных исследований его различных аспектов в пределах психической нормы на базе стандартизированных опросников.

В отечественной психологии наблюдается как дефицит аналогичных работ, так и отсутствие родственных данных для сравнения. Для восполнения обозначенного дефицита осуществлено исследование нарциссизма в пределах психической нормы на российской выборке. Предметом исследования явились половозрастные и кросс-культурные различия в качественном и количественном составе рассматриваемого явления. Для диагностики применялись методики пригодные для эмпирической оценки различных аспектов нарциссизма: нарциссических черт личности – опросник «Нарциссические черты личности» О.А. Шамшикова, Н.М. Клепикова (2010), нарциссических стратегий личности – «Нарциссический опросник личности», R.Raskin, C.S.Hall, 1979; J.Zimmermann (1994) и нарциссических способов регуляции представления личности о себе – «Диагностика нарциссизма», F.W. Deneke, B.Hilgenshtok, R.V.Muller (1994).

В результате исследования получены следующие эмпирические данные:

- в подростковом возрасте выражены такие нарциссические черты как: вера в собственную уникальность, поглощенность фантазиями. По сравнению с взрослыми, наиболее выражены – нарциссические стратегии лидерство и авторитетность; – нарциссические способы регуляции представления личности о себе: потеря контроля, возвращение к архаическим фантазиям, нарциссический гнев, обесценивание объекта;
- в юношеском возрасте, по сравнению с взрослым, более выражена нарциссическая черта поглощенность фантазиями, преобладают нарциссические способы регуляции представления личности о себе: бессильное Я, потеря контроля, возвращение к архаическим фантазиям, грандиозное Я, жажда похвалы и подтверждения значимости; ярче проявляются такие нарциссические стратегии личности как самовосхищение и самолюбование; использование и притязание; лидерство и авторитетность;
- для взрослого возраста характерна выраженность таких нарциссических черт как ожидание особого отношения, потребность во внимании и восхищении.
- у мужчин преобладает грандиозное чувство значимости (нарциссическая черта), нарциссический гнев (нарциссический способ регуляции представления о себе), лидерство и авторитетность (нарциссическая стратегия); у женщин – потребность во внимании и восхищении, сверхзанятость чувством зависти (нарциссические черты), жажда похвалы и подтверждения значимости (нарциссический способ регуляции представления о себе);
- для российских респондентов: – относительно испытуемых из американской выборки зафиксированы более высокие показатели, отражающие выраженность нарциссических стратегий; – относительно испытуемых из немецкой выборки – нарциссических способов регуляции представления личности о себе; – между мужчинами из разных популяций (немцы-русские) не выявлено различий по таким параметрам, как идеал самоудовлетворения, идеалы ценностей, базовый потенциал надежды (нарциссические способы регуляции представления личности о себе).

Результаты исследования различных аспектов нарциссизма в пределах психической нормы на российской выборке не противоречат выводам, представленным зарубежными авторами.

Устойчивость взаимоотношений в студенческой группе

Е.И. Колесникова (Самара)

Stability of relationships in the student group — *E.I. Kolesnikova (Samara)*

Современные государственные стандарты в высшем профессиональном образовании направлены на формирование у будущих специалистов компетентностей, одной из которых является социально-психологическая, предполагающая наличие у будущих специалистов социально-психологических способностей и качеств, определенной информации, а также умений и навыков, позволяющих осуществлять эффективное взаимодействие с клиентами и коллегами в процессе выполнения будущих профессиональных функций.

Значительная роль в формировании этого вида компетентности принадлежит учебной студенческой группе, в которой происходит преломление внешних учебно-воспитательных воздействий образовательной среды вуза в реальном социальном окружении.

Поэтому важно изучать взаимоотношения, складывающиеся между одногруппниками и их динамику в процессе обучения.

Исследование проводилось в рамках ежегодного мониторинга социально-психологической компетентности студентов инженерных специальностей ведущего технического вуза г. Самара. Студенты проходят тестирование дважды – в начале 1-го и в конце 4-го курса обучения в вузе.

Нами определена четырехкомпонентная структура содержания социально-психологической компетентности студента, состоящая из когнитивного, мотивационного, личностного и социального компонентов.

Социальный компонент мы оцениваем по структуре межличностных отношений в студенческой группе с помощью непараметрического социометрического опроса и основанной на нем методики выделения неформальных микрогрупп с учетом коэффициентов межличностной совместимости.

Первичный социометрический опрос был проведен после двух месяцев с начала обучения и включал критерии выбора одногруппников для совместной учебы (с кем из группы ты выполнял бы практические, лабораторные работы) и совместного отдыха (с кем хотел бы оказаться в одной компании).

Исследование устойчивости взаимоотношений мы сосредоточим на микрогруппах внутри учебной группы. Характеризуя перемещения внутри микрогрупп относительно предыдущего измерения, Н.Н. Обозов ввел коэффициент устойчивости отношений. Он находится в числовых пределах от нуля до единицы и вычисляется как отношение числа испытуемых, сохранивших принадлежность к микрогруппе относительно предыдущего измерения к числу испытуемых, участвовавших в обоих измерениях. Чем ближе коэффициент устойчивости к единице, тем больше устойчивость отношений.

Выборка состояла из трех подвыборок – по 4 учебные группы студентов 2004, 2005 и 2006 года зачисления. В сентябре 2007 года группы были переформированы случайным образом (из 4-х групп в три), соответственно реорганизация проводилась после одного года, двух и трех лет жизни учебной группы.

Согласно полученным результатам, коэффициент устойчивости отношений во всех исследуемых группах очень высок (0,7–1,0) и не зависит от численности микрогруппы, количества микрогрупп в группе и времени совместного сосуществования группы перед реорганизацией. Члены расформированных микрогрупп в своем большинстве не образуют новую микрогруппу, а относятся к «отклоненным» членам новой группы. Наибольшая устойчивость отношений наблюдается в ситуации совместной учебы по отношению к ситуации совместного отдыха группы.

Таким образом, устойчивость структуры эмоциональных предпочтений, возникающих в самом начале обучения в вузе, с одной стороны, обеспечивает стабильность взаимоотношений, а с другой стороны требует психолого-педагогического сопровождения уже с первых недель учебного процесса.

Инфокоммуникационные технологии в психологическом консультировании

Т.В. Колесникова (Самара)

Infocommunication technology in counselling — *T.V. Kolesnikova (Samara)*

Современные информационные технологии значительно расширяют возможности человека, в том числе и в сфере оказания помощи в решении стоящих перед ним задач и проблем – психологического консультирования.

Для содействия человеку в решении его личностных проблем, успешной адаптации и преодоления возникающих затруднений используются виды психологического консультирования, как уже ставшие традиционными (очные консультации, телефонное консультирование), так и появившиеся в недавнее время (on-line консультации с использованием ICQ, Skype). Составленный психологический портрет может быть выслан клиенту на электронную почту, разработаны основы виртуальных социально-психологических тренингов.

Нами был проведен опрос 50 студентов-первокурсников (из них 30 юношей) технического вуза г. Самары по исследованию их отношения к современным видам психологического консультирования. На вопрос «К кому ты обратился бы за помощью, поддержкой в разрешении личных и учебных затруднений» 30% респондентов ответили, что к друзьям, 25% – прочитали в Internet-ресурсах, журналах, 20% – постарались бы разрешить сами, 15% – к родителям, 10% – обратились бы к профессиональному психологу.

Большинство респондентов испытывают потребность в «доступных, полезных и интересных» психологических знаниях (80%). Из спектра психологических услуг на индивидуальные очные консультации к психологу пришли бы 10%, на социально-психологический тренинг – 50%, on-line консультациями воспользовались бы 25%, 15% – другими дистанционными формами, 10% считают, что не нуждаются ни в каких формах помощи.

Таким образом, мы видим, что наряду с традиционными формами психологического консультирования увеличивается потребность в дистанционных формах. При современном росте индивидуализма у молодежи возможно для кого-то немисливо прийти к чужому человеку, пусть даже и профессиональному психологу и озвучить проблему, а кто-то никогда не сможет выразить словами или письменно все то, что мучает и не дает покоя.

Поэтому виртуальное консультирование становится одной из наиболее востребованных форм, если учитывать достоинства и недостатки этого метода.

Среди достоинств можно отметить возможность «спрятаться» за ником и полностью «раскрыть свою душу», «выговориться» другому человеку, зная, что он больше никогда его не увидит. Кроме того, в сети можно заранее получить представление о консультантах из самопрезентации, выбрать подходящего. Из недостатков больше выражена неполная обратная связь или её отсутствие.

Следует обратить внимание и на техническую сторону сопровождения виртуального консультирования (скорость набора текста, возможность поддержки программ, разработка сайтов консультантов и продвижение услуг).

Историко-эволюционный смысл психологических практик

В.В. Колпачников (Москва)

Historical-evolutional meaning of psychological practices — *V.V. Kolpachnikov (Moscow)*

Человечество, как и каждый человек, ищет пути и способы оптимальной для себя организации жизни. Согласно положениям историко-эволюционного подхода в психологии личности, существуют две взаимосвязанные тенденции в социально-историческом образе жизни человека: передача и сохранение социотипического поведения личности, выражающего

тенденцию к устойчивости, и неадаптивное, изменчивое поведение как основа для потенциальных изменений в непредсказуемо меняющихся условиях и ситуациях развития.

Рискнем утверждать, что различные психологические практики являются субкультурами, сохраняющими и передающими оправдавшие себя традиции и опробующими и распространяющими ценные инновации в образе жизни людей.

Любой устоявшийся психологический подход в психологической практике может быть понят как социальный диспозитив (по М. Фуко), то есть, как «некий ансамбль – радикально гетерогенный, – включающий в себя дискурсы, институции, архитектурные планировки, регламентирующие решения, законы, административные меры, научные высказывания, философские, но также и моральные, и филантропические положения».

Любой человек, включенный в ту или иную психологическую практику в качестве клиента, студента или практика, окунается в реальную интенсивную коммуникацию и взаимодействие с другими людьми, которые не только «практикуют» подход, но и полноценно воплощают этот подход в их собственной жизни и коммуникации. Полноценно задействуются такие механизмы социального научения как идентификация, моделирование (по А. Бандуре), обратная связь и коррекция, сознательная саморегуляция и др.

Помимо близкого личного диалога с консультантом или коллегами у включенных в психологическую практику имеется доступ к литературе, профессиональным организациям и профессиональным событиям (конференции, семинары, форумы, и т.д.), к системе профессионального образования и практики. Все эти культурные формирования становятся «миром» человека с его героями, мифами, символами, отношениями и др. И человек растет, чтобы соответствовать этому «миру». Так происходит развитие личности.

Приведем в качестве иллюстрации человекоцентрированный подход Карла Роджерса. Этот подход, как мировоззрение и гуманитарная практика соответствует современным тенденциям в человекознании/эпистемологии. На протяжении уже более полувека он существует как дискурсивно-контекстуальная практика, согласованное и развивающееся мировоззрение.

Базовые условия человекоцентрированного подхода, реализуемые хотя бы одним участником межличностного взаимодействия, фасилитируют открытость, осознание и осмысление человеком своего опыта – в его тотальности. Эмпатия и эмпатическое понимание ведут к вниманию и пониманию человеком самого себя и своего опыта. Безусловное позитивное уважение и вера в человека снимают оценочность, а потому и защитное напряжение в принятии собственного опыта во всей его полноте. Конгруэнтность в ситуации заинтересованности другим человеком позволяют последнему четче увидеть, осознать и осмыслить аспекты опыта, до того не замечаемые или недооцениваемые. Можно говорить о целостном бытийном здесь-и-теперь опыте человека, включающем полное осознание и осмысление как внешних, так и внутренних феноменологических реалий. Результатом являются индивидуально-наилучшие жизненные выборы и их реализация в рамках индивидуального жизненного мира человека. Именно эти особенности человекоцентрированного подхода определяют его историко-эволюционную ценность и смысл. Имеются эмпирические подтверждения выдвигаемых положений.

Факторы готовности обращения студентов за помощью на психологическую службу вуза

С.А. Кузнецова, А.И. Крюков (Магадан)

Factors to readiness of the address student for help on psychological service of the high school –
S.A. Kuznetsova, A.I. Krjukov (Magadan)

В проведенном нами исследовании изучались факторы готовности студентов к обращению за помощью на психологическую службу (далее ПС) вуза. В качестве социально-психологических факторов рассматривались гендерный фактор и отношение к психологической помощи у ближайшего окружения; в качестве индивидуально-психологических факторов –

личностные особенности студента и преобладающие копинг-стратегии. Методы исследования: 1) анкета для изучения отношения к психологической помощи у студента и его окружения; 2) опросник ММРІ в адаптации Ф.Б. Березина и др.; 3) методика диагностики копинг-стратегий СОРЕ Ч. Карвера и др. в адаптации Т.О. Гордеевой и др.

В исследовании приняли участие 92 студента различных факультетов. По согласованию с ПС вуза студентам предлагалось получить анонимную консультацию психолога по результатам проведенного тестирования.

На основании анкетных данных определялись три вида готовности обращения на ПС: 1) реализованная готовность, т.е. наличие опыта обращения в прошлом; 2) готовность обращения за результатами тестирования в настоящем; 3) готовность обращения в будущем (при наличии проблем).

Результаты методик ММИЛ и СОРЕ сравнивались между собой по разным видам готовности с использованием критерия ϕ — угловое преобразование Фишера, t-критерия Стьюдента, U — критерия Манна-Уитни. Из расчетов были исключены недостоверные результаты по методике ММРІ.

Получены следующие результаты.

Женщины статистически чаще имеют опыт обращения за психологической помощью в прошлом; готовность обращения в будущем на ПС у них также выше, чем у мужчин. Однако значимых различий между мужчинами и женщинами по готовности получения консультации по результатам тестирования выявлено не было. Нейтрального отношения ближайшего окружения к психологической помощи оказалось достаточно для обращения за консультацией по результатам тестирования в настоящем, но для предполагаемого обращения в будущем требуется позитивное отношение к обращению у окружающих. Подтвердились гипотезы о различиях в личностных особенностях и в копинг-стратегиях у студентов с разными видами готовности. У студентов, не готовых обращаться за психологической помощью в настоящем, значимо выше показатели по 1, 2, 4 и 7 шкалам ММРІ, а также показатели по стратегии «поведенческий уход от проблемы» методики СОРЕ. Вероятно, что для тревожных, дистимичных, нерешительных студентов сама возможность обращения даже в целях получения информации о себе является «проблемой». А ведь именно этой категории студентов особо требуется психологическая поддержка. У студентов, готовых обращаться за помощью только в будущем, значимо выше показатели по 6 шкале ММРІ. У студентов, имеющих опыт обращения, значимо выше оказались показатели по стратегиям «концентрация на эмоциях и их активное выражение», «использование инструментальной социальной поддержки», «использование эмоциональной социальной поддержки», а у студентов, не имеющих опыта обращения — по стратегии «принятие».

Полученные результаты следует учитывать при осуществлении информационно-просветительской работы психологической службы вуза. Для формирования готовности у студентов вообще, и преодоления гендерных стереотипов у студентов — мужчин, в частности, в качестве первого шага может быть рекомендовано предоставление индивидуальных консультаций по результатам анонимного группового тестирования.

Переживания психологов-тренеров как предмет психологического исследования

Е.В. Курочкина (Москва)

Feelings of psychologists-trainers as a subject of psychological research — *E.V. Kurochkina (Moscow)*

За последние 15-20 лет в нашей стране психологический тренинг стал одной из наиболее распространенных форм психологической практики. Однако, несмотря на накопленное достаточно большое количество данных, посвященных различным аспектам психологического тренинга, их значительная часть ориентирована на изучение закономерностей развития

группы, групповой динамики, индивидуальных и групповых явлений, либо являются сборниками различных игротехник. Только незначительная часть общего литературного багажа по исследуемой проблематике посвящена изучению собственно психологии тренера как субъекта деятельности (К. Фопель, Л. Кроль, И.В. Вачков, Ж.В. Завьялова, Е.А. Горбатова и др.) Однако, даже в этих редких работах лишь частично затрагивается сфера личностных переживаний психолога, занимающегося тренинговой деятельностью. Хотя надо отметить, что работа в группе для психолога имеет свою специфику:

1. Наличие относительно большого количества участников в группе требует от ведущего повышенной концентрации внимания, постоянного контроля над ситуацией и возникающими групповыми эффектами.
2. Особого внимания заслуживает необходимость постоянного отслеживания ведущим групповой динамики и, что важно, своевременного предложения группе тех или иных психотехник, согласно уровню развития группы на данный момент времени.
3. Контроль над собой во время ведения тренинга требует от ведущего более полного использования своих психологических и физиологических ресурсов. Ведущий группы должен быть готов, например, принять возможную агрессию со стороны участников, которая может быть обоснованной, а может явиться реакцией переноса чувств или попыткой конкурировать с тренером.

Таким образом, можно прийти к заключению, что тренинг является для психолога ситуацией повышенной напряженности и активизации собственной ресурсности. Р. Кочюнас отмечает, что даже самые опытные психологи, начиная работу с новой группой, испытывают тревогу. Е. А. Горбатова рассматривает проблемные ситуации как обязательную сопровождающую психологического тренинга, среди которых выделяет страх ведущего перед группой, усталость ведущего от группы, принудительно организованную группу и др. С.В. Петрушин прямо утверждает, что «профессия тренера не только интересная, но и опасная для психического здоровья. При этом психолог энергетически истощается, начинает испытывать отвращение и ненависть к своей работе».

Чувство ответственности, сильное напряжение, эмоциональная насыщенность, динамичность, являясь атрибутами работы тренера, закономерно становятся источником его переживания. Переживание, в связи с этим, можно рассматривать как эмоционально окрашенное состояние и явление действительности, выступающее для человека как событие его собственной жизни.

Таким образом, переживания психологов в тренинге требуют особо пристального внимания как явление, обуславливающее субъектно-деятельностную составляющую их дальнейшего профессионального и личностного развития. На сегодняшний день требуется выстроить целостную систему исследования переживаний тренеров, разработав соответствующий диагностический инструментарий и выделив основные критерии оценки этого явления. В перспективе важным представляется создание системы психологической помощи тренерам по преодолению негативных последствий, возникших как результат их неконструктивных переживаний в ходе групповой психологической работы.

Проблема теоретических оснований психологической практики

Т.Х. Невструева (Хабаровск)

The problem of theoretical background of psychological practice — *T.H. Neustrueva (Khabarovsk)*

Анализ развития практического знания в психологии позволяет выделить три взаимосвязанные линии формирования теоретических оснований профессиональной деятельности психолога:

Во первых, это базовые психологические теории многообразных школ, направлений, различных источников продуцирования идей (от философских концепций до академических

лабораторных и клинических исследований). Они формируют два уровня связей теории и практики: а) субъектный (слой профессиональных знаний, ценностей, эталонов, умений, практической и исследовательской рефлексии, профессионального самоопределения); б) технологический (профессиональный язык, системы правил, норм, стандартов, схемы интерпретаций, аналитические процедуры, оценочные эталоны). Эти теории определяют систему профессиональных координат, но их влияние на конкретные практики и психотехнические действия достаточно сложно по механизмам, формам и схемам реализации.

Выделение второй линии теоретизации психопрактики исторически было стимулировано развитием различных психологических практик (как индустриальных, так и психотерапевтических). Научное обоснование этих практик было взаимосвязано с методологическими проблемами. Это, прежде всего, поиск специфики теоретической и исследовательской базы психологической практики, как самостоятельной области профессиональной деятельности, отличной от академической психологии (или точнее несводимой к ней) и ее прикладной, естественнонаучной модели изучения психических проблем. Наиболее адекватен этой линии – пласт теорий, моделирующих механизмы воздействия (изменения, развития или (и) создание внешних и внутренних условий для изменений) на психическую реальность. Дифференциация этих теорий может осуществляться по разным основаниям, психотехническая парадигма определила выделение “психотехнической теории” как теории психологической работы с объектом, а не теории объекта” (Ф.Е. Василюк).

Третья линия теоретических оснований практики исходит из гипотезы создания общей теории психологической практики. В качестве отправной координаты обсуждения проблемы “общей теории” может быть “психотехническая теория” в ее статусе теории для практики и о практике. Однако конкретный анализ специфики и содержания психотехнической теории затруднен проблемами методологического характера, прежде всего, необходимостью определения научной модели теоретического знания и исследовательской практики, раскрывающей специфику психотехнической теории.

Основная задача общей психотехнической теории, как теоретического ядра различных дисциплин – концептуализация схемы психотехнического процесса, алгоритмов действий, раскрытия структуры, основных принципов, закономерностей функционирования систем психотехнических действий, анализ и формирование основного категориального ряда. Многие процессы в психологической практике плохо поддаются схематизации и это ядро “поддерживает” некоторую профессионально однородную конструкцию практических действий. Слагаемыми общей психотехнической теории могут, на наш взгляд, выступать теория психотехнических действий, теория методов формирующих воздействий и теория отношений в психотехнических воздействиях. Соответственно, основными концептуальными единицами теоретических построений являются категории “действие”, “воздействие”, “формирование”, “отношение”, в качестве обобщающего концепта “теория метода формирующего воздействия.

Соотношение выраженности нарциссических черт личности и ее самооценки

С.Б. Нестерова (Новосибирск)

Correlation of narcissistic personality traits expression and self-esteem — *S.B. Nesterova (Novosibirsk)*

Сегодня, как и ранее, в научной литературе не существует единой точки зрения на психологическую природу и сущность нарциссизма. Причиной, по которой нарциссизм становится еще более трудным для определения, является тот факт, что часто исследователи пытаются его отождествлять с чрезмерно завышенной самооценкой личности. Е. Jakobson (1964) подчеркивает, что соотношение нарциссизма и самооценки аналогично соотношению термостата и температуры в комнате. Термостат не эквивалентен температуре, не является он и единственной причиной, обуславливающей эту температуру. Функция термостата заключается

в регулировании и стабилизации комнатной температуры в присутствии множества сил, которые угрожают ее повышению или понижению. Аналогично самооценка подвержена влиянию множества внутренних и внешних сил и, когда возникает угроза для самооценки, когда она значительным образом понижается или разрушается, то именно тогда начинает включаться нарциссическая регуляция, которая направлена на ее защиту, сохранность, восстановление и стабилизацию. Следствием дезадаптивной нарциссической регуляции является как завышенная или заниженная самооценка, так и чрезмерно низкий или очень высокий уровень выраженности нарциссических черт личности. Нарциссические черты – это система психологических “фильтров”, обеспечивающих представление личности о себе, определяющих качество и уровень ее самооценки.

В исследовании взаимозависимости нарциссических черт и особенностей самооценки в подростковом возрасте применялись следующие методики: опросники 16-PF R. Cattell, «SKID-II», Н.-У. Wittchen, М. Audig and Т. Fydrich и «Нарциссические черты личности» О.А. Шамшиковой, Н.М. Клепиковой.

Экспериментальная выборка составила 105 человек в возрасте от 13 до 15 лет, из них 59 девушек и 46 юношей. За критерий для дифференциации выборки на две экспериментальные группы был принят нормативный показатель по шкале «нарциссизм» методики «SKID-II».

ЭГ-1 (N = 55) – «условная норма», лица с оптимальной выраженностью нарциссизма составили 52% испытуемых, ЭГ-2 (N = 50) – «группа риска», лица с высокой выраженностью нарциссизма, составили 48% испытуемых.

Экспериментальные группы сравнивались между собой при помощи критерия U-Манна-Уитни по 9 нарциссическим чертам и параметру самооценки. Различия в значениях исследуемого признака по двум группам зафиксированы по 10 из 10 возможных переменных на 1% уровне значимости.

Корреляционный анализ переменных по ЭГ-1 выявил отрицательные взаимосвязи: самооценка – отсутствие эмпатии ($r = -0,319$ при $p = 0,05$), дерзкое, заносчивое поведение ($r = -0,315$ при $p = 0,05$), сверхзанятость чувством зависти ($r = -0,319$ при $p = 0,05$). Нарциссическая активность в данном случае не имеет высокой нагрузки и обуславливает регуляцию самооценки преимущественно только в моменты ситуативной угрозы самооценки (уязвленное самолюбие, неудача в достижении цели и пр.).

Корреляционный анализ переменных по ЭГ-2 показал на высоком уровне значимости взаимозависимость выраженных нарциссических черт личности и ее самооценки: самооценка – грандиозное чувство самозначимости ($r = 0,401$ при $p = 0,01$), ожидание особого отношения ($r = 0,369$ при $p = 0,01$), потребность в постоянном внимании и восхищении ($r = 0,377$ при $p = 0,01$), дерзкое, заносчивое поведение ($r = 0,369$ при $p = 0,01$).

Результаты исследования на российской подростковой выборке не противоречат данным, представленным зарубежными учеными.

Социально-психологическая помощь матерям в ситуации потери ребенка: опыт практической работы

В.В. Отрадинская (Москва)

Psychological support of mothers who have lost the child: experience of practical work –
V.V. Otradinskaya (Moscow)

Социально-психологическая помощь матерям в ситуации утраты ребенка строится на основе имеющегося зарубежного и отечественного опыта. Однако мало разработаны на данный момент программы поддержки и сопровождения родителей в ситуации потери ребенка в результате массовых катастроф и террористических актов – имеющиеся программы направлены, прежде всего, на помощь непосредственно пострадавшим. Однако мировой опыт оказания психологической помощи свидетельствует о большей тяжести процесса терапии по

прошествии длительного времени. Многие специалисты подчеркивают, что и спустя длительный срок переживания, связанные с терактом, все еще остаются основным фокусом терапии. Что же касается работы с родственниками погибших, то она становится еще более тягостной.

По мнению Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой, В.Н. Шляпникова, трагедия в Беслане со всей очевидностью показала, что «опыта работы в экстремальных ситуациях, накопленного российскими и зарубежными психологами и службами психологической помощи, как в случае экстренной психологической помощи, так и долгосрочной реабилитации, явно недостаточно».

Теоретико-методологический анализ литературы и факторный анализ данных, полученных в ходе пилотажного исследования, позволил разработать программу, состоящую из 4 блоков, соответствующих четырем факторам, описывающим структуру переживания утраты ребенка: «Низкая социальная поддержка и снижение адаптивных стратегий преодоления», «Неотреагированные эмоции горя», «Депрессия, потеря смысла жизни», «Иррациональное поведение и убеждения».

Она предусматривала участие в группе поддержки и индивидуальную психологическую работу.

В контрольной и экспериментальной группе во втором замере произошли значимые сдвиги по показателям: «снижение ощущения нереальности произошедшей трагедии», «остроты ощущения удущья, оцепенения и потерянности», «большее внимание к жизни и интересам других», «снижение потребности посещать место гибели ребенка», что свидетельствует о динамических изменениях в процессе переживания горя.

В контрольной группе наметились сдвиги в сторону ослабления «суицидальных намерений», что свидетельствует о позитивной динамике. Однако также наметились сдвиги в сторону усиления «подавления», «проекции» и конструктивных стратегий: «когнитивная репетиция», «коррекция ожиданий и надежд», «идущее вниз сравнение». Данные особенности свидетельствуют об усилении патологичности горевания с течением времени.

В экспериментальной группе после прохождения Программы обнаружены значимые сдвиги с понижением по показателям: «уникальность горя», «депрессия» «отрицание», неконструктивным стратегиям совладания, наметились тенденции к снижению «социальной изолированности» и «тревоги» (хотя данный показатель по-прежнему находится на высоком уровне). Также у матерей снизилось чувство вины. Данные особенности у контрольной группы не только не снизили свою актуальность, но и стали более ярко выраженными.

Анкетирование участников Программы позволило считать положительным результатом работы позитивные сдвиги в плане рассмотрения своего будущего. Предложенная программа является одной из попыток социально-психологической поддержки данной категории пострадавших – для успешного завершения «работы горя» необходима последовательная долгосрочная психологическая работа.

Когнитивные схемы личности нарциссического типа

Т.Ю. Петровская (Новосибирск)

Cognitive schema of narcissistic personality type – *T.J. Petrovskaja (Novosibirsk)*

В настоящее время увеличивается интерес широкого круга ученых к проблеме нарциссизма, что обусловлено, в первую очередь противоречивыми тенденциями в развитии современного российского общества, которые ведут к негативной автономии. Наряду с этим усиливается точка зрения, утверждающая центральную роль когнитивных процессов в понимании психического функционирования человека и регуляции его активности.

Предположение о том, что регуляция возникающих эмоций и реакций на какое-то событие определяется тем, как личность его интерпретирует, является базовой предпосылкой когнитивного подхода. Это явление определяется в когнитивной психологии понятием «схема».

В зарубежной психологической литературе оно определяется как когнитивная структура, организующая опыт и поведение субъекта, влияющая на отношение к самому себе и окружающему миру, на актуальное восприятие действительности.

Современный исследователь Д.Э. Янг постулирует существование ранних дезадаптивных когнитивных схем. Автор определяет их как «чрезвычайно широкое явление, касающееся личности и ее отношений с другими, которое сформировалось в детстве, продолжает свое развитие в течение всей жизни и является в значительной степени дисфункциональным». По предположению Д.Э.Янга, для нарциссических личностей характерны три основные и четыре дополнительные когнитивные схемы. Схема правомерность / грандиозность содержит убеждение в собственном всемогуществе и вседозволенности и проявляется в попытке реализовать свои собственные желания без учета интересов окружающих. Схема эмоциональная депривация характеризуется ожиданием, что потребность в эмоциональной поддержке не будет адекватно или в достаточной степени удовлетворена другими. Схема дефективность / стыд характеризуется чувством нежелательности, неполноценности или неспособности человека на что-либо. Вместе с тем, это часто связано со сверхчувствительностью к критике, отказам или обвинениям.

Второстепенная схема поиск одобрения характеризуется удовлетворением потребности в принадлежности к группе ценой развития собственной идентичности. Вследствие этого, особое значение уделяется социальному статусу, внешнему облику, социальному признанию, деньгам, успеху как средствам получения восхищения или внимания.

Схема завышенные стандарты характеризуется убеждением, что необходимо выстраивать свое поведение в соответствии с высокими интернализированными стандартами. Часто это связано с потребностью избежать критику.

В схеме подчинение фокус сконцентрирован на контроле за собственными эмоциями, поведением с целью избежать негативных реакций, отвержение, или разлуку со значимыми другими. Как отмечает Д.Б. Ринсли (1989), нарциссические дети боятся разлуки. При этом страх расставания у них открыто не проявляется, он скрыт под постоянными притязаниями на безмерное восхищение, а также под маской грандиозности, которая заставляет ребенка казаться самодостаточным.

Схема недоверие / оскорбление состоит в убеждении, что окружающие обязательно обманут, унижат или оскорбят. Схема избегание проявляется в склонности к аддиктивному поведению, позволяющему избегать ощущение собственной уязвимости и эмоциональную депривацию. При этом демонстрируется уникальность собственной личности и неограниченная вседозволенность.

Экспериментальная проверка основных когнитивных схем, а также непосредственное выявление вторичных дезадаптивных схем, явились целью создания диагностического инструментария нарциссизма, который в конечном итоге принял форму опросника «Когнитивных схем», являясь результатом совместной работы с Дж. Райх.

Психологические особенности консультирования по проблемам женской карьеры

Ф.О. Семенова (Карачаевск)

Psychological features of consultation on problems of female career — F.O. Semenova (Karachaevsk)

В современных условиях женская карьера приобрела трансформирующий и порождающий характер, который касается не только личности, но и отношений в тех малых и больших социальных группах, где осуществляется их реальное формальное и неформальное взаимодействие. Карьерно-успешные женщины являются носителями новых социальных эталонов, задающих новые нормы жизненного мироустройства. Они предлагают новые формы поведения и жизненных стратегий, порождая и побуждая других женщин воспользоваться их

опытом, т.е. продуцируют личностные новообразования, развивающие новые поколения и вводящие их к новым ментальным поступкам.

Под влиянием карьерных устремлений и успешности женщин разрушаются сложившихся социальные отношения, изменяются социально-психологические характеристики женской психологии и ментальности, что обуславливает возникновение раскогласований между системными элементами ментальности, которые характерны для определенной этнической, профессиональной и возрастной групп.

В процессе жизнедеятельности женщина как субъект карьеры переживает ситуации, в которых ей приходится осуществлять действия, направленные на принятие решений относительно выбора, планирования и проектирования карьеры, реализации карьерных планов, противодействия карьерным кризисам и стрессогенным факторам. Психологическая поддержка карьерно-успешных женщин в процессе консультационной деятельности способствует ослаблению и устранению негативных факторов и барьеров, а также помогает осознанию актуальных жизненных ситуаций на всех этапах карьерного продвижения.

Основными задачами консультирования субъектов карьеры являются оптимизация индивидуальных карьер и построение систем карьерного продвижения. В процессе реализации профессиональной карьеры выделяются существенные отличия в планировании и реализации карьеры мужчинами и женщинами. Гендерные особенности протекания этих процессов предъявляют свои требования к консультантом по карьере. Женщины и мужчины по-разному планируют жизненные и карьерные стратегии, воспринимают и оценивают успех, у них отличаются личностные ценности и мотивационная направленность, а также характер трудностей и барьер, с которыми они встречаются в процессе реализации карьеры.

Структура консультационной деятельности женщин по карьере включает в себя следующие содержательные конструкторы: учет внешних и внутренних факторов; определение карьерной ориентации; регулирование пространственно-временных параметров карьеры; поддержка карьерных решений; коррекция карьерного пути и карьерных стратегий; профилактика регресса и деформаций; снижение негативных последствий кризисов. Консультирование карьерно-успешных женщин имеет все присущие технологическому процессу компоненты: алгоритм действий, понимаемый как точное предписание относительно последовательности операций, которые осуществляют преобразование объекта социальной работы; операции как простейшие действия, направленные на достижение конкретной цели в преодолении трудной жизненной ситуации, обусловленной кризисом карьеры; инструментарий как арсенал средств, обеспечивающих достижение цели взаимодействия консультанта с клиентом, направленного на разрешение проблем, связанных с реализацией карьеры.

Соответственно, для решения проблем карьерно-ориентированных и успешных женщин, связанных с реализацией профессиональной карьеры консультант должен обладать развитыми аналитическими и коммуникативными способностями и навыками, так как консультирование – это процесс активного взаимодействия консультанта и клиента, осуществление которого гарантировано должно привести к достижению обозначенных ими совместных целей.

К проблеме кризиса середины жизни в психологическом консультировании

З.Н. Чеккуева (Карачаевск)

To the problem of the middle life crisis in psychological consultation – *Z.N. Chekkueva (Karachaevsk)*

Жизненный путь человека, его становление невозможны без кризисов, которые, в свою очередь, при благоприятном их преодолении способствуют личностному росту. Однако выход из кризиса может закончиться деструктивно: начиная от психосоматических заболеваний, депрессий и другой патологии вплоть до суицида. В психологическом словаре (1983) кризисы рассматриваются как особые, относительно продолжительные по времени (до года) периоды

онтогенеза, характеризующие резкими психологическими изменениями. Среди исследователей нет единого мнения в отношении границ кризиса середины жизни. Так, стадия средней зрелости (по Эриксону) около 40 лет (от 26 до 64 лет). При этом возраст 30-40 лет он называл «десятилетием роковой черты». Проявляются первые признаки физического старения (седина, проблемы с весом, болезни, близость менопаузы у женщин и т.д.), заметно снижается энергия, в том числе и сексуальная, идет период осмысления, анализа прожитой жизни, пересмотр и изменения ценностно-смысловой сферы человека.

На то, как проявляется данный кризис в жизни конкретного человека, влияют множество факторов разноуровневого характера: экономическая и политическая нестабильность, усилившаяся конкуренция на рынке труда, семейные проблемы, обострение внутриличностных и межличностных противоречий. Усиливается тревога, депрессивные состояния. Психологу необходимо иметь в виду, что кризис сопровождается невозможностью осуществлять качественную регуляцию жизнедеятельности. В этот период клиенту очень важно найти поддержку и понимание со стороны консультанта. При этом последнему необходимо обратить внимание на следующие моменты. Помимо обычных процедур (сбор анамнеза, учет индивидуально-типических и личностных свойств личности и т.д.). Необходимо оценить проблемное поле клиента (один это кризис, или идет сочетание или наложение других). Какова глубина и сила переживаний, степень дезадаптации и напряжение, уровень осознания проблемы, уровень рефлексии.

Клиенты жалуются на чувство опустошенности, уныния, нереализованности, бесперспективности, страх упущенных возможностей. Часто этот период осложняется кризисом идентичности. Реакцией клиента на все эти переживания могут быть неконструктивные формы выхода из кризиса. Это может выражаться в попытке изменить окружение (смены работы, уход из семьи), ряде психосоматических заблуждений, активизации механизмов психологической защиты (вытеснение, отрицание и др.), уход в религию и др.

Основными мишенями в процессе консультирования, на наш взгляд, должны стать многоаспектная поддержка, ресурсные техники с целью подготовки клиента к осознанию и принятию проблемы, снятие напряжения, коррекция образа Я (принятие себя), работа со страхами, поиск ресурсов клиента для дальнейшей работы с перспективой.

Выбор средств и методов работы зависит от подготовленности и теоретических представлений консультанта. Продуктивными, на наш взгляд, являются использование метафоры (во всем ее многообразии) как метафорической репрезентации действительности в целях диагностики, расширения осознания, ресурсов. Работа с жизненным сценарием и стилем личности помогает изучить и проанализировать схемы и сценарии жизни, которые избрал для себя человек, осознать, как они повлияли на его жизнь и его личность, скорректировать их. Метод исследования ранних воспоминаний может помочь выявить значимые травмирующие и ресурсные воспоминания. Положительные результаты в работе показали рефреминги, творческие методы, психодрама, НЛП, эриксоновский гипноз.

Модельные характеристики переходных форм нарциссизма

Е.О. Шамшикова (Новосибирск)

Model Characteristics of transitive forms of narcissism — E.O. Shamsbikova (Novosibirsk)

Состояние современной культуры утратившей свою традиционность, с ее индивидуалистическими ценностями все более подвергает человеческое «Я» фрагментации, вследствие избыточной поглощенности эгоцентрическими интересами и эмоциональной сосредоточенности на самом себе, все более рассматривается в аспекте такого социально-психологического явления, как «нарциссизм». Термин «нарциссизм» употребляется в науке, как атрибут проявления повышенного интереса человека к самому себе – в обширном диапазоне – от его здоровых до патологических аспектов. В.Д. Шадриков отмечает: «Нарциссизм необходим для

выживания и одновременно он представляет собой угрозу сохранения жизни, <...> выживание служит оптимальный, а не максимальный нарциссизм, <...> то есть в биологически необходимой степени нарциссизм должен быть совместим с социальным сотрудничеством. С другой стороны, индивидуальный нарциссизм может превращаться в групповой, и тогда род (нация, религия, раса) <...> становится объектом нарциссической страсти». Э.Фромм (1998), рассматривая манифестацию коллективного нарциссизма, говорит о конформном человеке (Мы-тип), который, по своей сути, слит с массой – самой значительной группой в мире, чувствуя свое превосходство над другими группами, исходно считающимися неполноценными. В отличие от конформного, личность нарциссического типа (Я-тип) не только не ощущает свою принадлежность к обществу, но более того, остро чувствует свою «отдельность», особенность, «отличность» от других людей: «Я» не есть «Мы».

В экспериментальной части работы ставилась задача математического моделирования обозначенных измерений – (соотнесенность с другими людьми) «Мы» и (самоопределение) «Я» – в этих позициях нарциссизм становится дезадаптирующим по отношению к развивающемуся «Я».

Экспериментальная выборка составила 355 человек. Базой исследования служили университеты г.Новосибирска. Использовались следующие методики: PDQ-4 В.П.Дворщенко, 2008, «Нарциссические черты личности» О.А.Шамшиковой, Н.М.Клепиковой, 2006, «Диагностика нарциссизма» F.W.Deneke, V.Hilgenstock, R.Muller в адаптации О.А. Шамшиковой, Н.М.Клепиковой (2006), 16-PF Р.Кеттелла в адаптации А.Н.Капустиной (2001).

Дифференциация общей выборки (N=355) на n однородных групп производилась методом кластерного анализа с использованием шкалы «нарциссизм» методики PDQ-4. По совокупным результатам кластеризации – метод средней связи, метод Уорда и метод k-средних – общая выборка (N=355) была дифференцирована на три экспериментальные группы. Достоверность различий по критерию Краскала-Уоллеса для трех экспериментальных групп зафиксирована по 13 из 18 шкал методики «Диагностика нарциссизма» и по 6 из 9 шкалам методики «Нарциссические черты личности» на 1% уровне значимости. Произведенные дополнительные расчеты с применением критерия Манна-Уитни позволили установить, что уровень исследуемых нарциссических признаков нарастает при переходе от группы к группе. Для уточнения модельных характеристик использовались 2 фактора (E – доминантность /конформность; Q2 – самодостаточность /ориентация на группу) опросника 16-PF Р.Кеттелла. Различия в значениях исследуемого признака по трем группам по критерию Краскала-Уоллеса зафиксированы по 2 из 2-х используемых факторов на 1% уровне значимости.

Произведенные расчеты позволили рассматривать ЭГ-1 (N1=121) как Мы-тип (конформная личность) и ЭГ-3 (N3=57) как Я-тип (нарциссическая личность), а испытуемых ЭГ-2 (N2=177) относить к лицам с оптимальной выраженностью нарциссических проявлений, подразумеваемая конструктивный нарциссизм.

Валидизация процессуальной модели нарциссизма на контингенте психической нормы О.А. Шамшикова (Новосибирск)

Validation of a procedural model of narcissism on the rate of mental contingent –
O.A. Shamsbikova (Novosibirsk)

В последнее время в зарубежной психологии появились новые тенденции в понимании нарциссизма. Один из подходов предлагает рассматривать нарциссизм с позиции процессуальных моделей, ориентированных на широкий контекст социальных отношений. Модель С.С. Morf, F. Rhodewalt (2009) представляет нарциссизм как в большей степени неосознаваемую динамическую часть представления личности о себе и одновременно как продукт взаимодействия динамических внутренних процессов и большой социальной системы, внутри которой личность функционирует и частью которой сама является. Основное внимание

исследователей сосредоточено на внутренних и внешних динамических процессах, когда проявляется активность, направленная на социальное окружение, для конструирования и поддержания стабильного представления личности о себе.

«Понимание нарциссизма как процессуальной модели – это многообещающий проект, в основе которого лежит осмысление внутренней субъективной логики и непрерывности представления личности о себе, воспроизводящего паттерны нарциссических стратегий, переживаний и мотиваций, прорастающих в определенной социокультурной среде».

Для валидации предложенной модели в зарубежной психологии развернута обширная программа научных исследований, в которых экспериментаторы, «подрывая» защитный «нарциссический фасад», анализируют соотношение грандиозности и уязвимости в представлении о себе у испытуемых с разной выраженностью нарциссизма. Для лиц с высоким уровнем нарциссических черт характерны самоуверенность и конкурентоспособность, они применяют нарциссические стратегии, направленные на поддержание имиджа грандиозности; употребляют такие стратегии, как авторитетность и эксгибиционизм, притязание и использование, самовосхищение и тщеславие; являются лидерами, склонны подчеркивать свое превосходство, высоко оценивая свои интеллектуальные способности, внешнюю привлекательность, свои достижения, даже если при этом высок риск разрушить межличностные отношения. Несмотря на различия в теоретико-методологических позициях, все авторы сходятся в вопросе о том, что грандиозность – это очень эффективная защита уязвимого представления личности о себе. Этот вывод согласуется с многочисленными статистическими данными клиницистов. Осуществлен ряд эмпирических исследований выраженности нарциссических черт, используемых нарциссических стратегий и нарциссических способов регуляции представления личности о себе на различных российских выборках (N=1500), различающихся по полу и возрасту. Многочисленные данные позволяют заключить, что в основе процессуальной модели нарциссизма лежит представление о личности, демонстрирующей имидж грандиозности, под которым глубоко спрятано чувство слабости и уязвимости представления о себе.

Психологическая коррекция внутриличностной конфликтности школьников

Ф.М. Шидакова (Карачаевск)

Psychological correction of the intrapersonal conflictness of schoolboys – *F.M. Shidakova (Karachaevsk)*

Негативные тенденции современного общества, этнические войны, экономические кризисы, социальные институты, родители, школа, средства массовой коммуникации часто выступают факторами внутриличностной конфликтности. Исследователи отмечают, что исходным в понимании внутриличностной конфликтности является противоречие между теми отношениями, которые человек волею обстоятельств, наличных возможностей, слабостей и т. п. осуществляет в реальной жизни, и теми, которые он мог бы осуществлять в идеале человеческого развития.

Внутриличностная конфликтность может проявляться как неспособность критически оценивать и контролировать свое поведение, перестраивать свои действия и поступки с учетом возможных их последствий для окружающих и себя лично, эмоциональную неустойчивость, интеллектуальную ригидность и т.д. Постоянное чувство неудовлетворенности и беспомощности, обусловленное невозможностью быть собой, т. е. чувствовать себя естественно и непринужденно, активно и уверенно, создает рано или поздно состояние психологического надлома с ощущением беспомощности и бессилия, безысходности и безнадежности, пессимизма и отчаяния, неверия в свои силы, в свою способность противостоять опасности.

Неразрешимость переживаний в виде чувства безысходности подчеркивает незащищенность «я», отсутствие адекватной психологической защиты и уверенности в себе. Психологическая диагностика внутриличностных конфликтов создает определенные

возможности прогнозирования эффективности деятельности в экстремальных ситуациях людей, групп и общества в целом. Внутрличностная конфликтность – это трансперсональный (надличностный) уровень, это драматические ступени движения сознания к большей целостности и интеграции. Это – динамическая структура и чтобы она не пустила негативные корни в сознание и подсознание, необходима коррекция личности в период и после болезни, экстремальной ситуации, социальных потрясений.

Психологи, социологи, политологи, философы занимаются поиском путей, способов, механизмов реализации более эффективных и продуктивных стратегий преодоления жизненных трудностей. К достижениям здесь можно отнести инновационные технологии в психологии и психотерапии, базирующиеся на динамике изменений в психосоциальном окружении и позволяющие человечеству обратиться к собственному потенциалу для преобразования мира.

Профилактика и коррекция внутрличностных конфликтов должна опираться на формирование социального типа поведения (поведенческие, коммуникативные тренинги, тренинги личностного роста и т. д.); формирование профилактических черт характера (терпимость, саногенное мышление, экономичность мышления, доброжелательность); тренировку механизмов адаптационных, аффективных, защитных, идентификации, рефлексии, стереотипии, эмпатии; переструктурирование сознания, направленного на трансформацию субъективно-неприятных симптомов внутренней конфликтности в малозначимые структуры (например, субличности).

Пробуждение внутренних защитных сил организма под влиянием арттехник является основой формирования гармоничной личности школьников, способной преодолевать внутренние конфликты.

Арттерапия представляет собой совокупность приемов и методов, направленных на расширение и обогащение спектра доступных человеку переживаний и формирование у него такого оптимистического мировоззрения, которое помогает ему быть здоровым и счастливым.

Методы арттерапии рекомендуется дополнять образными медитативными приемами, основанными на благотворном воздействии на душевное состояние, активизацию слуховых и зрительных образов, имеющих различную эмоциональную окраску.

Психодиагностика

Методика нормативоприятия: теоретическое обоснование и подходы к разработке

М.К. Акимова (Москва)

Normatives acceptance technique: theoretical grounds and design approach – *M.K. Akimova (Moscow)*

В исследованиях группы психодиагностики психического развития Психологического института РАО (рук. М.К. Акимова) последовательно реализуется нормативный подход к личности и индивидуальности. Нормативный подход в диагностике базируется на концепции социально-психологических нормативов К.М.Гуревича, которая, в свою очередь, вытекает из представлений о том, что в процессе онтогенетического развития индивид, усваивая общественно-исторический опыт предшествующих поколений, должен быть подготовлен к объективно сложившимся культурно и исторически специфичным требованиям, которые общество на каждом этапе предъявляет к своим членам.

В психике каждого индивида нормативы своих общественно-культурных групп представлены в степени, зависящей от его отношения к ним, и это отношение опосредовано как социумом, так и личным опытом. В зависимости от отношения индивида к нормативным чертам он усваивает их, и они становятся внутренним содержанием его личности. Поэтому важно оценить отношение человека к социально-психологическим личностным нормативам,

присущим тем культурным и субкультурным общностям, в которые он входит. Это отношение к нормативам предлагается назвать принятием нормативов (нормативопринятием).

Введение социально-психологических нормативов в психологическую диагностику в корне меняет сам процесс разработки диагностических методик, а также процедуру анализа и интерпретации получаемых с их помощью результатов. Прежде чем создать задания методики, психодиагносту-исследователю необходимо выделить социально-психологические нормативы, относящиеся к тем сторонам личности и индивидуальности, которые следует оценить. Наши исследования направлены на выделение нормативных требований к психическому и личностному развитию россиянина, а их конечной целью является разработка системы диагностических средств, позволяющих оценить нормативопринятие каждого индивида.

Нормативопринятие как характеристика отношения к нормативам будет определяться рядом критериев. В качестве основных показателей нормативопринятия рассматриваются следующие: 1) степень восприимчивости нормативов /чувствительность к ним/; 2) степень присвоения и осознанности нормативов; 3) объём присвоения СПН; 4) сферы нормативов – интеллектуальная, нравственная, эстетическая, правовая, религиозная; 5) их отнесённость к социальным общностям, в которые входит индивид; 6) сравнительная ценность, значимость, предпочтения, иерархия нормативов /в том числе и относящихся к разным социальным группам/; 7) устойчивость нормативов /лёгкость или трудность их изменения/; 8) степень последовательности, логической согласованности нормативов друг с другом.

Последние исследования группы посвящены выявлению нравственных нормативов молодёжи, которыми она руководствуется в своей повседневной жизни, рассматривает как основные нравственные ценности, к которым следует стремиться и на основе которых оценивает окружающих людей. Эти нравственные нормативы стали основой методики Нормативопринятия, находящейся в настоящий момент в процессе разработки.

Она состоит из ряда шкал, направленных на оценку Доверительных отношений, Легитимизации нечестности, Солидарности, Легитимизации конформности, Представлений о справедливости, Интеллигентности и др. В настоящее время проведена стандартизация шкал и проверка некоторых из них на ретестовую надёжность и степень согласованности. Работа над методикой продолжается.

Компьютеризация психологических методик: проблема эквивалентности

Л.Н. Бабанин (Москва)

Computerization of psychological techniques: the problem of equivalence – *L.N. Babanin (Moscow)*

В результате сравнительных исследований эквивалентности традиционных и компьютеризированных форм различных психологических методик сложилась противоречивая картина. С одной стороны, в большинстве показана психометрическая эквивалентность этих форм методик, с другой – имеются свидетельства об их различии. Рассмотрим случаи неэквивалентности методик. Обнаружено, что пациенты клиник чаще дают нечестные ответы в компьютеризированных личностных опросниках. Получены различия и для особой группы респондентов – заключённых тюрьмы. Имеются данные о неэквивалентности ряда методик для подростков. В содержательном исследовании О.Н. Арестовой на примере методики уровня притязаний показано, что при компьютеризации может измениться содержательная валидность методики. В многочисленных статистических исследованиях в основном различия не обнаружено, исключения составляют показатели, связанные с тревожностью и депрессией: в ситуации компьютеризированного тестирования они оказались выше. В некоторых исследованиях сравнения компьютеризированной и традиционной форм методики ММРП обнаружено превышение значений по шкалам депрессии, паранойи, психастении и шизофрении в традиционном варианте по сравнению с компьютеризированным. Однако на представителях другой культуры (японской) обнаружено противоположное направление изменения величины шкал ММРП. Установлены отличия в описательной статистике и надёжности при исследовании потребности достижения, самооценки, локуса контроля. В анализ были включены

и педагогические исследования, выполненные в рамках образовательного тестирования, прежде всего школьного и вузовского оценивания знаний. В половине исследований разницы не обнаружено, в других получены данные о различиях. Для одних тестов лучше выполнение на бумаге, в других – на компьютере. Но традиционное исполнение чаще предпочтительнее. Так проверка знаний по математике и родному языку (английскому) лучше на бумаге, чем на компьютере. Выделены эффекты пола, расы и возраста. В одном исследовании получено, что белые мужчины при тестировании на компьютере получают более высокие оценки, мужчины других рас – более низкие, для женщин такой разницы не обнаружено. В другом исследовании, наоборот, темнокожие студенты при тестировании на компьютере получали более высокие оценки, а для белых разницы не обнаружено. Выделены также факторы социального окружения, социальной желательности, тревожности (общей и компьютерной) и компьютерного опыта.

Описан феномен повышенной готовности к искренности и к «самораскрытию» при анонимном компьютеризированном тестировании. Для объяснения эти разрозненных и противоречивых данных предлагается использовать культурно-историческую психологию: информационные технологии (ИТ) являются элементами культуры, их надо освоить. ИТ должны вписаться в человеческую деятельность, только тогда они не внесут искажения в психологическую методiku и не повлияют на получаемые с ее помощью данные. Встраивание ИТ в современную культуру идет не только со стороны средств, но и со стороны субъекта. Их освоение включает в себя не только операционально-технические навыки, но и целую личностно-смысловую систему планирования и контроля деятельности, включение этих технологий в общую картину мира.

Подготовлено при поддержке РГНФ, грант № 11-06-00647а.

Психодиагностика и психологическое консультирование: потенциал взаимодействия

Т.В. Барлас

Psychodiagnosics and psychological consulting: potential for interaction – *T.V.Barlas*

Психодиагностика и психологическое консультирование в отечественной психологии развиваются как две практически независимые области психологии; лишь в незначительной степени используется потенциал психодиагностики для консультирования и еще в меньшей – достижения консультирования для психодиагностики. Можно предположить, что это обусловлено различиями языка и концептуального аппарата этих двух дисциплин, а также слабыми познаниями консультантов в психодиагностике и наоборот, связанными с тем, что обе дисциплины сравнительно недавно вошли в программы подготовки психологов.

Мы считаем, что психодиагностика может выполнять следующие функции в работе психолога-консультанта:

1. Определение уровня выраженности психологических проблем: для оценки необходимости получения психологической помощи; для скрининга лиц, нуждающихся в помощи; для оценки эффективности помощи и др.

2. Получение содержательной информации об индивидуально-психологических особенностях клиента; при анализе психодиагностической информации могут быть получены данные о причинах проблем, имеющихся у клиента, о конфликтах и противоречиях, о ресурсах для работы с клиентом и др. Данные психодиагностического обследования в этом случае имеют статус гипотез для консультанта, гипотез, которые как правило проверяются в его последующей работе.

3. Психодиагностика как средство решения задач консультирования: структурирование начальных этапов беседы, повышение доверия к психологу, углубление представления клиента о себе и др.

Для решения первой задачи целесообразно использования тестовых психодиагностических методов, второй и третьей – как тестовых, так и экспертных (клинических).

Основное значение психологического консультирования в работе психодиагноста связано с рассмотрением психодиагностического заключения для испытуемого как особой формы психологического консультирования. Учет закономерностей взаимодействия «консультант-клиент» позволяет довести до испытуемого содержание заключения с максимально возможной полнотой, в том числе его потенциально психотравмирующие аспекты.

При реализации подобного подхода психодиагностическое обследование может приводить к ряду позитивных эффектов, сопоставимых с эффективностью психологического консультирования. К таким эффектам относятся: повышение самооценки испытуемого; принятие значимых решений; ряд других позитивных эффектов. Основными факторами, обеспечивающими эффективность психодиагностического обследования как психокоррекционной процедуры, служат: самоанализ испытуемого, происходящий в ходе выполнения методик; наглядность информации обследования; то, что результаты обследования воспринимаются испытуемыми как объективные и достоверные, им придается большое значение.

Вместе с тем, в большинстве случаев психодиагностическое обследование не может привести к выраженным изменениям. Из заключения по результатам обследования испытуемый в первую очередь воспринимает ту информацию, которая не противоречит его Я-концепции и соответствует его жизненным планам. В противном случае информация не воспринимается адекватно и (или) искажается.

Таким образом, представляется, что диалог психодиагностов и консультантов, выработка общих концептуальных подходов, уяснение возможностей и ограничений как психодиагностики, так и консультирования, будет способствовать дальнейшему развитию этих двух сфер психологии.

Разработка и апробация опросной методики для оценки удовлетворенности пользователя при работе с интернет-сайтом

И. А. Дегтяренко, А.Б. Леонова (Москва)

Development and aprobaton of the questionnaire for the assessment of the user satisfaction during a work with the web site – *I.A. Degtyarenko, A.B. Leonova (Moscow)*

Современная практика создания интернет-сайтов основывается на человеко-ориентированном подходе к проектированию. Для оценки эргономичности программных средств, соответствующих стандартам ISO, применяются показатели: (1) результативности деятельности пользователей, (2) эффективности (отношение затрачиваемых ресурсов, включая внутреннюю цену деятельности, к получаемым результатам) и (3) удовлетворенности пользователей. Традиционным средством оценки удовлетворенности сайтом являются специализированные опросные методики. Несмотря на существование целого ряда англоязычных тестов такого рода, в нашей стране до настоящего времени они просто отсутствуют. Для восполнения этого дефицита нами была разработана, полностью валидизирована и апробирована в экспериментальных условиях оригинальная методика «Оценка пользовательской удовлетворенности сайтом» (ОПУС).

На начальном этапе создания методики был сформирован избыточный массив вербальных формулировок (400 высказываний), включающий часто применяемые пользователями конструкции для характеристики сайтов, которые были подобраны на основе массовых интервью и метода репертуарных решеток, а также перевода пунктов наиболее популярных англоязычных тестов. На базе многоступенчатой процедуры экспертной оценки были отобраны наиболее информативные высказывания. Сокращенный список (52 пункта) использовался при проведении интерактивного опроса, в ходе которого респонденты (138 чел.) оценивали

популярные сайты российского сегмента Интернета. По результатам статистической обработки этих данных была подготовлена рабочая версия методики ОПУС (25 пунктов) и с помощью факторизации выделено 4 основные шкалы в ее составе: «эффективность», «простота», «полезность» и «эмоциональная привлекательность».

На другой выборке пользователей (124 чел.) проводилась эмпирическая валидизация методики. Каждый респондент оценивал несколько сайтов (всего заполнено 653 опросных бланков). Анализ собранных данных позволил воспроизвести полученную ранее факторную структуру и определить окончательный состав опросника. Также подтвердилась высокая надежность-согласованность пунктов внутри шкал методики (α -Кронбаха – от 0,81 до 0,92) и ее дифференцирующая чувствительность. На основе независимых оценок удовлетворенности и объективных сведений о росте аудитории разных сайтов была доказана критериальная валидность методики ОПУС.

В моделирующем эксперименте проводилась сравнительная оценка удовлетворенности двумя сайтами, предназначенными для выполнения идентичных заданий (опосредованное Интернет-анкетирование), но разных по степени эргономичности интерфейса. В ходе выполнения испытуемыми этих заданий (26 чел.) оценивался комплекс показателей комфортности и успешности деятельности с привлечением объективных данных о величине психофизиологических затрат. При работе с более эргономичным сайтом наблюдались более высокие оценки пользовательской удовлетворенности (методика ОПУС), субъективного комфорта состояния, скорости и точности выполнения заданий, эффективности когнитивных стратегий обработки информации (индексы глазодвигательной активности) и регуляции вегетативного напряжения (ЭКГ). Комплиментарность и статистическая достоверность полученных результатов подтверждает вывод о диагностической пригодности методики ОПУС.

Перфекционизм и его диагностика

А.А. Золотарева (Москва)

The Phenomenon of Perfectionism and Diagnostic Procedures – *A.A. Zolotareva (Moscow)*

Проблема перфекционизма представляет собой современную тенденцию психологической науки, обращенной на изучение личностных характеристик, связанных с успешностью деятельности и психологическим благополучием личности.

В исследовании, посвященном разработке и апробации методики, позволяющей дифференцировать нормальный и патологический типы перфекционизма, приняли участие 2500 человек. В диагностический комплекс вошли различные методики, измеряющие психическое и психологическое благополучие личности и эффективную саморегуляцию.

К основным результатам апробации методики «Дифференциальный тест перфекционизма» можно отнести следующие:

- Шкалы опросника обнаруживают высокие показатели дискриминативности (коэффициент δ -Фергюсона для обеих шкал составляет 0.98).
- Ретестовая надежность шкал, измеренная спустя месяц после первичного тестирования, демонстрирует высокие показатели как для шкалы «Нормальный перфекционизм» ($r=0.753$, $p=0.000$), так и для шкалы «Патологический перфекционизм» ($r=0.718$, $p=0.000$).
- Методика обладает приемлемыми показателями внутренней согласованности (коэффициент α -Кронбаха для шкалы «Нормальный перфекционизм» составляет 0.61, для шкалы «Патологический перфекционизм» – 0.69).
- Тест демонстрирует высокие показатели конструктивной валидности (шкала «Нормальный перфекционизм» коррелирует с перфекционизмом, ориентированным на себя, демонстрацией совершенства, экстраверсией, привязанностью, самоконтролем, экспрессивностью, адаптивными копинг-стратегиями и самоактуализацией;

шкала «Патологический перфекционизм» обнаруживает взаимосвязи с социально предписываемым перфекционизмом, перфекционистской самопрезентацией, неадаптивными копинг-стратегиями, психическими расстройствами).

- Опросник прошел проверку на содержательную валидность (в контрольной группе сильнее выражен нормальный перфекционизм по сравнению с клинической группой, представленной пациентами с депрессивными и тревожными расстройствами).
- Факторная структура теста отражает две теоретически обоснованные шкалы.
- Шкала «Нормальный перфекционизм» демонстрирует корреляции с жизнестойкостью, самодетерминацией, осмысленностью жизни, личностным динамизмом, толерантностью к неопределенности, автономной и конформной личностными ориентациями, саморегуляцией, системной рефлексией, ориентацией на будущее, чувством связности, субъективной витальностью, ориентацией на действие, оптимистической диспозицией, психологическим благополучием, самоэффективностью, субъективной оценкой счастья, удовлетворенностью жизнью.
- Шкала «Патологический перфекционизм» обнаруживает корреляции с самокопанием, фантазией, ориентацией на негативное прошлое и фаталистическое настоящее, переживанием чувства одиночества.

Таким образом, методика «Дифференциальный тест перфекционизма» успешно прошла проверку на дискриминативность, ретестовую надежность, внутреннюю согласованность, конструктивную и содержательную валидность и может использоваться в качестве диагностического и исследовательского метода для изучения нормального и патологического типов перфекционизма.

Диагностика меры сходства структуры личности у членов семьи с помощью психодиагностической методики «Цветовое Зеркало»

В.Н. Кононова (Москва)

Diagnostic measure of similarity of the personality structure among family members using psychological diagnostic method «Colour Mirror» — *V.N. Kononova (Moscow)*

Многолетнее слаженное, относительно бесконфликтное сосуществование близких родственников в семейной системе предполагает, по крайней мере, частичное попарное сходство по структуре личности.

Мы предположили, что вероятность сходства между близкими родственниками по структуре личности должна быть значимо выше, чем вероятность случайного совпадения.

Диагностика структуры личности проводилась посредством проективной методики «Цветовое Зеркало», с применением одноименной авторской компьютеризированной программы. На основании многократных цветовых выборов из 23-х тестовых карточек программа позволяет получить индивидуальный профиль личности тестируемого, вычислить значения в стенах по каждому из восьми лучей многомерной цветовой модели структуры личности, в том числе определить ведущую и дополнительную психические функции.

В сравнительном исследовании детей и родителей сопоставлены 62 протокола. Средний возраст родителей составил 49 лет, детей – 20 лет.

В сравнительном исследовании супругов приняли участие 22 человека (11 семейных пар). Стаж семейной жизни на момент тестирования составил от 3 до 40 лет, количество детей в семьях – от 1 до 3 человек.

Результаты по детям и родителям. Обнаружено полное совпадение по ведущей и дополнительной психическим функциям у детей и их родителей в 23% случаев (на основании гипотезы об отсутствии значимой связи вероятность случайного совпадения по этим двум параметрам структуры личности составляет всего 12,5%). Иными словами, каждый пятый ребенок

очень похож на родителя. Частичное совпадение выявлено в 61,2% случаев. И только в 16,1% случаев сходство по ведущей и дополнительной психической функциям в структуре личности родителя и ребенка эмпирически не выявлено. Не стоит забывать, что это сравнение только с одним из родителей. При этом вероятность случайного полного несовпадения теоретически составляет 25%. Консультационная практика показывает, что именно в последнем случае ребенку (в любом возрасте) особенно трудно найти взаимопонимание с матерью или отцом, бабушкой или дедом.

Результаты по семейным парам. Сопоставительный анализ результатов цветового тестирования супругов в стабильных, гармоничных семейных парах позволил выделить пять признаков хорошей совместимости. 1) Наличие одного общего предпочитаемого цвета из двух наиболее часто использованных (причем это не красный, не белый, не фиолетовый). 2) Вторые предпочитаемые цвета хорошо сочетаются друг с другом. Ни один из супругов не отвергает тестовые цвета, которые чаще всего нравятся его партнерше (ее партнеру). 4) Ведущие психические функции у партнеров в благополучной семейной паре являются одинаковыми или разными, но не взаимоисключающими. При этом у них имеется хотя бы одна общая психическая функция, неважно, в качестве основной или дополнительной. 5) На момент тестирования ни один из супругов не является «проблемогенной» личностью (то есть тем, у кого обнаружены признаки нестабильности психоэмоционального здоровья).

В постоянно конфликтующих парах обычно нарушены условия №№ 1, 3 и 5. «Проблемогенные» личности не формируют долгосрочные семейные пары. При нарушении условия № 5 имеют место разводы, взаимные обвинения и претензии даже спустя много лет. Пары с благоприятным прогнозом продолжают жить в браке и поддерживают теплые семейные отношения спустя 5-15 лет после прохождения цветовой психодиагностики.

Таким образом, полученные экспериментальные данные свидетельствуют о возможности практического применения современной психодиагностической программы «Цветовое зеркало» для оценки степени взаимопонимания между детьми и их родителями, а также для прогноза долгосрочных, гармоничных семейных отношений супружеских пар.

Нормативное регулирование психодиагностики в России: проблемы и противоречия переходного периода

Д.А. Леонтьев (Москва)

Normative regulation of psychological assessment in Russia: problems and controversies of the transitional period — *D. Leontiev (Moscow)*

В последние 2-3 года в России развернулись дискуссии о проблемах регулирования психодиагностической практики. Огромный разрыв между стихийно сложившейся в нашей стране «дикой» психодиагностикой и признанными в передовых в этом отношении странах правилами и нормами, отработанными в течение многих десятилетий и кодифицированными в нормативных документах международных профессиональных организаций и объединений (ЕФРА, ИТС и др.), не только начал всерьез осознаваться и обсуждаться, но и вызвал к жизни возникновение групп профессионалов, стимулировавших поддержанную Президиумом РПО разработку этих вопросов. Результатом стало появление первых нормативных документов и институтов в этой сфере практики.

Причиной разрыва стал разгром психодиагностики в СССР на государственном уровне в 1936 г.; лишь в конце 1960-х началась осторожная ползучая реабилитация, в «лихие 90-е» сменившаяся контрабандной вольницей. Многие тогда осознали, что психодиагностика может быть успешным бизнесом, при этом до сих пор обходясь без осознания правовых, этических и профессиональных рамок, в которых этот бизнес должен развиваться. Мы только в последнее время начинаем наверстывать отставание от передовых стран в области профессиональной культуры. Последняя включает в себя по меньшей мере четыре составляющих:

теоретико-методологическую, технологическую, правовую и этическую. С первой в России все неплохо, второй мы более или менее научились, с третьей и четвертой проблемы наибольшие.

Главные характеристики современного состояния психодиагностики в России под углом зрения этих составляющих таковы:

1. Высокий (для профессионалов) уровень теоретико-методологической культуры, порождающий своеобразный снобизм по отношению к менее теоретически изощренному, но более технологически отработанному западному психодиагностическому арсеналу.

2. Постепенное усвоение и достаточно-широкое преподавание современных психометрических и других оснований психодиагностических методик, которые и позволяют делать диагностические заключения. Вместе с тем эти технологические знания не стали еще достоянием и ориентиром всего психологического сообщества, и существенная его часть, включая немало уважаемых психологов старшего поколения, не понимает их и не хочет понимать. В итоге распространено расширительное понимание понятия «тест» или «диагностическая методика» – этими словами называют любой, даже нестандартизованный способ, который, по мнению его автора, дает какие-либо данные.

3. Доминирование правового нигилизма, распространенный миф о том, что к тестам не относятся нормы авторского права, и что сделать свою методику на базе зарубежного теста – это не то же самое, что выпустить под своей фамилией учебник, переведя, сократив и творчески переработав учебник зарубежного автора.

4. Отсутствие кодифицированных этических норм применения методик, что часто приводит к нарушениям конфиденциальности и других интересов обследуемых.

Это положение дел также складывалось на протяжении десятилетий под влиянием ряда факторов, и нереально указом ввести в качестве обязательных современные западные стандарты. Начало активных дискуссий и разработки нормативных документов знаменует начало переходного периода к принятию российским психологическим сообществом основ профессиональной психодиагностической культуры. Для понимания закономерностей его прохождения важно сформулировать идеальную модель желательного конечного состояния, к которому мы должны прийти в завершение этого периода, а затем прочертить траектории, соединяющие нынешнее состояние с желаемым. Об этом и пойдет речь в докладе.

Косвенная психодиагностика стиля потребительского поведения

Е.Ю. Логутова, А.Г. Шмелев (Москва)

Indirective psychodiagnostics of the consumer behavior style. — E.Y. Logutova, A.G. Shmelyov (Moscow)

В настоящее время в маркетинге большое внимание уделяется исследованиям стилей потребительского поведения, где часть исследований направлена и на выявление психологических особенностей покупателей. В данной работе рассматривается подход, согласно которому личностные особенности покупателей выявляются не с помощью прямых тестов-опросников, а с использованием имплицитной методики, построенной по принципу неполного семантического шкалирования (или техники направленных ассоциаций). Было сделано предположение, что имплицитная методика будет более эффективна при выявлении тех личностных особенностей покупателей, влияющих на их выбор при совершении покупок, которые являются в современном обществе социально нежелательными, и у человека есть осознанное или бессознательное стремление скрыть их в процессе тестирования.

Методика исследования. В основе проведенного эксперимента лежит имплицитная методика А. Г. Шмелева «Большой ассоциативный тест», где им был предложен прием контекстно-зависимого неполного шкалирования существительных по степени сходства с «образом Я». Данный прием сродни «контрольным спискам прилагательных», но отличается принципиально тем, что «галочки» необходимо ставить не по сквозным и длинным спискам, а каждый

раз внутри определенного набора слов (в данном случае из 7 слов, ограниченных по принципу «семь +/- два»), взятых из определенной семантической микросистемы – относящихся к определенной категории явлений и понятий: мир животных, мир географических объектов, мир автомобилей, мир песен и т.п. Методика, построенная на базе 50 семерок слов, получила рабочее название «Большой ассоциативный тест» (далее будет обозначаться как БАТ). Для проверки предположения, выдвинутого нами, также был взят двухфакторный опросник темперамента, сокращенная и адаптированная версия известного ЕРІ Г.Айзенка, разработанная А. Г. Шмелевым, как традиционный тест опросник, используемый для определения индивидуальных особенностей человека (сокращенное обозначение методики ТО-Ф2).

Таким образом, респондентам было необходимо выполнить две тестовые методики, а также разработанный опросник «Как Вы покупаете мобильный телефон?», где от испытуемого требовалось обратиться к своему прошлому покупательскому опыту и отдать свое предпочтительное определенному набору действий в той или иной описанной ситуации. Основной задачей исследования являлся поиск статистически-значимых связей между ответами респондентов на вопросы опросника и их личностными характеристиками, выявленными с помощью БАТ и ТО-Ф2. Для рассмотрения было взято два фактора: интроверсия – экстраверсия, тревожность – стабильность. Одновременно с этим было решено проверить зависимость ответов от социально-демографических характеристик испытуемых – от трех внешних критериев: возраст респондентов, пол респондентов и уровень дохода.

Сбор данных был проведен на базе сайта www.ht-line.ru на участниках проекта «Клуб испытателей тестовых технологий». Всего в исследовании приняло участие 420 респондентов: 310 женщин и 110 мужчин.

Результаты. После обработки полученных данных было выявлено 25 статистически значимых связей между ответами покупательского опросника и ТО-Ф2 (15 связей по фактору «Интроверсия – Экстраверсия, 10 связей по фактору «Тревожность – Стабильность») и 44 связи между ответами опросника и БАТ (16 связей по фактору «Интроверсия – Экстраверсия, 28 связей по фактору «Тревожность – Стабильность»). Затем среди выявленных связей с помощью БАТ были отобраны те ответы опросника, с которыми фи-коэффициент связи составил не менее 0.20 и проверены на наличие связи с внешними критериями пол, возраст и уровень доходов.

Выводы. Полученные данные подтвердили нашу гипотезу о более высокой чувствительности имплицитной методики к выявлению связей потребительского поведения и определенных личностных особенностей покупателей. Проверка на зависимость выявленных связей от внешних критериев показала, что большинство установленных связей не зависят от особенностей пола, возраста и уровня доходов респондентов, что подтверждает значимость психодиагностики для сегментирования популяции покупателей.

В дальнейшем планируется провести работу по выявлению зависимости потребительского поведения от личностных особенностей покупателей, рассматривая особенности реального поведения человека при совершении покупки.

К вопросу о структуре и диагностике контроля за действием: роль рефлексивной ориентации

О.В. Митина, Е.И. Рассказова (Москва)

To the question of the structure and dynamics of action control: the role of reflective orientation —
O.V. Mitina, E.I. Rasskazova (Moscow)

Введенное Ю.Кулем разведение ориентации на действие и ориентации на состояние не раз показало свою эвристичность и широко используется в исследованиях саморегуляции. В серии российских исследований была продемонстрирована надежность и валидность опросника ориентации на действие/состояние. Однако, применение данной модели требует

ряда уточнений относительно особенностей диагностики и структуры контроля за действием. Во-первых, конструкты ориентации на действие и ориентации на состояние рассматриваются Ю.Кулем как антонимичные, хотя теоретически они могут восприниматься испытуемыми амбивалентно. Во-вторых, имплицитно предполагается, что ориентация на действие – оптимальный вариант саморегуляции, тогда как ориентация на состояние связана с ее нарушениями. Однако, неоднократно описывался вариант саморегуляции, когда ориентация на состояние намеренно выбрана человеком – например, вместо того, чтобы немедленно действовать, он действительно готов потратить время, чтобы обдумать причины неудачи. Таким образом, помимо ориентации на действие и ориентации на состояние, можно предполагать третью составляющую контроля за действием – рефлексивную ориентацию. Целью данного исследования была проверка высказанных предположений.

Характеристика выборки. В исследовании приняли участие 287 студентов российских вузов в возрасте от 17 до 39 лет (средний возраст $20,2 \pm 2,7$ лет, 50 мужчин и 237 женщин).

Модификация методики. С целью выявления принятия состояния в каждом пункте опросника ориентации на действие был сформулирован дополнительный ответ, предполагающий не выполнение немедленных действий, а рефлексии сложившейся ситуацией. Для выявления амбивалентности шкалы ответы были переведены из ипсативной в Лайкертову шкалу: испытуемый оценивал по шкале Лайкерта от 1 до 4, насколько часто он использует каждую из трех стратегий.

Дополнительные методики. Для проверки внешней валидности каждой из шкал использовались методики Стиль саморегуляции поведения, Опросник когнитивной регуляции эмоций, Опросник изменения цели.

Результаты. Между шкалами ориентации на действия и ориентации на состояния выявлена слабая или средняя отрицательная корреляция ($r = -0,20 - -0,50, p < 0,01$), т.е. ни в одном из доменов (при неудаче, при планировании, при реализации) шкалы не могут быть признаны противоположными. Новая шкала рефлексивной ориентации положительно коррелирует с ориентацией на состояние при неудаче и планировании ($r = 0,38-0,40$) и с ориентацией на действие при реализации ($r = 0,36$), но не идентична этим шкалам. Надежность-согласованность шкалы рефлексивной ориентации была достаточной (альфа Кронбаха $0,77-0,80$) при неудаче и планировании. Согласно результатам корреляционного анализа, шкала рефлексивной ориентации более прогностична, чем ориентация на действие и ориентация на состояние, в отношении общего уровня саморегуляции, планирования, программирования, копинг-стратегий фокусирования на проблеме и позитивной переоценки.

Выводы. Таким образом, в структуре контроля за действием можно выделить компонент рефлексивной ориентации. Модификация опросника позволила сконструировать надежную и прогностичную шкалу для оценки данного конструкта. Помимо этого, при применении опросника Ю.Куля в психодиагностических целях должна учитываться проблема амбивалентности стратегий ориентации на действие и состояние. При применении опросника Ю.Куля необходим ряд уточнений, связанных с амбивалентностью стратегий в культуре и прогностичностью выделения третьей стратегии – рефлексивного осознания ситуации.

Психодиагностика семьи в школе: юридические, профессиональные и этические аспекты

Н.А. Пастернак (Москва)

Family psychodiagnostics in secondary school: juridical, professional and ethical aspects –
N.A. Pasternak (Moscow)

Одно из направлений работы современной школы – установление отношений партнерства и сотрудничества с семьей учащегося. Считается, что такое партнерство позволит уменьшить риск девиантного поведения учащегося в подростковом возрасте.

Для того, чтобы составить общее представление о семье учащегося школа проводит диагностическую работу как с родителями, так и с учениками, цель которой – определить психологическую атмосферу, которая окружает ребенка дома. Однако, эта деятельность школы не регламентирована ни законодательными актами, ни специальными психолого-педагогическими рекомендациями, поэтому она вызывает много вопросов как у родителей, так и у специалистов.

Первый вопрос – о юридической правомерности вмешательства кого-бы то ни было в жизнь отдельной семьи. По этому поводу Интернет «забит» комментариями юристов, которые говорят о том, что вмешательство школы в жизнь семьи противоречит Конституции РФ, Конвенции о правах ребенка и т.д. Эти же юристы предлагают родителям, детям которых предлагают в школе отвечать на вопросы, касающиеся их семьи, подавать на школу в суд или обращаться к средствам массовой информации. Видимо, данный общественный резонанс привел к тому, что во многих школах Москвы перед общением ребенка с психологом у родителей просят письменного согласия: правда в этом «документе» весьма расплывчато указывается, какие именно психологические тесты будут предложены ребенку.

Второй вопрос – насколько профессионально школа проводит данную работу. Будучи сотрудником ФИРО, я столкнулась с тем, что в школах проводятся фронтальные опросы учащихся по поводу того, как они воспринимают отношение к себе собственных родителей. Кроме этого, дети отвечают на вопросы, касающиеся психологического климата в семье, отношения между родителями и т.п. Но ведь психологам хорошо известно: подобного рода опросы нельзя проводить «просто так» – сам ребенок должен инициировать запрос к психологу на оказание психологической помощи в том случае, когда ему в семье некомфортно. В случае же фронтальных опросов, ребенку навязываются незатейливые мысли – «твои родители тебя не очень любят», «твоим родителям не до тебя», «в твоей семье слишком много ссор» и т.д. Кому и зачем нужно так настраивать ребенка?

Кроме этого, если администрация школы действительно выявит какие-то конфликтные семьи, или семьи с преимущественно авторитарным типом воспитания, что она (администрация) будет делать? Заставить семью обратиться за помощью к семейному психотерапевту (ведь школьный психолог не компетентен в вопросах психотерапии семьи)? А если семья откажется, или в городе или населенном пункте нет специалистов данного профиля. Вопросов здесь больше, чем ответов.

Третий вопрос, который возникает по поводу этой проблемы – этическая сторона вопроса. Насколько, например, этичен такой вопрос учащемуся: «Можешь ли ты сказать, что твоим родителем явно не до тебя?» (Вопросы такого типа можно найти на сайтах учителей).

Резюмируя все вышесказанное, можно отметить, что в ситуации, когда школа начала «серьезно работать с семьей», необходима соответствующая работа специалистов по разработке психолого-педагогических рекомендаций по проведению работы данного типа.

Психометрическая апробация русскоязычной версии опросника когнитивной регуляции эмоций

Е.И. Рассказова, А.Б. Леонова, И.В. Плужников (Москва)

Psychometric approbation of Russian version of the Cognitive Emotion Regulation Questionnaire –
E.I. Rasskazova, A.B. Leonova, I.V. Pluzhnikov (Moscow)

Проблема взаимодействия когнитивных и аффективных процессов приобретает особую актуальность в исследованиях, посвященных стрессу и совладающему поведению. Один из возможных подходов к решению обозначенной проблемы состоит в определении роли когнитивных процессов в регуляции эмоций, и «обратного» влияния эмоциональных состояний на протекание когнитивных процессов. В рамках данного подхода Н. Гарнефски с соавторами был разработан «Опросник когнитивной регуляции эмоций» (ОКРЭ, в оригинале

– «Cognitive Emotion Regulation Questionnaire»), в состав которого входят 9 основных стратегий, способствующих (принятие, позитивная перефокусировка, фокусирование на планировании, позитивная переоценка, рассмотрение в перспективе) или препятствующих (самообвинение, руминации/навязчивые мысли о событии, катастрофизация, обвинение других) успешной адаптации. Эмпирические исследования подтвердили высокую прогностическую валидность опросника. В соответствии с этим, целью нашей работы была разработка полноценной русскоязычной версии этой психодиагностической методики, соответствующего основным психометрическим характеристикам оригинального варианта методики.

Характеристика выборок обследуемых. Выборка стандартизации составила 364 чел. (106 мужчин и 258 женщин, средний возраст $25,1 \pm 8,1$ лет). В обследованиях, проведенных в клинических условиях, участвовало 120 больных с аффективными расстройствами (60 мужчин и 60 женщин в возрасте от 18 до 38 лет (средний возраст $26,0 \pm 4,3$ лет)).

Комплекс дополнительных психодиагностические тестов. Для проверки содержательной валидности подготовленной версии опросника использовались следующие методики: Госпитальная шкала тревоги и депрессии, Шкала дифференциальных эмоций К. Изард, Торонтская алекситимическая шкала, Опросник совладания со стрессом COPE, Тест жизнестойкости, Методика «Стиль саморегуляции поведения», Опросник общей самооффективности.

Результаты. Надежность-согласованность и ретестовая надежность по пунктного состава теста достаточно высоки как по опроснику в целом (коэффициент α -Кронбаха = 0,86, тест-ретестовые корреляции значимы на уровне не менее $p < 0,01$), так и по отдельным шкалам. Эксплораторный и подтверждающий факторный анализ подтвердили правомерность 9-факторной структуры данных и ее соответствие концептуальной модели. Обнаружено большое число значимых корреляций между показателями основных шкал методики ОКРЭ и релевантных психодиагностических тестов. Для больных с аффективными расстройствами характерен выраженный когнитивно-аффективного дисбаланс со сдвигом в сторону дефицита аффективных стратегий переживания эмоциогенных ситуаций.

Выводы. Таким образом, русскоязычная версия методики «Опросник когнитивной регуляции эмоций» является надежным и валидным психодиагностическим инструментом, который можно рекомендовать для использования в практике психодиагностики и психологического консультирования.

Работа выполнена при поддержке проекта РФФИ №11-06-00089а

Психодиагностика в профессиональной ориентации. Опыт модификации методики Дж. Холланда «Определение профессионального типа личности»

Г.В. Резапкина (Москва)

Psychological diagnosis in vocational guidance. Experience modification test J. Holland «Defining professional type person» — *G.V. Rezapkina (Moscow)*

Психологическая диагностика профессиональных интересов, склонностей и способностей является важным компонентом профориентационной работы. Однако большинство профориентационных опросников были разработаны в конце прошлого века. Уже тогда вопросы «нравится ли тебе работать в штормовую погоду на реке или море», «интересоваться выполнением плана народного хозяйства», «работать на химическом производстве», «следить за качеством грампластинок», «работать на пишущей машинке» веселили школьников.

За двадцать лет резко поменялась наша жизнь, появилось множество новых реалий. Некритичное использование морально устаревших опросников дискредитирует саму идею профдиагностики.

Рассмотрим возможности модификации традиционных методик на примере методики Определения профессионального типа личности Дж. Холланда. Согласно подходу Холланда, удовлетворенность своей работой, а, следовательно, ее эффективность, зависит от того, насколько вид деятельности соответствует типу личности.

В нашей стране эта методика появилась лет двадцать назад в виде кипы листов формата А4 – бланк, дешифратор, перечень профессий, среди которых были такие экзотические, как бальзамирщик трупов... Позже методика была упрощена и адаптирована. Чтобы определить свой профессиональный тип, предлагалось «примерить» и оценить шесть утверждений, описывающих различные профессиональные типы личности. Затем надо было сравнить 42 пары профессий, выбрать одну из двух и записать ее код в бланк. Некоторые пары профессий, на мой взгляд, были подобраны неудачно: «кондитер» и «священнослужитель», «философ» и «врач», «лесник» и «директор».

Когда пять лет назад «продвинутые» школьники в очередной раз указали мне, что «директор» – не профессия, я рискнула объединить типологию Дж. Холланда с традиционной для отечественной профориентации классификацией Е. А. Климова. Мне показалось, что более корректно сравнивать профессии, относящиеся к разным типам по Холланду, но к одному и тому же предмету труда по Климову. С учетом новых и наиболее востребованных профессий список профессий приобрел такой вид:

Техника	Автомеханик (Р)	Физиотерапевт (С)
Специалист по защите информации (И)	Оператор связи (О)	Логистик (П)
Водитель (Р)	Инженер-конструктор (И)	Кинооператор (А)
Авиадиспетчер (О)	Авиадиспетчер (О)	Кассир (С)
(А)		Менеджер по автопродажам (П)
Природа	Ветеринар (Р)	Дизайнер сайтов и компьютерных программ
Биолог-исследователь (И)	Лаборант (О)	Эколог (С)
Агроном (Р)	Селекционер (И)	Фермер (П)
Санитарный инспектор (О)	Человек	Дрессировщик (А)
Массажист (Р)	Преподаватель (И)	Санитарный врач (С)
Администратор (О)	Официант (Р)	Заготовитель сельхозпродуктов (П)
Психолог (И)	Психолог (И)	Ландшафтный дизайнер (А)
Страховой агент (О)	Страховой агент (О)	Воспитатель (С)
Искусство	Ювелир-гравер (Р)	Предприниматель (П)
Искусствовед (И)	Искусствовед (И)	Режиссер театра и кино (А)
Редактор (О)	Редактор (О)	Врач (С)
Дизайнер интерьера (Р)	Дизайнер интерьера (Р)	Торговый агент (П)
Композитор (И)	Композитор (И)	Хореограф (А)
Музейный работник (О)	Музейный работник (О)	Журналист (С)
Знак	Верстальщик (Р)	Продюсер (П)
Лингвист (И)	Лингвист (И)	Музыкант (А)
Корректор (О)	Корректор (О)	Экскурсовод (С)
Наборщик текстов (Р)	Наборщик текстов (Р)	Арт-директор (П)
Программист (И)	Программист (И)	Актер театра и кино (А)
Бухгалтер (О)	Бухгалтер (О)	Гид-переводчик (С)
		Антикризисный управляющий (П)
		Художественный редактор (А)
		Юрисконсульт (С)
		Брокер (П)
		Литературный переводчик (А)

Важным дополнением к методике является словарь профессий, в котором приводится краткое описание профессий: содержание, профессионально важные качества, медицинские противопоказания.

Особенности применения теста «Чтение психического состояния по взгляду» («Reading the mind in the eyes»)

Е.Е. Румянцева (Москва)

Peculiarities in administering of the test «Reading the mind in the eyes» — *E.E. Rummyantzeva (Moscow)*

Была переведена методика «Reading the mind in the eyes» – «Чтение психического состояния по взгляду». Согласно авторской задумке данный тест способен обнаруживать снижение в понимании т.н. модели психического у взрослых испытуемых с нормальным интеллектом. Он должен выявлять насколько испытуемый может поставить себя на место другого человека, и «настроиться» на его психическое состояние. Данная методика включает в себя 36 карточек непосредственно для тестирования, и 1 карточку пример, для выявления того насколько правильно испытуемый понял инструкцию. На карточках представлена область вокруг глаз разных актеров (мужчины и женщины представлены в равном количестве), они изображают различные эмоции. Испытуемый должен дать ответ о внутреннем состоянии другого человека ориентируясь на ограниченное количество информации – только на область вокруг глаз и взгляд. Для каждой карточки предлагается 4 варианта ответов. Только один вариант ответа является правильным, или «целевым». Остальные ответы можно назвать «фоновыми». «Фоновые» ответы не являются противоположными по смыслу «целевому» ответу, более того, они имеют схожую эмоциональную окраску с «целевым» словом. И эта особенность делает тест еще более сложным. Испытуемые должны были фиксировать ответы на бланке. В случае если испытуемые затруднялись с пониманием слов, они могли обратиться к словарю, который прилагался к тесту.

Описание теста и данные по его апробации были представлены коллективом авторов в следующей публикации: S. Baron-Cohen, S. Wheelwright and J. Hill, The «Reading the mind in the eyes» test revised version: A study with normal adults, and adults with Asperger Syndrome or High-Functioning autism. Была начата апробация данной методики на русском языке, результаты апробации представляются в данной публикации. Обследовали 30 здоровых взрослых испытуемых (11 мужчин и 19 женщин), это были студенты московских вузов, или люди, получившие высшее образование. Средний возраст мужчин был 22+/-2,3, средний возраст женщин 20,7+/-2,1, группы статистически достоверно не различались по возрасту ($t=1,7$, $p=0,1$). Большая часть испытуемых попадала в область типичных значений, они набрали от 22 до 30 баллов, эти данные сопоставимы с данными авторов теста. У мужчин средний балл составлял 27,6+/-2,2, у женщин 27,37+/-3. Ответы мужчин и женщин статистически достоверно не различались друг от друга ($t=0,2$, $p=0,8$), тем не менее, у 4 женщин было более 30 баллов, их ответы попадали в область более хорошего понимания модели психического. Ни один испытуемый не набрал меньше 22 баллов, т.е. не попал в зону сниженного понимания модели психического. Данный тест широко применяется в мировой науке для диагностики модели психического у взрослых испытуемых, как здоровых, так и страдающих психическими заболеваниями. Также был произведен анализ выборов испытуемых, аналогичный с тем, который проводился при создании теста его авторами. Но было увеличено число экспертов. Критерием принятия правильного ответа был выбор его 63% испытуемых. Под данный критерий не попадало 5 карточек. Также оценивалось количество выборов испытуемыми фоновых ответов, их не должно быть более 27%. Под данные критерий не попали 5 карточек, 3 из которых совпадали с тем карточками, правильный ответ на которые давали менее 63% испытуемых. Это указывает на то, что данный тест нуждается в пересмотре некоторых стимулов, и продолжении работ по апробации.

Вклад интеллектуальных способностей в успешность менеджера: взаимосвязь результатов тестов способностей и центров оценки

С.И. Симоненко (Москва)

Contribution of intellectual abilities to managerial successfulness: correlation between ability tests and assessment center results — *S.I.Simonenko (Moscow)*

Тесты способностей часто используются при отборе персонала, хотя важность интеллекта как фактора успешности менеджера не очевидна. В рамках данного исследования мы сформулировали гипотезу о том, что существует взаимосвязь между интеллектуальными способностями менеджера и его эффективностью.

Для проверки гипотезы нами было проведено исследование на основе данных оценки 211 топ-менеджеров ряда крупных российских компаний (в период с 2007 по 2010 гг). Эффективность менеджера оценивалась методом центра оценки на основе моделей компетенций, специально разработанных для каждой компании. Владение определенным набором компетенций на достаточном уровне являлось показателем успешности менеджера. В качестве тестов способностей использовалась батарея «Анализ информации», разработанная компанией OnTarget. Эта батарея состоит из двух тестов: Анализ числовой информации и Анализ вербальной информации. Тесты предназначены для кандидатов на позиции топ-менеджеров и старших менеджеров крупных компаний.

Для вычленения того, какой вклад вносят интеллектуальные способности в эффективность менеджера, мы разделили результаты тестов способностей всех респондентов на 5 групп (от 22 до 59 человек) – высокие, выше среднего, средние, ниже среднего, низкие.

На основании статистического анализа нами была выявлена нелинейная зависимость эффективности менеджера от уровня интеллекта. Связь интеллекта и оценки компетенций усиливается, когда мы рассматриваем группы со средними и низкими результатами тестов способностей (коэффициент корреляции Пирсона составляет 0,31 при данной выборке достигает уровня значимости 0,01), и исчезает, когда мы рассматриваем группы со средними и высокими результатами (коэффициент Пирсона 0,056). Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что низкие интеллектуальные способности негативно влияют на эффективность лидерского поведения менеджера. Причем это влияние настолько значимо, что мы можем рассматривать результаты тестов способностей, как индикатор наличия лидерского потенциала, и строить прогнозы относительно успешности того или иного индивида как лидера. Вместе с тем, высокий уровень развития интеллектуальных способностей не оказывает влияния на повышение эффективности лидерства и не увеличивает шансы его обладателей на большую успешность по сравнению с теми менеджерами, которые имеют средние показатели уровня интеллекта.

Следовательно, мы вправе утверждать, что интеллект вносит существенный вклад в эффективность лидерства в организациях и может быть признан универсальным качеством, необходимым успешному менеджеру. В соответствии с этим, результаты тестов способностей соискателя стоит учитывать в качестве одного из прогнозирующих параметров его успешности на управленческой позиции. В свою очередь, тесты способностей являются валидной методикой при отборе кандидатов.

Психодиагностика как инструмент исследования личности

Л.Н. Собчик (Москва)

Psychodiagnostics as instrument for personality research — *L.N. Sobchick (Moscow)*

Объективность психодиагностических тестов обусловлена статистически подтвержденной достоверностью, а полученные результаты в значительной степени независимы от опыта и личностных особенностей экспериментатора.

Однако «слепая» психодиагностика, с опорой только на представленные в виде числовых показателей результаты может быть использована в основном при апробации нового теста или для проверки отдельных критериев оценки личности. На практике язык цифр лишь в определенной мере может служить опорой и средством объективизации личностного портрета.

Психометрика не может заменить собой вдумчивый подход к тем качествам, которые мы измеряем. Сначала следует определить категориально равноценные признаки, относимые к свойствам личности, увидеть их проявление в жизни, обнаружить некую закономерность, поставить ее во главу угла в процессе исследования как рабочую гипотезу, а потом уже статистически доказать наличие такой закономерности. Необходимо учитывать пол и возраст, сведения о профессиональном, социально-экономическом и семейном статусе конкретного лица, и ту ситуацию, которая вызвала необходимость обследования. А главное – следует опираться на определенную концептуальную базу, теоретическую подоплеку понимания целостной личности.

Наша психодиагностическая модель зиждется на теории ведущих тенденций, согласно которой врожденные особенности являются основой для формирования типа реагирования и той индивидуальной избирательности, благодаря которой из широчайшего спектра впечатлений об окружающем мире каждый человек в свойственном ему стиле осваивает определенную информацию, акцентируя свое внимание на одних явлениях и игнорируя другие. Ведущая тенденция пронизывает все уровни личности: генетически заданные особенности темперамента, характерологические черты, личностные свойства, представляющие базу для формирования наиболее высоких («вершинных» по Выготскому) уровней личности, каковыми являются социальная направленность и иерархия ценностей человека.

Типология индивидуально-личностных свойств определяется восемью полярными свойствами: тревожность, агрессивность, сензитивность, спонтанность, интровертированность, экстравертированность, ригидность и лабильность. Сбалансированность этих свойств характерна для нормы, а перевес в ту или иную сторону обуславливает выраженные черты характера или акцентуацию личности. Первый вектор исследования направлен на оценку 1) субъективного Я в сопоставлении с идеальным Я, к которому индивид стремится, 2) объективного портрета личности, включающего эмоции, мотивацию, стиль общения, тип мышления 3) бессознательного Я, глубинных характеристики личности. Второй вектор позволяет сопоставить феноменологически близкие показатели разных методик и с уже большим запасом надежности определить наличие преобладающих характеристик. Третий вектор (лонгитюдное обследование – при возможности) изучает динамику и выявляет индивидуальный диапазон изменчивости личностных свойств в разных ситуациях и состояниях.

Выбор методов обусловлен их направленностью на разные уровни самосознания (субъективный, объективный и глубинный, неосознаваемый). Это – батарея компьютеризированных тестов, включающих тест ДМО (актуальный образ Я сравнивается с идеальным) СМЛ, ИТО, ЛИК-190 (новый авторский опросник, выявляющий базовые свойства личности и компетенции), тест Айзенка-Горбова. Дополняют данные опросников проективные тесты, использующие невербальные стимулы (цветовые эталоны, картины, портреты, неструктурированные пятна), формализованные таким образом, чтобы можно было опираться на количественные показатели и результаты статистически подтвержденной валидности. Это – метод цветочных выборов МЦВ; метод портретных выборов МПВ, иногда – тест Роршаха.

В зависимости от задачи, стоящей перед психологом, достаточно использовать комплект из правильно выбранных трех методик. Помимо основных характеристик личности на

основании полученных данных выявляются и те скрытые ресурсы человека, знание которых создает дополнительные возможности повышения эффективности трудовой деятельности и способствует улучшению качества жизни индивида.

Измерение трудовой мотивации с помощью сравнительной оценки мотивационных объектов

Е.А. Стрижова, А.Н. Гусев (Москва)

Work motivation measurement by comparative appraisal of motivational objects —
E. Strizhova, A. Gusev (Moscow)

В настоящей работе представлен авторский подход к измерению трудовой мотивации. Суть диагностической процедуры состояла в решении испытуемым проблемной задачи, в рамках которой ему было необходимо производить сравнительную оценку мотивационных объектов (термин Ж. Нюттена) в графических пространствах 3 пар оценочных шкал («важность» и «вероятность успеха», «прогресс» и «трудность», «причина» и «усилие»). Мотивационные объекты (МО), всего 16, были подобраны в ходе эмпирического исследования, в их состав, например, входят: «статус», «уважение коллег», «деньги» и пр. Методика имеет бланковую и программную реализацию, которая строится по следующей схеме.

1. Испытуемому предлагается ознакомиться с оценочными параметрами и формулировками 15 МО.

2. Испытуемый выбирает самый приоритетный МО, располагает его в графической системе координат, образованной двумя оценочными шкалами.

3. Далее испытуемый выбирает следующий по приоритетности МО и располагает его относительно первого.

4. Оставшиеся МО в порядке убывания приоритетности испытуемому предлагается расположить в системе координат относительно уже расставленных им объектов. При этом сохраняется возможность скорректировать положение любого МО.

5-6. Повторение процедуры для двух других графических пространств.

7-9. Далее испытуемому последовательно предъявляются все три графических пространства, на каждом из которых необходимо расположить среди размещенных им ранее объектов дополнительный 16-й МО – «Деньги (з/п, премия, др.)» (возможность поменять расположение любого размещенного на бланке МО сохраняется).

По итогам выполнения методики регистрируются: время работы, порядок выбора МО, величины проекций МО на оценочные шкалы (т.е. прямые оценки), евклидовы расстояния между МО в 6-мерном пространстве (т.е. косвенные оценки).

На наш взгляд, организованная таким образом процедура позволяет достигнуть баланса прямого и косвенного методов оценивания, учитывая осознаваемый и неосознаваемый компоненты мотивации. Необходимость расстановки МО в соответствии с субъективным приоритетом, вынуждает испытуемого ранжировать МО согласно этим приоритетам. Это – первое условие решаемой задачи. Необходимость расположения первых МО в графической системе координат вынуждает испытуемого выносить прямую оценку высокоприоритетных объектов. Это условие задает расположение субъективного центра системы координат для расположения последующих МО. Т.о., в заданной системе координат испытуемый реконструирует мотивационное поле с несколькими центрами, т.о., создается многовалентное поле для сравнения МО. Следующее условие, связанное с необходимостью расположения последующих МО относительно первых, вынуждает испытуемого осуществлять сравнительные оценки. Оно вынуждает испытуемого каждый раз заново пересматривать свое отношение к уже размещенным объектам. Эта возможность позволяет, на наш взгляд, не только уточнить субъективные представления о связях между МО, но и делает сравнительные оценки более точными и надежными. Необходимость расположения объективно высокоприоритетного 16-ого объекта

«Деньги...» в каждом из трех пространств после того, как уже в них расположено 15 МО, задает новое условие решаемой задачи. Оно вынуждает испытуемого произвести переоценку всей выстроенной им системы оценки объектов. Введение этого условия позволяет получить данные о наличии конкурирующих мотивов.

Разработка технологии проведения психотренинга «зеркализации» на базе экспертной психодиагностической системы

К.Р.Червинская (Санкт-Петербург)

Development of the psychotraining technology «zerkalizatsiya» (self-mirror image making) on the base of expert psychodiagnostic system — *K.R.Chervinskaya (Sankt-Peterburg)*

Экспертные психодиагностические системы (ЭПС) – это компьютерный инструментарий, осуществляющий вербальную интерпретацию результатов тестирования испытуемых на основе базы знаний, представляющей собой формализованные знания и опыт психологов (экспертов) по использованию интерпретационных схем в процессе написания психодиагностических заключений. Экспертные знания и опыт носят во многом интуитивный, неосознаваемый, имплицитный и трудновербализуемый характер. Знание интерпретационных схем и умение использовать их на практике при написании психодиагностического заключения – это имплицитные знания, т.е. знания, которые трудно вербализуются, но, тем не менее, проявляются в процессе решения задачи.

Тренинг «зеркализации» был разработан на основе интерпретационного подхода к результатам тестирования испытуемых, реализуемого экспертной системой выявления интерперсональных отношений, созданной на базе методики Т.Лири. Сам по себе интерпретационный подход – это результат эксплицирования знаний эксперта-психолога, имеющего опыт работы с методикой, прежде всего, в клинической психодиагностике.

Такой подход существенным образом отличается от классической интерпретации, нацеленной на диагностирование степени выраженности какого-либо типа поведения, представляя собой, по сути, «пошкальную» интерпретацию. Однако интерпретация многомерных методик с противоречивыми шкалами требует целостного подхода, при котором учитываются, прежде всего, паттерны как сочетания диагностически значимых шкал. Так, испытуемые, оценивая «Я реальное» с помощью прилагательных опросника, очень часто описывают себя достаточно противоречиво, к примеру, как «доминирующих» и «сверхпокорных» (повышение по I и V октантам), или как «независимых» и «сверхзависимых» одновременно (повышение по II и VI октантам). Разработанный нами интерпретационный подход дает ответ на то, что означают такие противоречивые описания испытуемого (паттерны), а сами интерпретационные схемы формализованы и представлены в виде базы знаний ЭПС выявления интерперсональных отношений.

Тренинг «зеркализации» проводится в группе из 6-7 человек, каждый из которых предварительно описывает не только Я-реальное, Я-идеальное, но и каждого участника группы. Тем самым, появляется возможность каждому участнику получить представление группы о нем, т.е. Я-зеркальное. Одним из условий проведения тренинга является предварительное знакомство участников; наиболее подходящими участниками являются студенческие группы, производственные, рабочие и пр. коллективы, люди, связанные близкими, семейными, рабочими или просто дружескими отношениями.

Основной целью тренинга является развитие способности участников отражать, понимать, контролировать собственные переживания, возникающие путем осознания вытесненных переживаний, компенсаторных механизмов, способов психологических защит, внутренних конфликтов и пр.

Тренинг базируется на двух принципах: инсайта и зеркализации.

Принцип инсайта (или осознания) можно рассматривать как форсированный прорыв к новому опыту. Переживание инсайта в тренинге возникает на основе анализа циркуграмм Я-реального, Я-идеального и Я-зеркального. Анализ циркуграмм дается опытным ведущим с помощью ЭПС выявления интерперсональных отношений. Приблизительная схема анализа включает в себя установление степени выраженности диагностически значимых паттернов каждого участника группы, описание «зон рассогласования», внутренних конфликтов, лежащих на разных уровнях осознания, а также описание степени соответствия Я-реального, Я-идеального и Я-зеркального представлений.

Принцип «зеркализации» обусловлен многоплановостью обратной связи, получаемой участниками тренинга. Обратная связь конденсируется в сжатом виде и принимает вид Я-зеркального, полученного путем усреднения оценок, данных другими, по каждой из октант. Построение Я-зеркального лучше всего осуществлять в процессе тренинга, тем самым участники знакомятся не только с усредненными оценками, но и получают возможность сравнивать свои оценки, данные другому, с оценками группы. Очень часто несогласованность своей оценки другому (отличие в 4 балла от средней) говорит о механизмах проецирования собственных качеств. Этот факт легко проверяется: как правило, давший несогласованную оценку по какой-либо октанте сам имеет эту октанту в числе пиков своих циркуграмм (либо Я-реальной, либо Я-идеальной).

Таким образом, принцип зеркализации может обеспечивать расширение знаний о себе у участвующих, способствовать формированию у них «группового образа себя», помогать осознанию внутренних конфликтов и мотивов поведения. Результатом зеркализации может стать развитие способности более дифференцированно описывать внутренние и внешние объекты, то есть отделять спроецированный образ другого от его реального образа, и, тем самым, более адекватно устанавливать внешнее Я-ограничение. Кроме того, обратная связь, реализованная в принципе зеркализации, позволяет каждому участнику осознавать степень своей собственной ответственности за эмоциональное реагирование на проявления других людей.

Психологическая дифференциация состояний задержки психического развития у младших школьников

Л.Ф. Чупров (Черногорск)

Psychological differentiation of mental retardation of primary schoolchildren — *L.F. Chuprov (Chernogorsk)*

Проблема психологической диагностики интеллектуальных нарушений у детей, отграничения детей этой категории от нормы и сходных состояний остается актуальной уже более века. Актуальна и психологическая дифференциация внутри группы с пограничными нарушениями интеллекта – задержкой психического развития (ЗПР) у младших школьников.

В сообщении представлены описание диагностической батареи методик «Психодиагностическая тетрада» (ПДТ) и дифференциация детей с ЗПР на её основе. ПДТ сконструирована из четырех инструментов, зондирующих основные факторы динамической структуры интеллекта: прогностическую деятельность и мнемический фактор – методика «Угадайка», вариант Л.И.Переслени, В.Л.Подобеда, Л.Ф.Чупрова (1990), невербальный фактор – «Методика Т.В.Розановой» (1978) на основе цветных прогрессивных матриц Дж.Равена, вербальный фактор – «Словесные субтесты» по Л.И.Переслени, Е.М.Мастюковой, Л.Ф.Чупрову (1989) и атенционный фактор – «Методика совмещения признаков» В.М.Когана (1967). В батарее использован способ качественно-количественной оценки результатов исследования по каждой из методик, взаимная проверка данных и возможность интерпретации их на основе единого диагностического алгоритма.

Исследовались младшие школьники с ЗПР (60 человек) и с нормальным интеллектуальным развитием (40 человек). Дети с ЗПР уступают нормально развивающимся сверстникам в решении с первой попытки заданий невербальных и вербальных методик, по результативности

вербальных заданий учащиеся с ЗПР отстают от нормы на два уровня. Выявляются заметные различия по результативности выполнения методики В.М.Когана и методики «Угадайка».

По совокупности полученных данных группа детей с ЗПР была разделена на три группы, учитывая психологические и клинические данные: I группа – 6 человек (ЗПР-1); II группа – 20 человек (ЗПР-2); III группа – 34 человека (ЗПР-3). Статистическая обработка материала производилась с использованием *t*-критерия Стьюдента, предварительная оценка равенства дисперсии проверялась с помощью *f*-критерия Фишера. Учитывались значения статистики при $p < 0,05$.

В «Методике Т.В.Розановой» различия выявлены между средними показателями ЗПР-1 и ЗПР-2, а также между ЗПР-1 и ЗПР-3. По «Словесным субтестам» различия существуют между ЗПР-1 и ЗПР-3, а также между ЗПР-2 и ЗПР-3. Выполнение заданий методики В.М.Когана обнаружило различия по показателям «Д» (между ЗПР-1 и ЗПР-2, а также между ЗПР-2 и ЗПР-3) и по коэффициенту «К» (между ЗПР-1 и ЗПР-2, а также между ЗПР-2 и ЗПР-3). По прогностической деятельности учащиеся с ЗПР распределились по следующим типам: II – 70% (подтип «а» – 42,5%; «б» – 27,5%) III – 17,5% (подтип «б» – 17,5%). Наличие III типа прогностической деятельности может быть объяснено либо нарушениями в регистре памяти, либо недостаточной осознанностью мыслительной деятельности, либо этими двумя причинами, выступающими совместно. В общей сложности у 77,5% детей с ЗПР (II и III типы) обнаружили ошибки «отвлечения». Только 12% учащихся с ЗПР имели IV «а» подтип прогностической деятельности и инертно повторяли порядок первого набора.

ПДТ позволяет отграничить учащихся, с нормальным развитием от детей с ЗПР, а детей с ЗПР подразделить на отличные по психологическим данным три группы.

Возможности применения техники репертуарных решеток для диагностики межличностных отношений

И.П. Шкуратова (Ростов-на-Дону)

The possibilities of using repertory grids technique for the diagnosis of interpersonal relationships –
I.P.Shkuratova (Rostov-on-Don)

Определение характера межличностных отношений является одной из самых востребованных задач в практической психологии. Психологическое семейное консультирование должно строиться на основе достоверных знаний о характере отношений между членами семьи. Коррекция делового взаимодействия невозможна без выявления характеристик отношений между его участниками.

По мнению многих авторов, диагностика межличностных отношений направлена на выявление трех основных характеристик отношений: валентности, дистанции между партнерами и позиции каждого из них. Под валентностью отношений понимается их знак, в соответствии с которым, отношения могут быть охарактеризованы как позитивные, негативные или нейтральные. Дистанция определяется степенью ролевой или психологической близости между участниками отношения. По шкале дистантности отношения располагаются в континууме от максимально близких, интимных до максимально далеких, официальных отношений. Термином позиция описывается уровень, занимаемый в иерархии, каждым участником отношений. Здесь может быть три варианта для каждого партнера: позиция подчинения, позиция равенства и позиция главенства или доминирования.

В настоящее время накоплен большой арсенал методик, направленных на диагностику отношений между людьми в разных сферах общения. Основной недостаток проективных тестов связан с оторванностью тестового материала от конкретики реального жизненного опыта испытуемого, а недостаток опросников состоит в трудности для испытуемого дать объективную оценку своему и чужому поведению, а также в его стремлении к социально желательным ответам.

В большой степени эти недостатки преодолеваются применением техники репертуарных решеток, разработанной Дж. Келли на основе теории личностных конструктов. Главный принцип этой техники состоит в том, что объектами оценки служат реальные люди из ближайшего окружения испытуемого и он сам, а критериями оценки выступают характеристики людей, значимые для испытуемого. Получаемые в результате тестовой процедуры матрицы (таблицы), с одной стороны, позволяют анализировать материал напрямую связанный с реальной жизнью испытуемого, а, с другой стороны, дают возможность вычисления показателей с применением математического аппарата.

Тестируя одновременно двух людей, находящихся в определенных ролевых отношениях (супружеских, дружеских, деловых), можно достаточно надежно определять три вышеуказанные характеристики отношений, а также проводить количественный и качественный анализ взаимоотношений. В частности, можно вычислять показатели позитивности самооценок членов пары, позитивность их взаимных оценок, величины идентификации себя с другим членом пары. Сопоставление оценок людей из ролевого списка показывает меру симпатии испытуемого к каждому из них. Мой опыт применения техники репертуарных решеток для анализа супружеских отношений и взаимоотношений в малых группах показал ее большие диагностические возможности.

Самое главное преимущество метода репертуарных решеток состоит в неограниченных возможностях его модификации в соответствии с задачами диагностики. Можно сказать, что это тест-трансформер, в котором можно изменять как количественные параметры, так и содержательное наполнение.

Психосемантическое исследование структуры личностных черт и компетенций

А.Г. Шмелев, М.К. Рыбникова (Москва)

Psychosemantic study of the structure of personality traits and competences —

A.G. Shmelyov, M.K. Rybnikova (Moscow)

В настоящее время в практике оценки персонала широкое распространение получили так называемые «модели компетенций». В данной работе предлагается подход, согласно которому «модели компетенций» интерпретируются как системы вербальных конструктов (личностных и корпоративных) и изучаются с помощью методов экспериментальной психосемантики: испытуемые выполняют процедуры, подобные семантическому шкалированию или «контрольным спискам», приписывая себе (и другим) или отрицая определенные черты и компетенции. Зарубежные исследования подобных данных продемонстрировали универсальность выделяющихся структур: общие кластеры и факторы, в которые объединяются компетенции, по своей сути оказываются близки к факторам «Большой пятерки» (B5) и другим конструктам в рамках различных таксономических моделей личностных черт.

Чтобы избежать лексического смешения черт и компетенций, мы использовали для обозначения разные лексические формы — прилагательные для черт и глаголы для компетенций. Была сформулирована и проверялась гипотеза о единстве имплицитной теории личности и универсальной структуры компетенций.

Методика исследования. За основу в проведенном эксперименте была взята методика А.Г.Шмелева «контрольный список прилагательных-240», дополненная современным лексическим материалом. Каждый испытуемый оценивал себя по широкому кругу черт (КСП-292), выраженных прилагательными. Испытуемым также был предложен второй список дескрипторов — компетенций, выраженных в виде глагольных форм, по которому каждый испытуемый оценивал себя (КСК-101).

Факторный анализ применялся к трем различным структурам данных. Сначала мы реконструируем имплицитную структуру базовых элементов личности на материале одних

прилагательных, затем – компетенций на материале одних глагольных выражений. В качестве завершающего этапа производилась факторизация совместного массива данных по двум методикам – производился анализ матрицы корреляций 393 * 393. Сбор данных был проведен в качестве интернет-опроса в системе HT-LINE на участниках проекта «Клуб испытателей тестовых технологий». Всего в исследовании принял участие 471 респондент: 329 жен. и 142 муж. Возраст: среднее 28.9, стандартное отклонение 9.9.

Результаты. Для совместной матрицы было получено 10-факторное решение. Большинство факторов может быть интерпретировано с точки зрения концепции «В5». Однако в решении оказалось 2 специфичных фактора, где явно доминируют компетенции над чертами.

В связи с расслоением в 10-факторной структуре был проведен дополнительный этап анализа, в котором была построена 5-факторная структура, где данное расслоение не наблюдается столь явно, хотя два фактора из пяти можно истолковать как некую трансформацию личностных факторов из состава «В5» на материале трудовой деятельности и деловых отношений: второй фактор явил собой «Деловую активность» (трансформация Экстраверсии), а пятый – «Деловую независимость-требовательность» (трансформация Конформизма). В данном решении получены также факторы, традиционные для «В5»: Экстраверсия (Е-фактор В5); Агрессивность (А-фактор В5); Сознательность (С-фактор В5). Таким образом, как видим, произошло «расслоение» первого и третьего факторов большой Тройки: и «деловая активность», и «деловая требовательность» предстали в известной степени независимыми (статистически ортогональными) по отношению к общеличностным (темпераментальным) соответствующим чертам.

Выводы. Получены данные в пользу лишь частичного подтверждения нашей гипотезы об определенном единстве семантического пространства (категориальной структуры сознания) для личностных черт и компетенций, так как выявилось наличие специфичных «деловых факторов», что говорит в пользу относительной обособленности сферы «деловой активности» и «деловых отношений» в сознании современного человека вообще и, в частности, в самосознании работников различных предприятий и организаций.

Впереди работы по контролю за возможным артефактом: необходимо варьировать фактор лексической формы.

Модулирующий эффект волевого самоконтроля во взаимосвязи тревоги и интернальности: конвергентная и дискриминантная валидность методики ВСК

Е.В. Эйдман (Сидней), Л.И. Дементий (Омск)

Dispositional self-control moderates the relationship between anxiety and locus of control: convergent and discriminant validity of the test VSK – *E.V. Aidman (Sydney), L.I. Dementiy (Omsk)*

Проблема тревоги является едва ли не центральной в контексте исследований психической саморегуляции. Как известно, с позиций ситуационно-личностного подхода, состояние тревоги определяется не только особенностями ситуации, но и целым рядом диспозиционных черт личности. Среди черт, модулирующих влияние ситуации на состояние тревоги чаще всего называются самоотношение и самооценка, мотивация аффилиции, ответственность. Наиболее значимыми являются тревожность как черта личности (Спилбергер, 1973), интернальный локус контроля (Пантилеев, 1989) и способность к саморегуляции (Кюль, 1992, 2004)

В эксперименте эта модуляция выражается в пониженной реактивности к ситуациям, индуцирующим тревогу, среди испытуемых с низкой тревожностью, интернальным локусом контроля и развитой саморегуляцией.

На уровне индивидуальных различий она выражена в значимых корреляциях между указанными конструктами. Наиболее интересна такая модуляция в том случае, когда модулирующие факторы взаимодействуют между собой. Одно из таких взаимодействий исследовано в настоящей работе, которая продолжает серию исследований по валидизации теста волевого самоконтроля (Эйдмана и Зверкова (1991) и Aidman & Erofeev (2010)).

Всилу нетривиальной логики, необходимой для концептуального обоснования модулирующих взаимодействий, эмпирическое подтверждение таких взаимодействий считается наиболее убедительным свидетельством конструктивной валидности теста. Одна из таких неочевидных гипотез – о зависимости силы корреляционной связи между локусом контроля и состоянием тревоги в момент тестирования от уровня волевого самоконтроля – была протестирована в нашей работе на выборке из 65 студентов регионального ВУЗа.

Испытуемые выполняли, в одной экспериментальной сессии, опросники STAI Спилбергера-Ханина (1978), волевого самоконтроля (ВСК; Эйдман, 2010) и уровня субъективного контроля Бажина, Голынкина, Эткинда (1984).

Как и ожидалось, тревога-состояние (StAnx) значимо коррелирует с тревожностью-чертой ($r = .46$), интернальностью (УСК-И; $r = -.37$) и саморегуляцией (глобальный балл ВСК, $r = -.36$).

Из подшкал ВСК, тревога оказалась сильнее связана с самоконтролем эмоций (ВСК-С; $r = -.45$), чем с настойчивостью (ВСК-Н; $r = -.21$), причем последняя исчезла полностью за пределами вариативности ВСК-С, т.е. при пересчете частичных корреляций с контролем по ВСК-С.

Гипотеза о модуляции (moderation hypothesis) Баррона и Кенни проверялась методом иерархической регрессии в которой тревога (StAnx) выступила в качестве критерия, интернальность (УСК-И) – в качестве основного предиктора, а самоконтроль (ВСК-С) – в качестве предиктора-модератора.

Как и ожидалось, оба предиктора внесли уникальный вклад в прогноз вариативности критерия ($\beta = .22$ и $.18$), не сводимый к их взаимной скоррелированности. Статистическое взаимодействие двух предикторов, добавленное на следующем шаге регрессии в виде продукта соответствующих z-баллов, привело к значимому усилению прогностичности регрессионной модели (финальный $R^2 = .51$), подтверждая таким образом гипотезу о модуляции по критериям Баррона и Кенни.

Содержательно эта модуляция выражается в том, что при низком уровне самоконтроля налицо значимая линейная связь интернальности и тревоги, в то время как при развитом самоконтроле (высокие баллы по ВСК-С) эта связь исчезает.

Представленные результаты подтверждают конструктивную валидность теста ВСК: конвергентную для шкалы Самоконтроля и дискриминантную – для шкалы Настойчивость (нет теоретических оснований ожидать связи настойчивости с тревожностью). Результаты также дополняют существующие представления о взаимодействии регуляторных и атрибутивных характеристик личности, и могут быть использованы как в дизайне тренинга адаптивности и стрессоустойчивости, так и в дальнейшем развитии методического инструментария оценки саморегуляции.

Особенности временной перспективы при различных уровнях перфекционизма

В.А. Ясная, О.В. Митина (Москва)

Time Perspective Specifics in Different Levels of Perfectionism – V.A. Yasnaya, O.V. Mitina (Moscow)

Предметом нашего исследования были различия во временной перспективе (ВП) между перфекционистами и неперфекционистами и между различными типами перфекционизма. Перфекционизм – это стремление к безупречности в одной или нескольких сферах жизни,

связан с личностно-, социально- и клинично-психологическими проблемами, поэтому привлекает внимание все большего числа исследователей.

Была использована шкала Almost Perfect Scale – Revised, адаптированная нами на российской выборке (N=700). В результате комбинированного использования эксплораторного и конфирматорного факторного анализа было получено 6 шкал, в целом совпадающих с оригинальными: высокие требования индивида к своей деятельности (Стандарты), склонность к аккуратности и порядку (Порядок), ощущение невозможности достичь собственных высоких стандартов (Несоответствие), страх неуспешности и тревога при выполнении заданий (Перфекционистская тревога), сложности в межличностных отношениях (Отношения) и невозможность начать действовать из-за страха несовершенного результата (Прокрастинация) с показателями α -Кронбаха от 0,727 до 0,905. Стандарты и Порядок, согласно авторам опросника, являются адаптивными аспектами перфекционизма, остальные 4 шкалы – дезадаптивными.

Для оценки ВП мы использовали Опросник Зимбардо в адаптации Сырцова, Соколовой и Митиной (2008), описывающий 5 шкал отношения ко времени: Негативное и Позитивное прошлое, Гедонистическое и Фаталистическое настоящее и Будущее.

Существующие исследования и концептуализации понятий перфекционизма и ВП позволили предположить, что перфекционисты должны обладать специфической структурой ВП с завышенной ориентацией на негативное прошлое и фаталистическое настоящее и сильным акцентом на будущее. Причем у разных типов перфекционистов (адаптивных и дезадаптивных) будет своя специфика ВП.

Сопоставительную выборку составили 503 студента московских ВУЗов разных специальностей.

Адаптивный перфекционизм положительно коррелировал с Негативным прошлым и с Будущим, дезадаптивный – положительно с Негативным прошлым, Фаталистическим настоящим, и Будущим и отрицательно – с Позитивным прошлым и Гедонистическим настоящим. Перфекционист фиксирован на прошлом и будущем, игнорируя настоящее; ориентация на будущее снижается при наличии тревоги, что можно объяснить сильной невротической поглощенностью навязчивыми тревожными переживаниями и мыслями или страхом перед будущим и нежеланием о нем думать; ощущение неспособности изменить к лучшему свою жизнь проявляется только у перфекционистов с выраженной тревогой и сложностями в межличностных отношениях. Прокрастинаторы не могут получать радость от жизни, ощущают невозможность изменить что-либо и строят планы на будущее, не воплощая их в жизнь.

Были получены значимые различия в выраженности различных временных ориентаций в зависимости от структуры перфекционизма. Адаптивные перфекционисты в сравнении с неадаптивными имеют более высокие показатели гедонистического настоящего. Перфекционисты более ориентированы на будущее, и у дезадаптивных эта тенденция выражена сильнее, чем у адаптивных. Дезадаптивные склонны к застреванию на негативных воспоминаниях о прошлом и переживанию неспособности изменить к лучшему свою жизнь. Т.е. у дезадаптивных перфекционистов можно наблюдать «несбалансированную ВП». Разница между адаптивностью и неадаптивностью определяется степенью выраженности (умеренная или чрезмерная) временных ориентаций.

Полученные результаты позволяют предположить, что в силу культурных особенностей несоответствие в российской культуре в отличие от США так же является адаптивным параметром перфекционизма.

Развитие способностей в учебной и профессиональной деятельности

Преодоление профессионального выгорания как способность к самосохранению и саморазвитию

О.Ф. Алексеева (Москва)

Overcoming of professional burning out as ability to self-preservation and self-development —

O.F. Alexeeva (Moscow)

Профессиональное выгорание — синдром, развивающийся на фоне хронического стресса и ведущий к истощению эмоционально — энергических и личностных ресурсов работающего человека (субъекта деятельности). Это сложный, многоплановый конструкт, состоящий из целого ряда негативных психологических переживаний, вызванных длительными и интенсивными, эмоционально насыщенными или когнитивно сложными межличностными коммуникациями. Наиболее характерно проявление этого синдрома у представителей профессий, относящихся к системе «человек — человек». Выгорание — результат несоответствия между личностью и работой. Синдром выгорания приводит к психическому и физическому неблагополучию, потере удовлетворенности качеством жизни, утрате смысла жизни и профессиональной деятельности. Проблема профессионального выгорания теснейшим образом связана с вопросами сохранения здоровья человека, как психического, так и соматического. Здоровье человека в настоящее время рассматривается как способность к самосохранению и саморазвитию: способность приспосабливаться к среде и своим собственным возможностям, увеличивать длительность полноценной жизнедеятельности, улучшать возможности, свойства и способности своего организма, а также качество жизни и среды обитания, производить, поддерживать и сохранять себе подобных, а также культурные, духовные и материальные ценности. В настоящее время в мировом сообществе определяется стратегия сохранения здоровья, основанная на идее ответственного отношения человека за свое здоровье перед обществом и общества перед человеком. Однако желать здоровье и иметь его — это не одно и то же. Для этого человек должен культивировать, созидать свое здоровье, здоровье окружающей среды (биологической и социальной), в условиях которой он формируется, и это является профилактикой выгорания. Преодоление профессионального выгорания требует от человека определенного поведения, поступков, направленных на самопознание, самовоспитание, самоосуществление. Процесс саморазвития человека, стремление к самосовершенствованию и самореализации представляют особую ценность сами по себе. С наличием выраженного стремления и способности к саморазвитию связана и успешность человека как субъекта профессиональной деятельности, достижение им профессионального успеха, а также и его профессиональное и физическое долголетие.

Структура эмоционального интеллекта Т.А. Барановская, В.В. Балашова (Москва)

The Structure of the Emotional Intelligence — *T.A. Baranovskaya, V.V. Balashova (Moscow)*

В структуре эмоционального интеллекта (ЭИ) можно выделить четыре основных компонента: осознание своих эмоциональных состояний; самоуправление; понимание эмоциональных состояний других людей; управление взаимоотношениями с другими людьми. Эти компоненты определяют умение человека узнавать и понимать различные эмоции, а также использовать эти навыки для управления своим поведением и отношениями с другими людьми.

Первые два компонента отражают умение человека справляться с собственными эмоциями, и группируются под общим названием «Личная компетенция» (Personal competence),

вторые – это то, как человек способен понимать поведение других людей, их мотивы и как он строит взаимоотношения с ними; эти компоненты называются «Социальная компетенция» (Social competence). Чаще всего все четыре компонента используются индивидуумом вместе.

А. Личная компетенция.

Как мы уже отметили выше, личная компетенция состоит из двух компонентов: осознание своих эмоциональных состояний и самоконтроль. Эти способности больше фокусируются на индивидууме, чем на его взаимоотношениях с другими людьми. Осознание своих эмоциональных состояний – это способность человека точно распознавать свои эмоции в момент их возникновения и понимать, как он будет реагировать на ту или иную ситуацию. Это также включает в себя осознание того, какие эмоциональные реакции в человеке вызывают определенные события, возникающие проблемы, а также другие люди. Ясное понимание своих наклонностей реагировать так, а не иначе на складывающиеся обстоятельства, облегчает быстрое осознание своих эмоций. Осознание своих эмоциональных состояний означает, что человек способен понимать и распознавать не только свои положительные эмоции, но и отрицательные.

Ключ к пониманию своих эмоций лежит в том, чтобы проводить достаточно много времени обдумывая, по какой причине они возникли, так как любые эмоциональные состояния служат какой-то цели. Они всегда возникают как ответ на какую-то жизненную ситуацию и важно понимать, почему определенные обстоятельства вызвали именно эту эмоциональную реакцию.

Самоуправление – это то, что происходит, когда человек действует или предпочитает не действовать, это способность использовать знания о своих эмоциях, чтобы проявлять гибкость и направлять свое поведение в позитивное русло. Это также означает контроль над своими эмоциональными реакциями в определенных ситуациях или по отношению к другим людям.

В. Социальная компетенция.

Социальная компетенция – это способность понимать других людей и строить взаимоотношения с ними.

Понимание эмоциональных состояний других людей – это способность точно определять природу эмоциональных реакций в других людях и понимать, что с ними происходит на самом деле. Часто под этим подразумевается распознавание того, о чем думает другой человек и что он чувствует, даже если вы сами не испытываете тех же ощущений. Часто индивидуум так поглощен собственными переживаниями и эмоциями, что забывает рассмотреть другую точку зрения.

Управление взаимоотношениями с другими людьми – это продукт первых трех компонентов ЭИ, как способность осознавать собственные эмоции, эмоции других людей с целью успешного взаимодействия с ними. Люди, способные строить взаимоотношения с другими и управлять этими взаимоотношениями, понимают ценность этих отношений и способны в них видеть позитивные моменты, даже если это связано с общением с неприятными им индивидуумами.

Карьерные ориентации выпускников гуманитарных специальностей университета

Т.Д. Барышева (Мурманск)

Career orientations of graduates of humanitarian specialties of university — *T. D. Barysheva (Murmansk)*

В рамках мониторинга профессионального развития проведено выявление особенностей профессионального становления и самоопределения студентов-выпускников 5-ти гуманитарных специальностей Психолого-педагогического института (ППИ) МГУ с использованием специально разработанной анкеты и теста по определению ориентаций на карьеру (на

основе теста «Якоря карьеры»). Индивидуальные профили в виде «Карты успеха в карьере» составлялись в координатах 5-ти типов карьерных ориентаций: Продвижение по службе-вертикальная карьера («Продвижение»), Безопасность в работе-стабильность-защищенность («Безопасность»), Независимость-свобода-творческая автономность («Независимость»); Равновесие-баланс сфер жизни («Равновесие»), Профессиональное развитие-рост-горизонтальная карьера («Профессиональное развитие») и 4-х уровней показателей (максимальный, сильный, средний, слабый).

При анализе общегрупповых тенденций и характеристик всей выборки на фоне среднего уровня исследуемых карьерных ориентаций выявилась приоритетная – «Равновесие» (равновесие-баланс). Рейтинг приоритетности характеризуется тем, что на первом месте по силе находится ориентация «Равновесие»; затем – «Безопасность»; на последнем месте ориентация «Продвижение». Результаты отражают типичный гендерный стереотип профессионального пути в профессиональном поле, приписываемый женщинам (важно, что девушки составляют почти 95% выпускников ППИ). В то же время выявлено, что студенты других факультетов имеют иной приоритетный список ориентаций (например, студенты специальности «Профессиональное обучение (дизайн)» на первую позицию определяют «Профессиональное развитие»).

Анализ только крайних значений в индивидуальных профилях студентов подтверждает наличие интенсивно выраженной ориентации «Равновесие» и согласуется с общегрупповыми результатами. При этом сильно выражена ориентация «Безопасность», что пересекается с ответами респондентов на вопросы анкеты и отражает общую озабоченность выпускников предстоящими трудностями по трудоустройству по окончании вуза. Интересной характеристикой исследуемой выборки является тенденция к поляризации мнений студентов в ориентации «Независимость». Ориентация «Продвижение» достаточно часто представлена на слабом уровне. Заметное число низких показателей в ориентации «Профессиональное развитие» свидетельствует о проблемном становлении профессионализма у выпускников.

Важным мотивом для решения продолжать свою профессиональную самореализацию является отношение к выбранной профессии. Анализ ответов и комментариев респондентов показал наличие 3 типов отношения выпускников к получаемым специальностям: позитивное (большинство опрошенных); амбивалентное, отрицательное. Мнения 2/3 опрошенных свидетельствуют о сформированности здоровых профессиональных амбиций у будущих специалистов, об адекватном психологическом настрое выпускников и развитости у них позитивной профессиональной перспективы.

Несмотря на наличие осложняющих социоэкономических условий (для специалистов гуманитарного профиля) университетское образование на высоком уровне справилось с задачей формирования у студентов правильных представлений о миссии их специальностей. Это является положительным фактором социально-профессиональной адаптированности выпускников к сложной обстановке на современном рынке труда и профессий и их готовности к профессиональной и социальной мобильности.

Развитие психомоторных способностей младших школьников в учебной деятельности (на примере формирования навыка письма)

М.А. Безбородова (Москва)

Development of psychomotor abilities of primary schoolchildren in educational activity (by the example of writing skill formation) — *M. A. Bezborodova (Moscow)*

Актуальность темы обусловлена потребностью начальных школ в теоретическом и практическом обосновании проблемы психомоторной деятельности учащихся при письме и недо-

статочной разработанностью вопросов психологического анализа психомоторного развития детей в процессе обучения.

В качестве теоретической модели учебной деятельности большинство исследователей выделяют универсальную теоретическую модель психологической системы деятельности В.Д. Шадрикова (1994). В своем исследовании мы исходили из концепция деятельностино-психологического консультирования в обучении Г.А.Суворовой (2003), которая базируется на этой модели и реализует новый подход к психологическому консультированию по проблемам обучения: через анализ психомоторных действий исследуются специфика формирования психомоторной деятельности, раскрывающей сущность моторного научения при выполнении разных двигательных задач. Внутренним средством развития психомоторных способностей учащихся выступает письмо как процесс воспроизведения рукописных букв и их сочетаний на бумаге, который представляет собой одновременно техническую сторону речевой деятельности. Развитие психомоторных способностей ученика осуществляется через формирование операционных механизмов психомоторных способностей, в качестве которых выступают двигательные действия при письме. Письмо как функциональная система включает следующие операции: по переработке двигательной (кинестетической) информации (анализ движений при графическом изображении объекта); по переработке зрительно-пространственной информации (соразмерность деталей отдельной буквы, ее расположение на листе, взаимное расположение деталей буквы и самих букв, зрительный облик написанного слова); по серийной организации движений (последовательность движений при написании, как отдельной буквы, так и слова, и целого предложения) и др.

В качестве показателей диагностики продуктивности психомоторики у младших школьников нами были определены: координация рук (реципрокность, плавность, точность), динамический праксис (плавность, точность, темп выполнения движений), ритм (количество правильно воспроизведенных ритмических или графических рисунков), кинестетическая регуляция движений (количество синкинезий), выносливость (максимальный темп движений в минимальный промежуток времени), интегральный показатель сформированности графического навыка письма, отдельные показатели: характер линий, размер элементов, форма элементов, наклон, отклонение от строки, последовательность элементов.

Был выявлен ряд особенностей формирования графического навыка письма у младших школьников на разных ступенях обучения:

- наблюдается достоверный рост средних арифметических оценок (значений) по интегральному показателю сформированности графического навыка письма; на разных этапах обучения учащиеся находятся на разных стадиях формирования графического навыка, а также используют разные типы координации движений руки при письме;
- зафиксирован рост абсолютных показателей продуктивности отдельных параметров графического навыка письма (размер элементов, форма элементов, последовательность элементов), при этом характер линий и наклон остаются в неизменном виде на протяжении разных этапов обучения с 1 по 4 класс);
- выделены конкретные показатели продуктивности психомоторики у младших школьников при письме в целях их диагностики и развития (координация рук, динамический праксис, ритм, кинестетическая регуляция движений, интегральный показатель сформированности графического навыка).
- установлен факт отсутствия связи между синкинезиями и типом нервной системы у детей младшего школьного возраста.

Структура мнемических способностей подростков с разным уровнем алкоголизации

Х.В. Белашева (Москва)

The mnemonic capacity structure of adolescents with different level of alcoholization —
Christina V. Belasheva (Moscow)

В психологии проблеме алкоголизации стало уделяться внимание (Б.С. Братусь, П.И. Сидоров, Э.Я. Бабаян, М.Х. Гонопольский, А.Е. Личко, Л.П. Рубина, Ю.А. Строганов, В.Г. Капанадзе, Н.А. Сирота). Исследуются причины и механизмы «превращения» здорового человека в алкоголика. Тревожит ранняя алкоголизация подрастающего поколения.

Собственно сам пубертатный возраст является чувствительным (сензитивным) периодом, способствующим быстрому развитию алкогольной зависимости и последующей деградации личности (О.А. Ахвердова). Постепенная деградация еще формирующейся личности подростка проявляется в первую очередь в недоразвитии и искажении функционирования системы познавательных процессов и психических функций, среди них которых способности выступают как «родовые формы» функциональной системы психической деятельности. Черемошкина Л.В. рассматривает мнемические способности как средства организации индивидуального опыта.

Еще С.С. Корсаков отмечал, что при алкогольной интоксикации наиболее страдает память и может выражаться в виде амнестического синдрома.

Нами исследовалась структура мнемических способностей подростков с разным уровнем алкоголизации. Принято разграничивать такие понятия как хронический алкоголизм и бытовое пьянство (Н.Г., Шумский), последний критерий характеризуется отсутствием неудержимого влечения к алкоголю (или систематическое употребление алкоголя). Бытовое пьянство характеризуется отсутствием болезни – алкоголизм, на этой стадии человек сможет без вреда для своей психики прекратить употребление алкогольных напитков на любое время, однако при регулярном употреблении даже слабоалкогольных напитков, она закономерно может переходить в первую стадию алкоголизма.

Для выявления признаков бытового пьянства и алкоголизации нами был использован опросник для выявления ранних признаков алкоголизма К.К. Яхина, В.Д. Менделевича, а также шкала алкоголизма патохарактерологического диагностического опросника для подростков А.Е. Личко, что позволило разделить подростков на группы с разным уровнем алкоголизации. В нашем исследовании большинство подростков идентифицировались бытовым пьянством. Всего в исследовании приняло участие 106 подростков, среди которых 48 регулярно употребляют алкоголь.

Для изучения структуры мнемических способностей был использован метод развертывания мнемической деятельности (В.Д. Шадриков, Л.В. Черемошкина). Выявлена дефицитарность функциональных механизмов мнемических способностей (природнообусловленных), «бедность» качественного своеобразия используемых ими операционных механизмов мнемических способностей (преимущественно аналогия, ассоциация, перекодирование), а также отсутствие предпосылок для формирования функциональной системы мнемических способностей (наличие лишь первого и второго уровня развития мнемических способностей).

Т.о., структура мнемических способностей подростков с различным уровнем алкоголизации подвержена двойной детерминации – выраженной преморбидной особенностью их личности – акцентуацией и «злокачественной» отягощенностью несформированной, но уже дефицитарной мнемической деятельности. При этом именно у подростков с гипертимной выраженной акцентуацией характера отмечается склонность к алкоголизации и как следствие дефицитарность «первичных» природнообусловленного механизма мнемических способностей – функционального, на основе которого формируется функциональная система мнемических способностей. Полученные данные позволяют иначе взглянуть на механизмы качественной составляющей их деформированной познавательной деятельности.

Проблемы психологии способностей в условиях глобализации

А.Н. Воронин (Москва)

Problems of psychology of abilities in the context of globalization — *A.N. Voronin (Moscow)*

Процесс глобализации – явление многоаспектное, проявляющееся в различных сферах жизнедеятельности: экономической, политической, культурной. Модели глобализации описывают довольно широкий спектр событий и тенденций: развитие мировых идеологий, борьба за установление мирового порядка, скачкообразный рост числа и влияния международных организаций, появление и развитие транснациональных корпораций, массовые миграции и формирование мультикультурных сообществ, создание планетарных СМИ, т.д. Однако психологические следствия процесса глобализации остаются без должного внимания. Наиболее перспективным, на наш взгляд, является уход от рассмотрения предельно общих вопросов глобализации культуры и общества в целом и сфокусированность на проблемах отдельного человека (группы людей) в условиях глобализации. Включенность отдельного человека или группы в эти процессы порождает специфические психологические проблемы. Так при анализе процесса глобализации как социального явления появляется новый объект исследования психологии способностей – субъекты, включенные в глобальные сообщества. При этом существенным является то, что новые общности (группы людей) обладают уникальным сочетанием способностей.

В рамках исследования психологии субъектов глобализации можно выделить группы способностей, определяющих эффективность деятельности участников глобальных сообществ.

В первую очередь, это способности, определяющие эффективность предметной деятельности человека как члена глобального сообщества: «традиционные» и «профессиональные». Традиционные конструкты психологии способностей (IQ, мнемические, аттенционные способности и т.д.), появившиеся в ходе изучения выборок школьников, условно можно назвать познавательными. Профессиональные способности – конструкты, разработанные для изучения профессиональных выборок, которые конкретизировались и дополнялись с учетом исторически ранее выявленных конструктов (интеллекта и креативности).

Вторую группу способностей условно можно назвать «ментальным релятивизмом». Это способности к изменению душевной организации человека, структурированию и трансформации его внутреннего мира, способности к саморазвитию и самосовершенствованию.

Третья группа – дискурсивные способности – способности, обеспечивающие эффективность коммуникации в глобальных сообществах на основе эмоциональной окрашенности, мотивации, интенций говорящих и ситуационной отнесенности актов коммуникации.

Познавательные способности обеспечивают поиск необходимой информации в плохо структурированной информационной среде, ориентирование в неструктурированном пространстве в условиях сенсорной деривации и т.п. «Ментальный релятивизм» проявляется в умении быстро переструктурировать жизненный опыт и/или автобиографическую память, сохранять аутентичность в условиях социального диктата, поддерживать постоянную «творческую активность». Дискурсивные способности позволяют успешно коммуницировать с собеседником, представленным исключительно его текстовой продукцией, строить коммуникативно-полноценный дискурс с использованием ограниченного набора выразительных средств, оперировать дискурсом в искусственно сконструированном коммуникативном поле.

В условиях глобализации возникают специфические проблемы: формирование особого типа личности участника глобального сообщества со специфической структурой способностей; новые маркеры индивидуально-психологических различий; разработка моделей соответствия структуры способностей участников сообществ глобализации «идеальным субъектам» сообществ глобализации; др.

Возможности и ограничения средств информационно-коммуникационных технологий в развитии мышления участников процесса обучения

С.А. Гильманов (Ханты-Мансийск)

Opportunities and Restrictions of Computer Technologies in Development of Thinking in Educational Process — *S.A. Gilmanov (Kbanty-Mansyysk)*

Мы считаем, что основные развивающие возможности использования средств информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) связаны с тем, что компьютер позволяет имитировать многие реальные процессы (включая и процесс мышления) таким образом, что важнейшее качество мышления – обратимость операций, – в средствах ИКТ предстает в наглядной, зафиксированной форме. Это дает возможность осознать операции и действия в познавательной и профессиональной деятельности, варьировать их, моделировать действия по решению задач, оценивать степень достижения целей и задач обучения. Средства ИКТ позволяют развивать способности к абстрагированию и конкретизации, обобщению, формировать интеллектуальные механизмы понимания значимых и сложных явлений и процессов действительности, имитированные в электронной образовательной среде.

Однако с этими же возможностями связано и глобальное ограничение возможностей ИКТ в развитии мышления: они являются не просто средством обучения, а инструментом, содержащим в себе «концепцию мира, которая в большей или меньшей степени навязывается пользователям и тем самым влияет на развитие их компетенций» (П. Рабардель) и становятся еще одной «искусственной средой» (Г. Лефрансуа), опосредующей взаимодействие между человеком и реальностью, хотя всякая образовательная дисциплина уже является знаково опосредствованной системой информации о фрагменте (стороне) культуры, структурированной и адаптированной к особенностям обучаемых, педагога, условий, содержания и процесса обучения. Следует упомянуть и опасности неэффективного использования средств ИКТ, когда в обучении семантическая нагрузка часто приходится на сами средства, а не на содержание изучаемого, когда учебная деятельность подменяется манипулированием с программными средствами, формирующим установку на следование алгоритмам и ослабляющим самостоятельность мышления.

Сегодня в российском общем и профессиональном образовании сложилась довольно странная ситуация, когда отечественные психологические исследования и имеющие солидную педагогическую «инструментовку» теории развития мышления в учебном процессе (Л.С. Выготский, Л.В. Занков, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, Н.А. Менчинская, М.А. Холодная и др.), которые могут быть использованы для реализации возможностей средств ИКТ в развитии мышления, практически не используются. Более того, при попытках применения развивающих возможностей ИКТ разработчики достаточно часто опираются на западные теории научения (Э. Торндайк, Б.Ф. Скиннер, Э.Ч. Толмен, Р. Боллс, Д.О. Хебб и др.), хотя экспериментальные данные показывают, что манипулирование системами стимулов приводит только к выработке отдельных актов научения и поведения, но не развития интеллекта человека.

Развитие мнемических способностей младших школьников в учебной деятельности

Т.В. Зотова (Москва)

The development of mnemonic abilities younger schoolchildren in educational activity — *T.V. Zotova (Moscow)*

В данной работе представлен многолетний опыт разработки и апробации программ развития мнемических способностей младших школьников в учебной деятельности, который

проводился с 1994 по 2007 год в Московском педагогическом государственном университете на кафедре психологии младшего школьника. Специфика программ: они разработаны на конкретных учебных дисциплин, встраиваются в цели и задачи урока и проводятся на учебном материале конкретной дисциплины. Это позволяет развивать способности не в свободное от уроков время, а непосредственно на уроках, что позволяет экономить время и силы учеников. Мы считаем, что развитие познавательных способностей должно осуществляться непосредственно в учебной деятельности. Прежде, чем давать море информации для усвоения, нужно дать инструмент, позволяющий эту информацию усвоить. Развитые мнемические способности являются одним из таких инструментов. То есть сначала нужно ученика «научить плавать», а потом уже «бросать его в море», в противном случае – он «может утонуть».

Нами составлены программы развития мнемических способностей для 2 класса начальной школы на учебных предметах: чтение, рисование, развитие речи. Для 3 класса разработаны программы развития мнемических способностей на базе учебных дисциплин: русский язык, иностранный язык, чтение, развитие речи, естествознание, рисование.

В понимании структуры познавательных способностей мы опирались на теорию способностей В.Д. Шадрикова, согласно которой в структуре способностей выделяется 3 компонента – функциональный, операционный, регуляционный. Развитие способностей происходит за счет операционного компонента. В наших программах делался акцент на развитии операционных механизмов, которые в рамках мнемических способностей представляют собой мнемические приемы обработки информации, облегчающие запоминание и воспроизведение информации. В разработке алгоритма развития данных приемов мы опирались на теорию поэтапного формирования умственных действий П.Я.Гальперина. Программа развития одного мнемического приема включала несколько этапов: действие по образцу за учителем, совместное действие с подсказкой учителя, самостоятельное действие с проверкой правильности и наконец, контрольный этап проверки сформированности действия. Мнемический прием должен быть сформирован сначала как умственное действие. После этого он уже может быть использован в мнемических целях – в целях запоминания.

Нами были разработаны программы формирования таких мнемических приемов как ассоциация, группировка, опорный пункт, мнемический план, классификация.

Диагностика продуктивности мнемических способностей, а также сформированности мнемических приемов у младших школьников до и после формирующего эксперимента позволяют сделать заключение об эффективности подобных программ. Мнемическими приемами до начала формирующего эксперимента, как правило, владели от 20 до 40 процентов школьников, причем их использование носило фрагментарный характер и было мало продуктивно. В результате обучения от 60 до 100 процентов учащихся овладевают этими приемами. Значимо увеличивается объем запоминаемой информации. Общая продуктивность запоминания возрастает у 95% учащихся. В результате усвоения мнемических приемов младшими школьниками было отмечено повышение школьной успеваемости.

Абнотивность как важнейшая интеллектуальная способность педагога

М.М. Кашапов (Ярославль)

Abnotivnost as a major intellectual ability of a teacher — *M.M. Kashaпов (Yaroslavl)*

Роль учителя в развитии творческого потенциала ученика отличается от традиционной роли педагога как носителя знаний. Перед ним стоит иная задача: не передать знания, а раскрыть собственные возможности обучаемого. В работах В.И. Панова, В.Д. Шадрикова, В.Н. Дружинина, Дж. Рензулли обосновано, каким образом учитель должен играть ведущую роль в поддержании творческого потенциала ребенка.

В ходе теоретического и эмпирического исследования, проведенного М.М. Кашаповым, Е.М. Григорьевой, О.Н. Ракитской, А.А. Зверевой, Ю.А. Адушевой выделены и описаны базовые компоненты абнотивности как интеллектуальной способности учителя к адекватному восприятию, осмыслению, пониманию и принятию креативного ученика, способность заметить его и оказать необходимую психолого-педагогическую поддержку в актуализации и реализации его потенциала.

В целях выявления абнотивности использовались следующие методики: Анкета для оценки педагогом проявлений креативности ученика (Е.М. Григорьева, М.М.К апов). Опросник МККА – мотивационно-когнитивный компонент абнотивности (Е.М. Григорьева, А.А. Зверева, М.М. Кашапов). «Абнотивность педагога средней школы» (М.М. Кашапов, А.А. Зверева). «Абнотивность преподавателя вуза» (М.М. Кашапов, А.А. Адушева).

Так, опросник на определение мотивационно-когнитивного компонента абнотивности у педагогов состоит из 29 утверждений. Методика максимально направлена именно на педагогическую деятельность, в частности, на работу по поддержанию и развитию креативности учащегося. Опросник проверен на надежность, валидность; разработаны ориентировочные нормы (одна шкала).

В результате проведенной работы установлено, что большая часть учителей (82%) не обнаруживает достаточного уровня адекватности и объективности в оценке творчески-одаренных учеников. Полученные результаты свидетельствуют о том, что большинство опрошенных педагогов признают важность задач развития способности к творчеству учащихся, но при этом демонстрируют недостаточную компетентность в организации условий для развития творческих способностей учащихся. Анализ результатов эмпирического исследования позволил описать критерии и показатели, характеризующие абнотивность.

Под критерием мы понимаем качества, свойства, признаки абнотивности, которые дают возможность диагностировать её состояние и уровень развития. Под показателями рассматриваются количественные и качественные характеристики каждого качества, свойства, признака абнотивности. Именно на основе качественного и количественного анализа показателей можно выявить стоящие за ними и проявляемые через них психические явления.

На основании соотношения критериальных показателей в структуре абнотивности педагога нами были выделены и описаны следующие уровни сформированности данной интеллектуальной способности: низкий, средний, высокий. Актуализация творческого потенциала обучаемых включает в себя: а) снятие эмоционального напряжения; б) нахождение и высвобождение творческих ресурсов; в) рефлексия и коррекция результатов обратной связи. Установлено, что этот потенциал раскрывается на когнитивном, эмоциональном поведенческом уровне.

В процессе реализации авторской образовательной программы «КРЕАТИВ отдельные функции и компоненты абнотивности вычлняются и развиваются в специальную деятельность с тем, чтобы впоследствии в обобщенном и интегрированном виде включиться в целостную ткань работы педагога.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (Проект № 10-06-00459а).

Социально-психологические детерминанты развития обучаемости субъектов образования средствами информационного моделирования

Е.В. Князева (Краснодар)

Socio-psychological determinants of development of educability of the subjects of education by dint of information modeling — E.V. Knyazeva (Krasnodar)

На современном этапе развития образования актуальными становятся вопросы разработки и внедрения новых информационных технологий. Актуализируется проблема применения

информационных технологий для развития личности учащегося как субъекта творческой учебно-познавательной деятельности. При этом одним из основных факторов обучения является обучаемость учащегося. Явление обучаемости рассматривается педагогами и психологами с разных позиций, но общим в его истолковании является признание его потенциальным свойством человека, проявляющимся в разных условиях жизнедеятельности. При широкой трактовке обучаемость рассматривается как общая способность к усвоению новых знаний.

Анализ литературы убеждает в том, что обучаемость учащегося развивается в той деятельности, в которой она проявляется. Такой деятельностью является учение. Значит, учение кроме формирования и развития знаний, умений и навыков выполняет еще и функцию развития обучаемости, т.е. содержит в себе «обучаемостный» компонент.

Лежащие в основе обучаемости интеллектуальные свойства рассматриваются исследователями и как ее компоненты. В то же время обучаемость характеризуется и определенными показателями, соотносимыми косвенно с продуктивностью деятельности. Мы разделяем справедливость существующих подходов, однако, считаем целесообразным сформулировать понятие обучаемости как интеграционного единства трех составляющих: природных (биологических) качеств; социальных, сформировавшихся в его общении с окружающей действительностью; образовательного компонента, складывающегося в результате целенаправленных действий участников образовательного процесса.

В контексте третьей составляющей обучаемости – образовательного компонента – нами был уточнен ее состав как синтез полипредметных умений и выявлены две ее стороны: способность понимать новые приемы познания и способность запоминать их. Если представить обучаемость как умение выстраивать связи, существующие в модели изучаемого явления, то метод информационного моделирования как один из фундаментальных методов познания предоставляет возможности тренинга для совершенствования этого умения.

Личностные основания развития теоретического мышления младшего школьника в системе инновационного образования

Е.В. Колодяжная (Пятигорск)

Personal reasons of theoretical thinking primary school children in the system of innovative education –
E.V. Kolodjazhnaja (Pyatigorsk)

Основные новообразования личностной сферы младших школьников: мотивация обучения, притязание на признание значимыми взрослыми и сверстниками, дифференцированная самооценка, эмоциональные переживания, связанные с учебной деятельностью. Мы рассматриваем их как личностные ресурсы развития теоретического познания младшего школьника, а его самого – как субъекта познавательной деятельности. В данной работе исследуется возможность использования личностных ресурсов в развитии теоретического мышления и личности младшего школьника как субъекта познания.

В исследовании приняли участие 407 младших школьников в возрасте от 7 до 9 лет. Исследование было проведено в учреждении инновационного образования МОУ СОШ №5 им. Дубинного г. Пятигорска.

В рамках пилотажного исследования была изучена личностная сфера младшего школьника, а также способы теоретического познания, являющиеся основными новообразованиями младшего школьного возраста. По итогам исследования все респонденты были поделены на две категории: категория А (респонденты с уровнем теоретического познания, преимущественно выше среднего и высоким); категория Б (респонденты с уровнем познания преимущественно ниже среднего и низким).

Применительно к категории А при помощи метода математической статистики (коэффициента корреляции Пирсона) между личностными качествами школьников и уровнем

развития их теоретического познания были найдены значимые прямые взаимосвязи, подтверждающие детерминированность развития теоретического познания уровнем мотивации обучения: 0,609205. Получены значимые обратные взаимосвязи между уровнем теоретического познания и эмоциональным благополучием; -0,65178. Применительно к категории Б была также найдена прямая значимая взаимосвязь между уровнем мотивации обучения и уровнем овладения методами теоретического познания: 0,754944. В рамках категории Б были обнаружены значимые обратные взаимосвязи между школьной тревожностью и успешностью овладения методами теоретического познания: - 0,51885. Учащиеся категории Б были разделены на 3 группы: контрольную, экспериментальную 1 (Э1), экспериментальную 2 (Э2). С учащимися группы Э1 в рамках формирующего этапа была реализована традиционная развивающая программа, направленная на развитие способностей теоретического познания. С учащимися группы Э2 была реализована комплексная инновационная развивающая программа, направленная на развитие личности младшего школьника как субъекта познания, оптимизацию его самооценки, повышение мотивации обучения, снижение школьной тревожности, развитие способов теоретического познания. По итогам формирующего этапа было проведено повторное диагностическое исследование (достоверность определялась при помощи Т-критерия Стьюдента).

В группе Э1 значимые различия при $P \leq 0,05$ в овладении методами теоретического познания были выявлены у учащихся двух 1х классов из четырех: 0,04228; 0,027883. Различий в мотивации обучения и уровне эмоционального благополучия выявлено не было. В группе Э2 были выявлены значимые различия при $P \leq 0,05$ в уровне овладения методами теоретического познания: 0,001907. Отмечены значимые различия в мотивации обучения: 0,017416; выявлено снижение уровня школьной тревожности: 0,035466. В контрольной группе значимые различия между данными пилотажного исследования и повторной диагностикой выявлены не были.

Таким образом, можно говорить о личностной детерминации развития теоретического познания младшего школьника.

Формирование способности к профессиональному самоопределению

И.В. Кузнецова (Ярославль)

Capacity of professional self-determination formation — I.V. Kuznetsova (Yaroslavl)

Формирование способности к профессиональному самоопределению – одна из важнейших задач новых образовательных стандартов. Она связана с формированием субъекта образовательно-профессионального выбора – человека, имеющего устойчивые ценностные основания и критерии выбора, сочетающие интересы общества и личности; способного к целеполаганию и планированию перспектив собственного развития; обладающего достаточной информационной основой; имеющего личностные качества и умения, необходимые для обоснованного выбора и его реализации.

Важно отметить, что формирование способности к профессиональному самоопределению является не отдельно стоящей задачей, а частью всей образовательной деятельности. Это своеобразный синтез определенных личностных, метапредметных и предметных результатов образовательной деятельности. Стандарты закладывают основу для создания соответствующих программ на уровне конкретных образовательных учреждений. Разработка таких программ предполагает конкретизацию целей и задач на каждой из образовательных ступеней, выбор форм и методов по их достижению, создание и реализацию мониторинга достигнутых результатов.

Вместе с тем информация, содержащаяся в Стандартах не дает полного представления о составе способности к профессиональному самоопределению, не всегда прослеживается

преимуществом между задачами по ее формированию на разных образовательных этапах. Некоторые из задач носят пролонгированный характер, однако при этом не выделена специфика результатов, которые необходимо достичь на разных образовательных ступенях.

Проведенный нами анализ различных подходов к пониманию сущности профессионального самоопределения, не противореча ориентирам, заложенным в новых образовательных стандартах, позволяет расширить концептуальную основу для формирования способности к профессиональному самоопределению. Профессиональное самоопределение может быть рассмотрено как деятельность личности по определению и переопределению собственной профессиональной позиции. Использование системно-деятельностной методологии позволяет выделить ключевые элементы данной деятельности и на их основе социально-психологические характеристики, составляющие основу способности к профессиональному самоопределению. Способность к профессиональному самоопределению может быть определена как системное проявление знаний, умений, навыков, позволяющих успешно решать задачи, связанные с выработкой ориентиров и направлений профессионального развития, осознание и принятие ответственности за благосостояние общества. В рамках данного подхода формирование способности к профессиональному самоопределению будет включать ряд взаимосвязанных задач:

- Формирование ценностно-мотивационной основы для профессионального самоопределения.
- Формирование способности к постановке целей профессиональной самореализации.
- Формирование информационной основы профессионального самоопределения.
- Формирование личностных качеств, необходимых для профессионального самоопределения и профессиональной самореализации.
- Формирование способности к разработке программы образовательно-профессиональной самореализации и профессиональному проектированию.
- Формирование способности к принятию решений, определяющих стратегию поведения.
- Формирование способности к организации деятельности по профессиональному самоопределению, включая оценку достигнутых результатов и выработку корректировочных действий.

Роль субъектности в развитии способностей учащихся

М.Д. Кузнецова (Москва)

The role of subjectivity in the development of pupils' abilities — *M.D. Kuznetsova (Moscow)*

Поскольку успешность и эффективность любой деятельности определяется её носителем – субъектом деятельности, выявление качеств, лежащих в основе субъектной позиции, является важнейшей теоретической и практической задачей современной психологии. Через развитие качеств, лежащих в основе субъектности, можно повысить эффективность и результативность любой реализуемой человеком деятельности, способствуя формированию у него активной, иницирующей, сознательной позиции. Это относится и к учебной деятельности, и к деятельности, направленной на развитие собственных способностей и собственного интеллектуального потенциала.

Систематизация представлений о субъекте, сформировавшихся в рамках субъектно-деятельностного подхода, позволила нам разработать теоретическую модель субъектности, проявляющейся в развитии способностей учащихся. Она включает в себя следующие качества: общий уровень интеллектуального развития; рефлексивность; мотивационную направленность на достижение успеха (в учебной и познавательной деятельности учащихся); способность к волевой регуляции поведения и субъективному, внутреннему контролю (интернальности).

Под субъектностью мы понимаем системокомплекс различных личностных характеристик (качеств), обеспечивающих способность к сознательному и внутренне обусловленному подходу к решению задач собственного развития в условиях возникающих противоречий, и приводящих к максимальной результативности познавательной деятельности, с учетом индивидуальности субъекта.

Мы исследовали адекватность включения в модель субъектности четырех выделенных субъектных качеств и системы взаимосвязей между ними. В исследовании приняло участие 138 школьников (учащиеся 4-х, 6-х и 10-х классов). Статистическая обработка данных включала в себя описательные статистики, корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена), метод корреляционных плеяд, анализ значимости различий с использованием непараметрического U-критерия Манна-Уитни.

Анализ полученных матриц интеркорреляций показал, что между всеми выделенными качествами существуют статистически значимые положительные взаимосвязи (большая часть связей значима на уровне $p < 0,01$). Это свидетельствует о достоверной выраженности внутрисистемных связей в структуре субъектности. Субъектность реально существует как системное качество и как система личностных качеств она влияет на успешность интеллектуальной деятельности, входящей в её общую структуру.

В ходе анализа выявлена базовая субъектная характеристика с наибольшим весом в структуре субъектности (наибольшее число значимых связей с другими компонентами структуры). Такой характеристикой выступает интернальность или внутренний (субъективный) контроль. Интернальность определяет способность к волевой, сознательной и целенаправленной регуляции поведения, что и составляет сущностную основу субъектности. Наиболее тесные связи выявлены между показателями уровня мотивации к достижению успеха, интернальности и оценками рефлексии. Интеллектуальные показатели включаются в данную систему характеристик преимущественно через взаимосвязи с такими субъектными качествами, как рефлексия и интернальность.

В структуре субъектности выделяются два динамических базовых ядра, или подсистемы, одну из которых образуют мотивационно-волевые качества и способность к рефлексии, вторую – интеллектуальных способности. Данные подсистемы имеют тесные взаимосвязи, выраженные преимущественно во взаимодополнении осознанно-целенаправленных и рефлексивных регуляторных процессов высокими показателями уровня развития интеллекта.

Исследование выполнено в рамках проекта «Разработка теории способностей и ее приложений к учебной и профессиональной деятельности» программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета Высшая школа экономики 2011 года.

О мотивах учебной деятельности старшеклассников, углубленно изучающих экологию

О.В. Лаврик, А.А. Лаврик (Москва)

About the motives of high school students' with enhanced ecological education, cognitive activity —
O.V. Lavrik, A.A. Lavrik (Moscow)

Одним из таких факторов, которые опосредуют развитие способностей ребенка, исследователи называют учебную мотивацию (В.Д. Шадриков, М.В. Матюхина, Варганова И.И., др.). Мотивационная сфера считается ядром личности. Наличие положительной мотивации к определенному виду деятельности – важнейшее условие ее успешности. Учебная деятельность, во многом направленная на развитие именно познавательных способностей школьника, также регулируется определенными учебными мотивами.

Мы изучали учебные мотивы десятиклассников ГОУ СОШ с углубленным изучением экологии (школа № 446 ВАО г. Москвы). Успешность их обучения в школе во многом обусловлена достаточным уровнем развития у них познавательных способностей: ряд тестовых

исследований, проведенных на протяжении девятилетнего обучения данных ребят, больше свидетельствовал о выше среднем, чем среднем уровне развития у них мыслительных, attentionных и мнемических способностей.

Для изучения мотивов школьников использовалась методика, разработанная в ЛГУ в модификации А.А. Реана, В.А. Якунина. Десятиклассникам предлагалось ответить на вопрос «Почему ты учишься», выбрав подходящие ответы (не более трех) из 25 предложенных. Наибольшее количество выборов учащихся получили так называемые «личные» мотивы, а именно мотив профессионального самоопределения: «желание поступить в институт» (78,9%); мотив «желание стать хорошим специалистом» (68,4%). И, наконец, собственно познавательный мотив «учиться познавать новое очень интересно, приятно» получил 47,4% выборов десятиклассников.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило, что учащихся (около 50%), имеющих достаточно высокий уровень развития познавательных способностей саму учебную деятельность воспринимают как интересную и мотивированы ею заниматься.

Проблема развития духовных способностей человека в онтогенезе

К.В. Макарова, О.А. Таллина (Москва)

The problem of development of spiritual human's abilities in ontogeny –
K.V. Makarova, O.A. Tallina (Moscow)

В теории В.Д. Шадрикова способности рассматриваются в трех аспектах – как способности индивида, субъекта деятельности и личности. Способности индивида имеют биологическое происхождение, выполняют адаптивную и когнитивную функции. Возникновение и развитие операционных механизмов приводит к формированию способностей субъекта деятельности. Формирующиеся регулирующие механизмы свидетельствуют о включении личностной регуляции, приводящих к развитию личностных способностей человека.

Развитие способностей субъекта деятельности начинается с момента включения человека в деятельность, формирования и постепенного осознания интеллектуальных операций, что проявляется уже в дошкольном возрасте. Развивающиеся операционные механизмы, взаимодействуя с функциональными механизмами, повышают продуктивность деятельности.

Способности субъекта деятельности развиваются в соответствии с требованиями, которые предъявляет к ним деятельность за счет овладения субъектом интеллектуальными операциями и оперативности, то есть тонкого приспособления способностей к требованиям деятельности, причем разные виды деятельности развивают различные способности субъекта деятельности. Наделенный от природы общечеловеческими способностями психического отражения, человек имеет возможность гибко использовать их в многообразных условиях жизнедеятельности в соответствии с задачей. Если деятельность специфична, то путем такой подстройки общие способности специализируются и в этом случае можно говорить о специальных способностях, как о способностях к специальным видам деятельности.

В процессе любой деятельности видоизменяются регуляционные механизмы способностей. Мотивационная, эмоциональная, волевая регуляции конкретной личности одновременно становятся регуляционными механизмами способностей. Личностные мотивы, установки на выделение определенных свойств объекта в ситуации, гностические интересы и другие свойства, оказывают регулирующее влияние как на функциональные, так и на операционные механизмы способностей. В этом случае можно говорить о личностном уровне способностей. Способности этого уровня вбирают в себя способности субъекта деятельности и индивида, обеспечивая социальное поведение, начиная с ранних этапов онтогенеза.

Высшим проявлением личностных способностей человека являются духовные способности как новые системные качества, появляющиеся при интеграции в структуру способностей нравственных норм, духовных ценностей в определенном духовном состоянии.

На развитие духовных способностей в онтогенезе влияют ряд разноуровневых факторов. С детства ребенок приобщается к культурной среде, нормам нравственности, морали, общечеловеческим ценностям, ритуалам и обычаям, идущим из семьи (социально-средовые факторы). Следующий уровень – деятельностно-духовные факторы, включающие определенные виды деятельности (игра, учебная деятельность), усвоенные социальные формы поведения. Личностно-смысловые духовные факторы обеспечивают выбор формы поведения человека.

Интеллектуальные операции в предметно-практическом мышлении дошкольников

Л.С. Мкртчян

Intellectual operations in figural and practical preschoolers's intellections – L.S. Mkrtchyan

Изучение работ В.Д.Шадрикова по системогенезу деятельности и способностей человека показывает:

- интеллектуальные операции рассматриваются как особый класс психических действия;
- интеллектуальные операции характеризуют операционные механизмы общих способностей (аттенционных, перцептивных, мнемических, мыслительных, имажинативных);
- основные психические функции интеллектуализируются в процессе развития, обучения и воспитания;
- важность целенаправленного формирования интеллектуальных операций уже у детей дошкольного возраста.

В свете изложенного можно сформулировать следующие задачи исследования процесса формирования интеллектуальных операций в предметно-практическом мышлении дошкольников:

- анализ основных теоретических подходов в изучении проблемы интеллектуального развития дошкольников, раскрытие психологической природы мыслительного процесса в дошкольном возрасте;
- раскрытие на теоретическом уровне процесса формирования интеллектуальных операций как операционных механизмов общих способностей детей;
- анализ методов исследования интеллектуальных операций в предметно-практическом мышлении дошкольников;
- апробация на возрастном этапе «дети 2-7 лет» классификации интеллектуальных операций в предметно-практическом мышлении дошкольников (предметное манипулирование, различение, сопоставление, сравнение, др.);
- раскрытие механизма распределенного действия в процессе общения детей со взрослыми;
- выявление взаимосвязи структуры интеллектуальных операций дошкольников с доминирующим типом мышления.

Мнемические способности на поздних этапах онтогенеза

К.А. Молчанов (Москва)

Mnemonic abilities during late stages of ontogenesis — *K.A. Molchanov (Moscow)*

Эффективным методом исследования мнемических способностей является метод развертывания мнемической деятельности, предложенный Шадриковым В.Д. и развитый в работах Черемошкиной Л.В. Метод позволяет проследить процесс постепенного включения функционального, операционного и регулирующего блоков мнемических способностей. Целью нашего исследования явилось создание дополнительных качественных и количественных критериев оценки мнемических способностей методами многомерного шкалирования. Для этого было построено общее и индивидуальные психологические пространства изображений, взятых из методики развертывания мнемических действий. В исследовании приняли участие 231 человек. Из них 130 человек были студентами в возрасте от 19 до 42 лет. Кроме них в исследовании приняли участие 101 человек из центров социальной реабилитации в возрасте от 50 до 80 лет. Подавляющее большинство испытуемых старшей возрастной группы составили лица, имеющие патологию опорно-двигательного аппарата и желудочно-кишечного тракта.

Психологические пространства, полученные методами многомерного шкалирования, могут использоваться для исследования перцептивного уровня мнемических способностей и хорошо дополняют метод развертывания мнемической деятельности новыми качественными и количественными характеристиками. Наименование и значимость («вес») базисных векторов психологических пространств соответствует критериям, по которым различается и запоминается стимульный материал. Локализация в них точек-фигур отражает используемые приемы переработки информации, дает количественное и качественное описание используемых функциональных, операционных и регулирующих механизмов мнемических способностей. Их особенности отражаются в размерности индивидуальных психологических пространств, наименовании базисных векторов и локализацией в них стимульного материала.

Возрастные различия мнемических способностей проявляются как на уровне их природной составляющей, так и в прижизненно сформированных операционных и регулирующих механизмах. Они влияют на число и характер используемых операционных механизмов. В пожилом возрасте наблюдается реструктуризация мнемических способностей, которая проявляется в увеличении компенсаторной роли регулирующих механизмов по отношению к сужающемуся кругу используемых операционных приемов и снижению скорости протекания функциональных и операционных механизмов. Статистически значимые различия участия функциональных механизмов обнаруживаются между группами лиц 50 и 60 лет. Различия вклада регулирующих механизмов наблюдаются раньше.

Включение в инновационную деятельность как детерминанта формирования профессиональной идентичности студенческой молодежи

О.И. Муравьева, А.Г. Качмарык (Томск)

The inclusion of innovative activity as a determinant for professional identity development of students — *O.I. Muravjeva, A.G. Kachmaryuk (Tomsk)*

В настоящее время сформировался социальный заказ на поиск психологических факторов, определяющих включенность человека в инновационную деятельность. Психология начала активные исследования, направленные на выявление тех психологических детерминант и особенностей личности, которые лежат в основе инновационной активности и поведения. С нашей точки зрения, представляется своевременным изучение не только личностных свойств людей, которых принято считать инноваторами, но и их системных профессиональных

характеристик, которые формируются в ходе деятельности и определяют процесс и результативность ее выполнения. В нашем исследовании мы рассматривали особенности профессиональной идентичности студентов и аспирантов, которые уже на этапе обучения в вузе так или иначе проявляют инновационную активность.

На основе внешних показателей проявления активности в учебно-профессиональной деятельности (участие в конкурсах, проектах, грантах и т.д.) выборка респондентов была поделена на три равные группы: молодежь, проявляющую научно-исследовательскую активность, инновационную (квазиинновационную) активность и контрольную группу.

В нашем исследовании особенности профессиональной идентичности мы рассматривали по трем основным составляющим – когнитивной, мотивационной и ценностной (Н.Л. Иванова, Т.В. Мищенко).

Для оценки когнитивной составляющей профидентичности студентов был взят такой показатель, как сформированность профессионального образа-Я.

В качестве индикатора мотивационной составляющей профидентичности рассматривалось наличие положительной профессиональной (учебно-профессиональной, т.к. речь идет о студентах) мотивации. Положительная профессиональная мотивация выявлялась по характеру ведущих профессиональных мотивов, преобладанию внутренней мотивации над внешней, мотивации успеха над мотивацией избегания неудач.

В качестве показателей ценностной составляющей профессиональной идентичности мы рассматривали особенности смысловых ориентаций и лично значимые ценности как то, что обуславливает профессиональную мотивацию и общую направленность профессиональной самореализации человека.

Результаты нашего исследования показали, что у молодых людей, проявляющих научно-исследовательскую и инновационную активность, уровень сформированности когнитивной, мотивационной и ценностной составляющих профессиональной идентичности выше, чем у молодых людей, такой активности не проявляющих. Молодые люди, проявляющие инновационную и научно-исследовательскую активность, понимают, что тот род профессиональной деятельности, который они выбрали, требует от них значительных усилий, сосредоточенности, времени. А на фоне обнаруженной неудовлетворенности будущей небольшой заработной платой этот факт может сыграть определенную роль в том, что они не выберут инновационную, научно-исследовательскую деятельность для дальнейшего жизненного пути.

Общие выводы:

- проявление молодыми людьми научно-исследовательской и инновационной активности на этапе обучения в вузе можно рассматривать как фактор, способствующий формированию профессиональной идентичности и профессиональному становлению;
- не только обладание определенным набором личностных свойств, обеспечивает включенность молодежи в исследовательскую и инновационную деятельность, но и характер осуществляемой деятельности способствует формированию профессиональной идентичности, определяющей процесс и результативность профессионального развития человека.

Мнемические способности детей 7-12 лет с ЗПР

С.В. Мурафа (Орехово-Зуево)

Mnemonic abilities of 7-12 years children with developmental delays — *S.V. Murafa (Orekhovo-Zuevo)*

Учебная деятельность предполагает усвоение учеником большого количества информации. В значительной степени успешность обучения учащихся зависит от уровня развития мнемических способностей. В процессе развития мнемических способностей способность к запечатлению информации становится основой формирования общих способностей школьника.

Появление в структуре мнемических способностей операционных и регулирующих механизмов определяет успешность освоения учебной деятельности.

Цель нашего исследования: изучение мнемических способностей младших школьников с ЗПР. Для оценки проявления мнемических способностей применялся метод развертывания мнемической деятельности и методика диагностики мнемических способностей (В.Д.Шадриков, Л.В.Черемошкина). Оценивалось два показателя: 1) продуктивность запоминания с опорой на функциональные механизмы (карт.№2); 2) эффективность запоминания благодаря функциональным и операционным механизмам (карт.№3). Репрезентативная выборка составила 100 учащихся 1-4 классов в возрасте 7-12 лет с диагнозом ЗПР, который был поставлен психолого-медико-педагогической комиссией Орехово-Зуевского района, Московской области.

Исследование показало, что справились с первым заданием (карт. №2) 71% испытуемых, 29% испытуемых не смогли правильно воспроизвести простой невербальный материал. Из группы участников, справившихся с карточкой №2, смогли воспроизвести карточку №3 только 6% детей в возрасте 9-12 лет. Результаты воспроизведения карточки №2 (среднее время воспроизведения) следующие: 26сек. (7-8 лет), 27 сек.(9лет), 23 сек. (10-12 лет). Количество испытуемых, справившихся с заданием в каждой возрастной группе, соответственно 56%, 66%, 83%.

Проведенный анализ полученных результатов свидетельствуют о том, что у учащихся 7-12 лет с ЗПР на каждом возрастном этапе преобладает 1-й уровень развития мнемических способностей: 56%(7-8 лет), 59%(9 лет), 70%(10-12 лет). Запоминание происходит за счет хорошо развитой функциональной системы мнемических способностей и неразвитой (слаборазвитой) операционной стороны мнемических способностей. 2-й уровень развития мнемических способностей отсутствует в возрастной группе 7-8 лет и начинает незначительно проявляться в возрастной группе 9 лет (7%). В возрастной группе 10-12 лет проявляется у 11% учащихся, что говорит о появлении в структуре их мнемических способностей операционных механизмов. Процент не справившихся с заданием (карт.№2) уменьшается с возрастом с 44% в возрасте 7-8 лет до 19 % в возрасте 10-12 лет.

При дальнейшем анализе результатов запоминания карточки №2 выявлен эффект неспособности правильно срисовать невербальный бессмысленный материал после его правильного запоминания и воспроизведения. От общей репрезентативной выборки данная группа составила 47%.

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что структура мнемических способностей детей 7-12 лет с ЗПР отличается недоразвитостью, почти отсутствуют операционные механизмы способностей (способы обработки материала). Мы полагаем, что операционные механизмы мнемических способностей 7-12 летних школьников с ЗПР находятся на ранних стадиях своего формирования. В структуре мнемических способностей детей 7-12 лет с ЗПР преобладают функциональные механизмы. Данная группа испытуемых находится на переходном этапе (от первого ко второму) развития мнемических способностей. При этом часть детей отличается определенной недоразвитостью перцептивных и аттенционных способностей. Полученные нами результаты исследования мнемических способностей предполагают возможность их развития и коррекции.

Мышление в понятиях как интеллектуальная операция

А.Ю. Нестерова (Москва)

Conceptual thinking as an intellectual operation — *A.Y. Nesterova (Moscow)*

Вопросы формирования понятийных форм мышления в процессе учебной деятельности являются актуальными. Согласно психологической теории системогенеза деятельности В.Д.Шадрикова, «сущностью научения является формирование психологической системы

деятельности». Мышление в понятиях ученых рассматривает как самостоятельную интеллектуальную операцию, которую можно и необходимо целенаправленно формировать в процессе обучения.

Г.А. Суворова отмечает, что работу по формированию понятий как интеллектуальной операции в структуре учебной деятельности младших школьников необходимо начинать с анализа содержания заданий школьных учебников.

Мы рассмотрели содержание учебных заданий, направленных на формирование понятий у детей при изучении математики в 1 классе по учебнику Л.Г.Петерсон. По мнению автора учебника, вся система заданий включает каждого ребенка в самостоятельную учебно-познавательную деятельность. Одна из основных целей учебного предмета «Математика» по Л.Г.Петерсон – формирование и развитие абстрактного мышления, способности к абстрагированию и умения «работать» с абстрактными, «неосязаемыми» объектами. Какие же понятия при изучении математики по учебнику Л.Г.Петерсон подлежат усвоению первоклассниками?

Анализируемый нами учебник для первого класса состоит из 3-х частей.

Первая часть учебника содержит 15 групп общих понятий, подлежащих усвоению детьми при изучении математики. Это следующие группы: 1) Свойства предметов (цвет, форма, размер, материал). Сравнения предметов по форме, размеру, цвету, материалу. 2) Группы предметов (животные, цветы, посуда и т.д.). 3) Отношения между предметами (больше-меньше, справа – слева, рядом, после, выше-ниже, толще – тоньше и т.д.). 4) Совокупности предметов (не цифры), составление совокупностей («мешочки»). 5) Равенство и неравенство чисел. 6) Число и цифра. 7) Порядок. 8) Геометрические фигуры, распознавание геометрических фигур: треугольник, прямоугольник, квадрат, круг, шар, и т.д. 9) Числовой отрезок. 10). Количество, знаки $<$ $>$. 11) Сложение (соединение совокупностей в одно целое) и вычитание (удаление частей совокупности) групп. 12) Сложение и вычитание чисел. 13) Точки и числа. 14) Области и границы. 15) Линии и точки.

Общее число понятий (и абстрактных и конкретных), подлежащих усвоению детьми на уроках математики в 1 классе (три части учебника), составляет 1077. Количество предлагаемых детям учебных заданий, составляет 830 (первая часть учебника содержит 235 заданий, вторая часть-225, третья часть-377). Большинство заданий содержит в себе два-три задания. Фактически учебных заданий больше, чем официально значится в учебнике. Понятий, подлежащих усвоению детьми, больше в 1,3р, чем заданий, через которые эти понятия должны усваиваться.

Частота появления понятий в учебных заданиях: 1 группа-63, 2 группа-14, 3 группа-17, 4 группа-31, 5 группа-14, 6 группа-7, 8 группа-11, 9 группа-21, 10 группа-8, 11 группа-23, 12 группа-45, 13 группа-11, 14 группа-7, 15 группа-6. Исследуемые группы понятий представлены в 286 учебных заданиях. В остальных (791) учебных заданиях не содержится никаких понятий, они остаются за структурой учебного задания. Т.е., работа ведется на основе как бы уже сформированных понятий. В такой психолого-дидактической ситуации формирование полноценных понятий у первоклассников проблематично.

Заявка автора учебника на соблюдение принципа психологической комфортности, снимающего все стрессообразующие факторы учебного процесса, оказалась весьма далекой от своей практической реализации.

Индивидуальные и типологические особенности формирования способностей в психологической системе учебной деятельности

Н.В. Нижегородцева, Т.В. Ледовская (Ярославль)

Idiopathies and topological aspects of abilities' development at psychological system of studying activity — N.V. Nizhegorodtseva, T.V. Ledovskaya (Yaroslavl)

В литературе накоплен большой объем материала о проявлении индивидуально-типологических особенностей (ИТО) учащихся в процессе обучения, однако сведения о том, какую роль они играют в успешности учебной деятельности и развитии способностей – недостаточны. В научных исследованиях психологии высшей школы немало работ, направленных на изучение индивидуальных, возрастных особенностей студентов (Б.Г. Ананьев, Н.В. Кузьмина, В.Т. Лисовский, Н.В. Нижегородцева, Ю.П. Поваренков, И.М. Слободчиков, С.Д. Смирнов и др.). В ходе нашего исследования способности и успешность учебной деятельности рассматривалась через два показателя: результативный (академическая успеваемость) и структурный (сформированность психологической структуры учебной деятельности (ПСДу) по В.Д. Шадрикову. Выявлено, что результативный показатель успешности учебной деятельности студентов-интровертов выше показателя экстравертов. Данная закономерность приобретает зависимость типа оптимума. Функциональная асимметрия мозга (ФАМ) на уровне тенденции определяет академическую успеваемость: ее максимальные значения наблюдаются преимущественно у студентов-«амбидекстров». Эмоциональная устойчивость/неустойчивость не связана с результативным показателем успешности учебной деятельности студентов. Понимая под ПСДу целостное единство учебно-важных качеств (УВК) и их взаимосвязей, которые побуждают, программируют, регулируют и реализуют деятельность (Н.В. Нижегородцева), определено, что уровень сформированности ПСДу и ее качественная специфика обусловлены ИТО студентов. Анализ гомогенности/гетерогенности структур с помощью метода экспресс x2 (А.В. Карпов) интровертов и экстравертов, эмоционально устойчивых/неустойчивых показали статистическую разнородность структур изучаемых групп студентов. Это свидетельствует о том, что ПСДу этих групп студентов являются качественно гетерогенными, что вскрывает достаточно глубокие качественные различия. Это подтверждается совокупными результатами структурно-функционального анализа. Также зафиксирована гомогенность ПСДу «лево»- и «правополушарных» студентов. ПСДу студентов-интровертов, в отличие от ПСДу экстравертов, является статистически неразвитой, в ней проявляется эффект мнимой дезинтеграции, причиной которого являются значительные индивидуальные различия в организации индивидуальной психологической структуры учебной деятельности. Также отмечается, что изменение уровня интро/экстравертированности сопровождается качественными перестройками всей структуры взаимосвязей УВК. Т.о., интроверсия и экстраверсия играют в ПСДу, в ее структурных эффектах и интегративных средствах организации не просто значимую, но и определяющую роль. ПСДу эмоционально-неустойчивых студентов, в отличие от структуры эмоционально-устойчивых студентов, характеризуется оптимальным набором связей компонентов, более высоким уровнем развития УВК. При одинаковом показателе сформированности ПСДу с разными доминирующими полушариями ФАМ, выраженном в индивидуальном индексе готовности к обучению в вузе, проявляется специфика их компонентного состава. ПСДу «правополушарных» студентов и «амбидекстров» являются статистически менее развитыми, в отличие от структуры «левополушарных». Причиной тому является наличие индивидуальных структур у «правополушарных» студентов и «амбидекстров», обусловленное ненормативными способами выполнения учебных действий. Т.о., уровень сформированности ПСДу, ее качественная специфика и возможности «мультиплицирования в психологическую систему способностей», уровень академической успеваемости обусловлены индивидуально-типологическими особенностями.

Воспроизведение учебного материала школьниками с различным уровнем развития мнемических способностей

Т.Н. Осинина (Орехово-Зуево)

Reproduction the educational material by schoolchildren with different levels of the development of the mnemonic abilities. — *T.N. Osinina (Orekhovo-Zuevo)*

В структуре учебной деятельности мнемические процессы выступают как важнейшее условие её эффективности. Память справедливо считают основой обучения, успешность которого связывают с полной усвоения знаний, прочностью их сохранения во времени, готовностью к адекватному использованию. Необходимо отметить принципиальную значимость участия в процессе воспроизведения индивидуальной меры выраженности разноуровневых составляющих мнемической деятельности: функциональных, операционных и регулирующих механизмов.

Цель исследования – изучение воспроизведения учебного материала школьниками 12-13 лет с различным уровнем развития мнемических способностей. Изучение мнемических способностей осуществлялось с использованием метода развертывания мнемической деятельности (В. Д. Шадриков, Л. В. Черемошкина). В качестве экспериментального материала для исследования воспроизведения учебного текста использовался отрывок из учебника по биологии для 6-х классов общеобразовательных учреждений. В основе данного этапа лежит исследовательская процедура анализа смысловой структуры текста. Объём выборки составил 96 школьников 12-13 лет.

Проведенное исследование показало, что высокая продуктивность функциональных механизмов выступает показателем эффективности непосредственного воспроизведения учебного материала. Уровень реализации операционных механизмов обуславливает успешность отсроченного воспроизведения. Наличие регулирующих механизмов в структуре мнемических способностей субъекта повышает показатели как непосредственного, так и отсроченного воспроизведения учебного материала.

Школьники, не владеющие способами обработки запоминаемого материала и опирающиеся на функциональные механизмы (первый уровень развития), как правило, забывают основное содержание учебного текста, воспроизводя отсрочено лишь незначительную его часть. У учащихся с низким уровнем мнемических способностей запоминаемый материал не осмысливается, не перерабатывается, а фиксируется с помощью возможностей восприятия, поэтому воспроизведение учебного текста у них затруднено.

С появлением в структуре памяти операционных механизмов (второй уровень развития) процесс запоминания принципиально меняется. Чем выше уровень развития операционных механизмов, тем выше вероятность долговременного запоминания и правильного воспроизведения учебного материала. Для школьников с доминирующей мыслительной обработкой характерны высокие показатели эффективности воспроизведения, точное изложение материала на основе его анализа и конкретизации.

Наличие в структуре мнемических способностей регулирующих механизмов (третий уровень развития) повышает эффективность как непосредственного, так и отсроченного воспроизведения учебного материала. Для учащихся данной группы характерно подробное, последовательное изложение материала, отличающееся значительно меньшим количеством искажений текста и большим количеством привнесений. Эффективность воспроизведения учебного материала объясняется тем, что на высоком уровне развития сформированы все компоненты функциональной системы мнемических способностей.

Таким образом, эффективность и качество своеобразие как непосредственного, так и отсроченного воспроизведения учебного текста, обусловлены продуктивностью функциональных и уровнем развития операционных и регулирующих механизмов мнемических способностей субъекта.

Проблема профессионального становления личности

Е.Н. Палатова (Ярославль)

Problem of professional formation of the person — *E.N. Palatova (Yaroslavl)*

Проблема профессионального становления личности рассматривается различными авторами с различных позиций, отражающих отдельные стороны процесса профессионализации.

Многие авторы соглашаются с необходимостью выделения в процессе профессионального становления отдельных стадий, и по различным основаниям составляют авторские периодизации профессионального развития (Д. Сьюпер, Р. Хейвигхерст, Б.Г. Ананьев, Е.А. Климов, Т.В. Кудрявцев, В.А. Бодров, А.К. Маркова). Данные периодизации имеют различные основания и степень подробности описания стадий, характеризующих профессионала на разных этапах овладения им профессии.

С периодизациями профессионального становления тесно связаны кризисы профессионального развития. Время их наступления взаимосвязано с изменениями в личности профессионала и переходом на новую стадию развития (Б. Ливехуд, Г. Шихи, Э.Ф. Зеер).

В последние несколько десятилетий процесс профессионального становления понимается как целостный феномен, который включает в себя компоненты как объективного (престижность профессии, ее социальная конкурентоспособность, уровень безработицы), так и субъективного характера (отношение личности к профессии, к себе как профессионалу, выраженность профессиональных способностей, профессиональные идеалы, переживание успехов и неудач в профессиональной деятельности).

Признается право человека на свободный выбор профессии в соответствии с собственными способностями, возможностями и желаниями, а профессионал рассматривается, как «субъект труда» — активно действующий, познающий и преобразующий, обладающий сознанием и волей индивид или социальная группа.

Профессионализацию субъекта труда, по мнению В.Н. Дружинина, следует рассматривать в четырех направлениях: 1. Как процесс его социализации — усвоения индивидом социальных норм, преобразования социального опыта в собственные профессионально ориентированные установки, интересы, ценности, принятия социальной роли, общественной задачи, вхождения в социальную среду и приспособления к ней. 2. Как процесс развития личности, т. е. как специфическую форму активности, целостное, закономерное изменение количественных и качественных характеристик субъекта труда. 3. Как профессиональную самореализацию индивида на жизненном пути, в ходе которой профессионализация обуславливается процессами самопознания, саморегуляции, самоконтроля и самооценки личности, влиянием событийно-биографических факторов. 4. Как форму активности личности, которая в психологии рассматривается в соотношении с деятельностью, выступая как динамическое условие ее становления и динамическое условие ее собственного движения.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что профессиональное становление представляет собой сложный, разноплановый процесс, который возникает на стыке взаимодействия человека с профессией. Он может осложняться тем, что человек, сознательно строя свою карьеру или вынужденно сменяя место работы, приобретает опыт деятельности в рамках различных специальностей. Важно помнить о том, что личный опыт человека во многом определяет характер процесса профессионального становления. Возможно, во многом именно поэтому не удалось создать единую теорию профессионального становления, охватывающую все аспекты профессионализации.

Выявление одаренности у детей и ее развитие

В.И.Панов, Т.В. Хромова (Москва)

Identifying talent among children and their development — *V.I. Panov, T.V. Khromova (Moscow)*

Практика работы с проблемой одаренности показывает, что в проблеме обучения и развития детей с признаками одаренности целесообразно выделить следующие ее основные этапы и тенденции.

1. Выявление и отбор детей с признаками одаренности. Однако при этом вне поля зрения могут оказаться дети со скрытой формой одаренности.
2. Разработка образовательных технологий и психологической поддержки для обучения и развития детей с разными видами одаренности. Однако при этом невольно происходит ограничение возможностей для личностного развития одаренного вследствие отождествления его общего развития с развитием тех способностей, которые соответствуют его виду одаренности.
3. Создание образовательной среды для обучения и развития детей с разными признаками одаренности, т.е. способствующей проявлению скрытой одаренности и развитию явной одаренности в ходе школьного обучения. Однако при этом остается вопрос, что происходит с одаренными детьми (точнее, с их одаренностью) после окончания обучения? Или, выражаясь более обыденным языком: куда «исчезает» одаренность после окончания школьного и вузовского обучения?
4. Именно эта проблема – проблема сохранения одаренности у одаренных детей в последующей взрослой жизни – представляет в настоящее время перспективу развития работы с одаренными детьми. В качестве исходного основания для построения гипотезы исследования этой проблемы мы выделили такую особенность одаренных детей, как ненасыщаемая познавательная потребность и глубокое погружение в процесс выполнения интересующей их проблемы. Именно это погружение в психологическом плане приводит к столь сильной концентрации всех сфер сознания ребенка на выполняемой им познавательной задаче, что это приводит к особому психическому состоянию. Данное состояние переживается одаренным ребенком настолько сильно и настолько подчиняет себе все другие сферы психики, что становится ведущим фактором в личностном развитии и сознания и, самое главное, в социализации одаренного ребенка. В отличие от других детей, для которых в этом качестве чаще всего выступают состояния, переживаемые ими в ситуациях обыденной и учебной жизни, не требующих столь полной самоотдачи. В том числе при решении социальных задач личностных, бытовых и т.п.

Получая и имея опыт в решении трудных проблем и критических ситуаций познавательного характера, одаренные дети весьма часто не получают опыта в решении ситуаций социального характера, т.е. тех жизненных ситуаций, которые постоянно возникают в быту, в общении с другими людьми, в профессиональной карьере и т.п. К тому же, решение этих ситуаций часто берут на себя взрослые (родители и учителя). Поэтому, попадая в жестко социализированные условия взрослой жизни, одаренные дети оказываются не готовыми к решению тех трудных жизненных ситуаций, которые она перед ними начинает ставить после окончания учебы в школе и вузе. Вследствие чего «плодами» их одаренности либо начинают пользоваться другие, имеющие способность видеть и решать проблемы социального характера, либо эта одаренность, не имея «поля» для своей реализации, постепенно тает «в болоте» бытовых и иных социальных проблем.

В итоге мы приходим к гипотезе о том, что необходимым условием сохранения одаренности одаренных детей является их подготовка к применению своих интеллектуальных возможностей для формирования стратегии поведения в критических для них жизненных ситуациях.

О профессиональных способностях педагога

В.А. Петрова (Москва)

On the professional ability of future teachers – *V.A. Petrova (Moscow)*

Наше исследование выполнено по методике диагностики профессиональных способностей и компетентности педагогов (В.Д.Шадриков, М.Д.Кузнецова, М.В.Кузнецова) на выборке студентов факультета начальных классов МПГУ.

Мы сформировали две группы студентов:

I группа – студенты, изучившие курс по специализации «Психология учебной деятельности» и имеющие представления о психологическом анализе учебной и профессиональной деятельности с позиций компетентностного подхода;

II группа – студенты, обучающиеся по другим специальностям (педагогика и естествознание), не имеющие представления о психологическом анализе деятельности.

В результате исследования были выявлены низкие показатели следующих компетенций:

- в разработке программы и принятия педагогических решений (умение выбрать и реализовать образовательную программу; умение разработать собственные программные, методические и дидактические материалы; умение принимать решения в педагогических ситуациях),

- в области обеспечения информационной основы деятельности (компетентность в методах преподавания; компетентность в предмете преподавания; компетентность в субъективных условиях деятельности). Полученные данные позволяют сделать предварительный вывод о том, что профессиональные способности будущих педагогов не сформированы до уровня компетентности в организации учебного процесса.

При этом, студенты I группы имеют представление о структурных компонентах психологической системы профессиональной педагогической деятельности, и в отличие от студентов II группы, более критично и объективно определяют уровень сформированности своих компетенций, ответственно оценивают свои знания и уровень подготовки к профессиональной деятельности.

Системогенетический подход к периодизации профессионального становления и реализации личности

Ю.П. Поварёнков (Ярославль)

Sistemogenesis approach to the periodization of professional development and implementation of the individual – *Y.P. Povarenkov (Yaroslavl)*

Проблеме периодизации в психологии профессионального развития уделяется самое пристальное внимание. В настоящее время сложилось 4 типа периодизаций:

1.Онтогенетические периодизации, в которых в качестве временного фактора выделения этапов используется хронологический возраст субъекта труда (Д. Сьюпер, Р. Хейвигхерста, В.А. Бодров).

2. Профессионалогенетические периодизации, в которых в качестве временного основания используется не хронологический возраст, а возраст профессиональный, т.е. проф. стаж (Д.Н. Завалишина, А.И. Сухарева)

3. Периодизации, в которых вообще не учитываются никакие временные факторы (А.К.Маркова, Л.М. Митина).

4. Смешанные периодизации, в которых используются возрастные и иные основания для периодизации. Так Е.А.Климов использует возрастную периодизацию (до 23 лет) и качественную (после 23 лет, адаптация, мастерство, авторитет, наставничество).

Выделенные периодизации строятся как возрастные периодизации развития и не учитывают специфику и основные тенденции профессионального становления и реализации личности.

Уже в работах Д. Сьюпера было высказано предположение, что профессиональное и возрастное развитие человека не всегда совпадают между собой. А если такое и возможно, то оно происходит на ранних этапах жизненного пути и профессионализации. На этот факт обращал в своих трудах и Б.Г.Ананьев.

Анализируя существующие походы к периодизации с позиций системогенетического подхода, мы пришли к следующим выводам.

1. Периодизация профессионального становления и реализации личности не может быть линейной и монотонной. Она должна быть циклической и иерархической.

2. В качестве базового основания для выделения этапов периодизации должна выступать перестройка социальной ситуации профессионального развития, особенности её принятия как профессиональной проблемы и задачи.

3. В качестве временного фактора периодизации необходимо использовать «профессиональный возраст человека», который измеряется временем решения задач профессионального становления и реализации личности: длительность оптации, адаптации, профессионального обучения, самостоятельной профдеятельности и т.д.

С учётом высказанных положений был выделен профессиональный цикл, как базовая единица периодизации. В рамках цикла зафиксирована последовательность из 5 основных стадий профессионализации, которые соответствуют 5 базовым типам социальных ситуаций профразвития и 5 типам социальных задач профессионального развития. Назовём эти стадии:

- 1) допрофессиональное развитие, результат – готовность к труду и к выбору профессии;
- 2) поиск и выбор профессии, результат – готовность к профессиональному обучению;
- 3) профобучение, формирование профессиональной деятельности, результат – готовность к профадаптации и профдеятельности;
- 4) самостоятельная профдеятельность, реализация профессиональной карьеры;
- 5) постпрофессиональная реализация личности.

Цикл может повторяться в течение профессиональной жизни человека несколько раз и зависит это от частоты смены направления и содержания профессионального развития человека. На пятую стадию профессионализации субъект труда переходит только после завершения профессиональных циклов, которые включают 2, 3 и 4 стадию.

Иерархия стадий, периодов и фаз отражают реальную иерархию задач профессионального становления и реализации личности, позволяет изучать индивидуальные стили, способы и стратегии профессионализации.

Циклы образуют единый процесс профессионального становления и реализации личности.

Полифоническое мышление как инструмент познания динамических систем

С.А. Рогова (Пенза)

Polyphonic thinking as a tool for learning of dynamic of systems — S.A. Rogova (Penza)

Современный уровень технологического развития не просто значительно расширил возможности человека, он позволил ему участвовать в создании новой действительности. При этом сам человек оказался не способным предсказывать «поведение» этой действительности, которая на сегодняшний день понимается как развивающаяся сложная динамическая система.

Известно, что для решения проблем сложной системы в настоящее время применяется т. н. системный подход (И. В. Блауберг, В. А. Ганзен, Б. Ф. Ломов, В. Н. Садовский, В. Д. Шадриков и др.). Он позволяет изучать компоненты систем в статичном состоянии,

выявлять связи, установившиеся между компонентами системы, но не даёт возможности предсказывать развитие т. н. «динамических систем» (во франкоязычных странах – теория диссипативных структур И. Пригожина, в США – теория динамического хаоса М. Фейгенбаума). В то же время определённая часть исследователей полагает, что предсказать количество сценариев и даже их выбор в точках полифуркаций (А. П. Назаретян; Н. Н. Моисеев называет их бифуркациями) вполне возможно, используя синергетический подход и соответствующие компьютерные программы. При этом исследователи вынуждено констатируют, что без компьютерных программ человек не способен познать многофакторность, многоаспектность, влияние флуктуаций на развивающиеся во времени системы. В определённом смысле, это указывает на ограниченность индивидуального нейробиологического инструмента человека. В то же время необходимо признать, что человечество уже владеет многовековым опытом познания и создания данной действительности в музыкальной деятельности. Речь идёт о полифонической музыке. Это означает, что природа, всё же наградила человека особым инструментом, позволяющим ему решать проблемы сложных динамических систем. Возможно, пришло время освоить новый вид мышления «приспособив» его «к новому предмету деятельности» – окружающей нас действительности. Не случайно В.П. Зинченко в своей монографии (2010г.) указывает на необходимость смены «набившего оскомину» системного подхода полифоническим, что «полифоническое сознание» должно создать «полифоническое мышление».

В настоящее время созданы многочисленные произведения полифонической музыки (И.С. Бах, Д.Д. Шостакович, Р. Шедрин и мн. др.); в музыковедении всесторонне изучен данный раздел музыки; созданы многочисленные учебные пособия, направленные на овладение полифонией (Л. Бусслер, Т. Мюллер, С. Скребков, Ю. Евдокимова и мн. др.); проведены исследования, направленные на развитие полифонических музыкальных способностей (Рогова С.А.), полифонического музыкального мышления (Давидчик А. Б.). Создан уровневый механизм развития способностей (В.Д. Шадриков); данный механизм изучается и успешно применяется, что даёт возможность «приспособления» не только функционального уровня «к новому предмету деятельности» (Таллина О.А.), но и этого «нового предмета деятельности» (музыкального) к функциональному уровню. Таким образом, уже создан и применён механизм развития способностей, позволяющий полифоническое музыкальное мышление «приспособить» к полифоническому мышлению вне музыкальной деятельности; проходит эксперимент.

Развитие способностей учащихся 1-11 классов

Л.В. Светличная (Москва)

Developing the abilities of schoolchildren of 1 to 11 classes – *L.V. Svetlitchnaia (Moscow)*

Изучение развития музыкальных, психомоторных и познавательных способностей школьников проводилось в одной из школ-новостроек Москвы, которая на момент исследования работала первый учебный год. Школьники, обучающиеся в ней, ранее проживали не только в Москве, но и в других городах России и СНГ. Поэтому у школы не имелось давно отлаженного направления в обучении детей, и высоких показателей в какой-либо одной области. Всего в исследовании принимало участие 334 учащихся 1-11 классов. Было проведено тестирование по музыкальным, психомоторным и познавательным способностям.

Особенно наглядно видна разница между способностями (в пользу музыкальных) у детей начальных классов. Результат составил 3,8 балла, на втором месте – познавательные способности (3 балла), и на третьем месте психомоторные способности (2,4 балла). В школе музыка не является профилирующим предметом. Как правило, урок музыки проводится один раз в неделю с первого по пятый класс. Значит, самые высокие результаты получены в той области знаний, которой почти не уделяется внимания. Можно объяснить полученные данные, во-первых, окончанием сензитивного периода для развития музыкальных способностей, это дошкольный возраст. Во-вторых, тем, что главным показателем музыкальной одаренности

считается эмоциональная отзывчивость на музыку (Б. М. Теплов). В системе дошкольного воспитания для этого проводится множество разных музыкальных утренников. В начальных классах подобных праздников становится меньше, но они есть. В дальнейшем их число значительно снижается.

Иная ситуация с результатами тестирования способностей складывается у учащихся 5-11 классов. К окончанию 11 класса уровень развития познавательных способностей составил 3,8 балла. Отечественная система образования тратит на развитие познавательных способностей много сил и времени, на это направлены как школьные предметы, так и внеучебная программа подготовки в вузы, свою роль играет и сензитивный период. И все же уровень развития познавательных способностей на 0,1 балла ниже, чем музыкальных, чей результат – 3,9 балла. Психомоторные способности учащихся также улучшились и составили в 11 классе 3 балла.

Можно отметить, что процесс развития и формирования музыкальных, психомоторных и познавательных способностей сказывается на их взаимосвязи, что было обнаружено при рассмотрении корреляционных зависимостей. Музыкальные способности имеют самый высокий средний балл, самое большое количество положительно значимых корреляционных взаимосвязей и наименьшее количество отрицательных взаимосвязей. Познавательные способности стоят на втором месте по результатам среднего балла, положительных и отрицательных корреляционных взаимосвязей. Психомоторные способности имеют самый низкий средний балл, самое большое количество отрицательно значимых корреляционных взаимосвязей и наименьшее количество положительно значимых корреляционных взаимосвязей.

Из этого можно сделать предположение, что чем больше получено положительно значимых корреляционных взаимосвязей между компонентами способностей, и чем меньше отрицательных взаимосвязей, тем выше будет уровень развития способностей в целом. И, соответственно, чем меньше количество положительно значимых корреляционных взаимосвязей и чем больше количество отрицательных взаимосвязей, тем ниже будет уровень развития способностей. В связи с этим можно сделать вывод, что большое количество корреляционных взаимосвязей определяет нормальный уровень развития способностей.

Эмоционально-когнитивный аспект рефлексивного процесса в подростковом возрасте

Е.Д. Сергеева (Воронеж)

Emotional cognitive aspect of the reflexive process in the adolescent period — E.D. Sergeeva (Voronezh)

Рассматривая рефлексивный процесс как единство эмоционального и когнитивного, мы опираемся на идеи Л.С. Выготского, рассматривающего проблему переживаний как важнейшую в психологии, С.Л. Рубинштейна, считающего переживания важнейшей способностью личности, Б.С. Братуся, считающего «значимые переживания» подлинным предметом психологии. Мы полагаем, что рефлексивный процесс в подростковом возрасте детерминирует наличие внутренних условий, способствующих развитию субъектности подростков, таких как: осознание склонностей и способностей; позитивное отношение к миру и себе; ориентация на личностное развитие и творчество. Для нашего исследования представляет интерес понимание рефлексии авторами, разрабатывающими инновационные игры (Н.Г. Алексеев, О.С. Анисимов, В.В. Слободчиков, А.А. Тюков, Г.П. Щедровицкий и др.), которые рассматривают рефлексивность как обращение на себя, такой поворот сознания, который позволяет увидеть себя и других со стороны. Н.И. Семенов отмечает, что вербализация способствует переходу «процесса стихийной рефлексии в процесс организованной рефлексии. Вербализация выполняет в этом случае две функции: надежной фиксации затруднения и возможности подключения к более широкому (социальному) опыту». Е.Л. Яковлева также упоминает о важности вербализации «в осознании ребенком собственных эмоциональных реакций». Опираясь на

вышесказанное, мы считаем, что усвоение подростком нового невозможно без проживания и усвоения предшествующего этапа. В ситуации, когда подростку предлагается отразить неуспешную деятельность, не учитывая при этом проживаемые им чувства, происходит усиление эмоционального напряжения учащегося. Мы полагаем, что снятию эмоционального напряжения будут способствовать вопросы, направленные на отреагирование переживаний. То, мы даем ребенку принятие его чувств, право быть субъектом в своих эмоциональных проявлениях. Письменная форма ответа создает ситуацию поведенческой адекватности, а содержание делает более интимным, откровенным, а значит, способствует эмоциональному отреагированию. В нашем исследовании мы рассматриваем рефлексивность как критериальную характеристику личности подростка, способствующую конструктивному межличностному взаимодействию, формированию профессиональной направленности, осознанию мотивов выбора, конструктивному самопринятию, готовности к ответственному выбору, осознанию собственных склонностей и возможностей, а также адекватному эмоциональному отреагированию. Психологический механизм рефлексивного процесса нами рассматривается как единство эмоционального и когнитивного процессов рефлексии. Данный принцип реализуется через совокупность методик, дающих когнитивные знания о своих возможностях и особенностях, создание условий адекватного эмоционального реагирования и обучение навыкам саморегуляции.

Оценка профессиональной продуктивности как показатель эффективности труда учителя

Ю.Н. Слепко (Ярославль)

Assessment of professional productivity as an indicator of the effectiveness of the teacher's work —
Y.N. Slepko (Yaroslavl)

Исследования Марковой А.К. (1986, 1993), Митиной Л.М. (1994, 2004), Поваренкова Ю.П. (2002, 2008) показали, что анализ результативности работы педагога должен включать исследование уровня и содержания профессионального развития педагога, включающего помимо результативных и иные показатели и критерии эффективности деятельности.

Предметом нашего изучения выступает критерия профессиональной продуктивности (Ю.П. Поваренков), который конкретизируется через установление степени соответствия процесса профессионализации социально-профессиональным требованиям. Ранее нами была показана возможность использования отношения субъектов образования (учащихся, родителей, экспертов и др.) как показателей и критериев оценки результативной стороны труда учителя.

В данной работе мы исследуем представления учащихся об идеальном и реальном педагоге, которые позволяют установить степень профпродуктивности труда учителя.

Было установлено, что в динамике удовлетворенности (степень близости образа реального и идеального педагога) учащимися педагогами наблюдаются существенные подъемы и спады. Наибольшая удовлетворенность работой педагога в шестом классе и на втором курсе обучения в вузе. В седьмом-восьмом классах и на третьем курсе обучения наблюдаются резкие спады удовлетворенности работой педагога.

В качестве причин спада можно предположить особенности возрастного развития учащихся подросткового возраста: становление нового уровня самосознания, изменение Я-концепции, максимализация требований не только к самому себе, но и к окружающим. Как результат – в представлениях подростка растет разрыв между образом реального и идеального педагога.

Было выявлено, что между шестым и седьмым классами есть статистически достоверный спад оценки работы реального учителя ($U=117,000$ при $p\leq 0,05$); это, в свою очередь, приводит к снижению общей удовлетворенности работой учителя ($U=135,500$ при $p\leq 0,05$).

В отношении студентов третьего курса источником резкого спада может выступать их личностное и профессиональное развитие, сопровождающееся кризисом второго курса обучения (Поваренков Ю.П., 2006). Освоив нормативно-одобренный способ деятельности на младших курсах обучения, поняв, что дальнейшее использование навыков школьной учебной деятельности не эффективно, студент разрешает этот кризис через формирование академической формы учебной деятельности и перестройкой личности. Это приводит к изменению представлений о себе, о специальности, коррекции или полной смене ожиданий от взаимодействия с окружающими людьми.

Если в седьмом классе спад объясняется повышением требований к реальному учителю и снижением оценки его работы (при сохранении стабильности требований к идеальному учителю), то на третьем курсе спад удовлетворенности работой учителя ($U=45,500$ при $p \leq 0,05$) объясняется ростом требований к образу идеального педагога ($U=55,500$ при $p \leq 0,05$). Полученные данные хорошо согласуются с представлениями Поваренкова Ю.П. (2006) о педагогической практике как источнике изменения представлений студента о себе, повышении требований к образу идеального профессионала, которому студент на момент прохождения практики не соответствует.

Вариативность представлений о педагоге претерпевает наиболее существенные изменения при переходе учащегося из школы в вуз: на первом курсе резко снижается практически в пять раз, на втором постепенно растет и сохраняется, тем не менее, на уровне ниже школьного.

Развитие антиципационных способностей студентов вуза на речемыслительном и коммуникативном уровнях

М.М. Солобутина (Казань)

Development of anticipative abilities in speech at University — *M.M. Solobutina (Kazan)*

В настоящее время широкую актуальность в психологии приобретают исследования антиципации человека как способности действовать и принимать решения с временно-пространственным упреждением ожидаемых будущих событий. Антиципационные способности начинают формироваться с рождения под влиянием природных задатков и воспитания, но высшие уровни прогнозирования развиваются только к ранней юности. Качественное совершенствование мышления в юношеском возрасте как опосредованного и обобщенного отражения действительности предполагает установление причинно-следственных связей в перспективе, учет вероятностной природы будущего, доказательность прогноза. Антиципация обеспечивает возможность целеполагания и формирования временной перспективы субъекта деятельности. Становление мировоззрения влияют на мотивацию личности в юности, когда ведущие мотивы связаны с жизненными планами, а самоопределение требует развития правильных оценочных суждений в отношении других и адекватных оценок ожиданий со стороны окружающих.

В юношеском возрасте происходит профессиональное самоопределение личности. Соответственно, важнейшим условием развития антиципационных способностей на высших уровнях является профессиональное обучение и профессиональная деятельность. Развитие способности прогнозирования в условиях целенаправленного обучения идет значительно интенсивнее, чем спонтанно. Тезисы данного доклада содержат результаты апробации программы развития антиципационных способностей студентов вуза на речемыслительном и коммуникативном уровнях. Исследование строилось на основе формирующего эксперимента. Контингент испытуемых составили студенты первого курса факультета психолого-педагогического образования К(П)ФУ. Однородная выборка из 50 человек была поделена в равном объеме на экспериментальную и контрольную группы.

Основными показателями для изучения и развития явились антиципационные способности на коммуникативном уровне; вероятностная организация идиолексикона;

антиципационные способности при смысловом восприятии речи и актуализации речевых связей; уровень развития речемыслительных процессов студентов вуза (гибкость и критичность мышления, уровень владения языком, продуктивность и динамичность ассоциативных процессов).

Выводы исследования.

Для студентов вуза характерна личностно-ситуативная антиципационная несостоятельность. При проведении развивающих мероприятий отмечено повышение уровня развития антиципационных способностей студентов на коммуникативном уровне.

Актуализация отдельных слов у студентов вуза находится на достаточном уровне развития, при недостатке информации в речевой ситуации выбираются высокочастотные или среднечастотные слова. Касаемо функционирования антиципационных механизмов при смысловом восприятии речи и актуализации речевых связей можно заключить, что у испытуемых сравниваемых групп наблюдалось нарушение процесса смыслообразования. После тренинга повысилась эффективность антиципации на уровне смысловых гипотез с увеличением числа адекватных и высоковероятных речевых связей.

Таким образом, экспериментально доказана эффективность программы развития антиципационных способностей студентов вуза на речемыслительном и коммуникативном уровнях. Принимая во внимание, что юношеский возраст является наиболее сензитивным для развития прогнозирования на высших уровнях, включение антиципационных тренингов в образовательный процесс вуза является целесообразным.

Возрастные особенности развития интеллектуальных операций школьников в процессах памяти

Г.А. Стюхина (Москва)

Age characteristics of school children's cognitive abilities based on memory — *G.A. Stubina (Moscow)*

Цель исследования: изучение особенностей развития опосредованного запоминания детей и подростков в возрасте 6 – 14 лет (выборка испытуемых включала 100 человек). В исследовании была использована методика развертывания мнемической деятельности (авторы В.Д. Шадриков, Н.В. Черемошкина), которая позволила выделить основные интеллектуальные операции, используемые при запоминании.

В результате проведенного исследования были выявлены особенности использования операций детьми указанных возрастных групп. Запоминание большинства детей 6-7 лет осуществляется с преимущественной опорой на функциональные механизмы памяти. В связи с чем у 100% детей встречается использование такой мнемического приема как повторение. В то же время у 43% испытуемых отмечается использование и других операций, среди которых встречаются такие интеллектуальные операции как группировка, выделение опорных пунктов и ассоциации. Обработка запоминаемого материала осуществляется детьми данной группы преимущественно на перцептивно-представленном уровне (67 % детей). В группе испытуемых 8 -11 лет у 48% испытуемых обработка информации осуществляется на мыслительном уровне, о чем свидетельствует как расширение репертуара используемых мнемических операций, так и частота их использования. Для лучшего запоминания стимульного материала учащиеся, наряду с вышеуказанными операциями, начинают использовать также перекодирование и достраивание запоминаемого материала. Кроме того, анализ ответов испытуемых показывает, что они практически сразу осознают необходимость предварительной обработки материала для его лучшего запоминания, тогда как учащиеся более младшего возраста первоначально пытались запомнить фигуры путем их непосредственного запечатления и только после ряда неудачных попыток понимали необходимость применения интеллектуальных операций. В группе учащихся 13-14 лет запоминание осуществляется с преимущественной опорой на операционные механизмы. Все 100% детей данной группы продемонстрировали

способность к применению интеллектуальных операций с целью обработки материала для его лучшего запоминания. В данной группе испытуемых было выявлено использование таких операционных механизмов как группировка, выделение опорных пунктов, составление мнемического плана, перекодирование, схематизация, ассоциации, аналогии, структурирование и достраивание запоминаемого материала. Различия в продуктивности запоминания испытуемых данной группы заключались также в использовании ими индивидуальных наборов интеллектуальных операций. У 70% испытуемых обработка стимульного материала осуществлялась на мыслительном уровне. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что развитие опосредованного запоминания школьников заключается, с одной стороны, в увеличении количества используемых интеллектуальных операций, с другой – в их усложнении. Наши выводы согласуются с выводами ряда исследований развития познавательных способностей, выполненных под руководством В.Д. Шадрикова, о том, что общие интеллектуальные операции преобразуются в конкретные интеллектуальные операции, обеспечивая, в данном конкретном случае, эффективность мнемической деятельности.

Интеллектуальная задача как средство развития способностей

Г.А. Суворова (Москва)

The intellectual task as a means of development of skills — *G.A. Suworova (Moscow)*

Выделим некоторые аспекты системогенетического подхода к изучению интеллектуальной деятельности внутреннего мира человека (разрабатывается в научной школе В.Д. Шадрикова), позволяющего более глубоко проникнуть в сущность вопроса о развитии способностей.

Первый аспект. Содержание понятия «интеллект». Соотношение понятий «мышление», «интеллект» и «способности».

В психологической литературе содержание понятия «интеллект» является дискуссионным; содержание понятий мышления, интеллекта и способностей не совпадают. Общенаучное содержание понятия «интеллект» представлено в Большом Энциклопедическом Словаре: «Интеллект (от лат. *intellektus*-познание, понимание, рассудок), способность мышления, рационального познания. Лат. перевод др. греч. понятия *нус* («ум»), тождественный ему по смыслу» (БЭС, 1997г. С.452). И так, понятие «интеллект» в общенаучном значении имеет несколько ракурсов. Первый – интеллект как познание; второй – интеллект как понимание; третий – интеллект как рассудок; четвертый – интеллект как ум; пятый – интеллект как способность мышления. При системогенетическом анализе общенаучное содержание рассматриваемых понятий конкретизируется в общепсихологическом плане: развивающееся мышление рассматривается как формирующийся интеллект, интеллект определяется как системное проявление познавательных способностей, для которых умственные способности выступают в качестве общего фактора (общей способности), влияющего на другие способности.

Второй аспект. Интеллект как познание. Новая классификация задач познания. Интеллектуальные операции как универсальные способы познания и как операционные механизмы общих способностей.

В общепсихологическом плане сформировано понимание мышления как процесса решения задач (С.Л. Рубинштейн, др.). Развивая этот подход, В.Д. Шадриков, подчеркивает, что мышление нацелено на разрешение задачи, любая определенная задача разрешается определенным способом. Выделяя интеллектуальные операции в особый класс психических действий, связанных с познанием и разрешением задач, стоящих перед индивидом, он констатирует, что именно интеллектуальные операции и являются этими обобщенными способами, реализующими мышление. Ученый предлагает новую классификацию задач познания и показывает их соотношение с задачами развития способностей (операционных механизмов

способностей), конкретизируя при этом понимание учебной задачи как цели учебной деятельности и профессиональной задачи как функциональной задачи.

Третий аспект. Познавательные действия как учебные -основа развития операционных механизмов способностей.

В процессе обучения ученик присваивает себе те структуры связей познавательных действий, которые заложены в учебниках: синтез познавательных действий как учебных выступает одновременно в роли операционных механизмов способностей и операциональных механизмов научения. Корреляционный анализ связей познавательных действий в содержании учебников для начальной школы (традиционная система обучения) позволил нам выделить плеяды познавательных действий с разным количеством связей, концентрирующихся вокруг разных видов познавательных действий. Выявлено: учебные задания ориентированы в большей степени на формирование у младших школьников действий анализа, в меньшей степени - перцептивных и мнемических действий. Диагностика познавательных действий в структуре учебных заданий дополняет диагностику способностей учащихся.

Появление новой классификации задач познания с акцентированием внимания на познавательных действиях разного уровня интеграции позволяет рассматривать интеллектуальную задачу в качестве средства развития способностей.

Особенности профессиональной временной перспективы студентов на разных этапах обучения в техническом вузе

А.М. Федосеева, В.М. Абдулаева (Москва)

Features of the professional time perspective students at different stages of their education in technical colleges — *A.M. Fedoseeva, V.M. Abdulaeva (Moscow)*

Модернизация системы высшего профессионального образования, переход на ступенчатую систему обучения и компетентностный подход в определении целей профессиональной подготовки специалистов требует перестройки содержания и технологий преподавания. Одним из факторов повышения качества профессиональной подготовки является – профессиональное самоопределение и, как его проявление, профессиональная перспектива студентов. Важно определить: каким образом изменяется профессиональная перспектива студентов в процессе обучения в техническом вузе.

Профессиональную перспективу мы понимаем как построение образа профессионального будущего, представления о вероятных значимых событиях в будущей профессиональной жизни. Образ профессионального будущего достаточно сложное образование, включающее эмоциональные, когнитивно-оценочные компоненты, имеющее предметное содержание, отражающее ценности и смыслы профессиональной деятельности для личности. При построении образа будущей профессии возникает проблема соотношения социального и профессионального идеалов.

Цель проведенного нами исследования состояла в том, чтобы выявить изменения профессиональной перспективы студентов технических вузов в процессе обучения. Выборку исследования составили 162 человека, студенты 1-4 курсов разных технических специальностей МАДИ в возрасте от 16 до 22 лет, среди них 121 мужчина и 41 женщина. Для изучения особенностей профессиональной временной перспективы мы использовали методику «Событийная линия жизни». Данная методика была разработана Л.Ф.Бурлачук и С.Ю.Коржовой для оценки ситуационных особенностей жизненного пути личности и адаптирована А.Ф. Зеером для исследования процессов профессионального самоопределения.

В результате исследования были сделаны следующие выводы.

Общих событий, выделенных студентами в собственной биографической линии жизни значительно больше, чем профессиональных. На разных курсах студенты указывают разное количество событий и трудно говорить о какой-то однонаправленной динамике, но обращает

на себя внимание достаточно резкое снижение количества общих событий на четвертом курсе. Это может быть показателем внутренних процессов роста напряженности, кризиса. Выявлены значимые различия между курсами по общему количеству названных событий ($K=17.01$; $p<0.001$) и по количеству названных профессиональных событий ($K=7.48$; $p<0.05$).

Распределение количества профессиональных событий у студентов старшекурсников и младшекурсников остается без изменений. Полученные данные распределения количества общих и профессиональных событий свидетельствуют о том, что в ходе профессионального обучения не формируется профессиональной перспективы у студентов. Около половины опрошенных вообще не назвали ни одного события своего прошлого или предполагаемого будущего в профессиональной сфере, что может говорить об отсутствии видения себя в профессии. Наличие более определенной профессиональной перспективы приводит к более высокой мотивации и активности и успешности студента в учебно-профессиональной деятельности.

Таким образом, исследование профессиональной временной перспективы студентов позволяет утверждать, что в процессе высшего профессионального обучения становление профессиональной перспективы студентов технических вузов затруднено и требует комплексного психолого-педагогического сопровождения.

Развитие мнемических способностей младших школьников как условие успешности учебной деятельности

Т.М. Хасаева (Орехово-Зуево)

The development of mnemonic abilities of younger schoolboys as a condition of success of educational activity — *T.M. Khasaeva (Orekhovo – Zuyevo)*

Проблема развития мнемических способностей – одна из самых сложных и актуальных проблем в психологии. Анализ психологической литературы показывает, что становление и развитие мнемических способностей происходит во время школьного обучения. Зинченко П.И.(1961) отмечает, что научная разработка этой проблемы непосредственно связана с изучением психологической природы процессов памяти, с характеристикой возрастных особенностей памяти у детей, с выяснением путей и способов ее воспитания.

Л.С. Выготский (1993) характеризовал память как «одну из важнейших глав детской психологии» и выделил две линии ее развития – биологическую и культурную.

А.Н.Леонтьев отмечает, что необходимо ставить перед собой не только задачу приспособить обучение к особенностям памяти наших учащихся, но и стремиться к тому, чтобы подбором соответствующего материала, методов его преподавания и теми требованиями, которые мы ставим перед учащимся, воспитывать у них, исходя из учета общей закономерности развития памяти, все более высокие, более совершенные ее формы.

С позиции системного подхода В.Д. Шадриков (1997) определяет мнемические способности как «свойства функциональных систем, реализующих функции запоминания, сохранения и воспроизведения информации, которые имеют индивидуальную меру выраженности, проявляющуюся в успешности и качественном своеобразии выполнения деятельности».

Экспериментальные исследования и практика начального обучения свидетельствует о том, что у значительного числа детей к концу младшего школьного возраста логические формы памяти остаются на столь низком уровне развития, что становится затруднительным успешное усвоение системы знаний в старших классах. В этой связи актуальным остается вопрос о путях и способах развития мнемических способностей младших школьников.

Концепция способностей В.Д. Шадрикова (1986,1993,1994,1997,2001 и др.) открывает качественно новые перспективы решения проблемы развития мнемических способностей.

Развитие интеллектуальных операций у младших школьников в различных системах обучения

В.Д. Шадриков, Н.А. Зиновьева (Москва)

Intellectual activity development in different learning systems — *V.D. Shadrikov, N. A. Zinovjeva (Moscow)*

В рамках изучения развития познавательных способностей и личностных качеств младших школьников в различных системах обучения дополнительной задачей в 2011 году было исследование развития интеллектуальных операций.

Исследование проходило в восьми классах школ: № 507 (традиционная система обучения), № 1133 (система обучения Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова), № 218 (система обучения Л.В. Занкова). Объем выборки составил 124 учащихся.

Для изучения развития интеллектуальных операций у учащихся были использованы: методика развертывания мнемической деятельности (В.Д. Шадриков, Л.В. Черемошкина) и методика изучения особенностей зрительного восприятия (С.В. Филина).

Сравнивая средние результаты, полученные учащимися трех систем обучения по итогам проведения методики развертывания мнемической деятельности, можно говорить о том, что профили овладения интеллектуальными операциями имеют точки пересечения во всех трех системах обучения. Высокий уровень развития интеллектуальных операций во всех изучаемых системах обучения имеют структурирование и формирование опорного пункта.

У учащихся традиционной системы обучения в меньшей степени, по сравнению с другими системами обучения, представлена операция ассоциации. В системе Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова реже других ученики используют операцию перекодирования. В системе обучения Л.В. Занкова наименее используемой интеллектуальной операцией является также, как и у учащихся системы обучения Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова, перекодирование (данная операция включалась при выполнении методики развертывания мнемической деятельности в последнюю очередь). Применительно и к системе обучения Л.В. Занкова, и к системе Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова, более позднее включение перекодирования, по сравнению с другими интеллектуальными операциями может объясняться тем, что учащимся было достаточно доминирующих интеллектуальных операций для успешного выполнения задания.

Необходимо отметить, что учащиеся системы обучения Л.В. Занкова более активно используют такие интеллектуальные операции как схематизация, достраивание и повторение. В целом, все интеллектуальные операции использовались учащимися системы обучения Л.В. Занкова сравнительно чаще, чем в других образовательных системах.

Анализ результатов, полученные в трех системах обучения с помощью методики изучения особенностей зрительного восприятия, показывает, что полученные профили овладения интеллектуальными операциями в разных системах обучения не одинаковы.

Учащиеся системы обучения Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова реже всего использовали такие операции как аналогия и формирование опорного пункта. В системе обучения Л.В. Занкова, формирование опорного пункта, напротив, является одной из наиболее часто включающейся интеллектуальной операцией. В традиционной системе обучения и системе Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова учащиеся достаточно часто использовали операции схематизации и группировки.

Полученные в исследовании результаты не отражают всей картины развития интеллектуальных операций школьников и требуют дальнейших исследований, но уже сегодня мы можем с уверенностью утверждать, что нельзя противопоставить одну систему обучения другой. Знание о специфике развития школьников в каждой из них позволяет осознанно подойти к оценке каждой системы и определиться с выбором образовательной траектории для конкретного ребенка.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, в рамках научно-исследовательского проекта №10-06-00479а «Развитие познавательных способностей и личностных качеств младших школьников в различных образовательных системах (традиционной, Л.В. Занкова, Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова)».

Парадигма развития как основа построения новой школы

В.Д. Шадриков (Москва)

The development paradigm as the basis for establishment of a new school — *V.D. Shadrikov (Moscow)*

Идея развития учащихся представлена в работах практически всех крупных педагогов и психологов.

Как основу построения школы эту идею в отечественной педагогике наиболее полно отразил Василий Порфирьевич Вахтеров (1853 – 1924). К сожалению, вклад Вахтерова в современную педагогику остался практически не оцененным.

Рассматривая состояние педагогики, Вахтеров писал, что главный недостаток педагогики (конец XIX – начало XX в.в.) заключается в «отсутствии руководящей точки зрения. Современная педагогика представляет собой поле брани, где ведут борьбу самые разнообразные цели воспитания и образования, различные методы и системы, разные программы. В ней всё бессистемно, бессвязно, разбросано и противоречиво. У нас очень большой запас фактов, наблюдений, рецептов, но нет общей объединяющей точки зрения». В качестве такой точки зрения Вахтеров считал идею развития ребенка.

Несмотря на почти столетнюю историю, состояние дел и сегодня остается близким к тому, что описал Вахтеров.

В отечественной психологии идею развития в последние десятилетия аргументировали и отстаивали Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, Л.В. Занков. Под идею развития они разработали свои системы обучения.

Однако, следует отметить, что в полемике и борьбе за новые идеи развития школы неадекватно стала оцениваться «традиционная» система начального обучения. Следует также отметить, что из областей развития: физического, когнитивного и психосоциального, основное внимание в отмеченных системах уделяется когнитивному развитию.

В докладе делается попытка рассмотреть проблему развития с позиции формирования и реализации учебной деятельности как совместной, при этом освоение деятельности рассматривается с системогенетических позиций.

Проводится сравнительный анализ развития младших школьников, обучающихся в различных образовательных системах: «традиционной», Л.В. Занкова, Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова. На основе полученных экспериментальных данных делается вывод о том, что все системы являются развивающими, но в каждой из них, в связи с особенностями учебной деятельности, преимущества в развитии получают конкретные способности и личностные качества.

Данный общий вывод, имеющий конкретное экспериментальное выражение, носит характер методологического принципа. Знание особенностей развития учащихся в той или иной системе важно для каждого учителя и родителя. Оно позволяет осознанно подойти к выбору того или иного типа образования.

Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РГНФ, в рамках научно-исследовательского проекта №10-06-00479а «Развитие познавательных способностей и личностных качеств младших школьников в различных образовательных системах (традиционной, Л.В. Занкова, Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова)».

Проблема диагностики волевых качеств спортсменов

И.С. Шемет (Москва)

The difficulties in the researching of athletes volitional qualities — *I. S. Shemet (Moscow)*

Задача диагностики волевых качеств спортсмена наталкивается на ряд теоретических и практических проблем психологии, не позволяющих эффективно и надёжно выявлять

и измерять искомые свойства. Общепсихологическая проблема заключается в отсутствии теорий воли, объясняющих её сущность. До сих пор воля не квалифицирована научным сообществом как явление психики, она не отнесена ни к процессам, ни к свойствам, ни к состояниям. В то же время на уровне феноменов описаны «волевые процессы», «волевые состояния», «волевые качества». В словарях устоялось определение воли как «способности человека действовать в направлении сознательно поставленной цели, преодолевая при этом как внутренние, так и внешние препятствия». Данный подход не позволяет рассматривать волю как самостоятельное явление, в отрыве от деятельности, её целей, её мотивов и условий. Однако в практическом плане, в частности, в спортивной психологии, есть однозначная интерпретация воли как базового свойства личности, которое выражается в таких лексических конструкциях, как «волевой человек», «воля спортсмена», «воля к жизни», «воля к победе», и данные термины не совпадают с понятиями осознанности, сознательности и произвольности. Спортивные психологи зачастую относят явления воли к другой группе, например, «эмоционально-волевые процессы», или «морально-волевые качества личности».

Воля – это некоторый системный источник, проявляющийся во всех сферах психического: от бессознательных эмоциональных процессов до сложных форм сознательного целеполагания и социального взаимодействия. Этот тезис согласуется с течением волюнтаризма, рассматривающего волю как главный источник активности человека, определяющей все другие психические процессы. Если воля – системное качество, то конкретные феномены воли разнообразны, не подлежат однозначной интерпретации, и не могут служить индикаторами воли как таковой. Например, если спортсмен на стадии сильного утомления отказывается выполнить требуемую нагрузку, это может свидетельствовать как о недостатке упорства (слабой воле), так и о высокой субъектности (сильной воле). Таким образом, крайне затруднена объективная оценка волевых качеств.

В спортивной психологии применяются стандартные опросники, тестирующие некоторые свойства, коррелирующие с волевыми качествами, например, уровень субъективного контроля, потребность в доминировании и др. Здесь встаёт вопрос о валидности стандартных методов диагностики спортсменов. Во-первых, вопросы-индикаторы адресованы к жизни в целом: семье, учёбе, работе, – и не затрагивают ведущий вид деятельности – спортивную. Во-вторых, часть вопросов относится к детству и учёбе в школе, не учитывая последующее развитие воли в спорте. В-третьих, средние нормы неприменимы к спортсменам, которые представляют собой особую группу с относительно высоким уровнем развития волевых качеств, и эти высокие значения в стандартных шкалах мало дифференцированы.

Для системного объяснения разнообразных волевых свойств подходит концепция интеграции психики, разработанная автором статьи. Согласно этой концепции, воля представляет собой высокий уровень интеграции психики, выражающийся на каждой стадии в свойственных этой стадии феноменах. Концепция позволяет выявить взаимообусловленность качеств, так как рассматривает их не как отдельные, а как стадии и уровни единого процесса интегративного развития психики.

Психология и религия

Феномен тревоги в свете онтологического понимания человеческой природы

Е.А. Ангафорова (Санкт-Петербург)

The phenomenon of the anxiety in the light of the ontological understanding of human nature —
E.A. Angaforova (Saint-Petersburg)

Патологическая (невротическая) тревога по Тиллиху – это вид экзистенциальной тревоги, возникающей в особых условиях – вследствие неудачной попытки Я принять тревогу на себя. По Р. Мэю, в основании любой тревоги лежит глубинная тревога, связанная с угрозой небытия. Экзистенциальная тревога неустранима и в этом смысле нормальна.

Источник тревоги заключен в самом человеке, в его природе, совмещающей в себе духовное и телесное начало; поэтому постичь природу тревоги возможно лишь с позиции онтологии.

Экзистенциальная тревога (то есть тревога небытия) является, по нашему мнению, формой проявления и осознания человеком глубинной, общеродовой тревоги отпадения его от Бога, избрание им небытия в результате грехопадения прародителей. В основе глубинной тревоги (а значит и в основе экзистенциальной тревоги) лежит конфликт, являющийся следствием грехопадения и заключающийся в борьбе «нового» и «ветхого» человека, в борьбе «духовного Я» и «наличного Я». Глубинная тревога – это состояние внутренней борьбы с грехом, исход которой непредсказуем. При сохранении одного и того же конфликта, экзистенциальная тревога наполняется различным содержанием при различных типах мировоззрения: религиозного и атеистического. Она представляет собой возможность осознания угрозы небытия, чтобы выбрать путь к Бытию, к жизни вечной. Невроз может быть симптомом того, что человек стремится к исцелению, но еще не достиг его, тревога свидетельствует о том, что внутри человека идет некая борьба. Патологическая (невротическая) тревога чаще всего является следствием неосознанного выбора личностью недолжного греховного поведения. Нормальная тревога есть опасение в ситуации, когда что-то угрожает жизненно важным ценностям человека. Обучение в «школе тревоги» сопровождает каждый новый опыт, способствуя личностному росту, и выполняя адаптивную функцию. Таким образом, феномен тревоги (включая и патологическую тревогу) представляется мне необходимым компонентом личностного развития, связанного с реализацией потенциального бытия.

Так как глубинная тревога лежит в основе всех других видов тревоги, то и онтологический конфликт, лежащий в основе глубинной тревоги также заложен в основе как нормальной, так и патологической формах тревоги. Одна форма тревоги способна переходить в другую при определенных условиях. Обнаруживая за частными тревогами глубинный конфликт, мы встаем перед необходимостью его разрешения, которое открывает путь к диалогу, то есть состоянию внутреннего мира с «духовным Я», но борьбы с греховными состояниями.

Христианская психология в России. Восстановление разрыва традиции.

Л.Д. Битехтина (Москва), С.Д. Соколова (Москва)

Christian psychology in Russia. Restoration of rupture of tradition. —
L.D. Bitehtina (Moscow), S.D. Sokolova (Moscow)

XXI век выдвинул задачу о восстановлении разрыва традиции в психологии как науки о душе. В русле святоотеческой традиции: широко и серьезно обсуждается вопрос о создании предмета христианской (православной) психологии.

Объектом нашего рассмотрения является психология в России XIX века, рассматриваемая с позиции XXI века. Стоит задача воссоздания психологии на фундаменте святоотеческой традиции как науки о душе, сотворенной по Образу Божию. Как мы знаем, в XX веке в России победил материалистический взгляд на мир и все идеалистические направления психологии были закрыты. Но теперь мы имеем возможность изучать и исследовать философское, богословское, педагогическое и психологическое наследие в полном объеме и восстанавливать подлинную картину истории науки: истоки психологии в XVIII веке, развитие и проблемы – в XIX веке, кризис XX века, ее перспективы – в XXI веке.

XVIII век, век Просвещения, подготовил все условия для развития психологии в России как науки о душе в XIX веке, при этом в преподавании и развитии психологии сказывалось богословское влияние.

XIX век в России – период интенсивного развития психологии. В Духовных Академиях в системе дисциплин психология занимала значительное место, выступая для церкви важным средством укрепления и утверждения веры. Она подразделялась на умозрительную, предметом которой была божественная сущность души, и опытную.

В первой половине XIX века у истоков святоотеческой традиции в психологии стояли, в том числе, профессора идеалистического направления В. Н. Карпов, П. С. Авсенева, Н. Зубовский, Ф. А. Голубинский и др., которые имели влияние на формирование психологических взглядов свт. Феофана Затворника. Предметом психологии рассматриваемых авторов является душа как отражение образа Божиего и находящаяся в общении с Богом.

Карпов, по сути, является методологом науки, создает психологию как проект науки о самопознании. Зубовский – теоретик, он подробно исследует душу по ее природе и союзу с телом. Предметом психологии Зубовского является душа, главным предметом деятельности которой является Бог. Цель психологии Авсенева – самопознание души, стать способным органом к божественным откровениям. Проф. Ф. А. Голубинский – богослов, философ, пытался осуществить синтез богословия, философии и психологии.

Все эти профессора рассматривали психологию как науку самопознания и фактически создавали отличную от западной психологию как науку о душе, создавая ее основания на пересечении с богословием, ее традицию, вершиной которой мы считаем свт. Феофана Затворника (1815-1894).

Свт. Феофан в конце XIX века, осуществляя синтез богословия и психологии, понимал, что психологию надо поставить на серьезный фундамент христианской антропологии и богословской святоотеческой традиции и пишет о том, что просто психологии для христианина и его задач недостаточно – в деле спасения нужна христианская психология.

В заключение мы можем сказать, что в XIX веке была психология в России как наука о душе, были попытки соединить психологию и богословие, была традиция, было развитие, есть история предмета науки о душе, более того, это русская история, которая сейчас восстанавливается и нуждается в рефлексии. Таким образом, в традиции XIX века была заложена основа для осуществления методологического синтеза знания в XXI веке.

Роль Церкви в психологической адаптации делинквентных подростков

М.Л. Браверман (Санкт-Петербург)

Role of Church in psychological adaptation of delinquent teenagers — *M.L. Braverman (Saint-Petersburg)*

Общая характеристика делинквентного поведения в молодежной среде с психологической и пастырской точек зрения.

Психологические особенности личности подростков с делинквентным поведением.

Психологические предпосылки противоправного поведения среди молодежи.

Психологическая и социальная дезадаптация как следствие делинквентного поведения.

Психологическая помощь в социализации делинквентных подростков. Понятия. Формы. Факторы. Роль Церкви. Феномен отклоняющейся социализации глазами православного священника.

Понятие «образа Божьего» в человеке в Библейском и святоотеческом богословии.

Принцип «антропологического теоцентризма» как основа для построения церковной работы с трудными подростками.

Кризис понятия «здоровый образ жизни»

О.В. Вартаньянц (Ростов-на-Дону)

The crisis of the concept “healthy lifestyle” – O.V. Vartaniantz (Rostov-na-Donu)

Как всякое понятие, попавшее в поле внимания средств массовой информации, в настоящее время понятие «здоровый образ жизни» переживает кризис, проходит проверку на полное соответствие смысловой наполненностью и способности активного воздействия на большие аудитории. Можно с уверенностью сказать, что в смысловом плане словосочетание «здоровый образ жизни» потеряло эмоциональную, содержательную глубину. Происходит своего рода «вымывание» первоначально заложенной идеи, постепенное превращение понятия в речевой штамп, идеологическое клише, вызывающее протест. Этому есть и объективные причины, поскольку каждое понятие, становясь достижением масс-медиа коммуникаций, подчиняется законам преобразования в её среде. Смысловое образование «здоровый образ жизни» появилось относительно недавно в такой формулировке и относится к понятиям «новой идеологии». Каждое понятие, отражающее новую идеологию, должно пройти проверку в пространстве средств массовой информации на способность выжить, то есть на способность выражать взгляды самых разных групп и слоёв общества, «селективное восприятие», сохраняя при этом смысловую цельность и единство. Понятие, которое попадает в поле внимания многих людей, обладает способностью формировать вокруг себя события с участием людей, подтверждающие или опровергающие его суть. Из принадлежности отдельной личности такое понятие становится принадлежностью общества. Аудитория, таким образом, оказывается и получателем сообщения, и его источником (та самая среда, откуда черпаются мнения, знания, идеологические клише, речевые штампы)». Таким образом, «вымывание идеи» здорового образа жизни происходит двумя способами: во-первых, в случае несовпадения взглядов на здоровый образ жизни отдельных социальных групп людей и общества в целом (внедрение идеи); во-вторых, на уровне этапа освещения понятия в средствах массовой информации, где происходит «забалтывание» его сути и разрушение костяка самого смысла идеи. Каким может быть выход из кризисной ситуации в прочтении понятия «здоровый образ жизни»? Его подсказывает анализ положения: необходимо вернуть первоначальную глубину всем трём понятиям, образующим смысловую понятийную группу. Каждое из понятий – а это «жизнь», «здоровье», «образ», – представляют собой экзистенции, основные базовые понятия человеческого бытия. Самое простое и самое сложное, что даётся человеку в обладание с момента рождения – это его жизнь. Заканчивая жизнь, человек научается понимать её проявления, и, в конце концов, должен принять её полностью, растворяясь и сливаясь с её высшей сутью. Образ человека, закончившего свой путь, образ его жизни превращаются в духовный опыт для его потомков. И здесь на первый план выходит способность человека сформировать этот образ, выделить главное, и суметь передать его, обучить ему, помочь потомку стать здоровым (здравым). Понятийная группа «Здоровый Образ Жизни» отражает центральную проблему триединства, которая всегда сопутствует проявлениям коллективного мышления и совпадает в нашем случае с формулировкой, характерной для Православного мира, где «Здоровый образ Жизни» выступает аналогом «Праведного Образа Жизни. Таким образом, Здоровый Образ Жизни (Праведный Образ Жизни) заключает в себе духовный контекст

и представляет собой основу для эволюции сознания. И смысл нашей жизни – не нарушать это триединство, а изучать его и передавать знание следующим поколениям.

Преодоление страсти чревоугодия в современном мире

Е.Н. Гришина (Санкт-Петербург)

Overcoming passion for overeat in contemporary world — *E.N. Grishina (Saint-Petersburg)*

Современный человек, подвергающийся сегодня массивному воздействию средств массовой информации, пребывает в иллюзорных представлениях о ценностях человеческой жизни. Одно из таких ярких свидетельств – «мода на похудение». Само стремление быть стройным и подтянутым вряд ли кем-то оспаривается. Но какими средствами предлагается его достижение? Не теряет актуальности и вопрос о том, что каждый 6-й в мире человек имеет избыточный вес, т.е. ожирение, для избавления от которого множество медико-психологических методик оказываются мало эффективными.

Основы преодоления страсти чревоугодия заложены Святыми отцами в начале нашей эры. В Евангелии нам заповедано не отягчаться «объядением и пьянством» (Лк.21, 34-35). И первоапостол Павел считал необходимым «смирять и поработать» свое тело (Кор.9, 27).

В аскетике описана страсть «чревоугодия». Его синонимами являются такие слова, как переядание, употребление еды в большем количестве, чем нужно человеку, жадность в еде, ненасытность, объедение, а также лакомство, услаждение едой и т.д. Слово чревоугодие содержится в себе старинное слово «чрево», которое значит живот, а поэтому само слово «чревоугодие» и означает угождение своему плотскому естеству. В трудах святого Иоанна Кассиана говорится о трех видах проявления греха чревоугодия: пожелание есть прежде установленного часа, многоястие до объядения и требование лакомой пищи. Святые отцы описали, как можно преодолевать страсть.

Из святоотеческой литературы известно, что одним из наиболее эффективных способов преодоления греховного состояния является развитие противоположного качества: так преодолению сребролюбия способствует воспитание милосердия, преодолению гнева – обретение кротости, тщеславие преодолевается смирением, уныние – трезвением, а чревоугодие – воздержанием, которое воспитывается любовью к Богу страхом Божиим, печалью о грехах, ненавистью против страстей, всех более возбуждает человека на воздержание своя совесть действием Благодати Божией.

Преодоление страсти чревоугодия в современном мире

Е.Н. Гришина (Санкт-Петербург)

Overcoming passion for overeat in contemporary world — *E.N. Grishina (Saint-Petersburg)*

Современный человек, подвергающийся сегодня массивному воздействию средств массовой информации, пребывает в иллюзорных представлениях о ценностях человеческой жизни. Одно из таких ярких свидетельств – «мода на похудение». Само стремление быть стройным и подтянутым вряд ли кем-то оспаривается. Но какими средствами предлагается его достижение? Не теряет актуальности и вопрос о том, что каждый 6-й в мире человек имеет избыточный вес, т.е. ожирение, для избавления от которого множество медико-психологических методик оказываются мало эффективными.

Основы преодоления страсти чревоугодия заложены Святыми отцами в начале нашей эры. В Евангелии нам заповедано не отягчаться «объядением и пьянством» (Лк.21, 34-35). И первоапостол Павел считал необходимым «смирять и поработать» свое тело (Кор.9, 27).

В аскетике описана страсть «чревоугодия». Его синонимами являются такие слова, как переедание, употребление еды в большем количестве, чем нужно человеку, жадность в еде, ненасытность, объедение, а также лакомство, услаждение едой и т.д. Слово чревоугодие содержит в себе старинное слово «чрево», которое значит живот, а поэтому само слово «чревоугодие» и означает угождение своему плотскому естеству. В трудах святого Иоанна Кассиана говорится о трех видах проявления греха чревоугодия: пожелание есть прежде установленного часа, многоястие до объедения и требование лакомой пищи. Святые отцы описали, как можно преодолевать страсть.

Из святоотеческой литературы известно, что одним из наиболее эффективных способов преодоления греховного состояния является развитие противоположного качества: так преодолению сребролюбия способствует воспитание милосердия, преодолению гнева – обретение кротости, тщеславие преодолевается смирением, уныние – трезвением, а чревоугодие – воздержанием, которое воспитывается любовью к Богу страхом Божиим, печалью о грехах, ненавистью против страстей, всех более возбуждает человека на воздержание своя совесть действием Благодати Божией.

Психологические проблемы введения религиозного компонента в образование

Л. В. Густова (Москва)

Psychological problems of introduction of religious component at education – *L. V. Gustova (Moscow)*

Актуальность данного исследования продиктована введением религиозного компонента в образование. Через усвоение дисциплин, обеспечивающих понимание глубин и истоков религиозной культуры, обеспечивается определенное мировоззренческое влияние и адаптация к конкретным религиям, способствующие формированию религиозной личности, которая в своей деятельности опирается на религиозные принципы. Особенно актуальным это становится в условиях борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом, для развития которого благоприятной почвой является религиозное воспитание, разделение населения по национально-культурному и религиозному принципу. С целью построения собственных исследований и выработки психологическим сообществом некоторых методических рекомендаций для отечественной системы образования нам представляется важным изучение существующих теоретических и практических исследований как развития религиозности, так и последствий её влияния на личность, поведение, коммуникацию и деятельность. Отечественные психологические исследования посвящённые религиозности практически отсутствуют. В 20 веке разработка концепций религиозного развития личности осуществлялась в основном европейскими и американскими учёными с целью корректировки и адаптации религиозной образовательной программы. Большинство психологов, которые занимались проблемой религиозного развития, отмечают отсутствие готовности детей к религиозному образованию, а так же опасность взрослых форм и выражений богослужения для детей, поскольку они не состояни их понять, что обусловлено недостаточным развитием сознания в детском возрасте. Религиозность не выделяют как специфическое неотъемлемое свойство личности, а религиозное развитие непосредственно обусловлено религиозным воспитанием. Кроме того, выделяют, что остановка развития религиозности происходит в подростковом возрасте по причине проявленного когнитивного диссонанса: библейско-теологическая ментальность противопоставляется научно-секулярной, а религиозное влияние на психику с раннего возраста может привести к снижению социальной адаптации, волевых качеств личности, дезинтеграции психики в целом. В заключение необходимо отметить важность научного психологического изучения данной темы.

Личностные факторы инициирующие экстремизм религиозной направленности в молодежной среде: специфика Южного региона России

П.Н. Ермаков (Ростов-на-Дону)

Personal factors initiate faith-based extremism among young people: the specifics of the Southern region of Russia — *P.N. Ermakov (Rostov-on-Don)*

В последнее десятилетие термин «экстремизм» как категория научного анализа употребляется все шире. Чаще всего под ним понимается агрессия, исходящая от религии. Этому способствует целый ряд причин:

- поляризация ценностных ориентаций людей вокруг двух религиозных доктрин: христианство и ислам;
- противопоставление культурно-религиозных традиций как альтернатив: восток или запад;
- манипулятивный потенциал религиозных учений, который позволяет эмиссарам экстремизма воспользоваться рядом религиозных ценностей для проповедования и распространения взглядов о превосходстве той или иной религии, а как следствие, и нации.
- Помимо экстремизма религиозной направленности можно выделить также этноконфессиональный экстремизм (или экстремизм этноконфессиональной направленности). Это экстремистские проявления, которые не просто инициируются религиозно-экстремистскими лозунгами, но и адресно направлены на конкретные этнические группы, которым приписываются-literные и эксклюзивные качества, якобы дарованные «свыше», тем самым противопоставление идет сразу по двум направлениям: принадлежность к религиозной конфессии и принадлежность к определенной национальности. Это расширяет сами границы экстремистской направленности и дает возможность экстремистам в большей степени манипулировать позиционируемыми ценностями.

Среди факторов, инициирующих экстремизм религиозной направленности, необходимо выделять не только внешние, но и внутренние факторы, имеющие личностную природу. Понять ее можно лишь при анализе важнейших компонентов ценностно-смысловых ориентаций, установок, мотивации различных социальных, возрастных или этнических групп проживающих на различных территориях РФ: При изучении национального характера, который часто считается причиной агрессивного поведения, необходимо, прежде всего, иметь в виду то, что он существует исключительно в психологических ценностях личностей и только через них получает отражение в духовной деятельности нации. Именно эти данные позволяют выявить механизмы возникновения экстремизма. Однако в современной научной литературе наблюдается очевидный дефицит такого рода исследований, а те которые есть, чаще всего, имеют лишь фрагментарно-ситуативный характер, описывают лишь определенные аспекты личностных деформаций, связанных с распространением экстремизма этноконфессиональной направленности.

Острота межэтнических конфликтов в ЮФО и СКФО инициирована совокупностью причин: разрушением социально-экономических, политических, идеологических взаимосвязей и рычагов влияния; военными конфликтами и акциями; непониманием и недооценкой идеалов и ценностных установок различных этнических и конфессиональных групп; отсутствием продуманной и обоснованной концепции национальной политики; неконтролируемой миграцией; посредственной подготовкой кадров, работающих с группами риска (мигранты, безработные и т.д.).

Навязываемая экстремистами система взглядов привлекательна для молодых людей в силу простоты и однозначности своих постулатов, обещаний возможности незамедлительно увидеть результат своих, пусть и агрессивных, действий. Необходимость личного участия в сложном и кропотливом процессе экономического, политического и социального развития

подменяется примитивными призывами к полному разрушению существующих устоев и замены их утопическими проектами. Эмиссары религиозно-экстремистских идей успешно используют различные технологии воздействия на личностную сферу подрастающего поколения и, следовательно, нужна целостная система противодействия такого рода воздействиям на сознание людей, которая будет позиционироваться на государственном уровне.

Психология и религия: основные типы взаимодействия

Ю.М. Зенько (Санкт-Петербург)

Psychology and religion: the main types of interaction — *Yu.M. Zen'ko (Saint-Petersburg)*

XX век был богат на события и перемены и продемонстрировал целый спектр различных типов взаимодействия религии и общества, науки и, в частности, – психологии. Понятно, что спектр этот довольно широк и нередко был представлен своими крайними позициями. У нас в советское время по идеологическим причинам наблюдалась резкая конфронтация с религией (в первую очередь – с христианством). Где-то даже можно говорить и о соперничестве советской идеологии с христианством, которое приводило к некоторым интересным параллелям. Так что некоторые современные исследователи пишут о советском атеизме как о некой новой форме религиозности: со своей догматикой и культом. Психология как наука использовалась в то время в первую очередь для доказательства психопатологичности религии. Это же не получалось, поскольку объективные исследования наоборот показывали, что христианский культ имеет положительный психотерапевтический эффект. Поэтому вполне закономерно, что психологии религии не дали состояться тогда как признанному научному направлению и она имела маргинальный статус. На Западе в XX веке были свои проблемы во взаимодействии психологии и религии. С одной стороны быстро развивавшийся психоанализ также рассматривал религию в психопатологическом аспекте – по мнению самого З. Фрейда, религия является формой коллективного невроза. Но американская психология религии, под воздействием авторитета одного из ее основателей В. Джемса, относилась к религии с достаточным уважением. Сам Джемс связывал с психологии религии надежды подлинно научного исследования религии. Но уже через несколько десятилетий стали высказываться опасения, что психология религии будет поглощена психоанализом или, наоборот, пастырской психологией. Что во многом и подтвердилось: критически настроенные по отношению к религии психологи стали развивать психоаналитический подход, позитивно настроенные ударились в другую крайность – они сами «ушли в религию», правда не в христианство, а в модные в то время восточные и оккультные учения. При этом стали создаваться некоторые околоспихологические учения, в которых отчетливо видна подмена психологического содержания религиозным. Яркими примерами тому являются трансперсональная психология (базирующаяся на буддистском учении о переселении душ) и глубинная психология К. Юнга (имеющая однозначно оккультные корни – см. работу Р. Нолла «Арийский Христос. Тайная жизнь Юнга» (1998)). Но и в западной, и особенно в отечественной дореволюционной психологии можно проследить еще один тип взаимодействия психологии и религии – сотрудничество. Наши отечественные авторы больше ста лет назад писали о психологии веры, молитвы, святости, греха, библейской психологии и т. д. (подробнее см. отдельную работу «Трехвековой диалог психологии и религии в России» – в электронном виде она доступна по адресу: www.xpa-spb.ru/articles/05.html). Этот диалог психологии и религии был прерван в советское время, но и по имеющимся работам можно судить, насколько он был интересен и плодотворен. Как нам кажется, именно стратегия сотрудничества является единственной плодотворной во взаимодействии психологии и религии. Она позволила бы, во-первых, найти психологии религии ту золотую середину в ее взаимодействии с религией, в которой ее научность базировалась бы на уважительном отношении к изучаемому предмету. Во-вторых, как нам кажется, это имело бы положительные результаты и для всей психологии, которая для правильного своего развития

должна иметь связь с исторической культурной традицией, которая, несомненно, так или иначе связана с христианством.

Психология, методология и догматика

А.Н. Кричевец (Москва)

The psychology, the methodology and the dogmatics — *A.N.Kritchvetz (Moscow)*

Мы будем вести речь о психологических исследованиях в тех сферах человеческого бытия, которые до сих пор не получили общепринятого научного имени. Не все решаются называть ее прямо – духовность, поскольку это слово ко многому обязывает, не говоря уже о том, что приемлемая операционализация понятия «духовность» вряд ли возможна. В этой сфере результаты зависят не только или даже не столько от добросовестного применения научной методологии, но и от представлений исследователя о назначении человека, которые явно или неявно вступают в дело. В.И.Слободчиков утверждал, что без ясного понимания антропологических оснований нельзя даже приступить к созданию теории личности. Хотя современная позитивная психология заявляла исходно прямо противоположную интенцию – исследовать эту сферу «беспредпосылочно», как положено объективной науке, однако развитие темы все же потребовало от добросовестных исследователей выбора и выражения своих антропологических опор. Позитивная психология выбрала в качестве таковых аристотелевскую концепцию эвдемонистического благополучия – счастья в рамках добродетельной жизни. Вероятно, в этом есть своя правда – аристотелевский подход оставляет место для эмпирических исследований того, что такое благополучие в том или ином обществе. Однако применяемая в них методология опросников и корреляций имеет и существенные недостатки – по сути исследуются не добродетели, а представления о добродетелях, притом усредненные представления среднего представителя данного общества. Промежуточную методологическую позицию заявил в свое время А.Маслоу. Он предложил двухступенчатое исследование: на первом шаге определяются лучшие представители человеческого рода, а на втором исследуются их формы жизни: добродетели, высшие устремления и т.д. Такая методология использует по сути тот факт, что средний человек (а исследователь априори не может претендовать на большее) имеет не вполне однозначные, ясные и эксплицитные представления о добродетелях, но обладает определенной способностью различения добра и зла, которая позволяет ему выделять более добродетельных, чем он сам, людей. Однако на втором уровне исследования Маслоу интерпретировал свои качественные результаты в духе современных западных антропологических представлений о лучшей человеческой жизни как полной реализации данных возможностей. Эта позиция имеет долгую и почтенную историю (см., например, «Критику практического разума» И.Канта). Заметим однако, что для христианской догматики эта позиция неприемлема, что еще в начале V века выявила дискуссия между Августином и Пелагием, приведшая к осуждению пелагианства. С другой стороны, священное писание дает некоторые опоры такому взгляду (Притча о талантах, Мф. 25: 14-30). Третий подход, заявленный, например, в докладе Архиепископа Хабаровского и Приамурского Игнатия на Рождественских чтениях 2011 года, призывает строить христианскую психологию прямо на основании священного писания и святоотеческих текстов. Автономия субъекта справедливо ставится здесь под вопрос, а «самоактуализация» возможна только при содействии божественной благодати. Неясным остается, однако, может ли роль эмпирии для так понимаемой христианской психологии выходить за рамки иллюстраций и возможны ли при таком подходе эмпирические исследования. Отмечу в заключение, что представляемый доклад претендует только на постановку проблем, а не на их решение.

О месте православной психотерапии при работе с невротическими расстройствами
М.В. Легостаева (Санкт-Петербург)
Point orthodox psychotherapy by treatment of neurosis.
M.V. Legostaeva (Sankt-Petersburg)

Имеются данные о том, что примерно каждый пятый невротический случай имеет ноогенную основу. В действительности, едва ли не каждый невроз имеет духовные корни. Человек – единственное живое существо, которое способно задавать вопрос о смысле своего бытия. Наличие этого вопроса в нем присутствует изначально. Этот вопрос вынуждает его искать ответ, мучительно переживая состояние экзистенциального вакуума.

Все ситуативные смыслы и выборы, так или иначе, должны определяться этим основным смыслом. Любой другой выбор не достигает цели, а, следовательно, не способствует нашему исцелению, лишает внутреннюю структуру человека целостности. Невротическое состояние человека характеризуется невыносимым состоянием внутренней расщепленности.

Мы можем предположить, что исток невротической расщепленности восходит к духу. Отвержение Бога, непризнание себя существом тварным, призванным для осуществления себя согласно Промыслу Божию, приводит к нарушениям в сфере душевной. Исходя из этого предположения, становится понятным, что корни невроза уходят глубоко в проблему отпадения человека от Бога.

Но вытесненная духовность приводит к более серьезным последствиям, чем вытесненная сексуальность. А отказ от воцерковления может явиться источником многих психопатологических отклонений, в т.ч. и психозов. Это будет показано на конкретных примерах. Совсем не случайно такие направления, как православная психология и психотерапия стали теоретически и практически развиваться именно сейчас так, как никогда до этого. Очевидно, что изменения в обществе зависят от духовного и психологического здоровья каждой личности. И место приложения сил – это душа человека.

У современного невоцерковленного человека в сознании нарушена иерархия ценностей. Нет представления о связи духа, души и тела. Свои телесные заболевания он никак не связывает с нарушениями в душевной жизни. Мысли и чувства им не осознаются в должной степени, не говоря уже о духовной сфере. Чтобы это произошло, православный психолог, работая на «плоскости психики», держит ориентацию на духовную вертикаль.

Глубокая перемена ценностей, перемена ума (метанойя) невозможна без покаяния, без исповеди и причастия. Практикующие в различных направлениях психотерапевты, избегают эклектического смешения стилей. Как архитектурная эклектика говорит о дурном вкусе, так и работа психотерапевта, работающего в смешанных стилях, не признается профессионалами. Однако, опираясь на вертикальную ось христианства, психолог, стоящий на позиции православия, имеет возможность в полной мере использовать методики и техники, выработанные секулярной психотерапией. Применяя их на практике, он «преломляет» их через христианское мировоззрение. Проблема в этом случае видится иначе. И для нее дается другое решение.

В точке пересечения плоскости земного бытия и духовной оси христианства мы обретаем целостность мысли, чувства, слова, поступка. В точке Истины приобретает истинную свободу от «пут невроза».

Православная психотерапия стоит особняком над всеми другими направлениями. Она позволяет нам не только раздвинуть горизонты плоскости, на которой расположены отдельные психотерапевтические направления, но в полноте объема духовности посмотреть на проблему человека, опираясь на христианскую антропологию.

В этом коренное отличие православной психологии и психотерапии. В этом ее огромный потенциал, которому предстоит еще раскрыться.

Духовная потребность и анализ духовных мотивов личности

Н.Н. Лепехин (Санкт-Петербург)

The spiritual need and the analysis of spiritual motives of personality — *N.N. Lepekhin (Saint-Petersburg)*

Проблема духовной мотивации имеет не только дискуссионный научный характер, но и практическую значимость. Консультируя лиц, попавших в зависимость от сект, оккультизма, психорелигиозных практик, психологу необходимо актуализировать структуру духовных мотивов клиента. Ведущим компонентом в структуре духовной мотивации является духовная потребность, которая является онтологической характеристикой, отличающей человека от животных, и отражает, в той или иной форме, стремление к абсолютной ценности – Богу, Творцу, Красоте, Природе, Абсолюту, воспринимаемой как высшая желаемая цель, и пробуждающая духовную деятельность личности. Личный выбор той или иной религии, духовной или даже оккультной практики определяется не модальным различием в свойствах духовной потребности, а индивидуальными различиями в «мотивационном блоке внутреннего фильтра», как пишет Е.П. Ильин (2000), что и формирует различные модальности образа цели духовной потребности. В данном блоке представлены образ мира, убеждения, ценности, идеалы, самооценка, установки, интересы, склонности, притязания, а также мотивационные свойства личности. Большая часть мотивационных компонентов определяется культурной социализацией и воспитанием, а мотивационные свойства личности, обусловленные темпераментом, являются врожденными. В системе взаимодействия психолог – клиент ложность или истинность образа духовной потребности могут быть определены лишь относительно, т.е. субъективно. Процесс осознания модальности образа духовной потребности является этапом консультирования, на котором возможна коррекция личностных мотивационных компонентов. Степень выраженности духовной потребности определяется по приоритетности духовной деятельности на фоне действий направленных на удовлетворение других актуальных жизненных потребностей. В норме духовная, социальные и биологические потребности находятся в определенном динамическом равновесии, которое переживается индивидом как наличие противоречий между различными влечениями, конструктивно разрешаемых в свободном выборе. «Ревность не по разуму» в духовной деятельности выражается как отрицание, либо явное умаление витальных и социальных потребностей, наличием острых внутренних и внешних конфликтов. На интенсивность реализации духовной потребности влияют такие мотивационные компоненты как чувства и эмоциональное отношение, уровень притязаний, оценка своих возможностей, степень понимания реальных условий достижения духовных целей. Индивидуальная структура мотивации, обуславливающая модальность и интенсивность духовной деятельности, является многокомпонентной и может быть обусловлена разными потребностями. Духовная потребность дифференцируется от псевдодуховной по целевой направленности. Псевдодуховные потребности, выражаясь внешним образом в духовных практиках, имеют эгоцентрическую или социоцентрическую направленность. Они направлены на приобретение внешних статусных атрибутов, развитие «самости» личности, а также являются ответом на ожидания и требования культурной, социальной, групповой среды, побуждающих к той или иной духовной практике. В качестве практического инструмента анализа псевдодуховных потребностей возможна диагностика потребностей в достижении, аффилиации, во власти/контроле, а также мотивации избегания, которые в значительной мере определяют содержанием мотивов деятельности членов сект, псевдорелигиозных и оккультных групп.

Чувство и вера в антропологии Ф. Г. Якоби

А.В. Лызлов (Москва)

Feeling and Faith in the F. H. Jacobi's anthropological thought — A.V. Lyzlov (Moscow)

Стремясь восполнить кантовское понимание разума (*Vernunft*), его возможностей и задач, Ф. Г. Якоби проводит важное различие ощущения (*Sinnes-Empfindung*) и чувства (*Gefühl*). Кант, — говорит Ф. Г. Якоби, — совершенно справедливо замечает об ощущении и рассудке, что из этих способностей нашей души (*Eigenschaften unseres Gemts*) невозможно одну предпочесть другой, поскольку «мысли без содержания <которое доставляет им ощущение — АЛ.> пусты, созерцания без понятий <доставляемых рассудком — АЛ.> слепы» (Поскольку мы стремимся развести ощущение и чувство, мы переводим здесь кантовское понятие *Sinnlichkeit* как «ощущение», а не как «чувственность»). Более того, именно такой перевод необходим для точной передачи мысли Ф. Г. Якоби, работающего с кантовским понятийным аппаратом).

Однако подобным образом обстоит дело, — настаивает Якоби, — и с парой рассудок-разум: в человеческом существе они точно так же являются взаимно необходимыми. Именно разум Ф. Г. Якоби считает способностью, отличающей человека от животного.

Разум, — утверждает Якоби, — является по существу способностью чувства (*Vermögen der Gefühle*). Чувство же, так же, как и ощущение, доставляет рассудку содержание, но если содержание, доставляемое ощущением, относится к ощущаемому, видимому миру, то содержание, доставляемое чувством, относится к вещам невидимым, умопостигаемым. Своему пониманию разума как способности восприятия умопостигаемого посредством чувства Ф. Г. Якоби находит подтверждение в языке: слово *Vernunft* (разум) является, по его мысли, производным от глагола *vernehmen* (воспринимать, внимать).

Знание (видение) невидимого и сопряжённую с этим знанием уверенность в невидимом можно, вслед за Ф. Г. Якоби, назвать верой. Такое понимание веры не является каким-либо новшеством или хитроумным изобретением: не кто иной, как апостол Павел, как раз определяет веру как уверенность в невидимом.

В рассудке как общей способности понятий сходятся, таким образом, содержания, доставляемые ощущением и чувством, и человек оказывается способен к постижению единства видимого и невидимого, ощущаемого и умопостигаемого. Ф. Г. Якоби рассматривает это как общечеловеческую способность, как то, что отличает человека от животного.

При этом, как мы сказали, именно способность чувства как видения невидимого как структуры видимых вещей лежит в основе постижения вещей как единичностей. При таком постижении целое оказывается не рядоположенными частям, но доминирует над ними, соорганизуя их. Но при таком способе восприятия, очевидно, и другой человек будет восприниматься как некое устойчивое, недвижимое, самотождественное целое, первичное по отношению к различным частным его проявлениям — как личность, лицо, как другое «я». Мир, таким образом, благодаря чувству оказывается раскрыт как пространство intersубъективности, субъект-субъектных отношений.

Важно обратить внимание и на то, что единичности, о которых мы говорили выше, сосуществуют не в пространстве множественности (как рядоположенные единичности), но в пространстве объёмлющего их единства (всеединства, *All-Einheit* — Якоби, с опорой на Платона). Всякая единичность несёт на себе печать всеединства, существует в определённом смысле по образу его. Мир видится, можно сказать, голографически: в каждой точке (каждой единичности) воспроизводится образ целого. Одной из попыток раскрыть такое видение мира в философии является, несомненно, лейбницево учение о монадах.

К проблеме состояния совести современного человека

В.Х. Манеров (Санкт-Петербург)

The problem of the state of conscience of modern man — *V.H. Manerov (Saint-Petersburg)*

Традиция изучения совести как важнейшего явления внутреннего мира складывается в психологии под влиянием многих факторов, обуславливающих различие позиций в отношении возможности ее научного исследования. Встречается настороженное отношение представителей академической парадигмы к явлению, явно обладающему такими «порочащими связями», как духовность и религиозность. Разнообразие проявлений феномена, отмеченная, в частности, К. Юнгом, Э. Фроммом, В. Франклом, определяла невозможность его однозначного определения, операционализации и измерения. Тем не менее, в теоретическом исследовании К. Юнгом выявлено двухуровневое строение совести, – основание в виде психического явления и надстройка в виде суждения; Э. Фроммом – факт существования различных видов совести; В. Франклом совесть представлена как «орган смысла». В работах Ж. Пиаже, постулировалось обусловленность морального развития интеллектуальным, в исследованиях Л. Колберга формирование совести связывалась с высшим уровнем развития морального сознания. С созданием в психологической науке гуманистической парадигмы возросло внимание к нравственным феноменам: совесть вошла в круг основной психологической проблематики. Эта тенденция усилилась в рамках постнеклассической парадигмы, с ее пересмотром методологических оснований, вниманием к ценностным аспектам познания, изменением толкования рациональности. Появились и основания для плодотворного диалога с ненаучными видами познания. Особенно важным оказалось усвоение достижений в познании совести религиозной мысли: богословия, религиозной философии.

В нашем исследовании совесть рассматривалась, в традиции А.А. Ухтомского, подержанной в наши годы В.П. Зинченко, как полифункциональный орган, обладающий личностными и субъектными атрибутами, разнообразными свойствами и состояниями. Методический инструментарий создавался в рамках психосемантического подхода. Эмпирические данные, полученные на выборках студентов, казалось бы, показывали из года в год благополучную картину – студенты чаще всего высоко оценивают факт наличия у них работающей совести. Обнаружилось, что выраженность фактора «Работающая совесть», наряду с предпочтением христианских ценностей, находится в значимой позитивной корреляционной связи с такими признаками, как уровень интеллекта и самоконтроль поведения, и в негативной – с тревожностью, доминантностью, напряженностью потребностей (16PF). Однако в срезе, полученном в 2011 году, обнаруживается ослабление корреляционных связей фактора «Работающая совесть» с позитивными поведенческими показателями, но получена значимая связь со шкалой закрытости от внутреннего мира (МИС). Эти результаты позволяют по-новому рассмотреть данные, полученные с помощью опросников свойств и состояний совести и высказать в качестве теоретической гипотезы предположение о возможном превращении совести современного человека в некий симулякр, характеризующийся тем, что признание совести стержнем личности, лучшим советчиком, дарящим душевный мир, демонстрация предпочтения нравственных идеалов не обуславливают соответствующих нравственных свойств личности и нравственного поведения, но содержит оттенок социальной желательности ответов.

Противоположность научного и религиозного путей познания феномена духовности: реальность или миф?

О.И. Муравьёва (Томск)

Opposition of scientific and religious ways of cognition of the spirituality phenomenon: reality or myth? —
O.I. Muravieva (Tomsk)

Одной из актуальных проблем современной отечественной психологии является проблема духовности. И поскольку изучение этой проблемы имеет большую традицию в рамках религиозного знания, не случайно, что психологи все чаще и чаще обращаются именно к этим текстам для аргументации своих научных идей и позиций. И здесь возникает вопрос, насколько это эпистемологически обосновано? Если проследить интеллектуальные отношения науки и богословия, то можно увидеть, что еще 30-40 лет назад эти отношения были конфронтационные. Причем инициатива исходила именно от ученых, богословы же никогда не воспринимали научное знание как неадекватное. В 90-е годы исследователями-психологами уже признается право на существование религиозного пути познания духовности, однако интеграция этого знания в научный дискурс, по-прежнему, воспринимается как недопустимая. Максимум, на что могут «подписать» светские ученые – это на «взаимное дополнение результатов поисков и размышлений светских ученых и богословов». Несмотря на то, что за последние 10-15 лет произошло оформление и признание научным сообществом такого направления как христианская психология, все-таки ее воспринимают скорее как тропу, идущую параллельно «столбовой дороге» психологии. И негласно полагается, что если в рамках этого направления и допустимо использовать религиозные тексты, то остальная психология должна относиться к ним с осторожностью.

Одной из причин такого недоверчивого отношения к знаниям, полученным в рамках религиозной традиции, является положение о принципиальном различии между научным и религиозным знанием. Общепринятым считается тезис о том, что религиозное знание иррационально, поскольку основано на вере (и поэтому неистинно), а научное рационально, поскольку опирается на теорию познания и логику (и поэтому истинно). Но если хотя бы чуть-чуть отвлечься от завораживающего очарования таких слов как теория познания, рациональность, логика, то можно увидеть, насколько логически ошибочен этот вывод. Считается, что религиозное знание основано на догматах, принимаемых на веру, т.е. априорно. И это правда. Но ведь по той же самой схеме «устроена» и теория познания. Декарт, стоявший у ее истоков, сформулировал базовые принципы классической рациональности отнюдь не в результате эмпирического опыта, но при помощи философского дискурса, который имеет другую эпистемологическую природу, нежели естественнонаучное знание. И логический парадокс заключается в том, что фундаментальное положение картезианской философии о том, что теория только тогда может быть истинной, когда опирается на непосредственно наблюдаемые эмпирические факты, принято априорно. А значит, вполне можно усомниться в истинности не только картезианского рационализма, но и всей теории познания. Что, собственно, и доказывается всем последующим ходом развития методологии и теории науки: на смену классической рациональности в 50-х годах XX в. пришла неклассическая, которая в настоящее время сменяется постнеклассической.

Но не в этом моя главная мысль. А в том, что и научный, и религиозный типы познания идентичны в своих началах: в основе и религиозного, и научного знания всегда лежат априорно, т.е. на веру, принимаемые положения, которые потом проверяются на практике. Именно поэтому тезис о принципиальной противоположности религиозного и научного пути познания кажется более чем сомнительным.

Программы арт-терапии в церковных сообществах

Н.А. Пивоварова (Санкт-Петербург)

Art-therapy programmes in Orthodox communities — *N.A. Pivovarova (Saint-Petersburg)*

Детская арт-студия как возможность развития творческих способностей, коммуникативных навыков, повышения церковной компетентности, формирования духовных потребностей и предупреждения асоциального поведения. Практика применения методов арт-терапии в работе с детьми православного прихода Свв. равноапостольных Константина и Елены на ул. Доблести, СПб.

Основные принципы работы, на которых базируется психологическое сопровождение занятий и механизмы коррекционного и развивающего воздействия арт-терапии. Использование образовательных технологий, дополняющих приемы арт-терапии в занятиях с детьми и подростками.

Возможности арт-терапии, как метода психологической работы для достижения положительных изменений в состоянии людей преклонного возраста. Привлечение потенциала арт-терапии для решения задач: внутриспихической стабилизации, повышения психической активности, снижения социальной изоляции, повышения самоуважения.

Улучшение качества жизни пожилых людей, оптимизация функционального состояния и общего уровня психосоциальной адаптации – основная цель работы психолога – арт-терапевта в учреждении социального обслуживания людей пожилого и старческого возраста «Покровская обитель».

Одна из основных функций арт-терапевта: поддержка интереса к занятиям, помогающим отреагировать чувства горя и тоски, почувствовать свою полезность, связь с внешним миром и Богом и стать одним из способов преодоления боли и страдания.

Обратная связь от участников занятий о функциях арт-терапевтических занятий: активизации, коррекции состояния и поддержания самооценки, коммуникации, релаксации, принятия своего жизненного пути.

Необходимые условия для эффективной работы психолога, использующего влияние творчества на работу души по обретению целостности на склоне лет.

Возможности и предпосылки для успешной интеграции арт-терапевтических услуг в деятельность церковно-просветительских и социальных учреждений, занимающихся адаптацией и интеграцией в общество социально исключенных групп.

Профессионально важные качества пастыря в душепопечительской деятельности.

Ин. Иларион (И.Л. Потапов) (Санкт-Петербург)

The important professional traits of priest in treating of human sou — *En. Ilarion (I.L. Potapov)*
(*Saint-Petersburg*)

Люди часто спрашивают: «Где найти духовного отца?», страдая от неудовлетворенности своей жизнью и от потребности в руководстве ею опытным духовником.

Обычно им в ответ говорят, что как раз в этом поиске и заключается духовный труд верующего человека. Это трудно, но необходимо для правильной духовной жизни.

Не всякий священник может стать «духовным отцом» для верующих. Отцовство это редкий и особый дар – в человеческих взаимоотношениях необходимо мудрое руководство. Часто в межличностных отношениях людям приходится руководствоваться не только правилами этикета, но чем-то большим, неписанными нормами поведения. Для православного человека этими нормами являются заповеди любви, применять их в жизни к себе и другим учат святые отцы и духовники.

Новизна постановки проблемы пастырского душепопечения состоит в том, что ее решение может быть эффективным на стыке двух дисциплин — пастырского богословия и консультативной психологии. Внешне пастырское душепопечение напоминает работу психолога-консультанта по оказанию психологической помощи тем, кому она необходима. Однако пастырь, занимается не только последствиями проблем, возникших в жизни человека, но и лечением его «духовных заболеваний», являющихся, скорее всего, причиной осложнений в межличностных и внутриличностных взаимоотношениях.

В процессе душепопечения пастырь диагностирует духовное состояние пасомого, при рассмотрении проблем пасомого пастырь может применять умения и методы психологического консультирования. Для использования этих методов необходимо обладать определенным уровнем коммуникативной культуры и владеть мастерством консультанта. И в этом сочетании мудрого пастырского руководства с умелым использованием навыков психологического консультирования и высокого уровня коммуникативной культуры проявляются профессионально-важные качества (ПВК) пастыря.

Исследование показало, что такие ПВК и умения пастыря могут быть развиты в результате тренингов по коммуникативной культуре и обучению психологическому консультированию студентов духовных школ.

Участие в таких тренингах поможет студентами духовных школ лучше подготовиться к будущей душепопечительной деятельности.

Профессионально важные качества пастыря в душепопечительской деятельности.

Ин. Иларион (И.Л. Потапов) (Санкт-Петербург)

The important professional traits of priest in treating of human soul —
En. Ilarion (I.L. Potapov) (Saint-Petersburg)

Люди часто спрашивают: «Где найти духовного отца?», страдая от неудовлетворенности своей жизнью и от потребности в руководстве ею опытным духовником.

Обычно им в ответ говорят, что как раз в этом поиске и заключается духовный труд верующего человека. Это трудно, но необходимо для правильной духовной жизни.

Не всякий священник может стать «духовным отцом» для верующих. Отцовство это редкий и особый дар — в человеческих взаимоотношениях необходимо мудрое руководство. Часто в межличностных отношениях людям приходится руководствоваться не только правилами этикета, но чем-то большим, неписанными нормами поведения. Для православного человека этими нормами являются заповеди любви, применять их в жизни к себе и другим учат святые отцы и духовники.

Новизна постановки проблемы пастырского душепопечения состоит в том, что ее решение может быть эффективным на стыке двух дисциплин — пастырского богословия и консультативной психологии. Внешне пастырское душепопечение напоминает работу психолога-консультанта по оказанию психологической помощи тем, кому она необходима. Однако пастырь, занимается не только последствиями проблем, возникших в жизни человека, но и лечением его «духовных заболеваний», являющихся, скорее всего, причиной осложнений в межличностных и внутриличностных взаимоотношениях.

В процессе душепопечения пастырь диагностирует духовное состояние пасомого, при рассмотрении проблем пасомого пастырь может применять умения и методы психологического консультирования. Для использования этих методов необходимо обладать определенным уровнем коммуникативной культуры и владеть мастерством консультанта. И в этом сочетании мудрого пастырского руководства с умелым использованием навыков психологического консультирования и высокого уровня коммуникативной культуры проявляются профессионально-важные качества (ПВК) пастыря.

Исследование показало, что такие ПВК и умения пастыря могут быть развиты в результате тренингов по коммуникативной культуре и обучению психологическому консультированию студентов духовных школ.

Участие в таких тренингах поможет студентами духовных школ лучше подготовиться к будущей душепечительной деятельности.

Ценности и смыслы в социально-безопасном поведении верующих

И.Г. Самойлова, С.С. Чистяков (Кострома)

Values and meanings in the socially secure behavior of believers — *I.G. Samoilova, S.S. Chistyakov (Kostroma)*

Принятие норм религии может служить для личности ресурсом, обеспечивающим социально-безопасное поведение. Мы определяем социально-безопасное поведение верующих как особую форму социально-психологической адаптивности, включающую высокий уровень эмоционального комфорта, принятие себя и других, характеризующуюся высоким уровнем религиозности и низкой выраженностью признаков измененных состояний сознания.

Мы проверяли предположение о взаимосвязи базисных убеждений, ценностей, смыслов и показателей социально-безопасного поведения верующих. Базу исследования составили три группы верующих: православные (воцерковленные); представители протестантской веры (пятидесятники); люди, исповедующие индуизм (сахаджа-йоги). Средний возраст респондентов в группах – 33 года; по 15 мужчин и по 5 женщин в каждой группе; общий объем выборки – 60 чел.

Был использован следующий методический комплекс: «Ценностные ориентации» Ш. Шварца; «Шкала базисных убеждений» Р. Янофф-Бульман; тест СЖО Д. А. Леонтьева; опросники: социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда и признаков измененных состояний сознания (ИСС) Л. И. Спивака (1992); тест «ИНСПИРИТ» (в адаптации Н.В. Груздева, Д.Л. Спивака, 2004), методы математической статистики.

Представим наиболее интересные результаты исследования.

Уровень адаптивности православных тем выше, чем выше общая осмысленность жизни, частота духовных практик, уверенность в существовании Бога. Эти положения подтверждают выявленные прямые корреляционные связи между показателями «Адаптация» и «Осмысленность жизни»; между показателями «Адаптация» и «Частота духовных практик».

Степень включенности в духовную практику православных положительно коррелирует с эмоциональной комфортностью; приятием других людей; приятием себя; внутренним locus-ом контроля; удачливостью и «везением» в жизни.

Данные по группе пятидесятников противоречивы. Были выявлены обратные корреляционные связи показателя психологической безопасности с самооценкой религиозности и самооценки религиозности со шкалой «Справедливость окружающего мира». Видимо, участие в групповом молитвенном собрании с высокой степенью эмоциональной насыщенности приводит к искаженному восприятию окружающего мира. Однако само участие в религиозных обрядах дает верующим состояние повышенного эмоционального комфорта, хотя и временного, создающего иллюзию психологической защищенности. Таким образом, данный религиозный опыт мы относим к категории «ложного», эволюционно не являющегося оправданным и не ведущего к высшим духовным состояниям и «просветлению».

Высокий уровень адаптивности респондентов, практикующих сахаджа-йогу, связан с высокой степенью доверия к окружающему миру и способностью контролировать происходящие в жизни события. Получены также прямые корреляционные связи между показателями «Принятие себя» и «Ощущение Бога», что говорит о высоком уровне самопринятия себя как духовной личности.

Чем ниже ИСС по частоте и интенсивности проявлений, тем более адекватна собственная самооценка и более выражена уверенность в своей защищенности. Низкие частота и интенсивность ИСС у сахаджа-йогов создают духовные состояния, ведущие в социальном мире к эмоциональному балансу. Положительная взаимосвязь между показателями «Равенство» и «Адаптация» означает, что отношения равноправия и партнерства способствуют большей адаптивности этой группы верующих.

В качестве итога хотелось бы наметить исследовательскую перспективу — поиск критериев отличий деструктивной религиозной практики от «подлинной» духовной практики как эволюционно-необходимого человеку духовного пути, ведущего к «просветлению».

Ценности и смыслы в социально-безопасном поведении верующих

И.Г. Самойлова, С.С. Чистяков (Кострома)

Values and meanings in the socially secure behavior of believers — *I.G. Samoilova, S.S. Chistyakov (Kostroma)*

Принятие норм религии может служить для личности ресурсом, обеспечивающим социально-безопасное поведение. Мы определяем социально-безопасное поведение верующих как особую форму социально-психологической адаптивности, включающую высокий уровень эмоционального комфорта, принятие себя и других, характеризующуюся высоким уровнем религиозности и низкой выраженностью признаков измененных состояний сознания.

Мы проверяли предположение о взаимосвязи базисных убеждений, ценностей, смыслов и показателей социально-безопасного поведения верующих. Базу исследования составили три группы верующих: православные (воцерковленные); представители протестантской веры (пятидесятники); люди, исповедующие индуизм (сахаджа-йоги). Средний возраст респондентов в группах — 33 года; по 15 мужчин и по 5 женщин в каждой группе; общий объем выборки — 60 чел.

Был использован следующий методический комплекс: «Ценностные ориентации» Ш. Шварца; «Шкала базисных убеждений» Р. Янофф-Бульман; тест СЖО Д. А. Леонтьева; опросники: социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда и признаков измененных состояний сознания (ИСС) Л. И. Спивака (1992); тест «ИНСПИРИТ» (в адаптации Н.В. Груздева, Д.Л. Спивака, 2004), методы математической статистики.

Представим наиболее интересные результаты исследования.

Уровень адаптивности православных тем выше, чем выше общая осмысленность жизни, частота духовных практик, уверенность в существовании Бога. Эти положения подтверждают выявленные прямые корреляционные связи между показателями «Адаптация» и «Осмысленность жизни»; между показателями «Адаптация» и «Частота духовных практик».

Степень включенности в духовную практику православных положительно коррелирует с эмоциональной комфортностью; приятием других людей; приятием себя; внутренним локусом контроля; удачливостью и «везением» в жизни.

Данные по группе пятидесятников противоречивы. Были выявлены обратные корреляционные связи показателя психологической безопасности с самооценкой религиозности и самооценки религиозности со шкалой «Справедливость окружающего мира». Видимо, участие в групповом молитвенном собрании с высокой степенью эмоциональной насыщенности приводит к искаженному восприятию окружающего мира. Однако само участие в религиозных обрядах дает верующим состояние повышенного эмоционального комфорта, хотя и временного, создающего иллюзию психологической защищенности. Таким образом, данный религиозный опыт мы относим к категории «ложного», эволюционно не являющегося оправданным и не ведущего к высшим духовным состояниям и «просветлению».

Высокий уровень адаптивности респондентов, практикующих сахаджа-йогу, связан с высокой степенью доверия к окружающему миру и способностью контролировать происходящие

в жизни события. Получены также прямые корреляционные связи между показателями «Принятие себя» и «Ощущение Бога», что говорит о высоком уровне самопринятия себя как духовной личности.

Чем ниже ИСС по частоте и интенсивности проявлений, тем более адекватна собственная самооценка и более выражена уверенность в своей защищенности. Низкие частота и интенсивность ИСС у сахаджа-йогов создают духовные состояния, ведущие в социальном мире к эмоциональному балансу. Положительная взаимосвязь между показателями «Равенство» и «Адаптация» означает, что отношения равноправия и партнерства способствуют большей адаптивности этой группы верующих.

В качестве итога хотелось бы наметить исследовательскую перспективу — поиск критериев отличий деструктивной религиозной практики от «подлинной» духовной практики как эволюционно-необходимого человеку духовного пути, ведущего к «просветлению».

Духовно-ориентированная программа реабилитации наркозависимых

Протоиерей Сергей Бельков (Санкт-Петербург)

Spiritual-oriented program of addicts' rehabilitation — *Archpriest Sergij Bel'kov (Saint-Petersburg)*

Хорошо известна низкая эффективность медико-психологической реабилитации наркозависимых. Подлинное исцеление от наркомании, как показывает опыт, возможно при условии изменения сознания и образа жизни наркозависимого человека в соответствии с обретаемым смыслом индивидуального бытия и выстраиваемой им вновь иерархией ценностей. Православная психотерапия видит источник этой болезни в страстях человека, поэтому ее методология имеет свои особенности: первая состоит в том, что Бог в духовно-ориентированных программах, базирующихся на православном вероучении, является основным деятелем реабилитационного процесса. Вторая особенность — при участии в реабилитационных программах различных специалистов-психологов, педагогов, врачей, социальных работников ключевая роль принадлежит священнику как совершителю таинств Церкви. Третья — духовная психотерапия людей с патологическими зависимостями, которая используется в Русской Православной Церкви, рассматривает человека не только как больного, нуждающегося в лечении тела, психотерапии, психокоррекции, но и как страждущего грешника, которому необходимо избавление от страстей — лечение на духовном уровне. Описание зависимого аддиктивного поведения имеет большое сходство с описанием поведения человека, подверженного страсти. Исцеление от страсти, патологической зависимости может быть полноценным, если наряду с исцелением тела и души происходит и духовное оздоровление, которое начинается с метанойи — изменения ума и покаяния.

В нашем центре разработана духовно-ориентированная программа реабилитации наркозависимых, которая включает коррекционно-педагогический компонент, образовательный, социально-терапевтический и духовно-психологический, а также постреабилитационную поддержку.

Хотелось бы подчеркнуть, что алкоголизация и наркотизация распространяется в том обществе, в котором утрачиваются духовно-нравственные ориентиры и высший смысл человеческого существования, когда исчезает понятие греха (как некоего табу) и насаждается культ примитивных «наслаждений». Это расплата за идеологию потребления, культ материального преуспеяния, бездуховность и утрату подлинных идеалов.

Преодоление деструктивных взаимоотношений в семье с ребёнком-инвалидом

В.В. Стоякова (Санкт Петербург)

Overcoming the destructive relationships in the family with disabled child —
V.V. Stoyakova (Saint-Petersburg)

Основная проблема, с которой обращаются к психологу матери, воспитывающие детей-инвалидов – это нарушенные взаимоотношения в семье и сопутствующие им чувства: одиночества, страха, гнева, вины, зависти, усталости, отчаяния и безысходности. Причина этого – следование за ценностями современного мира – здоровое красивое тело, развитый высокий интеллект ребёнка, материальный достаток... А по факту – практически необучаемый ребёнок с внешними уродствами, бросивший семью супруг, нищета и невозможность остаться наедине с собой хоть на час в течение долгих лет... Комплекс неполноценности, позиция жертвы, отвращение к себе и больному ребёнку, ропот и обида на весь мир крепнут и растут. Не умея самостоятельно справиться с этими проблемами, матери ещё больше погружаются в болезнь ребёнка, становятся одним целым с ней, и увлекают за собой все те здоровые части личности ребёнка, которые можно и нужно было развивать – дух, душу.

Матерям детей-инвалидов, имеющим веру, легче переносить подобные трудные обстоятельства своей жизни. Доверие Богу укрепляет их в терпении при перенесении скорбей, помогает в принятии Промысла Божия, за которым они прозревают жизненно-важные смыслы, наполняет сердце надеждой.

Не привязанность, лишаящая свободы, не болезненная зависимость, полная страхов, а зрелая любовь, наиболее точное и полное определение свойств которой мы находим у апостола Павла: ...долготерпит, милосердствует, не завидует, ... не ищет своего, не раздражается... и никогда не перестаёт...

Литература, описывающая жития святых, которые имели различные тяжелые недуги и жили при этом высоко духовной и осмысленной жизнью открывает таким матерям огромные возможности развития и перспективы стать нужным и полезным людям.

Главное, чем мать может помочь своему больному ребёнку – это САМОЙ стать духовно здоровой, уметь быть любящей и любимой, уметь хранить мир и радость в душе в любых обстоятельствах её и тогда ребёнок научится от неё быть таким же.

Опыт показывает, что интеллектуальные и физические нарушения не влияют на способность таких детей любить, радоваться, удивляться, напротив, такие дети острее чувствуют красоту, проявляют доброту, умеют быть благодарными за малое, у них мощнее воля жить и быть самостоятельными, нужными.

Поскольку ясно, что такие женщины нуждаются в психологической помощи, а все вышеописанные проблемы этих матерей имели сходство с типичными проявлениями созависимости и личностной незрелости, была разработана программа «Преодоление деструктивных взаимоотношений в семьях с ребёнком-инвалидом».

Об эффективности данной программы можно судить пока только по имеющимся отзывам матерей, получивших такого вида помощь, а отзывы переполнены радостью и благодарностью за те глобальные положительные перемены, которые произошли и в самих женщинах, их физическом, душевном и духовном состоянии, их взаимоотношениях с детьми и родителями. Изменения проявились и в поведении детей, и в личной жизни, и в расширении круга общения, и в появлении новых интересов. Ну а главное, наверное, всё же в мощной переоценке смысла: как болезни, так и дальнейшей жизни ребёнка-инвалида.

К вопросу измерения уровня религиозности практикующих классическую хатха-йогу

Е.Т. Хандурова (Кострома)

On The Measurement of Religiosity of The Classical Hatha Yoga Practitioners — *E.N. Kbandurova (Kostroma)*

С тех пор, как западная наука открыла для себя Восток во всем его многообразии, существует проблема адаптации научной терминологии, основанной на западных ценностях, для изучения «незападных» обществ.

Приступив к исследованию проблемы соотношения этнической и религиозной идентичности русских последователей восточных религиозных практик, мы столкнулись с дефицитом в современном научном аппарате методик, позволяющих оценить уровень религиозности вышеозначенной группы.

Тест «ИНСПИРИТ» (Индекс базовых духовных переживаний), Index of Core Religious Experience Дж. Касса) считается на сегодняшний день наиболее авторитетной методикой практической экспресс-оценки религиозности. Отметим, что понятие «религиозность» в тексте опросника равно по значению понятию «духовность». Тест «ИНСПИРИТ» содержит 7 шкал, которые характеризуют наиболее стабильные личностные установки, которые мало меняются по ходу жизни. Но до сих пор остается неизученной возможность его применения для оценки уровня религиозности (духовности) представителей «восточных» практик.

Одной из основных трудностей, с которой мы столкнулись, стала сложность корректно и адекватно сформулировать вопрос теста так, чтобы он одновременно давал нам возможность сделать замер и в тоже время вписывался в рамки восточной философии, особенно «атеистической религии» – буддизма, акцент в которой сделан не на религиозную веру, а на практический опыт и знания, приобретаемые посредством самонаблюдения (випассана) и самораскрытия («сатори», «просветление»). Мы пришли к необходимости модифицировать «ИНСПИРИТ» для нужд нашего исследования. Шкалы модифицированного варианта опросника выглядят следующим образом:

1. Самооценка религиозности;
2. Частота религиозной/духовной практики;
3. Ощущение присутствия «мощной духовной силы»;
4. Ощущение близости к Богу (Высшему воплощению);
5. Уверенность в существовании Бога (Высшего Воплощения);
6. Принятие концепции «Бог (как высшая духовная реализация) внутри человека»;
7. Выраженность духовных переживаний.

Модифицированный вариант опросника «ИНСПИРИТ» был апробирован на группе практикующих классическую хатха-йогу. Всего в обследовании приняло участие 20 женщин в возрасте от 23 до 46 лет с различным стажем практики. В анкете обследуемым дополнительно было предложено обозначить свою религиозную принадлежность. Соотношение получилось следующее:

- православные христиане – 16 чел;
- атеисты – 1 чел;
- буддисты – 1 чел;
- отказались указать свою религиозную принадлежность – 2 чел;

В итоге при умеренной религиозности (2,4), средней выраженности ощущения близости к Богу (2,6), средней частоте религиозной/духовной практики (3) и среднем уровне выраженности духовных переживаний (2,44) практикующие ощущают присутствия «мощной духовной силы» (3,2), уверены в существовании Бога (Высшего Воплощения) (3,4) и полностью принимают концепцию «Бог внутри человека» (4).

Наиболее убедительным духовным переживанием оказался опыт «близости смерти» или «жизни после смерти». Таким образом, данные исследования позволяют сделать вывод о том, что религиозный опыт практикующих классическую хатха-йогу имеет трансперсональ-

ную природу, что выражается в ощущении присутствия «мощной духовной силы», которая созвучна «Богу внутри человека», и не зависит от внешней (ритуальной) стороны практики.

Разумеется, результатов этого исследования недостаточно для того, чтобы сделать достоверные выводы относительно уровня религиозности испытуемых. Мы намерены и далее продолжать работу в этом направлении.

Семейные отношения и психологические характеристики религиозности родителей

Д.М.Чумакова (Курган)

Family relations and psychological characteristics of parent's religiousness — *D.M. Chumakova (Kurgan)*

Целью исследования является выявление взаимосвязей между особенностями религиозности личности и некоторыми параметрами социального взаимодействия семье. Гипотеза: особенности применения наказаний родителями связаны с религиозными особенностями их личности. Родители с более высокими показателями по шкале религиозности более толерантны к своим детям и реже их наказывают. В ситуации применения физических наказаний они не склонны снимать с себя ответственность за свое поведение. Описание исследования. Выборку исследования составили девяносто семь человек в возрасте от 22 и до 45 (80 женщин, 17 мужчин, средний возраст 31.5 года), имеющих детей в возрасте до 16 лет. В исследовании были использованы следующие методики: 1. Опросник частоты применения родителями физических наказаний (Deneker, Perrez, Ewert, Moggi). 2. Опросник частоты применения родителями физических наказаний (Deneker, Perrez, Ewert, Moggi). 3. Шкала толерантности родителей к поведенческим проявлениям ребенка (Perrez). 4. Шкала времени, прошедшего с момента последнего физического наказания (Perrez) 5. Шкала измерения религиозности личности (DeJong, Faulkner, Warland). Результаты и выводы. Корреляционный анализ показателей вышеназванных шкал подтвердил гипотезу. Родители с высокими показателями по шкале религиозности реже прибегают к наказаниям своих детей, в том числе к физическим наказаниям. Родители, имеющие более высокие показатели по шкале религиозности личности, в ситуации физических наказаний своих детей в целом принимают ответственность за свое поведение. В этом случае родители с высокими показателями по шкале религиозности в большей степени демонстрируют интрапунитивные реакции. Они упрекают себя и не склонны прибегать к самооправданиям и уходу от ответственности за свое поведение. Вместе с тем, они не склонны обсуждать проблему со своим партнером и просить прощения у ребенка.

Эвристическая ценность христианской концепции человека для современной психологии

Л.Ф. Шеховцова (Санкт-Петербург)

Value of Christian conception of human being for modern psychology —
L.F. Shechbortcova (Saint-Petersburg)

Ориентация на позитивизм и естественно-научную методологию, характерная для мировой и российской психологии на протяжении значительного периода ее развития, дала психологии много, однако целый ряд проблем остается до сих пор нерешенным: материалистическое решение ряда психологических проблем очень часто оказывается несостоятельным. Без ответа остаются вопросы: зачем, как, для чего должен развиваться человек? Каково направление и критерии развития психических функций и образований личности? Категория «совершенства» никогда не входила в понятийный аппарат позитивистской психологии,

традиционно оставаясь в рамках этики, философии, богословия. Это искусственное отсечение тормозило теорию психического развития. Ключ к решению этих практически важных задач находится в плоскости теоретических представлений психологии о сущности и природе человека, личности, «Я», сознания и самосознания, интеллекта и воли человека.

Сегодня практика психотерапевтической работы открывает и утверждает важность выделения в человеке духовного компонента. В конце XX века психологи осознали усеченность и неполноту познания человека, если пренебрегать категорией «духа» и духовности. Представления о духовной природе человека неоднородны, так как основываются на различных духовных и религиозных учениях, сегодня чаще всего оккультных. Особенностью данного исторического этапа в российской психологии является то, что в ней уже нет одной «единственно верной» методологической парадигмы. Открывающаяся сегодня перед психологией возможность выбора методолого-теоретических подходов и ориентаций позволяет ей осуществить свободу выбора того мировоззрения, которое окажется наиболее адекватным её предмету.

Понимание заданности сознания, духовности типом культуры, возросшей на определенном культе – религиозном корне, побуждает отечественную психологию обратить внимание на концепцию человека в восточном христианстве.

Экзистенциальная психология

Исследование субъектной активности и жизненных перспектив личности

Н.С. Акелян, Е.В. Улько (Краснодар)

Research of subjective activity and life perspective of personality – *N.S. Akelyan, E.V. Ulko (Krasnodar)*

Ориентация на анализ закономерностей проявления смыслового уровня личности в определенных феноменах её бытийности выражена в общей формулировке основного вопроса исследования – как соотносятся проявления личности как субъекта своего индивидуального жизненного пути (особенности жизненных перспектив) с характером активности в настоящем. В конкретных жизненных периодах, ситуациях, поступках реализуемая человеком активность может характеризоваться различной степенью проявления субъектности личности. Субъектная активность отчетливо проявляется в видах деятельности, в которые человек инициативно включается, осмысленно регулирует и творчески преобразовывает.

Внешнее окружение, в частности пространство вуза, является условием реализации личностью субъектной активности. Студенту предоставлена возможность необязательного включения в разнообразные мероприятия, организации и т.п. Участие в них наполнено для личности определенными жизненными смыслами, в разной степени соотносится с жизненными перспективами. Мы сталкиваемся с различными по своей сути психологическими явлениями при общем внешнем проявлении.

В ходе исследования специфики субъектной активности студентов (степень включения, направленность и смысловое обоснование участия в необязательных вузовских мероприятиях) при использовании метода кластерного анализа были выделены четыре основных варианта. «Избирательно-инвестиционная» – высокая степень избирательности, обоснованности и меры включенности; четкое определение ситуативной и пролонгированной значимости конкретной деятельности, выраженная ориентация на успешность. «Менеджерская ориентация» – высокая включенность в разнообразные мероприятия, связанные с проявлением организаторских качеств, обоснование значимости развития этих качеств личности для будущего профессионального функционирования. «Презентационная» – максимальная частота участия в разнонаправленных по содержанию мероприятиях, значимость презентации себя, активность

как привычный способ жизни, выраженная ориентация на настоящее. «Межличностная ориентация» – средне выраженная степень участия в мероприятиях, выбор направленности связан с возможностью желаемых межличностных контактов, значимость деятельности определяется ситуативными целями и интересами. Была выявлена специфика структурно-содержательных характеристик жизненных перспектив личности у студентов из выделенных групп. Они различаются протяженностью жизненных перспектив, степенью широты охвата значимыми событиями разнообразных сфер жизни, структурированностью и иерархизированностью ожидаемых событий. Одним из наиболее существенных отличительных параметров явился показатель меры и характера соотношенности смысловой наполненности конкретных деятельностей студентов в настоящем и своеобразия их жизненных смыслов и перспектив. Данный показатель позволяет охарактеризовать возможность реализации значимой функции личности как субъекта её бытия – упорядочивать систему своих жизненных отношений и связывать различные виды активности, реализуемой как в локальных событиях, так и на протяженных периодах жизни.

Проведенное исследование позволяет выделить специфику проявления личностью субъектной активности сообразно определенной жизненной ситуации, конкретизировать характер соотношения смысловых обоснований жизненных перспектив и осмыслением реализуемой активности в настоящем.

Доверие как фактор самоактуализации

Е.Н. Биличенко (Краснодар)

Trust as a factor in self-actualization — E.N. Bilichenko (Krasnodar)

Доверие к себе как одна из наиболее важных координат личности была выделена представителями гуманистического направления (А.Маслоу, К.Роджерс), считавшими, что психически здоровая личность обладает способностью самораскрытия, умением доверять хотя бы одному близкому человеку. Доверие к себе, как психологический феномен и личностная черта остается в контексте проблематики самоактуализации личности.

Доверие к себе, по мнению Т.П.Скрипкиной, является условием существования личности как автономного суверенного субъекта активности, способного к постановке и достижению собственных целей. Следовательно, можно предположить, что доверие к себе связано с самоактуализацией личности.

В данной работе представлены результаты исследования связи самоактуализации и доверия к себе у студентов артономических специальностей (профессии «человек-художественный образ» в типологии Климова Е.А.). В исследовании приняли участие студенты 1 и 4 курсов факультета архитектуры и дизайна Кубанского госуниверситета. Всего 55 человек: студенты 1 курса- 25 человек, студенты 4-го курса – 30 человек. Методики исследования: Самоактуализационный тест «САТ» Э.Шостома; методика оценки доверия к себе Т.П. Скрипкиной.

По итогам исследования выявлено, что у всех респондентов наблюдается связь самоактуализации и доверия, но на разных этапах обучения проявляются особенности в этой взаимосвязи.

У первокурсников обнаружены следующие связи основных шкал САТа с различными сферами доверия к себе: ориентация во времени связана с доверием к себе в профессиональной деятельности ($r = 0,58$ $p < ,05$), решении бытовых проблем ($r = 0,66$ $p < ,05$), в отношениях с друзьями ($r = 0,56$ $p < ,05$), умении организовать досуг ($r = 0,64$ $p < ,05$). Шкала поддержки имеет связь с доверием к себе в интеллектуальной сфере ($r = 0,62$ $p < ,05$). Т.е. доверие к себе в профессиональной деятельности, решении бытовых проблем, отношениях с друзьями, умении организовать свой досуг связано со способностью переживать настоящие моменты жизни во всей полноте. Такие личностные характеристики, как независимость в своих поступках,

стремление руководствоваться в жизни собственными целями, убеждениями, установками и принципами, свобода в выборе связаны с доверием к себе в интеллектуальной сфере.

У четверокурсников также обнаружены связи с основными шкалами САТа. Способность переживать каждый момент своей жизни, видеть жизнь целостной связана с такими сферами, как доверие к себе в решении бытовых проблем ($r = 0,5$ $p < ,05$), умении строить взаимоотношения в семье ($r = 0,5$ $p < ,05$). Шкала поддержки, т.е. независимость в своих поступках, стремление руководствоваться в жизни собственными целями, убеждениями, установками и принципами, свобода в выборе связана с такими шкалами, как доверие к себе в интеллектуальной сфере ($r = 0,52$ $p < ,05$), в умении строить взаимоотношения в семье ($r = 0,52$ $p < ,05$), с родителями ($r = 0,78$ $p < ,05$) и с друзьями ($r = 0,6$ $p < ,05$). Для четверокурсников наиболее «нагруженными» корреляционными связями с самоактуализацией являются следующие шкалы: доверие к себе в отношениях с друзьями, семьей, родителями.

Таким образом, для студентов артономических специальностей процесс самоактуализации связан с доверием к себе. Возможно, это обусловлено тем, что студенты в процессе обучения и производственной практики видят конкретные результаты своего труда, воплощают свой замысел в реальном предмете, что повышает доверие к себе как «умелой», созидающей личности.

Вымышленное Я как отражение бытия личности

А.И. Бондаренко-Глазунова, Ю.Б. Шлыкova (Краснодар)

Fictitious Self as reflection of personal existence — *A.I. Bondarenko-Glasunova, Y.B. Shlikova (Krasnodar)*

Гуманистический подход к человеку и его развитию, предполагает, что живой реальный человек не сводится к совокупности психических и физиологических функций, а существует как уникальное Я, как интегральное единство телесного, душевного и духовного опыта. И в этом ключе сложно отрицать вымышленную сторону человеческой природы.

Феномен построения «легенд о себе» (Е.Е. Сапогова) встречается у вполне здоровых, реализованных профессионально, склонных к рефлексии взрослых людей со скрытыми внутренними конфликтами. С помощью «легенд о себе», вымышленных историй личность дополняет свои смыслы, расширяет границы собственного «Я». Кроме того, «придуманные жизни» становятся эмоциональной основой своеобразной самотерапии, интуитивно используемой взрослыми людьми.

Целью представленного исследования был психологический анализ феномена «Вымышленного-Я», как отражение ценностно-смысловой сферы личности.

На первом этапе исследования, мы искали людей, которые используют технику фантазирования о себе, создания устойчивых вымышленных образов себя на протяжении нескольких лет.

Согласно результатам нашего исследования «Вымышленное Я» отражает ценностно-смысловую сферу личности. Мы условно типологизировали нарративы с «вымышленным Я», взяв за основу типологию автобиографических текстов, обозначенную в диссертационной работе Шлыковой Ю.Б.

Так, деятельностный тип в своих фантазиях, как правило, демонстрирует приоритетность ценностей самореализации над межличностными отношениями. «И вот я окончила институт с отличием, меня оставляют работать в Саратове. Замуж пока не вышла, на работе провожу очень много времени, зарекомендовала себя отличным криминалистом. Время идет, я выхожу замуж, мой муж прокурор, работает в Москве, у нас замечательная квартира, растет сын».

Социальный тип нарратива доминантной ценностью выдвигает межличностные отношения. Так, одна из наших исследуемых, часто представляет себя спасателем.

Экзистенциально-чувственный тип не конкретен. В фантазиях преобладают абстрактные модели. Например, исследуемая, отнесенная нами к этому типу, вот как описывает свою

фантазию о том, что она писательница: «я не только вижу этот замечательный и светлый для меня образ, я ещё очень четко представляю те ощущения, которые несёт в себе эта роль... такой манящий концентрат одиночества, оторванность от всего мира и море, море фантазий, образов, чувств, голосов... они сумбурны и систематичны, они реальны и их не существует... но мне очень хочется подарить им жизнь, дать темп какой-то истории, мне кажется они уникальны, мимолётны и неповторимы...»

Далее мы проводили интервью, которое показало, что, сопоставляя в беседе свою реальность с собственным вымыслом о себе, личности открываются новые смыслы, новое знание о себе.

Основные результаты нашего исследования позволили сформулировать следующие выводы:

1. «Вымышленное Я» является отражением ценностно-смысловой сферы личности.
2. Определённому типу нарратива соответствует свой набор устойчивых ценностно-смысловых ориентаций.
3. Работа с «Вымышленным Я» способствует самораскрытию личности.

Проведенное исследование показывает, что внутренний мир человека, его ценностно-смысловые ориентации имеют свое отражение в вымышленных рассказах о себе, как особом воображаемом пространстве личности. Ведущей ценностно-смысловой ориентацией исследуемых оказалось стремление познать себя, осознать свое место в мире.

Иерархическая модель взаимосвязей экзистенциальных ресурсов с характеристиками личности

И.В. Брынза, Е.Ю. Рязанцева (Одесса, Украина)

Hierarchical model of intercommunications of existential resources with descriptions of personality — I.V. Brynza, E.U. Ryazantseva (Odesa, Ukraine)

Для изучения иерархической структуры взаимосвязей экзистенциальных ресурсов и спектра индивидуально-типологических и индивидуально-психологических характеристик личности нами использован кластерный анализ. Примененный агломеративный метод позволил объединить в группы изучаемые показатели (признаки) по их «схожести». Иерархическая модель, получена на выборке 325 человек. В психодиагностический комплекс вошли такие методики: авторский тест-опросник диагностики экзистенциальных ресурсов личности, тест жизнестойкости Д.А. Леонтьева, К.И. Рассказовой, тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, опросник заповеди блаженства Г.А. Аминовой, Р.И. Аминовой, индивидуально-типологический опросник Л.М. Собчик, методика диагностики ценностей в различных жизненных сферах Е.Б. Фанталовой, методика измерения уровня самоактуализации личности Н.Ф. Калиной, О.В. Лазуркина, опросник самоотношения В.В. Столина, С.Р. Пантелеева.

Полученное древо кластеризации представлено 3 кластерами, объединенными в один независимый кластер, которые демонстрируют наиболее тесные взаимосвязи (на уровне 0,2 единицы). В состав первого кластера вошло 13 показателей тесно связанных с «ресурсом свободы», в частности с показателями жизнестойкости (вовлеченностью, контролем, принятие риска, общим показателем жизнестойкости), показателем духовности (чистосердечностью), общим показателем смысложизненных ориентаций (осмысленность жизни), индивидуально-типологическими свойствами личности (ригидностью и экстраверсией), характеристиками самоактуализирующейся личности (ценностью, креативностью и общим показателем самоактуализации) и показателем самоотношения (саморуководство, самопослелательность). Второй кластер составляют 14 показателей, которые определенным образом группируются с «ресурсом смысла». Ресурс смысла демонстрирует интегративные связи с показателями самоотношения (глобальное самоотношение, самоуважение, аутосимпатия, ожидаемое отношение от других, самопринятие, самоинтерес), с ценностью счастливой семейной жизни, показателями смысложизненных ориентаций (цели в жизни, локус контроля – Я, локус контроля-Жизнь, результативность жизни, процесс жизни). В состав третьего кластера входят

сразу три экзистенциальных ресурса: ресурс милосердия, ресурс веры, ресурс принятия и общий показатель экзистенциальных ресурсов, которые тесно связаны с терминальными ценностями (любви и здоровья).

Подводя итог анализируемой иерархической модели взаимосвязей экзистенциальных ресурсов с изучаемыми характеристиками личности, необходимо отметить следующее. Представленная эмпирическая модель демонстрирует структурную организацию и закономерности в образовании связей между экзистенциальными ресурсами и индивидуально-типологическими, индивидуально-психологическими характеристиками личности. Каждый выявленный кластер отражает интегративные отношения между всей совокупностью входящих в него показателей.

Обнаруженные факты и анализ психологической литературы дают нам возможность рассматривать экзистенциальные ресурсы личности как интегративные индивидуально-психологические образования, раскрывающиеся в субъективной позиции по отношению к экзистенциальным данностям: свободе, смыслу, милосердию, принятию, вере. Связь экзистенциальных ресурсов с изучаемыми характеристиками личности, обуславливает особый, духовный тип отношений человека с миром, другими, собой и становится фундаментом его мировоззрения, мироощущения, миропонимания.

Человек на границе потенциального и актуального: производительность знаний

В.А. Буров, А.-В.В. Бурова (Москва)

The man on the border of the potential and actual: the performance of knowledge —
V.A. Burov, A.-V.V. Burova (Moscow)

Стремительное развитие коммуникации на рубеже 20-го и 21-го века радикально изменило представление людей о потенциально возможных для них культурных образцах жизни. Проблема в том: как и за счёт каких ресурсов человек может переместить открывающиеся через новый уровень информированности свои потенциальные возможности в пространство актуального индивидуального и социального бытия.

Производительность знаний была выделена нами как такой мало задействованный пока ресурс. Рассматривался вопрос технологического обеспечения этого ресурса.

Нетрудно заметить, что способность к получению результатов – производительность вроде бы одних и тех же формальных знаний при получении на их основе жизненных и производственных результатов у разных индивидуальных и групповых субъектов может отличаться буквально на несколько порядков.

Этот пример возник летом 2011 года в нашей работе с материалами единого государственного экзамена (ЕГЭ) по ряду предметов, из которых математика оказалась наиболее удобной для аналитики проявляющихся здесь новых целей и ценностей образования.

Практика школьных ЕГЭ по математике показывает, что отдельные задачи раздела С в настоящее время решаются менее чем одним из 500 выпускников: С1 – 20%, С2 – 4%, С3 – 1,5%, С4 – 0,18%, С5 – 0,22%, С6 – 0,16%.

Мы видим, что результаты обучения могут быть повышены в 500 раз. Дело в формируемой или не формируемой особой «субъектной структуре знаний» – их внутренней организации у индивидуального и группового субъекта. Знание носит личностный характер, позволяет человеку получать результаты на основе доверия к своему чувству профессиональной или жизненной ситуации (его специальной перцепции – способности к различениям) и умению осуществлять на этой основе эффективную коммуникацию с миром, другими и с самим собой (его транзактным базам).

Что это такое – субъектная структура знаний и в чём недостаток действующих образовательных технологий? Необходимо открыть нечто кроющееся здесь «потаённое». Шагом такого раскрытия «потаённого» является разрабатываемый нами концепция постнеклассического научного знания, постнеклассический научный метод и постнеклассические гуманитарные и социальные технологии.

Наши опыты показали, что необходимое здесь повышение производительности подготовки в 500 и более раз достижимо при внедрении в образовательную практику технологий формирования отвечающей уровню С заданий ЕГЭ субъектной структуры в форматах нейронального, внутриличностного, личностного и социального становления знания. Причём, не в хаосе чудовищной перегрузки школьников, разрушающей их здоровье, а за счёт новых высоких гуманитарных и социальных технологий. Это касается и студентов университетов и специалистов высшей квалификации.

Пока предполагается, что последние 3 задания будут выведены из ЕГЭ.

Мы полагаем, что сегодня школе необходимо не отступать от новых требований в старый низкопроизводительный технологический тупик. В рассмотренном нами виде ЕГЭ задаёт основные технологизируемые цели для новой модели системы образования.

Постнеклассическая модернизация знания откроет человеку и обществу ранее недоступные их потенциалы, создаст новые культурные образцы жизни с новым более высоким качеством жизни, а для многих, попавших в сложную жизненную ситуацию, окажется выходом из созданного старыми технологиями вторичного тупика и переходом к просто нормальному качеству жизни.

Самоценность как наиболее устойчивое и значимое психологическое образование

Е.В. Власов (Омск)

Self-worth as the most stable and significant psychological form — E.V. Vlasov (Omsk)

В последнее время уделяется большое внимание значению эмоционально-чувственного отношения к себе. Разработаны и предложены теоретические подходы, каждый из которых имеет свои отличительные черты, но не выявлено какое психологическое образование является наиболее устойчивым и значимым. Некоторые психологи (А.Ленгле, Х. Когут, О.Ф. Кенберг, С.Р. Пантелеев и др.) сходятся во взглядах о том, что поведение связано с представлениями личности о себе и зависит от них. Оно отражает неспособность человека поддерживать уровень адекватной самооценки и может говорить о неудачных попытках формирования стабильного представления личности о себе.

Сопоставляя взгляды отечественных и зарубежных психологов, можно выделить самоценность как основную характеристику эмоционально-ценностной подсистемы самоотношения. Это же подтверждает эмпирическое исследование, учитывающее гендерные особенности и проведенное с использованием методики по изучению чувства собственной значимости А.С. Шаров), модифицированного тест-опросника самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев), методики исследования межличностных отношений (Т. Лири), опросника «Нарциссические черты личности (О.А. Шамшикова) и корреляционного анализа.

Самоценность непосредственно «отражает эмоциональную оценку себя, своего «Я» по внутренним интимным критериям любви, духовности, богатства внутреннего мира» (С.Р. Пантелеев). Установлено, что в чувстве собственной значимости наиболее выраженными являются признаки общей самоценности. В самоотношении наиболее устойчивым признаком, имеющим наименьшую дисперсию, является самоценность.

При корреляции чувства собственной значимости с признаками отношения к себе, отмечается сильная связь с самоценностью, что указывает на наибольшую выраженность чувственного восприятия внутреннего мира и эмоциональное отношение к себе. Однако это эмоциональное отношение в мужчине выражается через приложение волевых усилий, подкрепляющих силу Я, а в женщинах с помощью создания благоприятной атмосферы.

В чувстве собственной значимости наибольшую связь с типами отношения к окружающим имеет общая самоценность. Так общая самоценность у мужчин имеет связь с подчиняемостью, а у женщин – с подозрительностью. Этим объясняется желание мужчин служить обществу, уважать старшего по званию или по должности. У женщин эмоциональное отношение к себе выражается в неприятии враждебности, повышенной чувствительности.

Также, установлено, что в чувстве собственной значимости только самооценność имеет взаимосвязь со всеми признаками нарциссических черт личности. Кроме того, самооценność в самоотношении связана с нарциссическими чертами личности. Это говорит не только об устойчивости и выраженности, но и влиянии на остальные рассматриваемые факторы.

В заключении отметим, что наиболее устойчивым и значимым психологическим образованием человека является самооценność, которая проявляется в чувстве собственной значимости, отношениях к себе и окружающим. Данное психологическое образование ориентировано, прежде всего, на эмоционально-ценностное отношение к себе, на способность чувствовать, ощущать, пребывать в определенном состоянии. Для достижения этого комфортного внутреннего состояния используются различные приемы, в основном чувственные, сопрягаемые с внешними установками. Позитивное и открытое эмоциональное отношение к себе проявляется в дружелюбном, теплом, адекватном и уравновешенном поведении. Негативное или закрытое эмоциональное отношение к себе проявляется в агрессивности и эксплуатации окружающих.

Ограниченность во времени как возможность актуализации авторства собственной жизни

С.И. Воронкина (Краснодар)

Limited in time as an opportunity to actualization of the authorship of your own life —
S.I. Voronkina (Krasnodar)

Каждый хочет быть автором собственной жизни, но не все действительно стремятся изменить свое бытие. Иногда человек «вдруг» преобразует свою жизнь, которая становится не легче, но более осознанной. Как правило, это касается тех, кто оказался в ситуации потери кого-то значимого. Возникает ощущение, что обесценивается и то, что еще «вчера» представлялось важным, утрачивает смысл. Появляется возможность соприкоснуться именно со своими истинными потребностями, желаниями, перестроить свою жизнь в соответствии с изменившимися жизненными приоритетами.

Исследователи феноменов смерти и умирания подчеркивают, что изменение качества собственной жизни, принятие ее во всем многообразии происходит, прежде всего, у тех, кто пережил околосмертный опыт. Они осознали хрупкость и мимолетность бытия как такового и собственной жизни (С.Гроф и Д.Хэлифакс, А.Минделл, И.Ялом и др.).

В жизни много ситуаций, связанных с временными рамками: при прощании успеть сказать главное, учителю успеть изложить новую тему и др. Осознавая, что время ограничено, говоришь главное, оставляя только нужные слова, стараясь передать самую суть. На тренингах, посвященных актуализации жизненных приоритетов через осознание конечности собственного бытия, участникам предлагаются задания, связанные с временным фреймом. Например, за 30 сек. сказать, что сегодня было самым значимым; давая обратную связь группе, уложиться в отведенное время и др. Участники отметили: чем меньше времени отводилось, тем ответственнее относились к тому, о чем хотели сказать. В итоге на одном полюсе оказались те, кто умолкал раньше, не используя время полностью. Возможно, они либо теряются в ситуациях временной ограниченности, либо умеют фокусироваться на главном. На другом полюсе те, кто, несмотря на инструкцию, выходили за рамки временных границ. Не исключено, что за таким стилем обращения со временем стоит иллюзия бесконечности жизни.

Для изучения осознания ценностно-смысловых ориентаций личности в условиях временной ограниченности был проведен опрос 80-ти студентов. Им было предложено «перед бесконечно долгим путешествием» попрощаться в течение 5 минут с одним человеком и сказать самое главное. Анализ показал, что наиболее часто в первом задании, выбирались мама (29 чел.), ребенок (23 чел.), любимый человек (14 чел.). Прежде всего, сказать им респонденты намеревались о своей любви. Несколько человек хотели бы просто «обнять»

близких, «смотреть в глаза», «молчать». Примечательно, что 67 человек отметили произошедшие с ними изменения, благодаря тому, что задумались о главном. Возникли не только эмоциональные состояния любви, грусти и пр., но, что важнее всего, желания «позвонить», «обнять», «встретиться» и др. Например, «сегодня вечером куплю цветы и встречу маму с работы».

Таким образом, осознание человеком актуального момента жизни, преходящего характера бытия, дает ему шанс строить свою собственную жизнь в соответствии со своими замыслами и проектами, согласно собственной иерархии ценностей.

Иерархическая модель самодетерминации в различных видах деятельности

Г.Б. Горская, М.С. Душко, А.Б. Федоренко (Краснодар)

Hierarchical model of self-determination in different types of activity — G.B. Gorskaya, M.S. Dusbko, A.B. Fedorenko (Krasnodar)

В психологии является широко принятым положение о сложной структуре средовых факторов, детерминирующих поведение. Его отражением может служить экологическая концепция У.Бронфенбреннера, концепция классов проблемностей в сложной операторской деятельности (Ю.Я.Голиков, А.Н.Костин); классификация психических состояний О.А.Прохорова; характеристика детерминации социально-психологического стресса Л.А.Китаева-Смыка, контекстные концепции управления (R.Stelger). В то же время остается мало исследованной проблема взаимосвязей разноуровневых средовых детерминант поведения, без учета которых невозможно получить реалистичную картину его регуляции.

В проведенных исследованиях на основе иерархической модели внутренней и внешней мотивации Р.Валлеранда исследовались особенности самодетерминации в различных видах деятельности. Основное положение концепции Р.Валлеранда заключается в том, что мотивация самодетерминации может проявляться на глобальном, контекстном и ситуативном уровне, каждый из которых задается различными по своей природе факторами. Разноуровневые компоненты мотивации находятся во взаимосвязи и вышележащие уровни оказывают влияние на нижележащие, хотя автор допускает и обратные влияния. Характер взаимосвязей разноуровневых компонентов мотивации, в конечном счете, предопределяет уровень самодетерминации в определенном виде деятельности.

В исследованиях установлена структурообразующая роль глобального уровня мотивации. Показано, что под влиянием общежитийской или бытийной глобальной мотивации формируются мотивационные структуры, которые проявляются в разной степени активности личности, готовности к самореализации, в различной степени устойчивости к препятствиям, возникающим при достижении значимых целей.

Данные исследований указывают на существование в структуре мотивации включения в учебную и спортивную деятельность компонентов, как способствующих, так и препятствующих проявлению самодетерминации ее субъектов.

Фактором, снижающим вероятность активного включения личности в деятельность, может быть установленное в исследованиях отсутствие на всех иерархических уровнях мотивации явного доминирования мотивов самореализации над мотивами жизнеобеспечения.

Установлено деструктивное влияние на уровень самодетерминации дисгармоничных взаимосвязей разноуровневых составляющих мотивации, а также слабой структурированности мотивации. Результаты исследований свидетельствуют о возможности усиления рассогласования разноуровневых компонентов мотивации под влиянием контекстных и ситуационных факторов.

Данные исследования свидетельствуют о конструктивности анализа побуждений к деятельности на основе многоуровневой концепции мотивации Р.Валлеранда. Он позволяет

установить внеситуативные мотивационные факторы, как блокирующие, так и стимулирующие активность личности, которые, как правило, остаются вне поля внимания исследователей и практиков, решающих задачу созданию условий, стимулирующих самодетерминацию субъектов деятельности. Это, прежде всего, касается компонентов мотивации глобального уровня.

Результаты проведенных формирующих экспериментов, показывают, что за счет целенаправленных воздействий на разноуровневые компоненты мотивации конкретного вида деятельности можно создать условия для гармонизации ее структуры и уровня самодетерминации субъектов деятельности.

Жизненный сценарий: исследования с позиций экзистенциального подхода

Н.В. Гришина (Санкт-Петербург)

Life script: research from the perspectives of existential approach — N. Grishina (Sankt-Petersburg)

Традиционными для отечественной психологии являются исследования жизненного пути, делающие акцент на формировании личности и субъекта деятельности на разных возрастных этапах (Б.Г.Ананьев) или использующие событийный подход (С.Л.Рубинштейн).

В рамках экзистенциального подхода жизненный путь рассматривается, прежде всего, как результат активности самого субъекта. Способность человека быть субъектом собственной жизни означает осуществление им выбора субъектной позиции по отношению к своим жизненным задачам и обстоятельствам. Именно изучение человека как субъекта жизнедеятельности требует дополнения традиционных описаний его жизненного пути экзистенциальным измерением. В ряде проведенных нами исследований было показано, что не просто жизненный опыт, но его субъективное переживание служит источником изменений в человеке и его жизненной истории, этот экзистенциальный аспект подчеркивает авторство человека как творца своей судьбы.

В рамках наших исследований понятие жизненного пути конкретизируется в изучении жизненного сценария человека; при этом различаются нормативный жизненный сценарий (как совокупность ряда обязательных событий, отвечающих представлениям своего времени) и индивидуальный жизненный сценарий (содержащий, наряду с нормативными компонентами, индивидуальные жизненные события, составляющие биографию конкретного человека).

Индивидуальный (личный) жизненный сценарий является результатом «жизнетворчества» самого человека. Активность человека как субъекта жизни можно охарактеризовать через направленность и реализацию изменений в жизненной ситуации индивида.

В исследованиях, выполненных под нашим руководством, предметом изучения была «индивидуализация» жизненного сценария. Полученные результаты позволяют рассматривать индивидуализацию жизненного сценария как вариативность ряда его характеристик (количество событий, выделяемых человеком в качестве значимых событий в его жизненной истории; содержание этих событий; оценка собственной жизни как дискретного набора событий или единого событийного ряда). Потенциально переломными моментами жизненного сценария, предопределяющими его дальнейшее развитие, являются жизненные выборы, а векторами изменений – жизненные планы и устремления человека. Изменение жизненной ситуации человека означает преобразование его жизненного пространства, что может включать в себя и переосмысление прошлого, в результате чего оно приобретает иное психологическое значение. Были получены данные о важнейшей роли фактора осмысления своей жизни как целостного процесса своего существования в переоценке прошлого опыта и восприятия его через связь с последующей жизнью как часть общего экзистенциального опыта. Новое видение своего прошлого преобразует прошлую перспективу жизненного пространства человека и тем самым изменяет его личную историю.

Изучение человека как субъекта жизни и субъектности как выбора субъектной позиции в ситуации предполагает использование в качестве методологической основы исследований ситуационного подхода. Ситуационный подход представляет собой совокупность теоретических, методологических и методических представлений, акцентирующих внимание на ситуационных и контекстуальных влияниях на поведение человека.

Одним из принципов, на котором строится ситуационный подход, – это принцип субъективной интерпретации ситуации, в соответствии с которым ситуация должна описываться исходя из субъективных представлений ее участников. Принятие этого принципа означает признание того, что человек не просто реагирует на ту или иную ситуацию, но, воспринимая и интерпретируя ее определенным образом, «определяя» ее, одновременно определяет себя в этой ситуации, фактически создавая, конструируя тот мир, в котором живет, и тем самым выступает как подлинный субъект «жизнетворчества», творец своей жизни.

Перспективы наших исследований связаны с разработкой понятия самотрансцендентности, которое, будучи фундаментальной онтологической характеристикой человека (В.Франкл), может быть, на наш взгляд, конструктивно использовано для разработки концепции субъектности.

Психологические особенности бытия личности суицидентов

А.Е. Демьяненко (Краснодар)

Psychological peculiarities of the being of the suiciders personality – *A.E. Demianenko (Krasnodar)*

Увеличение в современном обществе негативных явлений связанных с деструктивными формами поведения, требует научного осмысления и практического вмешательства со стороны психологов. Становится необходимым прояснение особенностей личностной бытийности суицидентов в современных условиях жизнедеятельности, а также определение модусов бытия личности, которые предрасполагают к аутодеструктивному поведению. В 2007-2011гг на базе ГУАРКПНД г.Майкопа, было проведено эмпирическое исследование, основная цель которого заключалась в нахождении связи между мировоззренческими установками и личностными свойствами людей с суицидальными проявлениями и спецификой модуса их бытия. Проверялась гипотеза: в качестве основ аутодеструктивного поведения выступает специфика модуса бытия личности.

Методика. В исследовании приняли участие 120 испытуемых, которые были разделены на две группы: 1 – лица с аутодеструктивными тенденциями и суицидальными побуждениями (60 чел.: 36 м. и 24 ж.); 2 – лица находящиеся в постсуицидальном состоянии (60 чел. 30 м. и 30 ж.), в возрасте от 18 до 60 лет (средний возраст в 1 группе 26,2, во второй 42,8). Эмпирическое исследование было проведено по следующим направлениям: 1) по специфике мотивации и особенности самосознания; 2) по особенностям психоэмоционального состояния в психотравмирующей ситуации; 3) по степени выраженности склонности к аутодеструктивным формам реагирования. Используются методики: (СМИЛ; ИТО; МЦВ; интриптация Л.Собчик), КОТ; «Незаконченные предложения»; ОСР, клиническая беседа, анкетные данные и наблюдение. Статистический анализ проводился с помощью использования t-критерия Стьюдента и хи-квадрата Пирсона.

Результаты исследования. По результатам исследования была определена специфика мотивации, в обеих группах превалировало желание найти выход из сложившейся психотравмирующей ситуации, воспринимаемой, как критической. Показатели ИТО 1 группа (Э=7,5; Сп.=5,3; А=3,9; Р=4,6; И=3,3; Сен.=5,9; Т=3,7; Л=6,9), 2 группа (Э=3,9; Сп.=3,6; А=3,6; Р=5,2; И=6,3; Сен.=6,1; Т=5,8; Л=4,9), ($p < 0,05$). Анализ усредненных показателей теста СМИЛ обнаружил статистически достоверные повышения значений по шкалам (1 группа: 2)D=58,8; 4)Pd=60,2; 8)Se=56,7; 2 группа 2)D=65,6; 4)Pd=63,2; 0)(интр.)= 64,1); ($p < 0,05$) (S-риск) .

Средние значения по ОСР выявило повышение по шкалам (1гр.: D=75; ВП=84,1; АФ=50; 2гр. Н=60; СКБ=71,7; ВП=86,8) ($p=0,03$).

Определение модуса бытия проводилось по следующим критериям: мотивационно-потребностная сфера; образ мира; структура поведения и ценностно-смысловая структура. В обеих группах определялись нарушения мотивационных аспектов проблемно-решающего поведения (занижение оценки своей способности к самостоятельному решению проблем), неэффективное разрешение противоречий (наличие внутреннего конфликта), снижение эмоциональной устойчивости, недостаточность самопонимания и низкие адаптивные возможности, утрата жизненной перспективы и смысла жизни, неверие в себя, нарушение когнитивной сферы. Данные показатели затрагивают все уровни личностной бытийности и позволяют рассмотреть способ существования личности суицидентов, как экстремальный.

Со-бытие супругов в семьях моряков

Е.Н. Диденко (Новороссийск)

Co-existence of the couple in seamen's families — E. N. Didenko (*Novorossiysk*)

Семья – это одно из бытийных пространств, в котором личность проявляет себя в качестве автора собственной жизни через выстраивание со-бытия с другим посредством «создания единого образа мира; обретения единства или сходства поведенческих паттернов; достижения телесной или организмичной синтонности, единства потребностного состояния». При этом удовлетворённость супругов своей личной жизнью и браком во многом зависит насколько удастся им урегулировать границы своего бытийного пространства с пространством партнёра.

Со-бытие супругов складывается во времени. И время как важное условие человеческого бытия может оказывать влияние на супружеские отношения как ресурс для согласования ими совместных действий либо служить источником прерывания этих отношений. В частности, супругам семей моряков из-за длительной разлуки приходится направлять усилия в своих взаимоотношениях не только на порождение новых форм единства, но и на восстановление прерванных связей, что привносит в их взаимоотношения дополнительные сложности в процессе выстраивания со-бытия.

В нашем исследовании в качестве факторов брачного со-бытия были изучены личностные особенности супругов (интернальность, потребность в приватности) и средовые условия (непрывность/прерывание непосредственного взаимодействия супругов; поддержка/отрицание супругом потребности в приватности брачного партнёра) с помощью следующих диагностических методов: беседы с применением авторских анкет, анкеты «Потребность в приватности и её поддержка брачным партнёром» А.Р. Тиводар, тест-опросника В.В. Столина, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко «Удовлетворённость браком», опросника «Локус контроля» Е.Г. Ксенофонтовой.

Как показало исследование, супруги семей моряков демонстрируют различия в когнитивных репрезентациях брачных отношений. Моряки более позитивно оценивают своё супружество в отличие от жён. Женщины из семей моряков испытывают противоречивые чувства к возвращению мужа из рейса. Кроме того, выявлено, что периодическое колебание бытийного пространства усиливает у женщин потребность в безопасности. Так, для жён моряков наиболее значимой оказывается потребность в приватности территории ($r_s = 0,506735$, $p < 0,05$). И эта потребность становится особенно значимой тогда, когда женщин не удовлетворяют отношения с супругом ($r_s = -0,401783$, $p < 0,05$ между удовлетворённостью браком и потребностью в приватности территории).

Выявлено, что супруги из семей моряков демонстрируют содержательное различие потребности в реализации своей субъектности в преобразовании домашней среды. При этом супруги, поддерживая только те потребности в приватности брачного партнёра, которые содержательно близки для них самих, тем самым создают основание для создания у партнёра чувства отчуждённости и неудовлетворённости своими семейными отношениями.

Интересно, что для супругов из семей моряков наличие отдельной личной территории в домашнем пространстве – это, скорее всего признак одиночества, чем обладания. Об этом

свидетельствуют корреляционные связи между выраженностью поддержки супругом потребности в приватности территории и удовлетворённостью браком (для мужчин $r_s = -0,372625$; для женщин $r_s = -0,377478$, $p < 0,05$). В этом случае, супруги удовлетворённые своими отношениями реализуют свою субъектность как соавторство совместного бытия и формируют постепенно общность как необходимый атрибут семьи.

Особенности со-бытийности в зарегистрированных и незарегистрированных браках

Т.Р. Захарчук (Краснодар)

The Peculiarities of Co-Being of the Married and Unmarried Couples — *T.R. Zakharчук (Krasnodar)*

Проблема сравнения особенностей со-бытия в зарегистрированных и незарегистрированных браках заключается в сложной диагностике и малой изученности.

Предметом исследования являются особенности со-бытийности в зарегистрированных и незарегистрированных браках.

Для исследования со-бытия в парах был использован качественный метод – нарративное интервью.

В исследовании приняли участие 20 семейных пар, 10 из которых состояли в официальном браке (первая группа), а другие 10 брак не регистрировали (вторая группа). Возраст респондентов от 24 до 38 лет. Интервью с каждым из 40 опрошенных было записано на аудиодиске и после транскрибирования полученный текст изучен в соответствии со следующими выделенными параметрами: детализация истории отношений, фрагментарность или просторность совместных планов на будущее, место партнера среди значимых других, место партнера в системе ценностей, наличие или отсутствие желания что-либо исправить в совместно прожитом периоде времени, упоминание предыдущих партнеров.

Сравнительный анализ текстов респондентов в зарегистрированных и незарегистрированных браках показал, что по многим параметрам прослеживаются различия между этими формами со-бытия.

Пары, чей брак зарегистрирован, представляют более детальный рассказ о знакомстве друг с другом и о начале отношений (80% рассказов детализированы), по сравнению с парами, чей брак не зарегистрирован (30% рассказов детализированы).

Об отсутствии совместных планов на будущее заявили 50% опрошенных из второй группы. В первой группе, 70% опрошенных детально описали совместные планы.

Ответы на вопрос о четырех значимых людях позволяет сделать интересные выводы. У 70% респондентов из первой группы, их партнеры занимают первое место. Во второй группе респонденты не расположили своих партнеров на первом месте. На втором месте их партнеры располагаются в 20% случаев, на третьем – в 30% и на четвертом – в 10% случаев. Во второй группе 10% респондентов назвали своего партнера вслед за другими значимыми людьми на пятом месте и 30% – не упомянули своих партнеров среди значимых людей.

Говоря о своих ценностях, респонденты из первой группы, в большей степени, чем респонденты из второй, склонны рассматривать партнера и со-бытийность, как ценность. В первой группе все опрошенные упомянули со-бытие с партнером среди жизненных ценностей. Так, для 30% опрошенных этой группы основную ценность представляет со-бытие в браке. Во второй группе 80% респондентов, говоря о ценностях, не упоминали о своем партнере и их со-бытийности.

Возможностью что-либо изменить в совместно прожитом отрезке времени воспользовались бы 20% опрошенных из первой группы и 50% респондентов из второй.

Опрошенные из второй группы гораздо чаще, чем опрошенные из первой группы упоминают своих предыдущих партнеров. В первой группе 70% респондентов не говорят о предыдущих партнерах, 30% – упоминают о них однократно. Во второй группе 20% респондентов не

упоминают прошлый опыт, 50% – предоставляют о предыдущих партнерах значительное количество информации.

Таким образом, партнеры, состоящие в зарегистрированном браке более склонны рассматривать свои отношения как единственные и долгосрочные; их ценности больше ориентированы на со-бытие. Пары, чей брак не зарегистрирован, чаще проявляют готовность делиться проблемными моментами со-бытия, чаще испытывают желание что-либо исправить, изменить, реже ощущают причастность к партнеру.

Метасистемная организация экзистенциального опыта субъекта

В.В. Знаков (Москва)

The metasystem organization of existential experience of the subject – *V.V. Znakov (Moscow)*

Для психологической науки принципиально важным является различие повседневного, обыденного и экзистенциального опыта субъекта. Фундамент современного экзистенциализма построен на антропологическом принципе, согласно которому опыт представляет собой сложный сплав знаний, переживаний, ценностей, смыслов. Обычные события и ситуации человеческого бытия (встречи, работа, отпуск и т.п.) пополняют и расширяют багаж обыденного опыта. Однако знания и воспоминания далеко не обо всех из них оказываются включенными в экзистенциальный опыт субъекта.

Экзистенциальный и обыденный виды опыта следует различать, по меньшей мере, по трем критериям. Первый критерий – наличие или отсутствие в структуре опыта метасистемной организации. Второй – ориентация на «субъективный» способ определения самого значимого, ценного для субъекта и на «объективный» выход за содержательные пределы ситуации, абстрагирование от ее конкретных обстоятельств и обобщение. Третий критерий – оценка субъектом событий и ситуаций человеческого бытия либо как привычных, либо как критических, резко отличающихся от повседневных.

Экзистенциальный опыт по отношению к обыденному является метасистемным, это «опыт второго порядка». Экзистенциальные события представляют собой такие осмысленные, понятые, оцененные субъектом факты и явления человеческого бытия, к которым он не может остаться равнодушным. Неудивительно, что экзистенциальными для субъекта становятся далеко не все повседневные события и ситуации, которые он помнит. Экзистенциальные – только события, оказавшие на человека сильное влияние, в процессе осмысления и понимания которых изменился его внутренний мир. Очевидно, что некоторые события приобретают для нас экзистенциальное значение лишь после осмысления, оценки, понимания того, что сначала могло показаться малозначимым и не имеющим непосредственного отношения к нашей жизни. И только рефлексия, сопоставление, умозаключения позволяют осознать не сиюминутный характер, а непреходящий экзистенциальный смысл произошедшего.

Из неразрывной связи двух видов опыта следует, что в психологическом исследовании экзистенциальный и обыденный опыт нужно рассматривать как единую систему, причем, «систему со встроенным метасистемным уровнем» (А.В. Карпов). Системный и метасистемный уровни опыта не могут существовать один без другого. С одной стороны, основанием определения события как экзистенциального для человека становится формирование его эмоционального и познавательного отношения к этому фрагменту повседневного бытия. С другой стороны, отнесение события к обыденному опыту возможно только с позиции уже осуществленного понимания, рефлексии, сопоставления с другими событиями и ситуациями.

Экзистенциальное – это всегда выходящее за пределы внутреннего мира субъекта и оцениваемое с системных позиций: я и другие, я и человечество, человек и жизнь, бытие и небытие и т.п. Понимание события как экзистенциального основано на таком абстрагировании от конкретных эмпирических обстоятельств ситуации, которое включает его содержание

в духовный мир субъекта, способствует осознанию его непреходящей жизненной ценности. Понимание всего, что для субъекта значимо, основано на метакогнитивной осведомленности, выходе за пределы конкретного содержания события (ситуации). Такой выход требует от субъекта не только соотнесения понимаемого события с личностным знанием, но и включения его в более широкий контекст человеческого бытия.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-06-00738а).

Особенности смыслообразования креативных подростков

Ж.Ю. Кара (Ростов-на-Дону)

Characteristic features of sense-creation of creative teenagers – Zh.Yu. Kara (Rostov-on-Don)

Предметом рассуждения данной статьи послужили некоторые исследования, которые позволили утверждать, что в качестве важнейших факторов развития личностной сферы подростка можно рассматривать его смысловые характеристики и уровни смыслового развития. Интересным на наш взгляд является выделение креативности в виде своеобразного подхода в самостоятельной разновидности проблемы смыслообразования подростков. Особенностью развития смыслообразования подростков является первичное оформление систем, ее базовых характеристик при максимальной индивидуализации структуры, содержания и типа развития. В настоящее время происходят глобальные изменения во всем мировом обществе, в образовательной сфере, в социально-экономической сфере, в науке, технике и т.д. Успешность жизнедеятельности человека в интенсивно меняющемся мире зависит от его способности находить оригинальные, неожиданные решения, соответствующие своеобразию ситуации, то есть проявлять креативность. Те, кто не обладает вышеуказанным качеством, потеряв привычную точку опоры, с огромным трудом находят новую. В связи с этим новый ракурс получает проблема раскрытия творческого потенциала, самореализации человека в процессе творческой деятельности. Для нас существенное значение приобретают особенности смыслообразования подростков, как основополагающий фактор креативного развития. Быть постоянно изменяющимся в трансформирующемся мире, для того, чтобы адекватно реагировать на эти изменения, – это, собственно, и есть проявление творчества, креативности личности, проявление своей неповторимости, уникальности. И что бы творческий человек был устойчивый, целеустремленный и можно сказать осмысленный, он должен иметь внутренний стержень, осознавать свою жизненную позицию. Смысловая сфера человека имеет сложную организацию, состоящую из механизмов формирования различных смысложизненных стратегий. Рассматриваются теоретические и методологические предпосылки постановки проблемы смысловой сферы, говоря о стратегии, обычно имеют в виду своеобразный мыслительный акт, «свернутую внутри» операцию возможного действия, построение в уме реальности возможного действия. Смыслообразования подростков характеризуется процессами формирования мировоззрения и активной воли, собственных смыслов и личных ценностей, становлением системы смысловой регуляции. Это означает, что к 10 – 13 годам личность начинает выходить на уровень смысловой саморегуляции, основу которой составляет возможность охвата мира в целом в представлении человека; у нее появляется свое собственное, независимое мнение, стремление самостоятельно принимать жизненно-важные решения и нести ответственность за их осуществление; в ее сознании выкристаллизовываются и иерархизируются смыслоносущие ценности (Д.А. Леонтьев). Продолжая мысль П.Н. Ермакова, И.В. Абакумовой и Е.М. Азарко, можно сказать, что смысловая сфера личности – это сфера личностных смыслов, запускающая психологические механизмы саморазвития личности, в том числе и креативность, лежащие в основе формирования и реализации индивидуального дарования. Выражение собственной уникальности непосредственно связано с переживанием своего соотчетствия жизни, с переживанием её осмысленности. Развитие смыслообразования креативных детей, представляет собой одну из центральных линий личностного развития; именно оно

позволяет человеку проявить свою осознаваемую индивидуальность, уникальность, с набором личностных ценностей и осмысленности жизни.

Экзистенциальная природа жизненного кризиса пожилых людей

Н.Н. Князева (Омск)

Existent Natural of Vital Crisis of Elderly people — *N.N. Knyazeva (Omsk)*

В последние десятилетия в России, в возрастной структуре населения наблюдается увеличение доли пожилых людей. Современные социокультурные, культурноисторические, политические и экономические изменения условий жизни способствуют возникновению различных трудностей и проблем людей пожилого возраста, сформировавшихся в личностном, духовном планах в других социальных условиях, что нередко приводит к возникновению целого ряда психологических проблем и возникновению кризиса.

Кризис пожилого возраста, как мы считаем, следует рассматривать как жизненный кризис, кризис жизненного пути личности. В период наступления старости человек сталкивается с необходимостью решения совершенно новых для него проблем, связанных с изменением его социального положения, необходимости изменения прежнего образа жизни, перестройки существующего стереотипа поведения, принятие новой социальной роли, изменения самовосприятия. Очевидно, что психологическим содержанием этого кризиса, его глубинным слоем является исчерпанность одних жизненных смыслов и поиск других, которые связаны с экзистенциальной природой жизненного кризиса пожилых людей.

Кризис жизни – это и противоречие в ценностно-смысловой сфере человека и самоконфликт. Внутренний конфликт отражает жизненный кризис и чтобы разрешить его, необходимо понять, желает ли человек, чтобы все оставалось по-прежнему, хотя реальная жизнь требует изменений, или же сам человек уже изменился и ему необходимо изменить свою жизнь, но он не хочет этого, или не знает, как это сделать. Кризис в пожилом возрасте часто возникает и тогда, когда человек не в силах принять те изменения, которые происходят в его жизни. К.Г. Юнг говорил, что в момент кризиса «сознание сталкивается с ситуацией, с задачами, до которых оно еще не доросло. Оно не понимает того, что его мир изменился, что оно должно себя перенастроить, чтобы вновь приспособиться к миру». Любой кризис перемещает человека в маргинальное положение, как утверждают А. Уеоманс, J. Campbell, положение, когда привычные стереотипы мышления и поведения уже не работают, а новых еще нет.

Представляется важным учитывать, что старость является не статическим состоянием, а динамичным процессом. Она связана со специфическими изменениями жизни, внутренним конфликтом между прежним «Я» и новым «Я». Находясь в пространстве между «тем, что уже разрушено» и «тем, что еще не создано» человек может понять, что ему надо встретиться с самим собой. Отчасти можно согласиться с взглядом А.Г. Лидере, который полагает, что кризис пожилого возраста есть кризис отказа от жизненной экспансии, и главным становится сохранение, удержание в себе старого. В пожилом возрасте для человека становится ключевым вопрос о понимании себя и своей жизни. Так, М. Хайдеггер такое понимание интерпретирует как основной модус бытия присутствия человека в мире. Само существование и понимание человека становится процессом понимания и постижения жизни. Экзистенциальная природа жизненного кризиса, безусловно связана с тем, что любое осмысленное построение жизни, непременно сопряжено с нахождением и реализацией ценностей. «Мы исполняем смысл бытия – наполняем наше бытие смыслом – через реализацию ценностей» (Frankl V). Как мы полагаем, в противостоянии надвигающейся старости столкновение внутреннего мира человека с жесткими условиями жизни, где присутствует дефицит ценностей, где ничто не переживается, как ценность и где не может быть создано ничего ценного, пожилой человек остаётся с единственной ценностью: с ценностью своего бытия. Таким образом, при реализации

ценностей отношений человек более всего отослан к самому себе, чувствовать себя самого в своей ценности. В противном случае существует опасность, что он может впасть в отчаяние, потому что душевные переживания закрывают для него мир, погружая его в одиночество. Следует отметить, что благополучный переход в новый период жизни, сопряжен с переживаниями, но изменение условий жизни воспринимается человеком как значимое для его дальнейшей жизни. Такой акт развития требует от субъекта серьезной внутренней работы, которая сопряжена с внутренним напряжением. В противном случае человек был бы совсем не способен воспринимать ценности отношений и творческие ценности окружающего мира. Открываясь новым возможностям человек, переходит на следующую ступень своего развития, получает новый опыт, новые знания о своем «Я», тогда как «Я» пишет В.В. Налимов, – «это психологический механизм распаковки смыслов жизнедеятельности человека». Старость начинает восприниматься как период серьезной внутренней работы и внутреннего движения.

Именно в момент кризиса, когда пожилой человек сталкивается с осмыслением и принятием надвигающейся старости, важным моментом с одной стороны, является подведение определенных итогов жизненного пути, а с другой, рассмотрение своей жизни как постижения и создания новых ценностей, что составляет сущность душевной жизни и психического развития и в пожилом возрасте.

Субъектные аспекты психологических барьеров личности в условиях реформы профессиональной деятельности

Н.В. Ковалева (Майкоп)

Subject aspects of psychological barriers of the person in the conditions of professional work reform –
N.V. Kovaleva (Maykop)

Интенсивность социальных процессов современного мира, глобальное реформирование общественных систем (образования, здравоохранения, МВД и т.д.) требует от современного человека активного проявления субъектности во всех сферах его жизнедеятельности и глубоких изменений в групповом и индивидуальном сознании.

В этих условиях актуальной стала проблема психологической готовности участников к выполнению требований новой системы. Например, реформирование российской системы высшего образования требует кардинальных изменений отношений работника вуза к своей профессиональной деятельности, т.е. функциям и ролям. В рамках АВИЦП мероприятия 1 Федерального агентства по образованию «Развитие научного потенциала высшей школы» по теме «Разработка антикризисных аспектов безопасности вуза в условиях реформирования при переходе на двухуровневое образование в соответствии с требованиями Болонского процесса» в Адыгейском госуниверситете было проведено исследование отношений преподавателей к трансформации их профессиональных ролей и функций. Отмечено, что в переходный период совмещаются функции уходящей системы образования и новые виды деятельности, поэтому увеличивается нагрузка, остается недостаточно времени на осмысление ситуации. В то же время кардинальные изменения затрагивают личное профессиональное пространство работника, и в среднем составляют около 70 % его содержания, что требует серьезных физических и психических затрат, наличия специальных способностей и знаний. Эти обстоятельства на фоне противоречивости и неопределенности управленческих требований приводят к спутанности субъектной идентичности. В сочетании с отчужденностью к ролевым изменениям данная ситуация может вызвать эмоциональное и профессиональное выгорание работника, привести к его дезадаптации.

В то же время реформа предоставляет большие возможности для профессионального и личностного развития ее участников, включает механизмы увеличения их потенциала и перспектив. Исследование степени желательности, необходимости реформирования профессиональных функций и ролей, а также самооценки их возможностей в выполнении новых

требований показало, что если преподаватель положительно относится к изменениям в своей деятельности, то он позитивно принимает реформы и активно, творчески включается в деятельность, занимает позиции стратега или тактика в своем профессиональном пространстве. Он более устойчив к нагрузкам, утомлению и профессионально-эмоциональному выгоранию. Проблема кризисных переживаний возникает в случае, если работник воспринимает реформы как навязываемую систему, чуждую для себя. Основу отчуждения составляют негативные отношения к изменению привычных профессиональных ролей и функций, а также отсутствие личностного смысла, мотивации к изменению содержания и методов работы. Переживание процесса реформ как вынужденного, приводит работника к фрустрации, агрессии, конфликтности, депрессивным состояниям. В этом случае работник занимает пассивную, объектную позицию операционалиста, снижается эффективность деятельности его самого и коллектива в целом.

Сопоставление этих аспектов позволило сделать вывод о том, что необходима правильная субъектная организация каждого работника в пространстве его реформируемой деятельности. Определение причин отчуждения и коррекция отношений к модернизации ролей и функций, составляет основу антикризисного сопровождения реформы. Для профилактики, своевременного выявления и нейтрализации кризисных явлений необходимо использовать активные методы, развивающие субъектные качества работника. Среди них – проектирование им своей деятельности, разработка творческой программы саморазвития, консультирование и т.д. Так обеспечивается развитие субъектной идентичности, позволяющей мобилизовать и распределить свои умственные, физические и психические резервы, достигается тождественность самому себе в деятельности, возможность оптимального управления ситуацией, удовлетворенность результатом, переживание успеха. Эти состояния увеличивают профессиональные созидательные возможности субъектов в условиях реформирования.

Понятие онтологической уверенности Р.Лэйнга и его операционализация

Н.В. Коптева (Пермь)

Laing's concept of ontological security and its operationalisation – *N.V. Kopteva (Perm)*

Творчество английского экзистенциального психиатра Р.Лэйнга исследуется в связи с движением антипсихиатрии, к которому он одно время примыкал, а также с феноменом онтологической неуверенности, который он раскрыл в клиническом аспекте. Однако упускается из виду, что он одновременно наметил контуры противоположного по своему психологическому смыслу феномена онтологической уверенности (*ontological security, certainty*) и обратил внимание на общепсихологический аспект проблематики онтологической уверенности – неуверенности. Новизна нашего исследования заключается в уточнении понятия онтологической уверенности и его операционализации. Онтологическая уверенность – неуверенность, а также все точки в границах этого континуума, во-первых, определяются Р.Лэйнгом как экзистенциальные позиции, положения (*basic existential position*), соотносимые со способом структурирования бытия-в-мире. Он концентрирует свое внимание на варианте онтологической уверенности – неуверенности, который конкретизирует через другую оппозицию экзистенциальных положений (*basic existential settings, position in life*): воплощенности – невоплощенности ментального Я в теле (*embodid– unembodid self*). Тело Р.Лэйнг понимает и как физический объект и в экзистенциальном смысле, как мир, сросшийся Я. Невоплощенность, таким образом, сближается с отчуждением, а воплощенность – с вовлеченностью, причастностью человека к другим людям и миру. Невоплощенный шизоид, тело которого является ядром «системы ложного Я» (*false self system*), представляет собой «несчастное сознание», «занимающееся фантазиями в частном мире «ментальных» вещей, то есть своих собственных объектов, и наблюдающее за ложным Я, которое в одиночку занимается жизнью в «разделяемом с

другими мире». Рассуждая в логике Р.Лэйнга, можно сделать вывод о том, что полной противоположностью экзистенциального положения «несчастливого сознания» является не просто воплощенность в теле, присущая «обычным людям», а сознание, для которого в современной отечественно философии и психологии (М.Мамардашвили, Д.А.Леонтьев) есть соответствующий термин: «бытийствующее сознание».

Онтологическая уверенность (воплощенность) – неуверенность (невоплощенность), во-вторых, представляют собой онтологические чувства, которые раскрываются в целом спектре переживаний. Можно выделить два уровня этих переживаний. Первый составляют переживания автономии (отделенности) от людей и мира и одновременно связанности с ними, в различных градациях проявлений, от вполне обыденных до экстраординарных (удовольствие от общения, участие в жизни, витальный контакт, индивидуальная встреча с миром посредством неотъемлемой самости, изначальный союз Я и Ты, ощущение «меня-и-тебя-вместе»). Второй уровень составлен «дискретными» переживаниями онтологической уверенности базового уровня, имеющими ценностный характер, отправной точкой которых является переживание своего ментального Я в единстве с телом. Будучи «разнесены» по разным элементам бытия-в-мире (Я, мир, вещи, природные процессы, другие люди), они придают последним смысл бытийных опор.

Представленное понятие онтологической уверенности к настоящему времени операционализировано посредством двух авторских методик, соответствующих обозначенным уровням переживаний. Психометрическая методика включает шкалы, соотносимые с онтологической уверенностью и неуверенностью: автономии, витальных контактов с миром, витальных контактов с людьми и ложного Я (N=350). Вторая методика, построенная по принципу семантического дифференциала, выявляет виды онтологической уверенности (в ментальном Я, теле, людях, мире, значимом как индивидуальной ценности) или основные бытийные опоры (N=1020). Обе методики прошли проверку на конструктивную валидность, их общие показатели взаимосвязаны при $r = 0,5$ (N=350).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант 10–06–82–607а/У.

Мотивационная регуляция деятельности личности в виртуальном социальном поле бытия (на примере виртуальных социальных сетей)

Е.И. Косивченко (Краснодар)

Motivational regulation of activity of the person in a virtual social field of life (on an example of virtual social networks) – E.I. Kosivchenko (Krasnodar)

Проблематика идентичности личности в виртуальной области социального бытия, мотивационные предпосылки ее деятельности в сети являются важными направлениями исследований в современной психологии. Пользователи Интернета не только принимают «предложения», которые делает им сеть, но и порождают их, создавая спрос на различные ресурсы. Спрос формируется на основании мотивов, создаваемых потребностями человека в реальном бытийном пространстве.

Анонимность коммуникации в виртуальности, утверждение иррациональности социального бытия, множественность «Я» в виртуальном поле бытия, «неуловимая идентичность» личности, отсутствие контроля деятельности и селекции публикуемого материала в сети и т.д. – эти и другие факторы ведут к структурным и функциональным изменениям в системе потребностно-мотивационной регуляции деятельности личности в сети.

На основании многолетнего исследования (1992-1998 г.г.) пользователей Интернета, проведенного Арестовой О.Н., Бабаниным Л.Н. и Войскунским А.Е., была сформулирована классификация видов мотивов (Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е.). Воспользовавшись этой классификацией, а так же полученными нами ранее данными

контент-анализа, на основании которого была сформулирована схема удовлетворения потребностей личности в социальных сетях, стало возможным определить, какие мотивы движут личностью, вовлеченной в такой вид коммуникации. В контент-анализе учитывались мнения пользователей «ВКонтакте.ру» и «Одноклассники.ру», оставленные на тематическом форуме. Всего 416 ответов – 176 мужчин, 208 женщин, пол не определен у 32 ответивших.

Результат систематизации ответов с указанием частоты мотивов у пользователей показывает следующее:

1. Мотив общения (коммуникативный мотив) – «ВКонтакте.ру» – 94%, «Одноклассники.ру» – 87,2%
2. Мотив аффилиации – «ВКонтакте.ру» – 83%, «Одноклассники.ру» – 9,1%
3. Познавательный мотив – «ВКонтакте.ру» – 69%, «Одноклассники.ру» – 10,3%
4. Мотив самоутверждения (нередко в негативном контексте) – «ВКонтакте.ру» – 65%, «Одноклассники.ру» – 18,19%
5. Мотив самореализации и развития личности – «ВКонтакте.ру» – 46,16%, «Одноклассники.ру» – 9,1%
6. Корпоративный мотив – «ВКонтакте.ру» – 30%, «Одноклассники.ру» – 0,6%
7. Мотив рекреации, игровой мотив – «ВКонтакте.ру» – 8%, «Одноклассники.ру» – 0%
8. Деловой мотив – «ВКонтакте.ру» – 0,6%, «Одноклассники.ру» – 0.

Таким образом, исследование виртуальной бытийности пользователей виртуальных социальных сетей показало, что активность обусловлена следующими мотивами: мотивом общения, мотивом аффилиации, познавательным мотивом и мотивом самоутверждения и самореализации. Полученные данные свидетельствуют о низкой степени значимости деловой, профессиональной и рекреационной мотивации в этой активности. Это свидетельствует о том, что развитие социальных сетей в соответствии с выявленными особенностями, позволит решить актуальные для личности вопросы коммуникации, причастности к значимым группам, расширения представлений о мире и самоутверждения.

Смысложизненные стратегии как мотивационно-динамическая характеристика личности

Л.Ю. Крутелева, Ж.Ю. Кара (Ростов-на-Дону)

*Life-sense strategies as a motivational-dynamic characteristic of a person –
L.Ju. Kruteleva, Zh.Ju. Kara (Rostov-on-Don)*

Сегодня в научной и популярной литературе достаточно распространены всевозможные описания и классификации различных поведенческих стратегий человека. Поэтому, обращаясь к вопросу рассмотрения смысложизненных стратегий личности, необходимо вначале рассмотреть само понятие «стратегия» и определить его феноменологическое поле.

На психологическом уровне в зависимости от области исследований ученые разных направлений также описывают различные виды стратегий: ментальные, когнитивные, речевые, совладающего поведения, жизненные и другие стратегий.

При всем многообразии определений можно выделить основные характеристики этого понятия. Так, говоря о стратегии, обычно имеют в виду своеобразный мыслительный акт, «свернутую внутри» операцию возможного действия, построение в уме реальности возможного действия, при этом в основном речь идет о бессознательных механизмах вероятных действий.

Другой отличительной чертой понятия стратегия можно считать ее гибкость и возможность изменения в зависимости от конкретных обстоятельств. Кроме того, обычно человек располагает целым комплексом выработанных в процессе жизнедеятельности различных стратегий, каждая из которых, преследуя одну и ту же главную цель, включает в себя различное содержание, т.е. разные ценностно-смысловые подцели и задачи, достижение которых

сопровождается разными поведенческими реакциями. При этом количество и «качество» стратегий, которыми может обладать индивид, потенциально не ограничено, а зависит от индивидуального опыта и ценностно-смысловых ориентаций каждой конкретной личности.

Рассматривая стратегию с точки зрения психологии смысла, можно сказать, что идея смысложизненной стратегии исторически связана с проблемой мотивации учения (А.К. Маркова и др., В.Э. Мильман, В.Ф. Моргун, Х. Хекхаузен), а также находит свое подтверждение в исследованиях о соотношении типа ценностей личности и ее успешности, о своеобразном отношении к деятельности, к жизни и особенном мировосприятии.

Анализируя труды И.В. Абакумовой, А.Г. Асмолова, Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева, А.М. Лобок, В.И. Слободчикова, В.В. Столина, Е.В. Субботского, В.Э. Чудновского и др. можно сказать, что смысложизненная стратегия личности представляет собой «свернутую внутри» операцию возможного действия и напрямую связана и определяется структурными элементами ценностно-смысловой и мотивационно-динамической сфер личности в целом. Таким образом, механизмы формирования смысложизненной стратегии определяются мотивационной системой и системой саморегуляции личности, ее возрастом и стремлением к творчеству и саморефлексии, а также жизненным контекстом, социо-культурными и экономическими условиями.

Специфика выбора, использования различных смысложизненных стратегий, их сочетания, предпочтения или игнорирования основана на системе ценностей и смыслов личности и отражает его индивидуальные особенности. Индивидуальный опыт, а также усвоенные человеком ценности, нормы и правила формируют такие смысловые образования личности, как смысловые диспозиции, смысловые конструкты и смысловые установки. И именно стереотипы, заложенные в этих смысловых образованиях, и являются той личностной предпосылкой, которая определяет индивидуальный выбор человека в ситуации вариативности и неопределенности. Совокупность смысложизненных стратегий личности задает векторы ее развития и позволяет оптимизировать активность субъекта во взаимоотношениях с объективной действительностью. Динамический характер смысложизненной стратегии подразумевает постоянную ассимиляцию личностью социо-культурных ценностей и смыслов в зависимости от конкретных условий ее повседневной жизни.

Особенности трансформации смысложизненных ориентаций личности в условиях эмиграции

Л.Ю. Крутелева (Ростов-на-Дону)

Characteristic features of transformation of life-sense orientations of expatriates –
L.Ju. Kruteleva (Rostov-on-Don)

В последние десятилетия изменения, происходящие в экономике и политике различных стран мира, вооруженные столкновения и экологические катастрофы привели к интенсификации миграционных процессов. Однако, несмотря на многочисленные исследования, проводимые в рамках различных наук, вопросы трансформации смысложизненных ориентаций эмигрантов изучены не достаточно глубоко.

Самобытность и уникальность каждой отдельной культуры отражаются в структуре ее ценностей и смыслов, которые передаются из поколения в поколение через традиции и устои жизни данного общества. В процессе развития и социализации индивид ассимилирует ценностно-смысловую структуру окружающей его культуры, в результате чего у него складываются определенные смысложизненные ориентации личности, определяющие его мировоззрение, жизненную направленность, общественное поведение и основные тенденции развития. Смысложизненные ориентации личности являются комплексными качественно-динамическими характеристиками личности; это внутренняя предрасположенность, включающая эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты, в которой в специфической форме

отражено пристрастное, индивидуализированное отношение субъекта к миру. Поэтому успешность ассимиляции эмигранта будет зависеть от того, насколько различаются ценности и смыслы исходного и нового общества и насколько возможно принятие новых ценностей и трансформация (коррекция) «старых» смысложизненных ориентаций.

С целью изучения трансформации смысложизненных ориентаций личности нами было проведено сравнительное исследование, в котором приняли участие лица, постоянно проживающие на территории Российской Федерации и никогда не покидавшие ее пределов, а также лица, эмигрировавшие в Германию, Канаду и Испанию и проживающие в этих странах более 10 лет. Всего в исследовании приняли участие 40 человек, возраст всех испытуемых составил от 45 до 50 лет. Соотношение мужчин и женщин по всем группам было одинаковым.

Результаты теста смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева показали основные различия между группами эмигрантов и россиян по шкалам «Цель», «Результат» и «Локус контроль-Жизнь».

Исследование особенностей самоактуализации (тест «Самоактуализация личности» Н.Ф. Калина) выявило различия по шкалам «Потребность в познании», «Спонтанность», «Самопонимание» и «Контактность».

Ценностные ориентиры в исследуемых группах изучались при помощи теста М. Рокича «Ценностные ориентации». Во всех группах наиболее значимыми терминальными ценностями являются «любовь» и «здоровье». Для группы россиян большое значение имеют такие ценности, как «Друзья», «Продуктивная жизнь» и «Жизненная мудрость», невысокую значимость – «Развлечения». Группы эмигрантов наиболее значимыми ценностями являются «Счастливая семейная жизнь», «Уверенность в себе», «Материально обеспеченная жизнь», а также «Активная деятельная жизнь» (Канада, Германия). Всеобщей значимой инструментальной ценностью признается лишь «жизнерадостность». Для эмигрантов всех групп приоритетными являются такие ценности как «Воспитанность» и «Чуткость», в то время как для россиян важны «Образованность» и «Рационализм».

Таким образом, можно сказать, что процесс ассимиляции эмигрантов включает в себя присвоение ценностей и смыслов новой страны проживания и, как результат, трансформацию смысложизненных ориентаций личности, проявляющуюся в изменении ее отношении к жизни и самому себе.

Связь жизнестойкости личности с её ценностно-смысловыми предпочтениями

Е.Р. Куашева (Майкоп)

The connection between the vital capacity of the personality and its valuable semantic preferences. —
H.R. Kuasheva (Maykop)

В процессе проводимого нами исследования решалась задача по выявлению связи жизнестойкости личности с её ценностно-смысловыми предпочтениями в сочетании с особенностями экзистенциального самоопределения и субъектной позиции. Подобная постановка задачи осуществлена в логике субъектно-бытийного подхода, согласно которому ценностно-смысловые предпочтения личности целесообразно рассматривать во взаимосвязи с её онтологической идентичностью и особенностями субъектной активности (как структурными составляющими модуса бытия личности).

В работе цели были использованы следующие методики: клиническая беседа, биографическая анкета, методика Ш.Шварца для изучения ценностей личности, тест жизнестойкости, тест смысложизненных ориентаций – СЖО, методика диагностики уровня субъективного контроля, методика предельных смыслов – МПС.

Исследование проводилось на базе Центра психофизиологической диагностики МСЧ МВД по Республике Адыгея. Всего было обследовано 180 человек – сотрудников различных подразделений полиции: ОМСН, ППС, УБЭП, УР и ДПС.

На основании проведенного исследования было установлено:

Общая жизнестойкость личности повышается при согласованности её жизненных принципов с реальным поведением и жизненных принципов с групповыми ценностями (независимо от их содержания) в случае высокой осмысленности жизни и возможности её контроля.

Повышению жизнестойкости способствует возможность реализации на уровне индивидуального поведения ценностей Самостоятельности, Достижений, Власти и Универсализма. Невозможность реализации указанных ценностей снижает жизнестойкость личности даже при высокой значимости профессиональной деятельности и высокой вовлечённости в неё.

Снижению жизнестойкости способствует наличие в предпочтениях личности конфликтных ценностей, а особенно их амбивалентности на уровне жизненных принципов и реального поведения, а также на уровне жизненных принципов личности и групповых ценностей в сочетании со снижением осмысленности жизни, её эмоциональной насыщенности и убеждением в невозможности контролировать жизнь и свободно принимать решения. Наличие в ценностных предпочтениях конфликтных и амбивалентных ценностей в случае высокой осмысленности жизни и возможности её контроля не влияет отрицательно на уровень жизнестойкости.

Влияние экзистенциальных показателей на уровень осмысленности жизни и самоопределение студентов психологического факультета

О.А. Куприна (Москва)

The influence of the existential level of performance on the meaningfulness of life and self-determination of students' mental faculty – *O.A. Kuprina (Moscow)*

Теоретический анализ основных философских и психологических положений отечественных и зарубежных авторов, раскрывающих феномен смысла жизни, дает возможность определить наиболее важные экзистенциальные критерии, отражающие степень осмысленности человеком своей жизни. Подчеркивается необходимость взятия на себя ответственности за принимаемые в жизни решения, отмечается, что при высоком конформизме, невозможности реализовать значимые ценности появляется чувство внутренней пустоты, сопровождающееся возникновением «экзистенциальных вакуумов», свидетельствующих о процессе дезинтеграции в ценностно-мотивационной сфере.

Цель исследования: установление связей между основными экзистенциальными показателями и степенью осмысленности жизни студентов-психологов. В исследовании приняли участие 162 человека в возрасте 17-19 лет, студенты первого курса психологических факультетов.

Психодиагностический метод, включал в себя следующие методики: «Смысложизненных ориентаций (СЖО)» Леонтьева Д.А.; «Уровень соотношения «Ценности» и «Доступности» в различных жизненных сферах» (УСЦД) Фанталовой Е.Б.; «Уровень субъективного контроля» (УСК) Бажина Е.Ф., Эткинда А.М.; «Социальные страхи» (СС) Грошевой Л.Н.

Корреляционный анализ Пирсона показал линейные связи между шкалой «Осмысленность жизни» (ОЖ) и шкалами «Общая интернальность» (Ио) ($r=0,226$ при $p<0,05$) и «Страх неудачи и поражения» (№1) ($r = -0,214$ при $p<0,05$), а также с показателем, определяющим уровень дезинтеграции в ценностно-мотивационной сфере (R) ($r=-0,208$ при $p<0,05$).

Определились линейные корреляционные связи между шкалами, коррелирующими со шкалой «Осмысленность жизни» (ОЖ): прямая линейная связь установлена между страхом неудачи и поражения с показателем дезинтеграции в ценностно-мотивационной сфере (R)

($r = 0,227$ при $p < 0,05$), а также обратные корреляционные связи между общей интернальностью (Ио) и интегральным показателем (R) ($r = -0,324$ при $p < 0,01$); общей интернальностью (Ио) и социальным страхом неудачи и поражения (№1) ($r = -0,240$ при $p < 0,05$). Это дало возможность предположить, что «импульсом» к осмысленности жизни могут стать как изменения результатов сразу по трем перечисленным выше переменным, так и изменение хотя бы одной из них.

Таким образом, степень осмысленности жизни студентов первого курса психологического факультета связана с переменными, обозначенными нами как экзистенциальные: ответственность за происходящие в жизни события, уровень дезинтеграции в ценностно-мотивационной сфере, социальный страх неудачи и поражения.

Исследование поддержано грантом РГНФ № 11-06-00388а.

Самоактуализация личности руководителя на разных этапах профессионального становления

Н.Н. Лупенко (Краснодар)

Salfactualization of a managing person at different stages of professional development — *N.N. Lupenko* (Krasnodar)

Современное общество диктует новые условия и требования к личности руководителя. Это не просто компетентный и опытный профессионал, но обязательно управленец, умеющий вдохновлять свой персонал, лидер, целостная, творческая и самоактуализирующаяся личность.

Самоактуализация – важнейшая потребность и движущая сила развивающейся личности (А. Маслоу). Самоактуализация организмическая данность, где «предельные» переживания являются существенным компонентом и индикатором характеристик самоактуализирующейся личности. Если процесс самоактуализации личности затруднен, то личность переживает неудовлетворенность профессиональной деятельностью и в целом жизнью.

В нашем исследовании изучение и описание содержания самоактуализации личности руководителя разных этапов профессионального становления осуществлялось при помощи самоактуализационного теста САТ (модифицированный вариант опросника личностных ориентаций Э. Шострома); ценностно-ориентированная методика Е.Б. Фанталовой. В исследовании участвовало 75 мужчин и 142 женщин руководителей среднего и высшего звена. Анализ самоактуализации осуществлялся в соответствии со следующими этапами профессионального становления: 1-й этап «Профессиональная адаптация» – 2-5 лет в должности руководителя; 2-й этап «Профессионализация» – стаж руководящей работы от 5 до 10 лет; 3-й этап «Профессиональное мастерство» – стаж работы в должности руководителя 10 и более лет. Главным критерием для выделения этапов (групп) профессионального становления выступил стаж пребывания в профессии или должности. Именно этот фактор наиболее часто выделяется в работах, посвященных профессиональной периодизации (В.А. Бодров, Д. Бюлер, Э.Ф. Зеер, Е.А. Климов, Т.В. Кудрявцев, Д. Сьюпер, В.Ю. Шегурова, П. Эванс и др.).

Выявлено, что показатели САТ у мужчин и женщин лежат в области средних значений, то есть, для мужчин и женщин, занятых руководящей деятельностью, возможности самоактуализации ограничены, но ценности самоактуализации представлены в их сознании. Поэтому можно говорить о наличии у респондентов ориентации на самоактуализацию. Такая специфика объяснима для личности руководителя, постоянно находящегося в состоянии личностных изменений и повышения собственной мотивации.

Для мужчин и женщин характерны следующие особенности: ориентация на поддержку, определенный консерватизм или следование традиции, негибкость поведения в быстро меняющейся ситуации, подавление эмоциональной сферы. Обнаружено также, что данный уровень самоактуализации у мужчин и женщин несущественно отличается на разных этапах

профессионального становления. Исключением является третья группа женщин (стаж более 10 лет). В этой группе наблюдается значительное количество значимых различий между средними показателями по 2-й, 4-й, 8-й и 14-й шкалам САТ, то есть женщины обладают низкой степенью гибкости в реализации своих ценностей, не всегда быстро реагируют на изменяющиеся аспекты ситуации, зависят от оценки своих достоинств и недостатков окружающими, менее креативны и, безусловно, нуждаются в психологическом сопровождении.

Этот вывод подтверждается тем, что именно третья группа женщин также более всех недовольна жизнью. Они стремятся, но не могут реализовать такие ценности, как активная жизнь, здоровье, красота природы, любовь, материально обеспеченная жизнь, творчество. Отсюда следует вывод о том, что они, скорее всего, переживают внутренний конфликт, дискомфорт, который, как мы уже отметили, связан с понижением самоактуализации.

Рефлексивный анализ в понимании субъектом собственной идентичности: обоснование метода

Ю.Э. Макаревская (Сочи)

The reflective analysis in understanding the subject of own identity: a method substantiation —
J.E. Makarevsky (Sochi)

В настоящее время психология владеет обширным материалом, раскрывающим суть и феноменологию идентичности личности. Однако, некоторые виды, структурные и содержательные элементы идентичности, выделены преимущественно на теоретическом уровне и нуждаются в эмпирических проверках. Некоторые аспекты обретения и сохранения, утраты и самовосстановления, подвижности или ригидности феномена идентичности и сегодня практически не изучены. Так же на сегодняшний день остается методологическая и методическая проблема исследования, например, механизмов и степени осознания и понимания субъектом собственной идентичности.

Современное психологическое понимание некоторого феномена есть последовательное осуществление его интерпретации. Можно сказать, что путем использования неких приемов, способов, операций герменевтики, например, вчувствование, самонаблюдение, единение с объектом познания, сопереживание (по В. Дильтею) у субъекта познания появляется возможность понять интересующий его феномен.

Основываясь на позиции В.В. Знакова, мы полагаем, что активный в плане познания субъект всегда посредством рефлексии может проанализировать интересующий его феномен. В настоящее время понятие «рефлексия» привлекается в качестве объяснительного принципа для раскрытия психологического содержания различных феноменов, получаемых в исследованиях мышления, памяти, сознания, личности, общения, деятельности. Рефлексия вполне может удовлетворить все известные виды понимания.

Субъектно-бытийный подход в психологии (З.И. Рябикина) позволяет говорить о том, что человек всегда соотносится со своим бытием проявляя это в направленности познавательной, этической и эстетической активности взаимодействующих людей не только друг на друга, но и на себя. Именно рефлексивное отношение человека к себе наиболее рельефно выражает его отношение к бытию.

Основываясь методологически на позициях современной психологии понимания (В.В. Знаков) и субъектно-бытийного подхода (З.И. Рябикина), мы считаем, что на уровне рефлексии индивидуального опыта, можно создать инструмент диагностики идентичности субъекта, а именно рефлексивную карту, которая должна будет включать задания по всем теоретически известным содержательным и процессуальным элементам идентичности. Например, переживание единства прошлого, настоящего и будущего, ощущение собственной непрерывности и неизменности бытия как личности (Э. Эриксон); способность решать проблемы (Дж. Марсиа); цели, ценности и убеждения (А. Ватерман); мотивационно насыщенный

образ будущего, цель организующая деятельность и направляющая полностью или частично жизнь человека (А.Н. Кимберг); степень узнавания внутреннего «Я» и объяснение своей индивидуальности, конкретности, тождественности самому себе как меры достижения идентичности и др.

Задания для карты должны быть выбраны и скомпонованы в соответствии с основным «принципом рефлексивности», который предполагает, что размышление о феномене идет с позиции, где в центре «Я», осознающий свои мысли, чувства, эмоции, действия и заданную ситуацию проявления психологического факта в целом

Специфика предлагаемой методики будет в том, что она превращает процедуру диагностики в процесс самопознания, ставит опрашиваемого в позицию активного рефлексирующего субъекта, изменяя мотивацию с внешнего запроса на собственную заинтересованность в результатах исследования.

Удовлетворенность выбранной профессией и автобиографическая память личности (на примере курсантов образовательного учреждения МВД РФ)

Ю.Б. Макаренко (Новороссийск)

Satisfaction the profession chosen and person autobiographical memory — *Y.B. Makarenko (Novorossiysk)*

Эмпирическое исследование, в котором принял участие 171 курсант 1-4 курсов Краснодарского университета МВД РФ, обнаружило связь удовлетворенности профессиональным выбором с особенностями автобиографических воспоминаний личности. Удовлетворенность профессиональным выбором является интегративным показателем, отражающим отношение субъекта к избранной профессии. Курсанты, удовлетворенные своим профессиональным выбором, демонстрируют особое отношение к своему профессиональному будущему и прошлому: ясно представляют свой дальнейший профессиональный путь, собираются работать по выбранной специальности, и считают, что она станет главным делом их жизни; подчеркивают свою активную роль в совершении профессионального выбора, обращают внимание на самостоятельность сделанного выбора. Определение ведущих статусов профессиональной идентичности курсантов выявляет прочную связь удовлетворенности профессиональным выбором с переживанием личностью сформированной профессиональной идентичности. В поиске личностных ресурсов удовлетворенности выбранной профессией мы обратились к исследованию экзистенциальной (личностной) функции автобиографической памяти в данном аспекте. Особое внимание уделено анализу субъектных характеристик воспоминаний: оценке респондентами собственной роли в произошедших жизненных событиях, принятию прошлого опыта, выделению событий, связанных с процессами самоопределения и самоактуализации личности. Приведем некоторые выявленные взаимосвязи. Личная история курсантов, довольных своим выбором, отличается большей насыщенностью. В общем количестве преобладают приятные воспоминания и редко встречаются нейтральные в эмоциональном плане события. Демонстрируется принятие событий прошлого: в отношении неприятных событий, желание отменить какое-то событие встречается в исключительных случаях, связанных преимущественно со смертью близких и перенесенными физическими травмами. Курсанты же, желающие «переписать» свою историю, демонстрируют крайне низкую удовлетворенность профессиональным выбором. В воспоминаниях находит отражение субъектная позиция личности, удовлетворенные профессиональным выбором курсанты причину личных событий видят в собственных стараниях, либо говорят о том, что предпринимали все попытки, чтобы событие не произошло. Чем более удовлетворены курсанты своим выбором, тем больше они вспоминают событий, связанных с процессом выбора профессии и способствующих ему. Большее количество событий внутренней жизни, отражающих процессы самопознания, принятия решений, осуществления личных планов, свойственно

содержанию автобиографических воспоминаний субъектов, уверенных в правильности своего выбора. Интересно, что учащиеся, удовлетворенные профессиональным выбором, чаще других вспоминают события, связанные с семьей. Объективные условия учебно-служебной деятельности (казарменное положение, отсутствие свободного времени и др.) создают ограничения в общении с близкими и родственниками, автобиографическая память помогает восполнить этот дефицит. Согласованность автобиографических воспоминаний с актуальным состоянием субъекта является результатом двустороннего взаимодействия, но в любом случае автобиографические воспоминания выступают важным ресурсом личности в решении проблем экзистенциального характера, как в данном случае – в вопросе отношения субъекта к профессиональному выбору, и заслуживают особого внимания со стороны субъекта. Задача всех, кто помогает личности в ее становлении (родителям, педагогам, психологам), – открыть этот ресурс для самого субъекта.

Проявления субъектности личности у ребенка с нарушениями двигательной сферы

Е.В. Медведева (Краснодар)

Manifestations to subjectivity to personalities beside child with breaches of the motor sphere –

E. V. Medvedeva (Krasnodar)

Несмотря на то, что понятия «субъект» и «субъектность личности» стали одними из наиболее употребляемых, в отечественной психологической науке отмечается сниженный интерес к реализации субъектной парадигмы в изучении личности с двигательными нарушениями, что подтверждается «обезличенностью», «бессубъектностью» в реализуемых отечественной дефектологической наукой подходах. Безусловно, и человека с отклонениями в развитии следует рассматривать как субъекта жизнедеятельности.

В связи с этим особую значимость и актуальность приобретает изучение особенностей личности при двигательных нарушениях человека и исследование характера проявлений субъектной позиции индивида, реализующего свою субъектность в условиях двигательных ограничений.

Исследование особенностей в проявлениях субъектности личности проводилось на базе Центра восстановительной медицины и реабилитации для детей с церебральной патологией (г. Краснодар).

В результате исследования доказано, что интенсивность и способы проявления потребности быть субъектом зависят от индивидуальных возможностей личности ребенка. Большую роль играет влияние социально-средовых (микросоциального уровня проживания и стиля воспитания) и индивидуально-личностных особенностей (инициативности, самостоятельности, ответственности) на интенсивность и способы проявления субъектности личности у ребенка с нарушениями двигательной сферы. Среди них выделены поддерживающие и сдерживающие развитие субъектности личности факторы.

С помощью выбранных методов диагностического обследования были выявлены специфические проявления субъектности личности у детей с нарушениями в двигательной сфере в процессе игровой деятельности, в общении и самосознании. Проявления субъектности дифференцированы на конструктивные и псевдокомпенсаторные.

1. В игровой деятельности особенности субъектности проявляются в следующем: отсутствие целевой ориентации в инициативных действиях, преобладание побудительного момента – желание заявить себя; формальный (принудительный, ограничивающий инициативу субъекта) характер ответственности, обусловленный руководством извне, доминирующей позицией взрослого; реальные взаимоотношения (конфликтные ситуации) возникают только в ходе игровой деятельности, обусловленные несовпадением выбранной роли с желаемым

статусом (желание быть лидером); ограниченное количество сюжетов обусловлено узким кругом действий из-за вынужденной изоляции в домашних условиях. К псевдокомпенсаторным проявлениям субъектности можно отнести манипулирование другими людьми; заявляемое желание быть лидером, при отсутствии навыков, необходимых для этого статуса; стремление к детям более младшего возраста (мнимое лидерство); неконструктивная агрессивность по отношению к партнерам по игре.

2. Показано, что в общении особенности проявления субъектности связаны: с иницированием потребности в обмене опытом; с умением координировать свои действия с действиями сверстников в процессе налаживания контактов (перенимание друг у друга знаний); со стремлением к совместным решениям поставленных задач без помощи взрослого (самостоятельность, инициативность); с умением самостоятельно выбирать дополнительные способы коммуникации – жесты, знаки, графические способы.
3. В самосознании псевдокомпенсаторные проявления субъектности выражаются в завышенном уровне притязаний и неадекватно завышенной самооценке. Эти проявления отражают поиск способов быть субъектом.

В результате исследования выявлено, что интенсивность и особенности проявления субъектности личности в самосознании ребенка зависят от того, как оценивает ребенка его ближайшее окружение и от преобладающего стиля воспитания в семье.

Полученные теоретические и практические результаты используются психологическими службами в консультативной работе с родителями и воспитателями и медицинским персоналом при разработке коррекционных программ, ориентированных на поддержку становления субъектности личности ребенка с двигательными ограничениями, позволяющих овладеть приемами конструктивного взаимодействия с ребенком.

Религиозность личности, как фактор обуславливающий отношение к другому человеку

О.Н. Мерцева (Краснодар)

Religious person, as the ratio of factors contribute to another person – *O.N.Mertseva (Krasnodar)*

В современном российском обществе происходят заметные изменения, связанные с отношением человека к религии. Выполненное исследование обращено к феноменологии события, к особенностям ценностных установок религиозного человека, в его отличии от личности, не склонной к религиозности. Рассматривается характер складывающихся отношений между религиозными и нерелигиозными людьми.

Предмет исследования – влияние религиозности личности на характер её отношений к Другому человеку (на примере православной религии).

Методики эмпирического исследования: авторская анкета для определения религиозности респондентов; методика М. Рокича «Ценностные ориентации»; шкала Мак-IV (в адаптации В.В. Знакова); шкала социального принятия Богардуса; семантический дифференциал личности; методика РОП.

В исследовании приняли участие 80 человек – студенты Кубанского университета в возрасте от 18 до 24 лет.

Результаты исследования. Методика Богардуса показала, что для религиозного человека нерелигиозный в меньшей степени «чужой», чем для нерелигиозного – религиозный. Религиозный человек заявляет в качестве приоритетных ценностей – любовь и семейную жизнь. Также для них имеет большое значение честность и ответственность. Для нерелигиозного человека приоритетными являются – материально обеспеченная жизнь и жизненная мудрость. Также важную роль в их жизни играют образованность и независимость, а ценность семьи оказалась на последнем месте в иерархии. Религиозные респонденты приписывают

нерелигиозным макиавеллизмом в отношениях в большей мере, нежели это свойственно им самим (себе – 68 ед., нерелигиозным – 89 ед.). Результаты опроса нерелигиозных респондентов в полной мере согласуются с этими данными (себе – 85 ед., религиозным – 49 ед.).

Анализ семейных ценностей и ролевых ожиданий в семейных отношениях показал, что нерелигиозный человек предъявляет больше требований к участию супруга в организации быта, большее значение для него имеют хозяйственно-бытовые ориентации партнера. Для нерелигиозных не так значима сфера личностной идентификации с будущим супругом, а родительско-воспитательская функция перекладывается практически полностью на партнера. Мера установки на материнство и готовность концентрировать в своих руках родительские обязанности у религиозных девушек намного выше, чем у нерелигиозных. Это также подтверждается тем, что нерелигиозные девушки ориентированы на одного ребенка в семье, а

у религиозных девушек намерение иметь 2-3 детей. Выявлены существенные различия в предпочтениях формы фиксации брака: религиозная молодежь критически относится к сожительству без регистрации (так называемый «гражданский брак»).

Обобщая полученные результаты, можно заключить, что религиозность личности является фактором, обуславливающим отношение к другому человеку и предпочитаемые «правила» со-бытия.

Смыслы готовности студентов к профессиональной деятельности

Л.С. Моцарь, С.Д. Некрасов (Краснодар)

About levels of readiness of students to professional work — *L.S. Motsar, S.D. Nekrasov (Krasnodar)*

Исследуя феномены самореализации студента как субъекта будущей профессиональной деятельности, интерес представляют поиски ответов на следующие вопросы: «Когда возникает у студента готовность к профессиональной деятельности?», «Каковы параметры этой готовности?», «Каким могут быть уровни готовности студента?» и др.

Анализ исследований по проблеме готовности личности показал существование различных подходов, наиболее распространенными среди которых выступают – функциональный, в котором готовность рассматривается как психическое состояние (Ю.М. Забродин, А.О. Прохоров, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский и др.), и личностный, где готовность исследуется как устойчивая личностная характеристика, комплекс личностных черт (Б.Г. Анаев, А.А. Деркач, Э.Ф. Зеер, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, А.Ц. Пуни и др.). Полагаем, что готовность студента может рассматривать как результат взаимосвязанных процессов накопления качественных личностных изменений им как субъектом обучения и осознания себя субъектом будущей профессиональной деятельности. А сформированная готовность студента к профессиональной деятельности отражает тенденции и эффективность процесса самореализации его личности.

Поиск эмпирических подтверждений этих предположений осуществлялся на выборочной совокупности студентов КубГУ (N = 181). Были использованы разработанные опросник «Готовность студента к профессиональной деятельности» и экспертный опросник «Активность студента в исследовательской деятельности», а также тест ценностных ориентаций, самоактуализационный тест, тест «Самоэффективность», методика «Направленность личности», опросник «Якоря карьеры». Основные выводы:

1. Самореализация студента как субъекта будущей профессиональной деятельности определяется совокупностью средовых (содержание обучения и производственных практик, требования основных образовательных программ высшего профессионального образования) и личностных факторов (совокупность личностных свойств).

2. Уровни готовности студента к профессиональной деятельности определяются сочетанием параметров: самооценки собственной готовности к работе; осознанным владением

обретенными способностями; исследовательской активностью. Выделены основные уровни готовности студента: «проявленной готовности», «квазиготовности», «псевдоготовности».

3. Студентов с уровнем «Проявленной готовности» отличают наличие ценностей «выдержанность», «самостоятельность», «стабильность», высокий уровень компетентности во времени; независимости в поступках; самоактуализации; гибкости поведения, преобладание деловой направленности; высокий уровень самоэффективности; выраженность карьерных ориентаций «Профессиональная компетентность».

Студентов с уровнем «Квазиготовности» отличают наличие ценностей «исполнительность», «добросовестность», «находчивость», средний уровень компетентности во времени; независимости в поступках; самоактуализации; гибкости поведения, преобладание личностной направленности; средний уровень самоэффективности; выраженность карьерных ориентаций «Автономия».

Студентов с уровнем «Псевдоготовности» отличают наличие ценностей «порядочность», «интерес к людям», «аккуратность», низкий уровень компетентности во времени; независимости в поступках; самоактуализации; гибкости поведения, отсутствие доминирующего типа направленности; средний уровень самоэффективности; преобладание карьерных ориентаций «Стабильность места жительства и работы».

Согласованность образов Я и подтверждение Другими как механизмы самоактуализации личности

Л.Н. Ожигова (Краснодар)

Congruence of Self images and confirmation by Others as the mechanisms of self-actualization —
L.N. Ozbigova (Krasnodar)

Формирование личности как интегративной инстанции полно противоречий и внутренней борьбы, связанной с обобщением и переструктурированием личностных смыслов. Но что заставляет человека осуществлять постоянное движение, актуализировать свои личностные потенции?

В середине прошлого столетия в 50-е – 60-е гг. американская гуманистическая психология пыталась решить эту проблему через понятие самоактуализация (К. Голдштейн, К. Роджерс, А. Маслоу). Основные достижения в теоретико-методологическом осмыслении проблемы самоактуализации этого периода связаны с развитием представлений об иерархической предзаданности потребностей и описании характерологической структуры самоактуализирующейся личности.

Дальнейшее развитие идеи самоактуализации уже в контексте экзистенциальных рассуждений буквально «наполнило» проблему раскрытия человеческого потенциала смыслом – личностным содержанием для каждого человека. Это позволило преодолеть 1% порог в возможности самоактуализации, установленный А.Маслоу для человечества, и перейти от жесткой дифференцировки на «высшую и низшую касту» по уровню самоактуализации к изучению конкретных ценностей и смыслов личности. Определено, что тенденции к самоактуализации есть у всех, но выделять самоактуализирующихся людей следует скорее не по чертам (уровням), а по более сложным и глубоким основаниям.

В отечественной психологии в 80-90-е годы тематика самоактуализации «обогащается» идеей опредмечивания сущностных сил, своего Я в Других (персонализация) или в значимом для Других, общества продукте (культурализация) (А.В. Петровский, В.А. Петровский, Д.А. Леонтьев).

Миллениум принес дискуссию о человеке как субъекте, преобразующем свое бытие, чем вновь на новом уровне вернул нас к идее о самоактуализации личности. Представление о человеке как о субъекте вселяет в нас веру, что «здоровых» (по А. Маслоу) представителей человечества больше, чем 1%, и акцентирует внимание на том, что именно активность, целостность

и пристрастная вовлеченность в объект, на который направлена деятельность (субъектность), дает личности энергию в реализации себя.

Именно в рамках субъектно-бытийного подхода теоретико-методологические и практические ограничения теории самоактуализации могут быть преодолены. В этом подходе возможно выделение качественно других оснований для определения самоактуализации – это не черты и даже не ценности, а механизмы существования самой личности: внутренняя согласованность и подтверждение внутренним внешним. Данные базовые потребности (как и потребность в самоактуализации) обозначены в ряде работ З.И. Рябикиной. Они (потребности) одновременно выступают, по нашему мнению, в качестве механизмов самоактуализации. То есть критерием самоактуализации может быть не набор некоторых черт, не бесконечная вариативность способов и смыслов опредмечивания себя, а вполне конкретные психологические состояния личности – внутренняя согласованность и подтверждение внутреннего внешним.

В психотерапевтическом контексте достаточно тогда интегрировать части образов Я клиента и осмыслить вместе с ним его отношения с Другими, чтобы продвинуться по пути самоактуализации: позволить стремящемуся к реализации человеку в конкретно заданный момент пережить счастье внутреннего равновесия и близости со значимыми для него людьми.

Продуктивный модус бытия личности как ресурс ее самореализации в пространстве профессионального бытия.

А.А. Орел (Краснодар)

Productive modus lives of the person as a resource of its self-realization in space of professional life – A.A. Orel (Krasnodar)

С позиций субъектно-бытийного подхода профессиональная самореализация личности рассматривается как процесс, и как результирующая процесса осознания и осмысления индивидуально-своеобразного, качественно определенного, активно-преобразующего способа ее существования в пространстве профессии и организации своей профессиональной бытийности. Самореализация обеспечивается наличием соответствующих ресурсов различного уровня, в числе которых, безусловно, значимую роль играют ресурсы личностно-психологические.

Констатируя многообразие подходов к пониманию и описанию широкого спектра ресурсных характеристик личности, полагаем актуальным поиск такого теоретического конструкта, который позволил бы объединить и системно проанализировать широкий спектр разноуровневых личностно-психологических параметров, определяемых как ресурсные. Применительно к личности как субъекту профессионального бытия многообразие ресурсных характеристик органичным образом интегрируется понятием модус бытия личности, который предполагает их специфическую конфигурацию в определенный пространственно-временной период. Самореализация личности в пространстве профессионального бытия имеет уровневый характер. Различным уровням самореализации соответствуют специфические проявления модуса бытия. В частности, высокому уровню соответствует продуктивный модус бытия, предпочтение которого мы рассматриваем в качестве психологического ресурса самореализации личности в пространстве ее профессионального бытия.

К универсальным содержательным характеристикам продуктивного модуса бытия личности относятся:

- особенности субъектной позиции личности и ее экзистенциального самоопределения, а именно: высокий уровень осмысленности жизни; позитивное отношение к жизни, уверенность в собственных силах и возможности строить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о её смысле; общее мировоззренческое убеждение в том, что человек может и должен самостоятельно контролировать свою жизнь, принимать решение и воплощать их в жизнь;

- характеристики мотивационно-потребностной сферы личности, а именно: ее деловая направленность в сочетании со средним (оптимальным) уровнем потребностей в достижениях; высоким уровнем карьерной ориентации субъекта на профессиональную компетентность, стремлением быть мастером своего дела, достичь признания своих профессиональных успехов.
- особенности личностной активности: сформированность индивидуальной стратегии социальной адаптации с преобладанием такого личностного компонента, как креативность;
- высокий уровень сформированности профессиональной идентичности личности, преимущественно рациональной.
- Модусы бытия личности имеют свою специфику обусловленную типом профессии, гендерными характеристиками субъекта самореализации, этапом ее профессионализации.

Неконгруэнтность смысловой сферы онкологических больных

Н.А. Русина (Ярославль)

Incongruence of sense sphere of oncological patients — *N.A. Rusina (Yaroslavl)*

Неконгруэнтность смысловой сферы проявляется в том, что сохранение здоровья не является главным смыслом онкологического больного. Рассмотрим результаты, полученные в исследованиях отношения к болезни в трех группах: онкологических пациентов, пациентов психотерапевтического профиля с депрессивной симптоматикой и условно «здоровых». Для групп пациентов ведущим типом отношения к болезни в профиле является сенситивный. Для «здоровых» на первом месте – анозогнозический. На втором месте у онкологических больных так же, как и у здоровых, – эргопатический (уход в работу). Если обратиться к исследованиям по методике СМОЛ, то у онкологических больных значимо выше, чем у «здоровых», показатели сверхконтроля и ригидности, что маркирует личностей, склонных к сдерживанию самореализации, контролю и скупости эмоций, осторожности, высокой требовательности к себе и другим при стремлении соответствовать нормативным критериям. Как субъекты деятельности, все онкологические больные весьма успешны.

Неконгруэнтность смыслов проявляется также в несоответствии декларируемых и глубинных смыслов личности. В качестве примера можно привести высказывания онкологических больных, узнавших о тяжести своего положения: «Разве я стал бы так жить, если бы знал, что со мной случится? Я бы больше внимания уделял своему здоровью, себе самому». Результаты, полученные по методике исследования самоотношения, показали в группе онкобольных превышение по всем шкалам. Но самые высокие баллы оказались по фактору «самоуничтожения», включающему 2 шкалы: внутреннюю конфликтность и самообвинение. Это маркирует их как личностей, обладающих повышенным самоуважением, граничащим с конформностью и зависимостью от социальных норм, при наличии аутосимпатии, а также присутствием самоуничтожения как механизма защиты «Я» от отрицательных эмоций, которые бессознательно подавлены. Как известно, преобладание у человека положительных эмоций сопровождается ощущением им осмысленности жизни. В случае с онкологическими заболеваниями мы имеем факт депривации эмоциональной сферы: положительные эмоции не замечаются, а отрицательные – подавляются.

Исследования смыслозначимых ориентаций проводились по методике СЖО. По субшкале «результативность жизни, или удовлетворенность самореализацией» у онкологических пациентов наблюдается снижение профиля и самый низкий балл из трех групп, что свидетельствует о неудовлетворенности прожитой жизнью. Это связано с процессом преждевременного подведения итогов жизни, а также с разрушением в ряде случаев всей смысловой структуры

личности. Второй низкий балл – по субшкале «локус контроля – жизнь, или управляемость жизни» – при наличии высокого самоуважения подчеркивает вынужденную убежденность больных в том, что жизнь их стала неподвластна сознательному контролю (они отдают себя во власть врачей), что приводит их к еще большему самоуничтожению. Для изучения устойчивости индивидуальной структуры смыслов использовалась методика предельных смыслов. У пациентов онкологической клиники наблюдаются более ограниченные предельные смыслы, чем у здоровых людей. Индексы децентрации и рефлексивности «здоровых» значительно выше одноименных у пациентов. Индекс негативности, наоборот, выше у пациентов.

В качестве механизмов, стоящих за этими процессами, мы рассматриваем механизмы психологических защит (при утрате, потере смыслов) и совладаний (при реконструкции и трансформации смыслов). Основная направленность смысловой регуляции больных – защитная, служащая избеганию дискомфорта, причиняемого своему социальному окружению. Исследования защитных реакций по методике индекса жизненного стиля показали, что механизмы «отрицание», «реактивные образования» и «интеллектуализация» выше нормы у онкологических пациентов. Многие из них стесняются своей болезни, скрывая ее от окружающих (отрицание). Больные стремятся казаться сильными, чтобы не обременять своими проблемами близких людей (реактивные образования). Большинство пациентов много читают о болезни, придумывая ей псевдоразумные объяснения (интеллектуализация). Итак, мы получили вывод о том, что у онкологических больных при высоком личностном самоконтроле и ригидности защитные механизмы направлены на сохранение своего имиджа, статуса, норм и приводят к эмоциональному сдерживанию. И в данном случае им легче пережить утрату своих ценностей или смыслов, чем изменить их. Наши исследования совладающего поведения по методике Р. Лазаруса, показали, что у онкологических больных снижены реакции планирования решения проблем и принятия ответственности, т.к. они вынужденно передают ответственность за свою жизнь в руки врачей, несмотря на мнение о себе как о сильных личностях.

Осознание неконгруэнтности смыслов приводит больного к разрушению хрупкой иерархической системы смыслов. Возникает необходимость укреплять старую или создавать новую систему. В случае с тяжело больными мы, скорее всего, имеем дело с потерей (утратой) смыслов при безнадежном исходе, а при благоприятном прогнозе – с реконструкцией или трансформацией смыслов.

Итак, противоречие между повышенным самоуважением, граничащим с конформностью и зависимостью от социальных норм, аутосимпатией и самоуничтожением как базовой смысловой структуры личности онкологического больного и факт осознания неконгруэнтности системы смыслов при факте заболевания, неудовлетворенность прожитой жизнью могут актуализировать процесс «смыслостроительства», обнаружения новых жизненных смыслов. Данный ресурс на практике оказывается самым эффективным копинг-поведением и существенным образом способствует улучшению качества жизни пациента.

Психология со-бытийности: теоретико-методологические основания анализа

З.И. Рябикина (Краснодар)

Psychology co-beingness: theoretical and methodological bases of the analysis – *Z.I. Ryabikina (Krasnodar)*

Современное понимание сущности человека связано с субъектной ориентацией (Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова, В.В. Знаков, Е.А. Сергиенко, В.А. Петровский, З.И. Рябикина, Г.Ю. Фоменко, Л.Н. Ожигова и др.) и идеологией диалогизма (М. Фуко, Ж. Делёз, М. Бубер, М.М. Бахтин, М.К. Мамардашвили, В.Н. Мясищев Ж. Лакан, М. Турнье и др.).

В субъектно-бытийном подходе реализуется взгляд на личность, как на субъекта процесса бытия, который необходимо поддерживать определенным образом ориентированной

субъектной активностью (З.И. Рябикина, Г.Ю. Фоменко, Л.Н. Ожигова, А.Р. Тиводар, Г.Г. Танасов, А.В. Бурмистрова-Савенкова, Д.А. Панов, Т.К. Хозяинова, Е.Н. Диденко, О.В. Болдырева и др.). Личность организуется как согласованное единение психических процессов. Ее целостность и непрерывность переживается человеком как чувство идентичности или самоидентичности.

Личностная идентичность – это то, что можно назвать «mainstrim», т.е. процесс, направляющий интеграцию, и, в этом качестве, выполняющий системообразующую (соединение прошлого, настоящего, будущего личности; гармонизация исполняемых ролей и др.), регуляторную, смыслообразующую функции. Этот фактор является объяснительной причиной многих особенностей понимания человеком реальности окружающего мира, его переживаний и поведения.

Сложная диалектика внешнего и внутреннего очевидна при попытке анализа и выделения причин активности личности. Намерение их дифференцировать всегда затруднено тем, что, решая задачи, обусловленные внешними обстоятельствами, личность решает свои внутренние задачи направляемые и регламентируемые личностной процессуальностью, ее непрекращающейся бытийностью. Человек «вписывает» эти решения в свою повседневность с ее внешними обязательствами. Это прослеживается в инерционных, защитных, поддерживающих (направленных на подтверждение личности) механизмах.

На основании субъектно-бытийного подхода сформирована концепция со-бытия личности с Другим, создающая возможность увидеть проблемы отношений между людьми с позиции личности, реализующей определенные стратегии самоактуализации и поддержки непрекращающегося процесса своего бытия, определенным образом сориентированной субъектной активностью (З.И. Рябикина, А.Р. Тиводар, Г.Г. Танасов, Т.К. Хозяинова, Е.Н. Диденко, О.В. Болдырева, М.А. Ктениду и др.).

Личность, как субъект бытия, организует процессы объективной реальности таким образом, чтобы обрести и подкрепить свое чувство идентичности: расширяет круг лиц, поддерживающих это чувство; избегает, либо проявляет агрессию в контактах с теми, кто подвергает сомнению право личности на это чувство, в связи с тем, что их структура ценностей вступает в противоречие и делает сомнительной структуру ценностей, которая лежит в основе Образа-Я субъекта самоидентификации.

Когда бытийные пространства двух и более человек характеризуются структурно-смысловой общностью, можно говорить о со-бытийности. Со-бытийность строится в непрерывном диалоге субъектов и в идеале предполагает сходство образов мира, поведенческих паттернов, мотивационно-потребностных состояний и обусловленных ими переживаний. Личность в своей субъектной активности стремится согласовать смыслы, достичь понимания, занять желаемую позицию в ролевой комбинации с партнером по общению, прийти к определенному со-переживанию и пр., что позволит ей чувствовать аутентичность своего бытия в со-бытии с другим человеком.

Смысловой тезаурус в процессах самоинтерпретации

Е.Е. Сапогова (Тула)

Semantic Thesaurus in the Self-Interpretation – *E.E. Sapogova (Tula)*

1. Одной из характеристик зрелой личности может считаться способность к личностной герменевтике, определяемой как специфическая функция самосознания, посредством которой совершаются процессы самоистолкования (самоинтерпретации), способствующие самопониманию и последующей самодетерминации. Её развитие стимулируется нарастающей когнитивной сложностью взрослой личности, выработкой индивидуального жизненного стиля, столкновением с такими жизненными обстоятельствами, для которых не найдено аналогий и клише в семиотических ресурсах социализации.

2. В процессе самоинтерпретации строится личный (индивидуальный) смысловой биографический тезаурус, отражающий «горячие» бытийные точки жизни субъекта и его отношение к ним. Используемые единицы тезауруса максимально точно соотнесены с рефлексированными эпизодами жизни личности и её собственными возрастными и характерологическими особенностями.

3. Тезаурус составлен автографемами – «событиями жизни», которые личность превратила в «события текста», преломив их через собственный жизненный опыт, смысловые конструкции, ценностные системы, переживания. Автографема есть превращённая форма индивидуального жизненного факта, наилучшим образом раскрывающая её самое себя и самобытность её жизни.

4. Теоретический анализ позволяет говорить о существовании, как минимум, четырёх типов автографем. Доминирующие автографемы очерчивают субъекту актуальный для современного ему хронотопа круг «должного-значимого» в жизни. Они усваиваются в процессах первичной социализации, «диктуя» субъекту некую общую систему принятых в данной культуре категорий, которыми он должен структурировать и измерять событийное течение своей жизни. Прецедентные автографемы очерчивают круг «избирательно-значимого» в жизни личности. Речь идёт о фольклорных и литературных сюжетах, персонажах, архетипах, которые по причинам, важным и понятным только конкретной личности, выстраивают в сознании типичные стратегии самоосмысления. Уникальные автографемы – это нарративные события жизни субъекта, расходящиеся с привычными (доминирующими) и прецедентными и потому образующие наиболее «сильные» точки текстов о себе. Они очерчивают в сознании круг «персонально-значимого» и побуждают к рефлексии, анализу и «коллекционированию» крупиц уникального, самобытного опыта. Альтернативные автографемы выступают как нарративные события, которые могли бы произойти в жизни личности, исходя из того, как она мыслит и понимает себя. Это могут быть заимствованные из книг и чужих жизнеописаний и даже надуманные вставки, фантазийные эпизоды, которыми человек усиливает значимость своей жизни, объясняет ими что-то для самого себя и пр. Из каких-то точек события жизни могли бы пойти иначе, и личность пробует хотя бы мысленно пройти эти пути с тем, чтобы достичь лучшего понимания свершившегося и того, что может произойти в её жизни, если решиться всё же «свернуть» не в ту сторону, по которой жизнь идёт сейчас. Это очерчивает круг «вероятностно(возможностно)-значимого», составляющий наиболее творческую часть автобиографических нарративов.

5. Содержание рассказов о себе и конкретную сцепку автографем для них определяют индивидуальная биографическая канва, жизненный проект, экзистенциальный профиль личности и внутренняя оценка субъектом своих жизненных достижений.

6. Сюжетную рамку для любой истории, рассказываемой человеком о самом себе, образует экзистенциальный модус (тема, способ, мотив) – в той или иной мере фиксированное и принятое самим субъектом направление, пространство, границы собственного бытия в разворачивающейся во времени жизни. Таких модусы могут быть описаны универсальными концептами «потеря», «приобретение», «испытание», «трикстерство», «долг», «вера» и т.д.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект №10-06-00152 а).

Гендерная самооценка и эталон переговорщика у мужчин и женщин с различающимся опытом деловых переговоров

Г.Г. Танасов (Краснодар)

Gender's self-appraisal and reference of gender image of negotiator in representation of men and women differs in the length of experience in business negotiations — *G.G. Tanasov (Krasnodar)*

Переговоры, как один из видов делового общения, инициируются в связи с возникшим конфликтом интересов между отдельными людьми, группами, сторонами деловых

отношений. Но, одновременно, переговоры – конкретная актуальная ситуация общения, в которой личность продолжает оставаться субъектом, ориентирующим свою активность на достижение и поддержку личностной идентичности.

В исследованиях переговоров необоснованно элиминируется фактор пола личности. Причина в повышенном внимании науки к гендерным трансформациям, «выравнивающим» разницу между мужчиной и женщиной, что отвлекает исследователей от фундаментальной роли полового диморфизма, обуславливающего психологический статус личности и соответствующие культурным образцам поведенческие модели, установки самопрезентации, особенно в отношениях мужчины и женщины друг с другом (Дж. Батлер, С.Бем, Л.Н.Ожигова, И.С. Клецина, Г.Г.Танасов и др.).

Задача нашего исследования состояла в выявлении представлений мужчин и женщин (как субъектов переговорного процесса) о помогающем/мешающем наборе гендерных черт (эталон), а также гендерных самооценочных представлений и их связи с представлением об эталоне переговорщика.

В исследовании представлены результаты сравнения 4-х групп респондентов (молодые мужчины и женщины в возрасте от 25 до 35 лет и более опытные переговорщики в возрасте от 35 до 52 лет). Общее количество участников исследования – 119 человек. Использовался модифицированный вариант методики «Психологический пол» С.Бем (модификация О.Г.Лопуховой).

Итоговые суммы баллов показывают безусловное преобладание маскулинных черт в эталоне переговорщика. Успешный переговорщик – «мачо». Все четыре группы респондентов в этих оценках едины. Однако, максимально маскулинизированный (346 баллов) и минимально феминизированный (- 48 баллов) эталон переговорщика свойственен зрелым женщинам с продолжительным опытом участия в переговорах. Наименее маскулинизированный эталон (224 балла) с наибольшим включением феминных черт (3 балла) свойственен зрелым мужчинам.

Если у женщин опыт участия в переговорах привел к возрастанию маскулинности в представлениях об эталоне переговорщика (от 269 к 346 баллам), то у мужчин зафиксирована обратная динамика (от 260 к 224 баллам).

Восприятие роли феминных черт у женщин с большим переговорным опытом ухудшилось (от «- 15» к «- 48» баллам), у мужчин зафиксирована обратная картина (с «-18» к 3 баллам).

Сравнение показателей по гендерным самооценкам и по гендерным профилям эталона переговорщика показало, что маскулинность женщин фиксирована и неизменна, а приписывание маскулинности эталону резко возрастает. Эта дивергенция гендерной идентификации женщин и их представлений о гендерных особенностях успешного переговорщика создает основание для вывода о неудовлетворенности женщин своим потенциалом переговорщика, и своей (женской) позицией в качестве субъекта переговоров.

В динамике гендерной идентификации мужчин и их представлений о гендерных особенностях успешного переговорщика есть понятная логика: происходящие изменения в маскулинных профилях (актуальном и эталонном) у мужчин однонаправленны. Снижение выраженности маскулинных качеств зафиксировано, как в отношении представления о гендерном эталоне переговорщика, так и в отношении самооценки мужчинами своих маскулинных черт.

Жизненные цели и смысл жизни личности как субъекта организации времени своей жизни

П.Ю. Удачина (Краснодар)

The life purposes and the meaning of personality's life like a subject of time organization of one's life —
P.Y. Udachina (Krasnodar)

Современная ситуация в нашей стране характеризуется частой сменой темпов и ритмов жизни общества, что создает необходимость поиска личностью эффективных способов организации времени своей жизни в стремительно меняющемся мире.

Общество формирует запрос на субъекта, ответственно относящегося к своей жизни и своему времени, способного активно, осознанно и самостоятельно его структурировать, составлять долгосрочную программу действий на основе осознанной необходимости реализации смысла жизни.

Вследствие этого целью исследования стало изучение связи жизненных целей и смысла жизни с особенностями личности как субъекта организации времени жизни (активностью, ответственностью, уровнем притязаний, рефлексией). Были подобраны методы исследования: методика «Тип поведенческой активности» Л.И. Вассермана и Н.В. Гуменюка; методика «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера; опросная процедура «Уровень притязаний личности» В. Гербачевского; методика определения индивидуальной меры рефлексивности А.В. Карпова и В.В. Пономарева; авторская опросная процедура «Жизненные цели и смыслы». Методы математической обработки данных: коэффициент корреляции Пирсона, корреляционный анализ.

Результаты первых эмпирических исследований (общее количество респондентов – 61 человек: 19 юношей и 42 девушки, студенты КубГУ), выявили следующие корреляции:

- положительные корреляции активности личности с масштабностью жизненных целей ($r=0,35$; $p<0,05$) и с количеством значимых для испытуемых сфер жизнедеятельности, затронутых при определении целей жизни и построении планов жизни ($r=0,39$; $p<0,05$). Личность, характеризующаяся рациональной активностью, целеустремленная; имеет масштабные жизненные цели, четкий план жизни, связанный с несколькими значимыми сферами жизни, и продолжительную временную перспективу с ориентацией на будущее.
- умеренную положительную корреляцию индивидуальной меры рефлексивности личности с осознанностью смысла своей жизни и своих действий, направленных на достижение целей жизни ($r=0,33$; $p<0,05$). Личность с развитой рефлексией осознает необходимость постановки и достижения значимых жизненных целей и активно предлагает для этого конкретные усилия, сознательно направляя свою активность на реализацию смысла жизни.
- положительные корреляции степени ответственности личности за жизненные события и свою жизнь в целом с самостоятельностью в определении жизненных целей ($r=0,29$; $p<0,05$) и с инициативностью ($r=0,48$; $p<0,05$). Личность с развитым чувством ответственности за свою жизнь и события, происходящие в ней, самостоятельна в определении целей жизни, инициативна в их осуществлении, детерминирует жизненный путь на основе осознанной необходимости реализации смысла жизни.
- положительные корреляции уровня притязаний личности с самостоятельностью в определении жизненных целей ($r=0,62$; $p<0,05$) и с масштабностью жизненных целей ($r=0,33$; $p<0,05$). Личность с высоким реалистичным уровнем притязаний самостоятельно определяет трудно достижимые, масштабные, долгосрочные жизненные цели и надеется на собственные силы в их реализации.

В заключение отметим, что разработанный методический материал и другие результаты исследования могут быть использованы специалистами-психологами, логотерапевтами, работающими с личностью, находящейся в ситуации осмысления жизненного пути, выбора жизненных целей и построения планов жизни.

Удовлетворенность выбранной профессией и автобиографическая память личности (на примере курсантов образовательного учреждения МВД РФ)

Ю.Б. Макаренко (Новороссийск)

Satisfaction the profession chosen and person autobiographical memory — *Y.B. Makarenko (Novorossiysk)*

Эмпирическое исследование, в котором принял участие 171 курсант 1-4 курсов Краснодарского университета МВД РФ, обнаружило связь удовлетворенности профессиональным выбором с особенностями автобиографических воспоминаний личности. Удовлетворенность профессиональным выбором является интегративным показателем, отражающим отношение субъекта к избранной профессии. Курсанты, удовлетворенные своим профессиональным выбором, демонстрируют особое отношение к своему профессиональному будущему и прошлому: ясно представляют свой дальнейший профессиональный путь, собираются работать по выбранной специальности, и считают, что она станет главным делом их жизни; подчеркивают свою активную роль в совершении профессионального выбора, обращают внимание на самостоятельность сделанного выбора. Определение ведущих статусов профессиональной идентичности курсантов выявляет прочную связь удовлетворенности профессиональным выбором с переживанием личностью сформированной профессиональной идентичности. В поиске личностных ресурсов удовлетворенности выбранной профессией мы обратились к исследованию экзистенциальной (личностной) функции автобиографической памяти в данном аспекте. Особое внимание уделено анализу субъектных характеристик воспоминаний: оценке респондентами собственной роли в произошедших жизненных событиях, принятию прошлого опыта, выделению событий, связанных с процессами самоопределения и самоактуализации личности. Приведем некоторые выявленные взаимосвязи. Личная история курсантов, довольных своим выбором, отличается большей насыщенностью. В общем количестве преобладают приятные воспоминания и редко встречаются нейтральные в эмоциональном плане события. Демонстрируется принятие событий прошлого: в отношении неприятных событий, желание отменить какое-то событие встречается в исключительных случаях, связанных преимущественно со смертью близких и перенесенными физическими травмами. Курсанты же, желающие «переписать» свою историю, демонстрируют крайне низкую удовлетворенность профессиональным выбором. В воспоминаниях находит отражение субъектная позиция личности, удовлетворенные профессиональным выбором курсанты причину личных событий видят в собственных стараниях, либо говорят о том, что предпринимали все попытки, чтобы событие не произошло. Чем более удовлетворены курсанты своим выбором, тем больше они вспоминают событий, связанных с процессом выбора профессии и способствующих ему. Большое количество событий внутренней жизни, отражающих процессы самопознания, принятия решений, осуществления личных планов, свойственно содержанию автобиографических воспоминаний субъектов, уверенных в правильности своего выбора. Интересно, что учащиеся, удовлетворенные профессиональным выбором, чаще других вспоминают события, связанные с семьей. Объективные условия учебно-служебной деятельности (казарменное положение, отсутствие свободного времени и др.) создают ограничения в общении с близкими и родственниками, автобиографическая память помогает восполнить этот дефицит. Согласованность автобиографических воспоминаний с актуальным состоянием субъекта является результатом двустороннего взаимодействия, но в любом случае автобиографические воспоминания выступают важным ресурсом личности в решении проблем экзистенциального характера, как в данном случае – в вопросе отношения субъекта к профессиональному выбору, и заслуживают особого внимания со стороны субъекта. Задача всех, кто помогает личности в ее становлении (родителям, педагогам, психологам), – открыть этот ресурс для самого субъекта.

Модусы бытия личности: к вопросу о содержательных основаниях дифференциации

Г.Ю. Фоменко (Краснодар)

Modi of being of personality: on the question of the pithy bases of differentiation —

G.Ju. Fomenko (Krasnodar)

При выделении двух способов личностной бытийности (предельного и экстремального) в контексте концепции личности как субъекта бытия в экстремальных условиях, мы опирались, прежде всего на разработанные С.Л. Рубинштейном теоретико-методологические положения о двух способах существования, о неразрывности сущности личности и способа существования, а также утверждение о том, что каждый способ существования характеризуется качественной определённой его субъектов.

Было обосновано и доказано, что два способа личностной бытийности обусловлены: особенностями субъектной позиции личности и характером экзистенциального самоопределения в сочетании со специфической конфигурацией ценностно-смысловых предпочтений личности, мотивационно-потребностной сферы, конструирования образа мира и организации активности личности.

Указанные модусы бытия личности были транскрибированы для решения прикладных задач как продуктивный и деструктивный. В дальнейшем была установлена специфика проявления продуктивного и деструктивного модусов бытия личности применительно к представителям социономических и сигнономических типов профессий, не связанных с экстремальными условиями жизнедеятельности, а также выделен дополнительный – флуктуирующий способ личностной бытийности.

В процессе решения научно-практической задач по определению степени психологической готовности сотрудников силовых ведомств к выполнению служебных задач в районах со сложной оперативной обстановкой предельный и экстремальный модусы бытия личности были операционализированы (с целью более дифференцированного описания их феноменологии, оценки структуры и процессуальных изменений) и обозначены как интенционально-независимый, интенционально-зависимый, а также были выделены дополнительно – утилитарный и аморфный модусы бытия личности.

Обращение к трудам М.Мамардашвили позволяет уточнить философские основания дифференциации предельного и экстремального модусов бытия, а также их содержательное наполнение и использовать данные конструкты в более широком профессиональном контексте, в частности, к решению проблем психологии безопасности личности.

М.Мамардашвили, рассуждая об антропологической катастрофе, а также анализируя принцип трёх «К» – Картезия (Декарта), Канта и Кафки, который упорядочивает ситуации принципиальной неопределённости, указывает на возможную опасность нигилизма. Последний он определяет как принцип «только не я могу» (могут все остальные – другие люди, Бог, обстоятельства, естественные необходимости и так далее). Человек же, подчёркивает М.Мамардашвили, это прежде всего распространённое во времени усилие, постоянное усилие стать человеком. Всё существующее должно превосходить себя, чтобы быть собой в следующий момент времени. Взрослое состояние человека – это способность человека обходиться без внешних авторитетов, мыслить своим умом и не нуждаться в помощах. Противоположное состояние М.Мамардашвили квалифицирует как инфантильность.

Опасность подобной позиции М.Мамардашвили резюмировал следующим образом. На вопрос о том, что есть же люди, которые хотят быть ведомыми, он заметил «Но тогда всё, гаси свечи».

Кратко воспроизведённая линия рассуждений подтверждает как правомерность базовой дихотомии модусов бытия личности, так и обосновывает целесообразность их первоначальных названий в качестве предельного и экстремального.

Стратегии поведения личности в трудных жизненных ситуациях, как показатель согласованности Образа Я

Т.П. Харьковская (Краснодар)

Consistency of personal self-image and behavioral strategy in difficult life conditions –

T.P. Kharkovskaya (Krasnodar)

Для современной психологии личности все более актуальными становятся проблемы, связанные с рассмотрением личности не как отдельно взятой реальности, а в совокупности всех ее проявлений. Личность изучается в контексте разнообразных отношений с бытийными пространствами. Все они влияют на ее развитие, отражаются в системе представлений о себе и определяют аутентичность бытия (С.Л. Рубинштейн, В.В. Знаков, Б.С. Братусь, З.И. Рязикина).

В системе взаимосвязей человека с окружающими людьми и миром ему приходится выступать в разных качествах, разных ролях, быть субъектом самых разнообразных видов деятельности. Из каждого взаимодействия с миром вещей и миром людей человек «выносит» образ своего Я. Показателем зрелости личности может быть только её целостность (согласованность на операциональном уровне), рассмотренная в аспекте интегрированности всех компонентов – когнитивного, эмоционального, поведенческого.

Учитывая многообразный спектр моделей описывающих содержание и структуру Образа Я, мы сталкиваемся с проблемой отсутствия конкретики в описании поведенческой составляющей. Соответственно, недоучёт поведенческого компонента приводит к однобокому представлению о ролевых составляющих самосознания и ограничивает возможность прогноза функционирования личности в трудных для неё жизненных ситуациях.

Целью нашего исследования является изучение связи согласованности Образа Я (в аспекте профессиональных и семейных ролей) и выбора различных стратегий поведения в трудных жизненных ситуациях.

В ходе исследования, мы выяснили, что согласованность Образа Я личности может быть представлена в виде трех состояний или этапов достижения согласованности: аморфный, диффузный и устойчивый. Для каждого этапа характерны свои способы и стратегии поведения.

Аморфный этап отличается абсолютной слитностью представлений о себе в двух ролевых позициях, отсутствием вариативности поведенческих стратегий (выбирают сотрудничество, как универсальный способ поведения), отсутствием корреляционной связи между личностными характеристиками и поведенческими стратегиями (либо это нелогичные, абсурдные сочетания), поведенческие характеристики выглядят либо как стереотипные, либо как очень абстрактные и размытые.

Диффузный – характеризуется неопределенностью представлений о себе, выбором различных стратегий поведения в двух ролевых позициях (но вариативность выше в семейной сфере), корреляционные связи, не устойчивы и наряду с логическими обоснованными, встречаются и абсурдные сочетания между личностными характеристиками и поведенческими стратегиями, прослеживается неопределенность установок на поведение и ощущение себя в профессиональной и семейной сферах.

Устойчивый – характеризуется четкостью представлений и высокой дифференциацией всех компонентов Образа Я личности, выбором различных стратегий поведения (вариативность стратегий выше в профессиональной сфере), устойчивой корреляционной связью, между личностными характеристиками и поведенческими стратегиями. В данной группе мы можем констатировать отсутствие экзистенциальных кризисов, анализируя деятельностные характеристики (четкие, последовательные и жизненно обоснованные).

Таким образом, вариативность поведенческих стратегий является одним из показателей согласованности Образа Я личности.

Субъектность матери, воспитывающей ребенка-инвалида, как условие ее субъективного благополучия

Т.К. Хозяинова (Краснодар), Е.Ю. Шебанец (Майкоп)

Subjectivity of the mother who is raising a disabled child-invalid, as a condition of its subjective well-being —
T. Hozjainova (Krasnodar), E. Shebanets (Maykop)

Рождение в семье ребенка-инвалида изменяет весь ход жизни семьи, причем, наибольшие трудности в данной ситуации приходятся на долю матери, снижая ее субъективное благополучие. Поэтому было проведено исследование, направленное на изучение объективных условий и личностных особенностей матери, обуславливающих ее субъективное благополучие. В результате теоретического анализа проблемы субъективного благополучия и обобщения опыта психологической помощи женщинам с детьми-инвалидами, была выдвинута гипотеза о том, что субъектность матери, ее активная жизненная позиция помогут ей справиться с тяжелыми переживаниями и возникающими проблемами. В качестве объективных факторов, отражающих субъектную позицию, были взяты такие социально-демографические показатели как трудовая занятость матерей, наличие профессионального образования и полнота семьи. К субъективному фактору были отнесены личностные качества интернальности и способности выхода из трудных жизненных ситуаций.

В исследовании приняли участие 50 матерей, имеющих детей-инвалидов с диагнозом ДЦП. Для изучения личностных особенностей матерей и их субъективного благополучия использовались следующие методики: уровень субъективного контроля (УСК), методика «Выход из трудной жизненной ситуации» (ТЖС) и «Шкала субъективного благополучия» в адаптации Соколовой М.В. Кроме этого, была разработана анкета, включающая оценки отношения к ребенку и взаимоотношений в семье и содержащая социально-демографические показатели. Обоснованность выводов подтверждалась использованием статистических методов. На основе анализа эмпирических данных были сделаны следующие выводы.

1. Фактор трудовой занятости женщин, имеющих ребенка — инвалида, позитивно сказывается на их субъективном благополучии. Оценка работающих женщин своего эмоционального благополучия оказалась выше, чем у неработающих. У работающих мам чаще полная семья; отец ребенка помогает в уходе за ребенком и у них складываются отношения поддержки и взаимопонимания; чаще, чем в семьях неработающих женщин у работающих женщин есть еще дети и это желанные дети.

2. Наличие профессионального образования также позитивно влияет на субъективный комфорт женщин, воспитывающих ребенка-инвалида. Имеющие профессию женщины чаще трудоустроены, у них более позитивные взгляды на будущее ребенка, более благополучны они и в семейных отношениях.

3. Фактор полноты семьи связан с позитивными тенденциями влияния на субъективное благополучие женщин, имеющих ребенка-инвалида. Женщины из полных семей чаще имеют проф. образование, все дети из таких семей желанные, никто из матерей из полных семей не отдает ребенка в специальное учреждение. Отношения с мужем у большинства женщин хорошие, он оказывает помощь в воспитании ребенка гораздо чаще, чем в неполных семьях. Такие матери уделяют достаточно внимания и часто проводят время с семьей.

4. Выявлены достоверные различия по выраженности интернальности и способам выхода их сложных жизненных ситуаций в группах женщин с разным уровнем субъективного благополучия: чем больше у женщин интернальных качеств и они отличаются более адекватными реакциями в трудных жизненных ситуациях, тем выше у таких матерей показатели субъективного благополучия.

Таким образом, выявленные позитивные взаимосвязи субъективного благополучия матерей, воспитывающих ребенка-инвалида, с объективными факторами и личностными особенностями, характеризующими субъектность личности, подтвердили выдвинутую гипотезу.

Социальная активность личности как характеристика со-бытия

Р.М. Шамионов, Л.Е. Тарасова (Саратов)

Social activity of the personal as a characteristic of co-existence — R. Shamionov, L. Tarasova (Saratov)

Анализ социальной активности личности в ракурсе социального бытия предполагает раскрытие качественных характеристик социально-бытийных пространств, специфику активности в них, ее формы и те свойства субъекта, которые обеспечивают связь человека с социальным миром. Основной функцией активности выступает преобразование действительности посредством интеграции в нее и привнесения новых элементов. Однако социальная действительность представлена бытием других субъектов, что вынуждает рассматривать не просто бытие личности, окруженное чем-то, а со-бытие личности с другими. В обстоятельствах со-бытия с другими, считает З.И.Рябикина, человек селектирует возможные виды активности и пытается объективировать свой внутренний мир, претворив его в числе прочего и в социальной среде. Социальная активность личности выступает стимулом для активности других и в этом смысле она предполагает то, что благодаря ей личность субъекта становится агентом, проводником общественной информации, ее норм и установок. В этом смысле социальная активность личности всегда предполагает соотнесение своих ценностей, смыслов, представлений с характеристиками других субъектов. В то же время, «невозможность личности реализовать себя как субъекта, отсутствие возможности «продлить» себя во внешний мир переживается как отсутствие идентичности, неаутентичность бытия». Из сказанного следует необходимость рассматривать проблему социальной активности личности в ценностно-смысловом поле того сообщества (сообществ) в котором реализуется бытие личности (вернее, со-бытие). Речь не идет о полностью консонансных отношениях, но об интеграции с одновременным сохранением автономии в системе межличностных связей, где со-бытийность предполагает как единство ценностно-смысловых образований, так и своеобразие субъективных отношений.

Субъективные отношения (пристрастные отношения) на самом деле и есть основание субъективного благополучия, т.к. именно их соотношение (соотнесение) становится главным оценочным образованием на основе которого оно формируется. Как подмечено В.В. Знаковым, реальная жизнь познающего мир субъекта проявляется в том, что, даже описывая факты, он высказывает пристрастные ценностные суждения. Факты жизнедеятельности приобретают значение через их оценку и соотнесение с системой ценностей. Иначе говоря, личность своим субъективным отношением на уровне различных бытийных пространств «определяет» не только степень своей благополучности, но и отбирает те характеристики, которые выступают главными, субъективно значимыми, либо «наделяет» их этим качеством. Действительно социальная активность предполагает не столько мобильность личности в различных отношениях, сколько ее обретение и выстраивание жизненного поля (своего, а порой и других), не только «обретение» мира, но и его субъективное конструирование, в основе которого находится его понимание, постижение. Определенная трансформация субъективного отношения ведет к явным или латентным изменениям в системе субъективного благополучия, благодаря чему происходит перераспределение нагрузки в его модулах. Субъективное благополучие личности выступает и в роли регулятора отношений, и в роли отражателя не только их приемлемости, но и внутренней экологии личности. Именно поэтому возможны такие варианты бытия, в которых, казалось бы, при объективном благополучии, обнаруживается субъективное неблагополучие. Наиболее очевидный пример такого обстоятельства – утрата мировоззренческих ориентиров (нооневроз).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант №11-06-00026 а).

Психогенетика

Интеллект и отношения между сиблингами

О.С. Алексеева, И.Е. Козлова (Москва)

Intelligence and the relationship between siblings — *O. Alekseeva, I. Kozlova (Moscow)*

Отношения между сиблингами – один из важнейших факторов, влияющих на когнитивное развитие детей. В рамках Московского сиблингового исследования мы выдвинули цель оценить влияние сиблинговых отношений на когнитивного развитие старшего и младшего ребенка. В нашей работе не учитывался фактор академической успеваемости обоих сиблингов, поэтому мы рассматривали наличие взаимосвязей между показателями интеллекта сиблингов и качеством сиблинговых отношений. Исследование интеллектуального развитие проводилось с помощью теста Векслера.

Для сиблингов в возрасте от 13 до 16 лет использовался детский вариант теста Векслера. Для сиблингов в возрасте от 16 до 22 лет использовался взрослый вариант теста Векслера. Для оценки сиблинговых отношений был взят опросник Различающегося опыта сиблингов (SIDE).

С помощью *t*-критерия Стьюдента мы сравнили показатели по шкалам опросника Различающегося опыта сиблингов у старшего и младшего сиблинга. Были получены значимые различия по шкалам Доминирование, Привязанности, Сотрудничества, Материнскому контролю, Ориентации на успех и Ориентации на образование. То есть можно говорить о том, что старший сиблинг больше доминирует над младшим, чаще склонен к сотрудничеству с младшим, больше ориентирован на успех, тогда как младший больше привязан к старшему, больше контролируется матерью и больше ориентирован на образование.

В ходе обработки результатов мы провели корреляционный анализ. Нами были получены значимые корреляции между показателями интеллекта сиблингов и шкалами Опросника различающегося опыта сиблингов. Показатели вербального, невербального и общего интеллекта старшего сиблинга и показатель невербального интеллекта младшего сиблинга обнаружили отрицательную связь со шкалой Доминирование. То есть чем больше один из сиблингов проявляет доминантность и директивность в отношениях, тем ниже его интеллект.

Вербальный интеллект старшего связан со шкалой Сотрудничество (0,25), а у младшего невербальный интеллект – со шкалой Привязанность (0,32), отрицательно со шкалой Ориентация на успешность (-0,36) и положительно со шкалой Ориентация на образование по оценке старшего сиблинга (0,32).

Таким образом можно сделать вывод, что доминантность в отношениях больше присуща тому сиблингу, у которого ниже интеллектуальные показатели. Для старшего сиблинга с высоким вербальным интеллектом характерно большее проявление сотрудничества в совместной деятельности с младшим. Тогда как большая привязанность младшего к старшему обнаруживает положительную связь с интеллектом младшего.

Связь шкалы Ориентация на образование по оценке старшего сиблинга и интеллектом младшего позволяет нам предположить, что чем больше старший сиблинг ориентирован на образование, тем выше интеллект младшего. То есть мы косвенно подтвердили закономерность, полученную в других исследованиях, что в ситуации, когда старший ребенок имеет высокие академические достижения, младший ребенок будет иметь лучшую успеваемость.

Эффекты генотип-средовой корреляции в восприятии подростками своих отношений с родителями

Ф.И. Барский, Е.Д. Гиндина (Москва), М.М. Лобаскова (Ижевск), С.Б. Малых (Москва)

The effects of genotype-environmental correlation in the perception by teenagers of their relationship with parents — *F. Barskiy, E. Gindina (Moscow), M. Lobaskova (Izhevsk), S. Malykh (Moscow)*

Исследование специфических средовых факторов, влияющих на развитие детей и подростков, является новым направлением в психогенетике, которое начало активно разрабатываться лишь с середины 1980-х гг. В целом, результаты множества исследований убедительно демонстрируют, что генетические факторы играют заметную роль в том, как человек воспринимает и, возможно, формирует свое окружение, в особенности – отношения с близкими людьми и в семье. В то же время, характер влияния средовых и генетических факторов на различные измерения семейного взаимодействия у детей и подростков остается до конца неясным, что обуславливает необходимость нашего исследования.

Выборку исследования составили 420 моно- и дизиготных близнецов в возрасте от 10 до 17 лет ($M=14$, $SD=2$), 52% близнецов женского пола, 48% – мужского. В исследовании приняли участие 168 монозиготных близнецов, 138 однополых дизиготных близнецов и 114 разнополых дизиготных близнецов. Для изучения восприятия детско-родительских отношений использовалась методика «Взаимодействие родитель-ребенок» И.М.Марковской (1998) – опросник, который включает 10 шкал, охватывающих различные аспекты родительского поведения по отношению к ребенку в семье (особенности стиля воспитания и характеристики отношений между родителем и ребенком).

Внутрипарные корреляции по шкалам и факторам опросника ВРР. В среднем, вне зависимости от зиготности, внутрипарные корреляции колеблются вокруг .30 (от .04 до .52), что свидетельствует об относительно высокой согласованности представлений об отношениях с родителями в парах близнецов.

По результатам структурного моделирования, полная генотип-средовая модель ACE подошла для фактора близость (оба родителя), хотя существенное генетическое влияние испытывает лишь «материнский» фактор. Также модель ACE подошла для шкал «Автономность-контроль», «Сотрудничество» и «Отвержение-принятие» у матерей. Простая генетическая модель AE, включающая только генетические влияния и индивидуальную средовую изменчивость, подошла к шкалам «Несогласие-согласие» и «Непоследовательность-последовательность» и для матерей, и для отцов. Она также подошла для отцовских шкал «Автономность» и «Сотрудничество» с заметным генетическим вкладом.

Для четырех шкал опросника ВРР генетический вклад не был выявлен, наилучшим образом подошла средовая модель SE: «Мягкость-строгость», «Эмоциональная дистанция – близость», «Авторитетность родителя» и «Удовлетворенность отношениями с родителями». Изменчивость этих характеристик объясняется, преимущественно, факторами общей среды, которые действуют на уровне всей семьи. Фактор «близость» испытывает значимый вклад генотипа для отношений с матерью, но не с отцом, в то время как фактор «контроль» не испытывает значимого вклада генотипа ни для матерей, ни для отцов, что согласуется с результатами предшествующих генетических исследований восприятия детьми своих отношений с родителями.

Представления родителей о детях как фактор формирования психологических характеристик детей

О.В. Баскаева (Москва)

Parents' representation about children as a factor in the formation of the psychological characteristics of children — O. Baskaeva (Moscow)

Одной из актуальных тем современной психологии является тема представлений (ожиданий) родителей о детях. Исследования индивидуальных различий сиблингов показывают, что для детского развития эти представления не менее значимы, чем объективные психологические характеристики ребенка. Роль родительских представлений о своих детях в функционировании семьи как целостного организма, являющегося средой развития ребенка, а так же в формировании психологических характеристик детей и в долговременных последствиях для их жизни, нуждается в дальнейшем изучении.

Подход, рассматривающий ребенка как активного участника собственной социализации (Lewin, Bell, Clarke-Stewart & Friedman, Hetherington & Parke, Hoffman, Paris, Hall, & Schell, R. M. Lerner, Shaffer), позволяет утверждать, что во взаимодействии «ребенок – семейная среда», ребенок активно воспринимает и интерпретирует воздействия среды.

Вопрос о том, какую именно интерпретацию дает ребенок представлениям (ожиданиям) родителей о нем и его сиблингах, то есть, каково его восприятие представлений родителей, является весьма важным.

Одним из проводников влияния представлений (ожиданий) на развитие детей признан феномен «самосбывающегося пророчества» (self-fulfilling prophecy), обнаруженный в 60-х годах прошлого века, когда в психологии началось экспериментальное изучение ожиданий учителей и учащихся (Rosenthal R. & Jacobsen L.).

Было выявлено, что учителя, руководствующиеся в своей педагогической деятельности ожиданиями определенных паттернов поведения со стороны учеников, взаимодействуют с ними способом, который вызывает поведение, подтверждающее эти изначальные ожидания.

Исследования в области представлений сопряжены с теоретическими и методологическими трудностями. Так как ожидания связаны с внутренним базовым состоянием человека (Rokeach) и прямое наблюдение или измерение в данном случае невозможно, мы можем ориентироваться лишь на то, что люди говорят и что они делают. При этом вследствие давления социальных норм существует высокая вероятность социально желательных ответов и поведения. Кроме того, когда исследователь предлагает субъекту сделать выбор из готовых альтернатив, есть реальная опасность, что включая в себя ожидания исследователя, эти альтернативы не отражают в достаточной мере мысли самого респондента. Для изучения представлений используют опросники, интервью и наблюдение. Ряд исследователей рассматривает точность родительских представлений. Родителей просят дать прогноз успехов своих детей в задании, которое затем предлагается выполнить детям. Результаты тестирования детей сравнивают с прогнозами родителей.

Опросники ставят респондента в ситуацию вынужденного выбора на условиях исследователя, то есть респондент должен выбрать из предложенных альтернатив, представленных в форме либо готовых утверждений, либо ответов «да-нет», «верно-неверно», либо кратких описаний. Оценка производится по шкале Лайкерта. Наблюдение используется как главный метод в единичных случаях, например, в ситуации свободной игры. В основном наблюдение применяется в сочетании с другими методами. Методом исследования представлений родителей о детях, снижающим вероятность получения социально-желательных ответов, а так же влияние ожиданий самого исследователя, является слабоструктурированное интервью или беседы без шкал и связанных ограничениями вопросов.

Наследственные и средовые факторы индивидуальных различий эмоционального интеллекта у подростков

А.П. Белова, С.Б. Малых (Москва)

Genetic and environmental factors of individual differences of emotional intelligence in adolescents —
A. Belova, S. Malых (Moscow)

Эмоциональный интеллект объединяет способности, связанные с пониманием себя и других, взаимоотношениями с другими людьми, адаптацией к меняющимся жизненным условиям и управлением собственными эмоциями. В нашем исследовании мы опираемся на модель Бар-Она, включающую пять основных элементов: Внутриличностный компонент, Межличностный компонент, Способность к адаптации, Совладание со стрессом и Общее настроение, которые измеряются шкалами опросника EQI.

Уровень эмоционального интеллекта измерялся с помощью подростковой версии опросника уровня эмоционального интеллекта Бар-Она (1997), психометрическая проверка которого была осуществлена нами на российской выборке. Подростковая версия опросника эмоционального интеллекта (EQ-I:YV) представляет собой опросник самоотчета, созданный для оценки эмоционального интеллекта у детей и подростков 7 – 18 лет. Этот опросник построен на основе модели эмоционального и социального интеллекта, предложенной Вар-Он, которая послужила также основой для взрослой версии опросника. Выборка исследования составила 96 пар близнецов: 30 пар монозиготных близнецов, 46 пар однополых дизиготных и 20 пар разнополых дизиготных близнецов. Количественный генетический анализ данных осуществлялся с использованием методов структурного моделирования в программе “MX”.

Практически все шкалы опросника показали очень высокий уровень внутренней согласованности вопросов (показатели alpha Кронбаха для шкал: Межличностные возможности = 0,79; Шкала Адаптация = 0,82; Шкала Совладание со стрессом = 0,76; Шкала Общее настроение = 0,87). Единственной шкалой, которая показала лишь удовлетворительный уровень внутренней согласованности, оказалась шкала Внутриличностные возможности (alpha = 0,53), однако чуть более низкая согласованность ответов по этой шкале была получена также авторами оригинальной методики. Общий балл по методике EQI обладает также очень высоким уровнем согласованности (alpha = 0,91).

Характеристики распределения суммарного балла EQI значимо не отличались от нормального, что соответствует результатам, полученным авторами на оригинальной методике. Среднее значение по суммарному баллу опросника составило 163, стандартное отклонение 18.

Для всех шкал методики EQI и для общего балла эмоционального интеллекта, корреляции в парах МЗ близнецов в той или иной степени превышали корреляции в парах ДЗ близнецов. Для большинства шкал опросника EQI и общего показателя эмоционального интеллекта наиболее подходящей оказалась модель, включающая действия генетических и индивидуальных средовых факторов. Генетические факторы оказывают сильное влияние на индивидуальные различия по общему показателю эмоционального интеллекта ($A = 0,77$; $E = 0,33$). Генетическая модель также оказалась наиболее подходящей для шкалы Совладания со стрессом ($A = 0,48$; $E = 0,52$); для шкалы Межличностные возможности ($A = 0,41$; $E = 0,59$), и для шкалы Внутриличностных возможностей ($A = 0,36$; $E = 0,64$). Для шкалы Адаптация наиболее подходящей оказалась средовая модель ($C = 0,41$; $E = 0,59$). Для шкалы Общее настроение – полная модель ($A = 0,19$; $C = 0,25$; $E = 0,56$).

Вклад наследственных и средовых факторов в индивидуальные особенности поведенческих и эмоциональных проблем у детей 7-10 лет

В.Г. Богоявленская (Бишкек), О.Е. Мухордова (Ижевск),
Е.З. Сабирова (Бишкек), Е.Д. Гиндина, С.Б. Малых (Москва)

The contribution of genetic and environmental factors in individual features of behavioral and emotional problems in children 7-10 years — *V. Bogoyavlenskaya (Bishkek), O. Mukhordova (Izhevsk), E. Sabirova (Bishkek), E. Gindina, S. Malykh (Moscow)*

В настоящее время выделяют целый ряд нарушений развития и видов отклоняющегося поведения, которые нельзя отнести к психическим заболеваниям, — они рассматриваются скорее как «края» нормального распределения. В последние годы наблюдается значительный прогресс в создании стандартизированных процедур диагностики, позволяющих оценивать отклонения развития у детей и подростков. Использование количественного подхода, при котором выраженность признака оценивается по континуальной шкале, позволяет оценивать поведение детей по тому, в какой степени им свойственны те или иные симптомы или проблемное поведение. Наиболее широко этот подход представлен в работах Т. Ахенбаха.

В данной работе оценивались вклады генетических и средовых факторов в вариативность поведенческих и эмоциональных особенностей у детей возраста 7-10 лет. Для оценки поведенческих и эмоциональных особенностей подростков использовались две формы опросника Т.Ахенбаха: форма для родителей (CBCL) и учительская форма (TRF). Выборка исследования составила 230 человек — монозиготных и дизиготных близнецов (ср. возраст 8,3 лет). Вклады генетических и средовых факторов оценивались методом моделирования с помощью линейных структурных уравнений, или подбора моделей (model-fitting).

Для родительской формы CBCL преобладают средовые модели SE с существенными вкладами общей среды (9 из 15), для трех шкал подошла простая генетическая модель AE, трем оставшимся шкалам подошла полная модель ACE. Для учительской формы TRF средовая модель SE подошла в 8 случаях из 19, простая генетическая модель AE — в 4 случаях, полная модель ACE — в 7 случаях. Значимый вклад генетических факторов можно предполагать с определенной долей уверенности для таких шкал, как «Тревожность/депрессия», «Агрессивность» и «Экстернализация». Средовые факторы преобладают для шкал «Трудности мышления», «Трудности внимания», «Делинквентность», «Интернализация» и «Общий балл проблемности». В случае шкал «Замкнутость», «Соматические проблемы» и «Активность», а также для шкал, которые различаются в двух опросниках (шкалы компетентности), результаты носят противоречивый характер — подошедшие модели принципиально различаются. Оценки учителей в целом дают несколько больше моделей, в которых существенный вклад принадлежит генетическим факторам. Оценки родителей дают больше моделей, в которых ведущая роль отводится среде.

Молекулярно-генетические корреляты избирательного внимания при шизофрении

В.Е. Голимбет (Москва), И.С. Лебедева (Москва)

Molecular-genetic correlates of selective attention in schizophrenia —
V.E. Golimbet (Moscow), I.S. Lebedeva (Moscow)

Многочисленные исследования показали, что при шизофрении и аффективных расстройствах имеют место изменения параметров слуховых вызванных потенциалов, зарегистрированных в т.н. парадигме oddball (парадигма P300). В частности, у больных по сравнению с психически здоровыми людьми обнаружены увеличение латентного периода и уменьшение

амплитуды ранних и поздних волн. Обсуждаются возможности использования этих показателей в качестве маркеров генетической предрасположенности к эндогенным психическим заболеваниям, патофизиологических маркеров, а также показателей степени когнитивных нарушений. В то же время очень мало известно о молекулярно-генетических коррелятах указанных параметров. В докладе будут представлены результаты поиска ассоциации между полиморфизмами некоторых генов, в том числе генов дофаминового рецептора 2 (DRD2), переносчика серотонина (5-HTTLPR), катехол-О-метил-трансферазы (COMT), нейротрофического мозгового фактора (BDNF), цистатионин-бета-синтазы (ЦБС), и особенностями слуховых вызванных потенциалов у больных шизофренией и шизоаффективными расстройствами. В частности, показано, что полиморфизмы Val66Met BDNF и 5-HTTLPR оказывают значимый эффект на амплитуду волны N100. Полиморфизм Val158Met COMT был ассоциирован с длительностью латентных периодов и амплитудами волн N100 на незначимый стимул, N100 на значимый стимул, N200 и P300. При исследовании полиморфизма Ser311Cys DRD2 обнаружено значимое влияние генотипа на латентный период волны P300. Выявлена ассоциация полиморфизма 844ins68 ЦБС с латентными периодами волны N100 у женщин, но не у мужчин. Во всех случаях нейрофизиологические маркеры шизофрении (увеличение латентного периода и уменьшение амплитуды ранних и поздних волн) были связаны с наличием генотипа, ассоциированного с шизофренией.

Психогенетика и дифференциальная психология: взаимосвязи и перспективы исследования

М.С. Егорова (Москва)

Psychogenetics and differential psychology: the relationship and the prospects of research —
M. Egorova (Moscow)

Психология индивидуальных различий традиционно рассматривается как психологическая база психогенетики, определяющая общую задачу генетических исследований (оценку источников индивидуальных различий), теоретический контекст, интерпретационные схемы, обоснованность выбора характеристик для генетического анализа. Связи между психологией индивидуальных различий и психогенетикой отчетливо прослеживаются на протяжении всего XX в., демонстрируя взаимовлияние и взаимообогащение. Из дифференциально-психологических работ конца XX в., оказавших серьезное влияние на выбор психологических признаков для генетического исследования, можно назвать мета-анализ исследований интеллекта, благодаря которому была выявлена трехуровневая структура интеллекта со средним уровнем, включающим 4 группы характеристик. Использование этих четырех групп вошло в стандарт генетического исследования когнитивных способностей. Накопление в дифференциальной психологии эмпирики и новых возможностей ее анализа привело в последнее десятилетие к качественным изменениям, открывающим новые возможности для психогенетических исследований.

1. Расширение тематики и появление нетрадиционных для дифференциальной психологии сфер исследования (мотивации, интересов, здоровья и т.д.). В западной психологии индивидуальных различий область ее современных исследований получила метафорическое название ABCD или «азы индивидуальности» (ABCD – аббревиатура от названий основных сфер ее исследования – abilities, behavior, cognition, desire). Расширение тематики означает изменение теоретического контекста и выделение новых черт с проверенными психометрическими характеристиками и известным местом в структуре психологических признаков, что позволяет использовать их в психогенетическом исследовании. К их числу относится, например, эмоциональный интеллект.

2. Изменение статуса основного элемента дифференциально-психологического исследования – черты. Наряду с теорией черт, доминировавшей в дифференциальной психологии

на протяжении многих лет, востребованными оказались социально-когнитивная теория, оперирующая понятиями, которые акцентируют процесс деятельности («стратегия», «схема»), и теоретические основания когнитивной психологии. Появление качественно отличающихся характеристик повысило эффективность интегративных исследований, позволив выявить связи между показателями разных сфер. Полученные данные могут означать существование общих генетических источников вариативности.

3. Эпидемиологические исследования, т.е. многолетние исследования, проведенные на больших репрезентативных популяциях и включающие, кроме психологических, данные о здоровье, продолжительности жизни, экономическом положении и т.д., позволили определить психологические особенности, связанные с жизненными показателями, что ставит вопрос о природе подобных взаимосвязей.

4. Показано разнообразное соотношение между чертами и поведением. Выявлены комплексы черт – коррелирующие, но предположительно имеющие разную природу вариативности (например, «темная триада»). Анализ более сложного соотношения черт и ситуаций («конгломераты») показал неаддитивность соотношений и повысил предсказательную валидность данных (например, о когнитивно-личностной структуре интеллекта для профессиональной успешности). В психогенетическом исследовании в качестве конгломератов начинают рассматриваться варианты генотип-средового взаимодействия.

Влияние порядка рождения и размера семьи на взаимосвязь когнитивных и личностных характеристик

Н.М. Зырянова, Ю.Д. Черткова (Москва)

The influence of birth order and family size on the relationship of cognitive and personality characteristics —
N. Zyryanova, Y. Chertkova (Moscow)

Анализу влияния порядка рождения и структуры семьи на формирование различных психологических характеристик посвящено множество исследований. Вместе с тем результаты этих исследований противоречивы не и не дают однозначного объяснения влияния особенностей структуры семьи на когнитивные и личностные свойства детей. Необходимо также отметить, что подавляющая часть исследований эффекта порядка рождения и размера семьи направлена на изучение их влияния либо на личностные, либо на когнитивные характеристики, в то время как спецификой нашего исследования (выполняется при поддержке РФФИ – грант №11-06-00271) является изучение влияния порядка рождения и размера семьи на взаимосвязь когнитивных и личностных характеристик. Кроме того, структурный анализ психологических характеристик в более ранних работах проводился в рамках дифференциально-психологического подхода, в то время как в современных работах он становится и частью психогенетического исследования.

В качестве когнитивных характеристик нами рассматривались следующие: 1) практический интеллект; 2) общая осведомленность; 3) особенности перцептивной организации.

Особенности личностной сферы, диагностированные в исследовании: 1) уровень субъективного контроля; 2) уровень волевого самоконтроля; 3) особенности сознательной саморегуляции; 4) копинг-поведение в стрессовых ситуациях; 5) уверенность в себе; 6) самомониторинг; 7) уровень макиавеллизма; 8) свойства темперамента; 9) уровень социальной фрустрированности; 10) ощущение одиночества; 11) склонность к поиску ощущений; 12) контроль за действием; 13) обобщенные показатели семантического дифференциала; 14) смысло-жизненные ориентации; 15) экстраверсия, невротизм, психотизм; 16) психические состояния; 17) маскулинность-фемининность; 18) оценка общего здоровья; 19) авторитаризм.

Выборка исследования состояла из 404 испытуемых мужского пола. Все испытуемые являются курсантами одного из военных вузов г.Москвы. Средний возраст испытуемых – 18,7 лет.

Для оценки взаимосвязей показателей когнитивной и личностной сфер вычислялись коэффициенты ранговой корреляции Спирмена по всей выборке и в различных подгруппах, выделенных по параметрам структуры семьи.

В первую очередь хочется отметить, что практический интеллект продемонстрировал тесные взаимосвязи с большинством характеристик личностной сферы при полном отсутствии связей с показателями отдельных субтестов теста Векслера. Таким образом, можно сделать вывод, что практический интеллект в большей мере относится к личностной, чем к когнитивной сфере.

Общая осведомленность и перцептивная скорость имеют разную структуру корреляций. Только в 20% случаев (при обнаружении взаимосвязей между интеллектуальными и личностными характеристиками) корреляции показателей опросников, диагностирующих личностные свойства, наблюдаются и с общей осведомленностью, и с перцептивной скоростью.

В зависимости от конфигурации семьи структура корреляций может отличаться. Например, у единственных детей обнаруживаются корреляции между осведомленностью и 9 (из 19) характеристиками личностной сферы, а у юношей, имеющих сиблингов, только с пятью. У первых и «не первых» детей в двух/трехдетных семьях структура корреляций совпадает только на 36%.

Подводя итоги, можно сказать, что особенности семейной среды в значительной мере обуславливают взаимосвязи между когнитивными и личностными характеристиками. Это может быть связано со стилем воспитания в семье, эффективностью различных стратегий поведения в зависимости от семейной ситуации, а также действием компенсаторных механизмов.

Природа индивидуальных различий кратковременной зрительной памяти

В.И. Исмагулина, Ф.И. Барский (Москва), Ю.В. Ковас (Лондон), С.Б. Малых (Москва)

The nature of individual differences in short-time visual memory —
V. Ismatullina, F. Barskiy (Moscow), Y. Kovas (London), S. Malykb (Moscow)

Природа когнитивных способностей традиционно привлекает большое внимание исследователей. Результаты большого количества исследований свидетельствуют о существенном влиянии наследственных факторов на общие интеллектуальные способности. Значительно меньше известно о природе простых когнитивных функций, хотя интеллект обычно диагностируется путем совокупной оценки выполнения некоторого числа интеллектуальных задач, требующих эрудиции, интеллектуальных навыков и размышления. Анализ простых когнитивных функций позволит лучше понять природу общих интеллектуальных способностей.

В нашей работе представлены результаты пилотного исследования генетических и средовых вкладов в межиндивидуальную изменчивость кратковременной зрительной памяти. Для диагностики особенностей кратковременной зрительной памяти была использована компьютерная версия батареи нейропсихологических тестов Cantab “Eclipse”, тест «Узнавание зрительных паттернов» (Pattern recognition memory). Данный тест направлен на исследование зрительной памяти в парадигме распознавания в условиях двухальтернативного выбора, он позволяет определить показатель общей производительности и среднюю латентность визуальной кратковременной памяти на распознавание изображений.

В исследование принимали участия 45 пар монозиготных (МЗ) близнецов, 40 дизиготных однополых (ДЗ) близнецов и 21 пара разнополых ДЗ близнецов в возрасте от 11 до 17 лет (средний возраст 13,2, стандартное отклонение 2,2). Внутрипарные корреляции для общего уровня выполнения задачи на зрительную память составили 0,27 для МЗ, 0,28 для ДЗ однополых и 0,12 для ДЗ разнополых близнецов. Наиболее подходящей моделью оказалась средовая модель, где компонент общей среды составил 0,28, а компонент индивидуальной среды – 0,73. Для средней латентности визуальной кратковременной памяти внутрипарные

корреляции составили 0,24 для МЗ, 0,03 для ДЗ однополых и 0,13 для ДЗ разнополых близнецов. Наиболее подходящей оказалась простая генетическая модель, где компонент аддитивных генетических факторов составил 0,23, а компонент индивидуальной среды – 0,77. Таким образом, можно предполагать, что генетические факторы вносят небольшой вклад в изменчивость латентности кратковременной памяти у подростков, но не в результативность решения задачи на кратковременную память.

Восприятие отношений в парах близнецов и сиблингов

Д.С. Корниенко (Пермь)

Perseption of intrapair relationship of siblings and twins – D.S. Kornienko (Perm)

Условия развития для детей в одной семье оказываются непохожими, что приводит к тому, что индивидуальная среда начинает играть значительную роль в формировании психологических признаков. Одним из основных методов исследования роли индивидуальной среды в формировании внутрисемейных различий является сиблинговый метод. В исследованиях сиблингов и близнецов удалось выделить психологические характеристики, различия по которым обусловлены разным средовым опытом.

В представленном исследовании ставилась цель оценить степень согласованности восприятия отношений в парах близнецов и сиблингов, что позволит подтвердить предположение о том, что сами дети создают друг для друга специфическую (индивидуальную) среду, а так же замечают разные средовые влияния по отношению друг к другу. Кроме того, в цели нашего исследования входило оценить генетические влияния на особенности восприятия внутрипарных отношений близнецов и сиблингов.

Для оценки восприятия отношений в парах близнецов и сиблингов использовался «Опросник различающейся среды sibсов» (SIDE) Р.Пломина, Д. Даниэлса (1985), который позволяет получить данные по 3 группам показателей: взаимоотношения с сиблингом, отношение родителей к сиблингам, отношения со сверстниками. В исследовании приняли участие 298 детей из полных семей, всего 149 пар: 74 пары сиблингов, 38 пар дизиготных (ДЗ) близнецов и 37 пар монозиготных (МЗ) близнецов. Возраст близнецов и старшего сиблинга $M=14,75-15,27$, младшего сиблинга $M=10,73$. Для анализа согласованности оценок использовался подсчет коэффициента внутриклассовой корреляции Р. Фишера, а для генетического анализа дисперсионный анализ ANOVA. Использование данных методов в подобных исследованиях описано у Барского Ф.И., Пломина Р., Дэниэлс Д. и Пайк А.

Анализ согласованности восприятия отношений в парах близнецов и сиблингов. С целью измерения согласованности оценок внутрипарных отношений ответы в парах близнецов были прокоррелированы между собой. При сопоставлении оценок по 4 шкалам, характеризующим «Взаимоотношения с сиблингом», обнаружено, что наиболее согласованные оценки внутрипарных отношений получились для сиблинговых пар, что позволяет предполагать возраст как еще один дифференцирующий фактор в отношениях детей в одной семье. Сиблинги наиболее точно описывают отношения с другим сиблингом. Наши данные по МЗ и ДЗ близнецам частично совпадают с данными Барского Ф., Пайк А. и коллег.

Генетический анализ особенностей восприятия отношений в парах. При сравнении групп МЗ и ДЗ близнецов были обнаружены значимые различия по показателям антагонизм $F(1, 148)=6,9667, p=,009$; близость $F(1, 148)=10,869, p=,001$; контроль со стороны отца $F(1, 148)=15,606, p=,001$; делинквентность сверстников $F(1, 148)=11,132, p=,001$ и популярность среди сверстников $F(1, 148)=12,604, p=,001$. Различия по показателям «делинквентность сверстников» и «ориентация на популярность» совпадают с обнаруженными Барским Ф.И. (2010), а факты о различиях по шкалам антагонизм, близость sibсов, контроль со стороны отца также подтверждают данные Бэйкер Л.и Дэниэлс Д. (1990).

Подводя итог проведенной работе можно сделать следующие выводы:

1. Представление об отношении с сиблингом наиболее точные и согласованные присущи для сиблинговых пар в отличие от близнецов. Различия между близнецами и сиблингами отражают именно специфику семейной ситуации и ее разность для каждого ребенка.

2. Предположение о генетическом влиянии на оценки восприятия внутрисемейных различий может быть принято только для показателей «контроль со стороны отца» и «делинквентность сверстников», что свидетельствует о том, что для разновозрастных сиблингов отношения друг к другу являются значимым фактором различающейся среды. Полученные факты позволяют утверждать, что внутрисемейные отношения в значительной степени являются зависимыми от среды, хотя для отдельных параметров можно констатировать вклад генетических факторов.

Генетические и средовые вклады в изменчивость индивидуальных различий «большой пятерки» личностных черт у старших подростков

Е.С. Низамова, Ф.И. Барский, О.О. Ганиева, С.Б. Малых (Москва)

Genetic and environmental contributions to the variability of individual differences «big five» personality traits in older teenagers — *E. Nizamova, F. Barskiy, O. Ganieva, S. Malych (Moscow)*

В многочисленных психогенетических исследованиях, проводившихся с начала 1930-х и продолжающихся по настоящее время, установлено, что вклад генетических факторов в изменчивость базовых личностных черт составляет от 30 до 70%, в зависимости от черты и метода ее измерения. Данное наблюдение является достаточно стабильным феноменом, так же, как и то, что вклады генотипа и среды варьируют в зависимости от возраста испытуемых и культуры исследуемой популяции. Наиболее активно исследуются наследственные и средовые факторы в формировании черт так называемой «Большой пятерки» – «Нейротизм», «Экстраверсия», «Дружелюбие», «Открытость опыту» и «Сознательность». В то же время, старший подростковый и юношеский возрастные периоды остаются в психогенетике личности относительно неисследованными.

Выборка нашего исследования составила 152 монозиготных и дизиготных пары близнецов (54% девушек, 46% юношей, средний возраст 18,4 года, станд. откл. 3,6 лет). Для измерения черт «Большой пятерки» использовалась русскоязычная адаптация опросника NEO-PI-R. Для оценки вкладов генотипа и среды использовалось структурное моделирование в программе «МХ».

Результаты структурного моделирования следующие: «Открытость опыту» – 47% общей среды, 53% индивидуальной среды; «Сознательность» – 54% аддитивных генетических факторов, 47% индивидуальной среды; «Экстраверсия» – 44% общей среды, 56% индивидуальной среды; «Дружелюбие» – 50% аддитивных генетических факторов, 50% индивидуальной среды; «Нейротизм» – 59% аддитивных генетических факторов, 41% индивидуальной среды. Таким образом, в отличие от результатов, полученных на европейских и американских выборках, в нашем исследовании такие черты, как «Экстраверсия» и «Открытость опыту» получили исключительно средовое объяснение, в то время как остальные черты соответствуют генотип-средовой модели, которая стабильно воспроизводится в результатах зарубежных исследований.

Генетические и средовые факторы в формировании индивидуальных особенностей темперамента у детей младшего школьного возраста

Ю.О. Новгородова, М.М. Лобаскова (Ижевск), С.Б. Малых (Москва)

Genetic and environmental factors in the formation of individual characteristics of temperament in children of primary school age — *Y. Novgorodova, M. Lobaskova (Izhevsk), S. Malykh (Moscow)*

М.К. Rotbart, S.A. Ahadi, D.E. Evans рассматривают темперамент в русле психобиологического подхода. Авторы считают, что темперамент является результатом генетического вклада, а также продуктом индивидуального опыта человека. Главной задачей при рассмотрении темперамента М.К. Ротбарт считает определение изменений уровней биологического и социального развития, что может связывать их вклад в раннем детстве и являться основой для выражения темперамента во взрослости.

Важным аспектом концепции темперамента М.К. Ротбарт является представление о том, что темперамент развивается в ходе онтогенеза, то есть разные эмоции и компоненты эмоций, а также составляющие моторной системы, активационной системы и системы внимания, появляются в разные возрастные периоды. М.К. Ротбарт и ее коллеги изучали свойства темперамента в разных возрастах (младенческом, раннем детском, дошкольном, подростковом и взрослом) и разработали опросники темперамента с учетом специфики каждого возрастного периода.

В нашем исследовании использовалась родительская форма опросника – Опросник темперамента EATQ-R (Early Adolescent Temperament Questionnaire-Revised (Parent)) для исследования темперамента детей 7-11 лет.

Близнецовая выборка составила 290 близнецов в возрасте 7-10 лет. Из них однополых МЗ близнецов 184 (92 мальчика, 92 девочки), однополых ДЗ близнецов 106 (46 мальчиков, 60 девочек).

Результаты генетического анализа данных (подбор моделей при помощи программы OpenMx) показали дифференцированное влияние генетических и средовых факторов на изменчивость проявлений черт темперамента у детей младшего школьного возраста.

Наиболее значимые генетические вклады получены в нашем исследовании для шкалы «Страх» ($a^2=0,77$), «Контроль торможения» ($a^2=0,62$). Также большое генетическое влияние испытывает выделенный фактор «Негативный аффект» ($a^2=0,77$). Для остальных шкал генетические вклады составили от 0,06 до 0,30

Вклады компонента общей среды были выше всего для шкал «Аффилиация» ($c^2=0,61$), «Фрустрация» ($c^2=0,61$), «Удовольствие от стимуляции высокой интенсивности» ($c^2=0,61$). Также наиболее значимый генетический вклад получен для выделенного фактора «Экстраверсия» ($c^2=0,63$). Для остальных шкал вклады общей среды составили от 0,12 до 0,59.

Самые высокие значения компонента индивидуальной среды проявились для шкал «Внимание» ($e^2=0,58$), «Застенчивость» ($e^2=0,54$) и выделенного фактора «Произвольный контроль» ($e^2=0,53$). Для остальных шкал вклады индивидуальной среды составили от 0,23 до 0,50.

Эмоциональный интеллект в структуре индивидуальности

А.А. Панкратова (Москва)

Emotional intelligence in the structure of individuality — *A. Pankratova (Moscow)*

Эмоциональный интеллект (ЭИ) представляет собой способность управлять эмоциями: регуляция своего эмоционального состояния позволяет более эффективно решать разного

рода практические задачи, а управление эмоциями другого человека – влиять на поведение окружающих людей. В литературе описаны два типа теорий ЭИ – смешанные модели и модели способностей. Авторы смешанных моделей (Д.Гоулмен, Р.Бар-Он) объясняют способность управлять эмоциями через комплекс когнитивных способностей и личностных черт, авторы модели способностей (Дж.Мэйер, П.Сэловей, Д.Карузо) включают в состав ЭИ только когнитивные способности, связанные с переработкой эмоциональной информации.

Кроме того, этим двум теоретическим подходам соответствуют разные способы диагностики ЭИ – опросники и тесты. По результатам зарубежных исследований ЭИ, измеренный с помощью опросников, не коррелирует с академическим интеллектом и имеет очень высокие корреляции с личностными чертами. На основании этого, делается вывод о том, что в рамках смешанных моделей ЭИ рассматривается как комплекс уже известных личностных черт. Напротив, ЭИ, измеренный с помощью тестов, умеренно коррелирует с академическим интеллектом и минимально с личностными чертами. Таким образом, в рамках модели способностей ЭИ выделяется как новый вид интеллекта, имеющий определенное положение в структуре индивидуальности.

В нашем исследовании (выполняется при поддержке РФФИ – грант №11-06-00271) принимали участие 260 студентов Военного университета Министерства обороны РФ (пол мужской, возраст от 16 до 26 лет). Для диагностики ЭИ мы использовали тест, разработанный авторами модели способностей, – MSCEIT. Диагностика академического интеллекта осуществлялась с помощью двух субтестов из текста Д.Векслера («Осведомленность» и «Поиск символов»), диагностика личностной сферы – с помощью следующих методик: 1) опросник Г.Айзенка; 2) опросник психических состояний (Г.Айзенк); 3) методика «Уровень субъективного контроля»; 4) опросник CISS (копинг-поведение в стрессовых ситуациях); 5) опросник самомониторинга (М. Снайдер); 6) опросник уверенности в себе (О.Л.Гозман); 7) опросник макиавеллизма и т.д.

ЭИ положительно коррелирует с академическим интеллектом (с субтестом «Осведомленность» на уровне 0,365, $p < 0,01$). Люди с высоким уровнем ЭИ (см. список личностных опросников): 1) имеют высокий уровень экстраверсии ($r = 0,223$; $p < 0,01$) и низкий уровень нейротизма и психотизма ($r = -0,194$ и $-0,188$; $p < 0,01$); 2) не склонны к тревожности, фрустрации и ригидности ($r = -0,231$, $-0,321$ и $-0,203$; $p < 0,01$); 3) имеют внутренний локус контроля, особенно это касается межличностных отношений ($r = 0,214$, $p < 0,01$); 4) не используют такую копинг-стратегию как ориентация на избегание ($r = -0,191$; $p < 0,01$); 5) при самомониторинге используют стратегию «Активная адаптивность через демонстративность» ($r = 0,145$, $p < 0,05$); 6) уверены в себе ($r = 0,172$, $p < 0,05$); 7) не склонны к манипулированию ($r = -0,166$, $p < 0,05$) и т.д. Эти результаты полностью согласуются с результатами зарубежных исследований по определению места ЭИ в структуре индивидуальности.

Сходство супругов: ассортативность или длительность совместной жизни?

О.В. Паршикова, М.С. Егорова (Москва)

The similarity of spouses: assortative or duration of marriage? — O. Parshikova, M. Egorova (Moscow)

Оценка ассортативности (уровня сходства супругов, являющегося результатом неслучайного подбора брачного партнера) исключительно важна для анализа природы индивидуальных различий. Положительная ассортативность, наблюдаемая для большинства психологических характеристик (т.е. предпочтение партнера, похожего на себя), меняет соотношение гетеро- и гомозигот в популяции, приводит к увеличению диапазона индивидуальных различий и к изменению распределения индивидуальных значений. Однако сходство супругов может быть результатом не только ассортативности, но и ряда других причин, к которым относятся, например, 1) меньшая стабильность браков непохожих партнеров (при условии, что

непохожие супруги чаще разводятся); 2) длительность брака (сходство может быть результатом многолетнего общения супругов друг с другом, т.е. следствием, а не причиной брака); 3) принадлежность супругов к одной и той же возрастной когорте (если психологическая характеристика в популяции монотонно изменяется с течением времени, то когорты будут по ней различаться, и при популяционном исследовании это приведет к завышению сходства супругов); 4) точность восприятия супругами качеств друг друга. Экспериментальное исследование, проведенное для разграничения некоторых причин сходства/несходства супругов, включало более 500 супружеских пар, различающихся по длительности брака и разнице в возрасте между супругами.

Супружеские пары заполняли опросники, направленные на диагностику максимально обобщенных характеристик (экстраверсия и невротизм), и частных личностных характеристик (например, уровень субъективного контроля, поиск ощущений, саморегуляция, макиавеллизм). С помощью одних и тех же по содержанию опросников были получены как самооценки личностных характеристик, так и взаимные оценки супругов.

Для анализа того, как меняется уровень ассортативности в зависимости от стажа брака, общая выборка была разделена на три подвыборки с разной длительностью брака – до трех лет, 2 – 9 лет, свыше 10 лет. Отметим, что две частично пересекающиеся по возрасту выборки были сформированы для учета влияния «случайных» браков, распадающихся в первый год жизни. Полученные результаты сводятся к следующему.

1. Показано, что абсолютные значения ряда психологических характеристик значительно различаются у мужчин и женщин. Жены, например, имеют в среднем более высокий уровень невротизма и более низкий уровень макиавеллизма, чем их супруги.

2. При корреляционном анализе обнаружено сходство между мужьями и женами по частным характеристикам личностной сферы, а сходство по таким максимально обобщенным личностным характеристикам, как экстраверсия и невротизм, отсутствует, что соответствует результатам большинства исследований.

3. При анализе внутрипарного сходства супругов в группах с разным стажем брака показано, что наиболее тесные связи между супругами обнаруживаются при небольшом стаже брака.

4. Различия между супругами по личностным характеристикам (разности по модулю) не обнаруживают ни отрицательных, ни положительных связей со стажем брака, т.е. длительность совместной жизни не приводит ни к конвергенции, ни к дивергенции супругов. 5. Восприятие супругами личностных характеристик друг друга является относительно точным, однако сходство взаимных оценок супругов уступает сходству их самооценок.

Результаты свидетельствуют о влиянии ассортативности на брачный выбор.

Порядок рождения и структура связей невротизма

С.Д. Пьянкова (Москва)

Birth order and structure relations of neuroticism — *S. Pyankova (Moscow)*

Описывается фрагмент психогенетического исследования, проведенного коллективом научным коллективом под руководством М.С.Егоровой. Проверялась гипотеза о связи порядка рождения со структурой связей невротизма и ряда психологических характеристик, описывающих особенности саморегуляции, стратегий совладания со стрессом, уверенности в себе, удовлетворенности жизнью, эмоционального реагирования. Выборка: мужчины в возрасте 16-23 лет, курсанты высшего военно-учебного заведения г. Москвы (N=405). Испытуемые были разбиты на три подгруппы: 1) родившиеся первыми, 2) родившиеся вторыми дети из двухдетных семей, 3) единственные дети в семье. Значимых межгрупповых различий в показателях невротизма не обнаружено (однофакторный ANOVA). Проводился факторный анализ

данных каждой из подгрупп (метод главных компонент, варимакс-вращение с нормализацией Кайзера). От 12 до 14 факторов объясняли 68,6–80,5% суммарной дисперсии.

В группе единственных в семье детей показатели невротизма и экстраверсии (чем выше невротизм, тем ниже экстраверсия) объединились в один фактор с показателями тревожности, фрустрированности и ригидности (по опроснику самооценки психических состояний Г.Айзенка), а также показателями эмоционального интеллекта по тесту MSCEIT (Mayer-Salovey-Caruso Emotional Intelligence Test). Более высокий уровень невротизма связан с низким уровнем развития различных составляющих эмоционального интеллекта. Иной была структура включающего невротизм фактора в подгруппах неединственных детей из двухдетных семей; факторные решения имели как сходство, так и различия. В этих подгруппах в один фактор с показателями невротизма (положительный полюс) вошли показатели шкалы «Моделирование» Опросника сознательной саморегуляции поведения В.И.Моросановой (с отрицательным знаком; слабая сформированность процессов моделирования приводит к неадекватной оценке значимых внутренних условий и внешних обстоятельств, возникают трудности в определении цели и программы действий, что часто приводит к неудачам); показатели опросника Волевого самоконтроля (с отрицательным знаком); оценки особенностей эмоционально-ориентированного копинга по Опроснику CISS (с положительным знаком); показатели общей уверенности в себе (менее уверенные в себе испытуемые более невротичны); показатели шкалы «Направленность на других» Опросника самомониторинга (чем более выражено желание производить впечатление на других людей, тем выше уровень невротизма); показатели шкалы «Самонаправленность» Опросника Клонингера (чем меньше удовлетворенность своей жизнью и собой, тем выше невротизм).

В целом результаты свидетельствуют о том, что повышение уровня невротизма связано с недостаточной адекватностью процессов социальной адаптации, саморегуляции и совладания со стрессом в обеих группах неединственных детей. Помимо различий, касающихся некоторых аспектов саморегуляции (по Моросановой), все остальные различия между подгруппами неединственных детей связаны с тем, в подгруппе первых в семье детей фактор, включающий показатели невротизма, объединяет большее количество характеристик, описывающих такие личностные особенности, как неудовлетворенность жизнью, чувство одиночества, тревожность, фрустрированность и пониженная самооценка собственного здоровья. По полученным данным, в двухдетной семье первых по порядку рождения детей в сравнении со вторыми можно описать как людей, испытывающих более разнообразные и дифференцированные воздействия, связанные с проявлениями невротизма.

ДИНАМИКА ГЕНЕТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ ДЕПРЕССИВНОСТИ НА ПРОТЯЖЕНИИ ШКОЛЬНОГО ДЕТСТВА

Е.З. Сабилова (Бишкек), И.А.Воронин, Е. П. Белова (Москва),
Д.А. Гайсина (Лестер, Великобритания), С.Б. Малых (Москва)

DYNAMICS OF GENETIC CONTROL OF DEPRESSION THROUGHOUT THE ENTIRE SCHOOL-AGE
CHILDREN — *E. Sabirova (Bishkek), I. Voronin, E. Belova (Moscow), D. Gaysina (Lester, UK), S. Malychk
(Moscow)*

Согласно статистическим данным, расстройства эмоциональной сферы являются наиболее частой причиной обращения к психологу. Депрессивные переживания – одна из самых распространенных форм эмоциональных нарушений, и их число продолжает расти. При этом основной прирост в числе страдающих от депрессии происходит за счет подростков и молодых людей. В зависимости от тяжести симптомов депрессивные переживания могут носить клинический характер (клиническая депрессия) или ограничиваться проявлениями, которые попадают скорее в сферу внимания психологов. В последние годы появился целый ряд

работ, посвященных изучению депрессивности как индивидуальной особенности, прежде всего в детском и подростковом возрастах. При этом под депрессивностью понимается склонность человека испытывать депрессивные переживания в различных жизненных ситуациях. Исследование роли наследственных и средовых факторов формирования депрессивности даст возможность лучше понять ее природу.

Целью нашей работы является исследование роли наследственных и средовых влияний на динамику депрессивных переживаний у детей на протяжении школьного детства.

Выборку исследования составили 518 пар близнецов в возрасте от 7 до 18 лет. В группе 7-9 лет вошли 70 моно-, 47 однополых и 35 разнополых дизиготных пар. Группа 10-14 лет состоит из 81 моно-, 77 однополых и 45 разнополых дизиготных пар. Группа 15-18 состоит из 55 пар моно-, 73 однополых и 35 разнополых дизиготных пар.

Для оценки выраженности депрессивных переживаний использовался опросник детской депрессивности (Children's Depression Inventory, M. Kovacs). Методика CDI, разработанная М.Ковач в 1977 и опубликованная в 1992 г., представляет собой бланковую форму самоотчета для детей и подростков, направленную на самооценку присутствия и степени выраженности депрессивных симптомов. Статистическое моделирование проводилось в программе OpenMX.

У мальчиков младшего школьного (7-9) и юношеского возраста (15-18) аддитивные генетические факторы оказывают значительное влияние на индивидуальные различия в депрессивных переживаниях. Вклад генетического компонента в юношеском возрасте увеличивается. У девочек младшего школьного возраста депрессивные переживания обусловлены значительным влиянием средовых факторов при небольшом вкладе аддитивных генетических. В юношеском возрасте аддитивные генетические факторы объясняют около трети фенотипической дисперсии при значительном влиянии средовых факторов. В данном периоде увеличивается вклад фактора индивидуальной среды. В подростковом периоде, как у мальчиков, так и у девочек депрессивные переживания обусловлены влиянием средовых факторов.

Наследуемость вербальных и невербальных интеллектуальных способностей у российских подростков

А.С. Семин, С.Б. Малых (Москва)

The heritability of verbal and nonverbal intellectual abilities among russian teenagers —
A. Semin, S. Malykh (Moscow)

Общий интеллект является одной из наиболее исследуемых характеристик в психологии на протяжении 20-го века. Одной из самых активных линий исследования является количественно-генетическое изучение этиологии общих способностей, начало которому положил еще Ф.Гальтон. На сегодняшний день высокие вклады генетических факторов (50-70% в зависимости от выборки и способа измерения) в межиндивидуальную изменчивость общего интеллекта являются установленным фактом). Остаются менее исследованными вопросы возрастной динамики генетических и средовых факторов, культурные различия (известно, что коэффициент наследуемости черты варьирует в зависимости от популяции), а также дифференцированная наследуемость различных составляющих общей интеллектуальной способности.

Целью нашего исследования стало изучение генетических и средовых вкладов индивидуальные различия вербального и невербального интеллекта у российских подростков. Коэффициент общего интеллекта измерялся с помощью русскоязычной версии теста Векслера (WISC-III). Выборка составила 424 моно- и дизиготных близнеца в возрасте 12-15 лет (средний возраст 13.3, SD = 0.5); 230 (54%) мальчиков и 194 (46%) девочки. Статистический анализ данных проводился в программах SPSS и MX.

По результатам структурного моделирования, наиболее подходящей моделью для шкалы вербального интеллекта стала модель ACE (a^2 – аддитивные генетические факторы, c^2 – общая среда и e^2 – факторы индивидуальной среды, включая ошибку измерения): $a^2=0.28$, $c^2=0.51$, $e^2=0.21$ – все компоненты статистически значимые. Для шкалы невербального интеллекта наиболее подходящей оказалась модель AE (a^2 – аддитивные генетические факторы и e^2 – факторы индивидуальной среды, включая ошибку измерения): $a^2=0.64$, $e^2=0.36$. Наилучшей моделью для фактора общего интеллекта, включающего и вербальный, и невербальный интеллект, стала модель ACE: $a^2=0.41$, $c^2=0.37$, $e^2=0.22$. В рамках обсуждения можно предположить, что различие моделей для шкал вербального и невербального интеллекта (компонент общей среды оказался значимым для вербального, но не для невербального интеллекта) свидетельствует в пользу различной этиологии этих аспектов общей когнитивной способности в подростковом возрасте.

Структура и динамика когнитивных функций в контексте социальной среды

Т.Н. Тихомирова (Москва)

Structure and development of cognitive functions in the context of social environment –

T. Tikhomirova (Moscow)

Во многих эмпирических исследованиях в качестве меры интеллекта традиционно рассматривается упрощенный показатель – балл IQ, вычисляемый как простая сумма стандартизированных баллов по батарее субтестов. Проблема неоднозначности подобного рода показателя интеллекта встает особенно остро в том случае, если наблюдаются достоверные различия между группами в измеренном показателе IQ. Отражают ли наблюдаемые различия в балле IQ реальные различия в уровне общего интеллекта или в их основе лежат совершенно иные факторы? Этот вопрос касается эффекта Флинна, состоящего в наблюдаемом по всему миру неуклонном возрастании баллов IQ от поколения к поколению. Активные идеологические споры, выходящие далеко за пределы психологической науки, вызывает эта проблема в контексте получаемых во многих исследованиях достоверных различий баллов IQ между представителями европеоидной и негроидной рас. Наконец, более образованные группы обычно превосходят менее образованные группы по баллу IQ, что порождает дискуссии о влиянии системы образования на уровень и динамику когнитивных функций.

В данном эмпирическом исследовании в процессе изучения структуры показателей психометрического интеллекта и динамики их прироста в течение одного академического года делается попытка оценить, можно ли интерпретировать наблюдаемое влияние образовательной среды на тестовый балл испытуемых в терминах средового воздействия именно на уровень интеллектуальных способностей; или же речь идет о воздействии на иные специфические факторы, определяющие балл IQ.

В исследовании приняло участие 143 ребенка из первых классов подмосковной школы, 76 мальчиков (53,1%) и 67 девочек (46,9%), возраст от 7,1 до 8,6 ($M=7,8$). Индивидуальные различия по психометрическим показателям общего интеллекта, социального интеллекта и креативности фиксировались дважды в ходе исследования. Первый замер производился в начале учебного года, когда ребенок только начинал обучение в школе, повторное тестирование проводилось в конце первого года школьного обучения. Для измерения уровня интеллекта использовался тест Стандартные прогрессивные матрицы Равена и субтесты теста Векслера. Измерение уровня креативности проводилось с использованием теста Торренса (анализировался показатель «Оригинальность»). Для измерения социального интеллекта применялся разработанный нами ранее тест социального интеллекта младших школьников.

В качестве аспектов социальной среды в данном исследовании рассматривались факторы воспитательного воздействия учителей, определяемые по аналогии с факторами воспита-

тельного воздействия в семейной среде, выделенными в исследованиях Т.Н. Тихомировой. В качестве дополнительного показателя эффективности взаимоотношений в образовательной среде оценивались межличностные отношения каждого ученика с учителем и со сверстниками с помощью методики Р. Жила.

Показатели уровня и динамики когнитивных способностей в начале школьного обучения соотносились с показателями школьной успеваемости при завершении обучения в начальной школе, в четвертом классе.

В ходе исследования получены результаты исследования структуры общего интеллекта, социального интеллекта и креативности, а также их совместной динамики в течение фиксированного временного периода. Проанализирована проблема неоднозначности интерпретации прироста тестового балла с точки зрения возможного изменения латентной характеристики. Показатели уровня и динамики когнитивных способностей рассматривались в контексте возможных взаимосвязей с факторами образовательной среды. Также оценивалась взаимосвязь показателей когнитивных способностей с более поздними оценками успешности в обучении. Результаты, полученные в рамках данного исследования при анализе проблемы развития общего интеллекта как латентного фактора, в целом соотносятся с данными, представленными Р. Коломом и др.

Психология общения

Психологические проблемы медиакоммуникации

Т.Я. Аникеева (Москва)

Psychological problems of media communication — *T.Ya. Anikeeva (Moscow)*

В настоящее время является очевидным факт всеобъемлющего проникновения технически опосредствованной коммуникации во все сферы жизни и деятельности современного общества. Медиакоммуникация (все средства массовой коммуникации, включая интернет и устройства мобильной связи) стала мощной, привлекательной, модной и уже привычной альтернативой традиционного межличностного общения. Формирование жизненной позиции, идеалов и ценностей, а также представлений и отношений человека к окружающему миру складывается под воздействием медиасреды, содержание которой практически не подлежит внешнему контролю и каким-либо ограничениям.

Погружаясь в эту среду, человек психологически растворяется в ней, никак не рефлексируя возможных для него последствий. Происходящее при этом перманентное размывание границ «личного» и «публичного» приводит к тому, что мир действительно становится той самой «глобальной деревней», где всем известно про каждого и каждому про всех. В социальных сетях интернета, в теле- и радиопрограммах фактически нет запретных для обсуждения тем. Предметом всеобщего интереса становятся самые сокровенные переживания человека, интимные факты его биографии.

Однако предоставляя не только события своей жизни, но и любые содержания своего внутреннего мира «на суд» общественности, человек лишается возможности выстроить внутренний диалог с самим собой, отказываясь разглядеть содержание своего глубинного «Я». Одновременно он отказывается и от обращения к надличностной, духовной составляющей бытия, где человек трактуется на уровне «предстояния перед Творцом», и где только и становится возможным процесс его сущностного самоопределения. В результате возникает опасность потери человеком своей подлинной индивидуальности, а впоследствии – опасность потери субъектности, когда человек становится лишенным рефлексии объектом воздействия, доступной мишенью различных явных и скрытых манипуляций.

Таким образом, обеспечиваемая стремительным развитием технических возможностей, опосредуемая ими современная коммуникация является – в своих последствиях – тем психологическим основанием, на котором, к сожалению, возможно выстраивание современного мира как глобального, универсально контролируемого сообщества объектно функционирующих индивидов. В этой связи необходимо подчеркнуть возрастающую ответственность тех – родителей, педагогов, воспитателей, наставников – кому принадлежит роль принимающих решение о степени доступности для детей и подростков всего содержания (контента) медиакоммуникативной среды.

Об актуальных для научного исследования проблемах общения

А.А. Бодалев (Москва)

Actual issues of communicational problems for scientific research — *A.A. Bodalev (Moscow)*

К концу XX и к началу XXI века в отечественной и зарубежной науках наработан огромный массив знаний о таком многотрудном для изучения предмете, каким является общение. Однако осуществленная не предвзято оценка содержания этих знаний дает возможность увидеть и очень определенные, еще нерешенные задачи.

Назову лишь некоторые из них. Совершенно очевидно, что феномен общения чрезвычайно многосложен, и континуум его более глобальных и более частных характеристик, фиксируемых на уровнях общего, особенного и единичного, образует очень протяженный ряд. Но к настоящему времени отечественными и зарубежными учеными предложены трактовки общения, которые содержательно вбирают в себя и охватывают в каждом случае лишь одну или несколько из многочисленных ипостасей общения, усеченно прослеживают условия и факторы, определяющие сущность каждой из этих ипостасей, а также изменения, в них происходящие.

Необходимо осуществить системную интеграцию трактовок общения, предлагаемых различными научными школами и плодотворно работающими отдельными исследователями, и попытаться увидеть, что еще не прояснено в данном феномене.

Также следует произвести объективный анализ исследовательского инструментария, применяемого при изучении общения, и выявить те методы, которые достоверно выявляют макро-, мезо- и микро-особенности общения и условий, факторов, его детерминирующих.

Каждый человек, и малые, и большие общности людей взаимосвязаны в их бытии и опосредованно или непосредственно взаимодействуют и воздействуют друг на друга. Исследователи общения должны выстроить в строго обоснованную систему перечень проблем отдельных людей, и малых, и больших общностей, являющихся объектами помощи со стороны психологии и смежных с ней наук, и оптимальное решение которых уже достигнуто специалистами-практиками, использующими проверенные эффективные техники и технологии. Одновременно им обязательно следует самокритично обозначить проблемы, входящие в их компетенцию, успешно решить которые они пока неспособны и показать, почему. Роль профессионального общения в подготовке специалистов возрастает, в то время как во многих учебных центрах страны их готовят на личностном и профессионально-деятельностном уровнях крайне плохо, дискредитируя таким образом и психологию как науку в целом. Это ставит еще одну прикладную задачу – разработки спецкурса «Психология общения» и его внедрения в систему вузовского и послевузовского образования.

Проблемы понимания в политических коммуникациях

Е.Г. Борисова (Москва)

Understanding of the political communications — *E.G. Borisova (Moscow)*

Рассматриваются вопросы понимания между участниками политических коммуникаций: власти и политические деятели, власти и массы, массы и власти, массы и политические деятели. Понимание предполагает адекватное представление о желаниях (потребностях, интересах) и намерениях участников коммуникации. Сложности в понимании вызваны: а) отсутствием установившегося языка и традиций политических коммуникаций (нет традиции протеста, массовых выступлений и т.п.), б) отсутствием единого языка (естественного языка и знаковых систем) общения, понимание одних и тех же слов, знаков, фактов и т.п. по-разному, в) преднамеренным искажением в общении (ложь в обращениях к народу, в предвыборных обещаниях и т.п.).

В задачи аналитика и политконсультанта входит выявление случаев непонимания и при необходимости, планирование мер по его устранению.

Непонимание вследствие отсутствия единого языка может быть выявлено социологическими, психологическими и психолингвистическими методами. В частности, лингвистические и психолингвистические исследования могут дать ответ на следующие вопросы:

- как понимается то или иное слово в различных кругах общества (во властных структурах, в определенных группах населения). Особенно актуален этот вопрос для наиболее абстрактной лексики, часто фигурирующей в политических текстах (демократия, свобода, справедливость и т.п.),

- насколько совпадают оценочные характеристики лексики. Различные группы по-разному оценивают окраску некоторых слов (эгоист, олигарх и т.п.),
- какую роль в общественном сознании играют те или иные исторические личности, события, литературные герои, авторы, художники и т.п.
- Учет выявленных данных может помочь выявить наиболее «темные» моменты коммуникации и устранить их ради интересов кого-либо из участников политических процессов.

Общение как социокультурное пространство субъективации в образовательном процессе

А.В. Быкова (Самара)

Communication as a socio-cultural space of subjectification in the educational process —
A.V. Bykova (Samara)

Субъект, как предмет социально-психологического анализа, проявляется в многообразных формах, основными из которых является деятельность и общение. В то же время нет такой деятельности, целью и результатом которой является субъект самой деятельности. Субъект не может возникнуть как преобразование материала или средства деятельности, он возникает в процессах субъективации. Рассмотрим с социально-психологической точки зрения возможности понятия общения для раскрытия сущностных аспектов субъективации в образовательном процессе. Под образованием как социокультурной системой формирования личности мы понимаем комплекс воспроизводства фундаментальных элементов социокультурной технологии образования человека – активного субъекта своей жизни. Учитель в школе и преподаватель вуза входят с обучающимися в особый вид коммуникации. Они, с одной стороны, вступают с учащимся и студентами в прямую коммуникацию, где педагоги выступают как делегированные старшим поколением представители, для организации культурного диалога с младшим поколением учащихся. В этой коммуникации происходит трансляция во времени социокультурных целей и ценностей старшего поколения младшему. С другой стороны, – они «культурные медиумы», посредники, которые обеспечивают процессы мыслительной коммуникации между учащимися и авторами культурных текстов. В то же время, с третьей стороны они самодостаточные субъекты интерпретации культурных феноменов и культурной интерпретации политических событий, научных теорий, поступков и жизни окружающих людей. Культурная интерпретация (понимание) есть создание и оценивание партнера по коммуникации (субъекта-персонажа) с точки зрения этических, эстетических, мировоззренческих позиций оценивающего (субъекта-автора). Коммуникация является непрямой – с творцом документа-текста. Хотя текст и его создатель существуют, разумеется, независимо от оценивающего, отношение понимания диадично и диалогично (этот аспект не схватывается в рамках «классической» науки, для которой объяснение носит характер завершенного события). Интерпретатор не волен выйти за пределы своей социально-оценочной задачи, но может знать теорию своей интерпретации (что помогает ему, как, например, музыканту, весьма опосредованно). Социальные, экономические, культурные факты составляют фундамент оценивания с пристрастной точки зрения субъекта, которая направлена на освоение им культуры. В социально-психологическом плане важно показать, что объект как часть культуры ведет активную жизнь в социуме. Утраченный или не найденный исторический памятник перестает быть предметом культуры, становится реликтом. Существующий памятник подвергается прочтению, то есть субъективизируется. Субъективация здесь выступает как создание смысла общения вместе со своим носителем – интерпретационной способностью личности. Таким образом, общение в образовании является системообразующим для нужд формирования нового социокультурного объекта. В ходе общения в рамках образования порождается новый субъект – сначала это субъект общения по поводу культурных артефактов профессиональной

сферы. Он по отношению к объекту объективируется. В образовательном процессе объективация-субъективация приобретает форму психо- и социокультурного цикла общения в логике воспроизводства субъективной сферы личности. Основной проблемой становится необходимость обеспечить воспроизводимость генезиса профессионального субъекта, так как от этого зависит функционирование как культуры, так и социума. Ключевую роль в решении этой проблемы играет образовательный процесс, который обеспечивает единство и целостность культуры и социума.

Доверие в социальных сетях: случай выборов модератора интернет-сообщества

В.Л. Волохонский (Санкт-Петербург)

Trust in social networks: the case of the election moderator of the Internet community –
V.L. Volokhonsky (St. Petersburg)

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 10-06-00354а «Феномен доверия в публичной интернет-коммуникации». Множество работ упоминает репутацию в качестве одного из важнейших факторов, определяющих уровень доверия. Под репутацией можно понимать ожидания относительно действий субъекта, основанные на наблюдении за его поведением или полученной о нём информации. Репутация не обязательно должна основываться на информации от третьих лиц, вполне возможно формирование репутаций в ходе непосредственного взаимодействия. Наиболее ярко это проявляется в интернет-коммуникации, где могут общаться люди, у которых едва ли будет шанс когда-либо встретиться лично. В изучении межличностного доверия одним из важных вопросов является выбор того показателя, который можно использовать в качестве меры уровня доверия. В нашем случае был выбран такой показатель, как предпочтение пользователями одного кандидата другому при выборах модератора сетевого ресурса. Рассматривался случай выборов модератора сообщества *solidarnost_lj* (политическое сообщество, посвящённое российскому движению «Солидарность») в социальной сети *livejournal.com*, происходивших в октябре 2010. Выборы модератора проходили в форме открытого прямого голосования, в котором каждый участник сообщества мог проголосовать за пятерых кандидатов (из тринадцати претендентов). Всего было подано 77 голосов. В ходе опроса были получены ответы 42 участников голосования о том, почему они оказали доверие тем, кого они предпочли. Более половины опрошенных заявили, что основной причиной выбора стало для них личное знакомство и опыт взаимодействия, причем никто не стал голосовать за незнакомого лично кандидата в ситуации, если мог предпочесть ему лично знакомого. Было сделано предположение о том, что с межличностным доверием реципрочно связана интенсивность взаимодействия между людьми. С одной стороны, по ходу нарастания истории взаимодействия усиливается наше доверие к человеку (при условии, что этот человек, конечно, не вызывает своим поведением недоверие). С другой стороны, люди стараются снизить интенсивность своего общения с теми, кому они не доверяют. В случае социальных сетей такого рода взаимодействие можно зафиксировать в виде оставления комментариев в блогах, участия в деятельности общих площадок коммуникации (сообществ). Была написана программа, с помощью которой был проанализирован доступный внешнему наблюдателю опыт коммуникации кандидатов с избирателями: изучались все записи в блогах избирателей и в сообществе *solidarnost_lj* в течение года, предшествовавшего голосованию. Измерялись следующие показатели активности кандидатов: 1) количество блогов избирателей, в которых кандидатом был оставлен хотя бы один комментарий в течение года; 2) количество записей, сделанных кандидатом в сообществе; 3) общее количество комментариев, оставленных кандидатом в сообществе. Все эти показатели оказались сильно связаны с количеством голосов, полученных за кандидата (применялся коэффициент корреляции Спирмена), сильнее всего – активность кандидата в качестве автора записей в сообществе ($R_s=0.85, p<0,01$). Таким образом

показано, что в ситуации выбора между кандидатами в небольшом сообществе социальной сети величина накопленного опыта взаимодействия с участниками сети может быть успешным предиктором результата. Для определения этого опыта могут быть использованы различные системы терминов. С одной стороны, можно использовать понятие «репутация», с другой – количество потенциальных/осуществлённых актов коммуникации.

Тенденции трансформации слухов: новый взгляд

Д.С. Горбатов (Воронеж)

Trends of rumors transformation: new look – *D.S. Gorbatov (Voronezh)*

Содержание слухов нередко претерпевает некоторые трансформации. С формальных позиций мы имеем дело с тремя их признаками: а) исчезновением одних элементов; б) изменением выраженности других; в) появлением новых. Для объяснения этих изменений используется концепция Г. Олпорта и Л. Постмана, сформулированная в русле гештальт-психологии еще в 40-е гг. прошлого века. Исходя из принципа стремления носителей информации к «прегантной форме», ее авторы описали три тенденции, а именно: – сглаживание (*leveling*), сокращение передаваемых сообщений; – заострение (*sharpening*), избирательное восприятие части деталей из общего контекста; – ассимиляцию (*assimilation*), приведение слухов в соответствие с привычками, чувствами, интересами людей. За все время существования данная концепция претерпела единственную модификацию, связанную с введением тенденции добавления (*adding*) для объяснения любых нововведений. Последняя соотносится с факторами субъективной неопределенности и значимости ситуации, а также эмоциональным напряжением носителей слухов. Надо заметить, что описываемая концепция имеет ряд недостатков, обусловленных тем, что парадигма гештальтпсихологии в большей мере сосредоточена на закономерностях индивидуального восприятия, памяти и мышления, чем на диалогических процессах понимания социальной ситуации, породившей поток слухов. Сущность альтернативной трактовки формулируется нами следующим образом: аудитория слуха, объединенная в сеть кратковременных коммуникативных объединений, изменяет его содержание в соответствии с представлениями о степени полноты и достоверности информации, а также в зависимости от интенсивности эмоционального фона обсуждения. При этом любая из тенденций может приводить к появлению новых деталей и исчезновению прежних, если те нарушают соответствие передаваемых сведений результатам обсуждения. Целесообразно обозначить первую из них как импликацию (от лат. «тесно связываю», «сплетаю»). В классической логике этот термин используется как эквивалент конструкции «если...то...» и применяется, когда два простых высказывания образуют сложное так, что обоснование одного осуществляется ссылкой на другое. Аналогичным образом у интерпретаторов слухов в результате переработки материала («если...») возникают различные объяснения и предположения («то...»). Они позволяют заполнить обнаруженные смысловые лакуны реконструкциями причин, обстоятельств и последствий, что способствует осмыслению передаваемого материала. Те изменения, уточнения и дополнения, которые обусловлены стремлением к субъективной достоверности сведений, выделим как кредитацию (от лат. «(он) верит»). К ней могут быть отнесены итоги когнитивной активности по проверке информации, а также попытки убедить себя и других, придав сообщению вид правдоподобия без какого-либо анализа положения дел. Для обозначения зависимости слухов от эмоционального состояния аудитории ранее нами было предложено понятие драматизации. Эта тенденция выражается во внесении дополнительных деталей, подробностей и преувеличений, субъективно необходимых для восстановления соответствия между сообщением и увеличившейся при его обсуждении интенсивностью переживаний. Таким образом, существует возможность перехода от перцептивных и мнемических закономерностей к коммуникативным, обусловленным диалогической природой взаимодействия

в кратковременных микрогруппах. Ориентация на сочетание указанных тенденций может стать основой для создания прогностической модели изменений слухов.

Особенности проведения тренинга конструктивного общения для подростков в условиях современной школы

Е.П. Зубова (Ростов-на-Дону)

Features of the training of constructive communication for teenagers in today's schools —
E.P. Zubova, (Rostov-on-Don)

Психолого-педагогические исследования последних лет показывают, что в школе растет потребность в тренинговых программах. Это обусловлено многими причинами, но прежде все тем, что увеличивается доля детей с агрессивным – конкурирующим поведением. У таких детей не сформированы навыки конструктивного взаимодействия с одноклассниками и учителями, они слабо понимают, какое место занимают в групповой структуре класса, поэтому постоянно находятся в зоне конфликта. Занятия с психологом позволяют сгладить агрессию и в игровой форме найти конструктивные способы взаимодействия с другими людьми.

Тренинг в школе имеет ряд особенностей и несколько изменяет свою форму. Избежать этого невозможно, потому что школа ставит перед психологом особые требования.

Проводя тренинг с подростками, психолог несет им знание непривычное для них по содержанию и неожиданное по форме. Это и достоинство, и недостаток одновременно. Достоинство заключено в том, что и форма подачи материала и сам материал, непохожие на то, с чем ребенок сталкивается ежедневно в течение многих лет, невольно активизируют его внимание, стимулируют интерес, пробуждают активность. Недостаток проявляется в том, что занятие может быть воспринято как нечто несерьезное, как игра. Поэтому психолог с самого начала должен постоянно подчеркивать важность происходящего в классе, обсуждать результаты упражнений, интерпретировать происходящее.

Занятия с психологом учат детей особому типу взаимодействия с взрослым – сотрудничеству. Психолог учит детей не ждать от него готовых рецептов, а совместно с ним искать решение проблем.

Сам психолог должен хорошо понимать цель своей работы и задачи, которые ему необходимо решить. Он должен предложить детям программу, следуя которой шаг за шагом, ребенок научался бы понимать свои особенности и строить отношения с другими людьми на конструктивной основе. В результате этой работы ученики должны научиться организовывать совместную работу так, чтобы было возможным рассмотрение разных точек зрения на обсуждаемую тему. Это помощь от равного – равному.

Занятие не должно быть ответом на вопрос, который дети не задавали. Поэтому уроки, на которых дети учатся познавать себя, задумываются над особенностями своей личности, учатся строить свои отношения с другими людьми.

Механизмы взаимопонимания в детско-взрослой образовательной общности

Е.Ю. Иванова (Москва)

Mechanisms for mutual understanding in children and adult education community —
E.U. Ivanova, (Moscow)

Основой общности людей является взаимопонимание между её членами. Взаимопонимание есть средство и цель формирования детско-взрослой образовательной общности.

Если в общности взаимопонимания нет, то это приводит к конфликтам и её разрушению. Несмотря на то, что термин «взаимопонимание» достаточно часто употребляется в психологической и педагогической науке, он имеет неоднозначное толкование. На основании трудов Бодалёва А.А. «О восприятии и понимании человека человеком» многими авторами делаются выводы, что взаимопонимание это и есть восприятие и понимание людьми друг друга, которому присущи механизмы эмпатии, аттракции, каузальной атрибуции, идентификации, социальной рефлексии. В данном случае предметом взаимного понимания выступают индивидуальные особенности и качества другого человека, а взаимность понимается как направленность друг на друга воспринимающими людьми. Взаимопонимание есть процесс установления связей и отношений между людьми, который выражается в действие, коммуникации и самоопределение членов общности. На основании работы Сёмина И.И., выделяются следующие уровни, ступени взаимопонимания, которые возможны между разными членами общности: 0 ступень – отсутствие взаимопонимания, когда продавливается только одна точка зрения и игнорируются другие; 1 ступень – согласование точек зрения на уровне коммуникативного консенсуса, соглашения; 2 ступень – согласование точек зрения на уровне реализации действия; 3 ступень – согласование точек зрения на уровне постановки проблемы с выходом на самоопределение. Данные уровни, ступени необходимо рассматривать между основными участниками образовательного процесса: ученик-ученик; ученик-учитель; ученик-учитель-родитель; учитель-администрация. Предметом взаимопонимания в детско-взрослой образовательной общности является её миссия, ценности, традиции, социо-культурные образцы, система управления и соуправления, позиционная структура. Формами для установления взаимопонимания в общности могут выступать педагогические советы, семинары, образовательные сессии, организационно-деятельностные игры, советы самоуправления, конфликтные комиссии, консилиумы и т.д. Основным условием появления взаимопонимания между членами общности являются: стремление членов общности к взаимопониманию; наличие форм для установления взаимопонимания между основными участниками образовательного процесса; достаточный уровень развития способности понимания у членов общности; владение коммуникативными техниками и формами основными субъектами общности; владение деятельностной схемой взаимопонимания под определённые формы для установления взаимопонимания. Механизмом установления взаимопонимания является фиксация предмета (вопроса) обсуждения разными участниками, выявление разных точек зрения по поводу обсуждаемого предмета, выявление оснований разных точек зрения, фиксация полноты или ограничений оснований разных точек зрения, выход в пространство переопределения точек зрения участников коммуникации, предъявление участниками новой – обогащённой или неизменённой точки зрения. Для целенаправленной работы по установлению взаимопонимания в коллективе необходимо проводить диагностику уровня взаимопонимания в коллективе, формировать установку на взаимопонимание между членами общности, развивать способность понимания у членов общности.

Категориальное соотношение понятий общение и коммуникация

Л.А. Карпенко (Москва)

Categorical correlation of concepts intercourse and communication – *L.A. Karpenko (Moscow)*

Анализ развития понятий «общение» и «коммуникация» показал, что в отечественной психологии по-прежнему нет однозначной всеми разделяемой трактовки соотношения этих понятий. В научной и справочной литературе первым появился термин коммуникация и существенно позднее понятие общение. С середины 1970-х гг. понятие общение всё более явно стало выдвигаться исследователями на первый план. В трудах отечественных учёных подчёркивалась связь общения с деятельностью в противоположность западным подходам,

в которых категория деятельности в связи с общением вообще не рассматривалась. Ведущей в отечественной психологии того периода была концепция, основанная на принципе единства общения и деятельности, в которой общение рассматривалось как определённая сторона (элемент) той или иной деятельности, при этом деятельность выступала условием общения. В середине 70-х гг. потребность в научном определении этих понятий стала возникать всё более остро в связи с развитием психологии труда, инженерной и социальной психологии

Первое обобщающее определение было дано Г.М. Андреевой (1980), в котором общение понималось как сложный многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми и группами, порождаемый потребностями совместной деятельности и включающий в себя три процесса: коммуникацию (обмен информацией), интеракцию (обмен действиями) и социальную перцепцию (восприятие и понимание партнёрами друг друга).

Б.Ф. Ломов (1984) исследовал категорию общения для нужд инженерной психологии и эргономики. Он подчёркивал, что в процессе общения идёт обмен деятельностью, развивается и проявляется система отношений и взаимодействий «субъект-субъект(ы)», но при этом основной акцент делал на коммуникативной составляющей, выделяя информационно-, регуляторно- и аффективно-коммуникативные функции общения.

Представление о том, что коммуникативная функция является частью общения, разделяется большинством психологов. Но в исследованиях, где опора идёт не на философско-гуманистическую парадигму, а на системно-информационную (аутопойэтическую), в качестве базовой категории выдвигается коммуникация, а понятие «общение» вообще исключается из анализа. Н. Луман (2003) с этих позиций определяет коммуникацию, опираясь на выделение (селекцию) трех различных сигналов на фоне помех, а именно: самого факта информации, о чём она (суть сообщения) и понимания (или непонимания) этого сообщения. Ни один из этих компонентов не может существовать без других. Если подобной селекции в акте понимания не происходит, то имеет место простое восприятие сигнала и коммуникация отсутствует.

В результате можно констатировать, что до сих пор наблюдается недостаточная проработка понятий общение и коммуникация, их соотношения и семантики. Не до конца решены вопросы: являются ли они категориями в общенаучном понимании и можно ли от приблизительного и вкусового толкования этих понятий перейти к более строгому определению. Нам представляется, что это возможно, если учитывать различия в парадигмальных подходах, поскольку не вызывает сомнения, что общение – это базовая онтологическая категория, являющаяся важнейшей частью описания структуры человеческого бытия наравне с категориями «отношение» и «деятельность». При этом коммуникация выступает как категория второго уровня, являясь в социальных условиях составной частью общения, но в условиях другой предметности – может выступать самостоятельной базовой категорией.

Общение как динамика психических состояний

Н.Л. Карпова (Москва)

Communication as a dynamic of mental states – N.L. Karpova (Moscow)

Феномен общения – сложное системное и многоуровневое явление, которое имеет содержательный и динамический аспект. В содержательном плане выделяются когнитивная, эмоциональная и поведенческая составляющие, в динамическом – параметры времени (длительность процесса), интенсивность процесса и активность субъектов общения. Все компоненты общения проявляются во взаимообусловленности и взаимовлиянии.

Общение является обязательной составляющей любой совместной деятельности, но может быть и самостоятельным, специфическим видом деятельности – т.н. «чистое общение» (Б.Г.Ананьев, А.А.Леонтьев, Б.Ф.Ломов, С.Л. Рубинштейн). Его предмет и цель – это партнер, ядро – передача мыслей и переживаний, а результат активности обеих сторон – определенный уровень взаимопонимания, сопереживания, сложившаяся система взаимоотношений.

Б.Ф. Ломов подчеркивал: важной стороной процесса общения является согласование действий, выполняемых его участниками во времени, в частности – синхронизация психических процессов и состояний. Динамика психических процессов – сенсорных, перцептивных, мнемических, интеллектуальных – существенно зависит от условий, средств, способов и форм общения человека с другими людьми. В условиях общения иначе, чем в индивидуальной деятельности, развиваются и психические состояния.

В любых формах и видах общения (прямое – опосредованное, межличностное – внутригрупповое, деловое – неформальное, профессиональное – обыденное...) можно выделить его основные фазы: а) начальная – по Б.Ф. Ломову, это определение общих «координат» совместной деятельности; б) сам процесс общения, который может иметь ряд циклов; в) завершающая – итоговая для каждой из сторон. При этом динамика процесса общения (длительность фаз, переходы между ними, состав циклов и их последовательность) зависит от темы, особенностей участников и сопровождается, а порой и определяется изменениями их психических состояний.

Аналогично теории мотивации В.Г. Асеева, можно говорить, что процесс общения имеет зональное строение и в плане проявления психических состояний: по оценке результативности и качеству переживаемых участниками состояний может оцениваться как положительный и отрицательный, по насыщенности и оптимальности – как недостаточный и избыточный (со всеми промежуточными характеристиками обеих «горизонтальных и вертикальных» составляющих и характеристиками 4-х выявляемых в данной системе координат зон общения).

Психотерапия нарушенного речевого общения в форме заикания

Н.В. Кисельникова, М.М. Данина (Москва)

*Psychotherapy impaired verbal communication in the form of stuttering –
N.V. Kiselnikova, M.M. Danina (Moscow)*

Нарушения общения при заикании проявляются на двух уровнях: непосредственно речевом, в основе которого лежит расстройство речедвигательного механизма в звене «готовности к речи», и личностном («вторичный невроз заикания»), что определяется хронической патологической эмоциональной напряженностью процесса общения. Нарушения общения при логоневрозе были предметом исследования Жинкина (1958), Лубенской (1974), Хавина (1974), Абелевой (1976), Шкловского (1979), Асатиани (1983), Рау (1984), Некрасовой (1985, 1992), Карвасарского (1990), Беляковой (1992), Арутюнян (1993), Глозман (2002), Миссуловина (1997, 1999, 2002), Карповой (2003).

В отечественной психологии доминирует концепция о сугубо коммуникативном характере заикания, приводящем к глубокому нарушению процесса коммуникации в ряде звеньев: эмоциональном (логофобия), когнитивном (искажение понимания и оценки коммуникативной ситуации и представления о себе как субъекте общения) и поведенческом (избегание ряда ситуаций, сужение круга контактов).

В рамках стратегического конструктивистского подхода описанный круг проблем считается продуктом патологического взаимодействия субъекта с реальностью, а в поддержании проблемной ситуации одну из ключевых ролей играют те усилия, которые человек прикладывает, чтобы ее разрешить («предпринятые попытки решения»). В итоге складывается особая «перцептивно-реактивная система», включающая характерные способы восприятия действительности, реагирования на нее и выражающаяся в трех типах отношений – с самим собой, другими людьми и окружающим миром. Эффективное решение проблемы предполагает: а) понимание закономерностей функционирования перцептивно-реактивной системы; б) блокирование нефункциональных попыток решения проблемы; в) осуществление терапевтичес-

кого вмешательства, направленного на трансформацию элементов, составляющих структуру проблемы.

Нами была поставлена задача на основе методологии исследования-вмешательства, подразумевающего введение в патологически функционирующую систему определенных «переменных» – элементов психотерапевтического воздействия, – смоделировать перцептивно-реактивную систему заикания у подростков и взрослых людей. Предварительное исследование было проведено на выборке 45 человек от 15 до 45 лет.

Проведенное исследование-вмешательство в русле стратегической психотерапии позволило выделить направления и техники работы с заикающимися, показавшие эффективность в более, чем в 70% случаев (критерий валидности протокола вмешательства по Дж. Нардонэ).

Направления психотерапевтической работы: 1. Блокирование попыток сознательного контроля эмоционального состояния. 2. Блокирование попыток избегания ситуаций общения. 3. Блокирование попыток контроля речи и оценок качества речи со стороны родственников и ближайшего окружения.

Терапевтические техники: 1. Направленные на дифференциацию самооценки личности от оценки качества речи. 2. Техника слияния с образом уверенного человека. 3. Техника прерывания деструктивных мыслей, образов и поведения. 4. Техника положительного переопределения симптома. 5. Техники нейролингвистического программирования, направленные на снижение негативного эмоционального фона, сопровождающего речевое общение.

Перспективой является разработка типологии логоневротических перцептивно-реактивных систем и дифференциация протоколов вмешательства для каждого из выделенных типов.

Базовые убеждения как ценностная основа межличностной толерантности у студентов

Г.С. Кожухарь (Москва)

The Basic Assumptions as a value foundation of Interpersonal Tolerance in Psychology-Students –
G.S. Kozhukhar (Moscow)

В условиях реформирования высшего образования, обеспечения конкурентоспособности специалистов на рынке труда особую актуальность приобретает проблема формирования готовности студентов к будущей профессиональной деятельности. На успешность трудовой деятельности большое влияние оказывает степень сформированности системы ценностной индивида. Ценностно-смысловая система является важнейшей составляющей структуры личности (Л.И. Анциферова, К.А. Абульханова-Славская, Б.С. Братусь, А.В. Брушлинский, А.Г. Здравомыслов, Д.А. Леонтьев, М. Рокич, С. Шварц и В. Блиски, В. Франкл и др.). Ядро ценностно-смысловой системы составляют убеждения. Убеждения влияют как на ориентацию личности в профессиональной деятельности, ее значимость, так и на становление конкретных убеждений, выступающих фундаментом профессии практического психолога и оказывающих влияние на развитие и формирование профессиональных компетенций. В данном контексте актуальным представляется исследование связи базовых убеждений, понимаемых как ценностная основа межличностной толерантности, с ее разными видами.

В своей работе мы опираемся на многочисленные теоретико-методологические и эмпирические исследования проблематики толерантности (А.Г. Асмолов, Г.Л. Бардиер, С.Л. Братченко, С.К. Бондырева, И.Б. Гриншпун, Г.С. Кожухарь, Г.У. Солдатова, Т.П. Скрипкина, Л.А. Шайгерова, О.Д. Шарова и др.).

С целью изучения характера взаимосвязи базовых убеждений и разных видов межличностной толерантности у студентов-психологов, были использованы диагностические методы: 1) Шкала базовых убеждений (ШБУ) (методика Р. Янов-Бульман, перевод и адаптация О. Кравцовой); 2) методика диагностики общей коммуникативной толерантности (В.В. Бойко); 3) экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г.У. Солдатова и др.).

В исследовании приняли участие 120 студентов 3, 4 и 5 курсов (возраст от 17 до 24 лет, 97 девушек и 23 юноши; данные собраны автором и студентами Е. Королевой и К. Талкудер).

В результате использования рангового критерия корреляции Спирмена (ненормальное распределение), были получены следующие наиболее интересные результаты.

Наибольшее количество значимых корреляционных взаимосвязей обнаружено между верой в благосклонность окружающего мира и компонентами коммуникативной толерантности, а также этнической толерантностью; между ценностью собственного Я и всеми исследуемыми видами толерантности (этнической, социальной коммуникативной, толерантностью как чертой личности). Обнаружено, что вера в благосклонность людей (доброта людей) практически не имеет значимых корреляций с исследуемыми видами толерантности у студентов-психологов, а базовая шкала «осмысленность мира» вообще не имеет существенных связей с толерантностью. Полученные результаты требуют дальнейшей проверки, в том числе за счет увеличения выборки, а также с привлечением дополнительных методов психодиагностики и математической статистики.

В то же время, выявленные данные могут быть использованы для разработки практических занятий и тренинговых программ для студентов, обучающихся на психологических факультетах. Особое внимание, как нам представляется, следует уделить повышению у студентов уровня осмысленности окружающего мира, в частности, оценку возможности его контролируемости во взаимосвязи с повышением уровня этнической и социальной толерантности.

Развитие языкового и культурного разнообразия в киберпространстве: культурно-психологический подход

А.Н. Коновалов (Москва)

The Development of Linguistic and Cultural Diversity in Cyberspace: a Cultural-Psychological Approach – A.N. Konovalov (Moscow)

Применение культурно-психологического подхода позволяет определить теоретико-методологические основания для приложения практических усилий в направлении развития языкового и культурного разнообразия в киберпространстве и наметить пути реструктуризации системы этих усилий для наиболее эффективного их осуществления.

Под культурой понимается относительно устойчивая и разделяемая членами сообщества система базовых ценностей (Е.Шейн), проявляющаяся в согласованной совокупности моделей взаимодействия внутри сообщества и с внешним миром – природой и другими сообществами (К. Уислер).

Усилия по развитию языкового и культурного разнообразия представляют собой попытку противостоять одному из вызовов процесса глобализации – сглаживанию культурных различий. Исследования культурологов показывают, что монокультура приводит к стагнации общества и, в конечном счете, к его деградации. При наличии культурного разнообразия мы имеем различные культурные модели, в разной степени действенные для решения конкретных задач, при этом разнообразие моделей эффективно помогает и решению мультизадач, и решению задач, с которыми раньше не сталкивалась ни одна культура.

Киберпространство, или виртуальная реальность, является одновременно продуктом культуры и одним из ее выражений. То есть, с одной стороны, культура как среда определяет динамику развития киберпространства, а с другой – киберпространство является средой проявления культуры.

Одним из базовых принципов культурно-психологического подхода является рассмотрение динамики развития культуры. Частая и распространенная исследовательская ошибка – относиться к культуре как к чему-то внешне заданному и неизменному (М. Коул). Это связано с тем, что изменение культуры – процесс медленный, а субъекты культуры, находясь внутри процесса культурогенеза, не могут на протяжении небольшого временного периода

оценить важность происходящих изменений. Однако любая культура постоянно изменяется. Необходимо учитывать, что мы не можем просто изменить реагирование субъектов культуры в рамках культуры существующей.

Таким образом, основная исследовательская дилемма состоит в ответе на вопрос, желаем ли мы максимально сохранить существующие культуры или мы хотим изменить их так, чтобы у субъектов появилась потребность быть вовлеченными в процесс создания, развития и использования киберпространства.

В исследовании на примере одной из малых народностей Крайнего севера РФ сделана попытка применения культурно-психологического подхода к рассмотрению проблем развития языкового и культурного разнообразия в киберпространстве, решение которых подтверждает негативную роль глобализации в сохранении культурного разнообразия. Определены и описаны базовые позиции подхода. Показано, что в качестве индикаторов успешности развития языкового и культурного разнообразия в киберпространстве некорректно использовать внешние для конкретной культуры критерии и индикаторы. Таковыми индикаторами могут выступать измеряемые свойства самой культуры, такие, например, как иерархия ценностей. На основе иерархии ценностей в исследовании была разработана практически ориентированная классификация различных культур. Предложены подходы к развитию киберпространства и информационно-коммуникационных технологий в структуре различных культур в соответствии с задачами сохранения языкового и культурного разнообразия.

Приватное общение: феноменология, функции, структура

И.Б. Котова, В.А. Новгородская (Сочи)

Private communication: phenomenology, function, structure — *I.B. Kotova, V.A. Novgorod (Sochi)*

Приватное общение – вид общения, отличающееся особым содержанием, мерой включенности в личные отношения, способами и средствами психологического воздействия, степенью доверия общающихся друг другу, задействованностью механизма саморефлексии. Потребность в приватном общении испытывают люди, находящиеся в тех или иных личных отношениях: дружбе, любви, партнерстве, соседстве, приятельстве. Наиболее интенсивно оно проявляется на начальных либо конечных этапах личных отношений (при разрыве отношений). Основной функцией данного вида общения является установление и упрочнение личных отношений. В этой связи приватное общение требует более глубокого знания личностных особенностей общающихся лиц. Можно выделить характерные признаки этого вида общения: спонтанность, импульсивность, специфическое содержание, острая потребность в общении, что подтверждает частотой актов общения, его непреходящей актуальностью и ненасыщаемой потребностью, а также доверительностью, осуществлением актов непосредственного и опосредованного взаимодействия. Этот вид общения имеет специфические пространственно-временные координаты, проявляющиеся в произвольном выборе его места, времени, интенсивности и длительности.

Нами выделен ряд условий, от которых зависит успешность приватного общения. Это – наличие определенных личностных и коммуникативных свойств, личных отношений, актуальной потребности в общении, а также латентность целей (размытость целевой установки, отсутствие явно выраженных прагматических установок, их растянутость во времени), пространственная и временная близость (соседство и совместная поездка, класс), ограниченное число общающихся (лучше диада). В качестве одного из факторов может выступать высокая степень эгоцентричности. Выделены тактические и стратегические цели приватного общения. В качестве тактических целей может выступать установление психологического контакта и оптимальной психологической дистанции. В качестве стратегической цели может выступать установление личных отношений.

Результатом приватного является углубление понимания собственной личности, внутренних мотивов и побуждений, повышение самооценки, изменение отношения к себе. В ситуациях приватного семейного общения имеет место высокий уровень самораскрытия, повышенная критичность, требовательность по отношению к партнеру.

В связи с тем, что для О.П. характерна высокая степень психологической близости, можно предполагать, что оно дает возможность для большей субъективной рефлексии и репрезентации, что позволяет оказывать целевое воздействие на партнера по О. с целью поддержания или усиления своего влияния. Особым результатом приватного О. является также возможность самопродвижения.

Путь к субъективной реальности человека может лежать через текст, который выступает одновременно в качестве мотива и средства приватного О. В соответствии с этим любой акт приватного О. можно рассматривать как попытку распутать свой собственный опыт, свой собственный текст.

Задача открытия себя требует выявления стиля О.п. и мышления человека, который приобрел опыт, но испытывает потребность в том, чтобы выделить способы мысли и понять «расстояния душевные», а не только физические. Окутанное флером, затуманенное, трудно поддающееся экспликации, приватное (личное) О. с трудом обнаруживает не только свои смыслы, но и другие психологические особенности перед посторонними, не относящимися к близкому кругу. Оно характеризуется высокой степенью конфиденциальности, доверительности, метафоричности, ассоциативности, парадоксальности, креативности и особой значимости для людей, которые находятся в реальных личных отношениях.

Теоретические положения социально-психологической концепции «субъект затрудненного и незатрудненного общения»

В.А. Лабунская (Ростов-на-Дону)

Theoretical Principles of Social-Psychological Concept «Subject of Difficult and Non-Difficult Communication» — *V.A. Labunskaya (Rostov-on-Don)*

В разрабатываемой концепции акцент сделан на преобразовательной активности субъекта в общении, соответствующей уровню развития и своеобразию субъектных свойств и способностей, содержанию рефлексивного осознания своих личных отношений и взаимоотношений с миром. Исходя из такого понимания субъекта общения, критериями определения его типов выступают: направленность, интенсивность, качество преобразовательной активности личности, проявляющиеся в его субъектных, личностных свойствах и одновременно обусловленные ими. Основными положениями концепции являются: 1) субъект общения вносит объективные и субъективные изменения в общение и осуществляет качественно определенную детерминацию изменений личности, соответствующих определенному уровню; 2) субъект общения раскрывается через его направленность, установки, ценностные ориентации, через систему отношений; 3) преобразовательная активность субъекта общения направлена на физические, психологические, социально-психологические свойства личности, изменения которых осуществляются в диапазоне от полного физического и психического разрушения до созидания, сотворения (актуализация личностного роста); 4) субъект общения и качество его преобразовательной активности рассматриваются сквозь призму социальной, культурно-психологической нормы; 5) сочетание психологических характеристик «нормальности» — «анормальности» личности субъекта общения и представлений о социальной норме вводит понятие «преобразовательная активность субъекта» в контекст социальной психологии и позволяет рассматривать субъекта общения в координатах «нормальность — анормальность», при этом полюс «анормальность» может иметь просоциальный и антисоциальный вектор.

6) Базовыми фундаментальными типами субъекта общения являются те, которые выделены на основе ядерного критерия субъектности – качества преобразовательной активности личности относительно себя и других, представленного в системе ее отношений.

Анализ работ, осуществленный на основе базового критерия субъекта общения, его субъектности, представленной в системе отношений к другому, отличающейся качеством «нормальности» – «анормальности», «разрушающей – созидающей» силой и степенью ее интенсивности, позволяет выделить два фундаментальных типа субъектов общения: субъект затрудненного общения и субъект незатрудненного общения. Субъект общения становится «субъектом незатрудненного и затрудненного общения» в соответствии с его системой отношений, влияющей на его преобразовательную активность, ведущую либо к созиданию, либо к разрушению не только другого, но и самого себя. Преобразовательная активность субъекта затрудненного и субъекта незатрудненного общения отличается по всем трем параметрам: направленности, качеству, интенсивности, представленным в системе отношений. Сочетание этих характеристик преобразовательной активности, дает различные варианты двух типов субъектов общения.

Направлениями исследований качества и интенсивности преобразовательной активности субъекта общения является психология затрудненного общения и примыкающие к ней разделы социальной психологии (например, психология конфликтного взаимодействия), психология агрессивного и деструктивного поведения, психология одиночества).

Представление об опасности и его трансформации под воздействием СМИ

Е.В. Лаврова (Москва)

The idea of danger and its transformation under the influence of mass media – *E.V. Lavrova (Moscow)*

Представление об опасности – чрезвычайно важная составляющая в картине мира человека. От ощущения наличия потенциальной опасности зависит мироощущение человека, уровень его тревожности. Опасность в сознании представления в виде ситуаций потенциально угрожающих жизнедеятельности, здоровью или удовлетворению потребностей субъекта. Наиболее распространенная классификация опасностей базируется на источнике их происхождения. Например, природные, техногенные, информационные, социальные, экономические опасности и т. д. Существует классификация, учитывающая направление воздействия опасности. Например, опасность для здоровья, жизни, социального статуса субъекта. Выделяют четыре основных уровня воздействия опасности и обеспечения безопасности. Самый высший уровень – мировой или глобальный, следующий уровень – уровень отдельных государств, далее уровень социальных групп (различных по количеству членов) и низший – индивидуальный уровень. На таком подходе строится и соответствующая классификация опасностей: глобальные, национальные, профессиональные и т.д. Для того, что бы субъект классифицировал ситуацию как опасную, она, по-видимому, должна обладать рядом параметров. Целью нашего исследования было выявить параметры оценивания опасных ситуаций и выяснить, как они трансформируются под воздействием СМИ. В качестве воздействующего фактора был выбран новостной контент, так как новости описывают реальные события и пользуются наибольшим доверием у зрительской аудитории. На первом этапе исследования проводилось полу структурированное интервью как со зрителями новостей, так и с журналистами, принимающими участие в создании новостных передач. Затем респондентам демонстрировались ранее записанные новостные сюжеты (видеоролики), объединенные в 5 групп по 3 сюжета в каждой. Видеоролики отбирались таким образом, чтобы достаточно полно представить разные типы опасностей. После просмотра респонденты составляли письменный отчет по аналогии с методикой решетки Келли. В результате проведенного контент-анализа полученных данных было выделено 5 основных параметров оценивания опасных ситуаций:

интенсивность, глобальность, вероятность, контролируемость, близость. На втором этапе другой группе респондентов предлагалось оценить ряд ситуаций (48) по перечисленным выше пяти параметрам. Спустя две недели респонденты просматривали смонтированный видеоролик из различных новостных сюжетов и вновь оценивали опасные ситуации по той же схеме. Как показали результаты проведенного исследования, кратковременный просмотр новостных сообщений оказал значимое влияние на представление об опасности, что проявилось в виде изменения показателей по параметрам оценивания опасных ситуаций. Достоверность изменения была подтверждена с помощью статистической обработки результатов по критерию Вилкоксона (уровень значимости 0,05). Кластерный анализ ситуаций показал, что в представлении людей опасности можно разделить на 4 типа: первый тип – «непреодолимые личные опасности», например, наступление старости, смерть, изменения во властных структурах; второй тип – «повседневные опасности», например, позднее возвращение родственников домой, ссора, идти по темной улице; третий тип «ситуации, в которых субъект виноват сам» – испытывать ощущение ненужности, трогать пауков, заплывать далеко в море; четвертый тип – «глобальные, фатальные опасности», такие как землетрясение, крушение самолета, поезда, пожар. Таким образом, может быть предложена новая классификация опасных ситуаций, базирующаяся на субъективных представлениях о них.

Медиакоммуникация как предмет психологического исследования

Л.В. Матвеева (Москва)

Media Communication as a subject of psychological research — *L.V. Matveeva (Moscow)*

1. Столкновение принципа свободы информации и явления коммодификации творческого продукта журналиста.

Профессиональная деятельность журналиста включает повышение внимания и обостренную чувствительность к критическим точкам в жизнедеятельность человеческого сообщества, которые мы называем событием, новостью, случаем. В каждом таком событии главным содержанием, как правило, является поступок человека, группы людей или столкновение интересов, рождающие противоречие или конфликт. Журналист должен внимательно изучить событие в дефиците времени, создать образ события в слове или аудиовизуальном коде и передать этот образ через технические системы на языке, понятном широкой аудитории. При этом журналист свободен в выборе личностной и гражданской позиции, а принцип свободы информации позволяет журналисту быть свободным как субъекту творчества. Однако превращение социального института СМИ в сектор эффективной экономической деятельности через индустриализацию культуры приводит к тому, что журналист, если он хочет быть успешным, должен учитывать условия торговли «творческим трудом», имиджем известных персон и вниманием аудитории через продажу рейтингов рекламодателям.

2. Столкновение особенностей медиажурналистики в интернете и природы человеческого мышления, требующего гармонии рационального и эмоционального в медийном дискурсе.

Современные исследования показывают, что интернет стал успешно конкурировать с классическими каналами СМИ. Так в Германии в 2009 году каждый пятый немец смотрел телевидение и слушал радио в интернете. Оказалось, что интернет предъявляет к медийному дискурсу дополнительные требования и предлагает новые возможности: в форме подачи материала крупный план изображения вытесняет общий план; время восприятия информации сокращается; диалог на экране монитора в реальном времени кажется затянутым; появляется возможность формировать информационный контекст в виде гиперссылок.

Однако все эти особенности требуют от зрителя расширения интеллектуальных ресурсов при восприятии и обработки информации и снижения эмоциональной включенности в информационный поток. При этом журналистская деятельность подчиняется логике развития

технических систем для производства и передачи информационного контента. Журналистам важно учитывать, что технический прогресс, который выражается в переходе на «цифру», может снизить эмоциональную составляющую в человеческой коммуникации.

3. Столкновение коммерческих интересов медиасобственников и миссия журналиста в обществе как «конструкторов» культурных смыслов разных социальных слоев, позволяющих формировать общественный диалог.

Основной миссией журналиста в обществе является удовлетворение информационной потребности людей, потребности в социальной интеграции, формирование национальной, политической и этнокультурной идентичности. Однако коммерческие интересы собственников медиасистем лежат в логике «информационного капитализма», предполагающего воспроизведение заданного социального порядка в его диспропорции. Они заинтересованы в формировании глобальных информационных трендов и эксплуатации потребностей человека в развлечениях и структурировании свободного времени. Журналист сталкивается с серьезным профессиональным выбором: осуществлять миссию служения обществу или быть шоуменом. Задача психологической науки провести профессиональную рефлексию тех проблем, которые возникают в развитии медиакommunikации.

Возможности психологического консультирования в информационном пространстве

Л.В. Матвеева, Ю.В. Мочалова (Москва)

The possibilities of psychological counseling in media — *L.V. Matveeva, U.V. Mochalova (Moscow)*

Главной задачей психологии в области исследования информационной коммуникации является научная рефлексия характера информационных взаимодействий в ментальном плане с участием СМИ. Необходимо выделить основные черты, характеризующие существование человечества в глобальном информационном пространстве.

- Причастность человека к огромному информационному потоку, содержащему информацию как международного, так и частного характера, вызывает у человека затруднения в использовании этой информации в своей жизни. Размытость норм, провокационный характер медиадискурса, латентность причинно-следственных связей в информационном потоке затрудняют процесс идентификации и социализации человека в современном обществе.

- Внедрение мультимедийных средств коммуникации в жизнь общества привело к появлению новой размерности в картине мира человека – публичности, что находит свое выражение в смещении игровой и практической деятельности человека.
- Доминирование опосредствованных способов взаимодействия между людьми привело к тому, что визуальная коммуникация, визуальные коды и визуальные образы стали основным средством передачи информации.

Все это приводит к размыванию нормативов человеческого сообщества в информационном обществе, человек начинает искать базисные, устойчивые категории для самоидентификации и находит их в гендерной, этнокультурной и конфессиональной сфере. Современные СМИ восстанавливают семантику дописменной речевой коммуникации.

Одним из основных средств защиты личности человека от агрессивного воздействия информационного пространства может быть грамотное профессиональное участие психологического сообщества в формировании информационного пространства. Возможны два типа стратегии. Прежде всего, это создание информационного психологического ресурса в телевизионной и Интернет-коммуникации: телевизионные передачи, Интернет-сайты, диалоговые консультации. И второе – это создание мощной системы подготовки и аттестации психологов в качестве специалистов-консультантов, имеющих навыки работы в информационной среде. В чем специфика психологической работы в информационной среде?

1. Информационная телевизионная среда строится по законам жанра театрального действия, а Интернет-среда строится по законам устного дискурса. В связи с этим психологам нужно приобрести навыки взаимодействия в телевизионной среде и научиться искусству устной полемики в семантике обыденного сознания.

2. Публичность коммуникации в СМИ накладывает серьезное ограничение на процесс консультирования, который носит, в основном, конфиденциальный характер. В силу того, что личностная идентичность предполагает достаточно жесткий критерий разделения публичности и интимности, личного и общественного, необходима разработка специальных психологических методов для работы в информационной коммуникации, которые позволили бы, с одной стороны, не превратить психологическое консультирование в еще один вид развлекательных шоу, а с другой стороны – сохранить ценностное психологическое содержание процедуры консультирования.

3. Информационная среда является притягательным местом для презентации себя различного рода сомнительными персонами, пытающимися заработать на потребности людей в психологических знаниях. Появляются такие феномены, как «Клуб экстрасенсов» на телевидении, реклама психологов-ясновидящих, психологов-колдунов, психологов-шаманов.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что перед психологами в 21 веке стоит принципиально новая задача – освоить новые коммуникативные технологии в информационной среде, сохранив при этом профессионализм, гуманизм и эффективность психологической помощи.

Влияние языка СМИ на формирование стратегического мышления личности

Ю.В. Мочалова (Москва)

Effect of language of the media on the formation of strategic thinking person – *U.V. Mochalova (Moscow)*

Понятийная система, концептуальные схемы, ценностные приоритеты глобалистического информационного дискурса задают тон стилистике российских СМИ.

Скороговорка в качестве закона жанра так называемых токшоу начала оказывать влияние на произносительные нормы русской речи и особенности бытового диалога. Культурная русская речь пришлась не ко двору на телевидении! Эстетическое удовольствие, сопровождающее слушание хорошей русской речи, в свою очередь, отсутствует в личном опыте слушателя и зрителя радио и телевидения. Однако приглашение журналистским корпусом зрителей к осмыслению конкретных общественных и политических проблем актуализирует диалогическую интенцию сознания и самосознания личности и пробуждает к жизни её стратегическое мышление, позволяющее человеку трезво и ответственно стоять индивидуальную картину мира, адекватно воспринимать реальность технократической, глобалистической и монетаристской экспансий в культурно-историческое пространство России а также точно и взвешенно корректировать своё мировоззрение.

Язык СМИ оказывает услугу стратегическому мышлению личности, предоставляя в распоряжение человека мало-мальски интеллектуально проработанный коллективом профессионалов терминологический аппарат в качестве средств инструментальной интеллектуальной рефлексии, необходимых как для называния так для серьезного логического анализа современных цивилизационных вызовов а также новых технических и гуманитарных феноменов и исторических коллизий современности.

Даже если конкретные выводы и умозаключения публицистов будут отвергнуты аудиторией, названия поставленных ими проблем будут перекодированы во внутренней речи человека с помощью уникальных личностных конструкторов, а предлагаемые СМИ варианты осмысления животрепещущих вопросов современности будут категоризованы посредством сокровенных интуитивных синтезов личности, вдохновлённых её собственным опытом

существования и активной деятельности в мире, лавры стимуляторов психологической деятельности стратегического мышления личности всё-таки будут принадлежать журналистам, продюсерам, сценаристам и режиссёрам как партнёрам зрителя по общению.

Что касается собственно стратегического мышления личности, то в идеале оно помогает личности прокладывать свой жизненный путь в пространстве и времени, и таким образом строить отношения с землёй, на которой человек родился, народом, среди которого он родился, со своим родом, с будущим, с Историей, с вечностью, с Богом, и, благодаря этому, с людьми. Оно обслуживает деятельность стратегического планирования личностью своей жизни и помогает ей увидеть своё место в мире: перспективы личностного роста и развития и наметить способы использования новых возможностей.

Электронные СМК и воспитание в корпоративной среде вуза

Т.Н. Носкова, О.В. Яковлева (Санкт-Петербург)

Mass media and up-bringing in a university corporative environment —

T.N. Noskova, O.V. Yakovleva (Sankt-Petersburg)

Современный мир характеризуется беспредельностью, хаотичностью, избыточностью: цивилизация может расширяться только за счет инфосферы (Маклюэн М.). Средства массовой коммуникации как основные трансляторы информации постоянно видоизменяются. Необходимо ли помочь молодежи адекватно ориентироваться в информационной среде? Каково влияние СМК на становление личности молодого человека?

Актуальность приобретают вопросы воспитания в современной информационной среде. Молодежи необходимо иметь критерии оценки медиа объектов. Сегодня опыт восприятия «массового» искусства у молодежи шире, чем «классического». Важна критичность восприятия информации, транслируемой СМК, противодействие «обработке» сознания.

Важно овладеть способами самореализации в виртуальной среде. Современная информационная среда предлагает широкие возможности для презентации собственных личностных и профессиональных достижений, однако молодежь не всегда владеет спектром способов представления этой информации. Блогосфера как гражданская журналистика позволяет высказать свое мнение, продемонстрировать увлечения, интересы, расширить круг коммуникаций. Выбор готового «шаблона» приводит к унификации личности: создание похожих личных страниц или сетевых портфолио. Стремление выйти за рамки привычного образца может стать причиной асоциальных поступков, эпатажа, примыкания к молодежным субкультурам. Сетевые сообщества, возникающие на базе социальных сервисов (Twitter, Facebook) позволяют молодежи кооперироваться, проявлять не только социально положительную социальную активность, но и асоциальную (антиправительственные выступления, флэшмобы).

Решение двух перечисленных выше проблем возможно при условии учета воспитательного потенциала корпоративной информационной среды вуза (Носкова Т.Н, Яковлева О.В.). Образовательные учреждения находятся на пути создания среды, в которой могут быть успешно реализованы средства и методы, разработанные электронными СМК. В такой среде необходимо перейти от информационного к коммуникационному взаимодействию. Могут использоваться приемы провокации, столкновения мнений, уже давно применяющиеся в рекламе и маркетинге. Побуждение к анализу, высказыванию своего мнения, воспитывает критичность мышления, привычку оценивать поступающую информацию. Примеры самопрезентации представителя будущей профессии помогают выработать собственные критерии оригинальности. Возможность представить собственные достижения, получить на них отзывы представителей разных возрастных категорий в среде вуза позволяет сформировать собственный творческий подход к представлению себя в информационной среде.

Перенос технологий и методов электронных СМК в корпоративную образовательную среду позволяет создавать условия для: подготовки к правильному, критичному восприятию информации; овладения языком электронных медиа в решении социальных, профессиональных задач; решения задачи воспитания; профессионализации методами СМК в образовательной среде современного вуза.

Структурные компоненты диалогической направленности личности в общении

Н.М. Олейник (Ростов-на-Дону)

Structural components of dialogic orientation of the person in communication –
N.M. Oleinik (Rostov-on-Don)

В структуре личности, как правило, присутствуют два-три вида направленности, одна из которых является ведущей, доминирующей, проявляющейся в ситуациях межличностного общения. В нашем исследовании мы ставили перед собой задачу выявить особенности проявления направленности личности в ситуации конфликтного взаимодействия, которая имеет ряд отличий от других ситуаций общения. Для диагностики направленности личности в общении, проявившейся в ситуации конфликтного взаимодействия, использовалась проективная методика Братченко С.Л. «Направленность личности в общении – 3» и метод экспертной оценки. Исследование проводилось в три этапа – на первом испытуемые (63 человека) заполняли бланк методики «НЛО 3» и выявлялась их ведущая направленность.

На втором этапе проводилось само экспериментальное исследование с записью на видеокамеру. Ситуация конфликтного взаимодействия создавалась посредством нарушения норм субъект-субъектного личностного общения. Для этого специально проинструктированным игроком использовались оценочно-атрибутивные, чисто оценочные суждения, монологичность высказываний, перебивание партнера, интонации возмущения, недовольства, избегание контакта глаз.

На третьем этапе диагностики направленности личности в общении, проявившейся в ситуации конфликтного взаимодействия, был использован метод экспертной оценки. Эксперты смотрели видеозапись с сюжетом и независимо друг от друга оценивали проявившуюся коммуникативную направленность. Анализ тестовых данных и экспертной оценки показал, что у 35% испытуемых не совпадают виды направленности по тестовым данным и результатам экспертной оценки. Наибольшее расхождение возникло у испытуемых с диалогической направленностью, что вызвало необходимость более детально рассмотреть общую структуру направленности в общении у испытуемых с диалогической направленностью.

Общая структура направленности личности испытуемых, у которых совпала экспертная оценка с тестовыми данными, характеризуется незначительной выраженностью диалогической направленности по сравнению с другими видами, и не превышает 56%. Особо следует отметить, что второй по степени выраженности у данных испытуемых является альтероцентристская направленность, составляющая от 22% до 41%. Следовательно, исходя из общей структуры направленности лиц с диалогической направленностью, данные говорят о готовности испытуемых к равноправным отношениям, основанным на взаимопонимании и открытости, готовности к диалогу. Менее, но также заметно выражена направленность на общение, предполагающее жертвование своими интересами ради интересов партнера по общению.

Таким образом, совокупность двух типов направленности – диалогической и альтероцентристской – в ситуации конфликтного взаимодействия проявляется как устойчивая диалогическая направленность.

Психологическое содержание общения

В.Н. Панферов (Санкт-Петербург)

Psychological content of communication — *V.N. Panferov (St. Petersburg)*

Для научных исследований психологии общения проблема предметного содержания до сих пор не вполне проясняется. Большинство современных исследований, относимых к психологии общения, таковыми не являются, так как не касаются собственного психологического содержания общения. В лучшем случае общение рассматривается как фактор какого-либо психического процесса или в виде независимой переменной в исследовательской процедуре. Это проистекает из-за сложности фиксации процесса общения взаимодействующих партнёров и моделирования в экспериментальной процедуре обратной связи.

В результате вместо психологического содержания общения, заключённого в явлениях согласования взаимодействия, обмена представлениями, чувствами, мыслями, намерениями и интересами, взаимопрезентации, взаимовлияния и взаимоотношений, изучаются все те же общепсихологические процессы, состояния и свойства психической организации человека в условиях присутствия другого человека (людей).

Часто содержательные аспекты общения в исследовании подменяются изучением средств коммуникации и форм передачи информации. Они имеют отношение к общению, но не обязательно связаны с его психологическим содержанием. Исследование вербального и невербального инструментария ещё не означает психологического аспекта общения. Языковые и другие формы знакового общения не обязательно выводят исследования на психологическое содержание общения.

Психологическое содержание присутствует во всех формах общения, но не всегда в них удаётся его вычлнить в соответствие с теми психологическими явлениями, которые могут быть порождены только общением. О каких таких психологических явлениях может идти речь?

В процессах общения партнеры являются соавторами социально-психологических феноменов совместной жизнедеятельности людей. Это многочисленные групповые эффекты, порождаемые аффилиацией и обособлением. Все они продукт взаимных усилий, предполагающих реализацию индивидуальных интенций за счёт соединения субъектных возможностей. Они внутренне противоречивы и амбивалентны по чувствам, и поэтому весьма динамичны в биполярных зонах человеческих отношений. К ним относятся: сотрудничество-соперничество; симпатия-антипатия; любовь-ненависть и другие разновидности взаимоотношений. Это содержание совпадает с предметом социальной психологии, но не исключает междисциплинарных исследований.

Особенности понимания смысла сообщений в условиях межкультурной коммуникации

Т.И. Пашукова (Москва)

Features of understanding the meaning of messages in intercultural communication —

T.I. Pashukova (Moscow)

Проблемы взаимопонимания и эффективности общения представителей разных культур требуют детального изучения коммуникативных возможностей его субъектов, т.е. этнофоров, и возможностей передачи смысла сообщений с помощью вербальных и невербальных средств, используемых в тех или иных условиях.

От того насколько удачно передан смысл сообщения коммуникатором и от степени глубины и адекватности его понимания реципиентом зависит успешность коммуникации, в том числе и формирование единого семантического пространства общения, которое

и представляет одну из важнейших составляющих подлинного диалога и взаимопонимания. Однако у этнофоров как языковых личностей в условиях межэтнического взаимодействия употребление соответствующих языков и невербальных средств общения приводит к неодинаковости наполнения смыслами используемых понятий и неоднозначности интерпретаций знаковых систем невербальной коммуникации. Кроме того, представители разных культур, даже если они используют один язык для общения, оперируют несовпадающими семантическими единицами и поэтому и смыслами переданного и принятого текста. Наиболее вероятно такое несовпадение у представителей высококонтекстуальных и низкоконтекстуальных культур, которое как правило приводит к досадным недоразумениям.

Влияние контекста на коммуникацию в психологии описано Э. Холлом в 1976 г. В настоящее время контекстом, вслед за Э. Холлом, принято считать все, что окружает общающихся и сопровождает вербальную коммуникацию. Этим сопровождением, позволяющим согласовать темпоритм и состояния коммуникантов, является невербальная коммуникация, включающая жесты, мимику, выражение глаз, длительность зрительного контакта с собеседником, движения и положение тела, тактильные средства передачи информации, экстралингвистические компоненты речи, а также временные и пространственные характеристики, символизм окружающей обстановки и оформления внешности партнеров по общению и др. Эти сопровождения коммуникации в разной степени учитываются и используются представителями высоко- и низкоконтекстуальных культур и оказывают значительное влияние на взаимооценку и отношение собеседников друг к другу. Большие сложности создают различия в использовании контекста коммуникации для людей не имеющих опыта его использования и интерпретации. Неправильно истолкованные различия могут вызвать эгоцентрические и предвзятые представления о намерениях партнеров по общению, приводить к ошибкам каузальной атрибуции.

С контекстом связано и использование прямого и непрямого стиля коммуникации. Прямой стиль характерен для низкоконтекстных культур, а непрямой – для высококонтекстных. Немногословность, недосказанность, некатегоричность, сдержанность в выражении эмоций избегание открытых выражений несогласия или отрицания часто неверно истолковывается собеседниками из культур, в которых приняты многословность, искренность, однозначность, эмоциональная экспрессивность, категоричность в выражении согласия или несогласия. Для преодоления трудностей взаимопонимания, вызываемых потребностями и привычками использования контекста в межкультурной коммуникации, необходимо знание о контексте речевого общения и выражений собеседника или особая синхронизация эмоциональных состояний, которая в условиях межкультурной коммуникации позволяет снизить риск ошибок каузальной атрибуции в интерпретации смыслов сообщений и состояний собеседников.

Имидж в феноменологии общения: психосемиотический подход

Е.А. Петрова (Москва)

Image in dialogue phenomenology: the psychosemiotics approach – E.A. Petrova (Moscow)

Интерес к проблеме связан с ролью имиджа в социальном бытии людей. Каковы основные функции имиджа? На наш взгляд, это: экзистенциальная (бытийная представленность объекта в сознании других людей); социокультурная (идентификации с определенными категориями поля имиджей); объективации внутренних, реальных характеристик носителя имиджа; аттитудная (формирующая установку); отношенчески-детерминирующая функции. Имидж определяют отношение к объекту социального познания. Например, в части доверия. Основная часть взаимодействий в обществе строится не на сущностном познании, а именно на основе имиджа. Необходимый имидж – убедительный аргумент для принятия множества

социальных решений. Имидж, совпадающий со стереотипно требуемым, повышает конкурентоспособность его носителя (например, в период выборов такой имидж кандидата повышает его шансы на победу). Поэтому социальный субъект (человек, организация, общность), владеющий технологией имиджирования адекватно смыслу и целям своей жизни, легче их реализует.

В качестве методологической основы исследований имиджа как феномена общения, осуществленных нами, выступает психосемиотический подход. В основе развиваемого подхода лежит идея о ключевой роли знаков и семиотических систем коммуникации в формировании и функционировании имиджа. Знаки рассматриваются в единстве генезиса, выражения и впечатления в коммуникации: как средство экспрессивно-импрессивного проявления имиджа, его информационной объективации и интерпретации, орудийной (инструментальной) функции в развитии и управлении имиджем.

Отдельные имиджи не существуют сами по себе лишь как индивидуальные образы-представления. Они взаимосвязаны с определенными стереотипными имиджами социальных субъектов. В массовом сознании в каждый исторический момент времени существует открытое (это важно подчеркнуть) поле имиджей, различающихся как содержательно, так и мерой стереотипности входящих в него характеристик. Это поле включает подсистемы различных социально-групповых, профессиональных, половых, возрастных, этнических и других категорий персональных имиджей. Поле интегрирует архетипичные и современные, традиционные и модные образы-представления.

Отдельные имиджи в общем семантическом пространстве менталитета находятся в сложном соотношении, иерархизируясь по различным основаниям. Согласно предложенной Е.А.Петровой трехфакторной модели построения имиджеологического пространства, каждый имидж при его восприятии оценивается в сознании реципиента в системе трех интегральных векторов: «статусность», «оценка» и «значимость – близость». При исследовании отдельных категорий имиджа исходные универсальные шкалы наполняются как в количественном, так и в качественном плане различными характеристиками. Специфика этого наполнения имеет социально-культурную детерминацию и динамично варьируется у одних и тех же социальных категорий реципиентов, одновременно различаясь у представителей разных половозрастных, профессиональных, этнических и других групп.

Проведенные под нашим руководством исследования имиджей различных субъектов жизни подтверждают перспективность использования психосемиотического подхода в области психологии имиджа и являются основанием для серии работ, осуществляемых в рамках дальнейших исследований феномена.

Сегодня развитие психологии имиджа тесно связано с работой одноименной секции московского отделения Российского психологического общества (рук. Е.А. Петрова). В соответствии с перспективным планом работы секция осуществляет проведение фундаментальных научных исследований, с регулярным обсуждением полученных результатов на своих заседаниях.

Типы брендируемых объектов компании и стратегии их медиакоммуникаций»

Ю. К. Пирогова (Москва)

Types Brendiruemy objects of the company and their strategy for Media — *U.K. Pirogova (Moscow)*

В современных условиях высококонкурентной маркетинговой среды многие компании находят все более разнообразные стратегии воздействия и коммуникативные технологии, с помощью которых они стремятся привлечь внимание целевых рынков, сформировать в их восприятии уникальный образ своих товаров и услуг, наделить их значимыми для потребителей ценностями и тем самым сформировать и поддерживать их приверженность и лояльность.

Одной из таких стратегий, которая активно развивается в последние годы, стала стратегия брендинга разнообразных взаимодополняющих типов объектов компании, которая уже далеко вышла за пределы создания товарных и корпоративных брендов.

В докладе вводится понятие брендируемого объекта, которое расширяет современные толкования понятия «бренд». Брендинг объекта предполагает появление у него знаков идентификации высокой различительной силы, позволяющих целевому рынку осуществлять его идентификацию и дифференциацию, формирование в восприятии целевых аудиторий его образа как уникального объекта, который предполагает длительное существование, а также развитие ценностно ориентированной коммуникации, связанной с данным объектом. Проведенное исследование коммуникаций зарубежных и российских компаний позволило выявить более 20 различных типов брендируемых объектов. Среди этих типов объектов: не только брендируемые компании, но и их объединения; не только брендируемые товары и услуги, но и брендируемая корпоративная или товарная идея; не только брендируемый компонент, но и брендируемый неотделимый атрибут товара; не только персональные бренды, но и брендируемые личностные дизайн-концепции, брендируемые лайф-стайл-концепции; брендируемый информационно-консультационный ресурс; брендируемый коммуникативный ресурс (или проект); брендируемый развлекательный или событийный проект; брендируемая технология, брендируемая модель и др. Немалое разнообразие типов брендов представлено также в сфере территориального брендинга.

В структуре медиакоммуникаций различные бренды компании могут вступать во взаимодействие друг с другом, создавая комплекс семантико-прагматических связей в восприятии потребителей. Как правило, товарные, корпоративные бренды и бренды событийного характера становятся коммуникативным ядром рекламных и PR-коммуникаций, в то время как другие типы брендов не получают самостоятельной коммуникативной поддержки и занимают в медиакоммуникациях компании подчиненную позицию (с их помощью развивается уникальный имидж основных брендов, акцентируется внимание потребителей на ценностях и преимуществах основных брендов, их основных и дополнительных возможностях, выстраивается более убедительная аргументация и др.). В ходе исследования были выявлены прагматические, семантические и структурные средства, придающие единство коммуникационной кампании (как коммуникативной единице особого типа), использующей одновременно различные типы брендов в качестве основных и дополнительных. Интеграция составных элементов кампании происходит на пяти уровнях воздействия на потребителя и создает эффект синергии. Проведенное исследование показало, что медиакоммуникационная кампания может быть представлена как серийная вариативная коммуникация о комплексе брендов компании, в которой между варьирующимися сообщениями установлены разнообразные структурные связи.

Проведенное исследование эмпирического материала позволяет выйти на новый уровень понимания стратегий и тактик коммуникативного воздействия, которые используются в современном маркетинге и пространстве медиакоммуникаций.

Лукизм как социально–психологический феномен

Д.В. Погонцева (Ростов-на-Дону)

Lookism as a socio-psychological phenomenon — *D.V. Pogontseva (Rostov-on-Don)*

В последнее время наблюдается рост количества исследований, посвященных роли физической аттракции, т. е. внешней привлекательности или непривлекательности как факторам, влияющим на поведение людей в различных сферах жизни (учеба, трудоустройство, судебные решения, выборы и т. д.), а также феноменам категоризации и дискриминации другого по внешнему облику. В конституции любой страны заложен пункт против дискриминации, в Российской конституции в 19 статье указывается, что запрещены любые формы ограничения

прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Однако в конституции не затрагиваются такой вид дискриминации, как дискриминация по внешности (красивый-не красивый) или лукизм. В тоже время эти виды дискриминации существуют в различных сферах нашей жизни: фейс-контроль и дресс-код в клубах и ресторанах, отсутствие одежды и обуви нужных размеров в дорогих магазинах и др. Культ молодости, худобы приводят к тому, что акцентируются такие параметры внешнего облика, как вес и красота.

Используя различные стереотипные суждения, мы делим людей на группы по внешнему облику, а каждую из этих групп наделяем определенными характеристиками, которые могут как соответствовать данной группе, так и быть ложными.

Лукизм – как самостоятельный термин возник в Америке, одни из первых исследований относятся к 1980-м годам. Под лукизмом понимается любая дискриминация под воздействием оценки другого, как красивого – не красивого. Одной из самых распространенных тем в европейских исследованиях – изучение стереотипа «что красиво – то хорошо» (*beautiful is good*). Как отмечают И. Олсон и К. Маршуетц красивые люди всегда получают больше льгот, от более высокой социальной оценки до более высокой зарплаты. Р. Фелсон и Дж. Борнштедт рассматривают проблему «красивое – значит хорошее, или хорошее – значит красивое» на примере оценок школьников. В итоге, они показали, что детей более умных и спортивно-развитых их одноклассники считают более красивыми. Д. Хамермеш и Э. Паркер было выявлено, что студенты, которых преподаватели считают как обладающих более аттрактивным внешним обликом, получают более высокие учебные оценки. Так Л.А. Нордхолм в своей работе рассматривала проблему взаимодействия врач – пациент. Ею было выявлено, что «красивых» пациентов чаще считают более «хорошими», покладистыми и оптимистично настроенными, чем «некрасивых» пациентов. Подобное исследование было проведено спустя 10 лет канадскими учеными Х.Д. Хаджиставропулосом, М.А. Россом и К.Л. фон Байером, ими было обнаружено, что врачи оценивают боль как более сильную у красивых пациентов.

Несмотря на то, что в зарубежных исследованиях проблема влияния внешнего облика на различные аспекты взаимодействия изучается давно, в рамках российской психологии этот аспект является малоизученным. В тоже время существуют предпосылки для изучения данного феномена, это работы, посвященные общению и роли внешности в различных аспектах жизни (А.А. Бодалева, В.Н. Панферова, В.А. Лабунской, В.В. Барабанщикова и др.). Так, В.Н. Панферов считал, что эталоны внешности выполняют роль своеобразных «пусковых механизмов» процесса интерпретации субъективных свойств человека, разворачивающегося во времени. В свою очередь В.А. Лабунская говорит о том, что «внешний облик – становится одним из важнейших средств построения типологий, выделения и распознавания определенных социальных групп, страт, описания стилей жизни. ... Внешний облик человека становится способом визуальной коммуникации и стратификации».

Стилевые характеристики коммуникативной активности субъекта

Т.Я. Решетова (Москва)

Style characteristics of the communicative activity of the subject – *T.Ya. Reshetova (Moscow)*

Методология и теория современной психологии выдвигает в качестве продуктивно-го методологического принципа необходимость рассмотрения любого психического явления с позиций анализа коммуникативных процессов, понимая коммуникацию как диалог и продуктивную критику. При этом коммуникацию и диалог чаще всего относят к глубинным структурам индивидуальности, ее сознанию. Диалог с другими людьми или с самой собой является единственной возможностью существования субъекта. Принцип диалогичности является неотъемлемой частью гуманистической парадигмы развития личности, где знание,

понимание, обобщение, постижение смысла предстают как результат коммуникации, диалога, предполагающего возможность многообразия позиций, интерпретаций, точек зрения, ценностных предпочтений. Стилиевые характеристики коммуникативной активности субъекта при этом выполняют функцию, обеспечивающую это многообразие.

Реальный, но не нормативный индивидуальный стиль общения проявляется лишь тогда, когда он строится на основе бессознательного стремления субъекта к психологическому комфорту, а не на основе осознанного стремления к эффективному взаимодействию, поскольку такое стремление не всегда может предполагать учет собственных индивидуальных особенностей и, следовательно, может привести к собственному психологическому дискомфорту. В ситуациях с большим диапазоном неопределенности и без наличия четкой цели, детерминирующей систему действий и операций, находит отражение реальный стиль общения субъекта, при этом следует учитывать, что внешнее и внутреннее находятся не в жестких и однозначно направленных причинно-следственных отношениях, но во взаимоотношениях координации. Их взаимовлияние в разные промежутки времени может быть различным и оказывать различное влияние на развитие личности.

Под коммуникативным стилем понимаются устойчивые индивидуально-своеобразные приемы, способы передачи и получения информации в процессе общения. Главным компонентом в коммуникативном стиле выступает стиль языка, манера говорить, использовать предпочтения в выборе средств для определенной цели общения – информативной, предписывающей, оценочной.

Психология манипуляции: проблемы и перспективы

Л.И. Рюмшина (Ростов-на-Дону)

The Psychology of manipulation: problems and prospects — *L.I. Ryumshina (Rostov-on-Don)*

Психология манипуляции оформилась в отечественной психологии только в конце двадцатого века, сейчас она как никогда актуальна и востребована. Хотя, следует отметить, что актуальность этой проблематике придали не столько теоретические исследования, сколько практические наработки в области массовых коммуникаций, предвыборных кампаний. Таким образом, большинство имеющейся по психологии манипуляции литературы представляет собой скорее пособие по манипулированию, чем его анализ. Отрыв теоретических исследований от практических, наблюдающийся и в настоящее время – серьезная проблема, затрудняющая понимание сложного феномена манипуляции. Отсюда совершенно закономерно вытекает теоретико-методологическая неразработанность данной проблематики.

Исходя из зарубежной литературы можно выделить два основных подхода к анализу манипуляций: бихевиоральный, где находится оправдание манипуляциям, как поведению, способствующему достижению поставленной цели, и экзистенциально-гуманистический, где манипуляции изначально признаются безнравственной формой поведения, разрушающей общение между людьми. Что касается российской психологии, то следует напомнить, что, несмотря на серьезные гуманитарные традиции дореволюционной российской науки, в целом советская психология была ориентирована на бихевиоральный анализ психологических феноменов. Современная российская психология постепенно начинает ориентироваться на гуманитарную парадигму, хотя сам переход от одной парадигмы к другой представляет для отечественных психологов большие трудности. Поэтому попытки некоторых ученых исследовать манипуляции в русле гуманитарной парадигмы часто оказываются не столь успешными. Да и сам феномен, в силу напрашивающейся технологичности, приводит к тому, что манипуляции исследуются непосредственно применительно к практике, без достаточного осмысления последствий их применения.

Теоретико-методологическая неразработанность проблематики, приводит к такой же слабостью разработанности валидных и надежных методов исследования феномена. Плохо описаны

и осмыслены причины и мотивы манипулирования. В цепочке манипулятор – собственно манипуляция – объект манипуляций, хуже всего исследовано последнее звено. Это значительно усложняет определение отличий манипуляции от других видов воздействия и разработку способов противодействия ей. В литературе выделяется набор личностных качеств, способствующий внушаемости человека, но остается непонятным, какие из них в большей степени провоцирует попадание под манипулятивные воздействия.

Какие же перспективы стоят перед этой областью знаний? На наш взгляд, отечественной психологии нужно, прежде всего, отойти от «деления» исследований манипуляций по отраслям науки (общая, социальная, психология личности и т.д.), а отнести к манипуляции как проблеме, требующей тщательной разработки как междисциплинарного явления. Следует, на наш взгляд, больше внимания уделить причинам, провоцирующим манипуляции. Например, социокультурным предпосылкам манипулирования, тем более, что постепенное вхождение российской психологии в мировую создает условия для этого. Наконец, перейти от адаптации зарубежных методик, к разработке отечественных методов и методик изучения этого явления. Особое внимание при этом уделить воссозданию личности, часто оказывающейся объектом манипуляций. В современных условиях это представляется достаточно актуальным, так как трудно возражать Э. Шострому и другим ученым: манипулятор живет внутри и вне нас. Поэтому никто не застрахован от того, что при определенных условиях или в определенной ситуации он может стать объектом манипулятивных воздействий.

Черты самоактуализирующейся личности у современных российских политиков

Л.И. Рюмшина (Ростов-на-Дону)

Traits of the self-actualized personality in the modern Russian politicians — *L.I. Ryumshina (Rostov-on-Don)*

Создание имиджа политических деятелей не случайность, а необходимость. Большую роль в этом процессе со второй половины двадцатого столетия играют средства массовой информации. Действительно, непосредственные контакты политических деятелей с народом ограничены, а их роль в его жизни и жизнедеятельности страны в целом крайне велика. От того, какими они будут выглядеть в глазах населения зависит отношение к проводимой ими политике. Поэтому в определенной степени образ политического деятеля должен соответствовать задачам, стоящим перед обществом. С другой стороны, он должен отражать то, что если политик как лидер и не «является лучшим из нас», то, по крайней мере, он понятен и близок электорату.

Итак, каким же должен быть современный российский политический деятель? В силу общественных тенденций последнего времени, ориентации на создание нового демократического, правового государства он, скорее всего, должен обладать чертами самоактуализирующейся личности (личной ответственностью, реалистичностью, ориентацией на настоящее время, а не прошлое и будущее, позитивностью мышления и т.п.). Как известно, самоактуализация подразумевает реализацию человеком своих способностей наряду с реализацией личностного потенциала. Она одновременно является и целью, к которой движется человек, и процессом данного движения. Стремление к самоактуализации, согласно ученым гуманистической ориентации (А. Маслоу, К. Роджерсу и др.), является высшим уровнем мотивации личности, естественным, закономерным и необходимым процессом жизни. Однако самоактуализация и политика трудно совместимы, особенно в нашей стране.

В силу того, что в современных условиях наибольшее влияние на политическое и социально-экономическое развитие страны оказывают такие политические деятели как Д. А. Медведев и В. В. Путин, именно выявлению у них черт самоактуализирующейся личности и их анализу было посвящено эмпирическое исследование, выполненное под нашим руководством. Так как со времени избрания Д.А. Медведева президентом страны, средства массовой коммуникации

ориентируют население на своего рода их политический тандем, резонно предположить, что создаваемые образы данных политических деятелей будут почти неотличимыми друг от друга. Мы проверили это предположение на анализе печатной продукции.

Всего было проанализировано 10 опубликованных интервью Д.А. Медведева и В.В. Путина на различные политические темы, касающиеся как внутренней, так и внешней политики. Как и следовало ожидать, у В. В. Путина и Д. А. Медведева присутствуют определенные черты самоактуализирующейся личности, но они выражены в разной степени. При этом существенных различий между характеристиками самоактуализации Д. А. Медведева и В. В. Путина не было выявлено. В целом результаты исследования позволяют говорить о склонности к позитивности мышления обоих лидеров, и, что особенно приятно, тенденции к адекватному восприятию действительности. Наряду с позитивностью мышления это можно считать достаточно хорошими личностными основаниями для руководства страной. Однако результаты исследования свидетельствуют и о склонности обоих лидеров к групповой, а не личной ответственности.

Безусловно, печатная продукция все-таки в большей степени поддается конструированию, чем например, визуальная, создаваемая телевидением. Однако нас интересовало не то, какие на самом деле Д.А. Медведев и В.В. Путин (что впрочем, невозможно выяснить даже с помощью анализа телепродукции). Нас больше интересовало, какими их «создают» средства массовой коммуникации, т.к. именно это в большей степени раскрывает и отражает политические тенденции, задаваемые в стране.

Пословицы русского народа как ценностная коммуникация поколений

Л.С. Свитич (Москва)

Proverbs of the Russian people as a value-generation communication – *L.G. Svitich (Moscow)*

Представление русского народа о должном, ценном, одобряемом и не одобряемом им зафиксированы в пословицах и поговорках. Пословица это жанр фольклора, образное, афористически краткое, ритмически организованное, грамматически и логически законченное изречение с поучительным смыслом, которое часто обладает не только прямым значением, но может быть применено к другим аналогичным ситуациям. Пословицы – продукт коллективного народного творчества, проверенный веками плод наблюдений над жизнью, стусок полезных советов, народной мудрости, отражение корневых, константных ценностей, норм и моделей поведения людей. Пословицы концентрируют, обобщают социально-исторический, трудовой, общинный, семейный, духовный опыт народа, типизируют ситуации и учат, советуют как поступать. М. Шолохов писал, что «ни в одной из форм языкового творчества народа с такой силой и так многогранно не проявляется его ум, так кристаллически не отлагается его национальная история, общественный строй, быт, мировоззрение, как в пословицах». Очень часто пословицы построены по принципу дихотомии: ценность-антиценность, хорошее-дурное, полезное-вредное, добродетель-грех и т.п. Пословицы устойчивы, говорят о коренных чертах русского народа, передают накопленный опыт, народную мудрость, систему ценностей последующим поколениям и в этом смысле являются межпоколенной ценностной коммуникацией.

В.И. Даль собрал и опубликовал более 30 тысяч пословиц и поговорок, систематизировав их по смыслу в рубрики. Мы исследовали методом частотного анализа 125 рубрик, которые имеют ценностный характер. Затем объединили пословицы в более крупные смысловые кусты, которые составили четыре типологические категории. Таким образом, проведено трехуровневое обобщение.

На первом уровне, когда рубрики были выстроены по количеству пословиц, на первых 10 местах оказались: толк – бестолочь – 901, счастье – удача – 812, человек – 735, достаток

– убожество – 706, свое – чужое – 667, пища – 650, земледелие – 582, помощь – 577, дом – двор – хозяйство – 498, работа – праздность – 498. Как видим, особенно высоко ценится толковость, счастье и все, что связано с достатком, домом, хозяйством, работой, и наоборот не одобряются противоположные качества и ценности.

На третьем уровне обобщения, когда рубрики Даля, сформированные в 41 группу, были объединены в 4 типологические категории, оказалось, что народная мудрость выстраивает практически безукоризненную систему ценностей, моделей поведения, как вековую копилку народного опыта, полезного для жизни народа и передачи потомкам:

Средства массовой информации, если они хотят соответствовать ментальным особенностям русского народа и служить Отечеству, должны быть чуткими к этой системе ценностных смыслов. Ибо ценности семьи, общинности, патриотизма, рачительного хозяйствования, трудолюбия, веры, воспитание добрых качеств и осуждение пороков помогли бы (как и на протяжении прошедших веков) выстоять стране в наше тяжелое время, когда моральные императивы сломаны, когда есть огромная потребность в объединении народа, подъеме производства, в том, чтобы молодые люди стали образованными, активными, трудолюбивыми, добрыми гражданами отечества, когда ценность семьи и любви в исконном смысле слова как никогда важны. К сожалению, многие СМИ продолжают быть либо сервильными, либо коммерческими и культивирует скорее пороки и агрессию, чем доброславие, взаимопомощь, жизнелюбие и миролюбие, к чему призывает через пословицы русский народ.

Деформация доверительных отношений как детерминанта дезадаптации личности в трудной жизненной ситуации

Т.П. Скрипкина (Москва)

Deformation of trust as a determinant of personality maladjustment in difficult situations –

T.P. Skripkina (Moscow)

Согласно развиваемой нами концепции доверительных отношений реально свободным человек, чувствует себя, когда он совладает с разнонаправленными переживаниями «Я хочу», «Я могу» и «Я должен». Когда человек в силу каких-то причин не может решать стоящие перед ним задачи с позиций соотношения названных переживаний, возникают деформации не только в «душе», но и в поведении.

В соответствии с положением концепции доверительных отношений о том, что доверие к себе является фактором субъектности человека, а гармоничная система доверительных отношений – условием полноценной самореализации личности, было проведено исследование, направленное на изучение особенностей деформации поведения в трудной жизненной ситуации. Эмпирическим объектом исследования выступили беженцы и вынужденные переселенцы. Было выдвинуто предположение о том, что в процессе адаптации беженцев и вынужденных переселенцев к новым социальным условиям, у них будет нарушаться гармоничность выраженности меры доверия к себе и к другим, что, в свою очередь, будет негативно сказываться на субъектных свойствах личности, и деформировать стратегии поведения.

Результаты исследования показали, что деформации в доверительных отношениях могут выражаться тремя способами. Во-первых, в чрезмерном проявлении доверия к себе, которое в конечном итоге приводит к нарушениям во взаимоотношениях с другими людьми, что в результате приводит к сужению доверительных, адекватных контактов с другими людьми, и в итоге болезненно переживается мигрантами.

Во втором варианте, нарушения доверительных отношений проявляются в том, что мигранты, оказываясь неспособными безболезненно преодолеть трудности, связанные адаптацией, строят свое поведение, стремясь приспособиться к новой социальной среде, и идут по пути снижения уровня доверия к себе. Результатом этого становится неадекватное снижение самооценки, уровня притязаний, повышение тревожности и фрустрированности, в результате чего

имеет место либо сниженный уровень активности, либо поиск поддержки со стороны других людей и неадекватно высокий уровень доверия к другим.

И, наконец, в третьем случае, может падать как уровень доверия к себе, так и уровень доверия к другим, что мы назвали кризисом доверия. Кризис доверия проявляется в снижении меры доверия к новой социокультурной среде и ее представителям и, как следствие, в снижении меры доверия к себе. Снижение уровня доверия, или наличие кризиса доверия, в свою очередь, деформирует межличностные отношения и некоторые качества личности, оказывая влияние на паттерны поведения.

Анализ полученных данных показал, что в подавляющем большинстве случаев, у мигрантов уровень доверия к себе со временем значительно снижается, в то время как потребность в доверии к людям остается завышенной, но она тоже не может быть полноценно реализована, из-за отсутствия полноценных позитивных социальных контактов с коренными жителями. В результате деформируется поведение, снижается социальная активность. В связи с наблюдаемым снижением активности в поведении, этот феномен был нами назван «сворачивание» субъектности».

Итак, данные показывают, что снижение уровня доверия к себе не может быть полноценно скомпенсировано доверием со «своими». Именно это обстоятельство и является важнейшей из причин растущей дезадаптации и невозможности социально и личностно самоопределиться мигранту, попавшему в новую социальную общность.

Межличностная обратная связь как источник трудностей в общении и как средство их преодоления

О. В. Соловьева (Москва)

Interpersonal feedback as a source of difficulties in communication and as a means of overcoming them —
O.V. Solovyova (Moscow)

Межличностная обратная связь как источник трудностей в общении и как средство их преодоления О.В. Соловьева (Москва) Interpersonal feedback as a source of difficulties in communication and as a mean of their overcoming O.V. Solovyova (Moscow) Необходимость в подаче обратной связи партнеру по общению возникает у субъекта, как правило, в случае возникновения затруднений во взаимодействии с ним. Обратная связь при этом направлена прежде всего на улучшение взаимодействия с партнером. Однако в случае неумелой подачи обратной связи трудности во взаимодействии могут усиливаться. Таким образом, обратная связь оказывается как инструментом налаживания общения (и взаимодействия как его составной части), так и средством его разрушения. Эту закономерность можно проследить на основе материалов трех эмпирических исследований, выполненных под нашим руководством. Проведенные исследования продолжают традицию изучения обратной связи в межличностном общении, заложенную Л.А. Петровской на кафедре социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова в 1970-е годы. В традиции Л.А. Петровской межличностная обратная связь понимается как сообщаемые коммуникатором реципиенту «сведения относительно того, как, каким он воспринят» в деятельности и общении (Л. Петровская). При этом акцент делается на перцептивной стороне процесса общения – на восприятии самого говорящего и его проявлений в деятельности и общении. Субъект затрудненного общения становится источником трудностей в общении для партнеров, причем, как установлено в эмпирическом исследовании представлений о трудностях в общении, значительная часть этих трудностей связана с избытком или недостатком активности субъекта в общении. Те же тенденции наблюдаются и в сфере подачи обратной связи в общении: как ее избыточность, так и недостаток приводят к негативным последствиям для партнеров и для их взаимодействия. В связи с этим встает задача оптимизировать процесс подачи обратной связи как в количественном, так и в качественном отношении. Так, эмпирические исследования показывают,

что в деловом общении существует определенный дефицит позитивной обратной связи от руководителя подчиненному, несмотря на понимание того, что подчиненный нуждается в ней. Подчиненные же по отношению к руководителю предпочитают или отмалчиваться или давать положительную обратную связь. Эффект «помалкивания» (the Mum effect) был экспериментально зафиксирован и в общении равных партнеров. В условиях дефицита реальной обратной связи на фоне стремления достичь поставленной цели люди осуществляют специальное поведение, направленное на поиск обратной связи (feedback-seeking behavior). При этом, как показало эмпирическое исследование, участники аттестационных процедур готовы воспринимать критическую обратную связь лишь при соблюдении ряда условий, в частности, это организация устной беседы по итогам аттестации, а также дополнение устной беседы предъявлением балльных оценок. Разработка технологий подачи обратной связи, адекватных человеческому измерению взаимодействия, с одной стороны, и ситуации взаимодействия, с другой, – важная задача социальной психологии общения.

Формирование представлений о терроризме и террористической угрозе как основа профилактики и противодействия терроризму в молодежной среде

А.В. Фоломеева (Москва)

The formation of the ideas about terrorism and terrorist threat as a basic for preventing and combating terrorism among young people — A. Folomeeva (Moscow)

Социальная и общественно политическая актуальность изучения террористической угрозы и выработки мер профилактики и противодействия терроризму определена в документах правительства РФ и других федеральных законах, нормативных правовых актах Президента Российской Федерации, нормативных правовых актах Правительства РФ. Современный терроризм имеет ряд особенностей:

- Изменилась организационная структура террористических групп. На смену закрытым иерархическим организациям пришли мощные децентрализованные структуры, действующие на территории нескольких государств, хорошо оснащенные и имеющие развитую инфраструктуру;
- Современные террористические акты отличаются крупномасштабностью, несут за собой огромное число жертв, серьезные психологические последствия для населения и значительный ущерб инфраструктуре государств. Терроризм становится «слепым» или массовым;
- Развитие информационных технологий и современные СМИ используются террористами как средство информирования о своей деятельности, пропаганды своих идей и устрашения мирового сообщества;
- В ответ на жесткое противодействие государств террористические организации все более активно используют террористов-смертников.

Необходимость выработки эффективных мер противодействия и предупреждения терроризма, понимания его природы и механизмов воздействия на общественное сознание, выделение и анализ психологических причин слабой эффективности существующей контртеррористической деятельности определяет научную и прикладную актуальность темы данного исследования.

В настоящее время в межотраслевых исследованиях террористической деятельности превалирует социально-политический подход, в рамках которого изучен и обоснован ряд факторов, определяющих стремительный рост исламского религиозного терроризма. Однако, психологические механизмы формирования отношения к терроризму и к террористической угрозе, возможности СМИ в построении моделей антитеррористического поведения прак-

тически не исследованы. Психологические исследования представлений о терроризме и переживания террористической угрозы носит фрагментарный характер.

В нашем исследовании мы предполагаем выйти за рамки обсуждения отдельных психологических аспектов отношения к терроризму. Мы предпринимаем попытку изучить психологические механизмы формирования и содержание представлений о терроризме и о террористической угрозе, проанализировать роль СМИ и социального контекста в формировании этих представлений, проанализировать возможности СМИ в создании моделей антитеррористического поведения.

Результатом такого исследования могут стать конкретные рекомендации для СМИ и антитеррористических организаций по формированию антитеррористических установок у населения, разработке программ контртеррористических действий.

Гипотезами исследования выступают следующие предположения:

- Структура и содержание представлений о терроризме, террористической угрозе и террористах-смертниках у молодежи отличается от аналогичных представлений других возрастных групп (подростки 14-17; студенты 18-22; взрослые 25-45);
- Образ террориста-смертника входит в ядро представлений о терроризме и террористической угрозе;
- Образ террориста-смертника формируется СМИ и определяет содержание представлений о терроризме и террористической угрозе;
- Модели антитеррористического поведения, представленные в СМИ, лежат в основе аттитюда к терроризму и террористической деятельности.

Формирование компетентности в профессиональном общении у психологов

Т.Л. Худякова (Воронеж)

Formation of competence in professional communication among psychologists —

T.L. Khudiakova (Voronege)

Значимая роль в профессиональном становлении психологов отводится сегодня компетентности в профессиональном общении. Как показал анализ исследований, проведенных в отечественной и зарубежной психологии, компетентность в общении является одним из наиболее исследуемых психологами в последнее время феноменов. При этом недостаточно изучена структура компетентности в профессиональном общении, специфика ее содержания в зависимости от профессиональной деятельности, методы диагностики и психолого-педагогические условия формирования компетентности в общении с учетом специфики профессиональной деятельности. Анализ научной литературы позволил выявить структуру компетентности психолога в профессиональном общении, которая состоит из двух взаимосвязанных компонентов: мотивационного и операционального. В ходе анализа особенностей профессиональной деятельности психолога выявлены три уровня сформированности компетентности в профессиональном общении психологов. Формирование компетентности в общении у студентов протекает успешно и имеет положительную динамику при реализации следующих психолого-педагогических условий: обеспечении мотивационной готовности студента-психолога к освоению новых эффективных способов профессионального общения, включающей формирование личностных качеств, значимых для психолога; организации моделирования профессиональной деятельности, включающей систему заданий, отражающих специфику общения психолога. В основу разработки психолого-педагогических условий формирования компетентности в профессиональном общении психолога были положены принципы, разработанные Н.Н. Нечаевым и его сотрудниками и непосредственно вытекающие из сущности деятельностного подхода. Согласно исследованиям Н.Н. Нечаева и ряда его сотрудников, период освоения профессиональной деятельности в ВУЗе включает три основных уровня

формирования профессионального сознания: предметный, теоретический и практический, на каждом из которых формируется и закономерно трансформируется определенный набор профессиональных характеристик деятельности, необходимых для решения специфического для каждого уровня круга профессиональных задач. На начальных этапах обучения психолога деятельность, связанная с сущностью психологической профессии, является средством объективации содержания деятельности будущего специалиста и исходным пунктом формирования системы его профессиональных характеристик, что характерно для базового «предметного» уровня его профессионализации. «Теоретический» уровень профессионализации отражает результаты процесса формирования у студентов теоретического отношения к построению процесса общения и становление внутреннего плана действия, характерного для профессионального общения психолога. Пределом «теоретического» уровня профессионализации является способность к осознанному построению процесса профессионального общения. На «практическом» уровне формирования компетентности в профессиональном общении появляются возможности создания условий для формирования новых способов решения сложных проблемных ситуаций, что характерно для развитой профессиональной деятельности психолога. Нами осуществлено экспериментальное исследование, имеющее целью проверку выявленных психолого-педагогических условий формирования компетентности в профессиональном общении у студентов-психологов.

Типология закономерностей поведения телевизионной аудитории

А.В. Шариков (Москва)

The typology of patterns of behavior of the television audience – A.V. Sharicova (Moscow)

В последние десятилетия было сделано немало открытий в области изучения аудитории СМИ, особенно телевизионной аудитории, благодаря внедрению автоматизированных систем измерения. Стало ясно, что телевизионную аудиторию следует рассматривать как особый тип социальной общности, которую отличают, прежде всего, диффузность и высокая степень изменчивости. Открытия, сделанные на основе многолетних наблюдений на больших репрезентативных выборках, позволяют говорить о высокой степени надёжности и валидности полученных результатов.

Обнаружились многочисленные закономерности частного порядка, присущие телевизионной аудитории. Данный факт ставит вопрос о построении типологии полученных закономерностей. Специальный анализ привёл автора к следующей картине. В самом грубом приближении обнаруженные закономерности поведения телевизионной аудитории можно разделить на две большие группы. Условимся называть их, соответственно, консупционные и диспозиционные закономерности.

Первая из них (консупционные закономерности) связана с поведением зрителя относительно виртуального пространства телеэкрана, которое в упрощённом модельном представлении сводится к трём простым операциям. Это:

1. входение в виртуальное телепространство (через включение телевизора, либо через приближение к уже включённому телевизору);
2. выход из виртуального телепространства (через выключение телевизора, либо удаление от включённого телевизора);
3. переключение с канала на канал.

Данные операции надёжно фиксируются в автоматизированных системах аудитории как свершившиеся факты.

Оказалось, что консупционные закономерности довольно многочисленны и проявляются на нескольких уровнях – уровне общей телевизионной аудитории, уровне аудитории отдельных телеканалов и уровне аудитории отдельных телепередач.

К группе консумпционных закономерностей следует отнести и закономерности перехода с канала на канал. Ещё в 1990-е годы было обнаружено, что такого рода переходы происходят не столько случайным образом, сколько предопределены жанрами транслируемых программ.

Наконец, для ряда жанров были определены внутрипрограммные закономерности поведения телевизионной аудитории. Так, например, изменение объёма аудитории новостных программ подчиняется правилу золотого сечения – пик аудитории совпадает с точкой золотого сечения относительно длительности выпуска.

Вторая группа закономерностей (диспозиционные закономерности) связана с личностными диспозициями зрителей, среди которых особую роль играют ценностные ориентации и базовые установки. Свободный выбор телепрограмм, телевизионные предпочтения обусловлены именно данными переменными.

Вот далеко не полный перечень обнаруженных закономерностей поведения телевизионной аудитории. Есть все основания считать, что более детальное изучение телевизионной аудитории приведёт к обнаружению новых закономерностей в её поведении.

О явлении идентификационного резонанса в процессе восприятия телепрограмм: к постановке проблемы

А.В. Шариков, Д.А. Симоненко (Москва)

The typology of patterns of behavior of the television audience — *A. Sharikov, D. Simonenko (Moscow)*

В исследовательской среде широко распространено мнение, что в процессах массовой коммуникации одним из важных механизмов восприятия является идентификация реципиента с персонажами телепрограмм. Механизм идентификации для отдельного индивида, вероятно, имеет свои границы, и не каждый человек способен идентифицировать себя с любым человеком на экране. Вероятно, существует некий предел в самом механизме идентификации, предел, обусловленный личностными характеристиками человека, непроизвольно ищущим себе подобного на экране. Тогда в аудитории той или иной авторской передачи будут преобладать зрители, «отзывающиеся» на психологические характеристики ведущего, как бы входящие с ним в резонанс. Условимся называть данное явление идентификационным резонансом.

Данная гипотеза была проверена в ходе специального пилотного исследования, проведённого в 2010-2011 гг. в НИУ «Высшая школа экономики». Были выбраны два авторских телевизионных проекта. У каждой программы имелась лояльная аудитория, которая в социальных сетях организовала специальные Интернет-сообщества поклонников.

Обоим ведущим было предложено выступить в роли испытуемых – пройти тест Айзенка на выявление темперамента. То же самое было предложено сделать членам обоих Интернет-сообществ в социальных сетях. Были случайным образом отобраны по 60 поклонников каждой программы в возрасте от 18 до 35 лет. Данные множества не пересекались. Таким образом, выборка испытуемых-телезрителей составила 120 человек.

По результатам теста Айзенка, психотип первого ведущего может быть охарактеризован как «холерик меланхоличный». Эти качества обнаруживались и в его передаче.

Анализ результатов теста среди поклонников первого ведущего привёл к следующей картине. Чаще всего среди них встречались холерики (41 человек), среди которых преобладали ярко выраженные холерики (14 человек) и холерики меланхоличные (11 человек). Для сравнения в выборке было 9 сангвиников, 7 холериков и 3 флегматика. Таким образом, среди поклонников первого ведущего, обладающего холерическим типом, оказалось больше всего зрителей-холериков.

Психотип второго ведущего можно охарактеризовать как «сангвиник холерический».

Анализ результатов теста среди поклонников второго ведущего выявил следующее. Чаще всего среди них встречались сангвиники (24 человека), среди которых преобладали ярко выраженные сангвиники (12 человек) и сангвиники холерические (7 человек). Для сравнения

в выборке было 19 холериков, 10 меланхоликов и 7 флегматиков. Таким образом, среди поклонников второго ведущего, обладающего сангвиническим типом, оказалось больше всего зрителей-сангвиников.

Полученные результаты, конечно же, лишь первый шаг на пути к строгому доказательству сформулированной выше гипотезы. Однако они всё же указывают на то, что явление идентификационного резонанса, вероятно, существует. Будем надеяться, что дальнейшие исследования на валидных выборках ведущих и их поклонников позволят надёжно подтвердить высказанную гипотезу и выявить больше интересных психологических деталей.

Социальная психология виртуальной коммуникации

Ю.С. Шевченко (Москва)

The social psychology of virtual communication — *Y.S. Shevchenko (Moscow)*

Особенностью современности считается глобальное распространение сети Интернет. Возможности для организации совместной деятельности в виртуальной среде, не смотря на появление все более усовершенствованных технологий, по-прежнему вызывают большие сомнения. В качестве недостатка виртуальной коммуникации можно отметить ее обедненность эмоциональными переживаниями, которые составляют суть реальных взаимодействий между людьми. Одно из наших эмпирических исследований было посвящено вопросу организации обучения в сети Интернет. В ходе анализа полученных результатов было обнаружено, что отсутствие четко обозначенных границ виртуальной группы отрицательно влияет на ее развитие, а их наличие может становиться ориентиром для участников, позволяющим им организовывать работу в группе. В виртуальной среде мы наблюдали процессы группообразования, включающие в себя формирование социальной идентичности, появление аутгрупповых стереотипов, межгрупповой конкуренции и аутгрупповой враждебности. В группах образовывалась ролевая структура, выделялись лидеры (в основном, это были наиболее коммуникативно активные участники, предъявляющие наибольшее количество сообщений). Феномены группового давления проявлялись в меньшей степени, чем это можно наблюдать в реальных группах, в силу меньшей выраженности эмоциональных реакций и возможности дистанцироваться от принятия группового решения. По итогам был выделен ряд рекомендаций: основания для группирования должны встраиваться в контекст учебного занятия и актуализировать в коммуникации процессы, связанные с определением групповой идентичности. Эффективная организация виртуального взаимодействия возможна тогда, когда общение внутри групп происходит на отдельных чатах, а общее взаимодействие регулируется модератором в общем форуме. Потери в создании общего коммуникативного пространства из-за разделения на группы компенсируется за счет межгрупповых коммуникаций. На восприятие процесса виртуальной коммуникации оказывает влияние форма организации ввода и демонстрации текстовых сообщений. Так, использование чата по сравнению с форумом увеличивает скорость общения и количество активных участников, одновременно увеличивая количество сообщений, не относящихся к содержанию обучения. Другое наше эмпирическое исследование было связано с изучением возможности для инициирования и управления процессом обмена знаниями между сотрудниками крупной телекоммуникационной компании. Исследование было проведено в рамках создания общего коммуникативного пространства, которое позволило сотрудникам компании обмениваться опытом их профессиональной деятельности. По итогам исследования мы можем сделать вывод, что внедрение виртуальных форм взаимодействия может сильно изменить культуру организации: способствовать переходу к партиципативным формам сотрудничества, основанным на идее совместного управления как сотворчества.

Психологическая компетентность учителя: конструктивность и риски педагогического взаимодействия

Т.Н. Щербакова (Ростов-на-Дону)

Psychological competence teacher: the constructive and risks of educational interaction —
T.N. Sherbakova, (Rostov-on-Don)

Образовательное пространство для ребенка выступает своеобразной со-бытийной общностью взаимодействия и взаиморазвития со сверстниками и взрослыми. Уровень компетентности задает координатное поле анализа педагогического явления, определяет характер принимаемого учителем решения относительно содержания и способов педагогического воздействия. Психологическая компетентность взрослого во взаимоотношении с ребенком проявляется в различных деяниях.

Низкий уровень профессиональной психологической компетентности приводит не только к формированию неконструктивного индивидуального стиля педагогической деятельности и общения, но также к возникновению ряда психологических барьеров. Наше исследование показывает, что можно выделить следующие психологические барьеры учителя, часто имеющие место в практике:

- подмена реальной педагогической проблемы, «желаемым», «нормативным» видением, по существу – это профессиональные фантомы;
- отвержение ситуации принятия задачи, поставленной другим. Здесь наблюдается проявление авторитаризма как селективного фильтра или авторитарной догматической модели восприятия;
- фиксация на «заготовках» или предварительно выстроенной модели, а не на системе сигналов, поступающих от агентов взаимодействия;
- тенденция к эклектичности как способу соединения несоединимого в уроке или программе, что является следствием низкого уровня компетентности в различных областях;
- профессиональный аутизм – неспособность идентификации с объективно возникающими ситуативными позициями участников взаимодействия;
- жесткость когнитивных, эмоциональных и поведенческих моделей, участвующих в организации профессиональной активности;
- стремление к тиражированию «собственного портрета» вместо провокации проявления индивидуальности ученика. Компетентный учитель должен выступать психологическим катализатором проявления эксклюзивности ученика;
- рассогласование декларируемого: моделей, принципов, технологий, взаимодействия и практической реализации, т.е. неконгруэнтность. Заявлено сотрудничество, а на уровне поведения не используется пространство педагогической ситуации, дистанция, нет понимания временной архитектоники урока и позиций участников реально-го взаимодействия как присутствующих, так и виртуальных.

Психология спорта

Возрастная динамика психофизиологических показателей у успешных и малоуспешных спортсменов-легкоатлетов

И.М. Абдуллаев, Л.И. Губарева (Ставрополь)

Age dynamics of psychophysiological parameters of successful and less successful athletes in field events –
I.M. Abdullaev, L.I. Gubareva (Stavropol)

Современный спорт предъявляет жесткие требования к системам регуляции и жизнеобеспечения организма. На этапе ранней ориентации и начального профессионального отбора в спортивные секции целесообразно проводить комплексное обследование, объективно отражающее потенциальные возможности воспитанников в определенных видах спорта с учетом их генетической детерминированности и адаптационного диапазона. При этом особенно важно учитывать возрастные особенности развития систем адаптации и влияние на них интенсивных физических нагрузок.

В связи с этим целью нашего исследования было изучить возрастную динамику некоторых психофизиологических показателей у спортсменов-легкоатлетов с разным уровнем подготовленности.

В условиях естественного эксперимента были обследованы спортсмены мужского пола 11-18 лет (102 человека), занимающиеся легкой атлетикой в группах начальной подготовки и группах спортивного совершенствования спортивной школы г. Буденновска. Контрольную группу составили школьники, не занимающиеся спортом (165 человек). Оценивали физическое развитие школьников по показателям жизненной емкости легких (ЖЕЛ), становой силы; состояние центральной нервной системы (ЦНС) – по показателям времени простой и сложной зрительно-моторной реакции (ЗМР), числу упреждающих реакций, среднеквадратичному отклонению (СКО); определяли также длительность индивидуальной минуты (ИМ), уровень мотивации к успеху и избеганию неудач по Т.Элерсу, степень готовности к риску. Результаты исследования обрабатывали статистически.

Согласно полученным нами данным систематические занятия легкой атлетикой с 11 лет изменяют возрастную динамику показателей становой силы и ЖЕЛ. При этом у спортсменов перворазрядников 17-18 лет ЖЕЛ была в 1,3 раз, а у КМС – в 1,4 раз больше, чем у их сверстников контрольной группы ($p < 0,001$). Изменяется динамика отдельных показателей простой зрительно-моторной реакции – числа упреждающих реакций и СКО, свидетельствующая о более высокой вариабельности времени ЗМР и преобладании процессов возбуждения у успешных легкоатлетов в беге на 100, 200 м и прыжках. Анализ результатов исследования длительности ИМ показал, что у спортсменов-спринтеров высокой квалификации длительность ИМ достоверно ниже, чем в контрольной группе ($p < 0,05$). Следует особо отметить, что у успешных спортсменов выше, чем у менее успешных показатели готовности к риску и мотивации к успеху ($p < 0,05$).

Таким образом, важными психофизиологическими критериями адаптации к спортивным нагрузкам и успешности в беге на 100, 200 метров и прыжках являются становая сила, ЖЕЛ, длительность ИМ, выраженность процессов возбуждения, готовность к риску, уровень мотивации к успеху. Критическим периодом для воздействия интенсивных мышечных нагрузок в исследованных нами видах легкой атлетики для мальчиков является пубертатный период (13-15 лет).

Познавательная функция символизации: возможности применения в детско-юношеском спорте

А.Н. Веракса (Москва)

Cognitive function of symbolic representation: features of implementation in junior sport —

A.N. Veraksa (Moscow)

За последнее десятилетие внимание к использованию знаково-символических средств в спорте значительно выросло. В спорте применение символических средств (например, метафоры) как средства познания проходит в логике обучения новым навыкам. Как было показано в наших исследованиях, символ может выполнять познавательную функцию в ситуации неопределенности.

В проведенном нами исследовании приняли участие 25 футболистов в возрасте 5-7 лет. На момент проведения эксперимента каждый футболист имел опыт занятий не менее 6 месяцев. На основании экспертных оценок начинающие спортсмены были проранжированы по таким качествам как быстрота, гибкость, скорость, ловкость, выносливость. Это позволило уравновесить состав контрольной и экспериментальной групп. Для каждой из групп был разработан видеоматериал, направленный на освоение двигательного навыка ведения мяча и завершающего удара в створ ворот (длительность видеоролика составляла 1 минуту). При этом в контрольной группе видеоролик представлял собой развернутую демонстрацию навыка с выделением ключевых моментов в его выполнении. В экспериментальной группе акцент был сделан на метафорическом объяснении навыка, представленном в виде мультфильма. Демонстрация видеоролика и сопровождавшая его беседа с испытуемым проводились со всеми испытуемыми индивидуально в течение 4 месяцев на протяжении 12 встреч. На каждой четвертой встрече осуществлялся мониторинг реального выполнения футболистами демонстрировавшегося навыка.

Результаты проведенного мониторинга показали, что если в контрольной группе после экспериментального воздействия были выявлены лишь тенденции к увеличению показателя ведения мяча, то в экспериментальной группе выявлено значимое увеличение показателей ведения мяча, точности направления движения и техники удара по мячу.

Таким образом, можно утверждать, что использование символического образа при обучении в детско-юношеском спорте имеет более высокую эффективность в сравнении с традиционным обучением, основанном преимущественно на знаковом опосредствовании.

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ поддержки молодых ученых кандидатов психологических наук МК-3455.2011.6.

Гендерная проблематика в танцевальном спорте

Я.В. Гиряков (Иркутск)

The Gender aspects of dance sport — *Y.V. Giryakov (Irkutsk)*

Гендерные исследования являются актуальным направлением психологической науки. В спортивной психологии существует разделение видов спорта на «маскулинные» (бокс, тяжёлая атлетика, регби) и «фемининные» (художественная гимнастика, фигурное катание, спортивные танцы). Проблема влияния избранного вида спорта на гендерные характеристики личности изучена недостаточно.

Мы провели исследование, направленное на изучение влияния «фемининных» видов спорта на личность спортсмена (спортивные танцы). В нём приняли участие спортсмены-танцоры (43 человека). Была выдвинута гипотеза об определяющем влиянии избранного вида спорта на формирование гендерной идентичности спортсмена.

По опроснику BSRI было выявлено, что 74% опрошенных описывают себя как личность андрогинного типа, 12% – фемининного, 9% – маскулинного, 5% – полонетипизированного.

Вместе с тем, результаты факторного анализа показали, что в группе девушек было выявлено три основных стилевых фактора поведения, зависящих от типа гендерной идентичности. Первый фактор («эмоционально-демонстративный») – включает в себя высокие показатели социального темпа, интегральной самооценки, ожидания положительного отношения других и самопринятия, а также низкие показатели самостоятельности и самообвинения. Второй фактор («действенно-волевой») – высокие показатели гендерной идентичности, эргичности, социальной эргичности, пластичности, темпа, моделирования. Третий фактор («когнитивный») – высокие показатели самоуверенности, саморуководства и самопринятия.

У юношей была выявлена иная картина факторных связей. Первый фактор («регуляторный») – высокие показатели пластичности и социальной пластичности, темпа, интегральной самооценки, саморуководства. Второй фактор («действенно-демонстративный») – высокие показатели планирования, программирования, общего уровня саморегуляции, ожидания положительного отношения других. Третий фактор («когнитивный») – высокие показатели социального темпа и аутосимпатии.

Результат исследования не подтвердил поставленную рабочую гипотезу о феминизации личности в танцевальном спорте.

Вместе с тем исследование дало ряд неожиданных результатов. В танцевальном спорте ретранслируется традиционный полоролевой стиль взаимоотношений: партнёр выполняет инструментально-техническую функцию создания танцевального образа и является в паре ведущим, – действия партнёрши определяют эмоционально-экспрессивную функцию. Это обстоятельство создаёт базу для переживания спортсменками внутрличностного конфликта, который отражается на характере взаимоотношений в паре. Для партнёрши, которая чаще всего является андрогинной личностью, не вполне приемлема пассивно-ведомая танцевальная роль, что определяет сложности выражения строго экспрессивной роли в танце.

Факторы успешности спортивной деятельности альпинистов и горных туристов с разным уровнем профессионального мастерства

Т.С. Голикова (Москва)

Factors in the success of sports activities of climbers and mountain tourists with different levels of professional skill – *T.S. Golikova (Moscow)*

В 20 веке стали активно развиваться различные экстремальные виды спорта. При этом развитие сопровождается усовершенствованием старого и появлением нового снаряжения, оборудования. Однако статистика показывает, что за последние годы число чрезвычайных ситуаций уменьшилось за счет качества снаряжения, информации, но увеличилось за счет снижения уровня подготовки самих экстремалов. В качестве группы для изучения психологических особенностей и факторов успешности экстремалов мы взяли альпинистов и горных туристов с разным уровнем спортивного мастерства. Статистика по несчастным случаям в альпинизме проводится каждый год и показывает, что от 75 до 95% несчастных случаев происходит из-за человеческого фактора (Ю.В. Байковский, Г. Кочетков). Этим фактором определяется актуальность изучаемой темы.

В исследовании приняли участие 40 альпинистов и горных туристов разного уровня мастерства (от 3 р-да до МС) в соотношении 18 к 22; среди них спортсмены с опытом руководства и без – 18 к 22. Возраст – от 19 до 50 лет. Цель исследования – анализ специфики деятельности профессиональных альпинистов и горных туристов и выявление психологических качеств, способствующих или препятствующих успешной спортивной деятельности, а также различий между туристами и альпинистами по этим качествам. Методический материал:

авторская анкета; определение жизненных ценностей личности (Must-тест) (П.Н. Иванов, Е.Ф. Колобова); готовность к риску (PSK Шуберта); стратегии преодоления стрессовых ситуаций (SACS) Хобфолла (русскоязычная версия Н. Водопьяновой, Е. Старченковой); методика диагностики мотивации достижения успеха и избегания неудач Т. Элерса; способы урегулирования конфликтов Томаса. Данные обрабатывались в статистической программе SPSS по четырем группам: альпинисты, горные туристы, руководители и участники. Так же была проведена качественная обработка результатов открытых вопросов Must-теста и анкеты. Сравнительный анализ между группами по непараметрическому критерию Манна-Уитни показал, что склонность к риску у альпинистов значимо выше, чем у горных туристов. Различия между группами руководителей и участников выявлены по стратегиям урегулирования конфликтов: руководители значимо чаще используют стратегию соперничества, а участники – приспособления. Исследование показало высокую социальную значимость для всех групп спортсменов. На это указывает низкий показатель по шкале асоциальных действий в сравнении со средними значениями шкал других стратегий преодоления стрессовых ситуаций. Среди способов урегулирования конфликтов предпочтение спортсменами отдается сотрудничеству, компромиссу и избеганию, то есть тем стратегиям, при которых не отдается предпочтение одной из сторон конфликта. Наиболее важными жизненными ценностями для спортсменов оказались автономность, личностный и профессиональный рост, общение и межличностные контакты. Качественная обработка данных показала, что спортсмены определяют красоту гор как причину выбора вида спорта. Далее у альпинистов следует самопознание и общение, у туристов – спортивная составляющая и духовное равновесие. Мы полагаем, что полученные данные могут помочь более тщательно подойти к вопросам подготовки спортсменов к безопасной деятельности в горах. Фактор социальной значимости указывает на необходимость усовершенствования подготовки именно в этом ключе.

Психологическая классификация видов спортивной деятельности

В.М. Девишвили, А.А. Нистратов, О.Г. Носкова (Москва)

The psychological classification of sport activities – *V.M. Devishvili, A.A. Nistratov, O.G. Noskova (Moscow)*

Единая Всероссийская Спортивная Классификация (ЕВСК), разработанная Министерством спорта, туризма и молодежной политики РФ, ориентирована на описание объективных показателей уровней спортивного мастерства, при этом виды спорта упорядочены по алфавиту. Алфавитный перечень спортивных занятий насчитывает свыше 150 наименований, он включает виды спорта, входящие в олимпийские игры, а также популярные спортивные занятия, близкие к игровым развлечениям (например «пэйнтбол», «перетягивание каната» и пр.). Данный перечень может быть существенно расширен при детализации разновидностей спортивных занятий, это – открытая система, которая может и должна пополняться. Многообразие видов спорта создает определенные сложности в решении задач планирования, выбора видов спорта, наиболее подходящих для региона или для конкретных групп людей. Отдельная задача – психологическое консультирование лиц разного возраста и состояния здоровья в целях прогноза доступности, целенаправленного развития определенных качеств и успешности спортивных достижений. Психологические классификации необходимы также спортивным психологам-исследователям для определения границ приложения результатов изучения конкретных спортивно-психологических феноменов и закономерностей применительно к другим видам спорта.

Авторами разработана поисковая система для выделения групп видов спорта по заданным признакам (характеристикам спортивных задач), позволяющим судить о психологических особенностях спортивной деятельности. При этом использован опыт построения эмпирических классификаций профессий как многопризнаковых объектов (Е.А. Климов) с помощью

аппарата кластерного анализа. В основе классификации 13 критериев: 1) институциональный статус спортивного занятия; 2) особые природные условия для занятий спортом (водоемы, особый ландшафт, климат); 3) создание искусственной предметной среды для спорта (сложные технические сооружения, особая предметная среда); 4) оценка спортивного результата (экспертная оценка процесса, способа достижения заданной цели и ее количественного выражения – очки, голы, измерение усилий, расстояния, временных параметров действий, оценка художественно-эстетического впечатления); 5) предметное содержание спортивных задач и их средств (управление сложными механизмами, владение предметными орудиями, владение собой; оперирование знаковыми системами; создание художественного образа и демонстрация эстетических качеств, искусство взаимодействия с животными); 6) формы спортивного взаимодействия (игры в составе команд, единоборства, соперничество с массой противников, индивидуальные виды спорта); 7) характеристика спортивных движений (выносливость, координация, точность и своевременность, интенсивность динамических усилий); 8) необходимые виды чувствительности (нагрузка на зрение, слух, тактильно-кинестетическую чувствительность, чувство равновесия, чувство времени); 9) память спортсмена (оперативная, долговременная); 10) преобладающие установки внешнего контроля (внимания) – переключение, концентрация, распределение; 11) мышление спортсмена (интеллектуальная сложность спортивных задач; содержание обобщений – символы-знаки, пространственно-временные схемы поведения, схемы социальных взаимодействий, чувственные эталоны, эмоциональные переживания, предметно-ситуативные синтезы); 12) риск для жизни и здоровья; 13) доступность занятий спортом (финансовые затраты). Номинативные шкалы предполагают оценку наличия или отсутствия признака (цифры 1 или 0); аналоги интервальных шкал включают оценки от 1 до 3.

Влияние гендерных характеристик на профессионализацию личности будущих специалистов в области спорта

М.В. Иванова (Иркутск)

Gender determination Influence on the professional personality signs in sport education –
M.V. Ivanova (Irkutsk)

Расширение гендерной тематики в психологических исследованиях отражает важные изменения, происходящие не только в общественном сознании, но и в представлениях современного человека о собственном предназначении. Происходит изменение традиционных социально-культурных стереотипов мужского и женского поведения. Характерным для нашего времени явлением выступает массовый приход женщин в мужские профессии и виды спорта.

В ряде исследований было установлено, что имеется связь между выбором профессии и психологическим полом личности (гендером). Показано, что с преобладанием фемининных качеств связан выбор гуманитарных профессий (А.Ф.Иорданов, З.Ш.Мухтарова), а с преобладанием маскулинных – выбор профессий, связанных с риском (И.В.Черный, А.И.Мруг), физическим напряжением (А.Л.Ворожбитова) и направленностью на руководство (Т.В.Бендас, Ж.Н.Чернова, Н.Н.Лупенко). В процессе освоения профессиональной роли в юношеском возрасте уточняется и определяется диапазон проявлений гендерных черт личности.

Нами было предпринято исследование с целью определить взаимовлияние выбора спортивной профессии и формирования гендерной идентичности личности (528 студентов, в том числе 268 студентов физкультурно-спортивных вузов г. Иркутска, 2010 г).

Были получены данные, свидетельствующие о том, что 75,2% студентов спортивных и 51,1% студентов других вузов относят себя к андрогинному типу личности, которому свойственно сочетание как маскулинных, так и фемининных черт (доминантность и подчиняемость, агрессивность и сочувствие и т.д.). Свойства гомогенного (не противоречащего биологическому

полу) гендера признают в себе 33,6% студентов разных специальностей и 15,5% студентов-спортсменов. Так называемая «гетерогенность» психологического пола (нетипичные для собственного биологического пола фемининные черты у юношей и маскулинные у девушек) обнаружены соответственно в 11,1% (разные специальности) и 7% (спортивные). Таким образом, среди студентов спортивных вузов выявлено меньшее, по сравнению с остальными респондентами число лиц, описывающих себя в категориях традиционно гомогенного или нетрадиционно гетерогенного типа гендерной идентичности. Эта закономерность характерна как для юношей, так и для девушек. вместе с тем, среди них выявлено существенно большее процентное соотношение самоописаний андрогинного типа.

Этот факт может быть объяснен спецификой условий учебно-тренировочного процесса. Настойчивость, воля, решительность, традиционно приписываемые маскулинному типу личности должны гармонично сочетаться с такими фемининными качествами, как подчиняемость, общительность, сопереживание. Такое сочетание маскулинности и фемининности обеспечивает процесс освоения профессиональных знаний, умений и навыков, адаптацию к тренировочной и соревновательной деятельности, овладение тонкостями профессии тренера, учителя физкультуры, спортивного менеджера. В то же время у будущих специалистов спорта выявляется более высокий уровень готовности к освоению предметной и социальной деятельности, более высокий, чем у остальных респондентов уровень способности к регуляции деятельности.

Требования, предъявляемые к формированию личности в профессионально-спортивной деятельности, способствуют проявлению личностью высокого уровня фемининности и маскулинности, характеризующего явление андрогинии (С.Бем, Ш.Берн). Это можно рассматривать как один из факторов, определяющих выбор спортивной профессии и создающих основу для формирования профессиональной Я-концепции будущего специалиста.

Влияние занятий спортом на уровень тревожности

К.Е. Кун (Москва)

Influence of playing sports on level of anxiety — *K.E. Kun (Moscow)*

Спортивная деятельность – причина заметных изменений человека, она дает огромный потенциал возможностей для воспитания самых разнообразных сторон личности.

Исследование уровня тревожности в спортивной деятельности, мы начали на выборке спортсменов двух школ восточных единоборств, это школа «Эскрима Контра Темпо» и «Школа прикладных единоборств и самообороны». Нужно учитывать, что специфика боевых искусств, как вида спорта, состоит в том, что он возник под влиянием философии, которая является здесь важной составляющей. Следовательно, и система ценностей и педагогический процесс отличаются от других видов спорта.

Всего в исследовании приняло участие 60 человек, 30 спортсменов и 30 не занимающихся спортом. Проведен анализ литературы из области психологии, спорта, философии, нейропсихологии.

Исследование уровня тревожности у спортсменов дало следующие результаты:

- вероятность попадания в группу риска среди спортсменов в 10 раз ниже по сравнению с не занимающимися спортом испытуемыми (у спортсменов 0,05%, у не спортсменов 0,5%);
- уровень тревожности спортсменов ниже, чем у людей, не занимающихся спортом в 1,5 раза;
- женщины спортсменки в 2,2 раза менее тревожны, чем женщины, не занимающиеся спортом; среди мужчин разница в уровне тревожности незначительная.

Эти данные позволяют говорить о том, что занятия восточными единоборствами существенно влияют на уровень тревожности только среди женщин. Так же можно говорить о том,

что занятия спортом способствуют уменьшению разброса результатов по уровню тревожности среди мужчин и женщин. Теоретический анализ литературы позволяет предположить, что у спортсменов тревожность может понижаться по многим причинам, например: физиологическая разрядка стресса, выработка определенных гармонов, развитие силы воли, уверенности в себе и пр. Так же важно, что в таком виде спорта как восточных единоборствах на первый план выходит философия, которая проповедует гармонию тела и духа, постоянное развитие, работу над собой. Как писал великий китайский полководец стратег и мыслитель Сунь – Цзы (VI или IV веке до н. э.) «Быть спокойным, чтобы быть непостижимым...».

В этой работе проанализирован довольно обширный материал и сделаны предположения, которые открывают поле для дальнейших исследований в области спорта.

Особенности психологической подготовки спортсменов в командных видах спорта

С.В. Леонов (Москва)

The specificity of psychological preparation of sportsmen in command sports — S.V. Leonov (Moscow)

На современном уровне спорта атлет должен быть максимально подготовлен к выполнению больших тренировочных и соревновательных нагрузок. Победа в спортивных соревнованиях связана не только с совершенством физической подготовки, так как возможности многих спортсменов в этом отношении сопоставимы, но и с полноценной реализацией их психологических резервов.

Данная работа была направлена на анализ психологических методов подготовки в командных видах спорта.

Одна из основных проблем в командных видах спорта связана с использованием техники тимбилдинга, которая, как было показано в результате анализа, эффективна в случаях, когда наблюдается низкая продуктивность, неразрешенные межличностные конфликты; ненадлежащее использование индивидуальных ресурсов; неясные, непонятные, скрытые дискуссии; возрастание неопределенности; отсутствие интереса и креативности; жалобы, что команда не отвечает интересам игроков, недовольство положением, занимаемым в коллективе. Рассмотрены различные варианты осуществления тимбилдинга, в том числе ролевые игры, рефлексивное слушание, постановки целей и мониторинг их достижения, консультирование игроков.

Большая роль уделяется поведению тренеров при сплочении команды. В работе тренеров с командой выделяют два подхода: позитивный и негативный. Позитивный подход основывается на акцентировании внимания тренеров и подкреплении желаемого поведения игроков. Негативный подход, напротив, включает в себя попытки исключения нежелательных действий, поступков игроков путем наказания и критики.

Как показывает проведенный нами анализ, отражающих практическую сторону деятельности спортивного психолога, командообразование выступает в качестве наиболее эффективного метода групповой работы.

Процесс тимбилдинга отмечается ведущими спортивными психологами как многоаспектный и зависящий от множества факторов, часть из которых не поддается контролю со стороны тренера, психолога, руководства команды. Однако включение в этот процесс не только специалистов, непосредственно им занимающихся (психологов, тренеров), но и лидеров команды, приводит к более высоким результатам.

При этом целью командообразования является не только оптимизация внутрикандных отношений, но и развитие, совершенствование каждого игрока в отдельности.

Эффективность работы психолога, как и успешность спортсменов, команды будет зависеть не только от уровня квалификации, методов работы спортивного психолога, но и, в первую очередь, от особенностей его взаимодействия с другими сотрудниками команды, прежде

всего, тренерами, руководителями, медицинскими работниками. Ведь любая победа спортсмена – результат продолжительной и сложной работы большого количества специалистов.

Психолого-педагогические аспекты системного подхода к развитию индивидуальности в спорте

В.В. Маркелов (Пермь)

Psychology-pedagogical aspects of the sistem approach in development of individuality in sport –
V.V. Markelov (Perm)

Достижение цели формирования гармоничной личности в рамках личностно-развивающей образовательной парадигмы возможно лишь на основе адекватной реализации педагогического принципа индивидуального подхода. Необходимость системного подхода при разработке теоретических и прикладных аспектов индивидуализации в образовании отмечается Б.А. Вяткиным (2005), В.С. Мерлиным (1986), В.В. Рубцовым (1989), Д.И. Фельдштейном (1998) и другими учеными. Цель исследования заключалась в выявлении системообразующей функции индивидуального стиля деятельности в сфере спорта. В результате факторизации результатов констатирующего эксперимента по изучению особенностей игровой деятельности юных баскетболистов нами обнаружено четыре фактора, сопряженные с системой разноуровневых свойств индивидуальности и трактуемые нами как индивидуальные стили игровых действий. Анализ результатов эмпирического исследования показал преобладание во всех разновидностях стилей элементов атакующих действий.

На формирующем этапе исследования, опираясь на данные, полученные ранее совместно с В.И. Шарцевым (1980), Б.А. Вяткиным (1978 – 2005), Е.П. Ильиным с сотр. (1983 – 2009) и другими авторами о роли нейро и психодинамических свойств в детерминации стилей игровой деятельности для участников эксперимента были разработаны, а затем внедрены индивидуализированные программы совершенствования стилей действий. Факторизация данных по итогам формирующего эксперимента позволила также выделить четыре фактора. Первый фактор мы интерпретировали как фактор гармонического стиля инициативных игровых действий в нападении, второй – как позиционный, третий – как остроатакующий и четвертый – как защитно-контратакующий. Следует отметить ряд характерных тенденций, обнаруженных нами по мере совершенствования индивидуального стиля деятельности. Следует отметить более четкую их дифференциацию по комплексу игровых и коммуникативных действий. Вместе с тем, в структуру вновь полученных стилей вошло значительно большее количество показателей разноуровневых свойств. Обнаружилось изменение структуры связей метаиндивидуальных и личностных свойств в направлении увеличения их количества и повышения величин коэффициентов корреляций. Обнаружились новые положительные связи делового статуса с показателями мотивации достижения и направленности на других. Экспериментально выявлена отрицательная связь делового статуса с направленностью на себя. Возникла положительная связь данного статуса с оптимистичностью. Появились отрицательные связи статуса с доминантностью и агрессивностью, что можно объяснить повышением уровня интеграции спортсменов в коллективе. Имеет место сближение структур связей делового и межличностного статусов и повышение их связи со свойствами личности спортсменов. Количество связей делового статуса со свойствами психодинамики повысилось, а число связей межличностного статуса со свойствами темперамента понизилось. По мере совершенствования стиля и отношений в спортивных коллективах при оценке делового статуса повысилась роль эмоциональной стабильности, ригидности и понизилась роль экстравертированности. Ослабились связи неформального статуса с агрессивностью, эмоциональной возбудимостью и нейротизмом. Таким образом, число связей делового статуса с генетически обусловленными свойствами уменьшилось, а число связей межличностного статуса с эти-

ми же свойствами сохранилось. Вероятно, при оценке деловых качеств партнеров значение нейродинамических и морфофункциональных свойств в ходе эксперимента понижается.

Обнаружилось значительное увеличение количества связей личностных и психодинамических свойств. Появилась связь экстраверсии с основными показателями мотивации спортивной деятельности. Можно предположить, что экстраверсия в качестве психодинамической основы оказалась включенной в систему социально ценных личностных свойств. Повысилась связь активности с мотивацией самосовершенствования. Понижилась связь активности с доминантностью. Наблюдается ослабление связи личностной и психодинамической агрессивности. Понижилась связь импульсивности по темпераменту с личностной тревожностью, что можно объяснить повышением уровня социальной интеграции «импульсивных». Обнаружены связи интеллекта по с показателями мотивации борьбы и с ориентацией на задачу. Усилились связи показателей интеллекта с эмоциональной устойчивостью и волевым контролем. Ослабла их связь с агрессивностью, что можно рассматривать как феномен интеллектуализации мотивационно-личностной сферы спортсменов. Полученные данные согласуются с положениями теории интегральной индивидуальности В.С. Мерлина, а также концептуальными положениями его последователей (Б.А. Вяткин, А.А. Волочков, А.И. Щебетенко и др.). Таким образом, в процессе направленного формирования индивидуального стиля игровой деятельности в структуре индивидуальности спортсмена образовалась новая система связей, обеспечившая высокий уровень интеграции разноуровневых свойств и творческой самоактуализации спортсменов. Внедрение индивидуализированных обучающих программ сопровождалось значительным повышением эффективности спортивной деятельности.

Целеустремленность и волевые характеристики личности в спорте высших достижений

Т.В. Огородова, Д.В. Вдовина (Ярославль)

Purposefulness and personal volitional characteristics in top sports —

T.V. Ogorodova, D.V. Vdovina (Yaroslavl)

Важность волевых качеств в современном спорте трудно переоценить. От того, сможет ли спортсмен преодолеть многочисленные трудности и неудачи, напрямую зависят его результаты и его спортивная карьера. Обладая потенциалом и не обладая волей, спортсмен просто не в состоянии реализовать себя как спортсмен. Воля — это способность человека достигать сознательно поставленную цель, преодолевая при этом внешние и внутренние препятствия. Волевое поведение в этом аспекте предполагает целенаправленность, самоконтроль поведения, возможность воздерживаться в случае необходимости от тех или иных действий, то есть овладение собственным поведением.

В ряду волевых качеств особое положение занимает целеустремленность, которая определяется, прежде всего, постановкой ясной цели; при этом имеется в виду, не только ее сознание, но и умение предвидеть способы и средства достижения.

Целью нашего исследования было изучение целеустремленности и волевых качеств спортсменов-хоккеистов различных возрастных групп. В исследовании приняли участие спортсмены СДЮШОР ХК «Локомотив» г. Ярославль и мальчики-подростки СОШ №43 г. Ярославль (возраст 13-17 лет). Диагностический аппарат исследования составили: опросник для «Исследования уровня импульсивности» В.А.Лосенковой; опросник «Диагностики волевых качеств личности» М.В. Чумакова.

Выявлены различия проявления волевых качеств у подростков спортсменов и подростков, не занимающихся спортом. Хоккеисты-подростки имеют более высокие показатели самостоятельности ($U=-1,943$; $p=0,052$), чем их сверстники. Более 7 лет ребята этой команды посвятили занятию хоккеем. Напряженный график ежедневных тренировок, участие в турнирах, учебные занятия в общеобразовательной школе, высокие нагрузки — все это

предъявляет особые требования к таким личностным качествам как организованность, и, конечно же, самостоятельность.

Другой показатель – целеустремленность, который, по мнению А.Ц. Пуни является самым важным волевым качеством, значимо выше в группе школьников ($U=-3,834$; $p=0,001$). Полученные данные подтверждают сделанные нами ранее выводы о том, что спортсмены-подростки плохо дифференцируют цели, испытывают трудности в построении цепочки последовательности достижения этапов карьеры. Хоккеисты-подростки определяли как более достижимую цель «стать игроком в НХЛ», чем цели «попасть в основной состав» или «выиграть Чемпионат Москвы». Другое объяснение полученных результатов заключается в том, что ребята не разделяют цель и мечту и таким образом выразили свои мечты о будущем. Для подростков, не занимающихся спортом, цели представляются более простыми и понятными, не выявлено конфликтов целей, а их адекватность (т.е. реализуемость, достижимость) выше, чем для подростков-спортсменов. Поэтому высокий показатель целеустремленности у подростков, не занимающихся спортом, будет свидетельствовать в первую очередь об уровне осознанности целей, их адекватности, а не выраженности волевых качеств.

В результате проведенного исследования были проанализированы взаимосвязи целеустремленности и волевых качеств, как у спортсменов, так и обычных школьников, выделены направления совершенствования этих качеств, играющих важную роль в становлении личности и, без сомнения, спортсмена-профессионала.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №11-06-00738а.

Применение теории постановки целей Э.Локка в спортивной деятельности

З.А. Сагова (Москва)

Application of the theory of goal-setting of E. Locke in sports activity – Z.A. Sagova (Moscow)

Важнейшим качеством людей, достигающих выдающихся результатов в любой области деятельности, является способность максимального сосредоточения на цели. Согласно «Теории постановки целей» Э. Локка поведение человека в любой сфере жизнедеятельности определяется целями, которые он ставит перед собой и ради достижения которых предпринимает определенные действия. Степень готовности личности к затратам физических, эмоциональных и других ресурсов и собственно выбор самих целей зависят от четырех характеристик этих целей: сложности, специфичности, приемлемости и приверженности им. Применительно к спортивной деятельности данная теория может иметь особое значение в силу того, что деятельность в сфере спорта проходит в условиях жесткой конкуренции, неопределенности и риска, и постановка цели является важной частью психологической подготовки спортсмена.

По мнению Э.Локка сложность цели связана со степенью профессионализма личности и уровнем направленных на ее достижение действий. Чем выше степень сложности цели, тем более высоких результатов может достичь человек, исключение составляют нереальные цели, стремление к которым существенно снижает его самооценку и уровень притязаний. Исследование проблем целеполагания в спорте К. Уильямса и коллег, выявило негативные последствия постановки труднодостижимых целей. Авторы пишут, что спортсмены, не достигшие поставленных целей, в дальнейшем склонны к их снижению, и к снижению уровня притязаний. Цели, формируемые с учетом внутренних и внешних факторов, способных повлиять на достижения спортсмена, могут стать источником мотивации его деятельности. Учитывая специфику спортивной сферы, представляется оптимальным несколько завышенный уровень сложности формируемых целей и притязаний, на грани адекватного и высокого. Однако, как уточняет Э. Локк, степень сложности цели не должна превышать 10% от уровня, вполне достижимого спортсменом, при этом необходима его уверенность в возможности преодоления такого уровня.

Специфичность цели в теории Э. Локка отражает ее точность и определенность. Конкретные, точно сформулированные цели ведут к лучшим результатам. Очевидно, здесь важно прояснение реальных потребностей и возможностей личности, а также уточнение временных границ, в рамках которых сохраняется актуальность цели. Карьера спортсмена предполагает его деятельность в течение спортивных сезонов, определяющих продолжительность целей. По мнению Д. Конрой цели, не достигнутые в течение спортивного сезона или запланированного времени, могут вести к снижению самооценки и ощущению неопределенности будущего. Э. Локк, анализируя ошибки, допускаемые при формировании целей в спортивной деятельности, рекомендует делать записи своих целей для последующего их анализа.

Приемлемость цели по Э. Локку означает степень, с которой цель воспринимается личностью как собственная и напрямую зависит от ее достижимости и выгоды. При этом цель, выбираемая совместно со спортсменом, легче им «присваивается», несмотря на ее трудность.

Реальное решение задачи может оказаться сложнее, чем это представлялось на этапе ее планирования. Э. Локк отмечает, что приверженность цели может возрастать или снижаться в зависимости от усилий, прилагаемых человеком для ее достижения. Реализация целей спортсменом предполагает постоянный контроль уровня приверженности целям и принятие необходимых мер для его поддержания.

Принципы «Теории постановки целей» Э. Локка нередко вызывают споры у специалистов. Однако, как классическая теория, она находит широкое применение и подтверждение в теории и практике в разных сферах жизнедеятельности человека.

Точка опоры. Импульс к движению

Н.А. Титова (Видное)

Footold. Impulse to movement – *N. Titova (Vidnoe)*

«Развитие – суть движение вперед». Этот тезис применим для всех сфер деятельности современного человека. Чтобы быть успешным, необходимо двигаться и развиваться личностно. Чтобы быть сильным и здоровым, необходимо двигаться и развиваться физически. Эти процессы неразделимы.

Разумно предположить, что чем раньше у ребенка будет сформирована достаточная потребность в двигательной активности, тем эффективнее будет его деятельность. При этом представляется особо важным, чтобы эта активность была максимально безопасной. Необходимо учитывать, что современные дети сплошь и рядом гиперактивны, обладают высокой переключаемостью внимания и, в то же время, неустойчивы в движении, что зачастую ведет к школьному травматизму.

Сама парадигма любого движения предполагает начало, – наличие места, с которого движение начинается, и которое является опорой для первоначального толчка.

От чего зависит эффективность двигательной активности? От скорости движения? От высоты прыжка? От точности броска? От высокого или низкого уровня травматизма? Очевидно, что факторов, влияющих на личную результативность много. Но базовым критерием, на наш взгляд, является то, насколько прочно и уверенно ребенок стоит на ногах, – насколько надежна его опора. Внешняя устойчивость человека напрямую связана с внутренней. Ведь желание идти вперед не возникает просто под влиянием внешнего раздражителя (тренер сказал «вперед» – ученик победил), а формируется под влиянием внутреннего импульса. А для того, чтобы импульс превратился в движение, необходимо наличие резерва или внутреннего ресурса. Именно он дает силу «хотеть» двигаться, стремиться к победе, достигать результатов.

Любой человек, занимающийся спортом, должен иметь представление и уметь чувствовать статическую опору – «любое твердое тело, обладающее достаточной инертностью, чтобы служить опорой для эффективного толчка с последующим движением», – и динамическую

опору – «отталкивание инерционных узлов собственных движений, двигательных резервов положения своего тела, позволяющих «на лету» изменить траекторию своего движения».

Надежность этих опор определяет устойчивость юного спортсмена, что напрямую связано с уровнем его травматизма, с чувством баланса и равновесия, а значит – скоростью движения или высотой прыжка.

Но практика показывает, – для того, чтобы внешние опоры были эффективными, необходимо наличие внутренних. И это, конечно, психологический аспект проблемы. Жизненные силы, витальность, сила духа... Именно такие опоры позволяют внешние или ментальные цели и установки сделать своими, – принять-усвоить тело. Только тогда цель превращается в импульс и становится ресурсом для ее достижения.

На наш взгляд, количественные и качественные показатели этого ресурса определяет качество жизни человека и, конечно, способность к спортивным достижениям.

На специально разработанных занятиях, ребята обучаются через телесные ощущения устанавливать контакт с самими собой, чувствовать свою силу, задействовать ее для достижения поставленной цели.

На первом этапе работы ребятам предлагается простое, на первый взгляд, упражнение: разбейтесь на пары и встаньте друг напротив друга; соедините свои ладони с ладонями партнера, согнув при этом руки в локтях, и займите устойчивое положение; попробуйте, упираясь друг другу в ладони, сдвинуть партнера с места; понаблюдайте, что происходит.

Кто-то изо всех сил давит, стараясь победить в объявленном соревновании, кто-то тут же теряет равновесие, кто-то ищет обходные пути, пытается обхитрить партнера, а кто-то стоит как стена, и сдвинуть его не удастся никому. Почему так происходит? Дело в физической силе? Нет!

Анализ результатов упражнения и ощущений, связанных с его выполнением, позволяет понять, что дело – в надежности опоры. Это понятие никак не связано с «просто» физической силой. Сила опоры не в ногах, она – внутри. Это ресурс. Это сила духа.

Дальнейшая работа направлена на обретение внутренней опоры.

Чувство опоры в ногах, осознание связи с землей улучшают качество жизни в целом, придают уверенности в своих силах. Выполнение несложных и коротких по времени упражнений личную эффективность школьника.

Побеждает тот, кто прочнее стоит на ногах. Не правда ли довольно известное выражение? Семантика его достаточно понятна.

Изучения локуса контроля и волевой саморегуляции у спортсменов

В.Б. Токарева (Ярославль)

Studying of a locus of control and strong-willed self-control at sportsmen. – *V.B. Tokarev (Yaroslavl)*

Волевая саморегуляция призвана удерживать поведение человека в пределах норм, правил, выработанных произвольным управлением. Данное положение психологии воли разрабатывается в трудах В.А. Иванникова, Е.П. Ильина, В.К. Калина, В.К. Котырло, Н.И.Непомнящей, Г.С. Никифорова, Н.М. Пейсахова, Г.Н. Солнцева, Л.Д. Столяренко и др.

Локус контроля – качество, характеризующее склонность человека приписывать ответственность за результаты своей деятельности внешним силам (экстернальный, внешний локус контроля) либо собственным способностям и усилиям (интернальный, внутренний локус контроля).

Интересным, на наш взгляд, представляется соотношение локуса контроля и волевой саморегуляции (силы воли). Сила воли соответствует способности принимать ответственность за события, происходящие в жизни, на себя, объясняя их своим поведением, характером, способностями. Сознательная организация и саморегуляция человеком своего

поведения, направленная на преодоление трудностей при достижении поставленных целей, является важнейшей характеристикой личности необходимой в реализации задач спортивной деятельности.

Целью нашей работы было изучение волевой саморегуляции у спортсменов и ее взаимосвязь с локусом контроля. Эмпирическое исследование было построено на основе методики «Уровень субъективного контроля» Роттера и опросника «Шкала контроля за действием» Ю.Куля. В исследовании участвовали спортсмены-хоккеисты от 13 до 35 лет. Определение достоверности различий выборочных средних проводилось по U-критерию Манна-Уитни для независимых выборок, взаимосвязи между факторами устанавливались при помощи коэффициента корреляции Ч. Спирмена.

При анализе взаимосвязи локуса контроля и волевой саморегуляции у хоккеистов команды Локомотив-97 выявлена корреляция интернальности в области семейных отношений и фактора контроля за действием при неудаче ($r = -0,395$; $p = 0,001$). Семья играет огромную роль в становлении юного спортсмена-хоккеиста. Как показывают наблюдения, в таких семьях «живут хоккеем», что проявляется не только в значительных материальных средствах, которые родители тратят на детей-хоккеистов, но и высоком уровне мотивации и эмоциональной напряженности. Осознания ответственности перед семьей (проявления интернальности) соответствует высокому уровню принятия ответственности за свои действия, в первую очередь неудачи и поражения.

При анализе показателей «шкалы контроля за действием» были выявлены значимые различия между хоккеистами команды Локомотив-97 и команды Локомотив-94 по одному показателю из трех: «контроль за действиями при реализации». У младших ребят этот показатель выше, следовательно, у них более выражено проявление волевых качеств. Трехлетняя разница в возрасте для детского хоккея является существенной и, поэтому в соответствии с данными литературы волевая саморегуляция у старших хоккеистов должна быть более выражена. На наш взгляд, полученный результат объясняется в первую очередь особенностями команды Локомотив-97 и являться итогом воспитательной работы тренера.

Изучение психологических особенностей спортсмена, в частности локуса контроля и уровня волевой саморегуляции, дает возможность тренеру эффективно организовать индивидуальную работу. Учет данных особенностей спортсмена является важным как в подростковом возрасте, наиболее сензитивном в развитии целенаправленной волевой саморегуляции, так и в командах профессионалов.

Гендерно – обусловленные характеристики юных футболисток

К.В. Черкашин (Иркутск)

Gender-determined characteristics of the young female members of the football team –
K.V. Cherkashyn (Irkutsk)

Современный этап развития влечет за собой кардинальные изменения социальных ролей мужчины и женщины, сложившихся на протяжении истории, трансформация образов феминности и маскулинности формирование гендерной культуры людей. Вовлечение женщин в виды спорта, считающиеся маскулинными (единоборства, футбол и т.д.) считается обычным явлением. Социо-половая принадлежность человека во многом определяет выбор его сферы деятельности.

Нами было проведено исследование, целью которого явилось изучение гендерных характеристик личности юных футболисток. Исследование было основано на результатах тестирования 32 участниц футбольной команды ДЮСШ «Рекорд» (г. Иркутск) по следующим методикам: Опросник ОСО (В.В.Столин, С.Р. Пантелеев), Опросник ССП-98 (В.И. Моросанова), ОСТ (В.М. Русалов), Методика BSRI (С.Бем).

Большинство испытуемых (84,5%) было отнесено в группу личностей так называемого андрогинного типа, маскулинного (9,5%), фемининного (6%). Другими словами, большинство юных футболисток репрезентируют себя носителями как традиционно женских (подчиняемость, мягкость, сотрудничество), так и традиционно мужских черт (лидерство, настойчивость, активность, доминирование).

Корреляционный анализ обнаружил статистически достоверные связи между уровнем планирования своей деятельности и эргичности, социальной эргичности и эмоциональности. То есть, способность к построению планов поведения андрогинных спортсменок зависит от уровня активности и энергичности, от способности управлять собственными эмоциями.

В результате факторного анализа по методу главных компонент (varimax-вращение) было выделено три основных фактора, с достаточно высоким процентом кумулятивной дисперсии. В первый фактор («Сила «Я» как фактор успеха», 20% объясненной дисперсии) вошли следующие показатели высокой выраженности: интегральная самооценка, самоуверенность, самоуважение, ожидание положительного отношения со стороны других, самопринятие, самоинтерес, а также фактор моделирования собственной деятельности. И действительно, чем выше глобальное самопринятие, уверенность в себе, тем выше способность спортсменок выстраивать различные модели поведения и гибко в них ориентироваться.

Вторым по значимости выступил фактор («Спонтанность», 12% объясненной дисперсии), в который включены низкие показатели саморуководства, оценки собственных результатов и самопонимания, а также высокие показатели эргичности, эмоциональности и программирования. Иначе говоря, высокая энергичность и эмоциональность юной футболистки определяют импульсивный и спонтанный тип поведения, который препятствует формированию умения вовремя и адекватно оценивать результаты своей деятельности.

Содержание третьего фактора («Социальная активность компенсаторного типа», 9,6% объясненной дисперсии) составили следующие компоненты: высокие показатели социальной эргичности, социальной пластичности, социального темпа и низкий показатель аутосимпатии. То есть высокая социальная активность, скорость вступления в разнообразные межличностные отношения связаны с низким показателем самооценки. Это характеризует явление конформизма спортсменок, занимающимся командным игровым видом спорта.

Стилевые характеристики деятельности юных футболисток проявляются как усиление преимущественно традиционно маскулинных характеристик личности (сила «Я», спонтанность, конформизм), что свидетельствует о необходимости разработки системы общепсихологической подготовки, направленной на профилактику конфликтов в женской футбольной команде.

Влияние на спортсменов экстремальных ситуаций, связанных с их профессиональной деятельностью (на примере спортсменов, занимающихся стрельбой из лука)

Г.Г. Шуклина (Москва)

The influence on sportsmen of extreme situations connected with their professional work (for example, athletes involved in archery) — *G.G. Shuklina (Moscow)*

Особое внимание в психологии спорта необходимо уделять исследованию деятельности, протекающей в экстремальных условиях. Психологический стресс как особое психическое состояние — это форма отражения субъектом сложной, экстремальной ситуации, в которой он находится, специфика психического отражения обуславливается процессами деятельности, особенности которой в значительной степени определяются выбранными или принятыми целями. По В.А. Бодрову есть три характеристики, которые влияют на восприимчивость человека к стрессовым факторам: локус контроля; жизнерадостность; самооценка, обратная связь от многих предыдущих попыток преодоления воздействий. В.Э. Мильман в качестве личностных

факторов стресса выделяет: общие свойства личности, специальные свойства личности (соревновательная эмоциональная устойчивость, спортивная саморегуляция, соревновательная мотивация, стабильность — помехоустойчивость), индивидуальный стиль соревновательной деятельности (типы эмоциональной регуляции делятся на «ровный и «взрывной»; типы ориентации подразделяются на «внешний» и «внутренний»). В. И. Моросанова выделяет стилевые особенности саморегуляции. Выделяется гармоничный тип регуляции, когда все основные процессы или звенья регуляции развиты примерно на одном уровне. И акцентированный тип, который характеризуется различной степенью функциональной выраженности или развитости отдельных регуляторных звеньев. Стресс — факторы в экстремальных условиях, как правило, воздействуют на человека не изолированно, а в совокупности. В.Э. Мильман под стрессорами понимает факторы внутренней и внешней среды, которые вызывают состояния напряжения, или стресса. В условиях соревновательной деятельности выделяет: стрессоры внутренней неопределенности, стрессоры внешней неопределенности, стрессоры внутренней значимости, стрессоры внешней значимости.

Цель исследования — выявить и проанализировать какое влияние стрессовые факторы оказывают на психическую надежность спортсмена, на применение спортсменами стиля соревновательной деятельности и стиля саморегуляции. Выдвинутые гипотезы: 1) На качества психической надежности, способности к саморегуляции, и на стиль соревновательной деятельности оказывают влияние как внутренние, так и внешние стрессоры. 2) Способность к саморегуляции связана с локусом контроля спортсменов. 3) В силу важности для спортсменов-стрелков психической дисциплины, они наиболее чувствительны к факторам внутренней неопределенности.

В исследовании приняли участие 14 спортсменов, которые занимаются стрельбой из лука, 7 мужчин и 7 девушек. Возраст: 14 -39 лет, средний возраст — 22,5 года. Разряд: 5 человек — КМС; 3 человека — МС; 5 человек — МСМК, 1 человек — ЗМС.

Для проверки выдвинутых нами гипотез были использованы методики: анкета «Психическая надежность спортсмена» и анкета «Индивидуальный стиль соревновательной деятельности» В. Э. Мильмана; опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой; опросник уровня субъективного контроля (УСК); Опрос (где спортсмены показывают свои лучшие результаты; проводят ли специальную настройку перед выходом на старт; довольны ли результатами, показанными на соревнованиях последнего года).

Стандартное отклонение относительно небольшое, выборка достаточно однородна. Средние значения по данной выборке находятся в диапазоне нормы. После мы провели корреляционный анализ, чтобы проверить выдвинутые нами гипотезы (получилось 12 значимых связей, 11 из них на уровне значимости 0,01, 1 на уровне 0,05).

Выдвинутые нами гипотезы подтвердились. В целом можно сказать, что данная выборка испытуемых, спортсменов, занимающихся стрельбой из лука, характеризуется уровнем психической надежности выше среднего. Для них характерна высокая соревновательная мотивация, достаточно высокая помехоустойчивость.

Спортсменам не хватает способностей к саморегуляции, чтобы можно было контролировать свои мысли и переживания, эффективней строить планы, более гибко выступать на соревнованиях, корректировать неудачные попытки, оптимизировать свое функциональное состояние.

Спортсменам свойственна ориентация на динамику внутренних процессов, вследствие чего иногда появляется неуверенность в своих собственных возможностях. И тогда поддержку стрелки пытаются найти во вне — в тренере, товарищах по команде, родственниках, отвлечении от спортивной деятельности и пр.

В качестве способов преодоления стресса данным спортсменам можно предложить: изменение направления мыслей, произвольное переключение внимания на раздражители различного значения (для снятия эмоционального напряжения), использование специально организованной разминки.

Культурно-деятельностная парадигма конструктивизма: методология междисциплинарного познания в сетевом столетии

Особенности формирования идентичности в монокультурной и поликультурной среде

А. А. Авагимян (Москва)

Features of the formation identity in the multicultural and monocultural spheres –
A. A. Avagimyan (Moscow)

В современном мире, в условиях нарастания интенсивности международных коммуникаций, развития средств массовой информации и роста миграций современное общество является крайне разнородным в этнокультурном отношении и характеризуется культурной «мозаичностью». Поликультурная среда отличается от монокультурной сосуществованием двух и более культур и их взаимодействия, которое может принимать различные формы – от конфронтации до интеграции. В основе формирования идентичности в поликультурном обществе лежит признание сложно структурированного множества культур, их дополнительности и взаимного уважения, их важности в формировании идентичности личности.

Изучение проблемы идентичности в условиях моно- и поликультурной среды требует анализа зарубежных и отечественных исследований по данному вопросу. Можно выделить ряд теоретических подходов, которые составили научную историю формирования данной проблематики: психоанализ (З. Фрейд, Э. Эриксон, Дж. Марсиа), символический интеракционизм (Г. Мид, И. Гоффман, Ю. Хабермас), ситуационный подход (М. Шериф, С. Шериф), когнитивный подход (Г. Тэдджел, Дж. Тернер, Д. Абрамс, М. Хогг), деятельностный подход (В.С. Агеев), феноменологическая социология (М. Хайдегер, Т. Парсонс, Г. Салливан), конструкционистский подход (Ф. Барт, П. Бергер, Т. Лукман, К. Герген, Т.Г. Стефаненко, Г.У. Солдатова) и другие.

Исследование этнической идентичности в российской психологии всегда было так или иначе связано с изучением культурной среды нашей страны. Многие современные исследования посвящены проблеме кризиса и смены идентичности (Н.М. Лебедева, СМ. Савоскул, Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко и др.), а также формированию идентичности в условиях поликультурной среды в республиках Прибалтики, Северного Кавказа, и, в том числе, в Армении (Ю.В. Арутюнян, К.А. Налчаджан, М. Варданян, М. Саркисян).

Армянская диаспора (спюрк), первоначально представлявшая собой результат кризисной миграции, одна из старейших. Она имеет более чем столетнюю историю и пережила несколько «волн», связанных с кризисными событиями как в Армении, так и в других странах. Интеграция армян в социально-экономическую и культурную структуру принимающего общества зависит от множества обстоятельств – политических, экономических, психологических и др. Важно, в каком возрасте осуществлялась эмиграция, с какими целями, каким составом семьи, насколько дружественным было отношение местного населения. Также необходимо учитывать уровень этнического самосознания и ценностные ориентации. Для армянского меньшинства характерно достаточно интенсивное протекание процессов ассимиляции, связанное в том числе с изменением ценностей и осознанием национальной идентичности. Все это представляет уникальный социальный и психологический материал для исследования формирования и изменения идентичности в поликультурной среде.

Общение в Интернете: реальность или уход от нее?

Н.В. Авербух, А.А. Шербинин (Екатеринбург)

Communication on the Internet: reality or escape from it? — *N.V. Averbukh, A.A. Scherbinin (Ekaterinburg)*

Многие сегодня задаются вопросом о том, не является ли сеть Интернет подменой реальности, не уходят ли посетители онлайн-сервисов в виртуальное пространство, отказываясь жить «настоящей» жизнью. Строятся предположения о том, что постоянные пользователи интернета с его помощью избегают социальных контактов или, возможно из-за посещения сети Интернет пользователи теряют способность к живому общению и взаимодействию с другими людьми.

В нашем исследовании приняли участие более 140 испытуемых в возрасте от 13 до 60 лет, постоянно использующих Интернет-технологии. Им было предложено участие в опросе, пункты которого касались числа и важности контактов, устанавливаемых и поддерживаемых в интернете и в обычной жизни. Также был использован инструментарий для оценки социальной тревожности, измеряемой как сумма страха перед социальными контактами и избегания социальных контактов. Следует уточнить, что вопросы в опроснике социальной тревожности касались только контактов в реальной жизни, а не общения посредством сети Интернет. Кроме того, испытуемые заполняли опросник на определение субъективно воспринимаемого одиночества.

Были получены данные, позволяющие выявить связь между социальной тревожностью и общением посредством сети Интернет. Обнаружена отрицательная корреляция между избеганием социальных контактов и количеством друзей, знакомых только через интернет (интернет-друзья). Также избегание социальных контактов отрицательно коррелирует с технологиями Skype и т.п.. Страх перед социальными контактами отрицательно коррелирует с общением посредством социальных сетей (например, «В Контакте», «Одноклассники» и т.п.). Социальная тревожность как общий показатель отрицательно коррелирует с общением в социальных сетях и по сотовому телефону.

Таким образом, мы можем предположить, что люди, склонные избегать социальных контактов или боящиеся их, не склонны заводить друзей в интернете и поддерживать отношения с другими людьми посредством новых способов коммуникации.

Субъективно воспринимаемое одиночество отрицательно коррелирует с общением по сотовому телефону, с общением в социальных сетях, с количеством друзей в социальных сетях и в телефонной книге, при этом показатели одиночества положительно коррелируют с социальной тревожностью.

Также интересно, что количество интернет-друзей положительно коррелирует с количеством друзей среди контактов в телефонной книге сотового телефона. Это позволяет нам сделать предположение, что есть значительное пересечение реального круга общения и круга общения в социальных сетях.

Таким образом, проведённый анализ опровергает предположение о том, что общение с помощью интернета заменяет реальную жизнь и что с помощью онлайн-сервисов люди избегают социальных контактов вне сети. По нашему мнению, среди пользователей интернета происходят качественные изменения в самой структуре общения, а также в понятиях «знакомство» и «дружба», их распространение на общение онлайн. Однако по своей сути общение через интернет в различных его формах является лишь продолжением «реального» общения. Интернет же служит инструментом для его осуществления, точно так же, как и другие современные технические средства, например, телефон.

Психологическое исследование взрослых геймеров

А.А. Аветисова (Москва)

Psychological study of adult gamers – A.A. Avetisova (Moscow)

Игровая деятельность является традиционной областью исследования во многих науках, в том числе в психологии. Новым и все более важным направлением работы является исследование деятельности игроков в условиях применения компьютеров и Интернета. Данное исследование посвящено психологическому изучению игроков в компьютерные – в частности, в онлайн-овые – игры. Таких игроков часто именуют геймерами. В отличие от большинства исследований, в нашей работе внимание уделено прежде всего взрослым геймерам, а не подросткам или детям.

Цель исследования – изучение психологических особенностей взрослых (от 16 лет и старше) игроков в компьютерные игры. Гипотеза: у взрослых игроков имеются психологические особенности, и они проявляют зависимость от демографических и обще-игровых (таких, как продолжительность игры в течение дня и в течение недели) параметров.

Использованный методический материал включает: «Личностные факторы принятия решений (ЛФР-25)», «Тест-опросник субъективной локализации контроля», «Краткий вариант «Списка личностных предпочтений» А. Эдвардса («Краткий вариант опросника Эдвардса»)». Данный методический материал был дополнен демографическими и обще-игровыми вопросами (пол, возраст, стаж игры, средняя длительность игры в течение недели). Процедура исследования состояла из онлайн-ового опроса. Полученные данные обрабатывались пакетами SPSS 15.0 и EQS 6.1. В исследовании приняли участие 200 респондентов (после чистки данных), 78,00% из них – мужского пола. Остановимся на некоторых результатах, различия по которым оказались значимыми.

Для выявления различий ответы респондентов, распределенные по соответствующему параметру, проверялись на однородность, для этого использовался непараметрический критерий Манна–Уитни для анализа двух и более выборок (K независимых выборок). Для парного сравнения средних показателей по ответам респондентов среди выделенных двух групп был использован параметрический дисперсионный анализ апостериорных попарных сравнений.

Проанализированы группы игроков, распределенных по параметру опыта игры: менее 5 лет и более 5 лет игрового опыта. Значимые различия между группами игроков, распределенных по опыту игры, не выявлены. Можно заключить, что игровой опыт не оказывает значимого влияния на исследуемые психологические параметры. Для играющих менее 1,5 часов в день (в отличие от играющих более 11 часов в неделю) характерны более высокие показатели по шкалам Рациональность и Стойкость в достижении целей, менее высокие – по шкалам Самопознание и Агрессия.

Взрослые геймеры (старше 20 лет) в большей степени склонны к интернальному локусу контроля, у них более высокая Мотивация достижения и Любовь к порядку, а также более низкие показатели по шкалам Самопознание, Чувство вины и Агрессия. Игроки женского пола имеют более высокую Мотивацию достижения, нежели мужчины, однако более низкие показатели по шкалам Самопознание и (как этого следовало ожидать) Агрессия.

По другим измерявшимся в исследовании показателям значимые различия не выявлены. Таким образом, имеются значимые различия между результатами игроков (разделенных по параметрам пола, возраста, времени, отведенного игре в течение дня/недели, продолжительности опыта участия в компьютерных играх), полученными путем применения ряда психологических методик; вместе с тем стаж игры в компьютерные игры не отражается на психологических особенностях исследованных взрослых игроков.

Культурно-историческая психология и практика

А.М. Айламазьян (Москва)

Cultural-historical psychology and practice — *A.M. Aylamazyan (Moscow)*

Вопрос о практике в культурно-исторической психологии был поставлен с момента ее зарождения. Обосновывая методологию новой психологии, Л.С.Выготский сформулировал принципиальное положение о том, что общая психология должна стать ничем иным как философией практики. Возникают вопросы: всякая ли психологическая практика или психотехника подходит культурно-историческому подходу? Какая практика должна рассматриваться в качестве «краеугольного камня» психологической теории? Какая психологическая практика должна развиваться в рамках культурно-исторического подхода?

Рассматривая данную проблему, мы предположили, что не всякая психологическая практика конгруэнтна культурно-историческому подходу. Это должна быть:

- практика, в которой происходит освоение культурных ценностей человека (образ человека как личности – одна из таких ценностей);
- практика, в которой используются знаково-символические средства регуляции и трансформации деятельности человека;
- наконец, психологическая практика должна опираться или «усиливать» сложившиеся культурно-исторические способы и пути освоения человеческих ценностей, преобразования природы человека. Исторически можно проследить путь от ритуала и обряда к выделившимся из них сферам художественного творчества, религиозного творчества, философского творчества и др.

Особая задача, стоящая перед психологией – сделать доступным тот опыт, который несут в себе в кристаллизованном виде произведения искусства и, шире, предметы культуры в целом: открыть мир слова, музыки, театра, пластики и др. Существующие методы эстетического образования и воспитания подчас не только не справляются с поставленной задачей, но и закрывают дорогу к восприятию и постижению произведений символического творчества человека, к общению посредством символов. Одновременно в современном обществе сильны тенденции девальвации культурных ценностей и культуры в целом. Массовое тиражирование искаженных образов человека и пропаганда намеренно упрощенных моделей человеческого поведения практически привели к подмене человеческого лица личиной. В этой ситуации ответственности особое значение приобретают методы практической психологии, пытающиеся вернуть человеку его подлинный облик и культурное пространство бытия.

Толерантность и ксенофобия в образовательном пространстве

Э.Ф. Алиева (Москва), О.Р. Радионова (Москва)

Tolerance and xenophobia in educational sphere — *E.F. Alieva (Moscow), O.R. Radionova (Moscow)*

Ни для кого не секрет, что одна из основных задач образования – это, в первую очередь, воспитание подрастающего поколения в духе миролюбия, толерантности, уважения основных жизненных ценностей других народов, взаимопонимания, солидарности и духовного единства между людьми разных убеждений. Особо актуальна данная проблема для России, многонациональной страны, на территории которой проживает огромное количество людей разных вероисповеданий, наций и культур.

Каковы критерии определения толерантности и могут ли толерантные отношения стать основой взаимодействия субъектов в образовательном пространстве? Возможны ли отношения, построенные на согласии, понимании, приятии, адаптивности, адекватности в конфликтной ситуации?

Воспитывать детей в духе толерантного общения можно и нужно начинать в старшем дошкольном и младшем школьном возрасте. Для психического здоровья детей необходима сбалансированность положительных и отрицательных эмоций, обеспечивающая поддержание душевного равновесия и жизнеутверждающего поведения. Нарушение эмоционального баланса способствует возникновению эмоциональных расстройств, приводящих к отклонению в развитии личности ребенка, к нарушению у него социальных контактов, к непониманию его со стороны сверстников и взрослых. Старший дошкольный и младший школьный возраст крайне важен в воспитательном плане, так как является сензитивным периодом в развитии ребенка и во многом определяет дальнейшее формирование его личности.

Ребенок в этом возрасте способен обобщать свой жизненный опыт, свои переживания, происходит понимание причинно-следственных связей жизненных событий и поступков. Именно в этом возрасте закладываются основы базовых гуманистических ценностей человека, формируются основные принципы выстраивания взаимоотношений с окружающими, появляется рефлексия, ребенок начинает осознавать свое место в системе человеческих отношений. Важным аспектом развития ребенка в этом возрасте является формирование внутренней позиции, которая в дальнейшем определит отношение к самому себе, к другим людям и к миру в целом.

Одним из примеров организации подобной работы на ступенях дошкольного и начального школьного образования можно назвать педагогическую технологию воспитания детей 5-8 лет в духе толерантного общения «Истории Карапушек: как жить в мире с собой и другими?». В педагогической технологии предлагается универсальная модель организации воспитательной работы с детьми 5–8-летнего возраста, в основе которой лежит использование сказочных историй и творческих заданий, позволяющих ребенку успешно усваивать такие непростые понятия, как толерантность, уважение, равенство, миролюбие. Специфика педагогической технологии заключается в том, что коллектив конкретного образовательного учреждения на основе предложенной модели выстраивает собственную систему воспитательной работы с учетом направлений деятельности учреждения и психолого-возрастных особенностей воспитанников.

Особенностью работы по педагогической технологии является интеграция различных видов деятельности, направленная на установление тесной взаимосвязи различных субъектов образовательного процесса (администрации образовательных учреждений, старших воспитателей, воспитателей, музыкальных руководителей, педагогов-психологов, педагогов дополнительного образования и других специалистов, учителей начальных классов, воспитанников детских садов, учащихся начальных классов, родителей).

Особенности эмоционального и социального интеллекта у подростков, склонных к Интернет-зависимому поведению

Антоненко А.А., Вовченко Е. (Москва)

Characteristic Emotional and Social Intellect in Adolescents with Internet-Abuse Behavior —
Antonenko A.A., Vovchenko E. (Moscow)

С целью исследовать особенности эмоциональной и личностной сферы подростков, склонных к Интернет-зависимому поведению нами было проведено исследование на учениках московских школ. В исследовании участвовали 100 подростков.

Для достижения поставленных задачи были использованы методики:

- Тест на Интернет-зависимость К. Янг (адаптация Буровой Л.)
- Тест на выявление Интернет-зависимости Чен (Шкала CIAS).
- Методика исследования социального интеллекта Гилфорда (адаптация Е.С. Михайловой).
- Анкета участника (с целью сбора социальной информации).

Критерии включения в экспериментальную группу следующие:

Высокий балл (50-79 для склонных и 80 и выше для достоверно зависимых) по тесту К. Янг, наличие как минимум двух критериев зависимого поведения по данным специально созданной анкеты участников исследования. В экспериментальную группу с зависимым от интернета поведением вошли 32 подростка. Контрольная группа – 35 человек.

Результаты исследования

Эмоциональный интеллект подростка с интернет-зависимым поведением достоверно ниже эмоционального интеллекта подростка, не злоупотребляющего интернетом. Социальный интеллект подростка с интернет-зависимым поведением характеризуется значительным общим снижением относительно социального интеллекта условно здорового подростка, а именно способностью к познанию поведения ниже среднего (65% испытуемых экспериментальной группы). Выявлены отличия характерологических особенностей подростков в экспериментальной и контрольной группе. Исходя из полученных результатов можно утверждать, что в качестве характерных личностных особенностей подростков, склонных к интернет-зависимому поведению, можно выделить следующие: психическая утомляемость, общая эмоциональная неустойчивость, перепады настроения, сниженная способность к эффективной волевой регуляции поведения, возбудимость, внутренняя напряженность. Для подростков с интернет-зависимым поведением характерны следующие типы акцентуаций характера: циклоидный, лабильный, астено-невротический, сенситивный, интровертированный, возбудимый, неустойчивый, тревожно-педантический, демонстративный.

Корреляционный анализ результатов исследования по критерию Спирмена отразил несколько видов положительных корреляций характерологических свойств с социальным и эмоциональным интеллектом, а именно: интеллектуальные способности связаны со способностью эффективно управлять эмоциями; интеллектуальные способности положительно коррелируют с пониманием ситуативной обусловленности эмоций, пониманием смысла ситуации; степень принятия моральных норм коррелирует с пониманием того, какие эмоции способствуют более эффективному выполнению деятельности разного рода; степень самоконтроля – с пониманием ситуативной обусловленности эмоций, пониманием смысла ситуации; возбудимость коррелирует с умением правильно оценивать состояния, чувства, намерения людей по их невербальным признакам; степень самоконтроля коррелирует с уровнем социального интеллекта.

Компьютеризация психологических методик: проблема эквивалентности

Бабанин Л.Н. (Москва)

Computerization of psychological methods: equivalence problem – *Babanin L.N. (Moscow)*

В результате сравнительных исследований эквивалентности традиционных и компьютеризированных форм различных психологических методик сложилась противоречивая картина. С одной стороны, в большинстве показана психометрическая эквивалентность этих форм, с другой – имеются свидетельства об их различии.

Рассмотрим случаи неэквивалентности методик. Обнаружено, что пациенты клиник чаще дают нечестные ответы в компьютеризированных личностных опросниках (Whitener, Klein, 1995). Получены различия и для особой группы респондентов – заключенных тюрьмы (Ford, Vitelli, Stuckless, 1996). Имеются данные о неэквивалентности ряда методик для подростков.

В содержательном исследовании О.Н.Арестовой (Арестова, Бабанин, Войскунский, 1995) на примере методики уровень притязаний показано, что при компьютеризации может измениться содержательная валидность методики. В многочисленных статистических исследованиях в основном различия не обнаружено, исключения составляют показатели, связанные

с тревожностью и депрессией: в ситуации компьютеризированного тестирования они оказались выше. В некоторых исследованиях сравнения компьютеризированной и традиционной форм методики ММРІ обнаружено превышение значений по шкалам депрессии, паранойи, психастении и шизофрении в традиционном варианте по сравнению с компьютеризированным (Haуs, McCallum, 2005). Однако на представителях другой культуры (японской) обнаружено противоположное направление изменения величины шкал ММРІ. Установлены отличия в описательной статистике и надежности при исследовании потребности достижения, самооценки, локуса контроля (Whitener, Klein, 1995).

В анализ были включены и педагогические исследования, выполненные в рамках образовательного тестирования, прежде всего школьного и вузовского оценивания знаний. В половине исследований разницы не обнаружено (Bunderson et al, 1989), в других получены данные о различиях. Для одних тестов лучше выполнение на бумаге, в других – на компьютере. Но традиционное исполнение чаще предпочтительнее (Bunderson et al, 1989). Так проверка знаний по математике и родному языку (английскому) лучше на бумаге, чем на компьютере.

Выделены эффекты пола, расы и возраста. В одном исследовании (Clariana, Wallace, 2002) получено, что белые мужчины при тестировании на компьютере получают более высокие оценки, мужчины других рас – более низкие, для женщин такой разницы не обнаружено. В другом исследовании (Millsap, 2000), наоборот, темнокожие студенты при тестировании на компьютере получали более высокие оценки, а для белых разницы не обнаружено. Выделены также факторы социального окружения, социальной желательности, тревожности (общей и компьютерной) и компьютерного опыта. Описан феномен повышенной готовности к искренности и к «самораскрытию» при анонимном компьютеризированном тестировании.

Для объяснения эти разрозненных и противоречивых данных предлагается использовать культурно-историческую психологию: информационные технологии (ИТ) являются элементами культуры, их надо освоить. ИТ должны вписаться в человеческую деятельность, только тогда они не внесут искажения в психологическую методiku и не повлияют на получаемые с ее помощью данные.

Встраивание ИТ в современную культуру идет не только со стороны средств, но и со стороны субъекта. Их освоение включает в себя не только операционально-технические навыки, но и целую личностно-смысловую систему планирования и контроля деятельности, включение этих технологий в общую картину мира.

Идентичность личности в условиях социальных изменений

Е.П.Белинская (Москва)

The personal identity in social changes – *E.P.Belinskaya (Moscow)*

Современные темпы и масштабы общественной динамики привели к возрастанию социальной вариативности в самом широком смысле слова – как многообразия принципов организации социальных общностей, возникновения новых видов деятельности, социальных ролей, групповых норм и ценностей. В постоянно изменяющейся социальной реальности трансформировался сам процесс социализации: требования повышенной социальной мобильности в сочетании с исчезновением прежних оснований социальной категоризации и самокатегоризации привели к тому, что человек оказался перед необходимостью постоянного «доставания» своего «Я», непрерывного социального и личностного самоопределения, поиска идентичности. Особую актуальность изучение закономерностей динамики идентичности приобретает в нашей стране, ситуация общественного развития которой отличается отсутствием стабильности вектора социальных изменений. Подобная социальная ситуация предъявляет к личности повышенные требования в плане активности: выбора способов поведения в непредсказуемо изменяющихся обстоятельствах, конструирования персональной системы ценностей и идентификационных структур. При этом возможные кризисные явления в конструировании

идентичности рассматриваются как одна из ведущих психологических проблем, которые встают сегодня перед человеком и обществом.

Иными словами, нарастающая изменчивость социального мира усиливает субъектный вектор в качестве структурообразующего момента, а представления, образы, ценности, идентификации человека не только отражают данную динамику, но и превращаются в действенный элемент процесса конструирования социальной реальности. Понимание субъекта как активного, изменчивого, погруженного во множественные коммуникации, постоянно выходящего «за пределы» своего индивидуального «Я», диктует необходимость рассмотрения динамических процессов в содержании и проявлениях идентичности, закономерностей ее конструирования в ситуации неопределенности как баланса изменчивости/устойчивости различных Я-структур.

С нашей точки зрения, реализация парадигмы изменений в изучении динамики идентичности в условиях социальных изменений состоит в понимании неопределенности как субъективного переживания радикальных социальных трансформаций с выделением трех ее взаимосвязанных характеристик: множественности, непредсказуемости и неконтролируемости. Представляется, что динамика личностной и социальной идентичности в условиях социальных изменений опосредована когнитивным, аффективным и поведенческим компонентом устойчивости человека к переживаемой неопределенности, спецификой динамических характеристик стратегий совладания с ней, а также особенностями представлений о себе во временной перспективе.

Эмпирически было показано, что своеобразие представлений о себе когнитивно-, аффективно- и поведенчески устойчивых к неопределенности субъектов состоит в следующем. Для когнитивно устойчивых характерно преобладание персональной идентичности, которая менее изменчива, чем социальная. Для поведенчески устойчивых к неопределенности характерно преобладание социальных идентичностей, причем степень их изменчивости выше, чем персональных. У аффективно устойчивых к неопределенности и персональный, и социальный «полюс» идентичности одинаково выражены. Независимо от специфики отношения человека к социальным изменениям, возможная социальная идентичность конструируется с опорой на Я-реальное, а основой конструирования возможной персональной идентичности становится актуальная социальная идентичность.

Язык Интернет-коммуникации: социально-психологические проблемы и следствия

Е.П.Белинская (Москва)

Language of Internet-communication: social and psychological problems and consequences —
E.P.Belinskaya (Moscow)

Наличие в Интернет-коммуникации особого языка («e-language», «netlingo», «netspeak») не нуждается в развернутых доказательствах. Исследования, посвященные специфике компьютерного языка, концентрируются вокруг следующих вопросов. Во-первых, это вопрос о его конкретных лингвистических особенностях (изменении значительной части лексических и грамматических конструкций по сравнению с «обычным» языком, появлении новых стилистических особенностей и т.п.). Во-вторых, это вопрос о статусе формирующегося компьютерного языка (наличии/отсутствии оснований для определения его как функциональной разновидности любого естественного языка, имеющего письменность). В-третьих, на настоящий момент исследования компьютерного языка все чаще начинают ставить вопрос о том, как меняется коммуникативное поведение человека при постоянном употреблении электронных языковых средств. Очевидно, что именно при такой постановке проблемы изучение компьютерного языка начинает включать в себя явный социально-психологический момент.

Социально-психологический анализ языка Интернет-коммуникации закономерно смещает фокус исследовательского интереса от таких, традиционно изучаемых, дискурсивных свойств компьютерной коммуникации как динамичность и персонифицированность к анализу других ее характеристик – высокой ситуативной обусловленности, коннотативности, культурологической заданности, что в целом отражает намечающийся переход от «личностного» полюса изучения проблемы к «социальному». Соответственно, это требует и расширения изучаемых функций компьютерного языка. Так, помимо чисто коммуникативной и фатической, в качестве самостоятельного предмета анализа могут выступать конструктивная (формирование определенных социальных представлений), социо-регулятивная (воздействие на социальные структуры и/или процессы) и ценностно-презентационная (использование для демонстрации социальных и/или персональных ценностных предпочтений) функции. Каковы же социально-психологические следствия подобной функциональной «экспансии» компьютерного языка в современной коммуникации?

Представляется, что, во-первых, они выражаются в динамике коммуникативной позиции субъекта коммуникации, – в силу расширенных возможностей принятия/непринятия различных ролевых моделей языкового поведения и навыков переключения языковых кодов. Так, задавая новые возможности для межкультурной коммуникации, Интернет неминуемо увеличивает количество людей, имеющих высокую степень знакомства с различными социокультурными контекстами, формирующих различные социокультурно обусловленные языковые картины мира, владеющих множественными сценариями коммуникации. Во-вторых, эти изменения проявляется в новых возможностях объединения в те или иные сообщества Интернет-пространства, в том числе – языковые, что в свою очередь повышает общую социально-психологическую компетентность субъекта подобной коммуникации. В-третьих, социально-психологические следствия все большей представленности компьютерного языка в процессах современной коммуникации связаны с потенциальным увеличением коммуникативной активности субъектов коммуникации. Так, при всей неоднозначности решения вопроса об активности/пассивности субъекта Интернет-коммуникации в целом, очевидной является расширенная возможность ее превращения из межличностной в групповую, доказательством чему служит факт бурного развития социальных сетей в Интернет-пространстве.

Опыт потока в игровой деятельности в Интернете

Ш.Л. Ван, А.И. Карпущина (Москва)

The experience of Flow in game activity on Internet – *S.L. Wang, A.I. Karpuchina*

Игровая деятельность тесно связана со стремлением к опыту потока, появляющимся при погружении индивида в текущую деятельность (Чиксентмихайи, 2011). В настоящее время при развитии современной информационной среды появились новые виды игр в Интернете, в частности, популярные во всем мире ролевые многопользовательские игры. Имеется целый ряд исследований, посвященных изучению опыта потока в игровой деятельности в Интернете (Voiskounsky, 2008). Но эти исследования в недостаточной степени касаются культурных различий, связанных с переживанием опыта потока.

Данная работа является продолжением кросс-культурного проекта изучения соотношения между игровой деятельностью в Интернете и опытом потока, осуществляемого под руководством А.Е. Войскунского на факультете психологии МГУ (Voiskounsky, 2008). На этот раз исследование было проведено в Китае, где насчитывается самое большое количество игроков в онлайн-игры (геймеров). В исследовании был применен опросный метод, который включает в себя 4 социально-демографических вопроса (возраст, пол, стаж игры и продолжительность игры в течение недели) и 24 вопроса для измерения «опыта потока». Были применены два способа распространения опросника: онлайн-опрос и традиционный бланковый опрос. Обработка данных проводилась с помощью программ SPSS 18.0 и EQS 6.0. Были

получены 1704 ответа, после отбора остались 1574 ответов; 64.7% респондентов – мужчины, 35.3% – женщины. Возраст большинства респондентов – между 17 и 25 годами.

В результате показано, что, во-первых, у китайских игроков наблюдается сравнительно низкий уровень опыта потока. Суммарный показатель опыта потока для всех респондентов равен 2.91, что ниже среднего значения (равно 3.0). Во-вторых, игроки-мужчины переживают значимо более высокий уровень опыта потока, чем игроки-женщины ($p < 0.000$), и такое различие между полами еще значительнее у игроков, возраст которых менее 16 лет. В-третьих, игроки младше 16 лет значимо больше испытывают опыт потока, чем более старшие игроки ($p < 0.000$). Но при дальнейшем анализе оказалось, что такая связанная с возрастом разница в переживании опыта потока характеризует только игроков, игравших в компьютерные игры в Интернете дольше 1 года. Для женщин же нет значимого возрастного различия по опыту потока. Наконец, в результате эксплораторного факторного анализа были выделены 2 фактора опыта потока у китайских игроков. Первый фактор связан с позитивным переживанием и достижениями в игре; второй фактор близок к поглощенности игрой. Средний балл первого фактора равен 3.0971, он значимо выше, чем средний балл второго фактора ($p < 0.000$).

Мы считаем, что эти особенности опыта потока у китайских геймеров тесно связаны с китайской традицией коллективизма и позиции по отношению к западной культуре. Ведь в культуре коллективизма не придается большое значение человеческой индивидуальности, которая существенна для опыта потока. Притом Интернет как проводник западного индивидуализма вызвал огромные и не для всех желательные изменения в Китае. Поэтому в Китае широко распространена негативная позиция по отношению к играм в Интернете, особенно среди представителей старших возрастов, в том числе родителей, учителей и чиновников. Вследствие этого китайские игроки относительно редко переживают опыт потока. Такая общественная позиция сильнее влияет на взрослых и женщин, чем на подростков и мужчин, поэтому мужчины и подростки интенсивнее переживают опыт потока, чем взрослые и женщины.

Психология Интернета как раздел психологической науки А.Е. Войскунский (Москва)

Internet Psychology As A New Psychological Discipline — A.Ye. Voiskounsky (Moscow)

Психология Интернета как исследовательское направление формально отсутствует в психологической науке, хотя на практике присутствует, а подобное наименование встречается все чаще – наряду с «киберпсихологией» или «психологией киберпространства». Быстро развиваясь, данное направление еще не оформилось в качестве самостоятельного раздела психологии. Это характеризует не только нашу страну: хотя за рубежом имеются специализированные научные журналы (по киберпсихологии), однако нет профессионального общества (например, ассоциации) психологов Интернета.

Интернет – это не только взаимосвязанные компьютеры и мобильные устройства, не просто сеть сетей вместе с устройствами связи, а наряду с ними также и построенные на их основе социальные сервисы, привлекающие людей и обеспечивающие их деятельность. Эти социальные сервисы развиваются не столько разработчиками, сколько самими пользователями. Они помогают людям общаться (устно или письменно, в реальном времени или отсроченно, посредством обмена текстовыми сообщениями, изображениями или продуктами деятельности, в диаде или в группе и др.), познавать (обучаться или просто наводить справки), развлекаться (играть в многопользовательские ролевые игры, слушать музыку, просматривать фотографии, видео- и киноролики), трудиться (обеспечивать техническое функционирование Интернета, оказывать помощь клиентам дистантно, составлять рекомендательные списки труднодоступных источников, программировать новые Интернет-сервисы либо совершенствовать имеющиеся сервисы и т.п.), совершать покупки и сделки. Интернет-сервисы обеспечивают все эти процессы. Социальные сервисы способствуют привлечению в Интернет пользователей – и молодежи, и пожилых людей: становясь все более многочисленными,

пользователи представляют собой привлекательный для специалистов по психологии Интернета объект исследования.

Таким образом, посредством Интернета осуществляются наиболее интенсивно изучаемые психологами разновидности деятельности: трудовой, познавательной, игровой, коммуникативной, а также консьюмеристской (потребительской) деятельности. Остальные виды осуществляемых пользователями Интернета деятельности представляют собой определенное комбинаторное соединение указанных видов деятельности. Интернет и базирующиеся на нем сервисы опосредствуют и дополнительно к этому даже стимулируют реализацию многообразных деятельностей, побуждают людей к их актуализации и выполнению. А под психологией Интернета предлагается понимать раздел психологии, отвечающий за методологию, теорию и практику исследования видов, способов и принципов применения пользователями социальных сервисов Интернета. Понимаемую таким образом психологию Интернета можно именовать и киберпсихологией либо психологией киберпространства, либо как-то иначе.

В большинстве разделов психологии имеются задачи, пограничные между ними и психологией Интернета. Легко показать, что исследовательские и практически значимые задачи, пограничные с психологией Интернета, включают когнитивная, клиническая, возрастная, социальная, педагогическая, организационная психология, психология труда, психология личности и дифференциальная психология, гендерная психология, этнопсихология, психолингвистика и психология общения, психология маркетинга, спортивная психология и другие направления психологической науки. В этом плане правомерно утверждать, что психология Интернета призвана выполнять интегрирующую роль в развитии психологического знания.

Культурно-антропологический подход к эволюции психологического познания

М.С. Гусельцева (Москва)

Cultural-anthropological approach to the evolution of psychological knowledge — *M.S. Guseltseva (Moscow)*

Современная познавательная ситуация характеризуется общенаучной тенденцией к междисциплинарным исследованиям и конкретно-научной необходимостью интеграции фрагментов культурно-психологического знания. Психология посредством коммуникации конструктивистских, культурно-исторических и антропологических подходов стремится обрести идентичность постнеклассической науки, изучающей человека в его повседневном мире.

Культурно-психологическое знание о человеке в психологии и смежных науках на протяжении XIX–XX вв. было организовано как в форме разнообразных проектов «психологии народов», «исторической психологии», «культурной психологии», «этнической психологии», «психологии культуры», «психологической антропологии», так и отражено в отдельных философских, историографических, искусствоведческих, социологических, культурологических, литературоведческих и психологических концепциях.

Наблюдение за тем, как развивалось и какие трудности испытывало гуманитарное знание, помогает психологии отразить перспективы собственного развития. В социогуманитарных и антропологических науках можно выделить эволюцию трех типов рациональности (классический, неклассический, постнеклассический). Одновременно различные дисциплинарные области на рубеже XIX–XX вв. эволюционировали к культурно-историческому курсу, вкладывая в это понятие, как и в понимание культуры, самые разные смыслы.

Общее движение к междисциплинарным исследованиям человека в культуре по-разному отразилось в названиях направлений: в Англии преобладала социальная антропология, в США – культурная антропология, во Франции и России – историческая антропология, в Германии – этнология. Обозначенный исследовательский проект (разностороннее исследование человека в истории и культуре) способствовал не просто практическому опыту совместных исследований, но и возникновению методологии мультидисциплинарности.

Современная познавательная ситуация, связанная с расцветом микроаналитических и герменевтических подходов делает особенно перспективным осмысление психологического знания в методологическом горизонте «антропологического поворота». Так, культурно-антропологический подход позволяет осуществить искомую интеграцию психологического знания с опорой на идеал изучения «развивающегося человека в развивающемся мире» (А.Г. Асмолов).

В гуманитарных науках средством междисциплинарной интеграции выступает культурно-аналитический подход, развивающийся в методологических горизонтах культурно-исторической эпистемологии. Выступая в проекциях общенаучной и конкретно-научной методологии, культурно-аналитический подход, соответственно, ориентирует психологию в методологическом поле исканий гуманитарного знания и играет роль горизонта развития антропологических исследований на собственном дисциплинарном поле психологии. В последнем случае он может быть обозначен культурно-антропологическим подходом.

Культурно-антропологический подход позволяет психологии перейти от вышеназванных культурно-психологических проектов к реальной коммуникации с науками антропологического цикла – историей, этнографией, культурологией, литературоведением, искусствоведением и т.п.

Психология, развиваясь в методологическом горизонте культурно-исторической эпистемологии и опираясь на идеалы постнеклассической рациональности, отвечает на вызовы увеличения онтологической и гносеологической сложности современного мира и имеет все шансы сделаться наукой об изменяющемся человеке в изменяющейся действительности.

Российские СМИ: между агрессией и толерантностью

И.М. Дзялошинский (Москва)

Russian mass-media: between aggression and tolerance — *I.M. Dzyaloshinskiy (Moscow)*

Многие специалисты утверждают, что медиа, определяющие общественную повестку дня и выступающие лидером мнений, потенциально способны формировать и массово распространять модели толерантного или интолерантного поведения. В связи с этим возникает необходимость изучения информационного пространства, конструируемого масс-медиа, с целью определения соотношения в нем толерантности/интолерантности.

Обобщение множества проведенных исследований дает основание для некоторых выводов.

1. Отчетливо выраженные интолерантные высказывания содержатся примерно в 40 процентах текстов, публикуемых в федеральных и региональных СМИ.

2. В модели действительности, конструируемой российскими СМИ, существует значительное количество образов «чужих», которые распадаются на несколько приведенных ниже подгрупп разной степени опасности.

Представители власти. Чиновники и действующие политики чаще всего изображаются как эгоистичные, корыстные и безнравственные субъекты.

Представители различных народов. Преимущественно положительного отношения СМИ заслужили итальянцы, французы, русские, немцы, шведы; преимущественно негативный контекст сопровождает такие национальности, как чеченцы, азербайджанцы.

Затем в качестве «чужих» идут «богатые» и «олигархи», мигранты и приезжие, представители неправославных конфессий и некоторых социальных групп (бомжи, алкоголики, геи, лесбиянки и т.п.).

И, наконец, присутствует такой универсальный «чужой», как Запад.

3. Степень враждебности, проявляемой СМИ по отношению к различным «чужим», определяется, прежде всего, приписываемой им агрессивностью. Интолерантными признаются субъекты, несущие в себе какую-либо опасность, например, поглощение (экономическое,

демографическое, территориальное, идеологическое), либо способные на непосредственную или воображаемую агрессию (наркоманы, бомжи, алкоголики, мигранты, исповедующие иные религии и т.п.).

Другим фактором, влияющим на степень толерантности изданий и поиск «чужих», является идеологическая парадигма, которой придерживаются редакционные коллективы: социального неприятия, социального выживания, социального успеха. Сразу следует отметить, что большинство региональных изданий придерживаются первых двух парадигм, а третья парадигма наиболее распространена в общефедеральных изданиях.

4. Анализ также показал, что в российской журналистике существуют четыре основных способа воспроизведения описываемых событий и ситуаций и выражения своего отношения к предметам описания.

Первый способ – использование при описании таких выразительных средств, которые тонко и ненавязчиво сформируют у аудитории определенное отношение к предъявляемым событиям и ситуациям или к их участникам.

Второй способ – использование прямых авторских оценок, однозначно указывающих аудитории на единственно возможное, по мнению автора, отношение к описываемым событиям или ситуациям.

Третий способ – использование различных объяснительных схем, которые призваны предложить аудитории определенную логику понимания описываемого события или ситуации.

Четвертый способ – демонстрация такой модели поведения в рамках описываемых событий или ситуаций, которая, по мнению автора, является самой разумной.

5. Для того чтобы эффективно участвовать в формировании установок толерантности, российские журналисты должны овладевать принципиально новым инструментарием профессиональной деятельности, обеспечивающим организацию массового диалога между всеми участниками социальных процессов.

Социальная психология Интернет-коммуникаций на примере группового психологического консультирования в Интернет

Донцов Дмитрий Александрович (г. Одинцово Московской области)

*Social Psychology of Internet-communications on the example of group counseling on the Internet –
Dontsov Dmitriy Aleksandrovich (Odintsovo Moscow Region)*

С позиций социальной психологии, групповое психологическое консультирование в сети Интернет – это интерактивная коммуникация, имеющая следующие основные социально-психологические особенности.

1. Отсутствие личностного давления психолога на клиента является главным плюсом психологического Интернет-консультирования.

2. Процесс Интернет-консультирования имеет двустороннюю содержательную специфику относительно критерия анонимность/публичность личности клиента.

С одной стороны, процесс консультирования для клиента анонимен, что обусловлено тем, что в сети Интернет, клиент, наиболее часто, выступает под вымышленным именем («инком», «ником»). Даже если клиент назовётся своим настоящим именем (именно именем, а не ФИО), то, всё равно, ему практически гарантирована анонимность, так как людей с одинаковыми именами сотни тысяч.

С другой стороны, процесс Интернет-консультирования для клиента публичен, так как оно происходит, как правило, «в чатах» или «на форумах», где «видны» все вопросы каждого клиента и «видны» все ответы консультанта каждому клиенту. Таким образом, создается публичность, потому что все, кто «сидит в чате» или «находится на форуме», всё видят на экранах

своих мониторов, наблюдают порядок и последовательность всех вопросов и ответов и оценивают их.

3. Содержательной особенностью процесса группового психологического Интернет-консультирования является его интерактивный характер. Участники могут «вмешиваться» в процесс консультирования психологом конкретного клиента, давая свои комментарии происходящему, оценивая смысловую подоплёку обсуждаемых тем. Это происходит в режиме реального времени (on line) в виде комментариев участников к высказываниям клиента и консультанта.

Всё это может происходить как в продуманном, так и в «как бы» непредуманном порядке.

Что касается «непроизвольных» комментариев, то это – свобода самовыражения (во всех смыслах, и «технически» и личностно). Что же касается «произвольных» комментариев, то они осуществляются в «заданном» порядке, – тогда, когда уже известные друг другу участники (при «фиксированном» групповом варианте Интернет-консультирования) обсуждают, с помощью психолога, общие для них всех проблемы.

4. Специфической особенностью Интернет-консультирования является его доступность. Это, прежде всего, психологическое удобство и физический комфорт для пользователя. Клиент, в подавляющем большинстве случаев, сидит дома за своим персональным компьютером. Здесь ярко проявляется возможность для клиента функционально быстро (лёгкость принятия решения) «войти в чат» – что не детерминирует необходимости участия в обсуждении, так как другим пользователям неизвестно, кто именно «находится в чате» (как максимум, участникам известно количество человек, в режиме on line «присутствующих» в чате или на форуме).

5. Всё это приводит к тому, что у любого участника данного процесса удовлетворяется потребность в психологической безопасности, что, безусловно, очень важно в любого рода личностной коммуникации.

Кстати, в случае группового Интернет-консультирования, в отличие от группового классического консультирования, клиент-аноним может совершенно бесплатно (он же не является «официальным», зарегистрированным участником) удовлетворять и потребность в получении новой информации по интересующим его психологическим проблемам.

6. Смысловую специфику Интернет-консультирования составляет его обучающий характер, так как множество людей может одновременно участвовать в данном процессе, как просто наблюдая его, так и высказываясь, комментируя и участь на «ошибках» других, – тогда, когда обсуждаются «знаемые» или просто интересные для конкретного человека проблемы. Таким образом, само участие человека («клиента») в процессе Интернет-консультирования, его «присутствие» на консультативном Интернет-форуме или в консультативном Интернет-чате, имеет обучающий, познавательный эффект.

Мотивационно-волевая регуляция процесса решения пороговой сенсорной задачи

Емельянова С.А., Гусев А.Н. (г. Москва)

Self-regulatory processes during sensory task performance – *Emelyanova S.A., Gusev A.N. (Moscow)*

Работа направлена на прояснение роли устойчивых механизмов личностной саморегуляции, влияющих на процесс решения наблюдателями пороговой сенсорной задачи. Мы полагаем, что для этого полезно использовать теоретические рамки метакогнитивной модели Ю.Куля. В соответствии с концепцией Ю. Куля, процесс контроля за действием (в нашем случае – перцептивным действием) опосредуется активно реализуемой субъектом стратегией, выражающейся в ориентации на совершаемое действие или свое собственное состояние.

Для измерения слуховой чувствительности использован психофизический метод вынужденного выбора. Предварительно испытуемые (n=106) были разделены на «ориентированных

на действие» (ОД) и «ориентированных на состояние» (ОС), (опросник НАКЕМР-90). В качестве условия, определявшего трудность решения сенсорной задачи, была выбрана величина межстимульной разницы (2 или 1 дБ). После выполнения задания испытуемого знакомили с результатами сенсорного исполнения, а испытуемый рассказывал экспериментатору о своих субъективных впечатлениях, возникавших в процессе решения задачи. Содержание самоотчетов полностью фиксировались.

Для оценки эффективности выполнения сенсорной задачи рассчитывались непараметрический показатель сенсорной чувствительности, индекс строгости критерия принятия решения, величина времени реакции (ВР), дисперсия ВР. Данные обрабатывались с помощью процедур однофакторного и двухфакторного дисперсионного анализа в статистической системе SPSS for Windows 17.0. Решение о наличии связи и различий между анализируемыми показателями принималось на уровне статистической значимости $p < 0,05$.

Преимущество ОД-испытуемых проявилось, главным образом, в большей стабильности их моторных реакций и меньшем времени, необходимом для того, чтобы дать ответ на стимул, как в простой, так и в сложной задачах. Основное преимущество ОС-испытуемых заключается в более высоком уровне дифференциальной слуховой чувствительности при решении сложной сенсорной задачи. При этом главный эффект фактора «Контроль за действием» оказался не значимым для показателя сенсорной чувствительности в простой задаче – индексы у двух групп испытуемых не отличались.

В эксперименте установлено, что личностная диспозиция «Контроль за действием» оказывает влияние на выбор способов и средств решения сенсорной задачи. Активность испытуемых в процессе решения пороговой сенсорной задачи проявляется в характерных для каждого субъекта стратегиях работы и общей организации выполнения задания.

В ходе интерпретации результатов обосновывается положение, что в реализации процесса различения задействована особая перцептивная функциональная система (Леонтьев А.Н.), которая, с одной стороны, специфична требованиям и условиям задачи, с другой – опирается на средства, доступные субъекту. Предполагается, что для решения простой задачи испытуемый использует ограниченное количество средств, остальные при этом находятся на фоновом уровне регуляции действия. Усложнение задачи требует включения в ведущий уровень регуляции фоновых компонентов, превращая их в систему актуально действующих средств. Представленные результаты хорошо согласуются с данными, полученными другими авторами при исследовании психологических механизмов решения задач по обнаружению зрительных и слуховых сигналов, где показано, что варьирование типа стимульной неопределенности приводит к трансформации временной функциональной системы обнаружения сигнала, выражающейся в изменении операционального состава деятельности наблюдателя.

Гражданская идентичность личности: методология, методы и результаты анализа

О.Н. Жукова, Е.И. Шлягина (Москва)

Civic identity of personality: methodology, methods and results of analysis –
O.N. Zbukova, E.I. Shliagina (Moscow)

В настоящее время особенно актуальной является проблема гражданской идентичности личности. Формирование гражданской идентичности призвано обеспечить интеграцию, единство и целостность самосознания личности как гражданина поликультурного общества на основе нравственных ценностей. Гражданская идентичность – культурно-исторический феномен включенный в социальную и личностную идентичность, характеризующийся уникальностью и неповторимостью жизненного опыта. В соответствии с содержательным наполнением под гражданской идентичностью понимается 1) совокупность осознанных и неосознанных психологических образований (представлений, мотивов, поведенческих форм), свидетельствующих

о принадлежности к сообществу граждан того или иного государства; 2) феномен надындивидуального сознания, признак (качество) гражданской общности, характеризующее ее как коллективного субъекта. Согласно такому пониманию гражданская идентичность представляет собой образование, структура которого состоит из нескольких компонентов: когнитивного, эмоционального, мотивационного, аксиологического и поведенческого.

В рамках проекта «Внедрение социокультурных программ формирования гражданской идентичности личности как основы укрепления российской государственности в системе общего образования» Федеральной целевой программы развития образования на 2006-2010 гг. был проведен мониторинг, направленный на выявление сформированности гражданской идентичности, в котором приняли участие педагоги образовательных учреждений. Мониторинг проводился в 6 регионах РФ (Москва, Московская область, Самарская область, Ростовская область, Нижегородская область и Курская область) и охватил 502 участника.

Для мониторинга была подобрана батарея методов, которая позволила диагностировать все компоненты гражданской идентичности в совокупности всех их составляющих, а также предоставила возможность диагностировать эмоционально-волевую и ценностно-смысловую сферы личности субъекта, которые являются базовой основой и психологическим ресурсом для становления и функционирования гражданской идентичности. В подобранную батарею методик входили как проективные, так и опросные методы. Разрешающая способность проективных методов позволяла одновременно диагностировать несколько компонентов гражданской идентичности одновременно. С целью выявления субъективного расстояния между актуальным и идеальным состоянием каждый из компонентов изучается также в двух аспектах: в аспекте дескриптивном (описательном, существующем в реальности) и прескриптивном (идеальном, должном, желаемом). Для диагностики компонентов гражданской идентичности были использованы:

- 1) проективная методика «Кто Я?» Куна-Макпартленда (в адаптации Т. В. Румянцевой)
- 2) проективная методика, модификация методики «Неоконченные предложения» Ж. Нюттена
- 3) опросная методика «метод балльных оценок»

Результаты мониторинга показали, что у более 70% его участников содержание компонентов гражданской идентичности обладает неполнотой, поверхностностью, эмоциональной амбивалентностью, а рассогласование содержания компонентов на осознаваемом и неосознаваемом уровнях, свидетельствует об отсутствии сформированной гражданской идентичности. На основании этого можно сделать вывод, что у участников мониторинга гражданская идентичность сформирована лишь частично.

Эмоциональный интеллект как совладающий ресурс

М. И. Звягинцева (Москва)

Emotional intelligence as a coping resource — M. I. Zvyagintseva (Moscow)

Изменяющийся мир предъявляет все больше требований к человеку и провоцирует все более интенсивную стрессовую нагрузку. Для того, чтобы соответствовать этим требованиям и эффективно противостоять жизненным трудностям, современной личности приходится активировать все доступные ей ресурсы.

С точки зрения развития коммуникации сетевое столетие представляет собой палку о двух концах: с одной стороны общение становится более простым и быстрым, с другой стороны – увеличение количества передаваемой информации не улучшило ее точность и качество. Особенно от этого страдает невербальная коммуникация, информация, репрезентируемая в эмоциях.

Перспектива психологической науки такова, что уже сейчас ее основной исследовательской базой становятся люди, чья личность формировалась или формируется в коммуникативном пространстве, где дружескую улыбку принято заменять «смайликом», а выражением

симпатии все чаще становится нажатие кнопки «like» в социальных сетях. Высокие скорости передачи информации и большое количество других людей в информационном поле личности, приводят к обесцениваю «чужой системы конструкторов», провоцируя интолерантное общение.

В данном контексте особенно актуальным становится изучение феномена эмоционального интеллекта, который в современной психологической науке стал понятием, способным объединить понимание другого, саморегуляцию, избегание конфликтов и налаживание контакта. Эмоциональный интеллект в общем смысле – это способность понимать отношения личности, репрезентируемые в эмоциях и управлять эмоциональной сферой на основе интеллектуального анализа и синтеза (Горскова, 1999). Не смотря на противоречивость представлений об эмоциональном интеллекте, мы полагаем, что он является важным ресурсом для успешного совладания и функционирования системы смысловой саморегуляции личности в целом.

Опираясь на теоретические выводы и данные пилотных исследований (Полянина, 2008; Бедарева, 2010), мы полагаем, что высокий уровень эмоционального интеллекта (правильная и быстрая «дешифровка» эмоционального состояния окружающих и навыки эмоциональной регуляции) способствует более положительному принятию условий неопределенности и выбору толерантных по отношению к другим стратегий поведения в проблемно-конфликтной ситуации.

Особенности социальной адаптации и формирования идентичности у школьников с разным уровнем пользовательской активности.

Зотова Е.Ю. (Москва)

Features of social adaptation and identity formation among students with different levels of internet user activity. — *Zotova E. (Moscow)*

Ключевые слова: интернет-деятельность, социальная адаптация, формирование идентичности, риски онлайн-социализации

Одной из важнейших координат в новой социальной ситуации развития подростков становятся информационно-коммуникационные технологии и, в первую очередь, интернет. Компьютер, подключенный к сети, сегодня превратился во влиятельного посредника между взрослым миром и подростками и в значительной степени задает их зону ближайшего развития.

Интернет-деятельность современных подростков – важный формирующий фактор в процессе их социализации. Однако, предоставляя широчайшие возможности для развития, интернет одновременно несет и определенные угрозы. Для более глубокого изучения этого вопроса было проведено специальное исследование особенностей детей цифрового поколения в контексте методологии европейского исследования EU Kids Online II в 7 Федеральных округах России (руководитель проекта – Солдатова Г.У.). Общая выборка исследования составила 1025 пар «родитель-ребенок».

Методы исследования: личное интервью с детьми 9-16 лет и их родителями, включающее в себя структурированное интервью и самостоятельное заполнение опросников по методике EU Kids Online II, культурно адаптированной и валидизированной для российской выборки; а также социально-психологические методы для детей 11-16 лет: методика диагностики социально-психологической адаптации К.Роджерса и Р.Даймона (С.Rogers, R.Diamond), модифицированная расширенная версия объективной оценки Статуса Эго Идентичности по Дж. Марсиа (ЕОМЕИС, J.F. Akers et al.); модифицированный тест «Кто Я?» М.Куна и Т. Маркпартленда.

В исследовании решаются следующие задачи: 1) изучение особенностей социальной адаптации и идентичности детей в зависимости от их уровня пользовательской активности; 2) изучение влияния рисков онлайн социализации на процессы социально-психологической адаптации и особенности формирования эго-идентичности российских школьников.

Результаты исследования основных онлайн опасностей и угроз, с которыми сталкиваются в интернете школьники (кибербуллинг, предоставление личной информации, личные встречи с интернет-знакомыми, ненавистнический и сексуальный контент, контент, который может нанести вред физическому здоровью, столкновение с вирусами, кража личных данных и кибермошенничество) показывают, что Россия, по сравнению со странами Евросоюза, входит в зону повышенного риска, определяемую остро стоящими вопросами обеспечения безопасности детей и подростков в глобальной сети. Факторы интернет-риска включают как социально-демографические показатели – пол, возраст, регион проживания, социальный статус семьи, так и показатели, непосредственно связанные с особенностями пользования интернетом: возраст начала пользования интернетом; доступность интернета, места и устройства для выхода в интернет; активность интернет-пользования; содержание интернет-деятельности; родительский опыт пользования интернетом; осведомленность родителей в вопросах интернет-безопасности; контроль интернет-деятельности детей со стороны родителей.

Исследуется уровень социально-психологической адаптации (по критериям: общая адаптивность, самопринятие, принятие других, эмоциональный комфорт, интернальность, стремление к доминированию) и формирование эго-идентичности (по критерию статуса идентичности) у российских подростков с разным уровнем пользовательской активности и в зависимости от ситуаций столкновения с различными онлайн-рисками.

Смысловые механизмы волевой регуляции – деятельностный подход к пониманию воли

В.А. Иванников (Москва)

Semantic mechanisms of volitional regulation – the activity approach to understanding of the volition –
V.A. Ivannikov (Moscow)

Волевая регуляция является личностным уровнем произвольной регуляции деятельности и психических процессов.

Можно выделить ситуативную волевую регуляцию как кратковременную мобилизацию через изменение смысла действия или создание дополнительного смысла. Такие изменения смысла достигаются различными способами: переоценка значимости мотива, изменение роли личности в коллективе, предвидение и эмоциональное переживание последствий действий, изменение значимости действия для человека и др.

Второй механизм волевой регуляции связан с развитием смысловой сферы личности, проявляющейся в степени выраженности различных волевых качеств, характеризующих человека как волевою личность.

При таком понимании волевой регуляции волю можно рассматривать как высшую психическую функцию, обеспечивающую намеренное изменение мотивации к действию, принятому личностью к исполнению, но мотивационно не обеспеченному, либо намеренную регуляцию различных параметров действий и психических процессов.

Особенности образа тела у подростков, склонных к Интернет-зависимому поведению

Искандирова А.С., Меркурьева Ю.А. (Москва)

Characteristic of Body Image in Adolescents with Internet-Abuse Behavior — *Iskandirova A.S., Merkurieva J.A. (Moscow)*

Экспериментальная группа (32 человека, средний возраст 15,46 лет), критерии включения: наличие доступа в интернет в течение последнего года, опыт использования интернета более 1 года, наличие минимум двух из нижеследующих показателей: время пребывания в интернете не менее 3 часов в сутки, низкая социальная активность, наличие он-лайн игр, азартных он-лайн игр в списке предпочитаемых интернет ресурсов.

Контрольная группа (32 человека), критерии включения: проведение в Интернете менее 3 часов в сутки, высокая социальная активность, отсутствие в списке предпочитаемых интернет ресурсов он-лайн игр.

Данные группы были обследованы следующими методиками: Тест на Интернет зависимость К.Янг (адаптация Буровой); тест на интернет-зависимость Чена (адаптация Феклисов К.А., Малыгин В.Л.), методика «Телесный образ я» (М. Feldenkreis, адаптация И.А. Соловьевой), методика «Рисунок человека» (К. Маховер).

Корреляционный анализ результатов методик «Телесный образ я» и показателей выраженности интернет-зависимости показал наличие положительной корреляции, то есть, снижение его адекватности, связано с увеличением выраженности Интернет-зависимости.

Качественный сравнительный анализ методик «Телесный образ я» и «рисунок человека» обнаружил следующие символические особенности образа тела:

В методике «Телесный образ я»:

- 1) уменьшение длины стопы – недостаточная устойчивость, потребность в опоре, отсутствие внутренней и/или внешней поддержки, неуверенности
- 2) удлинение шеи – тенденция к отделению телесности от сознания, блокирование и отделение эмоций от сознания;
- 3) увеличение ширины и высоты головы – высокая значимость интеллекта в системе ценностей, гиперконтроль над телесными импульсами;
- 3) уменьшение длины руки – нарушения и проблемы общения, уход от общения или его недостаток, недостаточная коммуникативная компетентность;
- 4) преуменьшение области от талии до промежности – тревога, относящаяся к сексуальности, гендерной идентичности;

В методике Рисунок человека были отмечены сходные символические особенности:

1. Проблемы опоры (неуверенность, отсутствие стабильности) – 80 % рисунков
2. Отделение чувств и эмоций от сознания – 75% рисунков
3. Нарушение общения, коммуникаций – 70 % рисунков
4. Внимание к сексуальной сфере – 80 % рисунков
5. Недифференцированность рисунка, наличие только границ, что говорит о нарушении контакта с телом, отсутствии знаний о нем, а также несформированном, диффузном самосознании – 30% рисунков.

Таким образом, подытоживая эмпирическое исследование особенностей образа тела, эмоциональной сферы и их коррекции у подростков склонных к интернет-зависимому поведению, опишем основные выводы:

1. Образ тела подростков, проявляющих паттерн Интернет-зависимого поведения, искажен значимо больше чем у группы здоровых подростков (547%). Процент искажений определяется в основном искажениями длины 60% и ширины 20% шеи, длины руки 32%, ширины головы 62%, длины стопы 15% , ширины бедра 30%, высоты до развилки 15%.
2. Образ тела подростков с интернет-зависимым поведением значимо менее дифференцирован по сравнению с образом тела здоровых подростков.

3. Особенности искажений образа тела у интернет-зависимых подростков говорят о нарушении контакта эмоций, тела и сознания, проблемах в сфере общения, отсутствии опоры и уверенности, а также нарушении контакта со своими желаниями.

К проблеме психологического отчуждения личности

Н.А. Каминская (Москва)

To the problem of psychological alienation of the individual — *N.A. Kaminskaya (Moscow)*

В настоящее время в психологической литературе укоренился взгляд на проблему отчуждения соответствующий экзистенциальной парадигме, — оно определяется как переживание потери контакта с самим собой, утраты чувства самости и осмысленности своего существования. Этот термин берется на вооружение при анализе очень широкого круга явлений — от синдрома деперсонализации-дереализации до особенностей переживания личности в условиях капиталистического общества.

Наряду с описанием разнообразных феноменологических признаков отчуждения исследователями подчеркивается его положительная роль для становления личности, — возможность занять по отношению к себе позицию внешнего наблюдателя, увидеть себя со стороны.

Однако важным является то, что за понятием отчуждения стоят различные по своей сути психологические механизмы, исследование которых могло бы повысить корректность наших представлений о действии данного феномена.

Составить более глубокое представление об отчуждении возможно при рассмотрении процесса идентификации-разотождествления. Категория идентификации определяется через смену состояний сознания или иначе — как вхождение субъекта в то или иное психологическое состояние с соответствующим преломлением аффективно-когнитивных процессов. В данном случае отождествление происходит с тем, что находится в фокусе сознания, именно эти содержания получают субъектное значение, на их основе выстраиваются действия и представления человека о мире. Другими словами, это принятие определенной системы ценностей в качестве центра своего «Я». Процесс сознательной идентификации осуществляется лишь при сознательном разотождествлении, это значит, что самоопределение становится возможным через противодействие неприемлемому, отчуждаемому. С помощью данных механизмов личностью приобретает контроль над теми или иными психологическими элементами. Согласно Р.Ассаджиоли, над нами властвует все то, с чем мы себя идентифицируем и мы можем контролировать все то, с чем мы себя не отождествляем».

Вынесем проблему отчуждения из области внутренней жизни личности в поле взаимоотношения «Я-Другой». Отождествление, соотнесение позиций субъекта с позицией Другого является необходимым условием развития объективности. Лишение собственных психологических содержаний статуса объективных приводит к трансформации их переживания, к отстранению, отчуждению от них, к исключению из сознательного психологического опыта.

Изолированность некоторых психических содержаний от сознания субъекта при сохранении их влияния на функционирование личности является другой ипостасью феномена отчуждения. Подобное понимание приводит к частичному пересечению отчуждения с защитными механизмами.

Кроме того, необходимо разграничить разные с точки зрения феноменологии явления — отчуждение и переживание отчуждения. Последнее воспринимается, проживается субъектом, и может быть рассмотрено им как сигнал для тех или иных действий.

Переживание отчуждения в некоторых случаях представляет собой расщепление или чувство отстраненности от некоторой части своего «Я». Здесь важна проблема Я-наблюдающего и Я-действующего, чрезмерная раздвоенность и отсутствие взаимопереходов между которыми, приводят к переживанию потери центра личности, целостности ее интенций.

Таким образом, понятие отчуждения нуждается в серьезной теоретической разработке, которая позволит от феноменологических описаний перейти к более конкретному раскрытию стоящих за ним психологических механизмов.

Тенденции развития личности в условиях массовой интернетизации

Л.В.Кан, Ю.М.Кузнецова, Н.В.Чудова (МГППУ, Москва)

Some trends of personal developing conditioned commonly used Internet — L.V.Kan, J. M. Kuznetsova, N.V. Chudova (Moscow)

В одной из первых работ, посвящённых постиндустриальному обществу, Д.Белл [1] выделил его важнейшие черты, среди которых – изменения в характере труда и связанные с этим изменения в образе жизни. В последние годы стало ясно, что «главными активами общества, основанного на знаниях, выступают люди, как единственно возможные носители креативности и неявного знания, и информация» [2]. Ясно, что «носители креативности» – это не люди, получившие особую специальность в ходе обучения, а массовый человек, выросший в таких условиях, которые могут быть предикторами формирования именно такого типа личности. Мы предположили, что эти условия создаются в рамках новой семиосферы – интернет-культуры [3].

В 2005г. мы проводили исследование психологических особенностей людей, активно пользующихся интернет-ресурсами. Были выявлены значимые отличия группы сетевых «долгожителей», что было предложено интерпретировать как направленные и устойчивые изменения, происходящие в психике человека при переходе к жизни в условиях интернет-опосредованности большинства видов деятельности.

В 2011г. мы провели повторное исследование, призванное подтвердить или опровергнуть сделанные нами ранее выводы и уточнить выявленные ранее закономерности. Актуальность такой задачи связана с наличием количественных и качественных изменений, произошедших с Рунетом за последние годы. С 2000 по 2010г аудитория Рунета выросла в 20 раз и составила 42 % населения (в Москве, по данным Фонда «Общественное мнение», – 64%). Именно в эти годы появились т.н. социальные сети: Вконтакте и Одноклассники возникли в 2006г, русскоязычная версия Facebook появилась в 2008г. Такой ресурс как «Живой Журнал», существующий с 1999г, именно в последние годы получил такое распространение в Рунете, что теперь Россия занимает второе после США место по числу пользователей этого ресурса. Это означает, в частности, что анонимность, представлявшаяся ранее принципиальной характеристикой сетевой жизни, теперь перестала быть «естественным» условием деятельности, опосредованной интернетом.

Итак, интернет в современных условиях стал неотъемлемой частью повседневной реальности, а «интернет-культура» как семиосфера (по терминологии Ю.М.Лотмана) сместилась в диалоге с внесетевой культурой с периферии к центру и сама стала источником новых текстов и новых смыслов.

В нашем исследовании 2005г значимые различия между сетевыми «долгожителями» и контрольной группой были обнаружены по шкалам трёх опросников: опросник черт характера (ОЧХ), опросник конструктивного мышления (ОКМ), методика диагностики агрессивности (ВРАQ). Соответственно, именно эти методики были использованы нами и при исследовании 2011г. Полученные результаты подтвердили тенденции, зафиксированные ранее, что позволяет считать интернет значимым фактором в социальной ситуации развития подростка. Показано, что становление личности, протекающее в условиях интернетизации, приводит к формированию человека с невысоким уровнем физической агрессивности, сниженной возбудимостью, застреваемостью и педантичностью, низкой категоричностью мышления.

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М., 1999, 2001

2. Миндели Л.Э., Пипия Л.К. Концептуальные аспекты формирования экономики знаний // Проблемы прогнозирования. 2007, №3
3. Чудова Н.В. Особенности образа Я «жителя» Интернета // Психологический журнал. 2002, №1

Феноменология детства в современной социальной ситуации развития

О.А.Карабанова (Москва)

Childhood phenomenology in the modern social situation of development — *O.A.Karabanova (Moscow)*

Актуальность темы исследования феноменологии современного детства обусловлена социальным запросом на прогнозирование его развития. Трансформация социального института детства связана с преодолением кризиса детства, обусловленного «разрывом» между поколениями, утратой прежних смыслов деятельности в условиях роста социальной неопределенности, социально-экономических изменений, развития информационного общества, порождающими новую социальную ситуацию развития ребенка.

На основе анализа современного состояния фундаментальных и прикладных исследований в области психологии развития можно выделить основные тенденции развития этой области психологического знания – утверждение системно-динамического подхода к исследованию закономерностей психического развития ребенка, контекстуализм и фокусирование на роли системы социальных отношений и общения в развитии ребенка; ориентация на активность и деятельность ребенка как причину развития, отказ от абсолютизации универсального характера развития и рост интереса к его вариативности и индивидуальным траекториям развития; изучению факторов риска, уязвимости и жизнестойкости ребенка; определение задач развития как векторов личностного и познавательного развития на каждой из возрастных стадий; обращение к стратегии формирования/интервенции на фоне роста неудовлетворенности прежними методами исследования; ориентация на психологические практики в сфере развития, обучения и воспитания детей и подростков.

На факультете психологии Московского университета в цикле работ были выявлены негативные тенденции развития современных детей и подростков, обусловленные современной социальной ситуацией развития (поляризация детей и подростков по уровню психического развития при возрастании удельного веса группы с проблемным характером развития; нарастание выраженности факторов риска; форсирование интеллектуального развития детей и подростков в форме искусственной акселерации; деформация мотивационной сферы (снижение познавательной мотивации и любознательности при росте потребительских интересов); нарушение типа эмоциональной привязанности в детско-родительских отношениях; изменение ценностно-смыслового сознания как повышение значимости ценностей личного успеха и достижений при снижении значимости общественного благосостояния и заботы; обеднение и ограничение общения детей и подростков со сверстниками, низкий уровень коммуникативной компетентности; нарастание тенденций эскапизма при росте различных видов зависимостей; информационная социализация в условиях коммуникации, опосредованной СМИ; трудности формирования гражданской идентичности, толерантности и социальной активности личности, риски десоциализации и девиантного поведения.

На основе концепции структуры и динамики психологического возраста Л.С.Выготского и системно-деятельностного подхода, развиваемого в трудах А.Н.Леонтьева, Д.Б.Эльконина, П.Я.Гальперина, А.В.Запорожца создана структурно-динамическая модель социальной ситуации развития в целостном единстве и взаимосвязях ее компонентов на макро- и микро- уровнях, конкретизирующая представления о роли социальной среды, активной деятельности и сотрудничества в развитии ребенка, что позволило построить теоретическую модель проектирования и осуществления развивающей, коррекционной и профилактической работы

с детьми. Изучены особенности современной социальной ситуации развития детей и подростков, прежде всего в рамках семейного контекста и детско-родительских отношений. Разработана концепция психологического сопровождения семьи и оптимизации семейного воспитания и детско-родительских отношений в условиях ее перестройки как института социализации. Выявлены основные закономерности личностного, социального и профессионального самоопределения личности и развития социальной (гражданской) и личностной идентичности в подростковом и юношеском возрасте. Исследованы закономерности становления моральной ориентации и компетентности младших школьников и подростков в условиях современной социальной ситуации развития. Создана научно-методическая основа формирования универсальных учебных действий как основы «умения учиться» на начальной, основной и полной ступени общего образования. Разработана теоретико-методологическая основа типологии вариантов развития личности, условий их генезиса и следствий на различных возрастных стадиях детства и подростничества. Разработана и реализована в практике деятельности консультативного центра «Семья и детство» концепция возрастнопсихологического консультирования по проблемам развития и воспитания детей и подростков.

Перспективами дальнейших исследований являются разработка методологии социального конструирования детства; создание программ предупреждения уязвимости, социальной дезадаптации и отклоняющегося поведения детей и подростков и обеспечения жизнестойкости и социальной успешности на основе дальнейшего развития типологии индивидуальных вариантов развития; исследование развития личности в детском и подростковом возрасте в условиях информационной социализации и новых образовательно-развивающих сред, опосредованных СМИ.

Герменевтический подход к исследованию современного социотекста в сети Интернет

Богдановская И.М., Королева Н.Н., Проект Ю.Л. (Санкт-Петербург)

The Hermeneutical approach to research modern sociotext in the Internet – Bogdanovskaya I.M., Koroleva N.N., Proekt J.L. (St. Petersburg)

Проблема понимания и интерпретации текста приобретает особую роль в современную эпоху. Влияние текстовой информации на общественную жизнь осуществляется через интенсивное развитие и повсеместное распространение массовых коммуникаций на основе компьютерных технологий (О. Тоффлер, Д. Белл, Т. Стоунбер, М. Маклюэн и др.). Исследование текста в различных аспектах его функционирования становится одной из ключевых проблем гуманитарного знания. Социальная реальность, так же, как и ее репрезентация в сознании, конструируется с помощью языка, по сути, является текстом, дискурсом (К.Ж. Герген, С. Московиц, В.А. Руднев, В.Ф. Петренко и др.).

Широкое распространение взаимодействия в глобальных информационных сетях приводит к возникновению новых форм коммуникации и социотекстуальных феноменов, обладающих принципиально иными характеристиками, такими, как нелинейный характер организации, устно-письменный характер речевого воплощения, размывание ролей автора и читателя, границ интимности и публичности и т.п. (А.Е. Войскунский, Г.А. Трофимова, О.С. Воротникова, Б.М. Гаспаров, С. Thurlow, D. Crystal и др.). Адаптация человека в интенсивно изменяющейся реальности становится все более сложной в связи с интенсификацией информационных потоков, включением личности в поликультурное смысловое пространство, расширением спектра коммуникативных практик, что придает особую значимость проблеме понимания различных типов и видов социотекстов, воплощающих социокультурные и личностные смыслы.

Герменевтика как деятельность человека по интерпретации и пониманию различного рода текстов приобретает характер общеметодологической основы современного гуманитарного знания и распространяется на различные практико-ориентированные сферы деятельности

(Г.И. Богин, В.И. Тюпа, С.А. Гончаров и др.). В таком подходе текст предстает как коммуникативное пространство диалога смыслов социокультурной реальности и языковой личности, как «антропотекст», «социотекст» (Ю.Н. Караулов, Н.Д. Голев и др.). В зарубежных гуманитарных исследованиях основное внимание сосредоточено на дальнейшем развитии феноменологических и нарративных методов с ориентацией на практическое применение анализа неявных смыслов в текстах о человеческой деятельности с учетом социального контекста (R.B. Addison, K. Dahlberg, N. Drew, M. Nystrom, L. Finlay, S. Churchill, W. Frederick и др.).

В то же время, в отечественной и зарубежной науке фактически не разработана такая междисциплинарная категория, как социотекст; не выявлены структура, функции, типы новейших социотекстуальных феноменов, бытующих в глобальном информационном пространстве: блогосфера, википедия как особая форма репрезентации знания, сетевые СМИ и т.п. В связи с этим важными задачами междисциплинарных исследований выступают: разработка методологии и методов герменевтического анализа сетевых социотекстов; создание типологии социотекстов Интернета, анализ стратегий понимания социотекста и их роль в адаптации к современной жизненной среде. Комплексное исследование современного социотекста может быть реализовано на основе синтеза новых областей научного знания, таких, как психо- и социосемиотика, виртуалистика, филологическая и психологическая герменевтика, неориторика, медиалогия, дискурс-анализ, нарративная психология.

Мифологизированные составляющие образа России в молодежных электронных СМИ

Королева Н.Н., Глебов Д.В. (Санкт-Петербург)

*The mythologized components of an image of Russia in youth electronic mass-media –
Koroleva N.N., Glebov D.V.*

Сущностные черты социальных трансформаций на рубеже 20-21 в.в. связаны с возрастанием роли информационных технологий в различных аспектах жизни общества. Синтез компьютерных и медиа-технологий, внедрение интерактивного режима в работу СМИ, переход телевидения и радио на цифровую основу приводят к тому, что информация оказывается основным средством управления политикой. Глобальные сети дают возможность для вовлечения огромного количества граждан в социально-политические процессы, участия в жизни страны посредством информационно-коммуникативных средств. В то же время, электронные СМИ оказывают существенное воздействие на социально-политические установки людей, в особенности, молодежи, включенной в Интернет-коммуникацию.

С целью реконструкции базовых социальных мифологем в образе России нами был проведен контент-анализ дискурсов электронных СМИ, принадлежащих молодежным политическим организациям, являющихся яркими представителями основных идейно-политических течений: демократическое, коммунистическое, националистическое, социалистическое. Категориями контент-анализа выступили ведущие социальные мифологемы, тематические категории сообщений, их эмоциональная насыщенность, «доминирующее» и «альтернативные» мнения в обсуждениях, конфликты, разногласия.

Результаты показали, что в структуре мифологизированного образа России у политических активных молодых людей с различной идейно-политической направленностью присутствуют инвариантные мифологемы. Это трансформированные архетипические смысловые оппозиции «мы – они», «герой – антигерой», «прошлое – будущее»; социально-политические мифологемы – свобода, справедливость, солидарность, равноправие, независимость и т.п. В то же время, их интерпретация, конкретное смысловое наполнение, собственно и составляющее основу мифотворчества, зависит от ведущих идеологических конструктов, провозглашаемых организацией и разделяемых ее членами: коммунистических, националистических, социалистических, демократических. Мифообраз России, сконструированный лидерами организаций,

принимается и развивается ее приверженцами, становится частью коллективного сознания молодежи. Это способствует дифференциации основных социальных мифов о России, существующих в сознании политически активной части молодежи. Системообразующими координатами образа России в представлениях молодежи, придерживающихся коммунистической политической ориентации, выступают смысловые оппозиции «Реальное – идеальное», «свои (друзья) – чужие (враги)». Основу мифообраза России в сознании представителей социал-демократического идейно-политического течения выступают «настоящее – будущее России (старое – новое)», «справедливость – несправедливость». Ведущей мифологемой в образе России у националистически ориентированной молодежи выступает оппозиция «мы – они», которая приобретает характер противопоставления русских и людей другой этнической принадлежности. У представителей демократического движения центральной мифологемой становится «Россия будущего» как свободное и справедливое общество, центр мирового геополитического пространства и мировых цивилизаций. Проведенный анализ показывает необходимость целенаправленной работы по формированию в молодежных электронных СМИ позитивного реалистичного образа страны, влияющего на становление гражданской и личностной идентичности, толерантности, активной жизненной позиции молодежи.

Культурно-деятельностная концепция образования личности для сетевого столетия

А.А. Косенко (Москва), Е.Ю. Патяева (Москва)

Cultural-existential personality education for the web age — *A.A. Kosenko (Moscow), C.Yu. Patyayeva (Moscow)*

Об анахронизме классно-урочной системы, созданной Яном Амосом Коменским три с половиной века назад, активно заговорили уже в начале прошлого столетия. Именно в это время появился метод А.Г.Ривина, позволивший «взломать многолетние оковы классно-урочной системы» и выстроить учебный процесс на основе специально организованного интеллектуального диалогического общения. Метод Ривина внёс неопределимый вклад в работу по преодолению неграмотности в 20-е и 30-е годы, однако затем фактически потерпел поражение от классно-урочной системы и был вытеснен на обочину российского образования (продолжатели дела А.Г. Ривина успешнее всего работают в Красноярске).

Взаимоотношения с классно-урочной системой культурно-исторического подхода (и всех последующих выросших на его основе концепций) строились несколько иначе: психологи пытались не бороться с классно-урочной системой как таковой, а «внести» в неё самостоятельную деятельность учащихся, осознанное использование культурных средств, диалогическое общение и многое другое. Однако, если смотреть не на отдельные авторские школы, а на систему массового образования, то мы вынуждены констатировать, что ни развивающая система Л.В. Занкова, ни концепция поэтапного формирования умственных действий П.Я.Гальперина, ни развивающее образование В.В.Давыдова и Д.Б. Эльконина, ни предложенная А.А.Леонтьевым концепция «Школа-2100» в отечественной школе не привились. Причина этого, по нашему мнению, состоит в том, что культурно-деятельностный подход (и все родственные ему концепции) принципиально несовместим с классно-урочной системой, работающей, по большому счёту, по принципу отбора успешных учеников и «отсева» всех остальных, что позволяет при относительно низких затратах на образование получать узкий слой высокообразованных людей и широкий слой элементарно грамотных исполнителей.

При этом культурно-деятельностная парадигма может вполне успешно реализовываться в частных и авторских школах, а также в практике индивидуального обучения (будь то семейного или репетиторского).

На наш взгляд, возможность действительно осуществить культурно-деятельностный подход в массовой образовательной практике открывается именно в сетевой век, когда

Интернет-технологии экспоненциально расширяют возможности самообразования, что позволяет принципиально решить казавшуюся ещё недавно «вечной» проблему соотношения качества образования, его всеобщности и его стоимости. Суть предлагаемого решения состоит в переходе в начальной школе от классно-урочного к индивидуальному и микрогрупповому обучению, выстраиваемому на принципах рефлексивного сотрудничества учителя и ученика. Цель обучения на этом этапе состоит в освоении одновременно а) умения учиться и б) базовых культурных умений и навыков (включающих в себя чтение, письмо, счёт, рассказывание, логическое мышление, сочинение, компьютерную грамотность, изобразительную деятельность, пение, драматизацию, музыкально-двигательные практики и коммуникативные умения). А затем, на этапах основной и полной средней школы, ученики последовательно и поэтапно переходят к диалогическому и автономному учению с активным использованием глобальной образовательной среды и современных сетевых технологий в сочетании с участием в осуществлении различных «взрослых» проектов. В том числе, и проектов педагогических – как бы возвращаясь к методу А.Г. Ривина на совершенно новых основаниях.

Обыденность повседневности как тема феноменологической психологии детства

С.В. Кривцова (Москва)

Mundane everyday concerns as a theme of phenomenological child psychology — *S.V. Krivtsova (Moscow)*

Повседневные приземленные заботы детской жизни и ее проблемы долгие годы были темой литературы и искусства, а предметом интереса психологии стала не так давно – а именно с появлением феноменологического метода и экзистенциальной традиции. Предшественником этого подхода в философии в первой половине 19 века нужно считать С.Кьеркегора. Датский философ «маленькие» проблемы конкретного – Единичного – человека считал темой, по значимости далеко превосходящей современную ему масштабную гегелевскую концепцию мироустройства. Становление самости разворачивается в рамках мирского, и даже бытового существования человека. Все абстракции, в том числе и религиозные, относятся Кьеркегором к недействительному: становление личности осуществляется не в отношениях с Вечным Ты, а в плоскости бытия с обычными людьми, в процессе решения ежедневных жизненных ситуаций. Знание может только тогда стать фактором личностного становления, когда оно усвоено, то есть включено в контекст того, что человека затрагивает (О методе косвенного сообщения С.Кьеркегора и его применении в школьной практике см. Кривцова, 2011).

Появившаяся в Европе столетием позже феноменологическая традиция прошла путь от трансцендентной феноменологии Э.Гуссерля до эмпирического экзистенциального подхода, основанного на М.Хайдеггере, Ж.П.Сартре и М.Мерло-Понти. Ученики Гуссерля изменили основные положения учителя, считая трансцендентальную субъективность Гуссерля – абстрактное вместилище смыслов – оторванной от реального мира. Герменевтически-экзистенциальные феноменологи, несогласные с чистой эйдетикой Э.Гуссерля, заменили трансцендентальное Эго, герменевтикой жизненного мира (*LebensWelt*). В рамках этой методологии помимо экзистенциальной психотерапии возникли утрехтская и немецкая школы феноменологической педагогики (M.Langewald, W.Lipitz, J.J.Kockelmans, O.f.Bollnow, K.Mollenhauer, T.Beekman, M.Hellemans, F.J.Buytendijk, S.Strasser и др.), именовавшие себя *Home-Kitchen-Street Approach*. Интерес к земной повседневности с ее проблемами проявляется в характерных заголовках сборников авторов подхода: «В комнате отеля» «Переживание тела во время первого сексуального опыта», «За рулем машины», «У постели больного», «Засыпая» и т.д. Наиболее известным является труд Мартинуса Яна Лангефельда «Секретное место в жизни ребенка», наиболее глубокое понимающее описание переживаний, сопровождающих становления самости. Не менее впечатляющими были феноменологические рабо-

ты Н.Биттса, посвященные таким темам, как «ребенок по дороге в школу», «мой двор», «моя улица как место игр» и т.д.

В чем значение введения повседневности в круг научных интересов специалистов, занимающихся детством? Не будучи в состоянии дать вербальный отчет о своих переживаниях, ребенок долгое время оставался закрытым для научных исследований его субъективности. Удивительно, что при наличии огромного количества работ по детской психологии, ничтожно малое число их посвящено описанию переживаний в субъективном мире ребенка. М.Лангефельд например, задавал такой провокационный вопрос: «после всех этих лет исследований процесса обучения знаем ли мы на самом деле, что значит для одного единственного ребенка, иметь опыт того, что он научился чему-то? А ведь первый педагогический вопрос должен быть следующим: что означает для ребенка пережить ситуацию, подобную, например, ситуации обучения?». Благодаря описанной выше научной традиции и развитию феноменологического метода Жизненный мир ребенка перестает быть темой только искусства и художественной литературы, превращаясь в удивительно интересный предмет научного поиска.

Толерантность к неопределенности как предиктор стратегий совладания

Е. Н. Львова (Москва)

Tolerance to ambiguity as a predictor of coping strategies — E. N. Lvova (Moscow)

В настоящее время характерными чертами актуальной ситуации развития современного общества становится увеличение и усложнение межличностных и межгрупповых отношений в условиях социальной нестабильности. Это является угрозой благополучию человека и предъявляет серьезные требования к его способности противостоять нестабильности и использовать все ресурсы для сохранения баланса и гармонии с собой и своим окружением.

В данном контексте исследование ресурсов совладающего поведения и анализ его стратегий является актуальным направлением в российской психологической науке, о востребованности которого свидетельствует большое количество исследований, выполненных в рамках разных направлений психологии. Это позволяет со всей ответственностью говорить о междисциплинарном статусе психологии совладающего поведения. Несмотря на относительную непродолжительность исследований в данной области, уже накоплен достаточно большой массив данных, позволяющий приблизиться к пониманию богатства феноменологии совладания, особенностям развития и функционирования его механизмов.

В нашей работе особое внимание было уделено изучению связи между психологическими ресурсами личности и выбираемыми ею стратегиями совладания. В качестве одного из ключевых ресурсов нами была выделена толерантность к неопределенности, которая, согласно предлагаемой Д. А. Леонтьевым схеме психологических ресурсов преодоления стрессовых ситуаций, является одним из главных компонентов ресурсной системы саморегуляции.

Понимая толерантность к неопределенности как сложное установочное образование, обладающее уровневым строением, и рассматривая ее как многомерную характеристику индивида, соотносимую с континуумом «открытость-резистентность», мы выделяем толерантность к неопределенности как один из важнейших ресурсов, способствующих выбору конструктивных стратегий совладания.

В проведенных нами исследованиях диагностика толерантности к неопределенности выполнялась с помощью опросного и проективных методов. Опросный, или вербальный, метод позволил выявить субъективные представления участников исследования о собственной толерантности к неопределенности, в то время как проективные методы, в частности, особая организация стимульного материала, позволили выделить ряд особенностей, относящихся к неосознаваемым уровням саморегуляции. Полученные данные продемонстрировали нам наличие у большинства наших испытуемых расхождения между содержанием осознаваемого

и содержанием неосознаваемого уровней толерантности к неопределенности, что позволило говорить о декларативном характере толерантности к неопределенности у этих испытуемых.

Анализ связей между уровнем толерантности к неопределенности и стратегиями совладания и анализ специфики выбираемых стратегий в контексте существующего рассогласования между осознаваемым и неосознаваемым уровнями толерантности к неопределенности показал, что стратегии, традиционно воспринимаемые как конструктивные/неконструктивные, или правильные/неправильные соответственно, в действительности таковыми могут не быть. В связи с этим было предложено новое понятие – «толерантные стратегии совладания», стратегии, использование которых не наносит вреда ни одному участнику процесса совладания вне зависимости от их эффективности.

Введение в научный оборот понятия «толерантных стратегий совладания» подчеркивает актуальность работы по формированию подлинной толерантности к неопределенности.

Механизмы управления мотивацией пользователя в компьютерных играх.

Макалатия А.Г. (Москва)

User Motivation Control Mechanism in Computer Games — *Makalatya A.G. (Moscow)*

Доклад посвящен описанию психологических механизмов, обеспечивающие притягательность компьютерных игр (КИ) и выявлению особенностей этой деятельности, создающих мотивацию, побуждающую человека проводить за играми значительное время и возвращаться к ним вновь и вновь.

Мы оставим за рамками нашего рассмотрения те факторы привлекательности, которые являются общими для КИ и других видов искусства: эстетическую привлекательность, сюжет и т.п. Сосредоточимся на том, что закладывается разработчиками непосредственно в структуру игровой деятельности и составляет ее специфику.

1. Игра создает приятный опыт, защищают человека от скуки и приносят позитивные переживания. Фактически, КИ – это деятельность, оптимизированная под опыт потока. Рассмотрим те особенности структуры игровой деятельности, которые способствуют проявлению или усилению определенных компонентов потока.

1) Концентрацию внимания облегчает как сам по себе экран, на котором движутся яркие объекты (что является стимулом для непроизвольного внимания), так и структура интерфейса игры, позволяющая легко отличить значимые для деятельности элементы изображения от фоновых.

2) Ясные цели и обратная связь – это ключевой момент почти любой игры. Игроку максимально четко ставятся цели, и явно и наглядно демонстрируется степень успешности в их достижении.

3) «Потеря «я», отрешенность от обыденной жизни обеспечивается погружением в «игровой мир».

4) Баланс требований и умений обеспечивается либо низкими требованиями к умениям игрока и подкреплением каждого успеха (в казуальных играх) либо возможностями настройки уровня сложности и постепенного его повышения.

5) Чувство контроля обеспечивается немедленной и предсказуемой реакцией игровой программы на действия игрока. Если это правило нарушается из-за ошибок в программном обеспечении, это вызывает взрыв отрицательных эмоций и часто приводит к прекращению игровой деятельности.

2. Феномен незаконченного действия. В каждый момент игры играющий выполняет определенную задачу, имея перед собой актуальную цель. В большинстве игр таких целей в каждый момент несколько и как только выполнена одна – сразу возникает следующая. Таким образом, играющий всегда находится в ситуации незавершенного действия (феномен

Зейгарник). Когда человек выходит из игры, невыполненная цель остается и заставляет вспоминать об игре и желать вернуться и доделать.

3. Случайное подкрепление. Имеется в виду ситуация, когда игровая награда выдается не за каждое выполнение последовательности действий, а «выпадает» с некоторой вероятностью. Это вызывает азарт и стимулирует игрока совершать потенциально приводящие к награде действия еще и еще раз. К тому же здесь проявляются все ошибки мышления и иррациональные установки, характерные для азартных игроков.

4. Встраивание в игру моментов, актуализирующих у игрока мотивацию достижения и соревнования. Это всевозможные рейтинги, «ачивы», возможность сравнивать свои игровые достижения с достижениями других игроков.

Существует и другие факторы, работающие на создание и поддержание мотивации пользователя играть в КИ. В отличие от вышеперечисленных, они не являются общими, а характерны для тех или иных типов игр. Это и создание виртуальных ценностей, и структурирование времени, и манипулирование пользователем через страх потери и многое другое.

В условиях растущей популярности КИ и постепенной компьютеризации и интернетизации всех сфер жизни, данные исследования представляются интересными и важными потому, что описанные выше механизмы управления мотивацией могут быть применены не только в игре, но и в других видах взаимодействия человека с специально созданной программой-интерфейсом.

Особенности семейных отношений у подростков с интернет-зависимым поведением.

Малыгин В.Л., Смирнова Е.А. (Москва)

Characteristic of Family Relationship in Adolescents with Internet-Abuse Behavior —
Malygin V.L., Smirnova E.A. (Moscow)

В исследовании приняли участие 114 подростков от 13 до 17 лет (из них 74 вошли в контрольную группу, 40 – в экспериментальную), 45 родителей (из них 22 вошли в контрольную группу, 23 – в экспериментальную)

Все подростки обучаются в 8-10 классах школ г. Москвы, критерий участия в исследовании: интернет-зависимость. Зависимым от компьютера считался подросток, который проводил за компьютером более 2 часов в день и получил не менее 80 баллов по тесту К. Янг и не менее 64 баллов по тесту Чена (на наличие зависимого поведения)

Методы исследования:

- Семейная социограмма
- Опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ)
- Цветовой тест отношений (ЦТО)
- Методика «Подростки о родителях» (ПОР)
- Методика «Социальный атом»
- Методика «Мать и дитя»

И в контрольной, и в экспериментальной группе образы семьи у родителя и ребенка не коррелируют между собой. Однако характер несовпадений в двух группах различен: в экспериментальной группе в 80% случаев отличия носят фрустрирующий для ребенка характер (мать в реальности строит более близкие отношения с другим siblingом или указывает на более дистантные отношения с ребенком, чем он сам), в контрольной группе подобную картину мы наблюдаем лишь в 18% случаев, и в 82% ребенок может получать необходимые ему поддержку со стороны матери. В экспериментальной группе – отрицательная корреляция между оценками взаимоотношений между родителями, которые дают дети и их родители. Т.о., ребенок неправильно интерпретирует отношения между родителями. Нарушается коммуникация внутри семьи, что ведет к ошибочному восприятию ребенком родительской пары

– как в лучшую, так и в худшую стороны. Когда подросток воспринимает взаимоотношения родителей как более близкие, чем на самом деле, он испытывает фрустрацию, наблюдая конфликтные отношения родителей, которые он стремится игнорировать. Компьютерная зависимость становится одним из приемлемых вариантов избегания реальности. В обратной ситуации, когда ребенок оценивает отношения между родителями, как менее близкие, чем они есть, он испытывает ревность к одному из родителей, претендует на большую близость к нему, стремится вытеснить второго родителя. В таком случае близкие отношения между родителями приводят к фрустрации и стремлению ребенка избегать реальности, в том числе посредством Интернета.

По результатам теста АСВ ни в контрольной, ни в экспериментальной группах средние значения не выходят за границы нормы ни по одной из шкал, однако наблюдаются статистически значимые различия по шкалам Гипопротекции, Неустойчивости стиля воспитания, а также выраженные (однако статистически недостоверные) различия по шкале Расширения родительских чувств. Воспитание в таких семьях характеризуется дефицитом требований, запретов и наказаний. При стремлении одного или обоих членов диады к близости, между матерью и подростком в 75% случаев наблюдается эмоциональная дистанция, которую они не могут преодолеть, а в 25% – симбиотические связи между детьми и родителями. В семьях подростков с интернет-зависимостью наблюдается снижение авторитета отца, дистанция между детьми и отцами, а также тенденция к разделению семьи на две подструктуры – мать-подросток и мать-муж или мать-подросток и отдельно муж.

Таким образом, семейные отношения в семьях интернет-зависимых подростков отличаются дисфункциональностью и дисфункциональными стилями воспитания.

Интернет-зависимое поведение у подростков. Клинико-психологические феномены.

В.Л. Малыгин, К.А. Феклисов (Москва)

Internet-Abuse Behavior in Adolescents. Clinical and Psychological Phenomenon. —
Malygin V.L., Feklisov K.A. (Moscow)

Целью исследования являлось изучение психологической структуры интернет – зависимого поведения у подростков на основе выделения объективных диагностических критериев аддиктивного поведения, апробация и адаптация психодиагностической методики выявления интернет – зависимого поведения.

Предмет исследования: психологические феномены, сопровождающие интернет- зависимое поведения у подростков, психологические критерии наличия интернет- зависимого поведения и способы его диагностики.

Сформулирована гипотеза: интернет–зависимое поведение сопровождается специфическими психологическими феноменами в рамках различных вариантов нарушения адаптации и может быть выявлено с помощью психодиагностических методик.

В 2010-2011г. нами было обследовано более 500 подростков школьников образовательных учреждений г. Москвы. В соответствии с моделью поведенческих зависимостей (Короленко Ц. П., Егоров А.Ю., Цыганков Б.Д., Малыгин В.Л.), взятой за основу, была составлена анкета участника исследования (Анкета форма А/Б) и структурированное интервью (Интервью 1.0). Используя данные психодиагностические инструменты, опираясь на результаты и экспертную оценку, выделена экспериментальная группа школьников. Исходя из теоретической модели поведенческих расстройств (критерии DSM IV-R, критерии МКБ-10 для определения зависимости от азартных игр), мы выдвинули предположение о наличии у включенных в данную группу «паттерна Интернет-зависимого поведения».

Экспериментальная группа состояла из 50 учащихся 10-11 классов, средний возраст составил 15,6 лет. Выявлено, что интернет – зависимому поведению свойственны

общепризнанные для всех форм аддикций симптомы: толерантность, симптомы отмены, симптомы компульсивного поведения, сверхвовлеченность и сверхценность, дезадаптивность и социальное руинирование. Интернет-зависимое поведение у подростков сопровождается следующими клинико-психологическими феноменами: депрессивными и обсессивно-компульсивными симптомами, а также симптомами враждебности и межличностной сензитивности. Интернет-зависимым подросткам, по данным теста Кеттела, свойственны следующие характерологические особенности: отсутствие инициативы, астеничность, низкая социальная компетентность и способность произвольной регуляции деятельности. Также выявлено наличие взаимосвязей между характерологическими особенностями и клиническими проявлениями интернет-зависимого поведения.

Неспособность управлять эмоциями, находить им адекватное объяснение и реализовывать в поведении, фактор «слабость Я» с высокой степенью достоверности связана со следующими симптомами: обсессивно-компульсивной, тревожной и депрессивной симптоматикой, так же обнаруживается связь с симптомами враждебности и межличностной сензитивности. Низкий самоконтроль, сниженные навыки планирования деятельности так же связаны с депрессивными, тревожными и обсессивно-компульсивными симптомами. В результате апробации и адаптации психодиагностической методики «Шкала интернет – зависимости Чена», выявлено, что данный психодиагностический инструмент является надежным и достоверным способом диагностики интернет – аддикции. Основными преимуществами данного теста является его симптомологическая и интегрирующая структура, позволяющая выявлять компоненты поведения, свойственные интернет – зависимому поведению.

Специфика социальной перцепции в Интернет-консультировании: постановка проблемы

В.Ю. Меновщиков (Москва)

Specificity of social perception in the Internet-consultation: statement of a problem —
V.J.Menovschikov (Moscow)

В России развивается дистантная психологическая помощь: психотерапия онлайн (е-терапия), Интернет-консультирование, кибертерапия. Несмотря на распространенность практики, теория Интернет-консультирования еще не разработана (А. Барак, Дж. Сулер и др.). Задача построения теории усложняется тем, что эта область – междисциплинарная и должна объединить общую, социальную, клиническую психологию и психологию Интернета. В частности, необходимо исследовать коммуникативную, перцептивную и интерактивную составляющие Интернет-консультирования, традиционно изучаемые в социальной психологии. Особенно важна проблемная область, связанная с закономерностями социальной перцепции в Интернет-взаимодействии в целом и во взаимодействии клиент-консультант.

Социальная перцепция – процесс с активной обратной связью, обязательно включающий в себя понимание. Участники общения пытаются реконструировать внутренний мир другого человека, понять его чувства, мотивы поведения, отношения к значимым объектам. Все это важно в процессе психологического консультирования, а при опосредствовании Интернетом становится особенно сложным. В качестве особенностей Интернет-коммуникации выделяют анонимность, доступность, невидимость, множественность (Turkle, 1997; Young, 1997), безопасность, простоту использования (Young, 1997). Эти особенности ведут к появлению специфических феноменов. А.Н. Жичкина отмечает, что анонимность имеет ряд последствий. Так, при коммуникации в Интернете теряют значение обычные невербальные средства общения. Физическое отсутствие участников в акте коммуникации приводит к тому, что чувства можно не только выражать, но и скрывать, или выражать чувства, которые в данный момент не испытываешь. В Интернете в результате физической непредставленности партнеров друг

другу теряет значение ряд барьеров общения, обусловленных полом, возрастом, социальным статусом, внешней привлекательностью или непривлекательностью партнеров (Reid, 1994).

На представление о собеседнике влияют механизмы стереотипизации и идентификации, а также установка как ожидание желаемых качеств в партнере. Анонимность общения в Интернете обогащает возможности самопрезентации человека, предоставляя возможность не просто создавать о себе впечатление по своему выбору, но и быть тем, кем хочется. Уолтэр (1996) использовал две теории, SIDE модель и SIP в развитии «гиперличной модели коммуникации»: она включает принципы, согласно которым основанная на тексте Интернет-коммуникация дает опыт большей относительной глубины, чем общение лицом к лицу. Выделяются следующие принципы «гиперличной модели коммуникации»: 1. Идеализация партнера получателем в соответствии с сверх-ожиданиями. 2. Избирательное самопредставление, т.е. отправитель имеет преимущество, редактируя сообщение перед передачей. 3. Петля обратной связи, или взаимность взаимодействий, посредством чего идеализация и самопредставление становятся динамическим процессом, создают самоукрепляющийся цикл. Все это значимо для психологического консультирования в Интернете.

Таким образом, социальная перцепция в Интернете включает как факторы, способствующие консультированию (например, теряют значение ряд барьеров общения), так и факторы, его затрудняющие (например, чувства можно скрывать или неверно понять). Изучение влияния на процесс Интернет-консультирования специфики социальной перцепции в Интернете представляется крайне актуальным.

Личность выбирает альтруизм

Е.Е. Насиновская (Москва)

Identity selects altruism — E.E. Nasinovskaya (Moscow)

Проблема альтруистического поведения человека является традиционным предметом рассмотрения в русле философско-этических и психологических исследований. В основных подходах и теориях психологии тема альтруизма представлена то в более имплицитных (классический психоанализ, когнитивизм), то в более эксплицитных (индивидуальная психология, социокультурный психоанализ, гуманистическая психология) формах.

Современная психология преодолевает антропоцентрическую парадигму (А.Г. Асмолов), уходит от рассмотрения изолированного, свободного от влияния ситуации и социокультурного контекста индивида. Применительно к альтруистической мотивации это означает отказ от объяснения поведения только диагностированными мотивационными диспозициями. Диагноз и прогноз могут не соответствовать друг другу. Конкретная ситуация поведения человека определяется со времен К.Левина взаимодействием личности и среды (окружения). Принцип взаимодействия реализуется в идеях преобразования внутренних схем путем аккомодации (Пиаже), использования когнитивных схем (Бартлетт), личностных конструктов (Келли), субъективной интерпретации ситуации. Примером последней может служить пошаговая модель принятия решения об оказании помощи Б.Латане и Дж.Дарли. Власть ситуации проявляется не только в ее принудительном воздействии на личность, но и в особенностях ее истолкования субъектом (эксперименты Зимбардо и Милгрема). В модели реципрокного детерминизма А.Бандуры третьей переменной поведения личности выступают последствия самого поведения. Культурно-историческая теория психики Л.С.Выготского предвосхитила ряд ключевых положений конструктивистской парадигмы в вариантах конструктивизма и социального конструкционизма. В работах Выготского вводится понятие социальной ситуации развития (ССР), которая является отношением между личностью и окружением. Изменения не только в среде, но и в самой личности (новообразования) влияют на содержание ССР. Роль личности в процессах мышления проявляется в особенностях категоризации и интерпретации событий человеком, находящимся на разных стадиях развития значений. Выготский

делает новаторский шаг, выводя психику за пределы конкретных ситуаций поведения в более широкий социокультурный контекст. Сами инструменты построения картины мира заданы человеку как психологические орудия (знаки) культурно-историческим контекстом. Центральной становится идея овладения с помощью медиаторов культуры высшими психическими функциями и поведением. Понимание личности как активного субъекта деятельности развито в теории деятельности А.Н. Леонтьева. Положение Леонтьева о том, что «внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет», акцентирует и активный способ воздействия личности на окружение, и возможность личностных изменений только в процессе деятельностного функционирования.

Возвращаясь к проблематике альтруистического поведения, отметим вклад в организацию поведения двух главных мотивов – мотива морального долга и мотива сочувствия. Первый имеет морально-нормативную природу, второй – идентификационно-эмпатическую. Однако генезис, структура (иерархия этих мотивов) и способ их функционирования (проявление в конкретной ситуации) подчиняется парадигме конструктивизма. Активность личности в персоногенезе, где речь идет об индивидуальности личности, проявляется в процессах самоопределения, личностного ответственного выбора в проблемных жизненных ситуациях. Альтруизм может возникать на путях преодоления эгоистических тенденций как результат активного личностного выбора на основе ценностных представлений.

Роль коллективного образа будущего в преодолении ксенофобии

Т.А.Нестик (Москва)

The role of group's future representations in the overcoming of the xenophobia — *T.A.Nestik (Moscow)*

Если развитию ксенофобии способствует краткосрочная временная перспектива, ориентация на прошлое и негативное отношение к будущему, то проявление толерантности предполагает ориентацию на будущее, долгосрочную перспективу отношений, позитивный коллективный образ будущего.

Представление личности об общности своего будущего и будущего других индивидов и групп, является одним из ключевых условий внутригрупповой и межгрупповой интеграции (Lewin, 1942; Campbell, 1958).

Как и у коллективной памяти, у коллективного образа будущего есть ряд важнейших социально-психологических функций: консолидирующая, целеобразующая, функция поддержания позитивной социальной идентичности, функция адаптации к новому, социальным изменениям, функция унификации автобиографических траекторий и др. К содержательным характеристикам коллективного образа будущего можно отнести субъектность, то есть веру в способность группы повлиять на свое будущее; значимость будущего для членов группы; позитивную или негативную оценку будущего; относительную сформированность представления о будущем по сферам жизнедеятельности группы или общества. К его формально-динамическим характеристикам относятся протяженность в будущее; устойчивость к изменениям, происходящим с социальной группой в настоящем; относительная многовариантность, то есть наличие в коллективных представлениях допущения о нескольких сценариях будущего.

Как известно, утрата веры в будущее является одной из причин кризиса коллективной идентичности (Хёсле, 1994). Связь страха перед будущим и ксенофобии усиливается в обществе риска, где рост неопределенности делает людей друг для друга (Бек, 2008). Рост социальной напряженности сопровождается снижением долгосрочной ориентации, негативной оценкой будущего, выраженной ориентацией на прошлое (Муздыбаев, 2000; Лычковская, Баш, 1998; Наумова, 1997; Попова, 1999; Нестик, 2003; Нестик, 2011). Всплеск националистических движений и ксенофобии в России 1990-2000-х характеризовался преувеличенно позитивной оценкой прошлого и негативно-фаталистическими ожиданиями относительно

будущего (Гудков, 2005). Националистический дискурс усиливает групповую идентичность личности за счет расширения ее ретроспективы (Hobsbaum, 1983).

Исследования групповой динамики свидетельствуют о том, что сужение временной перспективы у членов группы приводит к «зашориванию группового разума», закрытости групповых границ и снижению внутреннего разнообразия (De Grada et al., 1999; Kerr, Tindale, 2004). Напротив, из исследований в области этологии и эволюционной динамики мы знаем, что кооперация и альтруизм являются выигрышными стратегиями только при ориентации на будущее, в долгосрочной перспективе (Axelrod, 1990; Eibl-Eibesfeldt, 2000; Novak, Highfield, 2010; Боулз, 2011). Как показывают результаты наших исследований, оптимизм по отношению к будущему способствует формированию позитивного социального капитала, облегчающего социальный обмен «поверх границ», то есть между представителями различных социальных групп и культур (Нестик, 2008; Солдатова, Нестик, 2010).

Масштабные миграционные процессы и стремительная культурная динамика при переходе России к информационному, сетевому обществу не оставляют возможности при формировании гражданской идентичности опираться только на коллективную память. Формирование толерантности и управление рисками ксенофобии требуют целенаправленного формирования позитивного образа будущего России.

От «народного поиска» к «народным проектам»: развитие личностного потенциала в Интернет-проектах

Е.Ю. Патяева, Москва

From crowdsourcing to people' projects: personality potential development in Internet-projects —
C.Yu. Patyayeva (Moscow)

Цель настоящего доклада состоит в анализе новых возможностей психологической практики, открывающихся перед нами с развитием Интернет-технологий.

Эмпирической основой доклада является опыт участия автора в краудсорсинговых проектах Россия-21-Прогресс, Инновации-21-Краудсорсинг (оба проекта являлись составными частями мегапроекта Сбербанк-21) и Общественные консультации по закону об образовании в РФ. Все три проекта проводились на Интернет-платформе компании ВикиВот! в октябре-декабре 2011 года.

Основой мотивации для участия в краудсорсинговых проектах данной компании выступают значимость темы для достаточно обширного сообщества, а также дополнительные «статусные мотиваторы» – прежде всего, система голосований и рейтингов. Таким образом, речь идёт, прежде всего, не о коммерческом краудсорсинге, а о социальном, иными словами – о «поиске народных идей». В рамках проекта Россия-21-Прогресс был даже сформулирован удачный девиз для такого «народного поиска»: «С миру по нитке – стране идею!».

Базовые стратегии участников «народного поиска» сводятся к следующим четырём (в порядке убывания частоты):

- а) погоня за рейтингом и статусом;
- б) содержательная работа, т.е. выдвижение и развитие своих идей и содержательное комментирование идей других участников;
- в) самоутверждение через оскорбления и хамство; и
- г) самоопределяемая деятельность, т.е. постановка и реализация целей, связанных с общим результатом проекта (а не только с осуществлением своих собственных идей) и организация работы других участников.

Главными проблемами, серьёзно снижающими эффективность коллективной деятельности, выступают а) различие профессиональных языков участников, б) систематическое хамство некоторых из них, в) недоверие друг другу и организаторам проекта, г) сверхмотива-

ция и эмоциональное зашкаливание, а также д) недостаточно высокий личностный потенциал самоопределения большинства участников проекта.

Все эти проблемы носят психологический характер, поэтому психолог, участвующий в такого рода проектах, может и – с моей точки зрения – должен выстраивать своего рода «кентаврическую» позицию, объединяющую позиции участника и профессионала одновременно. Соответственно, можно выделить, по меньшей мере, пять направлений собственно профессиональной психологической работы в проектах «народного поиска»:

1. оказание психологической поддержки участникам, работающим в содержательном плане;
2. активное противостояние хамству, целенаправленная защита участников, подвергающихся оскорблениям;
3. активное «слушание», работа на взаимопонимание и «перевод» с различных профессиональных языков на общекультурный язык;
4. вбрасывание в «общее поле» значимых идей, циркулирующих в психологическом сообществе;
5. встраивание в «общий поток» и поддержка движения сообщества к содержательному результату проекта.

Практика участия автора в указанных краудсорсинговых проектах позволяет сделать вывод о том, что последовательная работа по всем этим направлениям приводит к мощному наращиванию личностного потенциала наиболее включённых участников и открывает возможность перерастания проектов «народного поиска» в проекты «народного дела».

Стратегии ролевого поведения участников многопользовательских онлайн игр

Ю.Л.Проект, М.А. Ильяшевич (Санкт-Петербург)

Strategy of role behavior participants of Massively Multiplayer Online Role-Playing Games –
J.L. Proekt, M.A. Ilyashevich (Saint-Petersburg)

Стремительное развитие информационных технологий существенным образом изменило жизненное пространство современного человека. Телевидение, интернет, другие средства масс-медиа не только занимают лидирующее положение в формах организации досуга, но и оказывают существенное влияние на мировоззрение людей, их ожидания и притязания, отношение к себе, другим людям и ситуациям. Вместе с тем расширение границ виртуального мира часто приводит к сужению границ мира реального. Новые социальные общности киберпространства частично или полностью замещают для современного человека привычные ранее социальные сети (родственные, дружеские и т.д.). Особенно ярко указанные тенденции проявляются у участников разнообразных многопользовательских онлайн игр. Сами условия и правила подобных игр требуют от пользователя ежедневного посещения игрового портала, поддержания и расширения социальных контактов с другими игроками, планирования и реализации индивидуальной стратегии игры, направленной на повышение своего игрового статуса. Как отмечает А.Е. Войскунский, в ходе такой игры пользователь эволюционирует вместе со своим персонажем; накапливает в рамках игровой деятельности практический опыт, который затруднительно перенести в реальную деятельность. При этом высокая степень раскрепощения фантазии, яркость игровых впечатлений и интенсивность социальных контактов в ходе игры способствует повышению значимости такого способа времяпровождения.

Интерес к многопользовательским онлайн играм широко проявился в работах западных психологов (K.Bessiere, A.F. Seay, S.Kiesler, D. Williams, N.Yee, T.L.Taylor, J.W. Rettberg, H.G. Corneliussen и др.). Многопользовательская онлайн игра рассматривается как площадка для экспериментирования с новыми формами социальных интеракций, построения игровой идентичности ее участников, формирования новой киберкультуры. Поскольку виртуальный

мир подобных игр наполнен самыми разнообразными возможностями по конструированию образа своего персонажа, его социальных взаимодействий и форм поведения, участники имеют широкий выбор примеряемых в ходе игры социальных ролей.

Проведенное нами исследование было посвящено изучению стратегий ролевого поведения участников двух наиболее распространенных в сети многопользовательских онлайн игр LineAge2 и World of Warcraft. Эти игры имеют одно принципиальное отличие: LineAge2 (LA2) позиционируется как бесплатная, в то время как участие в World of Warcraft (WoW) требует приобретения платной абонентской подписки. В исследовании приняли участие 60 мужчин в возрасте от 25 до 40 лет. Выборки игроков LA2 и WoW были выравнены по количеству, возрасту, образованию и социальному положению.

Результаты показали, что игроки WoW характеризуются большим стремлением к развитию своих игровых возможностей, выраженной приверженностью своему клану, стремлением к усилению личного влияния в своей группе. Они чаще, чем игроки LA2, ставят перед собой благородные цели, посвящают игре больше времени. Для игроков LA2 более значимым является приобретение дружеских связей в игре, любовь и принятие окружающих, но в то же время и развитие своих боевых навыков, достижения цели любой ценой. В целом, игроки WoW в большей степени стремятся проявить в игре свою уникальность, ощутить ценность своей личности, в то время как для игроков LA2 более значима коммуникативная и релаксационная стороны игры.

Психологические последствия взаимодействия детей и подростков с онлайн-угрозами

П.А. Роггендорф (Москва)

Psychological consequences of interaction of children and teenagers with online threats – *P.A. Roggendorf (Moscow)*

В современном мире новые информационно-коммуникационные технологии помимо прогрессивного и инновационного начала несут в себе риск негативных, а порой и изощренных способов воздействия на пользователя. Погружаясь в интернет-пространство, чаще всего в ситуацию онлайн-риска попадают дети и подростки.

Под онлайн-риском (интернет-риском) мы понимаем взаимодействие субъекта с онлайн-угрозами и опасностями. Негативный исход ситуации риска представляет собой угрозу. В случае потенциальной возможности нанесения ущерба речь идет об опасности. Комплексный анализ существующих онлайн-угроз с последующей разработкой классификации онлайн-рисков проводился на основе эмпирических исследований Фонда Развития Интернет и факультета психологии МГУ имени М.В.Ломоносова, а также на базе практической работы Линии помощи «Дети онлайн» (рук. Солдатов Г.У.) – службы телефонного и онлайн консультирования по проблемам безопасного использования интернета и мобильной связи для детей и подростков, родителей и работников образовательных и воспитательных учреждений.

Анализ обращений (звонков и электронных сообщений) за два года работы Линии помощи позволил выделить следующие типы онлайн-рисков:

- Контентные (тексты, картинки, аудио- и видео- файлы, интернет-банни и ссылки на сторонние ресурсы, содержащие асоциальный и противоправный контент);
- Коммуникационные (связаны с общением в интернете с использованием чатов, блогов, форумов, социальных сетей, онлайн-мессенджеров и т.д.);
- Электронные (несанкционированный доступ к компьютеру пользователя с использованием различных вредоносных программ и кодов);
- Потребительские (злоупотребление правами потребителя)

В процессе разработки классификации онлайн-угроз учитывался еще один важный аспект – влияние, которое они могут оказывать на характеристики и особенности субъекта

риска. Последствия такого влияния рассматривались в контексте пяти основных сфер: психического здоровья, нравственного здоровья, физического здоровья, материального благополучия, а также сферы социальных отношений (взаимоотношения с другими людьми и социальными институтами).

Среди основных психологических последствий при столкновении с онлайн-угрозами можно выделить: отрицательные эмоциональные переживания, психологический стресс, развитие девиантного поведения, деформацию морально-нравственной основы поведения, негативное влияние на сексуальное развитие ребенка, проблемы с формированием идентичности, социальную изоляцию, снижение самооценки, деформацию эмоционально-волевой сферы. Отдельного внимания заслуживает угроза развития интернет-зависимости. Это специфический психологический феномен, который не может быть рассмотрен как следствие влияния отдельного типа онлайн риска, так как на возникновение интернет-зависимости оказывает действие целый комплекс факторов.

На основе классификации были разработаны методы практической работы консультантов Линии помощи «Дети онлайн», а также сформирован список необходимых рекомендаций по работе с онлайн-угрозами.

Психологическая безопасность в сети интернет: постклассические представления

С. Ф. Сергеев (Санкт-Петербург), А.Е. Войскунский (Москва)

Psychological safety on the Internet: post-classical view —
S. F. Sergeev (St. Petersburg), A.E. Voiskounsky (Moscow)

Интернет является местом повышенной опасности для его пользователей, несмотря на существующую иллюзию его безопасности. Проблема психологической безопасности в сети выходит на передний план науки и практики в связи с ростом числа технологий дистанционного влияния на человека, развития криминальных и террористических форм деятельности в интернете.

Большая часть исследований посвященных психологической безопасности интернета проводится в рамках классических представлений о процессах развития виртуальных коммуникаций, ведущих к нарушениям адаптивных свойств личности, ее психического и физического здоровья. Решение проблем психологической защиты пользователя осуществляется методами экспертизы сайтов, ограничением доступа, снижением уровня анонимности, вербального психологического насилия, воспитанием толерантности, использованием кодексов поведения с угрозой исключения и уголовного или иного преследования и т. д.

Безусловно, все это нужная и полезная деятельность. Однако классических инструменталистских взглядов на интернет-среду для решения возникающих задач обеспечения безопасности недостаточно.

В соответствии с новыми взглядами социальные коммуникации в сети представляют собой особый вид автономных самоорганизующихся аутопоэтических систем, в которых главным, конституирующим свойства системы, агентом являются межличностные коммуникации, действующие как аутопоэтические единства (Сергеев, 2009). В соответствии с этим представленная субъекту в форме психического образа среда есть субъективный конструкт, индуцированный контентом среды и процессом аутопоэзиса коммуникации. Пользователь, включенный во взаимодействие с локальными социальными группами интернет сообщества, имеет дело с посредником, особой психологической сущностью – субъективной средой, которая аккумулирует все связанное с безопасностью в сети. Именно здесь источник безопасного/опасного поведения субъекта в интернет среде.

К источникам опасности в интернет-среде как самоорганизующейся системы относятся:

- реакция социальной коммуникации в среде на попытки нарушения её аутопоэзиса;

- процессы самоутверждения в неформально возникающих группах;
- конфликт между личным и социальным;
- анонимность и ощущение вседозволенности;
- модуляция психического и функционального состояний пользователя социальным управляющим действием, сопровождающим процессы самоорганизации среды;
- интенсивная коммуникация лиц разного возраста, пола, социального положения и культурного уровня не знающих об этом;
- изменение и разрушение границы, отделяющей конструктивную коммуникацию от других форм коммуникации;
- усреднение когнитивного и культурного уровня пользователей как результат аутопоэтической саморегуляции в групповых коммуникациях;
- интернет-мобинг;
- конфликты, вызванные соперничеством за власть и влияние неформальных группировок в коммуникативной среде;
- конфликтные ситуации, порожденные на межнациональном, этническом, религиозном и идеологическом уровнях самоорганизации интернет-среды;
- психические состояния, отклонения и заболевания, вызванные суггестивным и стрессогенным влиянием на пользователей средств социальной коммуникации;
- внедрение в когнитивный репертуар пользователя коммуникативного репертуара обслуживающего аутопоэзис среды.

Для купирования последствий негативного влияния аутопоэзиса интернет-среды пользователем расходуются физические, когнитивные и эмоционально-волевые ресурсы, включаются все уровни социальной и психической защиты и адаптации.

Ключевые слова: безопасность в интернете, постклассическая психология, самоорганизация.

Вера как механизм конструирования субъективной картины мира

Скрипкина Т.П. (Москва)

Faith as a mechanism of constructing a subjective picture of the world — *Skripkina T.P. (Moscow)*

В психологической науке категория веры пока не получила значимого категориального статуса. В то же время в философии вера трактуется как одна из важнейших категорий, которым придается социально-психологический статус. Вера есть необходимое свойство человека, она пронизывает все сферы человеческой жизнедеятельности, входит в структуру субъективной реальности и во многом определяет характер поведения и деятельности человека. На сегодняшний день общепризнанно, что феномен веры связан с различными аспектами деятельности и занимает важное место в обыденном сознании человека. Поэтому авторы выделяют не только гносеологические, но и аксиологические и праксиологические аспекты веры.

Анализ литературы, посвященной феномену веры, позволяет выделить два аспекта веры. Во-первых, вера всегда связана с будущим человека, именно с верой связано достижение «желаемого будущего». Не зря издавна вере приписывали необъяснимую мистическую силу. С этой точки зрения, важна идея об осуществлении веры, потому что человек склонен осуществлять свою веру в жизни. Воплощение веры в жизни, и в деятельности человека – необходимый элемент, существующий во всех сферах жизни. По образному выражению Э.Фрома «Вера не предрекает будущего. Это видение настоящего глазами будущего».

Второй аспект веры связан с тем, что подлинная вера ассоциируется с механизмом принятия какого-либо содержания за истину, причем это принятие осуществляется в такой мере, до такой степени, что содержание веры становится содержанием субъективного мира личности, или, другими словами, содержание веры до такой степени принимается субъектом, что

происходит акт отождествления субъекта с содержанием веровательной установки. В этом смысле веру также можно осмыслить как механизм формирования ценностно-смысловой сферы личности. Известно, что ценности по своей природе не объективны и не субъективны, они имеют другое измерение – они либо значимы, либо, нет. Но оценка значимости ценности осуществляется посредством веры. Именно посредством веры происходит принятие ценностей как правильных, истинных, разумных и т.п. Причем это принятие может осуществляться до такой степени, что содержание ценности становится содержанием сознания, в связи с чем можно предположить, что вера становится также механизмом преобразования ценностей в смыслы. Таким образом, можно выдвинуть предположение, что вера (подлинная вера) является мощнейшим механизмом социализации личности.

Представители зарубежной герменевтики смогли разработать такое понимание веры, с помощью которого веру можно не только описать, но и объяснить. С их точки зрения, вера – это субъективное отражение сложного, противоречивого, рационально непрозрачного отношения человека к социальной реальности. Поскольку в основе бытия изначально лежит противоречивая структура, то основная функция веры заключается в стремлении человека «сконструировать» это бытие таким образом, чтобы оно воспринималось как целостное. Поскольку верой «пронизаны» все сферы человеческого существования, и именно она осуществляет функцию моделирования целостности субъективной картины мира, без нее невозможна ни творческая активность, ни развитие личности в целом. В связи со сказанным, можно утверждать, что разработка проблемы веры и анализ ее «встроенности» в пространство субъективной реальности человека представляется эвристичным для изучения механизмов и закономерностей становления ценностно-смысловой сферы личности.

Толерантность в подростковом возрасте: проблемные точки

В.С. Собкин (Москва)

Tolerance during adolescence: problem points — V.S. Sobkin (Moscow)

Проблематика толерантности имеет особое значение для возрастной психологии, социологии детства и педагогики. Это связано с тем, что существующие в настоящее время теории периодизации детского развития, по сути дела, не учитывают своеобразия социокультурного контекста становления личности. Иными словами, возрастная траектория (усилим — «идеальная форма возрастного развития») оказывается оторванной от содержания. Между тем, если мы хотим реализовать социокультурный (историко-культурный) подход в изучении детства, отрочества и юности, то проблематика толерантности может выступить в качестве ключевой, поскольку она ориентирована именно на выявление различных типов ценностно-смысловых позиций. В этой связи обозначим ряд моментов.

1. По-видимому, следует говорить о разных типах отношения к «другому» в мужской и женской подростковой субкультуре: один из них нормативно ориентирован на проявление толерантности, а другой актуализирует интолерантные (охранительные) установки. Но если это действительно так, то совершенно иначе должен ставиться сам вопрос об «измерении» толерантности. Это не «общая средняя» величина, нивелирующая своеобразие поло-ролевой позиции в подростковом возрасте.

2. В разных содержательных контекстах сами толерантные и интолерантные установки сочетаются с различными по своей модальности типами ценностных ориентаций. Этот факт проявляет многомерность смысловых ситуаций, в которых оказывается подросток, выражая толерантное/интолерантное отношение к «другому», «иному», «чужому». Подобная многомерность во многом объясняет семантическую неоднозначность и неопределенность самого термина «толерантность», его «сочетание» с понятиями «альтруизм», «доверие» и др. Это неизбежно в силу контекстуальности проявления самого феномена толерантности.

3. На рубеже 9-го класса происходит принципиальная смена ценностных ориентаций подростка. Это обстоятельство крайне важно, поскольку свидетельствует о необходимости разработки воспитательных программ по формированию толерантности с учетом своеобразия подростковой субкультуры в среднем и старшем школьном возрасте. При этом следует обратить внимание на характерную особенность, связанную с самой «точкой перехода». Суть ее состоит в том, что собственно возрастной кризис, кризис идентичности, актуализирующийся на рубеже 9-го класса, связан с упрощением («уплощением») восприятия различных социальных ситуаций взаимодействия: сама оппозиция «толерантность — интолерантность» на этом этапе актуальна, но в то же время дополнительные ценностно-смысловые оттенки исчезают, картина становится «черно-белой». Здесь напрашивается аналогия с известными феноменами упрощения семантических структур в стрессовых ситуациях, однако подобное упрощение оказывается характерным и для ситуации переживания возрастного кризиса.

4. Следует обратить специальное внимание на особенности отношения подростка к тем или иным группам в зависимости от характера идентификации или разотождествления с ними. Способ анализа, направленный на «актуализацию» феномена идентификации с группой, является попыткой представить смысловое видение ситуации взаимодействия с «другим» с определенной смысловой позиции, а именно в ракурсе идентичности.

5. Образовательный процесс по формированию толерантности, ориентированный на знания, не оказывает существенного влияния на формирование толерантного отношения к «другому», «иному», «чужому». В этой связи особое значение имеет осмысление тех педагогических принципов, того содержания, тех методов и форм работы, которые могут лежать в основе образовательных программ по воспитанию толерантности. И в этом отношении важно подчеркнуть, что сама фигура педагога, воспитателя может оказаться продуктивной в формировании толерантности, если он примет на себя особую функцию культурного посредничества.

Служба Линия помощи «Дети Онлайн» – психологическая помощь детям и подросткам при столкновении с интернет-рисками

Г.У.Солдатова, В.В.Серегина, П.А.Роггендорф (Москва)

Help Line «Kids Online» – the psychological assistance to children and teenagers in a clash with Internet risks — G.U.Soldatova, V.V.Seregina, P.A.Roggenendorf (Moscow)

Современные средства коммуникации стали неотъемлемой частью повседневной жизни. Зачастую уже с юного возраста дети могут находиться в мировой сети без контроля взрослых. Перечень рисков, с которыми можно столкнуться обширен: вредоносные программы, мошенничество, оскорбления, домогательства, неподобающий и негативный контент и т.д. Сталкиваясь с опасностью при использовании интернета или мобильной связи, дети часто не знают, как поступить и к кому обратиться в такой ситуации, а потому вынуждены действовать методом проб и ошибок.

Для решения этой проблемы в 2009 году была создана служба телефонного и онлайн консультирования Линия помощи «Дети Онлайн».

В задачи проекта входят как психологическая помощь детям и подросткам уже столкнувшимся с опасностью во время пользования Интернетом и/или мобильной связью, так и информационная и консультационная поддержка по вопросам безопасного пользования информационно-коммуникационными технологиями.

Целевая аудитория службы помощи: несовершеннолетние (до 18 лет) пользователи Интернета и мобильной связи; родители; работники образовательных и воспитательных учреждений (преподаватели, учителя, классные руководители, воспитатели).

Организаторами Линии помощи выступили Фонд Развития Интернет и Фонд «Дружественный Рунет». Партнерами проекта являются ОАО МГТС, компания МТС,

Технический Центр Интернет, Факультет психологии МГУ имени М.В.Ломоносова. Научно-методическую поддержку оказывают Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова и Федеральный институт развития образования Министерства образования и науки РФ.

На Линии помощи «Дети онлайн» работают профессиональные эксперты – психологи Фонда Развития Интернет и факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

Процесс оказания психологической помощи в службе Линия помощи «Дети Онлайн» строится на принципах возрастного-психологического консультирования в рамках гуманистического подхода в сочетании с принципами телефонного и онлайн-консультирования, основами психологии и исследованиями в области безопасности и защиты от Интернет-угроз.

По результатам работы Линии помощи (за период с января 2010 года по август 2011 года) основной процент обращений поступил по коммуникационным рискам (44%). Среди них на первый план вышел кибербуллинг – хамство, унижение и преследование в сети Интернет, действие – от угроз до насмешек, – которое способно вызвать напугать, унижить и иным образом негативно воздействовать на человека. На втором месте – контентные риски (28%), где основной запрос связан с порнографическим контентом. На третьем месте – электронные риски (20%) (основное количество запросов получили вирусные программы). Замыкают список потребительские риски (8%), из которых на первое место вышли жалобы на работу интернет-магазинов.

Риски информационной онлайн-социализации и здоровье подрастающего поколения.

Г.В. Солдатова, М.И.Лебешева (Москва)

Information online socialization risks and health of the younger generation – *G.V.Soldatova, M.I.Lebesbeva (Moscow)*

На первых этапах информатизации школьной среды одной из распространенных тем было исследование влияния работы за компьютером на физическое здоровье ребенка. Сейчас об этом говорят не так часто, хотя эта проблема стала еще актуальней. Меньше всего внимания уделяется тому негативному интернет-контенту, который напрямую угрожает физическому здоровью подрастающих поколений. Это могут быть сайты, содержащие способы суицида, видеозаписи членовредительства, советы по употреблению наркотиков, рекомендации о способах чрезмерного похудения и многое другое. С появлением интернета подобная информация стала легкодоступна. И под ее влияние больше всего рискуют попасть подростки, которые не имеют достаточного жизненного опыта и не всегда чувствуют опасность. Следуя советам, представленным на таких ресурсах, юные пользователи рискуют нанести серьезный урон своему здоровью и ставят под угрозу свою жизнь.

Данный аспект был изучен в рамках исследования «Дети России Онлайн», которое осуществлялось сотрудниками «Фонда Развития Интернет» и факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках международного исследовательского проекта Еврокомиссии EU Kids Online II (2010), посвященного изучению вопросов безопасности интернета для детей и подростков. По данному аспекту в контексте проекта было анализировались эмпирические данные, полученные при опросе 664 школьников в возрасте от 11 до 16 лет.

Российские школьники имеют опыт столкновения с подобными сайтами, среди опрошенных таких детей около 36%. Из них наибольший процент занимают подростки, которые посещали сайты, пропагандирующие анорексию и булимию, в основном это девочки 14-16 лет. В силу возрастных особенностей, таких как стремление к подражанию сверстникам, внушаемость, приверженность стереотипам именно подростки легко становятся жертвами рекламы и СМИ, пропагандирующими культ худобы. Начиная с 13-летнего возраста, подростки значительно чаще отмечают, что посещали сайты, связанные с наркотиками, что увеличивает риск их

употребления. Ведь именно в этом возрасте дети склонны пробовать новое, а рецепты наркотических веществ и рассказы о полученном опыте могут выглядеть очень заманчиво. Десятая часть опрошенных подростков посещала сайты, где обсуждаются способы нанесения себе телесных повреждений и боли. Одна из причин, по которой молодые люди причиняют себе вред, заключается в том, что юноши и девушки не могут совладать с какой-либо трудной для них ситуацией, испытывают проблемы с идентичностью и самооценкой, имеют травмы, связанные с насилием и наказаниями в детстве. Наиболее страшным из последствий является суицид, спровоцированный особыми сайтами, посвященными тому, как покончить с собой быстро и безболезненно. Поскольку у детей во время подросткового кризиса часто возрастает тревожность, усиливаются экзистенциальные страхи и периодически появляются мысли о бессмысленности жизни, то именно они чаще всего становятся жертвами такой киберпропаганды. Сайты, где описаны способы совершения суицида, посещали около 10% опрошенных детей.

В рамках исследования проанализированы риски столкновения с контентом, способным нанести вред физическому здоровью, в зависимости от пола, возраста, типа пользовательской активности, характера родительского контроля, а так же от целого ряда психологических показателей: поведенческих и эмоциональных проблем, стремления к поиску новых ощущений, уровня самооценки и др. Данные по России оцениваются в сравнении со средними данными по 25 странам Европы.

Психолого-семиотическое понимание танцевальных практик

Ташкеева Е.И. (Москва)

Psychological&semiotics understanding of dance practices — *Tashkeeva E.I. (Moscow)*

Ключевые слова: понятие; образ; символ.

Мы понимаем танец не просто как случайное проявление наглядно-образного или наглядно-действенного мышления, т.е. такого, которое еще «не дотянулось» до уровня словесного, а как вершину культурного развития невербальной (более того: телесной) формы мыслей и чувств. Так, выдающийся историк танца Л.Д. Менделеева-Блок писала, что «танец должен вызывать... волнение, ответное на творческий процесс осмысления какого-нибудь явления жизни в формах хореографических, дающих знание, не укладывающееся в... словесную форму, а потому и хореографическое, что оно не словесное» (Блок 1987, с. 146). Она настаивала на том, что танец может достигать «вершин мысли своего времени».

Л.С. Выготский показал, как речевое мышление посредством обучения развивается до уровня понятия. Если в речи знаковой единицей анализа оказывается слово, то в танце ею становится жест. Вершины своего развития он достигает в художественных практиках – в танце. Если внутренней формой слова-понятия является объективность значения и высокий уровень обобщения, то внутренней формой танцевального (т.е. художественного) жеста является образ или даже символ (справедливости ради отметим, что художественная речь, поэтическое слово также в пределе устремлены не к понятию, а к образу/символу/, что читается в работе Л.С. Выготского, посвященной психологии искусства). Образ или символ – не просто «недо-понятие», а вершины развития иной линии осмысления человеком мира в целом и своей жизни в частности. Эта линия отличается, в первую очередь, по самому способу осмысления; она не стремится к объективности в классическом рациональном смысле этого слова. Тем не менее, символ делает возможным «обращение к высшим источникам истины», пишет Ю.М. Лотман (Лотман 2010, с. 112). Это происходит благодаря тому, что ослабевает конвенциональная знаковость и нарастает безусловность и непосредственность связи формы и смысла.

Жест достигает уровня символа в различных культурно проработанных системах танцевального языка.

Культурный интеллект как инструмент измерения «глокальной» идентичности

М.В. Тетерина (Москва)

Cultural intellect as a tool to measure 'glocal' identities — *M.V. Teterina (Moscow)*

Процесс смешения культур – один из результатов экономической и культурной глобализации, тенденции развития которой остаются достаточно устойчивыми. В то же время «локальное» в современном мире не теряет значимости. В современном обществе, несомненно, существует большой запрос на идентичности, имеющие множественный характер и объединяющие пласты разных культур, что должно подразумевать высокую полиязычную и межкультурную компетентность и умение думать «глобально» и действовать «локально». Довольно удачную попытку измерить такое новое видения себя в мире и мира в себе предприняли Кристофер Эрли и Сун Анг.

Американский психолог Кристофер Эрли и профессор Сингапурского технологического университета Сун Анг предложили понятие культурного интеллекта (CQ – Cultural Intelligence, а дословно Cultural Quotient) как способность эффективно взаимодействовать с людьми, происходящими из отличных от субъекта культурных сред, то есть, не только способность понимать поведение представителей иных культур, но и умение демонстрировать те поведенческие паттерны, которые приняты в той или иной культуре.

В подходе Эрли и Анга понятие культурного интеллекта разрабатывается, с одной стороны, на основе теоретической и практической базы теорий аккультурации, а с другой – опирается на теории социального и эмоционального интеллекта. Но если социальный и эмоциональный интеллект, как утверждают авторы концепции, реализуют себя в рамках одной культуры и не применимы к другим, то культурный интеллект введен как специальный когнитивно-поведенческий концепт, который «работает» вне культурных границ и «над культурами». Это возможно за счет так называемого метапознания – «мыслей о мыслях», или знания о когнитивных объектах.

Модель CQ состоит из четырех компонентов – метакогнитивного, когнитивного, мотивационного и поведенческого. Для выявления уровня CQ Сун Анг и его коллеги разработали и апробировали «Четырехфакторную шкалу измерения культурного интеллекта» (CQ Scale).

Важное место в концепции CQ занимает проблема вербальной коммуникации и языковой компетентности. Речь идет не только о владении языком, но и о знании таких паралингвистических элементов, как тон, темп речи, паузы, а также кинетико-визуальных аспектов (поза, жесты, мимика во время разговора), которые могут различаться в разных культурах.

Несмотря на то, что концепция CQ разрабатывалась и имеет широкое применение в основном в психологии управления, понятие CQ – полезный вклад в понимание трансформаций этнокультурной идентичности современного человека. Достижение высокого уровня культурного интеллекта, столь глубокая и кропотливая работа над собой, должны определять формирование нового взгляда на свое Я в поликультурном мире.

Фактор свободы у пользователей социальных сетей подросткового и юношеского возраста

Федунина Н.Ю. (Москва)

Freedom factor at youth Social Nets users — *Fedunina N.Yu. (Moscow)*

Пространство Интернета и, в частности, социальных сетей (СС) – таких, как Facebook или «ВКонтакте» – создает особую среду, играющую роль в формировании социальной и личной идентичности. Для изучения этого процесса команда под руководством А.Е. Войскунского провела исследование, включавшее, в том числе, интервью на материале

«Дилеммы идентичности» (разработка специалистов Гарвардского университета во главе с Дж.Гарднером). В исследовании приняли участие 42 респондента: по семь активных участников СС женского и мужского пола в каждой из трех возрастных групп: младшая (15-17 лет), средняя (18-21 год) и старшая (22-25 лет). Обработка интервью включала кодирование, контент-анализ текстов, факторный и дисперсионный анализ кодов. В данных тезисах я остановлюсь на факторе свободы, объясняющем 48,22% дисперсии, как наиболее значимом из 5 выделенных факторов.

Свобода – одна из наиболее часто выделяемых респондентами характеристик СС. Она описывается как в терминах «свободы от», так и «свободы для». «Свобода от» характеризуется независимостью от физических и социальных ограничений и правил, связанных с поведением или с образом я. Интернет-пространство воспринимается респондентами как лишенное «законодательства». В сетевом взаимодействии становится возможной реализация асоциальных желаний (М., 20 лет): «Я вот вежливый человек, а хочется побыть гавном. В жизни мне это не позволяет воспитание, морально-этические нормы»). Правила и нормы задают у некоторых респондентов восприятие реальности и социальности как несвободы, а СС как вне-социальной среды: «Сеть – это не социум».

«Свобода для» описывалась респондентами как возможность создать желаемый образ в СС, поддерживать его, получить обратную связь. Интернет-пространство здесь предстает как среда безопасного эксперимента при конструировании идентичности, поиска ответа на вопрос, каким я хочу стать. Эта тема сопряжена с размышлениями, что значит «быть собой». Так, респондент С. (20 лет) отмечает в СС «иллюзию инаковости, другого я», девиз которой «Только не будь самим собой». В этой связи отметим результат контент-анализа: глагол «хотеть» входит в двадцатку наиболее часто употребляемых слов. Среда Интернета для респондентов во многом является пространством желания.

Обширный спектр возможностей самоопределения относится и к социальной идентичности, принадлежности к разным группам. Важнейшей характеристикой в описании экспериментов с конструированием образа я в СС, а также общения и самопроявления, является простота этого процесса в Интернете. Социальные отношения, связанные с формированием идентичности, перестают быть тяжелыми, сложными («круто то, что легко» (Р., 20 лет)).

Итак, фактор свободы описывался респондентами как свобода от и как свобода для. Первая относилась в основном к сфере хобби, творческих увлечений и самовыражения, вторая связывалась с независимостью от норм и правил. Изменение характеристик личности в СС, свобода опирается скорее на гедонистический принцип простоты и легкости достижения цели, чем на принцип реальности. Однако в некоторых случаях респонденты отмечали свой опыт преодоления трудностей и личностные трансформации в связи с воплощением в реальной жизни созданного в Интернет-пространстве образа. Они отмечали «неполноту преобразования», ограниченного виртуальной средой, утрату единства личности при отсутствии самореализации в реальном мире, снимая тем самым дихотомию реальности и виртуальности как несвободы и свободы.

Особенности характерологических свойств интернет-зависимых подростков.

Н.С. Хомерики, А.А. Антоненко (г. Москва)

Qualities of Character of Internet-Abuse Adolescents. — *Homeriki N.S., Antonenko A.A. (Moscow)*

С целью выявления личностных особенностей подростков, склонных к Интернет зависимо- му поведению, проведено исследование на московских школьниках: 100 подростков, соответствующих критериям интернет-зависимого поведения. Данные тестов (Янг, Чен) о наличии Интернет-зависимости объективированы следующими критериями: сверхпоглощенность Интернетом, вытеснение других сторон социальной жизни и личной жизни (общение с

друзьями, общественная деятельность, другие увлечения), снижение успеваемости. Данные критерии отражали объективное наличие зависимого поведения на основании общепризнанных признаков зависимости: невозможность субъективного контроля за деятельностью и наличие дезадаптации.

Статистически значимые результаты получены по показателям методики МПДО Подмазина, с помощью которой исследовались акцентуации характера и личностные особенности. Так, были получены статистически более высокие баллы в группе склонных к Интернет-зависимости по показателям шкал астено-невротического, лабильного, демонстративного и неустойчивого типа. Астено-невротические характерологические черты проявлялись признаками психической и физической утомляемости, раздражительности, склонностью к аффективным вспышкам, связанным не с перепадами настроения, а с отчетливо прослеживаемыми нарастаниями раздражительности в моменты утомления, так же демонстрируют склонность к ипохондричности. Группа подростков со склонностью к Интернет-зависимости демонстрирует заметную изменчивость настроения, при этом частые его смены сочетаются со значительной глубиной их переживания. На фоне колебаний настроения склонные к Интернет-зависимости подростки могут конфликтовать со сверстниками и взрослыми, что может сопровождаться аффективными вспышками и следующими за ними раскаянием и поиском путей примирения. Именно поэтому общение через Интернет, представляется для них привлекательным с точки зрения безопасности и низких рисков отвержения. На уровне тенденций можно отметить склонность к проявлению демонстративных черт в группе подростков, склонных к Интернет-зависимости, а так же проявлений характеристик неустойчивого типа. Эта потребность может быть также реализована подростками в виртуальной среде, как наиболее безопасном месте. Подростки с чертами неустойчивого типа демонстрируют сниженную способность к волевой регуляции поведения, они, скорее, плывут по течению, примыкая к более активным сверстникам, недостаточно способны тормозить свои влечения, удерживаться от удовлетворения внезапно возникших желаний. Способность к волевой регуляции своей деятельности становится специфически важной, при планировании эффективной деятельности в Интернете и необходимости сопротивляться гипер-стимулирующей Интернет-среде.

Таким образом, личность подростка со склонностью к чрезмерному использованию Интернета представляется следующей: беспомощность, усталость и неспособность справиться с жизненными трудностями, выраженное отсутствие ответственности, уклонение от требований реальности, наличие тревожных компонентов в структуре личности. Сочетание данных особенностей хорошо укладывается в представление об использовании интернет ресурсов для бегства от давления социальной среды. Характерно, что подростки, включенные в группу, характеризовались как импульсивные и гиперактивные, что противоречит предположениям ряда авторов об аутичных (шизоидных) чертах характера Интернет-зависимых.

Самопрезентационное поведение мужчин и женщин, пользователей социальных сайтов сети Интернет

V.V.Хороших, И.А Широкая (Санкт-Петербург)

Men and women Self-Presentational Behaviour in the Online Social Network — V.V. Khoroshikh, I.A. Shirokaya (Saint-Petersburg)

Рост числа пользователей сети Интернет, увеличивающаяся популярность социальных сайтов среди различных социальных слоев и представителей различных возрастных групп в современной России, определяют интерес исследователей к изучению особенностей поведения человека в Интернет пространстве, изучению влияния Интернет среды на человека (О. Арестова и А. Войскунский, А. Жичкина и др.). В числе актуальных направлений современных исследований можно назвать изучение особенностей самопрезентационного поведения пользователей социальных сайтов сети Интернет.

Под самопрезентацией мы понимаем процесс регуляции производимого субъектом впечатления, с учетом специфики социальных ситуаций, и (или) выражения системы представлений о самом себе. Последние исследования показали, что виртуальная самопрезентация является более избирательной, вариативной и контролируемой, чем самопрезентация в непосредственном общении (Gibbs J., Ellison N., Heino R).

В исследовании, посвященном изучению особенностей самопрезентации пользователей социального сайта «В контакте» приняли участие 40 мужчин и 40 женщин в возрасте от 18 до 27 лет.

Результаты исследования показали, что ведущими мотивами, определяющими вариативность визуальной самопрезентации для пользователей сайта «В контакте» являются стремление к новизне и отражению изменений в своей жизни, а среди мотивов вариативности текстовой самопрезентации – стремление продемонстрировать свою успешность и достижения. Специфика мотивов опосредованной самопрезентации с учетом дифференциации выборки по полу проявилась в том, что у женщин доминирует стремление выразить себя, мотивация аффилиации, у мужчин сильнее выражен мотив достижения успеха.

Изучение содержательных параметров опосредованной самопрезентации пользователей социального сайта «В контакте» выявило более высокий уровень самораскрытия, большую вариативность опосредованной самопрезентации в качестве отличительной особенности самопрезентации женщин.

Изучение характеристик глубины самораскрытия выявило, что наиболее сокровенной информацией для женщин является информация, связанная с их личной, интимной жизнью, тогда как для мужчин более сокровенной является информация, связанная с уязвимостью собственного эго, самолюбием, самоотношением.

Анализ тактических особенностей самопрезентации показал, что отличительной особенностью самопрезентационного поведения, опосредованного Интернет у женщин является доминирование косвенных способов предъявления информации, формирования впечатления о себе; мужчинам свойственно в большей степени использование прямых способов предъявления информации о себе, акцентирование внимания на своих сильных сторонах и привлекательных качествах.

Анализ личностных особенностей респондентов показал, что самопрезентация женщин в Интернет в большей степени опосредуется коммуникативными качествами личности, самопрезентация мужчин – коммуникативными, эмоционально-волевыми особенностями личности, адекватностью самооценки.

В целом, особенности самопрезентации у женщин определяются мотивацией, ее тактическими проявлениями, семиотической компетентностью и такими личностными особенностями как активность, лидерский потенциал. Особенности опосредованной Интернет самопрезентации у мужчин определяются мотивацией, качествами эмоционально-волевой регуляции, шириной самораскрытия.

Культурно-историческая психология во франкоязычных странах: новое прочтение Выготского

Л.А.Шайгерова (Москва)

Cultural-historical psychology in French-speaking countries: a new reading of Vygotsky — *L.A. Shaygerova*

Имя Л.С. Выготского и культурно-исторический подход прочно вошли в мировую психологию и педагогику за последние полвека. Хотя по сравнению с англоязычным или испаноязычным научным миром, где существует давняя традиция переводов текстов Выготского и признания культурно-исторической психологии как одного из важнейших направлений современной психологии, франкоязычные психологи и педагоги обратились к Выготскому сравнительно недавно, в последнее время их интерес к идеям Выготского и его учеников

и последователей стремительно возрастает, объединяя ученых из Франции, Швейцарии, Канады и Бельгии. Свидетельством этому является ставший регулярным Международный семинар «Vygotski» (пятый семинар состоялся в 2011 году), организатором которого каждый раз выступает какой-либо из франкоязычных университетов (Женева, Париж, Бордо); выход в свет французских переводов важнейших работ Выготского; рост количества публикаций на французском языке, посвященных анализу различных аспектов культурно-исторического подхода и его практическому применению.

Следует отметить, что достижения франкоязычных специалистов, выполненные в культурно-исторической парадигме, остаются достаточно малоизвестными отечественным психологам и педагогам, тогда как работы англоязычных ученых, связанные с этим направлением, в особенности таких авторов, как Майкл Коул и Джеймс Верч, хорошо знакомы в России. В то же время, вклад франкоязычных специалистов в развитие культурно-исторического подхода, глубина анализа работ Выготского и непрекращающиеся дискуссии, касающиеся его взглядов и введенных им понятий заслуживают высокой оценки и пристального внимания тех, кто считает себя приверженцами культурно-исторического подхода. Специфика франкоязычного подхода к парадигме культурно-исторической психологии, представляет интерес и заслуживает внимания и обсуждения. Отметим только некоторые его особенности:

1) Изначально во франкоязычной науке акцент ставился преимущественно на роли идей Выготского в обучении и умственном развитии ребенка, что объясняется существованием традиционного противопоставления подходов Выготского и Пиаже к обучению ребенка (B. Schneuwly, M. Brossard), и лишь в последнее время большее внимание стало уделяться общепсихологическому значению культурно-исторического подхода (J.-Y. Rochex).

2) Популярность приложения идей Выготского в психологии труда и в психологии обучения и интеллектуального развития взрослых. Ставятся вопросы о том, какой эффект оказывает обучение в взрослом возрасте, способно ли оно трансформировать систему высших психических функций тогда, когда они уже достигли зрелого состояния, и личность овладевает материалом сознательно и добровольно, возможно ли психическое развитие личности во взрослом состоянии или на него «наложен запрет» (Y. Clot, F. Yvon).

3) Попытка определения места культурно-исторической психологии в системе гуманитарного научного знания. Если с точки зрения англоязычной психологии культурно-исторический подход практически однозначно вписывается в конструктивистскую парадигму, то во франкоязычной психологии этот вопрос остается открытым: ряд ученых решительно противопоставляют культурно-исторический подход социо-конструктивистскому (B. Schneuwly).

Несмотря на растущий интерес к культурно-историческому подходу и теории деятельности среди франкоязычных ученых, научный обмен и взаимодействие с российскими учеными в этом направлении до недавнего времени сводились к минимуму. Оригинальность трактовки идей Выготского, новое видение путей развития культурно-исторического подхода и его приложения на практике во франкоязычных странах заслуживают детального изучения и обсуждения.

Психология безопасности в эпоху Интернет-коммуникации

Р.С.Шилко (Москва)

Psychology of Safety in the Internet-communication's Epoch — *R.S. Shilko (Moscow)*

Современную эпоху называют информационной эрой. Такое определение обусловлено интенсивным развитием новых информационных технологий, в частности, той их частью, которая касается социальной коммуникации. Появление и распространение сети Интернет явилось источником новых феноменов коммуникации, и традиционные формы коммуникации претерпели определенную трансформацию. В частности, наряду с печатными средствами массовой информации появились их электронные аналоги в сети Интернет. Значительная часть

изданий существенно повысила интерактивность во взаимодействии со своими читателями посредством введения возможности заранее задать интересующий вопрос, сделать комментарий к информационным сообщениям, стать участником блогов и др. В таких условиях значимые общественные события получают особый резонанс. Освещение общественно значимых событий может по механизму обратной связи оказывать влияние на сами эти события. Так, в частности, происходит с освещением террористических происшествий.

Актуальность изучения проблемы освещения террористических происшествий в СМИ во многом обусловлена тем, что для этих происшествий существенным оказывается коммуникативный аспект. Коммуникативный аспект террористического происшествия является многоплановым: субъектами коммуникации выступает широкий круг людей (представители государственных структур, силовых органов, различные группы населения, террористы, непосредственно пострадавшие в террористических актах люди и их родственники и близкие, специалисты по ликвидации последствий террористических актов, журналисты, освещающие происшествие, общество и др.).

Социальная коммуникация является предметом междисциплинарного исследования. Следовательно, решение прикладных вопросов обеспечения коммуникации по противодействию терроризму, также требует совместных усилий представителей различных специальностей. В нашей работе представлен психологический подход к рассмотрению проблем коммуникации в условиях террористического происшествия с акцентом на освещение происшествия в средствах массовой информации, а также анализ тех психологических аспектов террористического происшествия, которые оказываются важными для сложного социального коммуникативного процесса, осуществляемого при непосредственном участии медиа. Исследование выполнено в рамках проекта, выполняемого по программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2012 гг.»

Этнопсихологический статус личности: методология, методы, результаты исследований.

Е. И. Шлягина (Москва), И. М. Карлинская (Москва)

Ethnopsychological personal status: methodology, methods, results of research. —
E. I. Shlyagina (Moscow), I. M. Karlinskaya (Moscow)

«Верность своему народу есть верность своей индивидуальности и есть единственный, нормальный и нефальшивый путь поведения», — эта мысль, высказанная Л.С. Выготским в первой половине 20-го века имеет в наши дни особую актуальность.

Изучение этнопсихологического статуса личности при построении гражданского общества в полиэтничном государстве приобретает ценность.

Субъективный опыт человека, полученный им как в процессе вращивания в культуру своего этноса, так и в ситуациях межэтнического взаимодействия, является одним из базисных конструктов содержательной модели образа мира. Этот опыт выражается в таких феноменах этнической жизни субъекта как этническая идентификация, этническая толерантность и этнические стереотипы. Для большинства как отечественных, так и зарубежных исследователей характерна тенденция анализа явлений этнической жизни личности (этнической идентичности, этнических стереотипов, этнической толерантности) в отрыве друг от друга, тем самым как бы допускается их относительно независимое существование. При этом упускается из виду тот факт, что идентификация и стереотипизация являются взаимосвязанными и взаимообуславливающими процессами, а наличие положительной этнической идентичности является источником этнической толерантности в ситуации межэтнического взаимодействия. Все этнопсихологические феномены являются гранями одного целостного явления этнической вариативности личности.

Системное видение этнической вариативности субъективного опыта человека оправдывает объединение этнопсихологических феноменов в многокомпонентную уровневую структуру, названную (Е.И. Шлягина, С.Н. Ениколопов, 1993) актуальным этнопсихологическим статусом личности. Под актуальным этнопсихологическим статусом (АЭПС) личности мы подразумеваем степень выраженности и знак этнической идентификации личности, направленность и содержание авто-и гетеростереотипов, уровень этнической толерантности, а также возможные трансформации ее мотивационно-смысловой сферы, которые возникают при взаимодействии с представителями других этнических групп и при решении проблемно-конфликтных ситуаций в инокультурной среде.

Исходной методологией для исследования этнопсихологического статуса личности является культурно-историческая концепция изучения психических явлений Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурия и историко-эволюционного подхода А. Г. Асмолова.

Созданная нами базовая батарея методик для диагностики АЭПС личности включает в себя модифицированные версии проективных тестов и вербальных опросных методов, она доказала свою научную состоятельность в лонгитюдном исследовании (1989-1992 гг.) зависимости АЭПС личности от политических настроений в обществе (Е.И.Шлягина, С.Н. Ениколопов, 1993), в исследовании трансформаций АЭПС у мигрантов (Г.В.Солдатова, Е.И. Шлягина, Л.А. Шайгерова 1994, 1995); в исследовании влияния диаспоральности статуса субъекта на его АЭПС (Е.И.Шлягина, Э.Ц.Данзанова, 1997) и показала связь АЭПС личности с ее характерологическими чертами (Е.И. Шлягина, Э.Ц. Данзанова, 1997), индивидуальными и индивидуально-типологическими особенностями (Е.И. Шлягина, И.М.Карлинская, 2001, 2002, 2003, 2006, 2008) и гражданской идентичности личности (2010).

Нами предпринимается попытка проведения обобщенного анализа большого массива как уже описанных, так еще и необъективированных результатов собственных исследований.

К проблеме психологического влияния сети Интернет

А.А. Щербинин

On the problem of psychological influence of the Internet — *A.A. Scherbinin*

Начало XXI века ознаменовалось значительным ростом аудитории сети Интернет. Вместе с этим растет и время, проводимое пользователями в сети, появились и продолжают появляться разнообразные сервисы, в том числе направленные на общение и взаимодействие между людьми. Однако до сих пор не существует единой точки зрения относительно психологического влияния сети Интернет. Более того, некоторые исследователи полагают, что интернет может являться объектом аддикции, приводить к отказу от «реального» общения в пользу «виртуального».

Для того, чтобы оценить характер и объемы использования сети среди различных ее пользователей, а также оценить влияние на социальную сферу, было проведено онлайн-исследование. В нем приняли участие 142 человека из трех групп: «профессиональных пользователей» (студенты, аспиранты и научные сотрудники в сфере компьютерных технологий), пользователей социальных сетей и блогов, игроков в онлайн-игры. В исследование были включены опросники на характер и частоту использования различных онлайн-сервисов, количество собеседников и друзей в рамках интернет-коммуникации, на увлеченность компьютерными играми, а также инструментарий для оценки психологических характеристик: социальной тревожности, субъективного одиночества, копинг-стратегий.

В результате были получены данные по нескольким векторам исследования проблемы использования интернета. Анкеты и опросы, касающиеся характера и частоты использования, позволяют лучше понять его структуру и основные тенденции. Так, например, использование социальных сетей отличается как большой частотой, так и равной распространенностью среди всех исследуемых групп и возрастов. Говоря иначе, социальные сети являются одним

из основных видов активности в сети Интернет и получили широкое распространение среди пользователей.

Анализ результатов опросников на социальную тревожность, субъективное одиночество и копинг-стратегии позволяет дать ответ на вопрос о влиянии интернета. Его использование в целом не связано с отрицательными последствиями в рамках исследуемых характеристик. В то же время отдельные виды сетевой активности (например, бесцельное блуждание по страницам или онлайн-покупки) могут быть связаны с более высокими уровнями социальной тревожности. Однако, изучая полученные данные в контексте теорий социальной тревожности и сопоставляя данные о частоте подобного поведения, мы можем сделать вывод, что это поведение является не столько причиной, сколько следствием. К примеру, люди с высокой социальной тревожностью испытывают дискомфорт в обычных магазинах из-за возникающих ситуаций социального взаимодействия.

Увлеченность компьютерными играми также является не причиной, а следствием более высокой социальной тревожности. Более того, связь между этими характеристиками присутствует лишь у однопользовательских игр и отсутствует у онлайн-игр. Также увлечение играми носит нерегулярный характер: периодические всплески интереса, связанные с наличием свободного времени, выходом новых игр и так далее. Постепенно активность игрока угасает, оставаясь на постоянном, довольно низком уровне. Это еще раз ставит под сомнение термин «игровая компьютерная зависимость» и принадлежность данного поведения к классу аддикций.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать вывод, что сеть Интернет сама по себе не ведёт к негативным психологическим последствиям, а в случаях злоупотребления онлайн следует в первую очередь разрешать проблемы в общении.

Научное издание
Материалы V съезда Общероссийской общественной организации
«Российское психологическое общество»,
Москва 14–18 февраля 2012

Выпускающий редактор О.В. Решетникова
Дизайн и верстка М.Ю. Цветков